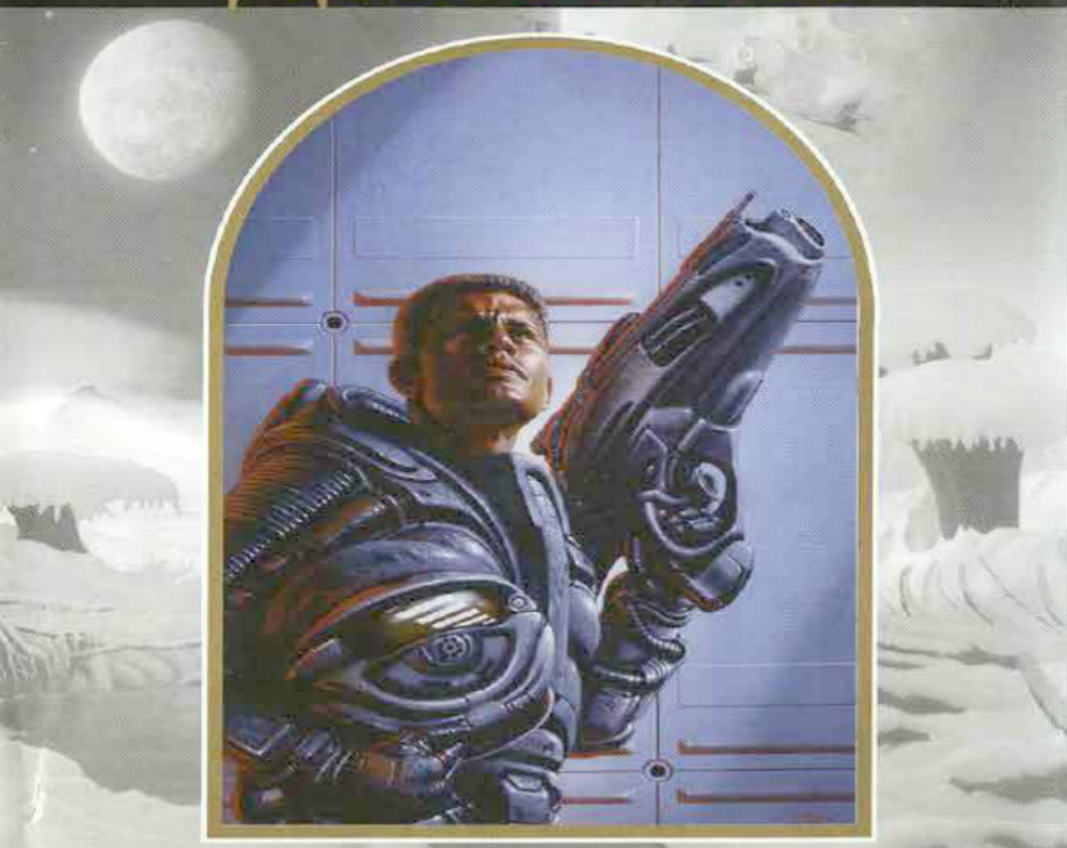
Гордон
ДИКСОН



Солдат, не спрашивай

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Планета Дорсай — последний оплот справедливости во Вселенной. Воины Дорсая защищают населенные миры от посягательств земных властей, ведущих захватническую политику. Они спасают Галактику от религиозных фанатиков, возжелавших навязать свою веру распространившемуся среди звезд человечеству. Они противостоят безумцам, объявившим себя повелителями всех и вся. Потому что они — герои. А герои всегда приходят туда, где в них нуждаются.

Военно-фантастический сериал Диксона по праву считается одним из лучших в истории мировой фантастики. Он стал образцом жанра military science fiction.

- Гордон Диксон
  - ○
  - ○
  - ○ Тактика ошибок
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
    - ■ Глава 19
    - ■ Глава 20
    - ■ Глава 21
    - ■ Глава 22
    - ■ Глава 23

- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26

- Дорсай!
  - Курсант
  - Мужчина
  - Наемник
  - Наемник II
  - Наемник III
  - Командир отряда
  - Командир отряда II
  - Ветеран
  - Адъютант
  - Офицер связи
  - И. О. капитана
  - Начальник субпатруля
  - Начальник субпатруля II
  - Герой
  - Командующий
  - Командующий II
  - На распутье
  - Протектор
  - Протектор II
  - Протектор
  - Главнокомандующий
  - Главнокомандующий II
  - Министр обороны
  - Донал
- Солдат, не спрашивай
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15

        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
    - Дух Дорсая
        - Воин
        - Потерянный
        - Братья
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

Гордон Диксон
Солдат, не спрашивай

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гордон

ДИКСОН

Солдат, не спрашивай

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2008

Тактика ошибок
(© Перевод Т. Морук)

Лучше потревожить тигра в его логове, чем мудреца, погруженного в свои книги. Ибо для тебя нет ничего более могущественного и незыблемого, чем земные цари и их воинство. А он переворачивает страницы книги с их именами, как ветер сухие листья.

Анонимный автор. Наставления

Глава 1

Молодой подполковник — высокий, стройный, в зеленой форме с яркими нашивками экспедиционных сил Западного альянса Земли — был заметно пьян и стремился нарваться на неприятности. В первый вечер полета от Денвера к Культису он, прихрамывая, вошел в кают-компанию космического корабля. Его открытое лицо выражало желание как следует повеселиться.

Пару секунд подполковник стоял, оглядываясь по сторонам, пока стюард безуспешно пытался направить его к ближайшей кабинке, предназначенной для тех, кто обедает в одиночестве. Но он двинулся прямиком к столику Дау де Кастриса.

Маленький желчный человечек с бледным лицом, по имени Патер Тэн, всегда находившийся при де Кастрисе, увидев офицера, соскользнул со своего стула и бросился к стюарду, который в полном смятении смотрел вслед возмутителю спокойствия. Поглядывая на подвыпившего офицера, они пошептались какое-то мгновение, затем быстро вышли из кают-компании.

Подполковник приблизился к столу, придвинул к нему от соседнего столика пустой стул и, не дожидаясь приглашения, уселся напротив рыжеволосой красивой, совсем еще юной девушки, слева от де Кастриса.

— Привилегия первой ночи полета, так мне сказали, — приветливо проговорил он, обращаясь ко всем, кто был за столом, — Можно садиться там, где тебе нравится, и знакомиться с попутчиками. Здравствуйте!

Никто не проронил ни слова. Де Кастрис изобразил легкое подобие улыбки, едва изогнув тонкие губы на своем красивом лице, которое обрамляли черные, чуть тронутые сединой на висках волосы. Уже пять лет занимал он должность секретаря по делам Внешних миров в коалиции Восточных государств Земли и, как утверждала молва, пользовался необыкновенным успехом у женщин; сейчас он не сводил темных глаз с рыжеволосой красавицы, которую вместе с ее отцом, наемным военным и посланником экзотов — четвертым в их компании, — пригласил к себе за столик. В его улыбке читалась явная угроза, отчего девушка невольно нахмурилась и предостерегающе коснулась руки отца — тот, подавшись вперед, уже обращался к подошедшему;

— Подполковник…

На кармане мундира наемника красовалась нашивка полковника с планеты Дорсай, служившего по контракту в армии

Бахаллы. Его смуглое лицо с нафабренными усами могло показаться смешным, если бы не было абсолютно лишено какого-либо выражения.

Он осекся, почувствовав прикосновение дочери, и повернулся к ней, но ее явно интересовал незваный гость.

— Подполковник, — произнесла она в свою очередь, и в интонациях ее звонкого голоса, так не похожих на бесстрастный, сухой тон отца, сквозили одновременно раздражение и озабоченность, — вам, очевидно, лучше прилечь.

— Нет, — возразил подполковник, глядя на нее.

Девушка замерла, внезапно ощутив себя пойманной — как птичка рукой великана — странным и властным взглядом его серых глаз, совершенно не гармонировавших с внешностью простоватого парня, каковым он показался вначале. Она внезапно почувствовала себя так, словно стояла обнаженная.

— Я не… — донеслись до нее его слова.

Она откинулась назад, пожав открытыми загорелыми плечами, и с трудом отвела взгляд в сторону. Краем глаза она все-таки заметила, как он осмотрел сидящих за столом: сначала одетого в свободные голубые одежды экзота, который сидел в дальнем конце, затем ее отца, еще раз — ее саму и, наконец, темноволосого улыбающегося де Кастриса.

— Я вас, конечно же, знаю, господин секретарь, — продолжал он, обращаясь к де Кастрису, — Откровенно говоря, я выбрал именно этот рейс к Культису только потому, что таким образом получил возможность познакомиться с вами. Меня зовут Клетус Грэйем — до недавнего времени я руководил отделением тактики Военной академии Западного альянса, теперь же попросил о переводе на Культис — в Бахаллу.

Он перевел взгляд на экзота.

— Начальник интендантской службы сказал мне, что вы, Мондар, — посланник Культиса в анклаве[1] Сент-Луис, — проговорил он. — Значит, вы из Бахаллы. Знаю я этот городок.

— Столица колонии — Бахалла, — поправил его Мондар, — в настоящее время это не просто город, подполковник. Знаете, Клетус, нам всем, конечно, очень приятно с вами познакомиться. Но как вы думаете, разумно ли офицеру, служащему в вооруженных силах альянса, проводить время в обществе людей из коалиции?

— Почему бы и нет — на борту корабля? — Грэйем беззаботно улыбнулся ему. — Вы же общаетесь с секретарем, а ведь это коалиция снабжает Ньюлэнд оружием и сырьем. Кроме того, как я уже сказал, это моя первая ночь в космосе.

Мондар покачал головой:

— Бахалла и коалиция не воюют между собой. Тот факт, что коалиция предоставила некоторую помощь колонии Ньюлэнд, принципиального значения не имеет.

— Альянс и коалиция не воюют между собой, — парировал Клетус, — и тот факт, что они поддерживают разные стороны в локальной войне между вами и Ньюлэндом, принципиального значения не имеет.

— Едва ли это относится к делу… — начал было Мондар, но договорить ему не довелось.

Шум голосов, наполнявший кают-компанию, неожиданно стих. Пока они спорили, вернулись стюард и Патер Тэн, а впереди них шел внушительного вида мужчина, одетый в форму с нашивками первого офицера космического корабля. Он приблизился к столу и опустил огромную тяжелую руку на плечо Клетуса.

— Подполковник, — громко обратился к нему офицер, — это швейцарский корабль, он нейтральный. Мы перевозим как людей коалиции, так и людей альянса, и нам на борту не нужны политические инциденты. Место за этим столом принадлежит секретарю коалиции Дау де Кастрису. Ваше — вон там, в противоположном конце комнаты…

Но Клетус словно не слышал его. Он смотрел на девушку, только на нее, и, подняв брови, улыбался, как бы предоставляя ей право решать его судьбу. Он даже не подумал встать из-за стола.

Она, в свою очередь, посмотрела на него широко открытыми глазами. Ее взгляд на мгновение задержался на нем, затем скользнул в сторону. Она повернулась к де Кастрису.

— Дау… — произнесла она, перебив офицера корабля, который начал повторять то, что уже сказал.

Тонкие губы де Кастриса растянулись в едва заметной улыбке. Он тоже поднял брови, но выражение его лица весьма отличалось от благожелательной улыбки Клетуса. Девушка довольно долго смотрела на него умоляющими глазами, прежде чем он повернулся к члену команды.

— Все в порядке, — оборвав офицера на полуслове, сказал он приятным баритоном. — Подполковник просто пользуется своим правом в первую ночь полета сидеть там, где захочется.

Лицо офицера покраснело. Его рука медленно соскользнула с плеча Клетуса.

— Да, господин секретарь, — ответил он глухо. — Понятно. Извините, что я вас побеспокоил…

Офицер раздраженно посмотрел на Патера Тэна, на которого он оказал такое же действие, какое может оказать тень от дождевой тучи на раскаленную чугунную болванку; затем,

избегая взглядов других пассажиров, развернулся и вышел из кают-компании. Стюард испарился еще раньше, при первых же словах де Кастриса. Патер Тэн уселся на свой стул, одарив Клетуса злобным взглядом.

— Что же касается анклава экзотов в Сент-Луисе, — обращаясь к Мондару, невозмутимо продолжал Клетус, словно произошедшее не имело к нему ни малейшего отношения, — то там все были очень любезны и позволили мне взять из библиотеки материалы для исследования.

— Да? — На лице Мондара появилось выражение вежливого интереса, — Вы писатель, подполковник?

— Ученый, — ответил Клетус. Теперь его серые глаза взяли в плен Мондара. — В настоящее время я работаю над четвертым томом. А всего предполагается двадцать. Я уже три года занимаюсь тактикой и стратегией. Впрочем, вам это не интересно. Вы не могли бы познакомить меня с присутствующими?

Мондар кивнул.

— Я, как вы уже знаете, Мондар. Полковник Ичан Хан, — продолжал он, поворачиваясь к дорсайцу, сидящему справа от него, — позвольте вам представить подполковника Клетуса Грэйема из вооруженных сил альянса.

— Считаю за честь познакомиться с вами, подполковник, — произнес Ичан Хан с резким старомодным британским акцентом.

— Большая честь для меня, сэр, — ответил Клетус.

— Дочь полковника Хана, Мелисса Хан, — продолжил Мондар.

— Приветствую вас. — Клетус снова улыбнулся ей.

— Очень приятно, — холодно ответила она.

— Нашего хозяина, секретаря Дау де Кастриса, вы уже узнали, — сказал Мондар. — Господин секретарь, это подполковник Клетус Грэйем.

— К сожалению, не могу пригласить вас к обеду, — проговорил де Кастрис. — Мы уже пообедали.

Он сделал знак стюарду.

— Можем разве что предложить вам вина.

— И наконец, джентльмен, сидящий справа от секретаря, мистер Патер Тэн, — объявил Мондар. — У мистера Тэна потрясающая память, подполковник. Он обладает поистине энциклопедическими знаниями.

— Рад с вами познакомиться, мистер Тэн, — поклонился Клетус. — Может, вы позволите для моего следующего исследования вместо библиотечных материалов обратиться к вам?

— Не стоит беспокоиться! — неожиданно выпалил Патер Тэн.

У него был скрипучий высокий, но удивительно властный голос. — Я просмотрел ваши первые три тома — это дикие теории, подкрепленные лишь забытыми фактами военной истории. Вас, наверно, собирались вышвырнуть из академии, но вы успели попросить о переводе. Тем не менее вы уже там не работаете. Кто теперь будет вас читать? Не думаю, что вам удастся завершить ваш четвертый том.

— Я же говорил вам… — Мондар воспользовался паузой, возникшей в разговоре после этого словесного взрыва; Клетус смотрел на маленького человечка с едва заметной улыбкой, похожей на улыбку де Кастриса. — Я вам говорил, что мистер Тэн обладает энциклопедическими знаниями.

— Мне понятно, что вы имеете в виду, — усмехнулся Клетус. — Но знания и выводы не одно и то же. Заверяю вас, что я закончу все шестнадцать оставшихся томов, несмотря на сомнения мистера Тэна. По сути, именно для этого я и направляюсь на Культис.

— Ну конечно, лучше победа там, чем поражение здесь, — ядовито вставил Тэн, — Выиграйте войну в Бахалле за шесть недель — и станете героем альянса.

— Не такая уж плохая идея, — сказал Клетус, наблюдая за стюардом, который бесшумно поставил перед ним чистый бокал и наполнил его канареечно-желтой жидкостью из бутылки на столе. — Только в этой длительной гонке победит не альянс и не коалиция.

— Это серьезное заявление, подполковник, — вступил в разговор де Кастрис. — Немного отдает предательством, вам не кажется? В той части, где говорится об альянсе офицером того же альянса.

— Вы так считаете? — улыбнулся Клетус. — Кто-то из присутствующих подумывает о том, чтобы донести на меня?

— Возможно, — В низком голосе де Кастриса вдруг появились ледяные нотки. — А пока интересно познакомиться с вашими прогнозами. Что дает вам основания полагать, что ни с альянсом, ни с коалицией в конце концов не будут считаться на Культисе?

— Законы исторического развития, — ответил Клетус.

— Законы! — сердито повторила Мелисса Хан. Она тонко чувствовала нарастающее напряжение в их разговоре, — Почему все думают, что существует какой-то набор принципов, теорий или законов, который должен определять нашу жизнь?! Сегодня приходится быть практичным, иначе можно запросто лишиться жизни.

— Мелисса, — улыбнулся девушке де Кастрис, — ценит

практичных людей. Боюсь, что я вынужден с ней согласиться: практический опыт срабатывает.

— В отличие от теорий, подполковник, — насмешливо вставил Патер Тэн, — в отличие от книжных теорий. Подождите, вот окажетесь среди опытных полевых офицеров действующей армии в джунглях Ньюлэнда и Бахаллы, в настоящем сражении, тогда и поймете, что на самом деле представляет собой война. Вот услышите впервые шипение энергетического оружия, тогда узнаете…

— У него медаль альянса за доблесть, мистер Тэн. — Холодный голос Ичан Хана, как топором, обрубил тираду коротышки.

Дорсаец поднял руку и указал на красно-белую с золотом планку, крайнюю справа в ряду ленточек, украшавших мундир Клетуса.

Глава 2

Мгновение за столом стояла тишина.

— Подполковник, — обратился к Клетусу Ичан, — что с вашей ногой?

— Протез вместо колена, — криво усмехнулся Клетус, — Никаких неудобств, но при ходьбе заметно, — Он посмотрел на Патера Тэна, — Хотя мистер Тэн, в общем-то, прав, указывая на скудность моего военного опыта. Я всего три месяца участвовал в активных боевых действиях, после чего меня комиссовали, — это было на Земле во время последней локальной войны между альянсом и коалицией, семь лет назад.

— Но эти три месяца закончились для вас медалью за доблесть, — заметила Мелисса. Сейчас от того сердитого выражения, с которым она смотрела на него прежде, не осталось и следа. Девушка резко повернулась к Патеру Тэну: — Кажется, это одна из немногих вещей, о которых вам ничего не известно, не так ли?

— Патер Тэн бросил на нее презрительный взгляд.

— Правда, Патер? — улыбнулся де Кастрис.

— Был некий лейтенант Грэйем, которого семь лет назад наградил альянс, — желчно произнес Патер Тэн, — Его дивизия высадилась в Тихом океане, на острове, где находились наши гарнизоны. Наши войска их обнаружили и разбили, но лейтенанту Грэйему удалось собрать отряд партизан, который месяц сдерживал атаки наших людей на их укрепленные позиции. Он наткнулся на передвижную мину за день до прибытия подкрепления. И руководство засунуло его в свою академию, потому что после этого он больше не мог участвовать в боевых действиях.

За столом снова воцарилась тишина.

— Итак, — проговорил де Кастрис со странной задумчивостью, крутя на скатерти перед собой наполовину пустой бокал, — оказывается, ученый был когда-то героем.

— Нет, о господи, нет, — возразил Клетус, — просто безрассудным солдатом, вот и все. Если бы я тогда разбирался во всем так, как сейчас, я бы никогда не налетел на эту мину.

— Но вы снова стремитесь туда, где идут бои! — воскликнула Мелисса.

— Это правда, — ответил Клетус, — но, как я уже сказал, теперь я стал умнее. Я больше не хочу медалей.

— А чего вы хотите, Клетус? — подал голос Мондар с противоположного конца стола. Уже несколько минут он

наблюдал за молодым офицером с не свойственным экзоту напряжением.

— Он хочет написать еще шестнадцать томов, — фыркнул Патер Тэн.

— Фактически мистер Тэн прав, — спокойно ответил Клетус Мондару. — Я действительно хочу закончить свою работу о тактических приемах. Только я обнаружил, что сначала мне придется создать условия, в которых их можно будет применить.

— Выиграть войну с Ньюлэндом за шестьдесят дней! — проскрипел Патер Тэн. — Я же говорил.

— Думаю, что быстрее, — Клетус спокойно наблюдал, как менялось выражение лиц у его собеседников.

— Должно быть, вы верите в свой талант военного эксперта, подполковник, — заметил де Кастрис. В его взгляде, как и во взгляде Мондара, появился интерес.

— Но я не эксперт, — возразил Клетус, — Я ученый. Это разные вещи. Эксперт — это человек, который знает очень много о своем предмете. Ученый — это тот, кто знает о нем все, что можно узнать.

— И все же это только теории, — заявила Мелисса, озадаченно глядя на него.

— Да, — повернулся он к ней, — но хороший теоретик имеет преимущество над практиком.

Она покачала головой, но ничего не сказала. Потом откинулась на спинку стула, не спуская с него глаз и прикусив нижнюю губу.

— Боюсь, мне снова придется согласиться с Мелиссой, — произнес де Кастрис. Его взгляд на мгновение затуманился, словно он смотрел не на своих собеседников, а внутрь себя, — Я видел слишком много людей, которые, не имея ничего, кроме теории, столкнувшись с реальным миром, были растоптаны.

— Люди реальны, — рассуждал вслух Клетус, — Оружие тоже… Но исход сражений? Политические последствия? Они не более реальны, чем теории. А опытный теоретик, привыкший иметь дело с нереальными вещами, манипулирует ими лучше, чем практик. Вы знакомы с приемами фехтования?

Де Кастрис покачал головой.

— Я немного знаком, — сказал Ичан.

— Тогда вам нетрудно будет понять тактику, которую я разработал, я называю ее тактикой ошибок. Ей посвящен тот том, который я сейчас пишу. Тактика фехтования заключается в следующем: начать серию атак, каждая из которых приводит к ответным уколам, так что возникает некая схема соединений и разъединений вашего клинка с клинком противника. Вы, однако,

не стремитесь в результате какой-либо из этих начальных атак попасть в цель, но постепенно с каждым разъединением отводите клинок вашего противника чуть-чуть в сторону — так, чтобы он не заметил, что вы это делаете. Затем, следом за последним соединением, когда его клинок оказывается совершенно отведенным, вы наносите удар по абсолютно незащищенному человеку.

— Для этого нужен чертовски искусный фехтовальщик, — заметил Ичан.

— Конечно, — согласился Клетус.

— Да, — задумчиво произнес де Кастрис, ожидая, пока Клетус снова повернется к нему. — Кроме того, этот тактический прием, кажется, ограничен фехтовальной дорожкой, где все делается согласно установленным правилам.

— О, его можно применить фактически в любой ситуации, — возразил Клетус.

Все еще не наполненные кофейные чашки стояли на столе. Он протянул руку, подвинул к себе три из них и, перевернув вверх дном, выстроил их в ряд между собой и де Кастрисом. Затем потянулся к сахарнице, взял оттуда кусочек сахара и положил его на скатерть рядом с центральной чашкой.

Потом накрыл кусочек сахара чашкой и передвинул чашки, быстро изменив их позиции.

— Вы слышали о старой игре со скорлупками? — обратился он к де Кастри су, — Как вы думаете, под какой чашкой сахар?

Де Кастрис посмотрел на чашки, но ни к одной не протянул руки.

— Ни под какой, — предположил он.

— Быть может, вы поднимете одну из них — в качестве примера? — попросил Клетус.

— Почему бы нет? — улыбнулся де Кастрис.

Он протянул руку и поднял среднюю чашку. На секунду улыбка исчезла с его лица, затем снова появилась. На белой скатерти четко выделялся кубик сахара.

— По крайней мере, — отметил де Кастрис, — вы играете честно.

Клетус взял чашку, отставленную секретарем, и снова накрыл сахар. Он опять быстро передвинул чашки, поменяв их местами.

— Попробуете еще раз? — спросил он де Кастриса.

— Если вам этого хочется.

На этот раз де Кастрис выбрал крайнюю справа чашку, которая стояла прямо перед ним. Под ней снова оказался кусочек сахара.

— Еще раз? — предложил Клетус.

Он в очередной раз накрыл белый кубик и передвинул чашки. Де Кастрис поднял чашку в центре и опустил ее на стол с некоторым раздражением, увидев под ней сахар.

— Что это? — спросил он. Улыбка полностью исчезла с его лица. — Какой во всем этом смысл?

— Похоже, пока я контролирую игру, вы не можете проиграть, господин секретарь, — спокойно произнес Клетус.

Секунду де Кастрис пристально вглядывался в него, затем накрыл сахар и, откинувшись назад, перевел взгляд на Патера Тэна.

— А теперь ты передвинь чашки, Патер.

С натянутой улыбкой Патер Тэн встал и переместил чашки, но сделал это так медленно, что каждый сидящий за столом мог легко проследить за чашкой, которую поднимал в последний раз де Кастрис. Она снова оказалась посередине. Де Кастрис взглянул на Клетуса и протянул руку к чашке, стоявшей справа от той, которая, без сомнения, накрывала сахар. Его рука дрогнула, повисла на мгновение в воздухе, затем опустилась на стол. На его лице снова появилась улыбка.

— Ну разумеется. — Он устремил на Клетуса проницательный взгляд. — Не знаю, как вы это делаете, но думаю, что, если я подниму эту чашку, сахар будет под ней.

Его рука потянулась к чашке на противоположном конце ряда.

— А если я выберу эту, то он наверняка окажется именно здесь.

Клетус ничего не сказал. Он только улыбнулся в ответ.

Де Кастрис кивнул. К нему вернулась обычная самоуверенность.

— Очевидно, — продолжал он, — я могу быть уверен, что единственной чашкой, под которой нет сахара, является та, которая, как все предполагают, накрывает его. То есть та, что посередине. Я прав?

Клетус по-прежнему только улыбался.

— Я прав, — повторил де Кастрис.

Секунду он держал руку над центральной чашкой, наблюдая за глазами Клетуса, затем убрал ее.

— Именно этого вы и добивались, используя для демонстрации чашки и кусочки сахара, не так ли, подполковник? Вы хотите, чтобы я верно оценил ситуацию, но в то же время потерял уверенность в себе, в результате чего я должен был испытать непреодолимое желание перевернуть чашку только для того, чтобы доказать себе, что она действительно пуста. Ваша цель нанести удар по моей вере в мое собственное суждение — об

этой вашей тактике ошибок, не правда ли?

Он протянул руку и щелкнул по центральной чашке ногтем так, что она зазвенела, как маленький колокольчик.

— Но я не стану ее переворачивать, — завершил он, глядя на Клетуса, — Видите, я разобрался во всем этом, я даже ушел на шаг вперед и сообразил, почему вы пытались заставить меня сделать это, вы просто хотели произвести на меня впечатление. Да, в какой-то мере вам это удалось. А в доказательство того, что мера эта не так уж велика, давайте не будем трогать чашку, оставим ее как она есть? Ну, что скажете?

— Скажу, что ваши рассуждения превосходны, господин секретарь.

Клетус протянул руки, взял две крайние чашки, перевернул их, на мгновение прикрыв их ладонями, и показал окружающим. Пусто.

— Что тут можно добавить?

— Благодарю вас, подполковник, — сдержанно сказал де Кастрис.

Он откинулся на спинку стула, глаза его превратились в узкие щелочки. Затем он протянул правую руку, обхватил указательным и большим пальцами ножку бокала и стал вращать его равномерными ритмичными движениями, словно аккуратно ввинчивая бокал в белую скатерть.

— Вы, кажется, упоминали о том, что выбрали именно этот рейс на Культис, так как надеялись встретить на корабле меня? Только не говорите, что вы пошли на все эти хлопоты исключительно ради того, чтобы показать мне свою тактику игры в скорлупки.

— Частично, — ответил Клетус.

Атмосфера за столом вновь стала более напряженной, хотя голоса Клетуса и де Кастриса звучали по-прежнему приятно и непринужденно.

— Я хотел познакомиться с вами, господин секретарь, — продолжал Клетус. — Вы мне необходимы, чтобы успешно завершить мою работу о тактике.

— О? — удивился де Кастрис. — А какую именно помощь вы от меня ждете?

— Надеюсь, мы оба сможем оказаться полезны друг другу, господин секретарь, — Клетус отодвинул стул и встал. — А теперь, когда мы познакомились и вы узнали о моих целях, мне, пожалуй, следует извиниться за то, что я помешал вам спокойно закончить обед. Позвольте откланяться…

— Минутку, подполковник… — промурлыкал де Кастрис.

Их прервал звон разбитого стекла. Осколки упавшего на

блюдце бокала Мелиссы разлетелись по столу. Она неуверенно поднялась на ноги, одной рукой опираясь на стол, другой держась за лоб.

Глава 3

— Нет-нет, все в порядке, — быстро проговорила она, успокаивая присутствующих, — У меня вдруг слегка закружилась голова, вот и все. Пойду лягу… Нет, отец, оставайтесь здесь! Подполковник Грэйем, вы проводите меня до каюты, не так ли? Вы ведь все равно уходите.

— Конечно, — согласился Клетус.

Он быстро обошел вокруг стола и предложил ей руку.

— Со мной действительно все в порядке! — Голос ее прозвучал неожиданно резко, — Мне просто необходимо немного полежать. Пожалуйста, не устраивайте из-за этого суеты, ладно? Подполковник…

— Я здесь, — откликнулся Клетус.

Они медленно пересекли кают-компанию, вышли в коридор и повернули налево. Мелисса тяжело опиралась на руку помогавшего ей мужчины. И только когда они свернули за угол и вход в кают-компанию скрылся из виду, Мелисса резко остановилась, выпрямилась и высвободила руку, чтобы развернуться и встать лицом к Клетусу.

— Со мной все в порядке, — сообщила она. — Мне просто надо было придумать повод, чтобы увести вас оттуда. Вы ведь вовсе не пьяны!

— Нет, — подтвердил Клетус, улыбаясь. — Я, очевидно, не очень хороший актер.

— Даже если бы вы и обладали актерским талантом, вы бы не смогли провести меня! Я умею чувствовать…

Мелисса слегка приподняла руку, словно хотела прикоснуться к его груди, но рука ее упала вниз, когда она заметила его любопытный взгляд.

— Таких людей, как вы, я вижу насквозь. Но это не важно. Все это могло плохо кончиться, если бы вы действительно оказались не пьяны. Затеять игру с таким человеком, как Дау де Кастрис!

— Это не совсем игра, — сказал Клетус серьезно.

— Перестаньте! Мне хорошо известно, что профессиональные военные часто выглядят по-идиотски, когда они пытаются общаться с людьми, не принадлежащими к их «особому» миру. Но медаль за доблесть для меня кое-что значит, хотя большинство гражданских и понятия не имеют, что это такое!

Ее глаза поймали его взгляд, и девушка едва удержалась, чтобы не отвести их в сторону.

— Вот почему я помогла вам уйти от него сейчас. Это единственная причина!.. Но я не собираюсь спасать вас снова!

— Понятно, — кивнул Клетус.

— Так что теперь возвращайтесь в свою каюту и оставайтесь там! И с этого момента держитесь подальше от Дау де Кастриса. А также от меня и от моего отца… Вы слышите, что я говорю?

— Конечно, — наклонил голову Клетус. — Но, по крайней мере, позвольте мне проводить вас до вашей каюты.

— Благодарю, не надо. Я сама смогу туда дойти.

— А что, если кто-нибудь вас увидит? Секретарю расскажут, что ваше головокружение как рукой сняло, едва лишь вы переступили порог кают-компании.

Мелисса взглянула на него, повернулась и пошла вниз по коридору. Клетус догнал ее в два шага.

— Что касается профессиональных солдат, — заметил он мягко, — то они не все одинаковы.

Она остановилась, резким движением повернула голову и взглянула ему в лицо, заставив тем самым остановиться и его.

— Мне кажется, — проговорила она мрачно, — вы думаете, что мой отец никогда не был никем другим, кроме наемного солдата.

— Конечно нет, — ответил Клетус, — он был генерал-майором в королевской армии Афганистана лет десять тому назад или около того. Не так ли?

Мелисса уставилась на него широко открытыми глазами.

— Откуда вы знаете? — В ее голосе звучало изумление.

— Военная история, даже если речь идет о недавнем времени, входит в область моих интересов, — пояснил он, — Университетская революция в Кабуле двенадцать лет назад, окончившаяся свержением правительства, — часть истории. В афганской армии не могло быть другого Ичан Хана. Должно быть, он эмигрировал с Земли через пару лет после переворота.

— Он не должен был этого делать! — выпалила она, — Его просили остаться в армии, хотя Афганистан и отказался от своей независимости и вошел в состав коалиции на правах сектора. Но… — Она замолчала.

— Но?.. — выжидающе продолжил он.

— Вам не понять!

Девушка отвернулась и быстро пошла по коридору. Но, сделав несколько шагов, она заговорила, словно не могла удержать слова…

— Моя мать умерла. И… когда они стали выносить смертный приговор каждому, кто пел старый афганский гимн, отец ушел в отставку. Вот тогда он и эмигрировал на Дорсай.

— Понимаю. Это новый мир, и потом, там полно солдат, — сказал Клетус. — Наверно, вам было не слишком…

— Они приняли его на службу, присвоив звание капитана — капитана батальона наемников! — Ее глаза вспыхнули. — И с тех пор, за десять лет, ему удалось дослужиться только до полковника, им он и останется, потому что наемные солдаты Дорсая могут получить под свое командование самое большее полк. Того, что ему платят, нам хватает лишь на самое необходимое. У нас нет денег для того, чтобы посетить Землю, не говоря уже о том, чтобы снова там поселиться, разве что экзоты или кто-нибудь другой оплачивает дорогу на Землю, если мы направляемся туда по какому-нибудь официальному делу.

— Понятно, — сочувственно произнес Клетус. — Но вы ошибаетесь, пытаясь поправить дела при помощи де Кастриса. Он не имеет того влияния, на какое вы надеетесь.

— Поправить дела… — Она повернула голову и твердо посмотрела на него. Лицо ее вдруг ужасно побледнело.

— Ну да, — кивнул Клетус. — Я ведь понял, почему вы оказались за его столом. Вы были еще несовершеннолетней, когда ваш отец эмигрировал на Дорсай. Следовательно, вы должны иметь двойное гражданство: коалиции и Дорсая. Вы имеете право вернуться и жить на Земле, когда захотите воспользоваться вашим гражданством коалиции. Но ваш отец может быть репатриирован только по особому разрешению, которое очень трудно получить. Либо вы, либо он, должно быть, думаете, что де Кастрис может вам в этом помочь…

— Отец не имеет к этому никакого отношения! — В ее голосе звучала злость. — За кого вы его принимаете?

Он посмотрел на нее.

— Да, конечно, — сказал он. — Это была ваша идея. Он принадлежит не к тому типу людей. Я вырос на Земле в семье военного, и ваш отец напомнил мне кое-кого из генералов, которых я видел. Фактически, если бы я не собирался быть художником…

— Художником? — Она заморгала от неожиданности.

— Да, — кивнул Клетус, натянуто улыбнувшись. — Я как раз начал зарабатывать себе на жизнь этим занятием, но подошло время призыва, под который я попадал, и в конце концов я решил поступить в Военную академию альянса, как того всегда хотела моя семья. Затем меня ранили, и я вдруг обнаружил, что мне нравится теория военного искусства. Так что живопись осталась в прошлом.

Они остановились перед одной из дверей, идущих вдоль длинного узкого коридора. Но Мелисса не пыталась ее открыть. Вместо этого она стояла, во все глаза глядя на него.

— Почему же вы бросили преподавание в академии? —

спросила она.

— Кто-то же должен делать жизнь безопасной для таких ученых, как я, — весело заявил он.

— Имея де Кастриса своим личным врагом? — скептически поинтересовалась она, — Вас ничему не научило то, что он сразу понял вашу игру с чашками и сахаром?

— Но он ее не понял, — запротестовал Клетус. — Хотя, должен признать, он очень искусно скрыл этот факт.

— Скрыл?

— Конечно, — подтвердил Клетус. — Он поднял первую чашку, так как был чересчур уверен в себе и не сомневался, что сможет взять под контроль мою игру. Когда он увидел сахар, то подумал, что ошибся я, а не он. Когда же это произошло во второй раз, его мнение несколько изменилось, но он был еще настолько уверен в себе, что попробовал в третий раз. И только тогда он наконец осознал тот факт, что его игра полностью контролируется мною. Поэтому ему пришлось искать повод для того, чтобы прекратить игру и отказаться делать выбор в четвертый раз.

— Все было не так, — Она недоверчиво покачала головой. — Вы извращаете факты, чтобы все выглядело так, как вы хотите.

— Нет, — возразил Клетус, — Это де Кастрис намеренно исказил факты, весьма правдоподобно объяснив, почему он не станет поднимать чашку в четвертый раз. Только все дело в том, что это ложь. Он знал, что какую бы чашку он ни поднял, под ней окажется кусочек сахара.

— Откуда?

— Конечно же, под всеми тремя чашками был сахар, — ответил Клетус, — Доставая один кусочек из сахарницы, я незаметно прихватил еще два. То, что игра свелась к тому, чтобы не попасть на сахар, вместо того чтобы его найти, поначалу сбило де Кастриса с толку. Но когда дело дошло до четвертой попытки, он, вероятно, об этом догадался. Однако было уже поздно об этом заявлять: он выглядел бы глупо, так как к тому времени уже трижды сыграл. А люди, подобные де Кастрису, не могут себе этого позволить.

— Но зачем вы это делали? — удивилась Мелисса, — Это же верный способ нажить себе врага!

— Мне необходимо было заинтересовать его, — объяснил Клетус, — он мне нужен. Но я не смогу защищаться, если не разозлю его до такой степени, чтобы он нанес удар. И только продолжая успешно парировать, я наконец смогу овладеть его вниманием. Теперь вы понимаете, — добавил он, — почему вы не должны беспокоиться о моих собственных отношениях с де

Кастрисом? Я умею контролировать ситуацию. Вы же…

— Вы… — Неожиданно она резко повернулась и рывком распахнула дверь. — Вы полный… идите и продолжайте ваши игры с Дау. Пусть из вас сделают отбивную. Надеюсь, что так и будет. Только держитесь подальше от меня… и от моего отца. Вы слышите?

Он посмотрел на нее, и словно легкая тень чего-то похожего на боль скользнула по его лицу.

— Конечно, — ответил он, делая шаг назад. — Если вы именно этого хотите…

Мелисса вошла в каюту, захлопнув за собой дверь. Секунду он стоял, размышляя. На какое-то мгновение, когда Мелисса была рядом, стена, которую он сам воздвиг вокруг себя много лет назад, обнаружив, что другие его не понимают, готова была рухнуть, — но мимолетная слабость прошла, и вновь все было по-прежнему.

Развернувшись, Клетус пошел по коридору к своей каюте.

Глава 4

Последующие четыре дня Клетус старательно избегал встреч с Мелиссой и ее отцом. Его же, в свою очередь, полностью игнорировали де Кастрис и Патер Тэн. Мондар, напротив, стал его хорошим приятелем — знакомство, которое Клетус находил не только приятным, но и интересным.

На пятый день полета космический лайнер вышел на парковочную орбиту вокруг Культиса. Подобно Маре, Культис представлял собой зеленую теплую планету лишь с двумя большими континентами: северным и южным, как это было на Земле во времена Гондваны.

Челноки из главных городов различных колоний Культиса стали прибывать к лайнеру для того, чтобы забрать пассажиров.

Словно предчувствуя что-то неладное, Клетус попытался позвонить в штаб альянса в Бахалле, чтобы сообщить о своем прибытии. Но линия связи «космос — планета» была занята группой, направлявшейся в Ньюлэнд и сейчас расположившейся в холле перед шлюзовым отсеком. В результате небольшого расследования Клетусу удалось выяснить, что это Патер Тэн был постоянно на связи с Культисом по поручению Дау де Кастриса. Предчувствие Клетуса переросло в подозрение. Один из этих звонков, вполне вероятно, мог касаться его. Отойдя от телефона, он осмотрелся вокруг и заметил голубое платье Мондара, стоявшего у закрытого люка переходного отсека в нескольких шагах от Мелиссы и Ичан Хана. Клетус быстро направился к экзоту.

— Телефоны заняты, — сказал Клетус. — А мне бы хотелось получить предварительные инструкции в штабе альянса. Скажите мне, в окрестностях Бахаллы сейчас ведутся какие-либо боевые действия ньюлэндскими партизанами?

— В окрестностях? Прямо у парадного входа, — ответил Мондар. Он пристально посмотрел на Клетуса, — А в чем дело? Вспоминаете, как вы поразили Дау за обедом в первый день полета?

— А… это? — Клетус поднял бровь, — Вы хотите сказать, что де Кастрис не поленится превратить какого-то подполковника, встреченного им, в цель для атаки со стороны партизан?

— Не какого-то, конечно, — улыбнулся Мондар, — Но в любом случае у вас нет причин для тревоги. Вы отправитесь в Бахаллу со мной, Мелиссой и Ичан Ханом в штабной машине.

— Это успокаивает, — произнес Клетус, но мысли его уже переключились на другое.

Если де Кастрис полностью разгадал игру Клетуса, то Мондар, безусловно, тоже кое-что понял. И это хорошо. Разработанная Клетусом тактика могла заинтересовать только человека очень острого ума, способного увидеть ее преимущества, что менее проницательным людям не под силу. Таким умом обладал де Кастрис, и не менее умным — по-своему — был Мондар.

Раздался звук гонга.

— Швартуется челнок на Бахаллу, — прогудел из динамика в стене голос старшего помощника, — К переходному отсеку швартуется челнок на Бахаллу. Всем пассажирам, отправляющимся на Бахаллу, быть готовыми к посадке…

Клетус почувствовал, как его толкнули вперед, когда открылся люк туннеля, ведущего в челнок. Толпа разделила его и Мондара.

Челночный корабль представлял собой посудину, которая была чуть лучше, чем тесный и неудобный стратоплан. Во время полета он ревел, трясся и дергался. Наконец приземлился на круглой бетонной площадке, окруженной зарослями деревьев. Их кроны уходили вверх более чем на сто футов. Стоял обычный, довольно приятный тропический день.

Выбравшись из челнока на яркий солнечный свет, Клетус отошел в сторону от толпы, чтобы сориентироваться.

Он осмотрелся в поисках Мондара и внезапно вздрогнул от чего-то похожего на бесшумный, воспринимаемый только эмоционально, удар грома. Клетус сразу догадался, что с ним, по этому признаку: «реориентационный шок» — внезапная реакция организма на непривычную среду. Его рассеянность в первую минуту, когда он ступил на поверхность Кульмса и оказался среди почти земного пейзажа, лишь усилила произведенный эффект.

Вновь обретя способность воспринимать окружающее, Клетус вдруг осознал, что небо здесь не голубое, а сине-зеленое. Солнце — больше и более густого желтого цвета, чем то, которое он привык наблюдать. Воздух, наполненный ароматами, похожими на запах молотого мускатного ореха и скошенной травы, был тяжелым от влажности. А еще он вибрировал от едва слышного, но не стихающего хора насекомых и животных. Звуки были разнообразными и напоминали то высокие ноты в исполнении игрушечной флейты, то глухой грохот пустой бочки; но всем им была присуща чуждая голосам Земли скрипучесть.

Из оцепенения, в котором оказался Клетус, пораженный воздействием незнакомых цветов, запахов и звуков, его вывело прикосновение Мондара.

— Вон едет штабная машина.

Они двинулись ей навстречу. Машина появилась из-за здания космопорта, за нею следовал пассажирский автобус.

— Или вы предпочитаете автобус — ехать с женщинами, гражданскими лицами и багажом?

— Спасибо, нет. Я присоединюсь к вам, — ответил Клетус.

— Тогда нам сюда, — сказал Мондар.

Когда машины затормозили, Клетус пошел за Мондаром. Штабная машина представляла собой военный транспорт на воздушной подушке и с плазменным двигателем, напоминающий бронированный вариант спортивных автомобилей, используемых при охоте на крупного зверя. Он мог снижаться, выпускать гусеницы и передвигаться по пересеченной местности. Ичан Хан и Мелисса уже устроились внутри, расположившись друг напротив друга. Впереди, на открытом сиденье у приборного щитка, сидел круглолицый молодой военный, рядом с ним лежал автомат «оборотень».

Забираясь в машину с правого борта, Клетус с интересом взглянул на неуклюжее оружие. Он впервые видел, чтобы «оборотень» использовался в боевых действиях, — хотя его учили обращаться с ним и он однажды даже стрелял из него, когда учился в академии. Этот гибрид, вернее, чудовищная помесь различных видов оружия, был первоначально предназначен для разгона демонстраций и абсолютно бесполезен в сражении: капля грязи могла заблокировать какую-нибудь важную часть его сложного механизма в первые же полчаса битвы. Его название свидетельствовало о том, что в ходе боя это оружие могло стать чем угодно: от обычного автомата до ручной ракетной установки, стоило лишь повернуть переключатель. Вид этого непрактичного оружия дал толчок инженерному воображению Клетуса, и он задумался о возможностях его нетрадиционного применения в неожиданных ситуациях.

Раздалось шипение компрессора, тяжелое тело штабной машины поднялось над бетоном на четверть метра и заскользило на поддерживавшей его воздушной подушке. Впереди, в стене джунглей, открылся проезд, и через мгновение они уже мчались по узкой петляющей дороге; по обе стороны от нее пролегали глубокие, заросшие травой канавы, безуспешно пытавшиеся сдержать натиск деревьев, смыкавшихся в арке над дорогой.

— Меня удивляет, почему вы не выжигаете или не уничтожаете химикатами лес вдоль дороги, — сказал Клетус Мондару.

— На важных военных магистралях мы так и делаем, — ответил посланник. — Но сейчас нам не хватает людей, а местная

флора очень быстро восстанавливается. Мы пытаемся видоизменить земные злаки и траву, чтобы вывести новые местные формы и посадить их вдоль дороги, но в лабораториях тоже недостаточно сотрудников.

— Ситуация с пополнением тяжелая.

Ичан Хана качнуло, и он машинально схватился рукой за кончик седых нафабренных усов. Машина неожиданно наехала на гигантский корень, пробившийся сквозь бетонное покрытие дороги, и вынуждена была опустить гусеницы, чтобы перебраться через него.

— Что вы думаете об «оборотне»? — поинтересовался Клетус. Слова слетали с губ в такт рывкам машины.

— Неверное направление в развитии стрелкового оружия, — уже ровнее произнес полковник. Корень остался позади, машина снова плавно приподнялась на воздушной подушке. — «Оборотень» и прочие аналогичные штуки для выведения из строя или уничтожения живой силы противника — все это становится слишком сложным. И чем сложнее, тем труднее ситуация с поставками и мобильностью ударных сил.

— В таком случае каков выход? — спросил Клетус. — Назад — к арбалетам, ножам и мечам?

— Почему бы и нет? — В бесстрастном голосе Ичан Хана появились нотки энтузиазма, — Человек с арбалетом в нужном месте и в нужное время стоит целого корпуса тяжелой артиллерии, который явится на полчаса позже или находится в десяти милях от места, где он должен быть. Помните: «Не было гвоздя — подкова пропала…»?

— «…Не было подковы — лошадь захромала, — подхватил Клетус. — Лошадь захромала — командир убит…»[2] — Клетус дочитал известный стишок до конца, и мужчины с симпатией посмотрели друг на друга.

— У вас, конечно, трудно с подготовкой, — задумчиво произнес Клетус. — Я имею в виду — на Дорсае. Вам ведь присылают туда кого угодно, а вам нужно воспитать солдата, которого можно использовать в самых разнообразных военных ситуациях.

— Главное — обучить основам, — ответил Ичан. — Да и потом, наша задача — создание небольших мобильных ударных групп, с тем чтобы наниматели использовали их в соответствии с подготовкой, — Он кивнул в сторону Мондара. — До сих пор настоящий успех в этом был достигнут только с экзотами. Большинство нанимателей хотят втиснуть наших профессионалов в свои классические организационные рамки, что достаточно неэффективно. Это одна из причин наших споров с регулярной

армией. Ваш командир здесь, генерал Трейнор… — Хан замолчал. — Ну, не мне об этом говорить.

Он резко прервал разговор, выпрямился и принялся рассматривать джунгли через смотровые щели в металлических бортах машины. Затем поднял голову и окликнул сидящего снаружи водителя.

— Вы ничего не заметили? — спросил он. — Не нравится мне что-то здесь…

— Нет, господин полковник, — крикнул водитель. — Спокойно, как в воскресный…

И вдруг раздался громоподобный взрыв. Машина дернулась, Клетус почувствовал, что она переворачивается, и увидел, как в воздух взлетают комья земли. Глаза его на миг задержались на летящем в придорожную канаву водителе, который все еще держал в руках «оборотень» — только головы у него теперь не было.

В ту же секунду машина рухнула на землю, и на несколько ужасных мгновений все вокруг смешалось и утратило всякий смысл.

Затем неожиданно окружающее снова стало четким и ясным. Штабная машина лежала на правом боку, обнажив бронированное днище. Мондар уже вытягивал магниевые щитки у задней смотровой щели, Ичан Хан пытался закрыть левую прорезь, которая теперь находилась у них над головой. Когда это было сделано, машина превратилась в темную металлическую коробку, и виднелись лишь несколько узких лучиков света в бронированной секции за сиденьем водителя.

— Подполковник, вы вооружены? — осведомился Ичан Хан, доставая из-под мундира небольшой плоский пистолет и навинчивая на него длинный снайперский ствол.

Пули из охотничьих ружей — оружие хоть и не военное, но достаточно смертоносное в условиях джунглей — уже начали со звоном отскакивать от брони их машины.

— Нет, — мрачно ответил Клетус.

Воздух внутри был спертым, и запах скошенной травы и мускатного ореха становился просто непереносимым.

— Жалко, — вздохнул Ичан Хан.

Он просунул дуло в одну из щелей и прицелился. Раздался выстрел, и крупный, со светлой бородой мужчина в защитном комбинезоне на дальней стороне дороги замертво упал на землю.

— В автобусе, когда он приблизится к нам, услышат стрельбу, — раздался из темноты за спиной Клетуса голос Мондара.

— Они остановятся и позвонят, чтобы прислали подмогу.

Спасательный отряд может прибыть сюда по воздуху минут через пятнадцать после того, как в Бахалле узнают о нас.

— Да, — спокойно подтвердил Ичан Хан и снова выстрелил.

Еще один партизан рухнул с дерева неподалеку. Послышался звук еще одного падающего тела, на этот раз невидимого.

— Возможно, они и успеют, — продолжил Ичан. — Странно, что эти партизаны не дали нам проехать, чтобы затем напасть на автобус. Он ведь менее защищен, и больше добычи внутри… Я бы не советовал вам высовываться, подполковник.

Последняя фраза была адресована Клетусу, который яростно дергал щитки правого борта, пытаясь сдвинуть их в сторону. Машина завалилась на небольшой холм так, что, если бы удалось открыть их, можно было бы выбраться наружу. Клетус, кажется, и собирался это сделать.

Спрятавшиеся в джунглях стрелки разгадали намерения Клетуса, и по бронированному днищу машины застучал град пуль, однако ни одна из них не попала в открывшийся проем, так как угол наклона был слишком острым. Мелисса, которая вдруг догадалась о намерениях Клетуса, вцепилась в его руку.

— Нет, — закричала она. — Это бесполезно! Водителю уже не поможешь. Его убило, когда разорвалась мина…

— Да и черт с ним! — рявкнул Клетус. Перестрелка явно не способствовала улучшению его манер. — Когда он падал, «оборотень» шлепнулся вместе с ним.

Высвободившись из ее хватки, он покинул машину, вскочил на ноги и рванулся к канаве, где должно было лежать тело водителя. Окружающие джунгли взорвались выстрелами, Клетус споткнулся, подбегая к краю канавы, упал, покатился и исчез из виду. Мелисса вскрикнула, так как из канавы не слышалось ни звука; затем на секунду появилась рука, помахала и исчезла — но тут же вновь потянулась вверх как последний и отчаянный призыв о помощи.

В ответ из джунглей прозвучал одинокий выстрел — и кисть руки снесло пулей. Кровь брызнула из раны, но руку не отдернули, и почти сразу же кровотечение остановилось — и ни одного рывка, ни одной струйки, никаких признаков того, что сердце все еще бьется, все еще живет.

При виде этого жуткого зрелища Мелисса задрожала, дыхание ее стало тяжелым и прерывистым. Оторвавшись от прицела, Ичан Хан заметил это и на мгновение обнял ее за плечи.

— Спокойно, девочка моя, — сказал он, сжал ее плечо и снова бросился к прорези, услышав новый взрыв выстрелов и звон пуль о броню. — Теперь в любую минуту они могут броситься на нас, — пробормотал он.

Мондар, сидевший скрестив нош, словно погруженный в медитацию, потянулся к девушке и взял ее ладонь в свою руку. Взгляд девушки не отрывался от обрубка руки, торчащего из канавы. Мелисса сжимала руку Мондара все сильнее и сильнее, с силой, которая казалась просто невероятной. Она молчала, но взгляд ее застыл, а лицо стало неподвижным и бледным, словно маска.

Неожиданно выстрелы стихли. Мондар повернулся к Ичан Хану.

Дорсаец оглянулся, их глаза встретились.

— Теперь жди в любую секунду, — деловито произнес Ичан. — Посланник, ты будешь последним дураком, если позволишь им взять себя живым.

— Когда не останется смысла в жизни, я всегда смогу умереть, — ответил Мондар спокойно. — Мое тело подчиняется только моим приказам.

Ичан снова выстрелил.

— Автобус, — продолжал Мондар таким же тоном, — уже должен был подъехать достаточно близко, чтобы там услышали стрельбу и позвонили.

— Без сомнения, — откликнулся дорсаец. — Но помощь нужна нам сейчас, позже она бесполезна. Как я уже сказал, в любую секунду они могут броситься на нас. И один пистолет не сдержит дюжину, если не больше… А вот и они!

Через отверстие, находившееся на уровне плеча Ичана, Мондар увидел, как одетые в защитные комбинезоны фигуры внезапно выскочили из джунглей на дорогу. Маленький пистолет в руке Ичана не замолкал, но звук выстрелов терялся в общем реве, и фигуры, бежавшие в передних рядах, падали, словно заколдованные.

Атаковавшим нужно было преодолеть всего каких-то пятнадцать метров; и джунгли, и небольшой, залитый солнцем кусочек дороги, которые находились в поле зрения Мондара, пестрели маскировочными костюмами.

Оружие в руке Ичан Хана щелкнуло впустую, и в эту же секунду, как раз когда фигура первого партизана появилась в проеме, через который выбрался наружу Клетус, за спинами атаковавших раздался дикий вой «оборотня» — и они растаяли, как тают сделанные из песка фигурки под натиском мощного прилива.

Еще секунду вой продолжался, затем смолк. Тишина воцарилась на поле боя. Ичан выбрался из машины, Мелисса и Мондар молча последовали за ним.

Прихрамывая на левую, с протезом вместо колена, ногу,

Клетус выбрался из канавы, таща за собой «оборотень». Он ступил на дорогу как раз в тот момент, когда Ичан подошел к нему.

— Отлично сработано, — произнес с теплотой почти всегда сдержанный дорсаец. — Спасибо вам, подполковник.

— Не за что, полковник, — ответил Клетус не совсем уверенно.

Сейчас, когда напряжение спало, его здоровое колено стало нервно подрагивать — хоть и незаметно для других, зато вполне ощутимо для него самого.

— Действительно, отлично сработано, — присоединяясь к ним, произнес, как всегда спокойно, Мондар.

Мелисса остановилась у канавы, глядя на мертвого водителя. Теперь было ясно, что это его руку намеренно поднял Клетус, притворившись смертельно раненным.

Мелисса задрожала и повернулась к мужчинам. Она устремила пристальный взгляд на Клетуса, и целая гамма разноречивых чувств отразилась на ее бледном от пережитого ужаса лице.

— А вот и спасательный отряд… — проговорил Мондар, взглянув в небо.

Два боевых аэрокара, каждый с группой пехоты на борту, снижались, собираясь сесть на дорогу. Сзади послышалось шипение тормозов, и из-за поворота показался автобус.

— …вместе с нашей службой связи, — еле заметно улыбнувшись, добавил Мондар.

Глава 5

Штабную машину, компрессор которой был поврежден взрывом, пришлось бросить на дороге. Ее четверо пассажиров были доставлены одним из аэрокаров в портовый город Бахаллы. Они высадились в транспортном отсеке штаба альянса. Ичан Хан и Мелисса попрощались с остальными, сели в такси и поехали к себе домой. Мондар открыл дверцу другого такси и пригласил Клетуса в салон.

— Вам ведь необходимо явиться в штаб альянса за инструкциями, а это мне по пути. Я подвезу вас.

Клетус сел в такси. Мондар набрал на пульте код места назначения. Машина на воздушной подушке поднялась и плавно заскользила между рядами выкрашенных в белый цвет военных зданий.

— Спасибо, — учтиво произнес Клетус.

— Не за что, — кивнул Мондар, — Вы только что там, в джунглях, спасли всем нам жизнь. Я бы хотел сделать для вас нечто большее, чем этот пустяк. Мне кажется, вы не отказались бы снова поговорить с Дау де Кастрисом.

Клетус с любопытством взглянул на Мондара. Ему всегда были интересны люди, имеющие определенные цели и стремящиеся их достичь, а за пять дней знакомства с Мондаром он убедился, что человек этот весьма близок ему по духу — столь же решителен и целеустремлен.

— Я думал, де Кастрис отправился в столицу Ньюлэнда.

— Он так и сделал, — ответил Мондар. Такси, повернув направо, оказалось на более широком бульваре и стало приближаться к большому зданию из белого бетона, над которым развевался флаг альянса, — Но от Ньюлэнда до нас всего двадцать пять минут лету. Здесь коалиция не имеет никаких прямых дипломатических отношений с нашим правительством, но ни наши люди, ни Дау не хотят упускать случая поговорить. В конце концов, мы ведь сражаемся с коалицией. Без них Ньюлэнд и шести недель не продержался бы. Сегодня вечером я устраиваю у себя дома небольшую неофициальную вечеринку — Ичан и Мелисса будут там, хотелось бы видеть вас в числе гостей.

— Буду счастлив прийти, — поблагодарил Клетус. — Можно мне захватить с собой адъютанта?

— Адъютанта?

— Младшего лейтенанта Арвида Джонсона, если, конечно, мне повезет и он еще не занят, — пояснил Клетус. — Это один из моих бывших курсантов. Он навестил меня пару месяцев назад,

когда был в отпуске. Именно он рассказал мне то, что и пробудило мой интерес к Бахалле.

— Правда? Ну тогда обязательно приходите вместе с ним.

Машина затормозила и остановилась перед дорожкой, ведущей ко входу в большое белое здание. Мондар нажал на кнопку, и дверца рядом с Клетусом распахнулась.

— Приводите любого, кто, как вам кажется, получит от вечеринки удовольствие. Примерно в восемь часов.

— Мы будем обязательно, — улыбнулся Клетус.

Он вышел из машины и ступил на дорожку, которая повезла его к зданию штаба.

— Подполковник Клетус Грэйем? — переспросил молодой узколицый младший лейтенант, сидящий за заваленным бумагами столом, в отделе ордеров и назначений, когда Клетус подошел к нему, — Вы должны немедленно доложить генералу Трейнору о своем прибытии.

У него был пронзительно высокий голос, и во время разговора он неприятно ухмылялся. Клетус уточнил, как пройти к кабинету генерала, и ушел.

За стеклянной дверью с надписью «Бригадный генерал Джон Хьюстон Трейнор» оказалась приемная, где находился лысый полковник лет сорока. Он давал указания тучному тридцатилетнему капитану, вытянувшемуся по стойке «смирно» у единственного в комнате стола. После того как полковник закончил, он повернулся и увидел Клетуса.

— Вы Грэйем? — Голос его звучал резко.

— Верно, полковник, — произнес Клетус дружелюбно, — а вы…

— Дюплейн, — ответил тот недовольным голосом, — У генерала Трейнора я отвечаю за кадры. Вы собираетесь вставать на учет?

— Я прибыл сюда со специальным заданием из Женевы, — сказал Клетус.

Дюплейн хмыкнул, развернулся и вышел через дверь, откуда только что появился Клетус. Клетус взглянул на толстого капитана, усевшегося за свой стол.

— Сэр, — обратился к нему капитан. В его голосе чувствовалась некоторая симпатия. Лицо его было добродушным и вполне интеллигентным, несмотря на то что его несколько отяжелял второй подбородок. — Присядьте на минутку, я доложу о вас генералу Трейнору.

Клетус сел, и капитан наклонился вперед, к микрофону интеркома. Клетус не расслышал ответа, но капитан посмотрел на него и кивнул.

— Можете зайти, подполковник, — предложил он, указывая на дверь за своей спиной.

Клетус поднялся. Войдя в кабинет, он оказался перед огромным столом, за которым возвышался похожий на буйвола человек лет сорока пяти, с широкими скулами и поразительно густыми бровями. Клетус вспомнил: Бэт Трейнор, или Трейнор Летучая Мышь — таково было прозвище генерала. Бэт Трейнор, зловеще сдвинув брови, смотрел, как Клетус шел к его столу.

— Докладывает подполковник Клетус Грэйем, сэр. — Клетус положил перед ним свои бумаги.

Трейнор сдвинул их в сторону огромной ручищей.

— Хорошо, подполковник, — сказал он хриплым басом и указал на стул, стоящий напротив него с левой стороны стола. — Садитесь.

Клетус, благодарно взглянув на генерала, прохромал к стулу и буквально упал на него. Он начал чувствовать, что в канаве за городом растянул одну — если не больше — из немногих оставшихся целыми связок в больном колене. Когда он поднял голову, то увидел, что Бэт пристально смотрит на него.

— У меня есть ваше досье, подполковник, — сообщил он и раскрыл серую пластиковую папку, лежащую на столе перед ним. — Здесь говорится, что вы выросли в семье военных. Ваш дядя был начальником штаба в ставке альянса в Женеве, до того как вышел в отставку восемь лет назад.

Это так?

— Да, сэр, — ответил Клетус.

— А вы, — Бэт полистал страницы толстым пальцем и нахмурился, — были ранены в колено во время трехмесячной войны на Яве, семь лет назад?..

— Да, — снова подтвердил Клетус.

— С тех пор, — Бэт захлопнул папку, поднял глаза и не мигая уставился в лицо Клетуса, — вы работали в академии. Короче, не считая трех месяцев армейской службы, вы ничего не делали, кроме того что вбивали тактику в головы курсантам.

— А еще, — осторожно добавил Клетус, — я писал «Теорию тактики и стратегии».

— Да, — хмуро кивнул Бэт, — Об этом тоже есть. Три месяца провели в боях и собираетесь написать двадцать томов!

Бэт тяжело откинулся на спинку стула.

— Ладно, — продолжил он, — Вы прибыли сюда по специальному назначению в качестве моего советника по вопросам тактики, — Его черные брови угрожающе сдвинулись и теперь напряженно подрагивали, как боевые знамена на ветру.

— Надеюсь, вы явились сюда не потому, что, прослышав о

том, будто в академии собираются устроить хорошую чистку и выбросить весь ненужный хлам, вы нажали кое-какие рычаги, желая получить приятное спокойное местечко, где можно будет побездельничать?

— Нет, сэр, — спокойно ответил Клетус. — Я и правда нажал один-два рычага, чтобы меня направили именно сюда. Но, с вашего разрешения, не потому, что считал эту работу непыльной. Я здесь должен многое сделать.

— Надеюсь, что так, надеюсь, — повторил Бэт, — Так уж получилось, что три месяца назад я обратился с просьбой прислать мне дюжину способных пробиться через джунгли танков… Вместо этого я получил вас. А теперь слушайте: мне наплевать на то, что академия собирается сделать со своим отделением тактики. В любом случае юнцам, которых она присылает, приходится в полевых условиях переучиваться заново. К тому же мне нужны эти танки. Все еще нужны.

— Возможно, — сказал Клетус, — я смогу что-нибудь придумать, чтобы помочь вам, генерал, обойтись без них.

— Не уверен, — мрачно отрезал Бэт. — Наверняка все будет так: вы поболтаетесь здесь примерно пару месяцев, пока не выяснится, что от вас нет практически никакой пользы. Затем я сообщу об этом факте руководству альянса на Земле и снова попрошу танки. Я их получу, а вас переведут назад на Землю — хоть и без благодарностей, но зато и без каких-либо черных отметок в вашем послужном списке… Это в том случае, если все пройдет гладко, подполковник. И… — Бэт потянулся к углу стола и подтянул к себе листочек бумаги, — к слову, я получил рапорт о том, что в первую ночь полета на борту космического корабля вы напились и выставили себя дураком перед секретарем коалиции, который летел вместе с вами.

— Весьма оперативно, — усмехнулся Клетус, — учитывая то, что, когда наша группа, отправлявшаяся в Бахаллу, покидала корабль, все телефоны на борту были непробиваемо заняты людьми коалиции. Как я понимаю, доклад этот исходит от одного из них?

— Пусть вас не волнует, кто мне об этом доложил! — рявкнул Бэт. — На самом деле об этом сообщил капитан корабля.

Клетус засмеялся.

— Что вас так рассмешило, подполковник? — В голосе генерала послышались угрожающие нотки.

— Сама идея, сэр, — ответил Клетус. — Относительно того, что капитан гражданского космического корабля докладывает о пригодности к службе офицера альянса.

— Вам это не покажется столь смешным, если я внесу

полученную информацию в ваш послужной лист, подполковник, — произнес Бэт. Он мрачно взглянул на Клетуса, однако его несколько смутило, что его угроза не особенно огорчила собеседника. — Но не обращайте внимания на коалицию и капитанов гражданских кораблей. Я ваш начальник, и я требую объяснить, почему вы напились.

— Объяснения нет… — начал Клетус.

— Ага!..

— Никакого объяснения и быть не может, — продолжал Клетус, — потому что я никогда в жизни не был пьян. Боюсь, что капитана корабля неправильно информировали или он сам сделал неверный вывод.

— Просто ошибся, не так ли? — иронически поинтересовался Бэт.

— И такое бывает, — сказал Клетус, — Думаю, у меня есть свидетель, который подтвердит, что я не был пьян. Он сидел с нами за столиком. Мондар, бывший посланник в анклаве Сент-Луиса.

Рот Бэта, который тот было приоткрыл, чтобы возразить, захлопнулся. Несколько секунд генерал сидел молча. Затем его брови вновь дрогнули, но складки на переносице немного разгладились.

— Тогда к чему бы этот доклад? — спросил он более мирным голосом.

— Мне показалось, что команда корабля неравнодушна к людям коалиции, находившимся на борту.

— Ну тогда к черту все это! — взорвался Бэт. — Если вы все видели, почему не попытались исправить ситуацию?

Из соображений элементарной стратегии, — ответил Клетус, — Я думаю, нет особого вреда в том, что люди коалиции будут невысокого мнения о вашем эксперте по тактике.

Бэт посмотрел на него.

— В любом случае их мнение — сколь невысоким оно бы ни было — вряд ли выше моего, — заметил он. — Мне от вас никакой пользы, подполковник. Это грязная ничтожная война, в которой нет места стратегическим загадкам. У этой экзотской колонии есть люди, деньги, технические средства и морское побережье. У Ньюлэнда нет побережья, нет промышленности и слишком много женщин и детей в тылу на фермах — из-за многоженства, освященного их религиозным культом. Но этот избыток населения является отличным источником пополнения для партизан. Итак, ньюлэндцы хотят заполучить то, что есть у экзотов, а коалиция пытается помочь им в этом. Мы здесь за тем, чтобы этого не произошло. Такова ситуация. В том, что делают

ньюлэндские партизаны, и в том, что делаем мы, чтобы их остановить, все предельно ясно. Специалист по книжной стратегии и тактике мне нужен не больше, чем большой симфонический оркестр. И я уверен, что де Кастрис и другие люди коалиции на корабле понимали это так же хорошо, как и я.

— Возможно, я буду не столь бесполезным, как думает генерал, — невозмутимо произнес Клетус, — Конечно, мне надо осмотреться и несколько дней посвятить изучению ситуации… А начну я, пожалуй, с разработки плана поимки тех партизан, которых будут засылать в страну через ущелье Эттера.

Брови Бэта снова нахмурились.

— Опять партизаны? Кто вам сказал об ущелье Эттера? — рявкнул он. — Какого кролика вы пытаетесь вытащить из своего цилиндра?

— Никаких кроликов, — ответил Клетус. — Боюсь, это даже не профессиональное суждение. Просто здравый смысл. Сейчас, когда Дау де Кастрис прибыл сюда, Ньюлэнд, несомненно, попытается устроить что-то вроде спектакля… У вас есть под рукой карта?

Бэт нажал кнопку на крышке стола, и стена комнаты слева от Клетуса вдруг поднялась, открыв большую карту, изображающую вытянутую вдоль побережья Бахаллу колонию экзотов и горный хребет, отделяющий ее от колонии Ньюлэнд, расположенной внутри материка. Клетус подошел к карте, пробежал по ней глазами и, вытянув левую руку, постучал указательным пальцем по точке, расположенной посреди хребта.

— Вот. Ущелье Эттера, — показал он Бэту. — Хороший широкий проход, ведущий из Ньюлэнда вниз, в Бахаллу, но, согласно докладам, мало используемый ньюлэндцами только потому, что здесь в пределах более чем сотни миль во всех направлениях нет ничего стоящего для захвата. С другой стороны, по нему очень легко проникнуть в страну. Поблизости от него, внизу, нет никаких поселений, не считая крошечного городка Двух Рек. Конечно, с практической точки зрения ньюлэндцам выгоднее заслать в страну партизан через проходы, расположенные ближе к крупным населенным пунктам. Но если их не интересует выгода, а они просто захотят устроить представление, то им стоит через пару дней направить в ущелье многочисленный отряд, с тем чтобы через неделю нанести мощный удар по одному из прибрежных городков, а может, даже захватить его и подержать пару дней.

Клетус повернулся, похромал к стулу и сел. Бэт, насупив брови, глядел на карту.

— В любом случае, — продолжал Клетус, — не потребуется

больших усилий, чтобы устроить засаду и поймать большинство из них, когда они попытаются пройти мимо Двух Рек. Фактически я мог бы сделать это сам, если вы позволите мне взять батальон десантников…

— Батальон! Десантников! — Бэт наконец вышел из транса и сверкнул глазами в сторону Клетуса, — Что здесь такое, как вы думаете? Аудитория, в которой можно помечтать о любых видах войск и вооружения, необходимых для успешных боевых действий? На Культисе нет десантных войск. А что касается того, чтобы вообще дать вам какой бы то ни было батальон — даже если ваше предположение чего-то и стоит… — Бэт фыркнул, не договорив.

— Ставлю свою репутацию на карту — партизаны уже идут, — невозмутимо заявил Клетус. — Фактически я рискнул своей репутацией еще раньше. Недавно в академии в разговоре с моими коллегами и друзьями я предсказал, что это вторжение произойдет, как только Дау де Кастрис прибудет в Ньюлэнд…

— Ах вы предсказали… — Тон Бэта вдруг стал коварно глубокомысленным. Он сел за стол, глядя из-под насупленных бровей на Клетуса. — Значит, вы поспорили на свою репутацию, не так ли, подполковник? Но вот чего у меня нет, так это лишних войск, и в любом случае вы прибыли сюда в качестве технического советника… Знаете, что я вам скажу… Я объявлю призыв резервистов и отправлю их к ущелью под командой офицера полевых войск. Он, конечно, будет ниже вас по званию, но, если вы хотите, можете присоединиться к ним. Официально — исключительно в качестве наблюдателя; правда, я скажу офицеру, что он должен учитывать ваши советы… Ну как, хорошая идея?

Последние слова он даже не произнес, а пролаял — тоном, каким обычно приказывают заткнуться.

— Конечно, — ответил Клетус. — Если так будет угодно генералу.

— Отлично! — Бэт неожиданно оскалился в волчьей ухмылке, обнажив почти все зубы. — Тогда отправляйтесь и найдите себе жилье. Но будьте наготове.

Клетус поднялся на ноги.

— Спасибо, сэр, — сказал он и направился к двери.

— Не за что, полковник. Не за что. — Закрывая за собой дверь, Клетус услышал слова Бэта, в которых, как ему показалось, прозвучала насмешка.

Клетус вышел из здания штаба и занялся поисками жилья. Устроившись в пансионе для холостых офицеров, он, взяв копии приказов, пошел в отдел резерва офицерских кадров, чтобы

заодно проверить, свободен ли Арвид Джонсон, тот младший лейтенант, о котором он говорил Мондару. Убедившись в этом, Клетус заполнил бланк с требованием приписки к нему лейтенанта в качестве научного сотрудника и попросил передать ему, чтобы тот связался с ним как можно быстрее. После этого он вернулся в пансион. Не прошло и четверти часа, как зуммер у входной двери сообщил о посетителе. Клетус встал со стула и открыл дверь.

— Арвид! — радостно воскликнул он.

Арвид Джонсон вошел в комнату и, протянув руку для рукопожатия, счастливо улыбнулся Клетусу. Клетус был высокого роста, но Арвид, от подошв его черных форменных ботинок и до кончиков коротко подстриженных рисово-белых волос, казался настоящей башней.

— В конце концов вы все-таки здесь, сэр, — улыбнулся Арвид. — Я помню, вы говорили, что приедете, но не мог поверить, что вы ради этого бросите академию.

— События развиваются именно здесь, — сказал Клетус.

— Сэр? — В голосе Арвида чувствовалось недоверие. — Здесь, на Культисе?

— Развитие событий зависит не столько от места, сколько от людей, находящихся там, — пояснил Клетус. — А в данный момент среди нас есть человек по имени Дау де Кастрис, и первое, что я хочу от тебя, это чтобы ты пошел со мной сегодня на вечеринку в его честь.

— Дау де Кастрис? — Арвид покачал головой. — Не думаю, что я знаю…

— Секретарь по делам Внешних миров в коалиции, — напомнил Клетус. — Он прибыл сюда с Земли на том же корабле, что и я… Игрок…

— А, один из боссов коалиции, — кивнул Арвид, — Тогда действительно здесь могут, как вы говорите, начать разворачиваться события… А что вы имеете в виду под «игроком», сэр? Вы хотите сказать, он любит спорт?

— Не в обычном смысле этого слова, — сказал Клетус и продекламировал:

В чьих играх в царства ставкой был престол;
Чьи кости — люди, мир — игральный стол.

— Шекспир? — с любопытством спросил Арвид.

— Байрон, — ответил Клетус. — В своем «Бронзовом веке» — про Наполеона.

— Сэр, — недоверчиво произнес Арвид, — вы ведь не хотите

сказать, что этот де Кастрис — новый Наполеон?

— Я хочу сказать только то, что Наполеон начинал, как де Кастрис. У них есть кое-что общее.

Арвид выждал еще мгновение, но Клетус молчал. Тогда лейтенант снова кивнул.

— Да, сэр, — сказал он. — В котором часу мы должны быть на этой вечеринке?

Глава 6

Когда Клетус и Арвид добрались до резиденции Мондара, за горным хребтом, отделяющим Бахаллу от континента, раздался похожий на ворчание великанов раскат грома, по силе своей превышавший земной. Но небо было чистое, солнце, зависнув над крышами спускавшихся к бухте зданий, наполняло небо и море розоватым золотом.

Дом Мондара, окруженный деревьями и цветущими кустарниками как местного, так и земного происхождения, стоял в одиночестве на невысоком холме, на восточной окраине города. Само здание было сложено из стандартных блоков, скорее исходя из удобства. Однако во всем остальном господствовали утонченный вкус и изящество.

Мондар встретил Клетуса и Арвида в большой комнате, только три стены которой были каменными, а четвертую образовывало сплетение вьющихся растений. Он провел их дальше в дом, в длинную и широкую, с низким потолком комнату, всю в коврах, со множеством уютных мягких кресел и диванчиков. Здесь уже были гости, среди них — Мелисса и Ичан Хан.

— Де Кастрис?.. — спросил Клетус Мондара.

— Он здесь, — ответил Мондар. — Он и Патер Тэн как раз заканчивают беседу с моими знакомыми, экзотами.

Он провел их к маленькому бару в углу комнаты.

— Думаю, вы найдете здесь напиток себе по вкусу. Достаточно набрать его название. А я сейчас должен кое с кем увидеться. Но позже мне бы хотелось поговорить с вами, Клетус. Хорошо? Я отыщу вас, как только освобожусь.

— Обязательно, — улыбнулся Клетус.

Когда Мондар ушел, подполковник повернулся к бару. Арвид уже держал в руке бокал с пивом.

— Что вам заказать, сэр? — спросил он.

— Пока ничего, спасибо, — сказал Клетус. Он снова осмотрелся по сторонам и остановил взгляд на Ичан Хане, который, тоже с бокалом в руке, стоял в одиночестве у широкого окна. — Оставайтесь здесь, Арвид, хорошо? Чтобы, когда ты мне понадобишься, я легко мог тебя найти.

— Да, сэр, — кивнул Арвид.

Клетус направился к Ичан Хану. Когда тот повернулся, глаза его излучали холод, словно желая отбить у подошедшего охоту разговаривать. Но когда Ичан Хан увидел, кто это, взгляд его смягчился.

— Добрый вечер, — приветствовал он Клетуса. — Как я понимаю, вы уже встречались со своим начальником.

— Новости передаются быстро, — заметил Клетус.

— В конце концов, здесь все-таки военное положение. — Его взгляд на секунду скользнул в сторону, — А еще я слышал о вашем предположении относительно новой вылазки ньюлэндских партизан, через ущелье Эттера.

— Совершенно верно, — ответил Клетус. — А вы не считаете это возможным?

— Очень даже возможным — после того как вы об этом сказали. Между прочим, я достал те три тома по тактике, которые вы уже издали. В здешней экзотской библиотеке есть несколько экземпляров. Пока я смог только просмотреть их — не было времени, — его глаза встретились с глазами Клетуса, — но, похоже, это хороший материал. Очень хороший… Хотя я до сих пор не уверен, что последую вашей тактике ошибок. Как сказал де Кастрис, сражение — это фехтовальный бой.

— Конечно, — согласился Клетус. — Простейшая тактическая ловушка заключается в том, чтобы заставить врага нанести удар на том участке фронта, который кажется самым слабым. Но когда удар нанесен, ваши войска оттягиваются назад и завлекают нападающих в «котел», где вы их окружаете с помощью скрытых в засаде превосходящих сил.

— В этом нет ничего нового, — заметил Ичан.

— Нет, — произнес Клетус. — Но попытаемся применить к абсолютно такой же ситуации тактику ошибок. Только на этот раз, в результате ряда столкновений с врагом, вы даете ему одержать серию небольших и, на первый взгляд, легких побед. Тем временем, однако, вы заставляете его с каждой новой стычкой увеличивать количество участвующих в ней солдат. Затем, когда он наконец вовлекает в столкновение большую часть своих войск, надеясь, как всегда, победить, ловушка захлопывается, и он обнаруживает, что вам удалось заманить его к вашим укрепленным позициям; отрезанный от флангов, враг полностью в вашей власти.

— Ловко, — нахмурился Ичан. — Возможно, даже чересчур ловко…

— Вовсе нет, — возразил Клетус. — Китайская империя и Россия применяли грубую версию такого приема, затягивая захватчиков в глубь своей территории до тех пор, пока те неожиданно не осознавали, что находятся слишком далеко от своих баз и полностью окружены… Вспомните хотя бы Наполеона и его бегство из Москвы.

— И все же… — Ичан неожиданно замолчал.

Его взгляд скользнул мимо Клетуса, тот обернулся и увидел, что Дау де Кастрис уже в комнате. Высокий темноволосый элегантный секретарь коалиции стоял у противоположной стены, разговаривая с Мелиссой.

Снова повернувшись к Ичану, Клетус заметил, что лицо пожилого человека стало холодным и неподвижным, словно слой льда на поверхности глубокого озера в безветренный зимний день.

— Вы уже достаточно хорошо знаете де Кастриса? — спросил Клетус, — Вы и Мелисса?

— Он нравится всем женщинам, — ответил Ичан мрачно, не сводя глаз с Мелиссы и Дау.

— Похоже на то, — кивнул Клетус.

Он замолчал и стал ждать. С неохотой Ичан отвел взгляд от увлеченно разговаривающей пары и посмотрел на Клетуса.

— Должен сказать вам, — произнес тот, с любопытством глядя на полковника, — что генерал Трейнор во время нашего разговора сообщил мне нечто странное. Оказывается здесь, в Бахалле, у него нет десантных войск. Это меня удивило. Я кое-что почитал о дорсайцах, прежде чем отправиться сюда. Если мне не изменяет память, то отработка прыжков с гравипоясами входит в программу обучения наемников.

— Это действительно так, — сухо подтвердил Ичан. — Но генерал Трейнор, как и большинство командующих альянса и коалиции, не считает нашу подготовку достаточно хорошей для того, чтобы использовать наемных солдат в качестве десантников или в каких-либо других целях.

— Гм, — хмыкнул Клетус, — Ревность? Вам не кажется, что он на ваших наемников смотрит как на своего рода конкурентов?

— Я так не говорил, — ледяным тоном сказал Ичан. — Это, разумеется, ваши собственные выводы.

Его взгляд снова метнулся через комнату к Мелиссе и Дау.

— Да, я хотел вас спросить еще кое о чем, — снова заговорил Клетус. — Я познакомился на Земле со списками офицеров, которые получили назначение в Бахаллу. Там было несколько морских офицеров, направленных сюда в качестве инженеров-механиков, — что-то связанное с работой на реке и в бухте. Но я еще не видел здесь ни одного моряка.

— Капитан первого ранга Вефер Линет, — быстро ответил Ичан, — в гражданском — вон сидит напротив. Идемте. Я вас представлю.

Клетус последовал за Ичаном; они медленно пересекли огромную комнату и подошли к диванчику и нескольким стульям, на которых сидели, разговаривая, человек шесть. Ичан и Клетус

теперь оказались гораздо ближе к Дау и Мелиссе, но все равно слишком далеко, чтобы расслышать, о чем говорили эти двое.

— Капитан, — обратился к Линету Ичан. Невысокий, с квадратным лицом мужчина лет тридцати пяти тут же встал. — Познакомьтесь, пожалуйста, с подполковником Клетусом Грэйемом, только что прибывшим с Земли. Подполковник — эксперт по тактике у генерала Трейнора.

— Рад с вами познакомиться, подполковник, — ответил Вефер Линет, пожимая руку Клетуса. Рукопожатие было крепким и дружеским. — Придумайте что-нибудь для нас, кроме углубления дна в устьях рек и каналов, и мои люди будут от вас без ума.

— Я так и сделаю, — улыбнулся Клетус. — Обещаю.

— Отлично! — воскликнул Вефер.

— У вас ведь есть эти огромные подводные бульдозеры, — поинтересовался Клетус. — Я читал о них в журнале вооруженных сил альянса, семь месяцев назад.

— Да, «Марк-V». — Глаза Линета загорелись, — Целых шесть штук. Хотите как-нибудь прокатиться? Это прекрасная техника. Бэт Трейнор намеревался с их помощью уничтожить джунгли. Конечно, они сделали бы это лучше, чем те машины, которыми располагает армия. Но они не предназначены для работы на земле. Сам я не мог сказать генералу «нет», но настоял на том, чтобы он получил разрешение с Земли. К счастью, там не согласились.

— Ловлю вас на слове — относительно прогулки на «Марке-V», — сказал Клетус.

Ичан продолжил сосредоточенно наблюдать за Мелиссой и Дау. Клетус окинул взглядом комнату и заметил Мондара, который разговаривал с двумя женщинами, похожими на жен дипломатов.

Экзот также повернулся к Клетусу и кивнул, словно физически ощутив прикосновение взгляда. Клетус наклонил голову в ответ и снова повернулся к Веферу, который с воодушевлением рассказывал, как работают его бульдозеры на глубинах до тысячи футов или преодолевая приливы и быстрые течения.

— Скорее всего, следующие несколько дней я буду занят за городом, — уточнил Клетус, — но после этого, если мне не придется уехать из города по какой-либо причине…

— Позвоните мне в любое время, — ответил Вефер. — Сейчас мы работаем в главной гавани — здесь, в Бахалле. Я могу встретить вас у доков через десять минут, стоит вам только предупредить о приезде… Здравствуйте, посланник, тут

подполковник собирается на днях прокатиться со мной на «Марке-V».

К ним подходил Мондар.

— Отлично, — улыбнулся экзот, — Ему будет интересно.

Его взгляд остановился на Клетусе.

— Кажется, Клетус, вы хотели поговорить с Дау де Кастрисом. Сегодня он закончил дела с моими людьми. Вон он стоит с Мелиссой.

— Да, вижу… — кивнул Клетус. Он оглянулся на Вефера и Ичан Хана. — Я как раз собирался подойти к ним, если джентльмены меня простят.

Он простился с Вефером, дав обещание позвонить ему при первой же возможности. Поворачиваясь, он заметил краем глаза, как Мондар легко прикоснулся к руке дорсайца и отвел его в сторону для разговора.

Клетус похромал туда, где все еще стояли Дау и Мелисса. Когда подполковник приблизился, они одновременно повернулись к нему. Накрашенные брови Мелиссы нахмурились, но губы Дау растянулись в искренней улыбке.

— Ну, подполковник, — сказал он, — я слышал, сегодня утром вас всех обстреляли по дороге из космопорта.

— Думаю, именно этого и следовало ожидать здесь, в Бахалле, — заметил Клетус.

Оба они непринужденно рассмеялись, и едва заметная складка между бровями Мелиссы разгладилась.

— Извините меня, — повернулась она к Дау, — мне кажется, отец хочет мне что-то сообщить. Он мне машет. Я скоро вернусь.

Она ушла. Взгляды двух мужчин скрестились.

— Итак, — сказал Дау, — вы вышли из переделки с развевающимися флагами, в одиночку расправившись с отрядом партизан.

— Не совсем так. Еще был Ичан и его пистолет. — Клетус наблюдал за собеседником. — Хотя Мелиссу могли убить.

— Могли, — согласился де Кастрис. — И это было бы ужасно.

— Безусловно, она заслуживает лучшей участи.

— Люди обычно получают то, чего они заслуживают. Даже Мелисса. Но я не думал, что ученые интересуются судьбами отдельных людей.

— Они всем интересуются, — заметил Клетус.

— Да, я вижу… И ловкостью рук тоже. Знаете, я ведь заглянул-таки под среднюю чашку — и нашел там кусочек сахара. Я сказал об этом Мелиссе, и она ответила мне, что вы положили сахар под все три чашки.

— Боюсь, так оно и было.

Они снова посмотрели друг другу в глаза.

— Это хороший фокус. Но не из тех, которые срабатывают дважды.

— Нет, каждый раз фокус должен быть другим.

Улыбка де Кастриса напоминала оскал хищника.

— Вы не похожи на человека, любящего отсиживаться в башне из слоновой кости, подполковник. Не могу отделаться от мысли, что вам нравится теория меньше, а практика больше, хотя на первый взгляд кажется иначе. Скажите мне, — его глаза под прямыми бровями насмешливо прищурились, — если придется выбирать, не поддадитесь ли вы соблазну заняться практикой вместо проповедования?

— Без сомнений, — ответил Клетус. — Но быть ученым — значит работать на будущее. И через много лет, когда эти новые миры смогут без вмешательства Земли свободно определять свою судьбу, наши теории будут иметь больший эффект, чем наши практические действия.

— Я уже слышал об этом от вас на борту корабля, — произнес де Кастрис. — Вы утверждали, что миры, подобные Культису, избавятся от влияния как альянса, так и коалиции. Вы по-прежнему чувствуете себя в безопасности, говоря подобные вещи здесь, в месте, где полно ваших соглядатаев?

— В достаточной безопасности, — подтвердил Клетус. — Ни один из них не поверил бы этому больше, чем вы.

— Да, боюсь, что и я не верю.

Де Кастрис взял с маленького столика, рядом с которым стоял, бокал вина и посмотрел сквозь него на свет, медленно поворачивая между пальцами. Затем опустил бокал и снова взглянул на Клетуса.

— Но мне было бы интересно знать, как, по-вашему, это произойдет.

— Я рассчитываю немного подтолкнуть этот процесс, — признался Клетус.

— Правда? Но, похоже, у вас нет для этого ничего, что могло бы помочь: фондов, армий или политического влияния. Я же, например, все это имею и, следовательно, нахожусь в более выгодном положении. Если бы я думал, что можно добиться значительных перемен — конечно, в свою пользу, — я бы попытался каким-то образом изменить надвигающиеся события.

— Ну, — заметил Клетус, — мы оба можем попробовать.

— Конечно, — Де Кастрис посмотрел на Клетуса поверх бокала. — Но вы не сказали, каким образом собираетесь это сделать, — свои же средства я вам перечислил: деньги, войска, политическая власть. Что есть у вас? Только теория?

— Иногда достаточно и одной теории, — ответил Клетус.

Де Кастрис медленно покачал головой, поставил бокал обратно на столик и слегка потер кончики пальцев, державших ножку, один о другой, словно пытаясь избавиться от чего-то липкого.

— Подполковник, — спокойно сказал он, — вы либо какой-то новый тип агента, которого альянс пытается мне подсунуть, — в этом случае я узнаю правду, как только получу ответ с Земли, — либо что-то вроде интересного сумасшедшего. Во втором случае вас разоблачит сама жизнь. И на это потребуется не больше времени, чем на ожидание сообщения с Земли.

Секунду он наблюдал за Клетусом, который сохранил безмятежный вид.

— Извините, что я так говорю, — продолжал де Кастрис. — Но ваши речи все больше и больше походят на речи сумасшедшего, а жаль. Если бы вы оказались агентом, я бы предложил вам лучшую работу, чем та, которую вы имеете в альянсе. Но я не хочу нанимать сумасшедшего — он слишком непредсказуем…

— Но… — остановил его Клетус, — а что, если я окажусь удачливым сумасшедшим?

— Тогда, конечно, все было бы по-другому. Но надежда слишком призрачна. Вот и все, больше мне нечего сказать. Извините. Я предполагал, что вы не разочаруете меня.

— Похоже, я имею привычку разочаровывать людей.

— Как тогда, когда вы сначала решили рисовать вместо поступления в академию, а потом в конце концов бросили живопись ради карьеры военного? — задумчиво пробормотал де Кастрис, — Я тоже немного разочаровывал людей таким образом. У меня огромное количество дядюшек и двоюродных братьев в мире коалиции — все они удачливые руководители, бизнесмены, как, например, мой отец. Но я выбрал политику…

Он смолк, заметив подошедшую к ним Мелиссу.

— Ничего серьезного… О, Клетус, — она взглянула на него, — Мондар сказал, что, если он вам понадобится, вы найдете его в кабинете. Это отдельная постройка за домом.

— Как туда пройти? — спросил Клетус.

Девушка показала на огромный проем в дальней стене комнаты.

— Под арку и налево, — пояснила она. — А коридор приведет вас к двери в сад. Его кабинет сразу же за садом.

— Благодарю. — Клетус слегка наклонил голову, прощаясь, и направился к выходу.

Он прошел по коридору в сад, разбитый на небольших

террасах. Верхушки деревьев покачивались от жаркого влажного ветра. Но ничего похожего на здание не было видно.

Однако почти в следующее же мгновение, как раз когда Клетуса начало одолевать сомнение, за деревьями впереди он увидел слабое мерцание. Он пересек сад и оказался на открытом месте, у низкого, похожего на гараж строения, которое так естественно вписалось в окружающую его зелень, что казалось, будто оно тоже растет из земли. Низкие, завешенные плотными шторами окна пропускали лишь слабый свет — его-то и заметил Клетус. Он постоял перед дверью, затем шагнул к ней — и она бесшумно отворилась. Он вошел внутрь, дверь так же тихо затворилась.

Комната, освещенная мягким светом, по виду напоминала скорее библиотеку, чем кабинет. Воздух здесь казался странно разреженным, сухим и чистым, как на высокой горной вершине. На книжных полках, занимающих все четыре стены, размещалась удивительно большая коллекция старых печатных книг. Пульт для занятий и система поиска книг находились в углах комнаты. Мондар сидел в стороне от них, на чем-то вроде широкого, без подлокотников кресла, скрестив ноги, словно Будда в позе лотоса.

И все выглядело вполне обыденно — не считая позы Мондара, однако едва лишь Клетус вошел в дверь, как внутри у него словно прозвенел сигнал опасности, заставив его замереть на пороге. Он вдруг почувствовал напряжение, пронизывающее воздух этой комнаты, — мелькнуло ощущение мощной невидимой силы, застывшей в хрупком равновесии.

На секунду его сознание затуманилось. Затем все прошло. За одно мимолетное, но показавшееся ему бесконечным мгновение он увидел то, что было в комнате, — и то, чего не было.

Его глаза зафиксировали как бы два различных варианта одной и той же сцены, наложенные один на другой. Первый — обыкновенная комната и сидящий Мондар. Во втором присутствовала та же комната, но все в ней было абсолютно иным. И Мондар не сидел, а парил над креслом. А перед ним и за ним выстроился ряд повторяющихся отображений, полупрозрачных, но узнаваемых; и в то время, как ближайшие к нему, и спереди и сзади, казались отражениями его самого, те, что находились подальше, имели другие лица — лица экзотов, но других людей. И передний, и задний ряды тянулись вдаль, исчезая из виду.

У Клетуса тоже — он это понял — были подобные отображения, расположившиеся на одной с ним прямой. Он видел их впереди себя и каким-то образом чувствовал те, что стояли

сзади. Перед ним был Клетус с двумя здоровыми ногами, но за ним и за двумя другими Клетусами находились еще люди. Всех их связывала общая нить, пульсы их жизней соединялись с его пульсом, и через него нить тянулась к человеку без левой руки, затем все дальше и дальше, через жизни остальных. Заканчивался ряд властного вида стариком в рыцарских доспехах, сидящим на белом коне с жезлом в руке.

Комнату наполняли потоки энергии. Подобно нитям золотого света, они соединяли некоторые из отображений Клетуса с отображениями Мондара, а также самого Клетуса с самим Мондаром.

Затем вдруг Мондар взглянул на Клетуса, и образы исчезли. Осталась только обычная комната.

Но глаза Мондара сияли, словно два сапфира, освещаемые изнутри светом, идентичным по цвету и структуре нитям, которые, казалось, все еще присутствовали в воздухе комнаты.

- Да, — произнес Мондар, — я знал… почти с того самого момента, как впервые увидел вас в кают-компании космического корабля. Я знал, что вы обладаете потенциалом. Если бы только вербовка — в обычном смысле слова — не противоречила вашей философии, я бы попытался привлечь вас к работе — с этой самой минуты. Вы говорили с Дау?

Клетус медленно кивнул.

— С вашей помощью, — ответил он. — Кстати, была ли необходимость уводить Мелиссу? Де Кастрис и я вполне могли бы поговорить и в ее присутствии.

— Я хотел дать ему шанс использовать все имеющиеся возможности. — Глаза Мондара все еще сияли, — Я хотел, чтобы у вас не осталось ни малейшего сомнения относительно того, что он может купить вас. Он предложил вам работать на него, не так ли?

— Он сказал мне, что не может себе позволить иметь дело с интересным сумасшедшим. Из чего я заключил — он ужасно хочет такового заполучить.

— Конечно, — согласился Мондар, — Но вы ему нужны только ради того, что вы можете сделать для него. Его не интересует то, что вы можете сделать для себя… Клетус, вы знаете, как появились экзоты?

— Да, — ответил Клетус. — Я поинтересовался этим, прежде чем обратиться с просьбой о переводе. Своим появлением на свет экзоты обязаны культу черной магии, практиковавшемуся на Земле в начале двадцать первого века, одной сектой под названием Заупокойная гильдия. Позднее на ее основе образовалась Ассоциация по исследованию и развитию экзотских

наук.

— Все правильно, — кивнул Мондар. — Это — идея Уолтера Бланта. Он был выдающимся человеком, Клетус. Но, подобно многим людям своего времени, он не мог принять того факта, что окружающее его пространство внезапно утратило цельность и стало включать в себя бесчисленные множества миров, разбросанных в межзвездном пространстве. Вероятно, вы также хорошо знаете историю этого периода, когда инстинктивный, присущий человеку страх перед космосом, находящимся за пределами Солнечной системы, все увеличивался и в конце концов выразился в серии кровавых социальных потрясений. Он породил ряд обществ и культов, пытавшихся психологически, на уровне бессознательного, примириться с чувством своей незначительности и уязвимости. Блант был борцом-анархистом. Его реакцией на это чувство стала революция…

— Революция? — переспросил Клетус.

— Да, в буквальном смысле революция, — подтвердил Мондар. — Блант хотел разрушить часть существующей объективной физической реальности при помощи примитивного психологического рычага. Он назвал то, что собирался сделать, «сознательным разрушением». Он призывал людей: «Разрушайте!» Но не смог протолкнуть даже самых ярых неврастеников своего времени через эмоциональный барьер. А затем на посту главы Союза его заменил молодой горный инженер, потерявший руку во время несчастного случая в шахте.

— Потерявший руку? — резко воскликнул Клетус. — Какую?

— Левую. Да, думаю, это была левая рука, — произнес Мондар. — А в чем дело? Его звали Пол Формейн.

— Фортмейн? — снова перебил его Клетус.

— Без «т», — сказал Мондар и произнес слово по буквам, с любопытством глядя на своего собеседника. — Что вас так заинтересовало?

— Некоторые совпадения, — ответил Клетус. — Вы сказали, что у него была только одна рука, — значит, правая, уцелевшая, в результате компенсирующего развития стала очень сильной. И его имя звучит очень похоже на «фортмейн» — дословно: «сильная рука». Эти слова использовали норманны для обозначения своей политики применительно к побежденным ими англичанам, после захвата Англии в одиннадцатом веке. Такая политика оправдывала любую, необходимую для удержания англичан под контролем, силу. Так вы говорите, он возглавил Заупокойную гильдию, сместив этого Бланта?

— Да. — Мондар нахмурился, — Все это так, Клетус, но, признаться, я не понимаю, почему это так важно.

— Может, и не важно, — согласился Клетус, — Продолжайте. Формейн возглавил эту гильдию и основал вашу экзотскую ассоциацию.

— Для того чтобы это сделать, ему пришлось почти разрушить Союз, но он пошел на это. Формейн поставил иную цель, заменив революцию эволюцией. Эволюцией человека, Клетус.

— Эволюция… — Клетус задумчиво повторил это слово. — Так вы думаете, что процесс эволюции человечества можно сделать управляемым? Каким же будет результат?

— Конечно, точно мы этого не знаем, — ответил Мондар, складывая руки на коленях. — Могла ли обезьяна представить себе человека? Но мы уверены, что семена новых ценных качеств еще должны прорасти в человеке. И мы, экзоты, видим свое предназначение в том, чтобы отыскать эти семена, а обнаружив, помогать их росту до тех пор, пока новый человек не станет частью нашего сообщества.

— Извините. — Клетус покачал головой, — Экзот из меня вряд ли получится. Так что лучше я буду заниматься своим делом.

— Мы никого не принуждаем, — Мондар подался вперед, — Каждый работает на будущее так, как он считает нужным. Единственное, чего мы требуем, — если способности кого-то из нас понадобятся сообществу, он предоставляет их в его распоряжение. В свою очередь, сообщество предлагает каждому все возможности для того, чтобы он мог совершенствоваться физически и умственно и эффективнее выполнять свою собственную работу. Вы знаете уровень своих возможностей. Подумайте, что бы вы смогли сделать, применяя наши знания.

Клетус снова покачал головой.

— Ваш отказ, — ровным голосом проговорил Мондар, — может стать губительным для вас, ибо он свидетельствует о вашем подсознательном желании пойти по пути де Кастриса — поддаться искушению непосредственно манипулировать людьми и событиями, вместо того чтобы посвятить себя делу неизмеримо более важному: борьбе с узостью мышления ради обретения принципов, постепенно поднимающих людей выше всяких манипуляций.

Клетус рассмеялся, но в смехе его было мало веселья.

— Правда ли, что вы, экзоты, принципиально не носите оружие и не применяете его даже для самообороны? И поэтому для своей защиты вы используете наемников типа дорсайцев или заключаете соглашения с политическими группами, подобными альянсу?

— Да, но не по той причине, по которой, как многие считают, мы это делаем, — быстро ответил Мондар, — У нас нет никаких запретов сражаться. Просто возникающие при этом эмоции настолько мешают ясному мышлению, что люди, подобные мне, предпочитают не прикасаться к оружию. Но если вы хотите писать свою книгу по военной тактике или даже иметь и носить оружие…

— Мне кажется, вы меня не поняли, — произнес Клетус, — Ичан Хан мне кое-что рассказал. Когда сегодня утром перевернулась штабная машина, он предложил вам не сдаваться ньюлэндским партизанам живым — по вполне понятным причинам. Вы ответили, что всегда можете умереть. «Мое тело, — сказали вы, — подчиняется только моим приказам».

— А вы считаете, что самоубийство — это форма насилия?

— Нет, — ответил Клетус. — Я просто пытаюсь объяснить вам, почему из меня никогда не получится экзот. В своем спокойствии перед лицом возможных пыток и необходимости самоуничтожения вы продемонстрировали особую форму безжалостности. Безжалостности по отношению к себе — но это только обратная сторона медали.

Вы, экзоты, по сути своей безжалостны по отношению ко всем людям, потому что вы философы, а все философы — люди безжалостные.

— Клетус! — Мондар покачал головой, — Вы понимаете, что говорите?

— Конечно, — убежденно ответил Клетус, — И вы понимаете это так же хорошо, как и я. Учение философов может быть вполне гуманным, но практика, вытекающая из учения, не знает сожаления — вот почему кровопролития и нищета, как правило, сопутствуют воплощению в жизнь философских схем, касающихся благоустройства общества, и воинствующие приверженцы теорий, проповедующие перемены, пролили больше крови, чем кто-либо другой во всей истории человечества.

— Ни один экзот не пролил ни капли крови, — с мягким укором возразил Мондар.

— Конечно, непосредственно — нет, — согласился Клетус. — Но чтобы достичь запланированного вами будущего, вы мечтаете о средствах уничтожения настоящего, такого, каким мы его знаем. Вы можете говорить, что революцию вы заменили эволюцией, но вашей целью по-прежнему является разрушение того, что мы имеем сейчас, — ведь вам надо освободить место. А это предполагает совершенно чуждые мне безжалостность и жестокость.

Он замолчал. Мондар долго смотрел ему в глаза.

— Клетус, вы уверены в своей правоте?

— Да, — ответил Клетус.

Он направился к выходу. Когда его рука легла на ручку двери, он обернулся:

— Но все равно я благодарен вам, Мондар. Мне кажется, вы и ваши единомышленники могут в конце концов встать на мой путь. Но я не пойду вашим. Спокойной ночи.

Он открыл дверь.

— Клетус, — произнес Мондар за его спиной, — отказываясь от нашего пути, вы рискуете жизнью. В том, что вы хотите сделать, задействованы большие силы, чем вы думаете.

Клетус покачал головой.

— Спокойной ночи, — повторил он и вышел.

Он вернулся в гостиную, нашел Арвида и сказал, что им пора уходить. Когда они добрались до места парковки аэрокара, небо над их головами взорвалось молниями и громом, и тяжелые, как градины, капли ледяного дождя полетели вниз.

Они забрались в машину. За те несколько минут, что они провели под открытым небом, их мундиры промокли и теперь прилипли к телу. Арвид завел аэрокар и поднял его с площадки.

— Словно в аду, — пробормотал он, когда они уже мчались через город.

Сидевший за ним Клетус молчал.

Глава 7

Клетус проснулся от ощущения, будто его левое колено зажато мощными тисками и медленно крошится. Тупая неотступная боль разбудила его, на мгновение он стал ее пленником — чувство боли заполнило все его сознание.

Затем он заставил себя взять это парализующее волю ощущение под контроль. Перекатившись на спину, он уставился на белый потолок в семи футах над ним. Он начал с мышц бедер и постепенно приказал всем крупным мышцам рук и ног уменьшить напряжение и расслабиться. Затем перешел к мышцам шеи, лица, живота, и наконец все его тело стало тяжелым и вялым. Клетус лежал, безразличный к слабым звукам, доносившимся из других комнат. Ощущение было таким, словно он плывет, плавно скользя, куда-то вдаль, по теплым волнам океана.

Состояние релаксации, которое он вызвал, уже ослабило жесткую, крепкую хватку боли. Медленно, словно опасаясь пробудить бодрость, которая может вернуть напряжение, он подсунул под спину подушку и приподнялся на кровати. Затем откинул одеяло с левой ноги и взглянул на нее.

Колено воспалилось и распухло. На нем не было никаких темных пятен или синяков, но его разнесло так, что нельзя было пошевелить ногой. Клетус впился взглядом в опухшее колено и принялся за более тяжелую психическую работу.

Мозг его все еще был затуманен, но ему удалось связать болевую реакцию колена с сигналом о боли в мозгу, и он принялся превращать этот сигнал в эквивалент того физического расслабления, которое охватило его тело.

Боль стала блекнуть и наконец совсем пропала. Тогда он начал концентрироваться на реальном физическом ощущении отека, сделавшего ногу неподвижной.

Он вызывал мысленный образ кровеносных сосудов. Затем представил себе, как они всасывают сквозь стенки избыток жидкости, выделившейся в ткани.

Примерно минут десять он не замечал никаких изменений в колене. Потом отек начал постепенно спадать. Теперь ногу можно было хотя бы немного согнуть. Уже хорошо. Он сбросил обе ноги с кровати, встал и начал одеваться.

Клетус как раз застегивал поясной ремень с оружием, когда раздался стук в дверь. Он взглянул на часы. Стрелки показывали без восьми минут пять.

— Заходите, — громко сказал он.

В комнату вошел Арвид.

— Ты рано встаешь, Арв, — Клетус щелкнул пряжкой ремня и сунул оружие в кобуру на поясе. — Ты достал то, что я просил?

— Да, сэр, — ответил Арвид, — Рупор и мины спрятаны в вещмешках. Конусное ружье я не мог засунуть в мешок и прицепил вместе со всем остальным к летательному аппарату, «лошадке», о котором вы просили.

— А сам аппарат?

— Я погрузил его в посланную за вами машину, — Арвид заколебался. — Я просил, чтобы меня отправили с вами, но, согласно приказу, отправляетесь только вы и офицер, отвечающий за эту кампанию. Должен вам сказать… Нам дали лейтенанта Билла Этайера.

— И этот Билл Этайер ни на что не годен, так? — весело спросил Клетус, поднимая своей шлем-коммуникатор и направляясь к двери.

— Откуда вы знаете? — Арвид удивленно взглянул на Клетуса и последовал за ним по длинному центральному коридору пансиона.

Клетус улыбнулся ему, продолжая идти, прихрамывая, но ничего не ответил. Они вышли через парадный вход в туманную предрассветную темноту к машине, ожидавшей Клетуса, забрались внутрь; Арвид сел за пульт управления. Когда машина заскользила над землей, Клетус снова заговорил:

— Я так и думал, что генерал даст мне кого-нибудь вроде него. Не волнуйся об этом, Арв. У тебя сегодня будет полно дел. Я хочу, чтобы ты нашел мне место для офиса и подобрал кадры. Если получится, толкового офицера в качестве управляющего, технический персонал и архивного работника со склонностью к научным исследованиям. Сможешь сразу этим заняться?

— Да, сэр, — ответил Арвид. — Но я не знаю, имеем ли мы достаточно полномочий для этого…

— Еще нет, — признался Клетус, — Но ты не беспокойся. Просто найди помещение и людей, чтобы они были под рукой к тому моменту, когда мы получим разрешение.

— Да, сэр, — повторил Арвид.

Когда Клетус прибыл в транспортную зону, отряд во главе с лейтенантом Уильямом Этайером стоял в полном снаряжении и с оружием в руках, явно готовый к отправлению. Клетус надеялся, что люди уже позавтракали, но спрашивать об этом их командира было бы нетактично, а то и просто оскорбительно. Клетус вышел из машины и наблюдал, как Арвид выгружает «лошадку» и снаряжение.

— Подполковник Грэйем? — раздался голос позади него. — Я

лейтенант Этайер, командую этим отрядом. Мы готовы к отправлению…

Клетус обернулся. Этайер оказался низкорослым темноволосым, довольно стройным человеком лет тридцати пяти с клювоподобным носом. Выражение его лица было немного кислым, тон — резким, даже агрессивным, в конце каждой фразы он как-то немного повышался и переходил в подвывание.

— …теперь, когда вы наконец здесь, сэр, — добавил он.

Это заявление граничило с дерзостью, но Клетус проигнорировал его, глядя мимо Этайера на людей за его спиной.

Их было человек восемьдесят; загорелая кожа и видавшее виды снаряжение говорили об опыте. Но вели они себя как-то слишком вяло. Что ж, это понятно: ни один солдат не чувствует себя счастливым, когда прерывают его отдых, ставят под ружье и отправляют в бой. Клетус повернулся к Этайеру.

— Думаю, в таком случае мы начнем погрузку прямо сейчас, не так ли, лейтенант? — произнес он дружелюбно.

— Мы полетим на двух атмосферных транспортных кораблях, — прорычал в ответ Этайер. — Во втором будет находиться мой старшина. Вам лучше отправиться со мной на первом, подполковник.

Он замолчал, увидев «лошадку» — компактный летательный аппарат Клетуса. Арвид как раз включил его; расположенные наверху лопасти с ревом завертелись, и рассчитанное на одного пассажира транспортное средство поднялось в воздух, чтобы своим ходом добраться до корабля. Очевидно, до настоящего момента Этайер не связывал аппарат с Клетусом, да и по правде говоря для такой поездки это была несколько необычная штуковина. Она предназначалась главным образом для инспектирования космопорта и напоминала велосипедную раму, подвешенную продольно на металлических стержнях, а те, в свою очередь, крепились к паре вращавшихся против часовой стрелки лопастей — их приводила в движение атомная турбина. Перед сиденьем Арвид приладил вещмешок Клетуса и конусное ружье — автоматическое оружие, из которого можно было вести как одиночный огонь, так и непрерывный; стреляло оно разрывными, конической формы пулями.

Все это имело не такой уж привлекательный вид, но тем не менее не давало Этайеру повода набрасываться на Клетуса.

— Что это? — буркнул он.

— Это для меня, лейтенант, — весело ответил Клетус. — Вы знаете, что вместо левого колена у меня протез. Я не хочу задерживать вас и ваших людей, если вдруг возникнет необходимость срочной передислокации.

— Да, но…

Этайер все еще хмурился. Но тот факт, что начатое им предложение не было закончено, свидетельствовал о том, что его не слишком богатое воображение никак не могло подыскать достаточно вескую причину для запрета. Да и в конце концов, Клетус был старше по званию. Этайер повернулся и рявкнул на Арвида.

— Затаскивайте его на борт! Быстрее, лейтенант!

Посадка прошла организованно и оперативно. Через двадцать минут они уже скользили над джунглями в сторону ущелья Эттера, на север. Небо за далеким горным хребтом начинало бледнеть; близился рассвет.

— Каковы ваши планы, лейтенант? — поинтересовался Клетус, когда они с Этайером сели лицом к лицу в маленьком носовом пассажирском отсеке корабля.

— Сейчас достану карту, — ответил тот, намеренно избегая взгляда Клетуса.

Лейтенант сунул руку в металлический сундучок, стоящий на полу у его ног, и вытащил карту, где был обозначен район гор вокруг ущелья Эттера, принадлежащий экзотам. Он разложил карту на своих и Клетуса коленях.

— Я расположу линию захвата вот так, — пробурчал Этайер и провел пальцем дугу через джунгли на горных склонах ниже прохода, — около трехсот ярдов вниз. А еще отправлю пару резервных групп высоко наверх, они разместятся с обеих сторон от выхода из ущелья. Если ньюлэндцы пойдут ущельем и продвинутся достаточно далеко вперед по дороге, они натолкнутся на нижнюю точку линии захвата, а резервные группы смогут подойти сзади, и партизаны окажутся в окружении… Разумеется, если они вообще пойдут по этому проходу.

На последнюю фразу лейтенанта Клетус не обратил никакого внимания.

— А что, если партизаны не пойдут по дороге? — спросил Клетус. — Если они сразу же в джунглях повернут налево или направо, как только окажутся по эту сторону гор?

Этайер уставился на Клетуса сначала безо всякого выражения, потом на лице появилась обида, как у студента, который считает, что его намеренно пытаются завалить на экзамене.

— Мои группы поддержки все равно могут успеть раньше них, — произнес он наконец не слишком вежливым тоном. — Остальные же подойдут сзади. В любом случае мы их окружим.

— Какова видимость в этих джунглях, лейтенант?

— Пятнадцать — двадцать метров.

— В таком случае остальной части вашей линии захвата будет трудновато, сохраняя позиции, двигаться вверх по крутому склону, чтобы окружить партизан, которые, вероятно, сразу начнут разбиваться на группы из двух-трех человек и рассеиваться, чтобы пробраться к побережью. Вам так не кажется?

— Тогда нам придется сделать все, что в наших силах, — торжественно возвестил Этайер.

— Но есть другие варианты, — продолжал Клетус, показывая на карту, — Когда партизаны выйдут из ущелья, справа от них будет Бледная река, а слева Голубая река. Эти реки сливаются ниже городка Двух Рек. Это означает, что, в какую бы сторону ни поворачивали ньюлэндцы, они должны будут переправляться через реку. Посмотрим на карту. На Голубой реке только три подходящих места, а на Бледной — всего два, если, конечно, партизаны не захотят прямо пройти через город, но это маловероятно. Итак, противником может быть использована любая из пяти переправ.

Клетус замолчал, ожидая, пока молодой офицер ухватится за подброшенное ему предложение. Но Этайер был, по-видимому, один из тех, кого необходимо тыкать носом.

— Идея такова, лейтенант, — продолжил Клетус. — Зачем пытаться хватать этих партизан в джунглях, в горах у самого ущелья — там, где у них множество возможностей проскользнуть мимо вас, когда вы просто можете подождать их, перекрыв все возможные места переправ, и прижать их к реке?

Этайер недовольно нахмурился, но затем наклонился к карте и стал искать на ней те пять бродов, о которых упомянул Клетус.

— Два брода на Бледной реке, — объяснял дальше Клетус, — ближе всего к проходу. Они же находятся на самом прямом пути к побережью. Если партизаны решат переправляться по Голубой реке, им придется сделать большой круг, чтобы беспрепятственно обойти лежащий ниже город. Ньюлэндцы знают, что вам это известно. Готов поспорить: они рассчитывают на то, что вы попытаетесь остановить их у Бледной реки, если только они вообще задумываются об этом. Поэтому они, вероятнее всего, пойдут в другом направлении и переправятся по одному из трех бродов Голубой реки.

Этайер следил, как палец Клетуса двигался от точки к точке по карте. И выражение его лица становилось все более и более напряженным.

— Нет-нет, подполковник, — запротестовал он, когда Клетус закончил, — Вы не знаете ньюлэндцев так, как знаю их я. Во-первых, с чего бы им вообще думать, что мы их где-то ждем? Во-вторых, они не настолько хитры. Они пройдут через ущелье,

разобьются на группы из двух-трех человек, чтобы пересечь джунгли, и вновь соединятся на одной, а может, и на двух переправах Бледной реки.

— Я бы не надеялся на это… — начал было Клетус.

Однако Этайер резко прервал его.

— Да послушайте меня, подполковник! — закричал он, — Они будут переправляться именно в этих двух точках на Бледной реке!

Он потер руки.

— И именно здесь я на них нападу! — продолжал он. — Я засяду у нижнего брода с половиной отряда, а мой старшина у верхнего. Еще несколько человек отрежут им путь к отступлению, и у меня будет славный улов партизан.

— Вы офицер полевых войск, командующий операцией, — сказал Клетус, — поэтому я не хочу с вами спорить. И все же генерал Трейнор предполагал, что вы примете во внимание мои советы, и я думаю, вы не откажетесь подстраховаться на Голубой реке. Если бы я…

Клетус не договорил. Руки лейтенанта, уже принявшиеся было складывать карту, стали двигаться медленнее, потом совсем остановились. Клетус, глядя на опущенную голову своего собеседника, ясно представлял себе его терзания. К этому моменту Этайер уже отбросил в сторону все сомнения относительно своих собственных военных идей. И все же ситуации, в которых действуют старшие чины, слишком рискованны для оказавшегося втянутым в них лейтенанта, вне зависимости от того, у кого на руках все козыри.

— Я могу выделить вам небольшую группу солдат с капралом во главе, — наконец пробормотал Этайер, обращаясь к карте. Он колебался, явно что-то обдумывая. Затем поднял голову, глаза его были хитро прищурены. — Но помните: это ваше предложение, подполковник. Я не могу взять на себя ответственность за отвлечение части моих боевых сил…

— Ну а я бы с большой охотой взял ответственность на себя, — успокоил его Клетус. — Однако, как вы уже заметили, я не полевой офицер и не смогу хорошо командовать войсками во время сражения…

— А, это! — улыбнулся Этайер. — Здесь мы не придерживаемся в точности всех букв устава, подполковник. Я просто прикажу капралу, отвечающему за группу, выполнять все, что вы скажете.

— Все, что я скажу? Вы хотите сказать — в точности то, что я скажу? — переспросил Клетус.

— В точности, — подтвердил Этайер. — Как командир

изолированного подразделения, я имею право использовать любого из подчиненных так, как считаю нужным. И скажу капралу, что я временно дал вам статус полевого офицера… Ну и разумеется, будет учитываться ваше звание.

— Но если партизаны действительно пойдут через броды на Голубой реке, — не отставал Клетус, — у меня будет только небольшая группа солдат.

— Не пойдут, подполковник, — Этайер торжественно сложил карту, — Не пойдут. А если вдруг туда и забредет парочка-другая ньюлэндцев, ну, тогда сами найдете наилучший выход. Такой специалист по тактике, как вы, сэр, должен быть в состоянии справиться со столь незначительной задачей.

Плохо скрытая насмешка повисла в воздухе; он встал и, взяв карты, направился в кормовой пассажирский отсек, где находилась половина его отряда.

Транспортный корабль высадил Клетуса и его группу у расположенного выше двух других брода на Голубой реке и исчез в рассветных сумерках, все еще скрывавших западный склон горного хребта между Бахаллой и Ньюлэндом.

Этайер отдал под командование Клетусу долговязого девятнадцатилетнего капрала по имени Эд Джарнки и шестерых солдат. Они оказались на небольшой прогалине, окруженной огромными деревьями, на высоте четырех футов.

Клетус повернулся к солдатам и увидел, что его разглядывают с любопытством. Он ничего не сказал. Только посмотрел на них. Через секунду Джарнки, капрал, не спеша поднялся. Один за другим встали и остальные, кое-как выстроившись в неровный ряд.

Клетус улыбнулся. Теперь он казался совершенно другим человеком, не похожим на того офицера, которого видели эти семеро при посадке на корабль и высадке на землю. С его лица не исчезло добродушное выражение, но к нему добавилось нечто твердое и властное. Что-то вроде электрического тока потекло от него к ним и, помимо их воли, напрягло их нервы до предела. Солдаты подтянулись.

— Так-то лучше, — сказал Клетус. Даже его голос изменился. — Ну ладно, вы — те, кто добудет сегодня победу для всех, здесь, возле ущелья Эттера. И если вы будете в точности выполнять все мои приказы, вы добьетесь этого, не оцарапав рук и даже не слишком вспотев…

Глава 8

Они уставились на него широко открытыми глазами.

— Сэр… — неуверенно начал Джарнки через некоторое время.

— Да, капрал, — откликнулся Клетус.

— Сэр, я не понимаю, что вы имеете в виду. — Джарнки выдавил из себя вопрос после некоторой внутренней борьбы.

— Я имею в виду, что вы захватите много ньюлэндцев, — пояснил Клетус, — при этом не получив ни одного ранения.

Он подождал, пока Джарнки открыл рот во второй раз и снова закрыл его.

— Ну, я ответил на ваш вопрос, капрал?

— Да, сэр.

Джарнки успокоился. Но его глаза и глаза остальных шестерых смотрели на Клетуса с подозрительностью, переходившей в страх.

— Тогда за дело, — невозмутимо скомандовал Клетус.

Он принялся расставлять людей — одного напротив мелкого брода через реку, которая в этом месте лениво огибала прогалину, двух человек — ниже по берегу, у края прогалины, а остальных четверых разместил выше по склону на верхушках деревьев недалеко от реки.

Последним занял позицию Джарнки.

— Не волнуйтесь, капрал, — сказал Клетус, зависнув на своем летательном аппарате всего в нескольких футах от раскачивающегося на ветвях Джарнки; тот судорожно вцепился в свое коническое ружье, — Вот увидите, ньюлэндцы не заставят вас долго ждать. Когда вы их заметите, выстрелите в них отсюда пару раз и спускайтесь на землю, где вы будете в безопасности. Вам ведь приходилось участвовать в перестрелке?

Джарнки кивнул. Его лицо слегка побледнело. Чувствовал он себя явно неважно, тем более что развилина гладкоствольного двойника земного дуба, в которой он устроился, была довольно тесной и неудобной.

— Да, сэр, — после паузы коротко ответил он; в его тоне, однако, чувствовалась некая недоговоренность.

— Но это было при нормальных условиях, когда вас окружали остальные солдаты из вашего взвода или отряда, не так ли? — уточнил Клетус. — Капрал, пусть это небольшое различие вас не волнует. Когда начнется стрельба, оно не будет иметь значения. Я проверю два нижних брода. Скоро вернусь.

Он отлетел от дерева и направился вниз по реке… Его

«лошадка» работала почти бесшумно, гудела, как комнатный вентилятор. А джунгли Культиса были полны различных звуков: странно кричала какая-то птица, крик этот напоминал стук топора, с интервалом в несколько секунд раздавался тяжелый храп. Но в большинстве своем это были обычные пронзительные крики зверей и птиц.

Все это вместе создавало постоянно менявшийся общий звуковой фон, поэтому жужжание летательной машины могло легко остаться незамеченным, в том числе и партизанами Ньюлэнда, уши которых, скорее всего, были незнакомы с этим звуком и уж, по крайней мере, никак его не ожидали. У нижнего брода Клетус повернул в джунгли, удалился от реки и полетел вверх по склону в направлении прохода. Несомненно, встреча всех групп должна произойти на той, дальней от ущелья, стороне реки…

Он двигался вперед на высоте верхушек деревьев, примерно в сорока — пятидесяти метрах над землей, со скоростью не более шести километров в час. В листве раскинувшихся под ним джунглей было меньше желтых прожилок, чем среди зелени, окружавшей посадочную площадку в космическом порту, но нити красного виднелись повсюду, дянге в огромных листьях земных деревьев — дубов, кленов и ясеней, которыми двадцать лет назад был засажен Культис.

В этих широтах земная флора развивалась более интенсивно, но все равно преобладали местные деревья и растения, начиная с папоротникоподобных кустов, тянущихся вверх метров на десять, и кончая древовидными с пурпурными плодами, съедобными, но издающими во время созревания хоть и слабый, но все равно дурманящий запах.

Клетус находился метрах в восьмистах от брода, когда обнаружил первые признаки движения: под ним раскачивались верхушки папоротников. Он стал опускаться.

Спустя секунду в поле его зрения попала маленькая фигура человека в зелено-коричневом защитном комбинезоне. Партизан был без снаряжения, если не считать рюкзака за плечами и легкого охотничьего ружья, которое он нес, перекинув на ремне через правое плечо.

Ничего другого и не следовало ожидать. Соглашение, возникшее на новых мирах за пятьдесят лет межколониальных споров, гласило: если человек не имеет боевого оружия или снаряжения, он попадает под действие только гражданских законов, а согласно этим законам необходимо доказать ущерб, нанесенный собственности, жизни или здоровью граждан, прежде чем против вооруженного будут предприняты какие-либо меры,

будь он даже из другой колонии. Партизана, пойманного с одним лишь охотничьим оружием, обычно депортировали или просто задерживали. Если же у задержанного оказывалось хоть какое-то военное снаряжение — он мог быть осужден трибуналом, который обычно обвинял его в диверсионных действиях и приговаривал к тюремному заключению или смерти.

Итак, если остальные члены группы вооружены так же, как тот человек, которого Клетус заметил внизу, Джарнки и его люди с их конусными ружьями имеют огромное преимущество, что может компенсировать малочисленность отряда.

Клетус продолжал наблюдать за ньюлэндцем. Тот прокладывал себе путь через джунгли, не обращая внимания на шум. Как только Клетус определил маршрут этого человека, он повернул свой аппарат в сторону, чтобы отыскать других партизан.

Солнце быстро поднималось, и его лучи, проникая сквозь редкие листья на верхушках деревьев, обжигали шею воздухоплавателя. Пот струился по его груди и по спине, боль в колене грозила снова вернуться. Клетус заставил свои мышцы на мгновение расслабиться и попытался отогнать ощущение дискомфорта, возникшее в колене. Но на то, чтобы заняться этим как следует, у него не было времени. Он снова принялся высматривать ньюлэндцев.

Почти тут же он увидел второго, двигавшегося параллельно, метрах в тридцати от первого. Клетус продолжал поиски и в течение двадцати минут обнаружил оба конца стрелковой цепи, пробивавшейся сквозь джунгли под ним; он насчитал двадцать человек, образовавших фронт примерно в триста метров длиной. Наверняка ньюлэндцы распределили свои силы между тремя бродами одинаково — что было бы всего-навсего элементарной военной предосторожностью. Итак, даже если их отряд потеряет двадцать процентов своих сил, пробираясь к побережью, то останется около полусотни человек, которые вполне могут совершить нападение на прибрежный городок, запланированное ньюлэндцами в честь визита де Кастриса.

Пятьдесят человек способны на многое: например, захватить и удерживать маленькую прибрежную деревушку рыбаков. Но если это число удвоить, можно сделать гораздо больше. Возможно, за первой цепью последует вторая.

Клетус развернул «лошадку» и полетел назад под деревьями в том направлении, откуда пришел первый из замеченных им партизан. Метров через восемьдесят он обнаружил вторую стрелковую цепь, на этот раз она состояла из пятнадцати человек, включая по крайней мере пару похожих на офицеров людей,

которые были вооружены не ружьями, а пистолетами, а на поясах у них болтались переговорные устройства. Клетус скользнул в сторону нижнего конца приближавшейся стрелковой цепи. Он нашел его; как и следовало ожидать, партизаны стали сближаться, чтобы подойти к броду всем вместе. Определив направление, по которому будет подтягиваться нижний край, он полетел вперед, останавливаясь через каждые двадцать метров у деревьев толщиной не более четырех дюймов, чтобы прикрепить к их стволам мины. Последнюю из них он расположил у самой воды в двадцати метрах ниже переправы. Затем помчался назад, понаблюдать за первой стрелковой цепью.

Конец этой цепи как раз поравнялся с первой установленной им миной, крайний в ряду человек был уже примерно метрах в девяти от нее. Клетус развернулся и залетел в тыл идущим, прямо в центр цепи. Стараясь держаться на расстоянии не ближе чем в двадцать метров, он остановил аппарат, снял конусное ружье и выстрелил вниз.

Звук выстрела из такого оружия был не из тех, которые могут остаться незамеченными. Крошечные, конической формы самодвижущиеся пули, вылетая из ствола со сравнительно малой скоростью, набирали ее во время полета и, с пронзительным свистом рассекая воздух, завершали свой полет глухим резким взрывом. Один такой взрыв мог разорвать не защищенного бронежилетом человека, а у партизан бронежилетов не было — неудивительно, что сразу же после выстрела в джунглях воцарилась полная тишина. Даже животные и птицы замолчали. Затем несколько вяло, но довольно дружно на обоих флангах невидимой стрелковой цепи защелкали охотничьи ружья.

Стреляли вслепую. Дробины, как градины, со свистом рассекали листья окружавших Клетуса деревьев, рассыпаясь широко вокруг. Их было явно многовато. Клетус развернулся и стал удаляться от партизан. Оторвавшись от них метров на пятьдесят, он снова облетел примыкавший к реке конец цепи и нажал на кнопку дистанционного управления первой миной.

Впереди слева от него раздался одинокий громкий взрыв. Дерево, к которому была прикреплена мина, закачалось среди своих собратьев, словно почувствовавший недомогание гигант, затем сначала медленно, потом все быстрее и быстрее рухнуло вниз, в кустарник.

Теперь джунгли были полны непривычных здесь звуков. Партизаны палили во все стороны, животные и птицы подняли невообразимый шум. Клетус переместился к центру цепи и еще раз выстрелил, затем быстро подлетел поближе ко второй мине.

Густая зелень джунглей скрывала действия партизан; они

что-то кричали друг другу, и это вместе с воплями животных давало Клетусу слабое представление о происходящем. Однако он не сомневался: ньюлэндцы начали стягиваться в одно место — так легче оказывать сопротивление, — что с военной точки зрения являлось мудрым решением. Клетус дал им пять минут для того, чтобы они собрались, и две разбросанные стрелковые цепи теперь образовали одну группу из тридцати пяти человек, занявшую территорию не более пятидесяти метров в диаметре.

Он снова бросился им в тыл, взорвал вторую мину и открыл по ним сзади огонь.

На этот раз в ответ раздалось дружное щелканье ружей — словно все тридцать пять человек стреляли по нему одновременно. Джунгли взорвались какофонией протестующих звуков, а грохот упавшего после взрыва третьей мины дерева усилил общий шум, как раз когда стрельба стала понемногу стихать. К этому времени Клетус снова облетел свои еще не взорванные мины и остановился ниже по реке… Он ждал.

Через несколько минут раздалась команда, и партизаны прекратили стрельбу. Клетус понял, что офицеры, которых он заметил среди партизан, обсуждают возникшую ситуацию. Наверняка их беспокоил вопрос: были ли взрывы и выстрелы из конусного оружия, которые они слышали, результатом действий какого-то малочисленного патруля, случайно оказавшегося в этом районе, или они вопреки всем своим ожиданиям и здравому смыслу столкнулись лоб в лоб с большими силами противника, прибывшими сюда специально для того, чтобы преградить путь к побережью. Клетус дал им время все это обсудить.

Очевидным решением для такой, как эта, группы партизан в подобной ситуации было бы стянуться поближе друг к другу, выслав вперед разведчиков. Сейчас ньюлэндцы находились менее чем в восьмистах метрах от переправы, и разведчики легко обнаружат, что брод практически не прикрыт, что не сулило ничего хорошего. Клетус взорвал еще парочку своих мин и стал обстреливать ту часть занятой партизанами площади, которая находилась ближе к реке. Ответ последовал незамедлительно.

Но вскоре их стрельба стала слабеть, пока не сменилась редкими одиночными выстрелами. Когда наконец все смолкло, Клетус поднял свою машину в воздух и полетел в глубь джунглей, вверх по течению реки. Метров через пятьсот он завис среди крон деревьев и стал ждать.

Конечно же, он заметил внизу признаки движения. Люди шли в его сторону, растянувшись в стрелковую цепь. Партизаны, получившие новое подтверждение, что они столкнулись с ощутимыми силами врага на нижней переправе, предпочли не

проявлять героизм, а действовать осторожно. Они отходили к следующей переправе, где либо их путь будет свободен, либо они смогут противостоять врагу, объединяя свои силы с другой группой их отряда, которая должна переправляться через реку на среднем броде.

Клетус сделал еще один разворот и направился вверх по течению ко второй переправе. Приближаясь к этому району, он притормозил, чтобы свести к минимуму производимый турбинами шум, и стал подкрадываться к реке на большой высоте, меж верхушками деревьев.

Вскоре он поравнялся со второй группой партизан, также передвигавшейся двумя стрелковыми цепями, но находившейся еще почти в километре от среднего из трех бродов. Клетус задержался для того, чтобы прикрепить к деревьям чуть ниже переправы следующую партию мин, затем снова взмыл вверх.

Когда он подлетал со стороны берега к тому броду, где укрывались Джарнки и его люди, то обнаружил, что третья группа партизан уже приближается к реке…

Надо было срочно действовать. Клетус пролетел метров тридцать перед их первой цепью, открыл огонь и понял, что находится перед центром цепи. Переместившись за спины партизан, он в полной безопасности подождал, пока стихнут ответные выстрелы, затем снова пересек линию и, расставив четыре мины на их пути, вернулся назад, поставил еще парочку мин на одном из концов цепи и снова начал стрелять.

Результаты были поразительными. Партизаны открыли стрельбу по всему фронту. Кроме того, люди, которых он оставил на переправе, напуганные огнем ньюлэндцев, начали стрелять в ответ. В результате создалось впечатление, будто сражаются две многочисленные группы. Только одно ему не понравилось во всех этих звуковых эффектах. Он узнал среди них ружье Джарнки, и, судя по звуку, капрал находился на земле метрах в пятнадцати от передних рядов партизан — там, где обмен выстрелами вскоре мог оказаться смертельным для него.

Клетусу ужасно хотелось выругаться, но он сдержался и по микрофону коммуникатора, закрепленному у горла и улавливавшему импульсные колебания, приказал Джарнки отходить. Ответа не последовало, а ружье капрала не утихало. На этот раз Клетус выругался. Спустившись почти до самой земли, он под прикрытием джунглей повел свою машину к позиции Джарнки, расположение которой можно было легко определить по звуку выстрелов.

Молодой солдат лежал на животе, широко расставив ноги. Дуло оружия, покоившееся на стволе рухнувшего дерева,

содрогалось от выстрелов. Лицо капрала было бледным, словно у человека, который потерял по крайней мере половину крови, но никаких признаков ранения Клетус не заметил.

Ему пришлось слезть с летательного аппарата и потрясти юношу за плечо, прежде чем тот очнулся и увидел, что рядом с ним кто-то стоит.

Когда до него дошло, что это Клетус, он инстинктивно, как испуганный кот, вскочил на ноги. Клетус прижал его к земле одной рукой и махнул другой в сторону находившегося за их спинами брода.

— Отходи назад! — прошептал он хрипло.

Джарнки посмотрел на него, кивнул, повернулся и пополз к переправе. Клетус вновь взобрался на машину.

И приблизился к партизанам с противоположной стороны. Он решил спешиться и проползти на животе метров десять, чтобы подобраться поближе и услышать, о чем они говорят. Как он и ожидал, эта группа тоже решила остановиться и обсудить ситуацию.

Преодолевая боль, Клетус ползком вернулся к своей «лошадке», взобрался на нее и, описав большую дугу, в очередной раз направился к переправе. Он прилетел туда в тот момент, когда Джарнки, к этому времени вставший на ноги, тоже добрался до нее. Лицо парня уже слегка порозовело, но он со страхом смотрел на Клетуса, словно ожидая взбучки. Вместо этого Клетус улыбнулся ему.

— Вы смелый человек, капрал, — приободрил он его. — Только вы должны помнить, что мы хотели бы, если возможно, видеть своих смельчаков живыми. Тогда от них больше пользы.

Джарнки заморгал и неуверенно улыбнулся.

Клетус повернулся к летательному аппарату, взял одну из коробок с минами и протянул ее Джарнки.

— Расположите их на расстоянии от пятидесяти до восьмидесяти метров отсюда, — распорядился он. — Только убедитесь, что вы не предоставляете врагу возможность подстрелить вас, когда будете это делать. Затем ползите навстречу ньюлэндцам и отвлеките их при помощи мин и вашего оружия. Ваша задача — задержать партизан до тех пор, пока я не вернусь, чтобы помочь вам. Я полагаю, это будет минут через сорок пять, но может, и часа через полтора. Вы справитесь?

— Не сомневайтесь, — с жаром ответил капрал.

— В таком случае, я полагаюсь на вас.

Он взобрался на машину, взмыл в воздух и двинулся вдоль реки, чтобы встретить группу партизан, направлявшуюся к среднему броду.

Они были уже на подходе, когда он увидел их. На этот раз ньюлэндцы находились прямо среди его мин.

Момент был самым подходящим. Клетус взорвал мины и усугубил положение, открыв огонь по тылам партизан.

Те ответили незамедлительно, но вскоре их стрельба стала затихать, а потом и совсем прекратилась. Наступившая тишина затягивалась. Минут через пять, в течение которых не было сделано ни одного выстрела, Клетус полетел к нижнему броду и нашел то место, где находилась первая группа, когда началась перестрелка.

Партизан там не было. Медленно и осторожно пробираясь среди крон деревьев, он скоро их догнал. Они направлялись вверх по реке, и число их, казалось, удвоилось. Клетус понял, что люди с нижнего брода присоединились к тем, кто был у среднего, и обе группы приняли решение продвигаться к расположенному выше всех по реке броду, чтобы соединиться там с остальными.

Все шло так, как он и ожидал. Эти ньюлэндцы были скорее диверсантами, чем солдатами. Очевидно, им строго-настрого приказали по возможности избегать столкновений на пути к месту назначения. Клетус потихоньку следовал за ними, пока они не подошли вплотную к группе своих товарищей, зажатых у верхнего брода.

Клетус поднялся выше и отправился вперед, посмотреть, что происходит на переправе.

Он подлетел со стороны джунглей и стал оценивать сложившуюся ситуацию. Верхняя группа партизан вытянулась полукругом, концы которого находились примерно в шестидесяти метрах выше и в тридцати метрах ниже брода, не доходя до берега. Партизаны стреляли, но не предпринимали никаких попыток проложить себе путь через реку. Стрельба стала затихать, и Клетус услышал крики: это подошли два отряда с нижних переправ.

Паря над самой землей, Клетус вытащил из багажника подслушивающее устройство и вставил наушник в ухо. Затем бросил микрофон в кусты, но ему удалось подслушать разговоры только рядовых партизан, а не офицеров, обсуждавших план действий. Вот неудача! Если бы он смог проползти метров пятьдесят и лично осуществить разведку… Но об этом нечего даже и думать. Проводить разведку на летательном аппарате тоже теперь было слишком рискованно. Оставалось представить себя в шкуре командира партизанского отряда и попытаться угадать мысли этого человека. Клетус закрыл глаза и расслабился так же, как расслаблялся утром для того, чтобы снять боль в колене. Веки его опустились, он обмяк на сиденье аппарата и

освободил свой мозг.

Долгое время лишь случайные цепочки мыслей скользили по поверхности его сознания. Затем воображение успокоилось, и начала складываться определенная картина. Он ощутил, что стоит на мягкой пружинящей поверхности земли в джунглях; его пропотевший защитный комбинезон прилип к телу. Он прищурился на солнце, которое уже прошло точку зенита. Отчаяние и тревога владели им. Он осмотрел группу младших офицеров, собравшихся вокруг него, и понял, что должен принять решение незамедлительно. Двум третям его отряда не удалось пересечь Голубую реку в запланированное время и в запланированном месте. Они уже выбивались из графика движения и имели одну-единственную, последнюю возможность — переправляться через реку здесь, но при этом рискуя встретить сопротивление врага, располагавшего неизвестно какими силами.

Очевидно одно. Проникновение группы, которой он командовал, не было секретом для противника. В этом смысле его миссия провалилась. Если у врага здесь есть силы противостоять ему, какого же отпора можно ожидать на пути к побережью?

Таким образом, успех операции становился все более призрачным. Разумно было бы от нее вообще отказаться. Но может ли он повернуть сейчас назад, не дав никакого объяснения своему начальству, которое обвинит его в невыполнении приказа без каких-либо веских на то причин?

Ясно, что не может. Он должен попробовать перебраться на тот берег, уповая лишь на то, что экзоты окажут яростное сопротивление и дадут ему такую причину для отступления…

Клетус снова стал самим собой, открыл глаза и выпрямился. В очередной раз подняв машину до уровня верхушек деревьев, он швырнул три мины под разными углами в сторону расположения партизан и быстро их взорвал.

В следующее мгновение он открыл огонь из ружья и пистолета, прижав конусное оружие к правому боку и нажимая на спусковой крючок правой рукой, а из пистолета стреляя левой.

Со стороны брода и с двух других сторон тоже послышалась пальба: это были его солдаты. Уже через секунду партизаны открыли ответный огонь. Грохот был самым сильным из тех, что нарушали сегодня покой джунглей. Клетус подождал, пока он не начал понемногу стихать, чтобы его голос можно было услышать. Затем достал из багажника рупор и поднес его к губам. Над джунглями загремел его голос:

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! Всем силам альянса прекратить огонь!

Ружья солдат замолчали. Постепенно затихли и партизаны, и

в джунгли вернулась тишина. Клетус снова заговорил в рупор:

— Внимание, ньюлэндцы! Внимание, ньюлэндцы! Вы полностью окружены экспедиционными войсками альянса в Бахалле. Дальнейшее сопротивление может привести только к полному вашему уничтожению. С теми, кто пожелает сдаться, будут обращаться в соответствии с правилами, установленными для военнопленных. С вами говорит командующий войсками альянса. Мои люди не будут открывать огонь в течение трех минут. Вам предоставляется возможность сложить оружие. Те, кто пожелает это сделать, должны избавиться от какого бы то ни было оружия и выйти на поляну переправы, с руками за головой. У вас будет три минуты, чтобы поступить подобным образом, после того как я произнесу слово «начали».

Клетус на мгновение замолчал, затем продолжил:

— Всякий, кто не сложит оружие в течение этих трех минут, рассматривается как продолжающий сопротивление, и солдатам альянса будет приказано стрелять. Три минуты пошли. Начали!

Он бросился к реке, на то место, откуда можно было видеть поляну, оставаясь при этом незамеченным. Некоторое время ничего не происходило. Затем послышалось шуршание листьев, и на поляну, сцепив руки за головой, вышел ньюлэндец в защитном комбинезоне. Даже с той точки, откуда наблюдал за происходящим Клетус, были видны белки глаз партизана, со страхом озиравшегося по сторонам. Он нерешительно двинулся вперед и остановился посреди поляны, все еще держа руки за головой.

Спустя мгновение на поляне появился второй ньюлэндец, и вдруг они хлынули со всех сторон.

Пару минут Клетус наблюдал за ними и считал. Когда время истекло, на поляне оказалось сорок три человека, пожелавших сдаться. Клетус задумчиво кивнул. Сорок три человека из всех трех групп по тридцать партизан в каждой. Этого и ожидал.

Он посмотрел вниз вдоль берега реки — туда, где менее чем в десяти метрах от него припали к земле капрал и два солдата, оставленные им здесь для защиты брода. Теперь они держали под наблюдением пленников.

— Эд, — обратился по коммуникатору к молодому капралу Клетус. — Эд, посмотри вправо.

Джарнки быстро взглянул вправо и испуганно вздрогнул, увидев Клетуса так близко. Клетус поманил его к себе. Осторожно пригибаясь, Джарнки побежал к тому месту, где на летательном аппарате парил в нескольких футах над землей Клетус.

Когда капрал подошел, Клетус посадил «лошадку» и, скрытый от глаз партизан густым кустарником, с трудом слез с сиденья.

— Сэр?.. — вопросительно произнес Джарнки.

— Я хочу, чтобы ты это слышал, — сказал Клетус, с удовольствием потягиваясь. Он снова повернулся к аппарату и переключил свое переговорное устройство на волну лейтенанта Этайера.

— Лейтенант, — позвал он, — Говорит подполковник Грэйем.

Последовала короткая пауза, затем послышался ответ; хриплый голос доносился не только из наушника в ухе подполковника, но и из маленького, встроенного в транспорт динамика, который Клетус только что включил.

— Подполковник? — прорычал Этайер. — В чем дело?

— Оказалось, что ньюлэндские партизаны все-таки попытались переправиться через брод на Голубой реке, — сообщил ему Клетус. — Нам повезло, и мы сумели захватить около половины из них…

— Партизаны? Захвачены? Половина… — И в наушнике, и по динамику было слышно, как дрожал голос Этайера.

— Но я связался с вами не поэтому, — продолжал Клетус. — Вторая половина от нас ушла. Они направляются назад к ущелью, чтобы вернуться в Ньюлэнд. Но вы ближе к проходу, чем они. Если вы поспешите туда хотя бы с половиной своих людей, вы сможете окружить их без особых хлопот.

— Хлопот? Послушайте… я… откуда я знаю, что все именно так, как вы говорите? Я…

— Лейтенант, — Клетус впервые произнес это слово с некоторым нажимом, — я просто информирую вас. Мы задержали половину их отряда, здесь на верхнем броде, на Голубой.

— Ну… да… подполковник. Я это понимаю. Но…

— Тогда в путь, лейтенант, — оборвал его Клетус. — Если вы не поторопитесь, вы упустите их.

— Да, сэр. Конечно. Я вскоре свяжусь с вами снова, подполковник… Вероятно, вам лучше подержать задержанных там, пока их не подберут транспортные корабли… Некоторые из них могут убежать, если вы, имея только шесть человек, попытаетесь провести их через джунгли.

Его голос стал увереннее — Этайер уже взял себя в руки, — но в нем звучали горькие нотки. Очевидно, до него стало доходить, что погрязший в бумагах теоретик задержал большой вражеский отряд, хотя именно Этайер командовал группой захвата. Вряд ли стоило надеяться на то, что генерал Трейнор не заметит такого промаха с его стороны.

Когда он вновь заговорил, голос его звучал мрачно.

— Нужен ли вам врач? — осведомился он. — Я могу дать одного из двух, имеющихся здесь, отправлю его сейчас же с

одним из транспортных кораблей. Теперь уже нечего прятаться, ньюлэндцы все равно знают, что мы здесь.

— Спасибо, лейтенант. Да, для него найдется работа, — устало сказал Клетус. — Удачи вам!

— Спасибо, — холодно ответил Этайер. — Конец связи.

— Конец связи, — повторил Клетус.

Он выключил переговорное устройство, отошел от летательного аппарата, с трудом опустился на землю и сел, прислонившись спиной к ближайшему валуну.

— Сэр! — обратился к нему Джарнки. — Зачем нам врач? Никто из нас не пострадал. Вы ведь не хотите сказать, что вы, сэр?..

— Да, — кивнул Клетус.

Он вытянул левую ногу, потянулся к ножнам, вытащил нож и разрезал им левую штанину от колена до ботинка.

Распухшее колено представляло собой ужасное зрелище. Клетус протянул руку к аптечке, закрепленной на поясе, и достал из нее шприц с обезболивающим средством. Ощущение прохлады, разливавшейся после инъекции по всему телу, было похоже на прикосновение мягкой руки.

— Господи Иисусе, сэр, — пробормотал побледневший Джарнки, уставившись на его ногу.

Клетус, расслабившись, откинулся назад и позволил теплым волнам наркотика унести себя в небытие.

Глава 9

Лежа на госпитальной койке, Клетус задумчиво разглядывал свою негнущуюся, освещенную солнцем левую ногу, подвешенную к крюку.

— …Итак, — проговорил с дружеским смешком дежурный военврач, живой круглолицый майор лет сорока, когда Клетуса привезли в госпиталь, — вы относитесь к тому типу людей, которые ненавидят тратить время на то, чтобы дать своему телу возможность подлечиться?

— Прошло уже три дня, — сказал Клетус Арвиду, который только что приехал и привез по его просьбе местный календарь, — а он пообещал, что на третий день отпустит меня. Выйди в коридор и посмотри: может, он в какой-нибудь другой палате.

Арвид подчинился. Через несколько минут он вернулся.

— Врача нигде нет, — сообщил он. — Но сюда едет генерал Трейнор, сэр. Дежурная медсестра сказала, что звонили из штаба и спрашивали, здесь ли вы еще.

— О, — произнес Клетус, — Хорошо. Конечно, Бэт должен был приехать. — Он протянул руку и нажал кнопку, переводившую кровать в сидячее положение. — Знаешь что, Арв… Пройдись по другим палатам и посмотри, может, тебе удастся выпросить для меня несколько конвертов космической почты.

— Конверты космической почты? — удивился Арвид. — Хорошо. Я быстро.

Он вышел. Когда он вернулся, в руках у него было пять желтых конвертов из тонкой бумаги, в которых обычно отправляли почту, перевозимую на космических кораблях. На каждом из них чернел квадрат почтовой марки Земли. Клетус сложил их в стопочку и положил лицом вниз на столик у кровати. Арвид наблюдал за ним.

— Сэр, вы нашли в календаре то, что искали? — спросил он.

— Да, — ответил Клетус и, увидев, что Арвид смотрит на него с любопытством, добавил: — Сегодня новолуние.

— О-о! — недоуменно протянул Арвид.

— Да. Теперь вот что, Арв… Когда приедет генерал, оставайся в коридоре и будь начеку. Я не хочу, чтобы этот доктор проскользнул мимо только потому, что со мной беседует генерал, и оставил меня в этом госпитале еще на один день. В котором часу назначена встреча с офицером из управления безопасности?

— В одиннадцать.

— А уже девять тридцать, — покачал головой Клетус, глядя

на часы. — Арв, если ты войдешь в ванную комнату, то через окно тебе должен открыться вид на дорогу, ведущую к госпиталю. Если генерал приедет по земле, ты наверняка его заметишь. Пойди посмотри.

Арвид послушно исчез в маленькой ванной комнате, примыкавшей к палате Клетуса.

— Никаких признаков, — раздался его голос.

— Продолжай наблюдение, — распорядился Клетус.

Он расслабился, опершись спиной о подушку и полузакрыв глаза. Он ждал генерала. Очевидно, Трейнор будет последним в длинной цепочке посетителей — его уже навестили Мондар, Ичан Хан, Мелисса, Вефер Линет и даже Эд Джарнки. Долговязый парень пришел показать Клетусу новые сержантские нашивки на рукаве и поблагодарить его за то, что они там появились.

— Лейтенант Этайер в своем рапорте попытался приписать все заслуги главным образом себе, — поделился новостью Джарнки. — Нам сообщил это один служащий. Но мы — все, кто входил в нашу группу, — рассказали, как было дело. Может быть, там наверху, в офицерском клубе, и не знают всей правды, но ее знают в казармах.

— Спасибо, — рассмеялся Клетус.

— Черт… — выругался Джарнки и замолчал, явно не зная, как еще выразить свои чувства. Затем он решил сменить тему разговора, — А вы не могли бы подыскать мне работу у себя, подполковник? Я не слишком-то привык иметь дело с бумагами, но… я могу быть водителем или кем-нибудь в этом роде.

— Я был бы не против, Эд, — улыбнулся Клетус. — Но не думаю, чтобы тебя отпустили. В конце концов, ты солдат строевой службы.

— Значит, нет, — огорчился Джарнки.

Он ушел, но перед этим вытянул из Клетуса обещание взять его к себе на службу, если это когда-нибудь станет возможным.

Однако Джарнки ошибался, полагая, что в офицерских кругах отчет Этайера был принят за чистую монету. Несомненно, сослуживцы лейтенанта знали, что он представляет из себя как полевой командир, и понимали, что Трейнор не случайно выбрал именно его для того, чтобы проверить предположение Клетуса о проникновении партизан на их территорию. После вечеринки в доме Мондара Арвид сообщил подполковнику, что ходят слухи, будто Бэт Трейнор собирается подставить Клетуса. Сама по себе эта информация значила главным образом то, что ему лучше избегать этого человека. Но теперь, после того как у Голубой реки он вытащил каштан из огня и при этом даже не обжег пальцы, только ближайшие к Трейнору офицеры не испытывали симпатии

к Клетусу. Ичан Хан позволил себе сдержанно намекнуть на это. Вефер Линет, занимавший солидное положение в руководящем звене военно-морских сил, тоже вскользь коснулся этой темы. Едва ли Трейнор не знал о такой реакции офицеров и солдат, которыми он командовал. Кроме того, он считал необходимым скрупулезно соблюдать все формальности в отношении к подчиненным. Удивительно, что он до сих пор не навестил Клетуса в госпитале.

Клетус расслабился, прогоняя растущее напряжение: ему хотелось как можно скорее выбраться из этой палаты и вернуться к делам. Но чему быть, того не миновать…

Звук открывающейся двери заставил его очнуться. Он поднял голову и увидел, что в палату входит Бэт Трейнор. От Арвида, все еще находившегося в ванной, предупреждения не последовало. Клетус надеялся, что у молодого офицера хватит ума оставаться на своем месте, так как возможности покинуть палату незаметно для генерала у него не было.

Трейнор подошел к краю кровати и, нахмурив свои выразительные брови, уставился на Клетуса.

— Ну, подполковник, — заговорил он, подвигая к кровати ближайший стул и устраиваясь на нем — прямо перед лицом Клетуса. Он улыбнулся — сдержанно, но приветливо. — Вижу, вы все еще на привязи.

— Надеюсь, сегодня меня отвяжут, — ответил Клетус. — Спасибо, что навестили меня, сэр.

— Я всегда захожу к моим офицерам, попавшим в госпиталь, — поставил его в известность Трейнор. — В вашем случае нет ничего необычного, хотя, надо признать, вы с шестью солдатами хорошо поработали там, на Голубой реке.

— Партизаны не особенно стремились завязывать бой, сэр, — поскромничал Клетус, — И к тому же мне повезло: я заставил их поступать так, как мне было нужно. Вы ведь знаете, генерал, что в полевых условиях редко все выходит именно так, как планируешь.

— Знаю. Поверьте мне, знаю, — кивнул генерал. Во взгляде его сквозила настороженность, — Но это не меняет того факта, что вы оказались правы в своем предположении относительно места их проникновения и их действий.

— Да, и я счастлив, что так получилось, — улыбнулся Клетус. — Как я уже упоминал, еще на Земле перед отлетом я поставил свою репутацию на карту, утверждая, что так оно и будет.

Он словно невзначай взглянул на стопку конвертов на столике. Глаза Трейнора проследовали за взглядом Клетуса и

слегка прищурились при виде желтых конвертов.

— Получаете поздравления, не так ли? — мрачно спросил он.

— Да так, пару раз похлопали по спине, — Клетус скромно потупился. Он не стал добавлять, что эти похлопывания исходили только от его знакомых на Культисе, — Конечно, операция проведена не слишком успешно. Я слышал, остальным партизанам удалось вернуться назад в ущелье, прежде чем лейтенант Этайер смог их задержать.

Брови Трейнора сердито сдвинулись в одну сплошную черную линию.

— Не поддевайте меня, подполковник, — проворчал он. — В отчете Этайер сообщил, что вы слишком поздно связались с ним и у него уже не было времени снимать людей с места и перебрасывать их к входу в ущелье.

— Вот как! — усмехнулся Клетус. — Ну что ж, в таком случае, думаю, это моя ошибка. В конце концов, Этайер — опытный полевой офицер, а я всего лишь кабинетный теоретик. Я уверен: все понимают, что только благодаря везению столкновение моей группы с отрядом партизан оказалось успешным и только случайность помешала лейтенанту добиться победы.

На мгновение их взгляды встретились.

— Конечно, — мрачно подтвердил генерал, — И если все этого не понимают, это понимаю я. А именно последнее и имеет значение, не так ли, подполковник?

— Конечно, сэр, — согласился Клетус.

Трейнор откинулся на спинку стула, и его брови разъединились.

— В любом случае, — продолжал он, — я приехал сюда не только для того, чтобы вас поздравить. Я ознакомился с вашим предложением о создании специальной службы, которая будет регулярно, каждую неделю, давать прогнозы об активности врага. Вы обратились с просьбой разрешить вам подобрать кадры и выделить помещение… Извините, подполковник, но что касается меня, могу сказать лишь одно: вы по-прежнему нужны мне так же, как большой симфонический оркестр. Но ваш успех в деле с партизанами не остался незамеченным в штабе альянса, и я не думаю, что создание службы прогнозов нанесет какой-либо вред. Итак, я собираюсь одобрить вашу идею.

Он помолчал, затем выстрелил в Клетуса вопросом:

— Это сделает вас счастливым?

— Да, сэр, — ответил тот, — Спасибо, генерал.

— Не за что, — сухо произнес Трейнор. — Что же касается Этайера, то у него была возможность отличиться, но он упал

лицом в грязь. Он предстанет перед следственной комиссией, которая даст ответ, может ли он продолжать носить звание офицера альянса. Вы хотите еще чего-нибудь?

— Нет, — произнес Клетус.

Трейнор стремительно поднялся.

— Хорошо, — проговорил он. — Я не люблю, когда мне выкручивают руки. Предпочитаю раздавать милости прежде, чем о них просят. А еще — мне по-прежнему нужны те танки, а вы, подполковник, по-прежнему будьте готовы при первой же возможности отправиться на Землю. Внесите этот факт в свои предсказания и не забудьте о нем.

Он повернулся на каблуках и пошел к двери.

— Генерал, — окликнул его Клетус, — вы можете оказать мне одну любезность…

Трейнор остановился и резко обернулся. Его лицо потемнело.

— После всего?.. — спросил он холодно. — О чем же вы просите, подполковник?

— Здесь, в Бахалле, есть хорошая экзотская библиотека с богатейшим фондом военной литературы.

— Ну и что?

— Простите… — нерешительно продолжил Клетус, — но главная беда лейтенанта Этайера заключается в его слабом знакомстве с военной теорией. Если бы он мог уйти из действующей армии и поработать некоторое время в этой библиотеке — скажем, в качестве офицера службы информации экспедиционных сил, — это пошло бы ему только на пользу.

Трейнор уставился на Клетуса.

— Но почему, — поинтересовался он, — вы считаете, что Этайер заслужил подобную участь вместо следственной комиссии?

— Обидно, когда пропадают ценные кадры, — ответил Клетус.

Генерал хмыкнул, повернулся на каблуках и вышел, не сказав больше ни слова.

Из ванной со сконфуженным видом появился Арвид.

— Извините, сэр, — сказал он Клетусу. — Должно быть, генерал прибыл по воздуху и сел на крышу.

— Забудь об этом, Арв, — улыбнулся Клетус. — Ступай в коридор и разыщи врача. Мне нужно выбираться отсюда.

Через двадцать минут Арвид его наконец нашел. Ногу Клетуса освободили от повязки, и он отправился осматривать помещение, которое подыскал Арвид для его офиса. Оно находилось в небольшом здании, отведенном под офицерские квартиры, и представляло собой одну из них — в каждой было

три комнаты и ванная; первоначально экзоты намеревались размещать здесь гостей. Две другие квартиры сейчас пустовали, так что, по существу, все здание принадлежало им — момент, который Клетус оговорил, еще когда посылал Арвида на поиски. Оказавшись в офисе, Клетус обнаружил, что из мебели там было лишь несколько стульев и столик. На них с явным пренебрежением взирал худощавый майор лет сорока, с белым шрамом на подбородке.

— Майор Уилсон? — обратился к нему Клетус, когда офицер повернулся в его сторону, — Я подполковник Грэйем.

Они пожали друг другу руки.

— Меня прислали из управления безопасности, — пояснил Уилсон. — Вы сообщили нам, что у вас могут возникнуть какие-то особенные проблемы.

— Это действительно так, — ответил Клетус. — Мы здесь собираемся изучать огромное количество материала особой категории секретности. Я буду готовить для генерала Трейнора еженедельные прогнозы, касающиеся активности врага. Рано или поздно ньюлэндцы об этом узнают и начнут проявлять интерес к этому учреждению. Я хотел бы превратить его в ловушку для каждого, кого они могут подослать сюда.

— Ловушку, сэр? — переспросил озадаченный Уилсон.

— Именно так, — весело подтвердил Клетус. — Я хочу устроить здесь все так, чтобы они могли проникнуть внутрь, но не имели возможности выбраться назад, на улицу.

Он повернулся и показал на окружавшие их стены.

— Например, — начал объяснять он, — тяжелая стальная решетка с внутренней стороны окон, но закрепленная таким образом, что ее нельзя сдвинуть или перепилить обычным инструментом. Обычный замок на внешней двери — его можно легко открыть, но он надежно запирает дверь, когда ее открыли, а затем захлопнули. Металлическая коробка и металлическая дверь, чтобы невозможно было выбраться наружу, после того как сработает скрытый замок… Возможно, система проводов, чтобы подвести слабый электрический ток к окнам, дверям и вентилятору и тем самым пресечь какие бы то ни было попытки выбраться на свободу.

Уилсон с сомнением покачал головой.

— Все это потребует дополнительных затрат времени и материалов, — сказал он, — Полагаю, у вас есть на это разрешение, подполковник?

— Оно на подходе, — заверил его Клетус. — Но ваши люди должны приступить к этой работе немедленно. Меньше часа назад генерал в разговоре со мною в госпитале высказал

пожелание поскорее подготовить это помещение.

— О, генерал! — Уилсон оживился. — Конечно, сэр.

— Значит, этот вопрос мы уладили.

Обсудив некоторые детали и произведя измерения, офицер безопасности ушел. Клетус поручил Арвиду связаться по полевому телефону с Ичан Ханом. Дорсайского полковника наконец удалось найти на полигоне, где он готовил наемников.

— Вы не будете возражать, если я приду?

— Конечно нет. — На маленьком экране полевого видеотелефона лицо Ичана казалось слегка удивленным. — Всегда рад вас видеть, подполковник. Приходите.

— Отлично. Буду у вас через полчаса.

Он отключил телефон. Поручив Арвиду позаботиться о мебели и оборудовании, Клетус вышел на улицу, сел в штабную машину, в которой привез его лейтенант, и отправился на полигон.

Ичан Хан стоял у края поля, в центре которого возвышалась десятиметровая металлическая вышка, откуда несколько загорелых солдат-дорсайцев прыгали, отрабатывая приземление с помощью гравитационного пояса. Цепочка ожидающих своей очереди вытянулась далеко за вышку, с ее вершины один за другим бросались вниз солдаты: моторчики поясов издавали короткий ревущий звук, переходивший в тихое жужжание, — и вот уже вздымаются на земле облачка беловато-коричневой пыли. Клетус с удовлетворением отметил преобладание мягких приземлений, чего трудно было ожидать от солдат, которых не готовят специально для десантных войск.

— А, вот и вы, — приветливо кивнул Ичан Хан, когда Клетус приблизился к нему сзади. Дорсаец стоял, широко расставив ноги, заложив руки за спину, и наблюдал за ходом тренировки. — Что вы думаете о нашем уровне прыжковой подготовки — теперь, когда видите все собственными глазами?

— Это впечатляет, — признал Клетус. — А что вы знаете о движении партизан на реке Бахалла?

— Оно довольно значительное. Так и должно быть, ведь река протекает прямо через город и впадает в бухту. — Ичан Хан с любопытством посмотрел на Клетуса. — А что?

— Сегодня новолуние, — объяснил Клетус.

— Ну и?.. — Ичан непонимающе смотрел на него.

— Согласно местным таблицам приливов, — продолжал Клетус, — ожидается необычно мощный подъем уровня воды во всех притоках и каналах. Подходящее время для того, чтобы перебросить большое количество боеприпасов или необычно тяжелое снаряжение.

— Гм… — Ичан погладил кончик правого уса. — Вы не против выслушать мой совет?

— Конечно говорите.

— Не думаю, чтобы вы смогли что-либо предпринять в этом плане, — начал он осторожно, — Безопасность реки обеспечивается шестью армейскими амфибиями с полудюжиной солдат и легким оружием на каждой из них. Этого мало для того, чтобы от защиты был какой-то толк, и каждый это знает. Но ваш генерал Трейнор отдает предпочтение наземной военной технике. Около шести месяцев назад он поклялся в штабе альянса, что реки надежно защищены, и поэтому вместо двух патрульных судов ему предоставили пять бронированных машин для перевозки личного состава. Так что, если вы собираетесь сообщить генералу Трейнору о возможных проблемах на реке, знайте, что эта новость не очень-то осчастливит его. Я бы посоветовал не обращать внимания на какие бы то ни было действия ньюлэндцев.

— Возможно, вы и правы, — вздохнул Клетус. — Как насчет ленча?

Они покинули полигон и поехали в офицерский клуб на ленч, где после звонка Ичан Хана, сделанного по предложению Клетуса, к ним присоединилась Мелисса. Она держалась несколько скованно и старалась не встречаться взглядом с Клетусом. Хотя вместе с отцом она и навестила его в госпитале, но во время краткого визита молча стояла за спиной Ичан Хана, поглядывая время от времени на Клетуса, когда тот увлекался беседой с полковником. Клетус же не обращал внимания на ее реакцию и поддерживал живой веселый разговор.

— Вефер Линет предлагал мне, — сказал ей Клетус, когда они принялись за кофе и десерт, — совершить с ним прогулку под водой на одном из подводных бульдозеров «Марк-V». Не хотите ли присоединиться к нам сегодня вечером? Мы успеем в Бахаллу к ужину.

Мелисса заколебалась, но Ичан Хан был начеку.

— Хорошая идея, девочка моя, — поспешно произнес он. — Почему бы тебе не поехать для разнообразия?

Тон, с которым Ичан проговорил эти слова, превратил их почти в приказ. Но за резкостью слов можно было угадать чуть ли не мольбу.

Мелисса сдалась.

— Спасибо. — Она подняла глаза и встретилась взглядом с Клетусом, — Это звучит заманчиво.

Глава 10

На небе уже стали появляться звезды, когда Клетус и Мелисса подъехали к воротам военной верфи и увидели лейтенанта из штаба Вефера Линета. Он проводил их к причалу, где над водой, тронутой золотом, возвышался массивный черный, высотой в два этажа корпус «Марка-V». После ленча, простившись с Ичан Ханом и Мелиссой, Клетус немедленно позвонил Веферу и договорился об этой вечерней экскурсии.

Бефер был полон энтузиазма. Он радостно сообщил, что устав военно-морских сил категорически запрещает гражданскому лицу, каковым является Мелисса, находиться на борту действующего военно-морского транспорта типа «Марк-V», но лично ему на это наплевать. В отчете он укажет, что в телефонном разговоре с Клетусом он разобрал слова «Дорсай» и «Хан» — а к кому же еще, кроме знакомого ему полковника, которого уж никак нельзя назвать гражданским лицом, они могли относиться? Так что он ждет подполковника Грэйема и полковника Хана на борту «Марка-V» в семь часов вечера.

Они прибыли вовремя. Подчиненные Линета обрадовались этому маленькому нарушению правил и охотно приняли участие в шуточном представлении. Встречавший гостей лейтенант с серьезным видом назвал Мелиссу «полковником», и не успели они взобраться на борт «Марка-V», как трое матросов, улыбаясь во весь рот, повторили это обращение. Когда же Мелисса услышала «полковник» в четвертый раз, она громко рассмеялась и с этого момента стала проявлять живой интерес к путешествию.

— Вы хотели бы увидеть какое-нибудь конкретное место? — спросил Вефер, когда «Марк-V» пришел в движение и с грохотом стал медленно спускаться по аппарели.

— Да. Вверх по реке, — ответил Клетус.

— Направляйтесь туда, лейтенант.

— Есть, сэр.

Лейтенант стоял у пульта управления, слева от Вефера, Клетуса и Мелиссы, расположившихся перед большим полусферическим экраном, на котором из мутной воды, окружавшей их со всех сторон, вычленялись очертания подводных частей судов и другие твердые предметы, находящиеся в бухте ниже уровня воды.

Со всех сторон доносилось слабое шипение и громыхание. Вибрация и звук от движения тяжелых гусениц по аппарели неожиданно исчезли. Линия воды на экране устремилась вверх. Огромная машина, словно падающий с дерева листок, плавно

опустилась на шестьдесят футов вниз.

— Полный вперед, на тридцать градусов вправо, — приказал лейтенант, и их подводное путешествие вверх по реке началось.

— Вы обратили внимание, — произнес Вефер так, как говорит любящий отец о способностях своего первенца, — что здесь наши гусеницы не касаются дна? Между нами и твердым дном, по которому мог бы ехать «Марк-V», почти десять футов ила и грязи. А теперь посмотрите сюда…

Он показал на экран. Ярдах в двухстах впереди дно резко уходило вниз, пропадая из поля зрения, и поднималось снова примерно ярдов на пятьдесят дальше.

— Это главное русло — здесь река впадает в залив, — объяснил Вефер. — Мы чистим его каждый день — не потому, что у нас есть суда с такой большой осадкой, а потому, что течение препятствует заиливанию бухты. Успех нашей работы зависит от правильного определения и использования существующих направлений движения воды. Сохраняя глубину русла, мы вдвое сокращаем работу по удалению ила. У нас, военных моряков, принято делать все как можно рациональнее.

— Вы хотите сказать, что у вас достаточно бульдозеров и людей, чтобы прочищать бухту, даже если бы не было этого русла? — удивился Клетус.

— Достаточно… — повторил он с улыбкой, — Вы не знаете, на что способен этот «Марк-V». Да, я могу поддерживать чистоту в бухте при помощи одной такой машины! Сейчас я вам кое-что покажу.

Он устроил Клетусу и Мелиссе экскурсию, начиная с водительского отсека, расположенного внизу, между массивными гусеницами, и кончая орудийной башней наверху, которая открывалась, выпуская два тяжелых энергетических орудия или подводный лазер.

— Теперь вы понимаете, почему Трейнор хотел использовать эти машины в джунглях, — заключил Вефер, когда они вернулись в отсек управления к полусферическому экрану. — Конечно, они не обладают огневой мощью армейских танков, но во всех других отношениях, кроме скорости передвижения по земле, настолько их превосходят, что ни о каком сравнении речи нет и быть не может…

— Сэр, — перебил его лейтенант, — по реке движется судно с глубокой осадкой. Нам надо опуститься и перейти на гусеничный ход.

— Хорошо. Так и поступайте, лейтенант, — ответил Вефер. Он повернулся к экрану и указал на изображение предмета, разрезающего линию поверхности реки ярдах в двухстах от

них. — Клетус, вы видите? Мелисса? Судно с осадкой в девять или десять футов. Русло здесь менее пятидесяти футов глубиной, и нам придется опуститься прямо на дно, чтобы уж точно не зацепить это суденышко.

Он скосил глаза на экран и неожиданно засмеялся.

— Я так и думал! — сообщил он. — Клетус, это одна из ваших речных патрульных лодок. Хотите посмотреть на ее надводную часть?

— С помощью поплавкового датчика? — спокойно уточнил Клетус.

Челюсть Вефера отвисла.

— Откуда вы о нем знаете? — вытаращив глаза от удивления, спросил он.

— В военно-морском журнале года два назад прочитал статью, — ответил Клетус. — Меня тогда поразило, что такое устройство используется на транспортном средстве типа подводного бульдозера.

Вефер смотрел на него чуть ли не обиженно.

— А я-то думал… И что еще вам известно?

— Я знаю, что если немного повезет, то, вероятно, сегодня вечером вы сможете задержать направляющуюся в Бахаллу лодку с ньюлэндскими диверсантами и грузом. Конечно, при условии, что вы захотите это сделать. У вас есть карта реки?

— Карта? — оживился Вефер.

Он наклонился вперед и нажал кнопку под экраном. На нем появилась карта, изображающая русло реки с притоками, начиная с устья, где была расположена Бахалла, и кончая районом милях в тридцати вверх по реке.

Вдоль главного русла ползло красное пятно — «Марк-V». На него накладывалось изображение патрульного судна.

— Какие диверсанты? Где?

— Примерно в шести километрах отсюда, вверх по течению, — ответил Клетус.

Он протянул руку и показал на место повыше движущегося красного пятна, где в реку впадал приток, почти такой же широкий, как сама река. Выше точки слияния приток распадался на множество мелких ручейков, переходящих в болото.

— Как вы знаете, сегодня необычно высокий прилив, — начал Клетус. — Следовательно, глубина воды в главном русле будет футов на восемь больше обычного. Этого вполне достаточно для того, чтобы маленькая речная моторная лодка могла пройти до бухты Бахаллы, таща за собою под водой контейнер с грузом, а может быть, и с людьми. Это, конечно, всего лишь мое предположение, но едва ли партизаны упустят такой шанс и не

попытаются перебросить своим людям в городе оружие и подмогу.

Вефер впился глазами в карту, затем с восторгом посмотрел на Клетуса.

— Вы правы! — воскликнул он, — Лейтенант, мы направляемся к месту, которое только что показал подполковник Грэйем. Всем быть наготове и открыть орудийную башню наверху.

— Есть, сэр! — возбужденно отозвался лейтенант.

Они быстро добрались до места, указанного Клетусом.

«Марк-V» выполз на мелководье недалеко от берега, напротив устья притока, и остановился. Его орудийная башня находилась менее чем в пяти футах ниже уровня воды. Вефер нажал кнопку на пульте управления, и поплавковый датчик выскочил на поверхность — маленький плавающий квадратик с тонким металлическим усиком, торчащим на метр вверх. Видимость была скверной, но устройство обладало поистине удивительной разрешающей способностью. Изображение, передаваемое им на полусферический экран в отсеке управления, было четким и ясным, словно снаружи стояла не темная ночь с тоненьким серпом луны на небе, а яркий солнечный день.

— Не видно ни одного судна, — пробормотал Вефер, настраивая экран так, чтобы получить полную картину, передаваемую датчиком, — Думаю, нам остается сидеть и ждать их.

— А тем временем вы могли бы принять кое-какие меры предосторожности, — предложил Клетус.

Вефер взглянул в его сторону.

— Какие меры предосторожности?

— Чтобы они не удрали вниз по реке, если вдруг им случайно удастся проскользнуть мимо вас, — пояснил Клетус, — Можно ли как-нибудь остановить движение грунта вниз по реке, чтобы, если лодки вдруг появятся, они сели на мель прямо перед нами?

Вефер посмотрел на него с изумлением, перешедшим в восхищение.

— Конечно! — воскликнул он. — Лейтенант! Двигайтесь вниз по течению!

«Марк-V» сдвинулся ярдов на сто и, опустив свою огромную раму с широким ножом, начал сгребать песок и ил с краев к центру. Через пятнадцать минут русло было забито песком ярдов на пятьдесят. Вефер хотел на этом остановиться, но Клетус посчитал, что этого недостаточно, и предложил создать преграду в виде плавно поднимающегося холма, с вершиной футах в шести под поверхностью воды. Затем, также по предложению Клетуса, «Марк-V» вернулся назад, но не на прежнее место, а поднялся по

притоку ярдов на пятьдесят вверх от точки его слияния с рекой.

Здесь было так мелко, что орудийная башня выступала из воды. Но за несколько минут работы бульдозер сделал небольшое углубление в грунте и, оказавшись полностью под водой, замер.

Ожидание длилось долго, почти три часа. Было около полуночи, когда датчик, невидимый на фоне листвы деревьев и кустов, растущих на берегу, передал изображение моторной лодки, медленно скользившей вниз по притоку. Ее мотор вращался со скоростью едва достаточной для того, чтобы удержать под водой контейнер, который она тащила за собой.

Они ждали, затаив дыхание, пока суденышко и контейнер проплывали мимо них. Затем Вефер бросился к микрофону, у которого несколько часов назад сидел лейтенант.

— Подождите, — остановил его Клетус.

Вефер с недоумением посмотрел на подполковника.

— Подождать? Зачем?

— Вы же знаете, что лодка не сможет преодолеть созданный вами барьер, — объяснил Клетус. — Так почему не посидеть здесь еще немного и не посмотреть, не появится ли вторая?

Вефер поколебался немного и отошел от микрофона.

— Вы действительно думаете, что может появиться еще одна? — спросил он задумчиво.

— Меня бы это не удивило, — весело ответил Клетус.

Едва эти слова слетели с его губ, как датчик передал изображение второй моторки с контейнером на буксире. Эта лодка тоже прошла мимо них и двинулась вниз по реке, а через некоторое время появилась третья. Вефер стоял, напряженно вглядываясь в экран, а в тридцати ярдах от притаившегося бульдозера шли и шли лодки. Он насчитал двадцать штук.

Через несколько минут после того, как прошла последняя лодка, Клетус сказал, что, пожалуй, неплохо бы посмотреть, как обстоят дела на реке. Вефер привел бульдозер в движение. «Марк-V» выполз из своего убежища и снова нырнул под воду — в главное русло притока. Достигнув русла реки, они опустились вниз. Вскоре их подводные ультрафиолетовые прожекторы, а также датчик на поверхности воды позволили им увидеть картину дикой неразберихи. Из двадцати прошедших мимо них моторок половина прочно сидела на мели, врезавшись в холм, нарытый подводными бульдозером. Остальные были на плаву и отчаянно пытались сдвинуть с места застрявшие суденышки. Контейнеры беспомощно покачивались за ними на поверхности воды.

Вефер остановил «Марка-V» и вновь в смятении взглянул на экран.

— Что же теперь? — пробормотал он, обращаясь к Клетусу. —

Если я нападу на них здесь, то свободные лодки развернутся, рванут вверх по реке и уйдут. Конечно, у меня в башне есть орудия. Но все равно многим удастся ускользнуть.

— В качестве предложения… — сказал Клетус. — Как этот ваш «Марк-V» создает волну?

Вефер вытаращил глаза.

— Волну? — повторил он, затем радостно закричал: — Волну!

Он рявкнул команду в микрофон. «Марк-V» отошел ярдов на сто назад вдоль главного русла и остановился. Два крыла, укрепленные на его раме, которые были прижаты к бокам, чтобы уменьшить сопротивление во время движения, снова развернулись влево и вправо и образовали единый заслон шириной в двадцать ярдов и высотой в десять. Вефер осторожно поднял переднюю часть вверх так, что половина рамы выступила над поверхностью, а гусеницы свободно плавали в воде. Затем запустил моторы на полную мощность.

Вода вокруг заревела, забурлила, бульдозер быстро двинулся вперед, остановился и опустился на дно реки в пятидесяти ярдах от болтавшихся на воде моторок. На какое-то мгновение стена воды заслонила собой все впереди, а затем стремительно прошла вниз по реке, оставив позади себя полный хаос.

Палубы тех лодок, которые сидели на мели, оказались накрыты волной, вызванной бульдозером. Некоторые легли набок, а какие-то даже перевернулись вверх дном. Но тяжелее всего пришлось лодкам, пытавшимся помочь остальным.

Все они без исключения тоже застряли в песке и иле. Во многих случаях их буквально вдавило в мягкий грунт речного дна. Одна лодка стояла вертикально, зарывшись носом в песок футов на шесть.

— Думаю, теперь они готовы, можете приступать, — сказал Клетус Веферу.

Появление черного корпуса «Марка-V», с ревом поднявшегося из речных глубин с двумя тяжелыми, угрожающе нависшими над людьми энергетическими орудиями, было именно тем фактором, который завершил деморализацию партизан. Почти все, кто сумел удержаться на борту своих поверженных лодок, при виде бульдозера попрыгали в воду и, отчаянно размахивая руками, поплыли к берегу.

— На башне… — начал было взволнованный Вефер.

Но Клетус закрыл микрофон ладонью.

— Пусть матросы уходят, — предложил он. — Те, кто нас интересует, останутся взаперти в контейнерах. Давайте подумаем о том, как их выловить, прежде чем они начнут проявлять

беспокойство и попытаются вырваться на свободу.

Совет был хорош. Терпение сидевших в контейнерах ньюлэндцев достигло предела после трепки волной, которую вызвал «Марк-V». В верхней части беспомощно подпрыгивавших на поверхности воды контейнеров, все еще привязанных к сидевшим на мели лодкам, стали появляться отверстия. Это находившиеся внутри партизаны открывали аварийные люки. Вефер повел свой бульдозер в самую гущу лодок и направил лейтенанта с тремя матросами наверх с оружием, чтобы охранять вылезавших из контейнеров ньюлэндцев, затем им приказывали плыть к «Марку-V», где их обыскивали, связывали руки, спускали вниз и запирали в переднем отсеке бульдозера.

«Марк-V» вернулся на военно-морскую базу в Бахалле с передним отсеком, набитым пленными, и грузом, который буксировали лодки. Сдав пленников и трофеи, Клетус, Мелисса и Вефер наконец отправились, как и планировали, в город на поздний ужин, а точнее сказать — на ранний завтрак. Был уже пятый час, когда Клетус повез уставшую, но довольную Мелиссу к отцу. Однако по мере приближения к дому Мелисса становилась все серьезней, а под конец и совсем умолкла; когда же они затормозили перед парадным входом, она не стала сразу же выходить из машины.

— Знаете, — произнесла она, поворачиваясь к Клетусу, — а вы необыкновенный человек. Сначала партизаны на пути в Бахаллу, затем те, кого вы поймали у ущелья Эттера. И наконец, сегодня…

— Спасибо, — поклонился Клетус. — Но я всего лишь предугадал самые значительные действия де Кастриса и устроил все так, чтобы оказаться в нужном месте, когда они были предприняты.

— Почему вы продолжаете говорить о Дау так, словно он ведет с вами что-то вроде личной дуэли?

— Он так и делает, — заметил Клетус.

— Секретарь по делам Внешних миров в коалиции против никому не известного подполковника экспедиционных сил альянса? Да какой в этом смысл?

— А почему нет? — спросил Клетус, — Он может потерять больше, чем никому не известный подполковник экспедиционных сил альянса.

— Вы все это просто вообразили!

— Нет, — покачал головой Клетус. — Помните, в кают-компании корабля я подтолкнул его к совершению ошибки в поисках кусочка сахара? Секретарь коалиции не может позволить, чтобы из него делал дурака какой-то неизвестный подполковник.

Правда, никто, кроме вас, не знает — а вы это услышали от меня, — что он тогда действительно допустил ошибку…

— Вы для этого сообщили мне тогда о том, что вы сделали? — быстро прервала его Мелисса. — Только для того, чтобы я рассказала Дау?

— Отчасти, — ответил Клетус. В темноте было слышно, как она сделала резкий вдох. — Потому что на самом деле не имело значения, скажете вы ему об этом или нет. Он понимал и так, что оказался слабее меня в тактике, и теперь уязвленное самолюбие не дает ему покоя. Его мучает мысль о моем превосходстве, и он хочет отбить у меня охоту его демонстрировать.

— О! — Голос Мелиссы, едва сдерживавшей свой гнев, задрожал. — Вы все это выдумываете. Нет никаких доказательств, ни даже намека на что-нибудь в этом роде!

— Они есть, — запротестовал Клетус. — Вы помните партизан на дороге в Бахаллу, атаковавших почему-то не автобус, который, как отметил ваш отец, представлял для них больший интерес, а штабную машину, в которой ехал я? И это после того, как Патер Тэн чуть не оборвал телефоны на корабле, прежде чем мы покинули его.

— Это совпадение — только и всего, — горячо воскликнула Мелисса.

— Нет, — спокойно возразил Клетус. — Не более чем вылазка ньюлэндцев, которая, хотя и имела целью захватить какой-нибудь городок на побережье, но главное — способствовала бы дискредитации меня как специалиста по тактике еще до того, как мне бы представилась возможность освоиться и ознакомиться со здешней военной ситуацией.

— Я не верю этому, — резко оборвала его Мелисса, — Это все ваши домыслы.

— Поведение де Кастриса говорит об обратном, — возразил Клетус. — Когда я ускользнул из первой ловушки, на него это произвело достаточно сильное впечатление, и он предложил мне работать на него — ясно, что эта работа поставила бы меня в подчиненное по отношению к нему положение… Это произошло на вечере у Мондара, когда вы отошли, чтобы поговорить с отцом, а де Кастрис и я провели вместе несколько минут.

Она пристально смотрела на него, словно пытаясь в тусклом свете лампы, расположенной над входом в дом, разглядеть выражение его лица.

— Вы ему отказали? — спросила она после долгой паузы.

— Конечно. После сражения с партизанами на дороге и возле ущелья Эттера он понял, что я не сдамся и буду ждать следующих действий со стороны ньюлэндцев, которые, безусловно, должны

были воспользоваться высоким приливом на реке, чтобы перебросить в Бахаллу диверсантов и груз. Если бы я ничего не предпринял и позволил этому осуществиться, он воспринял бы это как мое решение стать его человеком.

Она снова пристально посмотрела на него.

— Но вы… — Она замолчала. — Что вы надеетесь извлечь из всей этой… этой… цепочки событий?

— Только то, о чем я вам говорил на корабле, — произнес Клетус, — Вовлечь де Кастриса в фехтовальный поединок один на один со мной, с тем чтобы постепенно втягивать его во все более и более значительные конфликты — до тех пор пока он не скомпрометирует себя окончательно в последней нашей схватке, во время которой я смогу воспользоваться всеми совершенными им ошибками и уничтожить его.

Она медленно покачала головой.

— Вы, должно быть, сумасшедший, — проговорила она наконец.

— Или более здравомыслящий, чем большинство других, — ответил Клетус. — Кто знает?

— Но… — Она заколебалась, словно пыталась отыскать аргумент, который бы подействовал на него. — В любом случае, что бы здесь ни случилось, Дау собирается покинуть планету. Как же тогда все ваши связанные с ним планы? Вернувшись на Землю, он забудет о вас — я в этом уверена.

— Не раньше чем я поймаю его на ошибке — настолько очевидной всем, что он не сможет улизнуть или спрятаться, — сказал Клетус, — Это и будет моим следующим шагом.

— Опять! А что если я расскажу ему о ваших намерениях? — поинтересовалась она, — Предположим, вся эта дичь — правда и я отправлюсь сегодня в столицу Ньюлэнда и расскажу ему о том, что вы планируете? Разве это не разрушит все ваши планы?

— Не обязательно, — улыбнулся Клетус. — Кроме того, я не думаю, что вы так поступите.

— Почему? — в ее голосе звучал вызов, — Я ведь призналась вам на корабле, в ту первую ночь, в своем желании получить помощь Дау для себя и для отца. Почему бы мне не оказать ему услугу?

— Потому что вы больше дочь своего отца, чем вы думаете, — улыбнулся Клетус, — Кроме того, ваше признание де Кастрису было бы пустой тратой сил. Я не допущу, чтобы вы загубили свою жизнь, связав ее с де Кастрисом и разбив сердце своего отца.

Мгновение она во все глаза смотрела на него, молча и не дыша. Затем ее прорвало.

— Вы не допустите?! — вспыхнула она. — Вы собираетесь

распоряжаться моей жизнью и жизнью моего отца? Откуда у вас такая самоуверенность, почему вы думаете, что вы вправе обо всем судить и всеми командовать? Кто вас делал… королем всего и всех?..

Она яростно дергала дверцу машины, а гневные слова так и сыпались из нее. Когда ее пальцы отыскали кнопку и дверца наконец открылась, Мелисса выскочила и повернулась, чтобы захлопнуть ее за собой.

— Возвращайтесь в свой пансион или куда вы там собираетесь! — крикнула она ему. — Я знала, что мне не нужно было ехать сегодня с вами, но отец меня просил… Мне не следовало его слушать. Спокойной ночи!

Она повернулась и побежала вверх по ступенькам к дому. Дверь захлопнулась. Клетусу остались тишина и разгоравшийся свет бледного рассветного неба, такого далекого, такого недостижимого.

Глава 11

— Ну, подполковник, — мрачно произнес генерал Трейнор. — Что же мне с вами делать?

— Генерал мог бы использовать меня!

Они стояли лицом друг к другу в кабинете Трейнора. Генерал отступил назад, словно чтобы еще лучше рассмотреть Клетуса.

— Сначала вы устраиваете грандиозное представление возле ущелья Эттера и собираете в пять раз больше пленных, чем у вас было людей. Потом отправляетесь на полночный пикник с военными моряками и возвращаетесь, нагруженный партизанами и оружием. Мало того, вы еще прихватили с собой на эту морскую прогулку гражданское лицо!

— Гражданское лицо, сэр? — невинно переспросил Клетус.

— Представьте себе, я в курсе. Но поскольку это дело флота, то вмешиваться не собираюсь, хотя и знаю, кто был с вами на «Марке-V», подполковник! Точно так же, как знаю и то, что этому молодому чурбану Линету не могла прийти в голову идея захватить моторные лодки, набитые партизанами. Это шоу устроили вы, подполковник, точно так же, как и то, около ущелья Эттера… И я повторяю свой вопрос: что мне с вами делать?

— Я отвечаю вам со всей серьезностью, генерал, — сказал Клетус тоном, соответствующим его словам. — Думаю, вы должны использовать меня.

— Как? — рявкнул Трейнор.

— В качестве того, кем я являюсь, — тактика, — ответил Клетус. Он твердо встретил взгляд из-под насупленных бровей и спокойно продолжал: — Сейчас как раз тот момент, когда я мог бы быть особенно полезен, учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Какие обстоятельства?

— Обстоятельства, которые сложились более или менее благоприятно для того, чтобы дискредитировать секретаря коалиции здесь, на Культисе, — пояснил Клетус, — Полагаю, можно с уверенностью предположить, что Дау де Кастрис планировал отбыть с этой планеты в течение следующих одного-двух дней.

— Правда? — иронично осведомился Трейнор. — А почему вы так уверены, что знаете о планах такого высокопоставленного лица коалиции, как де Кастрис, — при каких бы то ни было обстоятельствах?

— Ситуацию можно легко просчитать, — объяснил Клетус. — Партизаны Ньюлэнда находятся в еще худшем положении, чем

силы альянса, когда речь идет о поставках с Земли. Сэр, вам нужны танки, которые никак не отправят со складов Земли. Я наверняка выиграю, если поспорю, что у партизан Ньюлэнда еще больше нужд, которые коалиция не торопится удовлетворять.

— Почему вы так думаете? — фыркнул Трейнор.

— Я вывел это заключение из того очевидного факта, что коалиция ведет здесь, на Культисе, более дешевую войну, чем мы, — сказал Клетус рассудительно. — Это и в прошлом веке было типично для противостояния альянс — коалиция. Мы стремимся поддержать наших союзников боеспособными войсками и современным вооружением. Коалиция же — минимально вооружить силы оппозиции и помочь им лишь советами. Это полностью соответствует их конечной цели, которая заключается не в том, чтобы победить во всех этих микроконфликтах, а в том, чтобы обескровить страны альянса на Земле; тогда постепенно коалиция сможет взять верх там, где, по их мнению, это нужно сделать.

Клетус замолчал. Трейнор смотрел на него во все глаза. Спустя секунду генерал тряхнул головой, как человек, который только что проснулся.

— Надо проверить, что у меня с мозгами, — сказал он, — Почему я стою здесь и слушаю все это?

— Потому что вы разумный человек, сэр, — ответил Клетус, — И потому что вы не можете не видеть, что в моих словах есть смысл.

— Да, иногда есть… — пробормотал Трейнор. Он посмотрел в сторону. Затем взгляд снова стал сосредоточенным, и генерал впился глазами в лицо Клетуса, — Ладно, ньюлэндцам требуется оружие с Земли, которое коалиция не хочет им давать. И вы утверждаете, что именно поэтому де Кастрис приехал сюда.

— Конечно, — подтвердил Клетус, — Вы сами знаете, что коалиция часто так поступает. Они отказывают в материальной помощи своему марионеточному союзнику, но потом, чтобы подсластить горечь отказа, посылают кого-нибудь из высокопоставленных сановников навестить этих марионеток. В стране начинается суматоха. Создается впечатление, что коалиция очень беспокоится об их благополучии, в то время как ей это почти ничего не стоит. Только в последнем случае их политика привела к несколько непредвиденным последствиям.

— Непредвиденным последствиям? — переспросил Трейнор.

— Два новых выступления партизан, которые, как предполагалось, должны были ознаменовать визит де Кастриса — события возле ущелья Эттера и неудачная попытка забросить большое количество людей и оружия в Бахаллу прошлой

ночью, — провалились. Конечно, официально Дау не имеет никакого отношения ни к одной из этих акций, хотя мы понимаем, что он, вне всякого сомнения, был в курсе, а может быть, и приложил руку к их организации. Но как я уже говорил, официально тут нет никакой связи, и, по сути, он мог бы покинуть планету, как было запланировано, ни разу не оглянувшись назад. Только я не думаю, что он это сделает.

— Почему?

— Потому, генерал, — сказал Клетус, — что целью его приезда сюда было дать ньюлэндцам моральный толчок. А вместо этого визит совпал с парой их, хоть и небольших, но все же поражений. Если он улетит сейчас, его поездка окажется напрасной. Человек, подобный де Кастрису, обязан отложить отъезд до тех пор, пока не удастся покинуть планету на волне успеха. Это создает ситуацию, которую мы можем использовать в своих интересах.

— Ах, использовать в своих интересах? — саркастически усмехнулся Трейнор, — Новые игры и представления, подполковник?

— Сэр, вынужден напомнить вам, что я оказался прав, предупреждая о попытке проникновения партизан через ущелье Эттера и их намерении перебросить людей и оружие вниз по реке в город прошлой ночью…

— Ладно! — раздраженно рявкнул Трейнор. — Если бы я этого не учитывал, я не стал бы вас сейчас слушать. Продолжайте. Что еще вы хотели сообщить мне?

— Я бы предпочел показать вам, — ответил Клетус. — Если вы не против того, чтобы слетать к ущелью Эттера…

— Ущелье Этгера? Опять! — воскликнул Трейнор, — Но зачем? Скажите мне, какая карта вам нужна, и покажите все здесь.

— Полет займет не много времени, — спокойно произнес Клетус. — Объяснение будет иметь гораздо больше смысла, если под нами будет настоящий район боевых действий.

Генерал хмыкнул, однако подошел к столу и, нажав кнопку вызова, приказал:

— Пошлите ко мне на крышу разведывательный флайер. Мы сейчас поднимемся.

Через пять минут Клетус и Трейнор летели к ущелью Эттера. Флайер генерала был маленьким, но быстрым, с антигравитационными турбинами под средним отсеком и плазменным двигателем сзади. Арвид — во время беседы Клетуса с генералом он ждал его в приемной — сидел впереди, в кресле второго пилота, рядом с еще одним членом экипажа. Двадцатью

футами ниже, в смотровом отсеке, уединились Клетус и Трейнор. Разведчик приблизился к району ущелья и по просьбе Клетуса снизился до высоты всего лишь в пятьсот футов. Он принялся медленно кружить над районом, включавшим ущелье Эттера, городок Двух Рек и два речных потока, сливавшихся в один ниже города.

Трейнор мрачно смотрел на ущелье и город под ним, уютно расположившийся в развилине, которую образовывали две реки.

— Ну, подполковник, — изрек наконец он, — я потратил час своего времени на это путешествие. Надеюсь, то, что вы хотите мне сообщить, заслуживает внимания.

— Именно так, — ответил Клетус. Он показал на ущелье Эттера и махнул рукой в сторону городка, — Если вы посмотрите сюда внимательно, сэр, то увидите, что город Двух Рек — идеальный плацдарм для проведения через ущелье атаки, которая явилась бы нашим первым шагом в захвате Ньюлэнда.

Трейнор резко вскинул голову и уставился на Клетуса.

— Захватить Ньюлэнд?.. — Спохватившись, он замолчал, ибо головы всех трех мужчин, сидящих наверху, разом повернулись к ним. — Вы что, совсем спятили, Грэйем? Вы полагаете, мне придет в голову подобная нелепость? Решение о вторжении в Ньюлэнд принимает даже не Генеральный штаб на Земле. Это решают политики в Женеве!

— Конечно, — невозмутимо согласился Клетус, — Но ясно, что эта операция, начатая из города Двух Рек, вполне может стать успешной. Если только генерал позволит мне объяснить…

— Нет! — завопил Трейнор, тщетно пытаясь приглушить голос. — Я сказал вам, что даже не хочу слышать об этом. Если вы притащили меня сюда только для того, чтобы предложить…

— Я пока ничего не предлагаю, — попытался успокоить его Клетус, — Я только показываю вам преимущества данного места. Нет необходимости вторгаться в Ньюлэнд. Но хорошо бы заставить ньюлэндцев и де Кастриса понять, что такое вторжение, если бы оно было предпринято, оказалось бы успешным. Осознав это, они будут пребывать в чрезвычайном напряжении и срочно примут меры, предотвращающие нападение. Если же потом мы дадим им понять, что никогда и не собирались вторгаться в Ньюлэнд, то Дау де Кастрис окажется причастным к совершению такой ошибки, от которой отвертеться он уже не сможет, и следовательно, уйти от ответственности. Кроме того, чтобы не потерять лицо, коалиции не останется ничего иного, как свалить всю вину на ньюлэндцев и наказать их. Подобное наказание может иметь единственную форму, а именно: ослабление помощи Ньюлэнду со стороны коалиции… Естественно, любое сокращение

помощи ньюлэндцам сделает вклад альянса в дело экзотов гораздо более существенным.

Клетус замолчал. Трейнор долго сидел, глядя на него с необычным выражением на лице — оно было подобно благоговейному ужасу.

— О господи! — выдохнул он наконец. — Вы, Грэйем, мыслите какими-то необыкновенными категориями.

— Сложность скорее видимая, чем реальная, — ответил Клетус. — Каждый человек в большей или меньшей степени является пленником имеющей место ситуации. Научитесь управлять ситуацией — и у окружающих вас людей не останется другого выхода, как позволить управлять и собой тоже.

Трейнор медленно покачал головой.

— Хорошо, — сказал он, — А как вы планируете дать знать ньюлэндцам об этой ложной попытке вторжения?

— Общепринятым способом, — объяснил Клетус. — Перебросив пару батальонов в район ниже ущелья…

— Я вам уже однажды говорил, что у меня нет лишних батальонов, которые находятся под рукой и ждут, пока с ними поиграют. Кроме того, если я прикажу войскам произвести какие бы то ни было маневры, как я потом докажу, что не имел намерения спровоцировать Ньюлэнд на действия в этом районе?

— Я понимаю, что у вас нет лишних регулярных войск, генерал, — начал Клетус. — И я, конечно, не имею в виду использовать регулярные войска. И отдавать приказ перебросить их сюда вам тоже не придется. Однако хочу вам напомнить, что отряд дорсайцев под командованием Ичан Хана сейчас занимается отработкой прыжков с вышки. Вы ведь могли бы согласиться с предложением полковника Хана экзотам, которое экзоты, конечно же, обсудят с вами: о том, что он со своими наемниками отправится на недельку сюда, для отработки прыжков в идеальных условиях, в местности, где есть и речные долины, и джунгли, и горы.

Трейнор открыл было рот, словно хотел что-то возразить, но промолчал. Его брови задумчиво сдвинулись.

— Гм… — промычал он, — Дорсайцы…

— Дорсайцы, — напомнил ему Клетус, — финансируются не из вашего бюджета. Их финансируют экзоты.

Трейнор кивнул.

— Два батальона здесь, — продолжал Клетус, — это слишком много людей, чтобы де Кастрис и ньюлэндцы могли их проигнорировать. Тот факт, что это не ваши собственные войска, а дорсайцы, скорее заставит их подумать, что вы пытаетесь выглядеть невинным, хотя в голове вынашиваете планы

нападения на Ньюлэнд. Добавьте еще один фактор, и вы превратите незначительное подозрение о нападении в уверенность — по крайней мере для де Кастриса. Он знает, что я был связан с двумя последними инцидентами, когда замыслы ньюлэндцев сорвались. Назначьте меня командующим этими двумя батальонами и разрешите мне действовать ими по своему усмотрению, и ни у кого по ту сторону гор не останется ни малейших сомнений, что отработка прыжков — всего лишь маскировка готовящейся атаки на Ньюлэнд.

Генерал подозрительно посмотрел на Клетуса. Тот ответил ему простодушным взглядом человека, которому нечего скрывать.

— Но вы ведь не станете перебрасывать наемников никуда, кроме этого района, не так ли, подполковник? — вкрадчиво уточнил генерал.

— Даю вам слово, сэр, — ответил Клетус. — Они никуда больше не двинутся.

Трейнор долго смотрел на Клетуса тяжелым взглядом. Затем медленно наклонил голову.

Они вернулись в штаб генерала в Бахалле. Когда Клетус уже уходил и как раз направлялся к своей машине, стоящей на парковочной площадке, на одно из посадочных мест сел флайер. Из него вышел Мондар, за которым следовал маленький желчный Патер Тэн.

— А вот и он, — произнес Патер Тэн скрипучим голосом, увидев Клетуса, — Прошу вас, посланник, вы идите, а я задержусь на минутку. Мне надо поговорить с подполковником Грэйемом. Дау просил меня поздравить подполковника с успехом на прошлой неделе. И вчерашним тоже.

Мондар немного поколебался, затем, улыбнувшись, кивнул.

— Как вам будет угодно, — сказал он и направился к зданию штаба.

Патер Тэн подошел к Клетусу.

— Поздравить меня? — переспросил тот.

— Военный секретарь, — с нескрываемой злобой начал Патер Тэн, — очень честный человек…

Внезапно он оборвал фразу на середине. Казалось, таинственная сила стерла с его лица свойственное ему выражение. Через несколько секунд на нем появилось совсем новое — выражение, которое приняло бы лицо талантливого актера, пожелавшего воплотить характер и манеры Дау де Кастриса. И только глаза Патера Тэна оставались пустыми и неподвижными, как у человека, находящегося под действием гипноза.

Когда он снова заговорил, его слова прозвучали словно

какое-то странное эхо, повторяющее обычную речь Дау.

— Очевидно, — произнес мягкий вкрадчивый голос, — вы все еще пытаетесь повысить ставки, Грэйем. Послушайтесь моего совета. Я вас предупреждал, это очень опасное занятие.

Неестественное сходство с Дау исчезло с лица коротышки так же неожиданно, как и появилось, и взгляд его, устремленный на Клетуса, снова приобрел нормальное выражение.

— …Очень честный, — повторил Патер, — Вы его недооцениваете. Даю вам слово, вы его недооцениваете… — Коротышка помолчал. — Что вы на меня так смотрите? Вы мне не верите?

— Я вам верю, — печально покачал головой Клетус. — Я вижу, что действительно недооценил его. Похоже, он имеет дело не только с умами других людей. Он покупает и их души.

Клетус повернулся и пошел к своей машине, а Патер Тэн так и остался стоять, глядя ему вслед с выражением ярости на лице, с которой этот неистовый человек воспринимал почти все во Вселенной.

Глава 12

Неделю спустя в кабинете Ичан Хана встретились Клетус, Ичан и четыре других офицера, занимавших высокие посты в армии дорсайцев. Это были заместитель Ичан Хана подполковник Маркус Доддс, высокий спокойный худощавый человек; майор по имени Суахили с бритой головой и круглым иссиня-черным бесстрастным лицом; майор Дэвид ап Морган, худой, с выступающими зубами и неестественно бледной кожей, и капитан Эсте Чотаи, невысокий, тучный, но красивый человек, с раскосыми глазами на монголоидном лице. Они расселись за большим столом в просторном кабинете; хозяин занял место во главе стола, Клетус устроился справа от него.

— Итак, джентльмены, — произнес Ичан Хан, — нам прислали нового офицера из сил альянса. Пусть подполковник Грэйем расскажет все сам.

Клетус встал и направился к большой карте района ущелья Эттера и городка Двух Рек. Им овладела странная, неизвестно откуда взявшаяся могучая сила. Детали карты словно выступили из стены, и вместо спроецированного изображения перед ним возникли настоящие джунгли, реки и горы. Клетус медленно, глубоко вдохнул, и ему показалось, что тишина, воцарившаяся в комнате за его спиной, зазвенела у него в ушах.

Он повернулся и взглянул на дорсайских офицеров. Они напряглись под его взглядом, словно почувствовали, что сейчас услышат нечто необыкновенное. Даже Ичан смотрел на Клетуса так, словно видел его впервые.

— Вы все — профессиональные солдаты, — начал Клетус. Его голос был абсолютно бесстрастным, но он звучал с уверенностью, которая не оставляла места сомнениям или возражениям. — Ваше будущее зависит от того, что вы будете делать в течение следующих двух недель. Поэтому я собираюсь сообщить вам то, чего не знает еще ни один человек на планете; я доверяю вам и надеюсь, что сказанное здесь не выйдет за пределы этого кабинета.

Он сделал паузу. Офицеры так смотрели на него, словно пребывали в трансе.

— Вам предстоит сражение. Наша цель не в том, чтобы уничтожить врага, а в том, чтобы взять в плен как можно больше солдат противника и одержать победу с минимальными потерями, а лучше вообще без потерь… Но этого я не гарантирую. Я только говорю, что так должно быть. Но в любом случае, вам придется участвовать в сражении.

Он секунду помолчал, переводя взгляд с одного лица на другое.

— На этой карте, — продолжал он, — вы видите горный район, куда вам предстоит отправиться в конце недели для дальнейшей отработки прыжков. Речь вдет не только о приятном времяпрепровождении. Чем успешней будут результаты тренировок, чем лучше ваши люди ознакомятся с местностью, тем выше их шансы уцелеть во время сражения. Полковник Хан даст вам персональные задания. Как я уже говорил, я никому не имею права объявлять официально — и особенно тем людям, которые находятся под вашим командованием, — о предстоящих военных действиях. Но надеюсь, вы сможете дать понять своим солдатам, что они должны быть готовы к серьезному делу. Вот и все.

Он опустился на стул и повернулся к Ичану.

— Вам слово, полковник, — сказал он.

Ичан сидел, не двигаясь, и еще какую-то долю секунды смотрел на него, затем встал и начал объяснять, какое подразделение и как будет продвигаться от Бахаллы к городу Двух Рек.

Через четыре дня транспортные корабли того же типа, что доставили Клетуса и лейтенанта Этайера с его отрядом к ущелью Эттера, начали перевозить наемных солдат к городу Двух Рек. Клетус с Ичан Ханом отправились одним из первых рейсов и облетели район. Больше всего Клетуса беспокоил город, или скорее деревня, Двух Рек.

Она представляла собой небольшое скопление близко расположенных друг от друга частных домов, окружавших деловой центр, в месте, где сходились русла Голубой и Бледной рек. Большая часть жителей занималась так называемым «диким фермерством». Такой фермер не имел собственной земли. Ему принадлежали несколько деревьев или грядок в джунглях, за которыми он ухаживал и регулярно собирал с них урожай. В районе Двух Рек спросом пользовались какой-то сорт местной дикой вишни и сок каучуконосных растений, завезенных экзотами четыре года назад.

Местное население встретило появление дорсайцев дружелюбно. В свободное время наемники вели себя куда спокойнее и приличнее, чем солдаты регулярных войск. Кроме того, было ясно, что они станут тратить в городе деньги. Жители городка обратили мало внимания на Клетуса, который вместе с Ичан Ханом сразу стал намечать на берегу чуть ниже города позиции для мощных орудий.

— А теперь, — обратился Клетус к Ичан Хану, когда они закончили эту работу, — посмотрим, что делается за ущельем.

Они сели в один из кораблей, который только что высадил дорсайских солдат и собирался в Бахаллу за новой группой. На нем они отправились вверх по реке, и над ущельем Эттера на небольшой высоте облетели миль десять горного района, протянувшегося до того места, где горы снова переходили в джунгли, но уже ньюлэндские.

— Думаю, скоро появятся ньюлэндцы, чтобы посмотреть, что мы делаем, — задумчиво произнес Клетус, — как только их люди в Бахалле сообщат, что дорсайцы прибыли сюда для подготовки. Я хочу, чтобы за этой стороной гор наблюдали наши разведчики — и так, чтобы их нельзя было обнаружить. Полагаю, у вас найдутся такие?

— Конечно! — воскликнул Ичан, — Я выставлю дозорных на все двадцать пять часов в сутки. Когда это надо сделать?

— Немедленно, — ответил Клетус.

— Они займут свои места через полчаса, — заверил его Ичан. — Что-нибудь еще?

— Да. Я хочу, чтобы вдоль линии обороны сделали земляной вал и завалили его снаружи песком; толщина у основания должна быть по крайней мере футов шесть, а высота семь футов над уровнем земли.

Ичан слегка нахмурился. Но ответ его был кратким:

— Да, подполковник.

— Тогда все, — подытожил Клетус, — Я отправляюсь назад в Бахаллу. Но сначала корабль отвезет вас в город Двух Рек. Вы собираетесь вернуться в Бахаллу?

— Сегодня вечером, — сообщил дорсаец. — Как только все мои люди прибудут сюда и разместятся. Думаю, что я буду находиться то там, то здесь. Здесь — днем, в Бахалле — ночью.

— Значит, увидимся в городе, — уточнил Клетус. Он повернулся к пилотам корабля: — Отвезите нас назад в город Двух Рек.

Он высадил Ичан Хана и вернулся в Бахаллу. Там он обнаружил, что его ждут горы документов, ибо, приняв на себя роль заместителя командующего дорсайцами, он, по сути, получил еще одну должность. В штабе дорсайцев работало предельно мало людей, как и во всех районах, где не велись настоящие боевые действия. В полевых условиях каждый солдат мог выполнять обязанности повара, прачки, посудомойки, а каждый офицер вел всю необходимую работу с документами. Вне поля, так сказать в казармах, эти люди за небольшую добавку к жалованью работали клерками, поварами, шоферами и тому подобное.

Те дорсайцы, которые могли бы разделить с Клетусом груз

бумажной работы, находились теперь на боевых учениях у городка Двух Рек. Клетус, конечно, имел в своем распоряжении людей, подобранных Арвидом для составления прогнозов активности врага. Но они, включая самого Арвида, были очень заняты. Клетус использовал их в качестве научно-исследовательской группы. Они собирали информацию о ньюлэндской и экзотской колониях, кроме того — разнообразные данные о Культисе: о здешнем климате, флоре, фауне и о многом другом. Эта информация накапливалась, а затем передавалась Клетусу; и по крайней мере половина рабочего дня уходила у него на ознакомление с нею.

Так что первые пять дней после переброски дорсайцев к городу Двух Рек Клетус проводил в своем офисе — с семи утра и до полуночи. На пятый день около семи часов вечера, когда все сотрудники уже ушли, неожиданно появился Вефер Линет.

— Пойдемте поймаем еще немного ньюлэндских партизан, — шутливо предложил он.

Клетус засмеялся, откинулся на спинку стула и устало потянулся.

— Я не знаю, где таковые в данный момент находятся, — признался он.

— Тогда идемте пообедаем и обсудим это, — хитро прищурился Вефер. — Может, вдвоем мы и придумаем, как нам их отыскать.

Клетус снова засмеялся и принялся было качать головой в знак отказа, но в конце концов дал себя уговорить. После обеда он, однако, настоял на том, чтобы вернуться к себе в офис.

— Но не забудьте, — сказал Вефер на прощание, — если что-нибудь подвернется, вы позовете меня. У меня пять «Марков-V», и четыре из них будут в вашем распоряжении, если вы предупредите меня за полчаса. Тут дело не только во мне, но и в моих людях. Все, кто участвовал в вылазке, рассказывали эту историю до тех пор, пока у меня в подчинении не осталось ни одного человека, не желавшего бы отправиться с вами, если подвернется еще одна такая возможность… Вы найдете нам какое-нибудь дело?

— Обещаю, — сказал Клетус. — Причем достаточно скоро.

Клетус только к одиннадцати часам закончил пространные и подробные инструкции на случай возможных случайностей в последующие два дня. Он взял пакет приказов, которые надо было передать Ичан Хану, выйдя на улицу, сел в машину и направился к зданию штаба.

Перед входом в штаб стояли в ожидании еще две машины. Единственное окно в кабинете Ичана, выходящее на эту сторону,

светилось. Остальная часть здания — временного строения из местных пород дерева, выкрашенного в бледно-зеленый цвет, который казался почти белым в тусклом свете молодого месяца, — была погружена в темноту, как и все соседние дома. У Клетуса возникло странное чувство, словно он находится в призрачном городе, где живет один-единственный человек.

Он вышел из машины и стал подниматься по ступенькам в центральный холл здания. Миновав приемную, он прошел по коридору, находящемуся сразу за ней, к кабинету Ичан Хана, который он нашел благодаря тонкой полоске желтого света, пробивающегося из-за приоткрытой двери. Клетус тихо ступил на это светлое пятно и вдруг остановился, услышав голоса. Они принадлежали Мелиссе и Ичан Хану, их беседа явно не предназначалась для посторонних ушей.

Клетус хотел было кашлянуть, чтобы разговаривавшие догадались о его присутствии. Но в этот момент он услышал свое имя — и мгновенно догадался, по крайней мере наполовину, о чем шла речь до этого. Он не ушел и не издал ни звука, а стоял и слушал.

— …Я думал, тебе нравится Грэйем, — закончил фразу Ичан.

— Конечно нравится! — В голосе Мелиссы звучала мука, — Но при чем здесь это? Ты что, не можешь понять, папа?

— Нет, — холодно отозвался Ичан.

Клетус чуть шагнул вперед, и в приоткрытую дверь ему стала видна часть кабинета. Свет исходил от лампы, висящей над столом. Отец и дочь сидели за столом лицом друг к другу.

— Ну да, конечно не можешь! — продолжила Мелисса. — Потому что даже не пытаешься. Но скажи мне, что тебе больше по душе: эта жалкая служба в качестве наемного офицера или наш дом в Джелалабаде? С помощью Дау мы сможем вернуться. Ты снова будешь генералом… Ведь это дом, папа! Дом на Земле, для нас обоих!

— Уже нет! — глухо ответил Ичан. — Я солдат, Мелисса. Неужели ты не понимаешь? Солдат! Не просто человек в форме — а именно этим я и буду, если вернусь в Джелалабад. Как дорсаец, я, по крайней мере, все еще солдат!

Неожиданно его голос задрожал и стал резким, — Я знаю, это несправедливо по отношению к тебе…

— Я делаю это не для себя, — выдохнула Мелисса. — Ты думаешь, мне не все равно? Я была еще девчонкой, когда мы покинули Землю, и, если мы вернемся назад, для меня это будет уже совсем другое место. Но мама велела мне заботиться о тебе, и я это делаю, раз ты не хочешь позаботиться о себе сам.

— Мелли! — Резкость исчезла, и в голосе Ичана послышалась

боль. — Ты так уверена в себе…

— Да, кто-то из нас должен быть уверен в себе! Папа, я звонила ему. Вчера.

— Звонила де Кастрису?

— Да, — ответила Мелисса, — Я звонила ему в столицу Ньюлэнда. И сказала, что мы отправимся в любое время, как только он пришлет за нами транспорт с Земли. Но предупреждаю: если ты решишь остаться, я полечу одна.

В комнате на мгновение воцарилась тишина.

— Там для тебя ничего нет, девочка, — произнес он хриплым голосом, — Это твои слова.

— Но я полечу! — упрямо повторила она. — Потому что это единственный способ заставить тебя вернуться: сказать, что я отправлюсь одна, а если придется — сделать это. Я обещаю тебе, папа…

Клетус не стал ждать окончания этой фразы. Он повернулся и тихо пошел назад к центральному входу. Он закрыл за собой дверь, шумно хлопнув по ней ладонью. Затем вошел, ногой распахнул дверь приемной и, топая, двинулся по коридору к светящейся линии на полу у двери.

Когда он появился в кабинете, там уже горели верхние лампы. В их ярком свете, разделенные столом, стояли Мелисса и Ичан.

— Привет, Мелисса! — сказал Клетус. — Рад тебя видеть. Я принес кое-какие инструкции и приказы для полковника. Ты не подождешь пару минут, потом мы все могли бы выпить по чашечке кофе или чего-нибудь еще?

— Нет, я… — Голос Мелиссы звучал неуверенно, при ярком свете лицо казалось бледным и измученным. — У меня болит голова. Думаю, мне надо отправиться домой и лечь спать.

Она повернулась к отцу:

— Увидимся позже, папа?

— Я скоро вернусь, — заметил Ичан.

Она вышла. Ичан и Клетус смотрели ей вслед. Когда эхо шагов заглушил звук захлопнувшейся парадной двери, Клетус повернулся и положил пакет с бумагами на стол дорсайца.

— Что сообщают наблюдатели, следящие за ньюлэндской стороной гор? — поинтересовался Клетус, опускаясь на стул.

Ичан также занял свое место.

— Ньюлэндцы перестали перебрасывать людей в этот район, — начал он, — Но, по оценкам разведчиков, там и так уже сосредоточено три тысячи шестьсот человек — почти вдвое больше, чем наших дорсайцев. И это регулярная ньюлэндская армия, а не партизаны. У них есть легкие танки и передвижная

артиллерия.

— Хорошо, — сказал Клетус. — Отправьте всех своих, кроме пары рот, назад, в Бахаллу.

Ичан с изумлением посмотрел на Клетуса.

— Отправить назад? — ошеломленно переспросил он, — Каков же был тогда смысл переброски?

— Смысл переброски, — спокойно произнес Клетус, — заключался в том, чтобы заставить Ньюлэнд собрать войска со своей стороны границы. Теперь мы оттянем назад большинство наших людей, чтобы все выглядело так, будто мы испугались — либо никогда и не собирались им угрожать.

— А мы собирались? — Ичан, прищурившись, посмотрел на Клетуса. Клетус весело рассмеялся.

— В наши намерения, как я уже говорил, входило заставить их сконцентрировать большие силы на своей стороне ущелья, рассекающего горы. Теперь мы можем складывать вещи и отправляться домой. Вы спросите: а что же они? Не сомневаюсь, вы уже слышали армейские сплетни — а теперь они, несомненно, дошли и до ньюлэндцев, — что генерала Трейнора и меня подслушали, когда мы обсуждали план вторжения в Ньюлэнд.

— Вы имеете в виду, де Кастрис и ньюлэндцы будут уверены, что мы действительно намеревались захватить их?

— Я имею в виду как раз противоположное, — сказал Клетус. — В утверждении о том, что лжец всегда будет подозревать тебя в обмане, а вор — сомневаться в твоей честности, есть большая доля истины. Де Кастрис — хитрый человек, а такие люди любые действия рассматривают как ширму для какого-то трюка. Он наверняка сделает вывод, что слухи распустили специально для того, чтобы заставить Ньюлэнд перебросить большое количество войск в зону возможного вторжения. Вторжения не будет, а они окажутся в дураках. Вот он и решил сыграть с нами в ту же игру и одержать над нами верх как раз в тот момент, когда мы начнем хихикать над его смущением.

Ичан нахмурился.

— Мне кажется, я потерял нить ваших рассуждений, — признался он. Клетус кивнул головой в сторону пакета с бумагами.

— Все есть в инструкциях, — сказал он. — Вы начнете отправлять людей рано утром. Рейсы через каждые полчаса. Затем — трехдневный отдых.

Ичан мрачно посмотрел на него.

— И это все? — произнес он наконец.

— Это все. До тех пор, пока я не дам дальнейших

распоряжений, — ответил Клетус, вставая.

Он направился к двери.

— Спокойной ночи, — пожелал Ичан Хан ему в спину.

Когда Клетус, выйдя из кабинета, сворачивал налево в коридор, он краем глаза увидел, что Ичан все так же стоит у стола и смотрит ему вслед.

На следующее утро Клетус позволил себе настоящую роскошь — поспать подольше. Когда он подлетел к офицерскому клубу, чтобы позавтракать, было уже десять часов утра, а в офис он прибыл чуть ли не около полудня.

Арвид и все остальные его подчиненные усердно работали. Клетус улыбнулся им как снисходительный отец и созвал всех вместе.

— Сегодня днем я отбываю в район Двух Рек, — сообщил он, — там заканчиваются учения дорсайцев. Поэтому нет особого смысла пичкать меня информацией, которая все равно устареет до понедельника. Вы работали даже больше, чем этого требует чувство долга. Так что отдыхайте оставшуюся часть дня, все, кроме Арвида. — Он улыбнулся молодому великану. — Мы с вами увидимся в начале следующей недели.

Люди покинули офис так же быстро, как капли дождя исчезают с раскаленного тротуара после тропического ливня. Когда они ушли, Клетус внимательно осмотрел комнаты, убедившись, что все системы безопасности исправны и готовы к работе. Затем он вернулся, сел за стол Арвида, протянул руку к телефону и набрал номер военно-морской базы.

— Это подполковник Клетус Грэйем, — представился он дежурному офицеру, поднявшему трубку. — Не могли бы вы найти капитана Линета и попросить его позвонить мне? Я у себя в офисе.

Он положил трубку и задумался. Арвид с любопытством наблюдал за своим командиром. Клетус встал и подошел к своему столу. Он взял свой собственный телефон, принес его к столу Арвида и поменял на телефон адъютанта. Его же телефон отнес к себе на стол.

Затем набрал первые две цифры пятизначного номера, по которому можно было связаться с приемной Бэта Трейнора. Не закончив вызов, он положил трубку на стол и посмотрел на Арвида.

— Арв, — обратился он к лейтенанту, — мне должен звонить Ичан Хан. Если позвонит кто-либо другой, я вышел и ты не знаешь, когда я вернусь. Но если это будет полковник Хан, скажи ему, что я разговариваю с генералом Трейнором, — и это действительно так. Спроси его, не можешь ли ты передать мне его

сообщение, или предупреди, что я свяжусь с ним через несколько минут.

Арвид озадаченно нахмурился, но почти тут же его лицо снова приняло свое обычное выражение.

— Да, сэр, — ответил он. — А что теперь?

— Теперь мы подождем.

И они стали ждать — почти два часа, в течение которых звонили по крайней мере раз десять, и на все звонки Арвид вежливо отвечал, что подполковник отсутствует. Наконец телефон, который Клетус перенес со своего стола на стол лейтенанта, неожиданно зазвонил.

Арвид ответил.

— Офис Клетуса Грэйема, у телефона лейтенант Джонсон. — Арвад замолчал и посмотрел на Клетуса. — Полковник Хан? Да, сэр…

Клетус уже был у телефона Арвида и набирал последнюю цифру номера приемной Трейнора. Он слышал, как Арвид сказал, что может передать Клетусу сообщение полковника. В приемной генерала ответили.

— Это подполковник Грэйем, — представился Клетус. — Я бы хотел немедленно поговорить с генералом Трейнором. Дело чрезвычайной важности.

Он подождал. На другом конце линии на долю секунды возникла тишина. Арвид тем временем уже положил трубку. В офисе было тихо. Клетус краем глаза наблюдал за лейтенантом, который стоял и смотрел на него.

— Грэйем? — Голос Трейнора прогремел возле уха Клетуса, словно взрыв. — Что все это значит?

— Сэр, я кое-что обнаружил и думаю, должен рассказать вам об этом немедленно — при личной встрече. Я не могу сообщить это по телефону. Это связано с коалицией и имеет отношение не только к нам — тем, кто находится здесь, на Культисе, — но и ко всему альянсу в целом. Я отпустил своих служащих домой. Быть может, вам удастся под каким-нибудь предлогом покинуть свой кабинет и приехать сюда, с тем чтобы мы могли побеседовать с глазу на глаз?

— Побеседовать? Что все это?..

Трейнор замолчал. Клетус услышал, как его собеседник сказал кому-то, находившемуся рядом с ним: «Джо, принеси мне эту папку с… планами нового военного района к югу от города».

Пауза длилась еще несколько секунд, затем голос Трейнора раздался в трубке, но звучал он приглушенно и холодно.

— Теперь можете говорить, — произнес генерал.

— Сожалею, сэр, — ответил Клетус.

— Сожалеете? Вы хотите сказать, что мои телефоны прослушиваются?

— Не совсем так, сэр. Я только предложил вам найти какой-нибудь повод и встретиться со мною здесь.

На другом конце линии надолго замолчали. Затем Клетус услышал, как Трейнор с резким свистом выдохнул воздух.

— Ладно, Грэйем, — проворчал он, — надеюсь, ваше дело действительно настолько важно, насколько вы его таким представили.

— Сэр, — сказал Клетус серьезно, — я нисколько не преувеличиваю, все достаточно серьезно и касается не только самых высоких чинов коалиции здесь, на планете, но и командования нашего альянса.

— Увидимся через пятнадцать минут, — закончил разговор Трейнор.

Телефон щелкнул, и связь прервалась. Клетус опустил трубку и повернулся к Арвиду, смотревшему на него во все глаза.

— Что передал Ичан? — спросил Клетус.

Арвид вздрогнул и выпалил следующее:

— Сэр, ньюлэндцы атакуют район Двух Рек; полковник Хан сказал, что они прибывают через ущелье по воздуху. А у Двух Рек осталось меньше трех рот дорсайцев, не считая нескольких разведчиков, находящихся в джунглях; но их наверняка уже схватили ньюлэндцы, если только те не оказались у них в тылу.

Клетус набрал номер подполковника Маркуса Доддса, заместителя Ичан Хана.

— Подполковник Доддс слушает, — спокойно проговорил тот.

— Вы слышали о нападении ньюлэндцев на район Двух Рек? — поинтересовался Клетус.

— Да, сэр, — подтвердил Доддс. — Полковник Хан только что приказал нам, чтобы мы больше не отпускали солдат в увольнение. Мы начинаем перебрасывать их назад.

— Хорошо, — сказал Клетус. — Скоро я к вам присоединюсь.

Он опустил трубку, пересек комнату и подошел к шкафу с оружием. Открыв его, он достал ремень с кобурой, затем повернулся и бросил его Арвиду. Лейтенант автоматически поймал его.

— Сэр? — Он был явно озадачен. — Ньюлэндцы ведь не атакуют Бахаллу, правда?

Клетус засмеялся, закрывая шкаф.

— Нет, Арв, — ответил он, поворачиваясь к великану. — Ньюлэндцы начали движение в сторону Двух Рек, а Дау де Кастрис принадлежит к тому типу людей, которые хотят

гарантий, даже имея на руках надежные сведения… Я выглядел бы несколько странно с этим пистолетом, но ты можешь носить его для меня.

Он снова повернулся к телефону и набрал номер военно-морской базы.

— Это подполковник Грэйем, — представился он, — Недавно я звонил капитану первого ранга Линету…

— Да, сэр, — раздался голос лейтенанта, ответившего на вызов. — Капитан пытался связаться с вами, но ваша линия была занята. Минутку, сэр…

Послышался голос Вефера:

— Клетус! Что случилось?

— Вы предлагали мне воспользоваться четырьмя вашими бульдозерами, — напомнил Клетус. — Мне нужны только три из них. Но им придется отправиться вверх по течению к месту слияния Голубой и Бледной, чуть ниже города Двух Рек. Это почти двести тридцать миль по реке. Как вы думаете, они смогут добраться туда, скажем, за час до рассвета?

— Двести тридцать миль? За час до рассвета? Ерунда! — закричал Бефер по телефону, — А что случилось?

— Регулярные войска Ньюлэнда пересекли границу в районе ущелья Эттера, — сообщил Клетус, — Они будут атаковать город Двух Рек завтра утром сразу же после восхода солнца. Позже я вам расскажу подробно, чего я от вас хочу. Сможете ли вы прибыть с вашими машинами в район примерно в миле от места слияния двух рек и ждать там, оставаясь незамеченными?

— Вы же знаете, что смогу! — воскликнул Бефер. — Но вы еще позвоните?

— До рассвета я свяжусь с вами, — пообещал Клетус.

— Отлично! Мы уже в пути!

Телефон щелкнул и замолчал.

— Иди вперед, Арв, и жди меня у машины. Я выйду через минуту.

Арв опешил:

— Мы уезжаем? Но, сэр, разве генерал не должен…

Он замолчал, увидев, что Клетус терпеливо ждет.

— Да, сэр, — сказал он и вышел.

Клетус положил трубку, которую все еще держал в руке, и взглянул на часы. Прошло восемь минут со времени его разговора с Трейнором, а генерал заявил, что будет через четверть часа. Клетус в последний раз обошел свой офис и убедился, что все защитные устройства в порядке. Затем вышел через парадную дверь, потянул ее на себя, но не до конца, оставив пружину замка-ловушки наготове. Следующий человек, который войдет в эту

дверь, обнаружит, что она закрылась за ним автоматически, и ему будет нелегко выбраться.

Клетус развернулся и пошел к машине, где ждал его Арвид. Они поехали в сторону пансиона, где жил Грэйем.

Штабная машина закачалась на воздушной подушке и, повернув за угол, заскользила вдоль короткой улочки, ведущей к пансиону. Клетус увидел, что парковочная площадка перед зданием наполовину заполнена машинами. Они расположились в два ряда с узким проходом посередине. Оба края площадки были пусты; сам пансион и другие здания, расположенные вокруг него, казалось, дремали под полуденным солнцем. Живущие здесь офицеры в основном были сейчас на работе, либо обедали, либо спали в своих комнатах. Когда машина приблизилась к въезду на парковочную площадку, Клетус поднял голову, и в глаза ему ударил луч солнца, отраженный чем-то металлическим под краем крыши над главным входом в пансион. В тот момент, когда они свернули в проход между рядами, послышалось шипение, словно над их головами жарили огромные куски ветчины, и волны горячего воздуха накатились на Клетуса и Арвида: стреляли из энергетического ружья. Арвид тяжело навалился на Клетуса, его мундир почернел и дымился у правого плеча. Машину повело вправо, и она остановилась.

Клетуса охватила ярость. Он высвободился, выхватил из кобуры, висящей на боку Арвида, пистолет и, открыв дверцу со своей стороны, выпрыгнул в проход между своей машиной и той, что стояла справа. Затем перекатился под все еще висевшей в воздухе штабной машиной и быстро пополз к задней части той, что была припаркована слева. Прижавшись к земле, он выглянул в проход. К нему бежал человек с энергетическим ружьем в руках. Клетус выстрелил из пистолета, мужчина упал. Клетус пополз вправо к следующей машине.

Больше не стреляли. По звуку и тем повреждениям, которые получила штабная машина, Клетус предположил, что стрелявших должно быть не более трех. Значит, теперь осталось двое. Оглянувшись, Клетус увидел, что убитый им человек лежит, раскинув руки, на земле, энергетическое ружье откатилось в сторону, и его прозрачный ствол блестит на солнце. Клетус приподнялся, открыл дверцу ближайшей машины и заполз в нее. Распластавшись на полу, он поднял машину на воздушную подушку и двинул вперед. Когда она достигла середины прохода между рядами, он выпрыгнул из противоположной дверцы, и в следующее мгновение два луча ударили в борт и крышку брошенной им машины. Она все еще двигалась, когда Клетус схватил упавшее энергетическое ружье и побежал, прячась за ее

корпусом, пока она не врезалась в ряд машин на стоянке.

Теперь Клетус видел двух других мужчин; они стояли на открытом месте, спина к спине, неподалеку от машины, из которой он только что выпрыгнул. Один смотрел в его сторону, другой — в противоположную, держа ружья наготове и пытаясь обнаружить признаки движения.

Клетус отполз назад, зажал энергетическое ружье в левой руке, а правой отшвырнул свой пистолет, который, описав высокую дугу над головами стоявших, с грохотом упал где-то возле его собственной изуродованной машины.

Оба стрелка моментально повернулись в сторону, откуда донесся шум. Клетус встал, вышел из своего укрытия и срезал их выстрелом из ружья.

Тяжело дыша, он на секунду прислонился к машине, за которой прятался. Затем, отбросив ружье в сторону, быстро похромал к своему автомобилю, где оставался Арвид.

Когда Клетус подошел, лейтенант был в сознании. Он получил сильный ожог верхней части груди и правого плеча. Рана была страшной, но не кровоточила: раны от энергетического оружия прижигаются самим оружием. Клетус стащил Арвида на траву и пошел в пансион, чтобы позвонить в военный госпиталь.

— Партизаны! — коротко ответил он на их вопросы. — Трое, все мертвы. Но мой адъютант ранен. Приезжайте как можно скорее.

Окончив разговор, он вернулся к Арвиду.

— Как… — прошептал тот, когда Клетус наклонился над ним.

— Я говорил тебе, что де Кастрису захочется иметь гарантии, — ответил Клетус. — Лежи спокойно и не разговаривай.

Машина скорой помощи из военного госпиталя зависла в воздухе. Ее тень напоминала тень огромного ястреба. Она стала опускаться и мягко села на траву рядом с ним. Из машины выскочили одетые в белую форму медики.

— Это лейтенант Джонсон, мой адъютант, — сказал Клетус. — Позаботьтесь о нем как следует. Три партизана — там, на парковочной площадке, — мертвы. Позже я напишу подробный рапорт об этом, но сейчас я должен идти. Вы сможете все уладить?

— Да, сэр, — откликнулся главный в бригаде: на его воротничке виднелись золотые и черные нашивки. — Мы позаботимся о нем.

— Хорошо, — кивнул Клетус.

Он направился в пансион, в свой собственный номер. Там он

быстро переоделся в походную форму. Когда он вышел, Арвида уже увезли в госпиталь, а трех убитых положили на траву перед зданием. На них была обычная гражданская одежда; по сравнению с темным загаром лбов нижняя часть их лиц отличалась бледностью: очевидно, еще недавно они носили густые бороды, столь характерные для ньюлэндцев.

Клетус попробовал завести свою машину. Она оказалась в рабочем состоянии, и он заскользил к району дорсайцев.

Прибыв туда, он увидел, что большинство возвратившихся солдат уже выстроились на плацу — вооруженные, экипированные и готовые к отправке обратно в район Двух Рек. Клетус сразу направился к временному штабу, устроенному на краю поля, и нашел там полковника Маркуса Доддса.

— Вы еще не отправили ни одного самолета, не так ли? — спросил он, как только Доддс повернул к нему голову.

— Нет, подполковник, — ответил высокий худощавый офицер, — Но нам следует подумать о том, чтобы поскорее это сделать. К завтрашнему утру ньюлэндские войска, наверное, уже займут равнину выше города… Если мы отложим выброску до утра, они наверняка захватят наших десантников.

— Не беспокойтесь об этом, — оборвал его Клетус. — Мы в любом случае не будем сбрасывать десант на город.

Брови Маркуса Доддса взметнулись вверх.

— Вы не собираетесь оказывать поддержку…

— Мы окажем поддержку. Но не таким способом, — невозмутимо произнес Клетус. — Сколько людей из тех, что вернулись и были отпущены в увольнение, еще отсутствуют?

— Не более полуроты, но все уже оповещены. Они знают о том, что произошло, и возвращаются назад, — отрапортовал Маркус. — Ни один дорсаец не допустит, чтобы враг окружил других дорсайцев, если он в силах им чем-то помочь.

Его прервал телефонный звонок. Звонил походный видеотелефон, стоящий рядом на столике. Доддс поднял трубку и некоторое время слушал, не произнося ни слова.

— Минутку, — сказал он и нажал кнопку приглушения звука, — Это вас. Полковник Айвор Дюплейн — заместитель Трейнора.

— Подполковник Грэйем слушает, — доложил Клетус в микрофон. Холерическое лицо Дюплейна, крошечное на экране видеотелефона, сверкнуло на него глазами.

— Грэйем! — рявкнул Дюплейн. — Говорит полковник Дюплейн. Ньюлэндцы перешли границу в районе ущелья Эттера и, кажется, продвигаются к городу Двух Рек. Есть ли еще там дорсайские войска?

— Пара рот в самом городе, — сообщил Клетус.

— Пара? Тогда все не так уж плохо! — воскликнул Дюплейн. — Ладно, слушайте. Очевидно, дорсайцы уже заволновались. Не предпринимать никаких действий против этих ньюлэндских войск без прямых на то указаний. Это приказ самого генерала Трейнора. Понимаете? Вы просто сидите и ждите, пока я или генерал не свяжемся с вами.

— Нет, — возразил Клетус.

На мгновение на другом конце линии воцарилась мертвая тишина. Дюплейн, не мигая, уставился с экрана на Клетуса.

— Что? Что вы сказали? — наконец выдохнул он.

— Я должен напомнить вам, полковник, генерал отдал эти дорсайские войска полностью под мое командование, и я отвечаю только перед ним.

— Вы… но я передаю вам приказ генерала, Грэйем! Вы что, меня не слышите? — Голос Дюплейна сорвался на последнем слове.

— У меня нет доказательств, полковник, — проговорил Клетус бесстрастным тоном. — Я подчинюсь только приказам самого генерала. Если генерал велит мне то же, что только что приказали вы, я, безусловно, это исполню.

— Вы сошли с ума! — Он долго смотрел на Клетуса, а когда наконец заговорил, голос его стал тише, сдержанней, но звучал угрожающе: — Я думаю, подполковник, вы знаете, что означает отказ подчиниться. Я даю вам пять минут на размышление. Если вы не свяжетесь со мной в течение этого времени, мне придется передать генералу ваш ответ дословно. Подумайте об этом.

Маленький экран телефона потемнел, и послышался щелчок, означавший окончание связи. Клетус положил трубку.

— Где у вас проектор карт? — спросил он Маркуса.

— Вон там, — ответил тот, пересекая комнату и подходя к прозрачному столу-экрану, под которым виднелся черный корпус проектора.

На экране появилась карта района, прилегающего к ущелью Эттера. Клетус показал пальцем на отмеченный точкой городок Двух Рек — место, где сливались Бледная и Голубая реки.

— К завтрашнему рассвету, — сказал он Маркусу, — тот, кто командует этими ньюлэндцами, захочет занять позиции, удобные, чтобы атаковать войска, оставшиеся в городе. Это значит, — палец Клетуса провел несколько подковообразных кривых, — они будут двигаться, растянувшись от одной реки до другой и постепенно стягиваясь к городу. Наши люди, находящиеся здесь, должны десантироваться чуть выше их позиций — это сравнительно безопасно, так как ньюлэндцы будут ждать нас со

стороны нижней части реки. Далее. Как я понимаю, у них нет сколько-нибудь стоящей артиллерии — ну, во всяком случае, не больше, чем у нас. Это так?

— Именно сэр, — подтвердил Маркус. — Культис — одна из планет, где между альянсом и коалицией действует негласное соглашение не поставлять нашим союзникам и нашим войскам, поддерживающим этих союзников, никакого другого оружия, кроме переносного. Насколько нам известно, до сих пор они соблюдали его. Можно ожидать, что солдаты регулярных войск имеют легкие бронежилеты, энергетическое оружие, минометы и гранатометы…

Вдвоем они наметили возможные позиции ньюлэндских войск, в особенности тех подразделений, в которых могли оказаться гранатометы и другое, более серьезное оружие.

После захода солнца прошло уже несколько часов, когда один из младших офицеров вежливо прикоснулся к локтю Клетуса:

— Сэр, снова полковник Дюплейн.

Клетус взглянул на экран телефона и увидел измученное лицо Дюплейна.

— Я слушаю, полковник.

— Грэйем, — заговорил Дюплейн хриплым голосом, затем замолчал, — Рядом с вами кто-нибудь есть?

— Полковник Доддс из армии дорсайцев, — ответил Клетус.

— Мог бы я… поговорить с вами без свидетелей? — спросил Дюплейн, скосив глаза в угол экрана, словно пытаясь обнаружить Маркуса, стоящего вне поля его зрения.

Маркус поднял брови и повернулся, чтобы уйти. Клетус остановил его рукой.

— Минутку, — сказал он, затем проговорил прямо в микрофон: — Я попросил полковника Доддса остаться. Мне хотелось бы, чтобы он услышал, что вы мне сейчас сообщите.

Губы Дюплейна задрожали.

— Хорошо, — с трудом произнес он. — Эту новость, наверное, и так уже не скрыть. Грэйем… Генерала Трейнора не могут найти.

Клетус помолчал секунду, прежде чем ответить.

— Вот как?..

— Вы что, не понимаете? — Голос Дюплейна стал громче. Полковник замолчал, было видно, что он с трудом сдерживает себя. — Ньюлэндцы двинули сюда не просто партизан, а регулярные войска. Они атакуют район Двух Рек, а генерал не… с генералом нельзя связаться. Сложилась чрезвычайная ситуация, Грэйем! Вы должны понять, что необходимо отменить все приказы о переброске имеющихся у вас дорсайских войск. Вам

следует приехать сюда для разговора со мной.

— Боюсь, что не понимаю, — парировал Клетус. — Сегодня пятница, уже вечер. Генерал Трейнор мог просто отправиться куда-нибудь на уик-энд и забыл сообщить, что его не будет. Я обязан выполнять данные им приказы, и мне не остается ничего другого, как продолжать переброску дорсайцев.

— Он не мог так поступить… — Дюплейн оборвал фразу на полуслове; его ярость стала прорываться наружу. — Вас самого едва не убили партизаны, рапорт об этом у меня на столе! Вам ни о чем не говорит тот факт, что у них вместо спортивных винтовок было энергетическое оружие? Вы наверняка знаете: ньюлэндские партизаны всегда вооружены гражданским оружием, чтобы их не расстреляли как диверсантов, если поймают. Разве то, что три человека, имеющие энергетические ружья, пытались уничтожить вас, для вас ничего не значит?

— Только то, что тот, кто отдает приказы ньюлэндцам, хочет, чтобы меня отстранили от командования войсками дорсайцев. Однако лучшее, что я могу сделать для нашей стороны, — это продолжать командовать.

Дюплейн устало смотрел на него с экрана телефона.

— Я обязан вас предупредить, Грэйем! — сказал он. — Если с Трейнором что-то случилось или если мы не найдем его в течение ближайших нескольких часов, то, учитывая чрезвычайность ситуации, я приму на себя командование силами альянса, находящимися здесь, на Культисе.

Крошечный экран телефона потемнел, связь прервалась. Клетус устало потер глаза. Затем повернулся к Маркусу Доддсу:

— Хорошо, Маркус. Больше не будем тянуть. Давайте начинать переброску наших людей в район Двух Рек.

Глава 14

Клетус полетел с первой группой из шести транспортных самолетов, которые, сделав круг в восьми милях от города, сбросили своих десантников неподалеку от двух речных долин, внутри треугольника, образованного цепью гор и речками. Самолет-разведчик, в темноте облетевший на малой высоте джунгли за пару часов до этого, обнаружил два тепловых пятна, соответствующих двум большим скоплениям ньюлэндских войск, в пяти милях от города. Еще один отряд, резервный, расположился сразу же у выхода из ущелья Эттера, но он был слишком малочисленным, чтобы дорсайцы могли опасаться контратаки с этой стороны. Клетус увидел вспышки внизу — это срабатывали пояса во время приземления десантируемых дорсайцев — и приказал пилоту своего корабля пролететь на небольшой высоте над рекой, направляясь вниз по течению.

В четверти мили ниже города река сворачивала вправо, и именно оттуда поступили сообщения от «Марков-V». Транспортный корабль сбросил высоту и завис над темной водой. Через некоторое время появилась черная башня одного из огромных подводных бульдозеров.

Клетуса по веревочной лестнице спустили на башню, в ней открылся люк. Наверх вылез Вефер.

— Вот и мы, — сказал он, — Нас трое, как и приказывал начальник.

Он был явно в боевом настроении. Лицо его, освещенное тусклым светом луны, казалось взволнованным.

— Что мы должны делать? — спросил он.

— Регулярные войска ньюлэндцев, — начал Клетус, — сосредоточены близ двух речных долин в нескольких милях выше города. Они будут продвигаться вниз по течению, но я не думаю, что они попытаются войти в город с нашей стороны, где реки сливаются в одну. Так что вы сможете работать, оставаясь незамеченными.

— Конечно, конечно, — согласился Вефер, как охотничья собака, втягивая носом прохладный утренний воздух. — Что требуется от нас?

— Вы можете вспахать дно реки ниже города, чтобы поднять уровень воды в городе и выше по течению?

— В этом маленьком ручейке? — пренебрежительно бросил Вефер. — Без проблем. Мы просто нагребем подводные холмы в месте, где с обеих сторон утесы подходят к самому краю. Воде придется подняться, чтобы одолеть это препятствие. Какой

высоты должна быть плотина? Насколько вы хотите поднять уровень воды в реке?

— Я хочу, чтобы в миле выше города глубина была шесть футов, — уточнил Клетус.

— На мгновение Вефер нахмурился.

— Шесть футов? Целая морская сажень? Вы затопите городок. Вода потечет по улицам, ее глубина может составить четыре-шесть футов. Вы этого хотите?

— Именно это мне и нужно, — заявил Клетус.

— Ну… Конечно, в центре города хватает капитальных строений, на которые могут взобраться люди, — сказал Вефер. — Я только не хочу, чтобы флоту прислали счет за нанесенный наводнением ущерб.

— Не пришлют, — заверил его Клетус. — Меня назначил командующим сам генерал Трейнор. Я возьму ответственность на себя.

Вефер пристально посмотрел на Клетуса, покачал головой и восхищенно присвистнул.

— Тогда мы приступаем к работе немедленно. Вы получите свои шесть футов воды над городом примерно через четыре часа.

— Хорошо, — кивнул Клетус. Он ухватился за веревочную лестницу и помахал людям на транспортном корабле, чтобы его втянули назад. — Удачи вам.

— Удачи вам и вашим дорсайцам! — ответил Вефер. — Вам она понадобится больше, чем нам. Мы будем всего-навсего выполнять нашу работу.

Вернувшись на самолет, Клетус приказал развернуться и лететь по направлению к городу Двух Рек. Небо быстро светлело, и внизу уже можно было разглядеть отдельные строения. Клетус направил луч на вогнутое принимающее зеркало, расположенное на крыше торгового центра, в котором во время прыжковой подготовки дорсайцы устроили свой штаб. Затем по световому лучу послал вызов и немедленно получил ответ Ичана.

— Подполковник? — Голос Ичана был далеким, четким и невозмутимым. — Ждал вашего сигнала. Я не получал известий от своих разведчиков из джунглей уже более трех часов. Они либо схвачены, либо затаились и выжидают. Но, как я понимаю, ньюлэндцы сосредоточились близ обеих речных долин над городом. Все укрепленные позиции здесь готовы к бою.

— Отлично, полковник, — одобрил Клетус. — Я только хотел сообщить вам, что вы можете промочить ноги. Прошу вас также предупредить жителей города: пусть они займут более высокие здания в центре и разместятся в них, начиная со второго этажа.

— О? Что, ожидается гроза?

— Мы не настолько везучие, — ответил Клетус. — Хороший сильный ливень был бы на руку дорсайцам — как десантникам, так и тем, кто находится в городе. Но по прогнозу погода ожидается жаркая и ясная. Однако вода в реке будет подниматься. Мне передали, что на улицах глубина воды достигнет четырех-шести футов.

— Понятно. Я позабочусь об этом — и о солдатах, и о жителях тоже… — Ичан замолчал. — Можем мы рассчитывать на подкрепление здесь, в городе?

— Боюсь, что нет, — сказал Клетус, — Но если повезет, все закончится так или иначе до того, как ньюлэндцы вас одолеют. Сделайте все, что в ваших силах, с имеющимися в вашем распоряжении людьми.

— Понятно. Тогда у меня все, подполковник.

— У меня тоже пока все, полковник, — ответил Клетус. — Удачи вам.

Он прервал связь и велел транспортному кораблю возвращаться в Бахаллу за новой группой десантников. Теперь, когда солнце стояло высоко и не было смысла лететь на малой высоте, прячась в тени гор, возвышающихся над городом, Клетус приказал самолетам, доставившим следующую партию дорсайцев, сделать круг на высоте, недосягаемой для выстрелов с земли.

— Неплохо, — прокомментировал Маркус Додцс, который летел вместе с Клетусом, оставив вместо себя майора Дэвида ап Моргана.

Майор должен был отправить две последние группы, сопровождая одну из них в качестве командира.

— В следующий раз нас встретят их самолеты. Не знаю, почему они еще до сих пор не подняли их в воздух.

— Еще один пример слишком богатого воображения, — сказал Юхетус. Марк непонимающе посмотрел на него, и Клетус стал объяснять: — Я уже говорил Ичан Хану вчера вечером: чрезмерная хитрость приводит к ошибкам. Ньюлэндцы знают, что альянс поставил нам намного больше боевых самолетов, и притом более совершенных, чем коалиция предоставила им. И они автоматически сделали неверный вывод. Они думают, что отсутствие воздушного прикрытия у нас только видимое — приманка для того, чтобы выманить их собственные корабли в воздух, а затем уничтожить. А еще они знают, по какой причине их послали сюда. На земле они численно превосходят нас в два или три раза, а это придает им уверенности.

Прибыла третья партия десантников и высадилась в раскинувшиеся внизу джунгли. Клетус оказался прав, оценивая ситуацию, — ньюлэндские самолеты не поднимались. Не

появились они и во время четвертой, последней, выброски.

Теперь, когда все десантники были на земле, стал осуществляться план, составленный Клетусом. Он расположил дорсайцев в джунглях на обрывистых берегах обеих рек — выше по течению, чем позиции ньюлэндцев. Вытягиваясь в стрелковые цепи, десантники начали обходить ньюлэндские войска с тыла. Те отбивались, понемногу продвигаясь вниз, к городу. Они не пытались вступить в серьезный бой и не паниковали по поводу того, что их обстреливали с тыла. Находясь в самолете над джунглями, Клетус и Доддс держали связь с подразделениями на земле.

— Мы даже не приостановили их наступление, — заметил Маркус.

Все, что происходило внизу, можно было увидеть на многочисленных экранах, за которыми сидели он и Клетус.

— Они остановятся позже, — спокойно бросил Клетус.

Он наносил на карту отметки о продвижении войск и одновременно отдавал приказы отдельным небольшим отрядам дорсайцев.

Маркус принялся изучать ситуацию, которая начала складываться благодаря приказам Клетуса. На экране перед ним две основные группы ньюлэндских войск были похожи на огромных жирных гусениц, которые ползли вниз по берегам Бледной и Голубой рек и сближались по мере того, как сходились реки, к одной точке — к городу Двух Рек. За ним, скрываясь в джунглях, продвигались напоминавшие выстроившихся в цепочки муравьев дорсайцы. Во время атаки муравьев гусеницы сжимались, но в остальном их движению ничто не мешало.

А Клетус тем временем подтягивал удаленные от реки цепочки дорсайцев вперед, и скоро крайние в ряду десантники вышли на одну линию с идущими в авангарде солдатами Ньюлэнда. Время от времени дорсайцы вклинивались в ряды ньюлэндцев. Но те тогда просто отходили за выступы утесов и обстреливали дорсайцев из-за этих природных укреплений. Все больше и больше продвигавшихся вперед групп стали прыгать вниз с крутых берегов к самой воде, оставляя наверху только стрелковую цепь для прикрытия. Вскоре процентов восемьдесят всех ньюлэндцев находились вне пределов досягаемости оружия дорсайцев.

Клетус неожиданно оторвался от экрана и повернулся к Маркусу.

— Они менее чем в двух милях от верхней границы города, — сказал он, — Садитесь сюда и следите за тем, чтобы ньюлэндцы оставались прижатыми к рекам. Не давайте им подняться

обратно, на утесы. Только не подвергайте наших людей риску там, где в этом нет необходимости. Прижимайте их, но держите свои войска подальше, пока не получите мой новый приказ.

— Куда вы собираетесь, сэр? — спросил Маркус, нахмурившись.

— Вниз. — Клетус взял один из запасных поясов, надел его и принялся застегивать пряжку. — Отправьте по полроты солдат с поясами для прыжков на каждую реку, пусть движутся вниз по течению по противоположной стороне. Наверняка придется отстреливаться через реку от появляющихся вражеских солдат, но они ни в коем случае не должны останавливаться, пока не встретятся со мной.

Клетус постучал ногтем по изгибу реки ниже городка, где работали Вефер и три его «Марка-V».

— Как вы думаете, когда они смогут добраться сюда? — поинтересовался он.

— Если повезет, через час, — ответил Маркус. — Позвольте спросить, что вы собираетесь делать?

— Я попытаюсь создать видимость того, что мы послали в город подкрепление. — Клетус повернулся и закричал пилоту разведывательного самолета: — Кончайте кружить. Направляйтесь к изгибу главной реки, в точку H29 и P7 на сетке.

Самолет покинул свой пост над полем боя и стал снижаться к реке. Клетус подошел к аварийному люку и положил руку на кнопку катапультирования. Маркус внимательно следил за ним.

— Сэр, — начал он, — если вы давно не пользовались поясом…

— Я знаю, — весело прервал его Клетус. — Надо суметь удержать ноги внизу, а голову вверху, особенно когда собираешься приземляться. Не волнуйтесь… — Он повернул голову и закричал пилоту: — Над теми джунглями, что внутри изгиба, крикните мне: «Прыгай!»

— Да, сэр, — ответил пилот. Последовала минутная пауза, затем он прокричал: — Прыгай!

— Прыгай, — повторил Клетус.

Он нажал кнопку. Аварийный люк распахнулся перед ним, и пол под его ногами вдруг вытолкнул его из самолета. Он понял, что падает на верхушки деревьев, качающиеся в шестистах футах под ним.

Его рука ухватилась за рычажок управления полетом в центре пояса на талии, маленькие двигатели за его плечами оглушительно взревели и прервали его падение с таким рывком, что появилось ощущение, будто у него сломался позвоночник. Клетус завис в воздухе и на какое-то мгновение, пока он пытался

восстановить дыхание, его слегка подняло вверх. Затем он снова стал падать, хотя и медленно, пытаясь удержать тело в вертикальном положении ногами вниз.

Но, вернее сказать, он не падал, а скользил вниз, в джунгли, под большим углом к земле. Он попробовал уменьшить скорость, но пояс был слишком чувствительным, и Клетус снова стал подниматься. Он быстро перевел переключатель в первоначальное положение и продолжал спуск.

Верхушки самых высоких деревьев оказались уже совсем близко, и следовало осторожнее облетать их, выбирая место для посадки, чтобы не наткнуться на ветку или не приземлиться на один из ядовитых кустов, усеянных острыми, как кинжалы, колючками. Клетус аккуратно перевел рычажок, управляющий направлением полета, вверх и с облегчением увидел, что двигается в сторону небольшой поляны. Затем как-то вдруг он оказался среди деревьев.

Земля приближалась с ошеломляющей быстротой. Высокий сучковатый пень сожженного молнией дерева, который Клетус не заметил раньше, так как он был увит лианами, казалось, вот-вот пронзит его, подобно пике.

Клетус ухватился за переключатель, отчаянно пытаясь изменить направление полета. Последовал рывок. Его закружило, швырнуло на пень и отбросило на землю. Он погрузился во мрак.

Глава 15

Прошло, вероятно, всего несколько секунд, когда Клетус открыл глаза и обнаружил, что лежит на земле с поджатой больной ногой. В голове звенело, но в остальном он чувствовал себя вполне сносно.

С трудом он сел и обеими руками попытался осторожно разогнуть ногу. Его пронзила боль, которая все усиливалась и могла привести к потере сознания.

Он сопротивлялся изо всех сил, и слабость отступила. Затем он откинулся назад, прислонился к стволу дерева, чтобы восстановить дыхание и воспользоваться своими аутогенными приемами. Постепенно боль в колене ослабела, а дыхание успокоилось. Сердце стало биться ровнее. Он сконцентрировал усилия на том, чтобы расслабить все тело и освободиться от боли. Вскоре у него возникло знакомое приятное чувство. Он наклонился вперед, осторожно распрямив ногу, подтянул штанину брюк и осмотрел колено. Оно начало опухать, но, ощупав его, Клетус не мог сказать, какую травму получил на этот раз. Ухватившись за ствол дерева и перебросив весь свой вес на здоровую ногу, он медленно встал.

На какое-то мгновение Клетус задумался над тем, не подняться ли снова при помощи пояса в воздух и не пролететь ли к реке над деревьями. Но тут же отбросил эту мысль. Он не мог себе позволить еще раз приземлиться подобным образом, а упасть в реку с достаточно быстрым течением было и вовсе ни к чему. Ему пришлось бы плыть, и тогда нога совсем откажется его слушаться.

Клетус расстегнул пояс и сбросил его на землю. Затем он допрыгал на здоровой ноге до ближайшего молодого деревца толщиной дюйма в два. Достав пистолет, он выстрелил в ствол на высоте примерно шесть футов, потом еще раз у самой земли. После того как он отломал несколько веток, в руках у него оказалась палка, на которую вполне можно было опереться. С ее помощью он заковылял к реке. Когда Клетус наконец добрался до берега, он достал телефон, ограничил радиус его действия сотней ярдов и вызвал Вефера на волне ВМФ.

Вефер ответил. И через несколько минут ярдах в десяти от Клетуса из воды показалась массивная, с блестящей рамой, морда одного из подводных бульдозеров.

— Что теперь? — поинтересовался Вефер, после того как Клетусу помогли взобраться на борт и пройти в отсек управления бульдозером.

Клетус откинулся на спинку подставленного ему стула и осторожно вытянул вперед больную ногу.

— Рота десантников, разделенная на две части, движется вдоль обоих берегов реки и встретится с нами здесь, — он посмотрел на часы, — через полчаса или около этого. Нужно, чтобы один из ваших «Марков-V» перевез их под водою в ту часть города, что располагается ниже по реке. Вы можете выделить одну машину? Да, между прочим, как поднимается уровень воды в реке?

— Хорошо поднимается, — воодушевился Вефер. — Эти пяти десантники окажутся по колено в воде, когда прибудут на место. Дайте нам еще час, и всего лишь двумя машинами я подниму уровень воды настолько, насколько вы этого хотите. В общем, можно без проблем использовать один «Марк-V» в качестве парома.

— Отлично, — кивнул Клетус.

Он отправился в город с последним взводом дорсайцев. Как и предсказывал Вефер, на улицах в нижней части города вода доходила до колена. Ичан Хан встретил хромающего Клетуса на командном пункте штаба дорсайских войск.

— Садитесь, подполковник, — коротко сказал Ичан, подводя Клетуса к стулу, стоящему перед большим экраном. — Что происходит с рекой? Нам пришлось собрать всех жителей в самых высоких зданиях.

— Я попросил Вефера Линета с помощью его подводных бульдозеров поднять уровень воды, — объяснил Клетус. — Я вам потом расскажу подробности. А как обстоят дела у вас?

— Пока ничего, только несколько снайперских выстрелов с большого расстояния, — ответил Ичан спокойно, — Эти ваши заваленные мешками с песком укрепленные позиции — хорошая идея. Люди внутри них останутся сухими и не испытают особых неудобств, в то время как ньюлэндцы пробираются к ним по колено в воде.

— Возможно, нам придется выйти из-за укреплений и самим немного побродить по воде, — заметил Клетус, — Я привез вам еще почти двести солдат. Как вы думаете, сможете ли вы с имеющимися у вас дорсайцами и с теми, которые прибыли со мной, пойти в атаку?

Лицо Ичана оставалось по-прежнему невозмутимым, но взгляд, которым он одарил Клетуса, был весьма красноречив.

— В атаку? — повторил он, — Две с половиной или три роты против шести-восьми батальонов?

Клетус покачал головой.

— Я сказал «пойти в атаку», но это не значит развивать ее. Я

хочу только немножко ужалить ньюлэндцев, чтобы оба их фронта остановились, ожидая, пока подтянутся остальные, прежде чем снова двигаться вперед… Как вы думаете, нам это удастся?

— Гм… — Ичан погладил усы. — Что-то в этом духе… Да, думаю, это вполне возможно.

— Хорошо, — сказал Клетус, — Вы можете меня связать с Маркусом Доддсом?

— Конечно, — ответил Ичан.

Он пересек комнату и вернулся с полевым телефоном в руке.

— Говорит полковник Хан, — произнес он в микрофон. — Подполковник Грэйем хочет поговорить с полковником Доддсом.

Он передал телефон Клетусу. Когда Клетус взял его в руку, экран засветился и на нем появилось лицо Маркуса.

— Сэр? Как, вы в городе?

— Да, — подтвердил Клетус. — И рота, которую вы отправили к изгибу реки на встречу со мной, тоже. Покажите мне карту.

Маркус отодвинулся в сторону, карта за его спиной увеличилась и заняла весь экран видеотелефона. Отдельные отметки были слишком мелкими, и Клетус не мог их разобрать, но он видел, что две основные группы ньюлэндских войск уже начали соединяться на песчаной равнине, в том месте, где встречались Голубая и Бледная реки. Впереди шли разведчики, за ними двигались основные силы, которые находились уже менее чем в полумиле от первого ряда укрепленных позиций дорсайцев.

— Наши люди следуют параллельно ньюлэндцам вдоль обеих рек, — раздался голос Маркуса, — По крайней мере две вооруженные энергетическим оружием роты находятся у них в тылу и продолжают их обстреливать.

— Отзовите эти роты, — приказал Клетус. — Не нужно рисковать ни одним человеком без необходимости. И еще, пусть наши люди остаются наверху, на утесах, но стреляют пореже. Делайте это постепенно, ослабляйте огонь понемногу, но все-таки не забывайте время от времени напоминать о себе.

— Отозвать назад? — переспросил Маркус. Его лицо снова появилось на экране, — И ослабить огонь? А как же остальные — там, внизу, в городке?

— Мы собираемся атаковать.

Маркус смотрел, не произнося ни слова, но мысли его можно было прочесть так же легко, как если бы они были написаны на экране. Ему, у кого в распоряжении более трех тысяч человек, приказывают отойти назад из тыла врага, имеющего более шести тысяч, чтобы не рисковать жизнью людей. А Клетус тем временем собирается атаковать врага в лоб с шестью сотнями солдат.

— Доверьтесь мне, полковник, — мягко произнес Клетус. — Разве я не говорил вам еще неделю назад, что собираюсь выйти из этого сражения, потеряв как можно меньше людей?

— Да, сэр… — с неохотой отозвался все еще не пришедший в себя Маркус.

— Тогда сделайте так, как я сказал. Не волнуйтесь, игра еще не кончена. Прикажите своим людям ослабить огонь, но пусть будут наготове. Чуть позже у них еще будет масса возможностей пострелять.

Он прервал связь и вернул телефон Ичану.

— А теперь подумаем насчет этой атаки, — сказал он.

Через тридцать минут Клетус ехал в боевой машине, которая скользила в десяти дюймах над поверхностью воды, затопившей улицы и доходившей уже почти до колена даже здесь, в верхней части города. Он видел, как перед ними с интервалом в двадцать ярдов двигались ближайшие шесть человек из первой линии атаки. Прямо перед его глазами в центре панели управления находился маленький экран, на который подавалась информация с экрана-планшета, расположенного в городском штабе дорсайцев. Итак, ньюлэндцы перестраиваются в том месте, где сходятся береговые утесы двух рек… Они вытянулись в цепь и вскоре двинулись вперед, вдоль полосы песка длиною ярдов в шестьсот, соединяющей основание утесов с широкой возвышенностью, на которой был построен городок Двух Рек.

На планшете, однако, можно было разглядеть только видимую часть этой полосы. Все остальное скрывал сплошной поток воды, которая разлилась теперь от дальнего отвесного берега Бледной реки до утесов, которые когда-то были дальним берегом Голубой реки. Под этим серым движущимся водным покрывалом невозможно было определить (разве что по нескольким маленьким деревцам и кустам, росшим на песчаной полоске), где вода дошла бы до колена, а где ее глубины хватило бы для того, чтобы один из «Марков-V» незамеченным проехал по дну.

Десантники остановились под прикрытием последнего ряда домов и выровняли свою цепь. Враг находился всего в нескольких ярдах от них.

— Хорошо, — сказал Клетус в микрофон, — Выходите.

Первая группа атакующих бегом бросилась вперед. Их товарищи сзади, а также те, кто находился на укрепленных позициях, открыли по врагу огонь из ракетного оружия.

Ньюлэндские солдаты в оцепенении наблюдали за этими самоубийцами, которые мчались, вздымая тучи брызг, с ружьями в руках. Они еще не успели на них отреагировать, как первая

группа дорсайцев спряталась за прикрытиями, и в путь пустилась вторая.

И только когда появилась третья группа, ньюлэндцы стали стрелять. К этому времени выстрелы атаковавших, а также более сильный огонь из орудий на укреплениях уже начал косить их первые ряды. До этого ньюлэндцы не сомневались, что их ждет чисто символическое сопротивление и, по всей видимости, им придется лишь отбить пару ракетных атак. Вместо этого их атаковало явно гораздо большее число дорсайцев, чем, как их уверяли, имеется в городе. Первые ряды ньюлэндцев дрогнули и стали слегка пятиться назад, нажимая на стоявших сзади, которые, наоборот, устремились вперед, пытаясь выяснить, что же происходит.

Замешательство усилило возникшую панику. Ньюлэндские солдаты окончательно растерялись и принялись делать то, чего инстинктивно избежал бы каждый опытный боец, — открыли огонь из энергетического оружия.

При первом прикосновении мощных тепловых лучей вода у берега взорвалась облаками пара, и в считанные секунды наступавшие дорсайцы оказались так хорошо скрыты, словно ньюлэндцы специально создали дымовую завесу для своих врагов.

Паника в первых рядах ньюлэндских войск обратила их в беспорядочное бегство.

— Назад! — приказал Клетус наступавшим дорсайцам, ибо, несмотря на временную передышку благодаря окутавшему их пару, малочисленный отряд находился в рискованной близости от значительных ньюлэндских сил. — Отходите назад! Назад, на исходные позиции! Мы уже выполнили свою задачу.

Клетус отвел их в штаб дорсайцев, а сам отправился к Ичан Хану.

Его тело онемело от усталости, и он часто спотыкался. Один из младших офицеров подошел, чтобы поддержать его, но Клетус отказался от предложенной руки. Он с трудом вошел в кабинет. Ичан оторвался от экрана и повернулся к нему.

— Хорошая работа, сэр, — одобрил он, — Прекрасная работа.

— Да, — излишне громко ответил Клетус. Он слишком устал, чтобы следить за своим голосом.

На экране было видно, как ньюлэндцы медленно восстанавливают порядок в своих рядах. Теперь они сконцентрировались у подножия утесов.

— Все кончено, — прокомментировал Клетус.

— Еще нет, — ответил Ичан. — Мы сможем еще некоторое время сдерживать их.

— Сдерживать их?

Клетусу показалось, что комната закачалась и вот-вот закружится.

— Вам не придется их сдерживать. Я хочу сказать, все закончено. Мы победили.

— Победили?!

Словно сквозь сгущающийся туман Клетус видел, как странно на него смотрит Ичан. Клетус неуклюже добрался до ближайшего стула и сел.

— Дайте команду Маркусу не пускать их на утесы, пока они не сложат оружие, — услышал он словно издалека свой голос, — Скоро вы все поймете.

Он закрыл глаза и полетел вниз, в темноту, как камень.

— …Врача сюда! — кричал полковник. — Поторопитесь, черт возьми!

Клетус пропустил последнее действие битвы у Двух Рек. Начиная с той внезапной паники, охватившей ньюлэндцев, когда началась атака дорсайцев, тревога уже не покидала шесть тысяч пришедших из-за гор солдат. Им потребовалось более получаса на то, чтобы восстановить прядок и подготовиться к дальнейшему движению вперед, к городку. Но все это время уровень реки благодаря работе бульдозеров Вефера поднимался. Теперь вода доходила ньюлэндцам до колен, и страх снова стал овладевать ими.

Они не сомневались, что впереди их ждет гораздо большее число дорсайцев, чем их уверяли. По крайней мере, их оказалось достаточно для того, чтобы, не колеблясь, пойти в атаку на врага. Наверняка дальнейшее продвижение к городу может завести их в ловушку. Кроме того, идти вперед — значило продвигаться по все прибывающей и прибывающей воде. Даже офицеры стали колебаться, и в конце концов осторожность взяла верх над героизмом. Был отдан приказ отступать.

Войско ньюлэндцев снова разделилось на две группы, которые стали оттягиваться назад вдоль речных берегов. Но по мере того как они отступали, ровные песчаные участки берега как на одной, так и на другой реке сужались, и скоро те солдаты, что шли с краю, ближе к реке, уже брели по пояс в воде, а течение сбивало их с ног.

Все больше и больше ньюлэндских солдат смывало водой. Они сопротивлялись течению, размахивали руками, молили о помощи, и в рядах тех, кто еще шел по мелководью, снова вспыхнула паника. Они стали сбиваться в беспорядочную толпу, пытаясь прижаться к утесам, и полезли наверх, чтобы спастись от наступавшей реки.

Но как раз в этот момент Маркус, следуя письменным

приказам Клетуса, отданным заранее, велел своим дорсайцам, вытянувшимся в цепь на береговых утесах, открыть огонь по карабкающимся наверх… Вскоре все было кончено.

Дорсайцам даже не пришлось призывать ньюлэндцев сдаться. Солдаты побросали оружие и полезли вверх по обрыву, подняв руки вверх, — сначала поодиночке, потом целыми группами. К тому времени как солнце коснулось западного горизонта, около шести тысяч солдат — как потом выяснилось, более семидесяти процентов ньюлэндской армии — оказались в плену.

Но Клетус, который все еще не пришел в сознание, ничего этого не узнал. На командном пункте в штабе дорсайской армии врач-протезист, прилетевший из Бахаллы, закончил осмотр опухшего колена подполковника и выпрямился. Его лицо было мрачным.

— Ну как, доктор? — взволнованно спросил Ичан Хан. — Все будет в порядке, не так ли?

Врач покачал головой, посмотрел на Ичана и сухо сказал:

— Нет, не будет. Ногу придется ампутировать выше колена.

Глава 16

— Протез колена и связок, фактически — протез всей нижней части ноги, — терпеливо объяснял врач, — отличная штука. Через пару месяцев, когда вы привыкнете к нему, вы сможете передвигаться почти так же хорошо, как раньше, до того случая с миной. Конечно, никому не нравится сама идея ампутации, но…

— Меня волнует не сама идея ампутации, — перебил его Клетус. — Меня ждут дела, для которых нужно иметь две ноги из плоти и крови. Я хочу, чтобы это была хирургическая замена.

— Я понимаю, — ответил врач, — Но вы же знаете, что мы провели ряд тестов, — у вас абсолютный уровень отторжения. И все говорит о том, что отторжение это психологического, а не физиологического характера. Если это действительно так, то вам не помогут никакие лекарства. Мы можем пересадить вам ногу, но ваше тело наверняка ее отторгнет.

— Вы уверены, что это психологическое отторжение?

— Согласно вашей истории болезни, вы оказываете удивительно сильное сопротивление гипнозу, даже при воздействии лекарственных препаратов. Такого типа сопротивление встречается почти всегда у людей с психологическим отторжением органов. Но для того чтобы еще раз проверить это, я взял с собой один из новых парагипнотических препаратов. Вы останетесь в сознании, однако ваша воля полностью парализуется. Если вы сможете противиться гипнозу, несмотря на действие этого средства, значит, психиатрия еще не достигла такого уровня подавления воли. Вероятно, это дело генетики. Хотите попробовать?

— Давайте, — согласился Клетус.

Врач прикрепил к предплечью Клетуса над большей артерией прозрачный баллончик с делениями. Он накрыл его своей ладонью, так что большой палец и мизинец оказались по обе стороны от баллончика, а указательным нажал на кнопку аэрозольного шприца.

— Я буду все время спрашивать ваше имя, — предупредил он. — Старайтесь мне его не говорить. Я буду увеличивать дозу до тех пор, пока вы не перестанете отказываться. Готовы?

— Готов, — ответил Клетус.

— Как вас зовут? — спросил врач.

Клетус почувствовал холодное дыхание аэрозоля на коже. Он отрицательно покачал головой.

— Вы скажете мне свое имя? — повторил врач.

Клетус вновь покачал головой. Ощущение холода не

исчезало. К своему удивлению, он не чувствовал ни малейшей легкости, ни каких-либо других признаков того, что лекарство оказывает на него действие.

— Скажите мне свое имя.

— Нет.

— Скажите мне свое имя…

Вопрос повторялся, а Клетус продолжал отказываться. Вдруг как-то внезапно, без предупреждения, комната словно наполнилась белым туманом. Голова закружилась, и это было последнее, что он помнил.

Клетус выплыл из небытия и увидел, что врач наклонился над его кроватью. Баллончик он уже снял.

— Нет, — резюмировал врач и вздохнул. — Вы сопротивлялись до тех пор, пока не потеряли сознание. Бессмысленно даже пытаться делать пересадку.

Клетус задумчиво посмотрел на него:

— В таком случае окажите мне любезность, передайте Мондару, посланнику экзотов, что я хотел бы поговорить с ним.

Врач кивнул и вышел.

В дверях показалась медсестра.

— Подполковник, к вам приехал генерал Трейнор, — сообщила она. — Вы можете принять его?

— Конечно, — ответил Клетус.

Он нажал кнопку, приводящую кровать в сидячее положение. Генерал Трейнор вошел в комнату, остановился рядом с кроватью и посмотрел на Клетуса. Лицо генерала было похоже на каменную маску.

— Садитесь, сэр, — предложил Клетус.

— Я не собираюсь здесь долго задерживаться, — сухо ответил Трейнор.

Он направился к двери, чтобы закрыть ее. Затем снова подошел к Клетусу.

— Я должен вам сказать две вещи, — начал он, — Когда я наконец выломал дверь шкафа с оружием и достал пистолет, чтобы выстрелами сбить с двери петли, был уже воскресный полдень. Я незаметно выбрался из города и, прежде чем поднимать шум, позвонил полковнику Дюплейну. Думаю, вы обрадуетесь, узнав, что никакого шума не будет. Официально я попал в небольшую аварию в пятницу днем недалеко от Бахаллы. Моя машина потеряла управление и врезалась в дерево. От удара я потерял сознание и не мог вылезти из нее. Я выбрался наружу только в воскресенье. И еще: все то, чем вы занимались у Двух Рек, чтобы задержать ньюлэндские войска, делалось по моему приказу — такова официальная версия.

— Спасибо, сэр, — ответил Клетус.

— Не подлизывайтесь! — беззлобно проворчал Трейнор. — Вы знали, что я достаточно умен и не устрою скандала из-за того, что вы убрали меня с дороги, пока не выясню, чем все кончилось. Так что не будем играть в прятки. Вы заперли меня, и никто об этом никогда не узнает. Но вы взяли в плен две трети ньюлэндских вооруженных сил. И я тот, кто поедет в Женеву принимать поздравления. Вот так обстоят дела. Это первое из того, что я хотел вам сказать.

Клетус кивнул.

— Второе, — продолжал генерал. — То, что вы проделали у Двух Рек, вполне можно назвать образцом военного искусства. Я не могу не восхищаться им. Но никто не заставит меня восхищаться вами. Мне не нравится ваша манера работать. Грэйем, вы мне не нужны, и альянсу вы тоже не нужны. Поэтому я предлагаю вам уйти в отставку. Ваше заявление должно лежать на моем столе не позже чем через сорок восемь часов. Возвращайтесь домой и пишите ваши книги. Для этого совсем не обязательно быть военным.

Клетус спокойно посмотрел на него.

— Я уже подал прошение об отставке, — проинформировал он генерала. — Я также отказываюсь от гражданства Земли и уже обратился с просьбой предоставить мне дорсайское гражданство. Она удовлетворена.

Брови Трейнора взлетели вверх. Впервые на его суровом умном лице появилось почти глупое выражение.

— Вы покидаете альянс? — уточнил он, — Навсегда?

— Я эмигрирую, только и всего, — Клетус слабо улыбнулся. — Не волнуйтесь, генерал. Я не более вашего заинтересован в том, чтобы ваше заточение в моем офисе стало достоянием гласности. Мы предположим, что к нам пробрался ньюлэндский шпион, понял, что он в ловушке, и сумел выбраться из нее.

Их глаза встретились. Трейнор покачал головой:

— В любом случае мы больше не увидимся.

Он повернулся и вышел из палаты. Клетус лежал, глядя в потолок, пока не заснул.

Мондар пришел лишь на следующий день, часов в двенадцать. Он извинился за то, что не приехал раньше.

— Записку с вашей просьбой прислали мне обычной почтой, — объяснил он, садясь на стул у кровати Клетуса. — Очевидно, ваш милый доктор не понял срочности дела.

— Это не в его компетенции.

— Думаю, он решил, что я все равно стану уверять вас в

невозможности помочь вам, — медленно проговорил Мондар. — Боюсь, что, вероятно, он прав. Я позвонил в госпиталь после того, как получил послание, и поговорил кое с кем из тех, кого знаю. Мне сказали, что ваша проблема почти наверняка заключается в психологическом отторжении любого трансплантируемого вам органа.

— Именно так, — подтвердил Клетус.

— И вы полагаете, я или какой-нибудь экзот, поработав с вами, сможет сделать так, что пересадка здоровых тканей станет вполне реальной?

— А это невозможно? — Клетус пристально посмотрел на своего собеседника.

Мондар опустил голову и погладил голубую ткань на коленях. Затем снова взглянул на Клетуса.

— В принципе возможно, — ответил он. — Если бы это случилось с кем-нибудь вроде меня, то есть с тем, кто занимался психическим самоконтролем с детских лет. Я могу не обращать внимания на боль, могу сознательно приказать своему сердцу остановиться. Я также в состоянии подавить свои иммунные реакции — если бы пришлось бороться с чем-то вроде психологического отторжения, как в вашем случае… Клетус, у вас необычайно богатый природный дар, но отсутствует многолетняя специальная подготовка, которая есть у меня. Даже с моей помощью вам не удастся взять под контроль механизм отторжения, действующий в вашем организме.

— Вы не единственный, кто может не обращать внимания на боль, — заявил Клетус, — Знаете, я тоже умею это делать.

— Правда? — В голосе Мондара появился интерес, — Конечно, как я не догадался! И после первого случая у ущелья Эттера, и в этот раз у Двух Рек, когда вы снова травмировали колено, но потом еще много ходили, хотя обычный человек не выдержал бы ничего подобного.

Он немного прищурился, задумавшись.

— Скажите мне, вы умеете совсем избавляться от боли? Пли вы просто не обращаете на нее внимания, то есть осознаете, что боль не исчезла, но не позволяете этому ощущению овладеть вами?

— Я не обращаю на нее внимания, — пояснил Клетус, — Я постепенно расслабляюсь и делаю это до тех пор, пока мне не начинает казаться, будто я качаюсь на волнах. Остается лишь чувство, немного похожее на сдавливание. Оно то усиливается, то ослабевает, а иногда совсем проходит, но в любом случае оно мне не мешает.

Мондар понимающе кивнул.

— Очень хорошо. Даже удивительно хорошо для неподготовленного человека, — прокомментировал он, — А свои сны вы можете контролировать?

— До определенного предела, — ответил Клетус, — Например, я ставлю перед собой какую-либо проблему, прежде чем заснуть, и работаю над ней во время сна. Я подобным образом поступаю и когда бодрствую. Я просто, скажем так, выключаю определенную часть своего мозга, а остальная часть работает на автопилоте.

Мондар внимательно посмотрел на него.

— Вы меня поражаете, Клетус, — признался экзот. — Попробуйте сделать одну вещь. Посмотрите на стену слева от себя и скажите, что вы видите.

Клетус повернул голову и посмотрел на плоскую поверхность белой стены. В шее, за правым ухом и ниже, возникло слабое ощущение покалывания, а затем последовал внезапный взрыв страшной боли. Клетус спокойно выдохнул; боль стала меньше. Он повернулся к Мондару.

— Я ничего не видел, — произнес он.

— Конечно. Это была всего лишь уловка, чтобы заставить вас повернуть голову, — объяснил Мондар, пряча что-то похожее на миниатюрный карандаш. — Самое удивительное, что я не смог зафиксировать даже вздрагивания кожи.

Некоторое время экзот молча смотрел на него.

— Ладно, Клетус, — решился он наконец. — Я буду с вами работать. Но считаю долгом чести предупредить вас, что я пока не вижу шансов на успех. Когда вы хотите делать пересадку?

— Я не хочу ее делать, — ответил Клетус. — Думаю, что, вероятно, вы абсолютно правы относительно невозможности подавить механизм моих реакций. Поэтому мы сделаем кое-что другое. Так как успех все равно маловероятен, давайте попробуем что-то вроде чудесного исцеления.

— Чудесного?.. — медленно повторил Мондар.

— Почему бы нет? — улыбнулся Клетус. — Рассказы о таких чудесах уходят в глубину веков. Предположим, я переношу чисто символическую операцию. На моем левом колене не хватает тканей в том месте, где несколько лет назад, после первого ранения, был поставлен протез. Я представлю себе, что этот имплантированный мне протез удалили, а на его место пересадили кусочки костной и мышечной тканей, взятые с такого же участка моей правой ноги. Затем мы с вами концентрируем волю, направляя ее на заживление ран.

Возникла пауза. Затем Мондар встал.

— Нет ничего невозможного, — задумчиво проговорил он, —

Я уже сказал, что помогу вам. Но то, о чем вы просите, требует осмысления. Мне надо посоветоваться. Я приеду к вам через день-два.

На следующее утро Клетуса навестили Ичан Хан и Мелисса. Сначала вошел Ичан и тяжело опустился на стул возле кровати. Клетус сидел, откинувшись на подушки. Он пристально посмотрел на дорсайца. Их взгляды встретились.

— Как я понял, врачи пытаются сделать что-то с вашим коленом, — сказал Ичан.

— Да, я тут навел шороху. — Клетус улыбнулся.

— Ну что ж, удачи вам! — Ичан отвернулся и посмотрел в окно, затем снова на Клетуса. — Я должен передать вам наилучшие пожелания от наших солдат и офицеров, — продолжал он, — Вы пообещали им победу почти без потерь — так и случилось.

— Я пообещал им сражение, — поправил его Клетус. — И надеялся, что мы не понесем существенных потерь. Кроме того, их заслуга тоже не так уж мала. Они отлично выполняли все приказы.

— Ерунда! — бросил Ичан и прокашлялся, — Они знают, что вы эмигрируете на Дорсай. Мы все были счастливы услышать это. Похоже, вы положили начало небольшой волне эмиграции. Этот ваш молодой лейтенант тоже отправляется на Дорсай, как только заживет его плечо.

— Вы приняли его, не так ли? — спросил Клетус.

— О, конечно, — ответил Ичан. — Точно так же Дорсай примет любого военного с хорошей репутацией. Хотя ему, конечно, придется поучиться в нашей офицерской школе, если он хочет дальше служить. Марк Доддс сказал ему, что окончить ее будет довольно трудно.

— Он сможет, — кивнул головой Клетус. — К слову сказать, я хотел бы услышать ваше мнение об одном деле — теперь, когда я сам стал дорсайцем. Если я найду средства на выплату пособия, на обучение и приобретение необходимого оборудования, как вы думаете, смогли бы вы собрать группу солдат и офицеров — ну, скажем, в размере полка, — которые пожелали бы потратить шесть месяцев на полную переподготовку? Я гарантирую им, что потом они смогут найти работу с жалованьем раза в полтора выше нынешнего.

Ичан внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Шесть месяцев — большой срок, не каждый профессиональный солдат согласится жить так долго без сохранения содержания, на одно лишь пособие, — произнес он после небольшой паузы, — Но после того, что произошло у Двух

Рек, я думаю, это возможно. И дело не только в надежде на более высокое жалованье, хотя оно имеет большое значение для многих из этих людей, у которых на Дорсае остались семьи. Благодаря вашей учебе возрастут их шансы остаться в живых и вернуться домой. Вы хотите, чтобы я этим занялся?

— Вы оказали бы мне большую услугу, — ответил Клетус.

— Хорошо. Но откуда на все это возьмутся деньги?

— У меня есть на примете несколько человек, которые могут помочь, — объяснил Клетус. — Я расскажу вам об этом позже. Вы предупредите офицеров и солдат, с которыми будете говорить, что вопрос о финансировании пока не решен.

— Конечно, — Ичан погладил усы, — Мелли в коридоре.

— Правда? — удивился Клетус.

— Да, я попросил ее подождать, пока не поговорю с вами о некоторых вещах наедине…

Ичан заколебался. Клетус ждал. Чувствовалось, что полковник Хан был напряжен до предела, кожа лица напоминала металл.

— Почему вы на ней не женитесь? — спросил он наконец хриплым голосом.

— Ичан… — Клетус некоторое время молчал. — Что заставляет вас думать, будто Мелисса хотела бы выйти за меня замуж?

— Вы ей нравитесь, — сказал Ичан. — Она нравится вам. Из вас получилась бы хорошая пара. Она поступает по велению сердца, а для вас главное — рассудок.

Клетус медленно покачал головой, впервые не находя слов для ответа.

— Правда, — продолжал Ичан, — она ведет себя так, словно знает ответы на все вопросы, словно ей дано право руководить моей жизнью, и вашей, и всех остальных. Но она чувствует людей — я хочу сказать, чувствует, что представляет из себя человек на самом деле. В этом она похожа на свою мать. Но по молодости Мелисса слишком многого требует от людей. Она не может понять, почему они не делают так, как, по ее мнению, должны делать. Но она научится быть терпимей.

Клетус снова покачал головой.

— А я? — спросил он. — Что заставляет вас думать, что я тоже научусь?

— Попробуйте…

— А если из нашего сближения ничего хорошего не получится? — Взгляд Клетуса стал мрачным.

— Тогда, по крайней мере, вы спасете ее от де Кастриса, — глухо ответил Ичан, — Она хочет лететь к нему, чтобы заставить

меня отправиться за ней — на Землю. И там мне придется собирать осколки. Это все, что останется от ее жизни после всего этого. Для некоторых женщин такие вещи не имеют значения, но я знаю свою Мелли. Вы хотите, чтобы она досталась де Кастрису?

— Нет, — произнес Клетус неожиданно спокойно, — И этого не произойдет, обещаю вам.

— Может быть. — Ичан поднялся со стула. — Я сейчас пришлю ее.

Он развернулся и вышел.

Через несколько минут в дверном проеме появилась Мелисса. Она искренне улыбнулась Клетусу, вошла и села на тот стул, на котором только что сидел ее отец.

— Они говорят, что вылечат ваше колено, — сообщила она. — Я рада.

Он смотрел, как она улыбается, и на мгновение ему вдруг показалось, что сердце его как-то странно шевельнулось в груди. Слова Ичан Хана звучали в его ушах, и тщательно охраняемая стена, которую он воздвиг вокруг себя в результате уроков, преподнесенных ему жизнью и людьми, угрожающе закачалась.

— Я тоже, — услышал он свой ответ.

— Я сегодня разговаривала с Арвидом… — продолжала она.

Он видел, что голубые глаза девушки не отрываются от его глаз словно загипнотизированные.

— Мелисса, — проговорил он медленно, — что бы вы сказали, если бы я попросил вас выйти за меня замуж?

— Пожалуйста… — выдохнула она.

Он отвел взгляд, отпуская ее. Она отвернулась.

— Вы знаете, что я должна думать прежде всего об отце, Клетус, — сказала она тихо.

— Да, — согласился он, — Конечно.

Внезапно она снова посмотрела на него, сверкнула белозубой улыбкой и положила ладонь на его руку, лежащую поверх простыни.

— Но я хотела поговорить с вами о другом. Знаете, вы действительно необыкновенный человек.

— Правда? — Он выдавил из себя улыбку.

— Вы сами знаете это, — заметила она. — Все произошло именно так, как вы обещали: вы выиграли войну в Бахалле и сделали это всего за несколько недель силами только дорсайских войск. Я слышала, вы сами собираетесь стать дорсайцем. Теперь ничто не помешает вам написать свою книгу. Ваши дела здесь закончены.

Боль пронзила его душу, и стена снова сомкнулась вокруг него. Он опять находился в одиночестве среди людей, которые не

понимали его.

— Боюсь, что нет, — сказал он. — Это еще не конец. Закончилось только первое действие. Фактически все только начинается.

Мелисса удивленно посмотрела на него.

— Начинается? — переспросила она, — Но сегодня вечером Дау улетает на Землю. И не собирается сюда больше возвращаться.

— Думаю, он все-таки вернется, — возразил Клетус.

— Вернется? Почему?

— Потому что он честолюбивый человек, — ответил Клетус, — а я собираюсь показать ему, как можно удовлетворить его честолюбие.

— Честолюбие! — Ее голос зазвенел от удивления. — Он один из пяти первых секретарей Верховного совета коалиции. Еще год или два, не больше, и Дау станет членом Совета. Чего еще он может хотеть? Ведь у него все есть!

— Нельзя удовлетворить честолюбие, все время подкармливая его, как нельзя погасить огонь, подбрасывая в него хворост, — изрек Клетус. — Для честолюбивого человека то, что у него уже есть, — ничто, имеет значение лишь то, чего у него нет.

— Но чего у него нет? — Она была явно озадачена.

— Многого, — ответил Клетус. — Например, власти над Объединенной Землей и всеми Внешними мирами.

Мелисса посмотрела на него широко открытыми глазами.

— Объединить альянс и коалицию? — изумилась она. — Но это невозможно, и никто не знает этого лучше, чем Дау.

— Я собираюсь доказать ему обратное, — невозмутимо произнес Клетус.

Ее щеки слегка покраснели от гнева.

— Вы собираетесь… — Она не договорила, — Вы, должно быть, считаете меня дурочкой, которая будет сидеть и слушать подобные речи.

— Нет, — он покачал головой, — я не считаю вас глупее остальных. Просто я надеялся, что вы хоть раз поверите мне.

— Поверить вам! — Неожиданно для себя ее охватила ярость. — Я была права, когда, впервые встретив вас, сказала, что вы похожи на моего отца. Все считают, что он состоит только из формы и оружия, а правда заключается в том, что именно эти вещи для него и не имеют значения. Почти все думают, что вы — это холодное спокойствие и расчет и у вас совсем нет нервов. Но позвольте вам заметить: вы не в состоянии провести всех. Вы не можете обмануть отца, не можете обмануть Арвида, а уж тем более не можете обмануть меня! Для вас главное — люди, точно

так же как для отца главное — традиции, честь, мужество и правда, — то, что, по общему мнению, уже не существует. Они отняли у него все это на Земле, и все это я собираюсь ему вернуть, когда он окажется там. Его надо заставлять заботиться о себе и добиваться, чтобы он делал то, что ему необходимо.

— Вы никогда не задумывались над тем, — спросил Клетус спокойно, — что, возможно, он снова обрел все это на Дорсае?

— На Дорсае? — Упрек придал ее голосу резкость. — На планете, полной бывших солдат, проигрывающих свои жизни в маленьких войнах, которые ведут другие народы, и получающих едва ли больше, чем средний программист!

— Мне кажется, Ичан видит будущее намного дальше, чем вы, Мелисса, — объяснил Клетус.

— Какое мне дело до будущего? — Она уже стояла, глядя на него сверху вниз, — Я хочу, чтобы он был счастлив сегодня. Он может думать обо всех, кроме себя. Поэтому я должна думать о нем. Когда я была маленькой девочкой, моя мать, умирая, просила меня — меня! — проявлять твердость и заботиться о нем. И я буду это делать!

Она резко повернулась и пошла к двери.

— И я собираюсь заботиться только о нем одном! — закричала она, внезапно остановившись и с яростью глядя на Клетуса. — Если вы думаете, что я буду заботиться также и о вас, вы ошибаетесь. Продолжайте, рискуйте своей жизнью ради неизвестно каких целей, вместо того чтобы успокоиться и заняться действительно полезным делом — писать и работать ради людей: вы ведь для этого созданы!

Она вышла. Дверь была сконструирована так хорошо, что закрывалась бесшумно. И только это и помешало ей захлопнуться за Мелиссой.

Клетус лежал, откинувшись на подушки, и смотрел на голую, белую и немую стену напротив. Палата казалась еще более пустой, чем раньше.

В этот день его навестил еще один человек. Это был Дауде Кастрис, которого привел в палату к Клетусу Вефер Линет.

— Посмотри, кто со мной, Клетус! — весело воскликнул Вефер, — Я встретил секретаря у нас в офицерском клубе, он там обедал с одним из экзотов. Он попросил меня передать тебе, что он восхищается твоим военным гением — независимо от того, на чьей стороне ты выступаешь. Я поинтересовался у него, почему бы ему не пойти в госпиталь самому и не поздравить тебя лично? И вот он здесь!

Он сделал шаг в сторону, пропуская Дау вперед. Из-за спины высокого де Кастриса Вефер широко улыбнулся Клетусу.

— Я должен выполнить одно поручение, — объявил капитан, — Через минуту вернусь.

Он, пятясь, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Дау посмотрел на Клетуса.

— Была ли необходимость использовать Вефера для объяснения? — спросил Клетус.

— Это было удобно. — Дау передернул плечами, как бы закрывая тему, — Примите мои поздравления.

— Спасибо. Почему вы не садитесь?

— Я предпочитаю стоять, — объяснил Дау, — Мне передали, что вы собираетесь похоронить себя на Дорсае. Значит, вы хотите вернуться к работе над своими книгами?

— Еще нет, — сказал Клетус.

Дау поднял брови:

— Вы еще не все сделали?

— Существует еще полдюжины миров и несколько миллиардов человек, которых сначала надо освободить, — произнес Клетус.

— Освободить? — улыбнулся Дау. — От коалиции?

— От Земли.

Дау покачал головой.

— Желаю удачи, — улыбнулся он, — И это все для того, чтобы написать несколько томов по военной теории?

Клетус ничего не ответил. Он сидел в своей кровати, выпрямив спину, словно ожидая чего-то.

Улыбка исчезла с лица Дау.

— Вы абсолютно правы. — Тон его голоса стал другим, хотя Клетус продолжал молчать, — Времени остается все меньше, а сегодня я отправляюсь на Землю. Может быть, я увижусь с вами там, скажем, месяцев через шесть?

— Боюсь, что нет, — покачал головой Клетус. — Но я думаю, мы увидимся где-нибудь здесь, на одном из новых миров. Скажем, года через два.

Взгляд черных глаз Дау стал холодным.

— Вы меня совершенно не поняли, Клетус. Я не из тех, кого можно водить за собой.

— Я тоже, — отрезал Клетус.

— Да, — проговорил Дау медленно. — Я понимаю. И все же мы, скорей всего, встретимся… — На лице его неожиданно снова появилась улыбка. — …На Филиппинах.

— Другого места для нашей встречи никогда и не существовало.

— Наверное, вы правы. — Дау отступил назад и распахнул дверь, — Желаю вам вылечить вашу ногу.

— А вам — благополучного возвращения на Землю.

Дау повернулся и вышел. Через несколько минут дверь снова открылась, и в проеме появилась голова Вефера.

— Де Кастрис ушел? — удивился капитан. — Он недолго пробыл здесь.

— Мы сказали друг другу то, что должны были сказать, — ответил Клетус. — После этого ему здесь больше нечего было делать.

Глава 17

Три дня спустя Мондар снова навестил Клетуса.

— Ну, Клетус, — сказал он, присаживаясь у кровати, — Большую часть времени, с тех пор как мы виделись в последний раз, я провел, обсуждая ваш случай с другими членами нашего сообщества, имеющими больший опыт, чем я, в подобных делах. Вместе мы разработали план действий, чтобы помочь совершиться чуду, которое вы запланировали. Наиболее острую дискуссию вызвал вопрос: должны ли вы ясно представлять себе процесс восстановления тканей или лучше вам не вникать в этот механизм?

— И к какому вы пришли решению? — поинтересовался Клетус.

— Мы решили, что вам следует знать как можно меньше, — ответил Мондар.

— Значит, вы не хотите, чтобы я зрительно представлял то, что происходит?

— Вот именно, — подтвердил Мондар. — Восстановительные процессы должны происходить без участия вашего сознания, вы будете воздействовать на них только на подсознательном уровне. Чтобы научиться это делать, вам необходима практика, поэтому я разработал комплекс упражнений и собираюсь обучать вас в течение следующих двух недель. Я буду приходить сюда каждый день и работать с вами до тех пор, пока вы не сможете выполнять упражнения самостоятельно. Я не прекращу наблюдения до тех пор, пока вы, на мой взгляд, не обретете полный контроль над своим телом. Затем мы советуем вам провести ту самую символическую операцию, во время которой ткани вашего правого колена будут перемещены в область левого колена.

— Хорошо, — согласился Клетус, — Когда вы хотите начать занятия?

— Прямо сейчас, если не возражаете, — предложил Мондар. — Начнем с того, что прекратим разговоры, касающиеся вашего колена. Есть какие-нибудь предложения относительно новой темы?

— Главная тема во Вселенной! — провозгласил Клетус. — Я в любом случае собирался поговорить с вами об этом. Одолжите мне два миллиона МДЕ.

Секунду Мондар молча смотрел на него, затем произнес с улыбкой:

— Боюсь, у меня с собой столько нет. И вообще здесь, вдали от Земли, такие суммы международных денежных единиц

встречаются достаточно редко. Они вам очень нужны?

— Очень, это абсолютно серьезно, — подтвердил Клетус, — Я бы хотел, чтобы вы переговорили со своими друзьями-экзотами, живущими в Бахалле или где-нибудь еще. Я ведь не ошибаюсь, предполагая, что вы можете дать мне взаймы такую сумму, если решите, что дело того стоит?

— Не ошибаетесь, — задумчиво произнес Мондар. — Но вы должны согласиться, что это довольно необычная просьба для абсолютно ничего не имеющего бывшего подполковника альянса, который теперь эмигрирует на Дорсай. Что вы собираетесь делать с такими деньгами?

— Создать войско нового типа, — объяснил Клетус. — Нового по организации, подготовке, техническому оснащению и тактическим навыкам.

— Используя, конечно же, дорсайцев?

— Да, я собираюсь создать войско, по крайней мере в пять раз превосходящее все существующие по своей эффективности. Подобная армия сможет предложить свои услуги по более низкой цене, чем альянс и коалиция, когда дело дойдет до отправки вооруженных сил на такую далекую от Земли колонию, как ваша. Я могу поднять жалованье солдатам и офицерам этого нового войска и все равно набрать достаточно людей за меньшую сумму, чем дорсайцы получали раньше, — просто потому, что для выполнения одной и той же работы нам потребуется меньше людей.

— И вы предполагаете, что такое наемное войско вскоре погасит двухмиллионный долг?

— На этот счет у меня нет никаких сомнений, — ответил Клетус.

— Но как можно знать заранее, что эти ваши солдаты оправдают столь честолюбивые ожидания? Боюсь, Клетус, нашей организации потребуются какие-нибудь гарантии, прежде чем мы одолжим вам такую крупную сумму денег.

— Гарантии, — заметил Клетус, — могут оказаться не обязательными, если тот, кто берет деньги в долг, имеет хорошую репутацию.

— Вы хотите сказать, что вам уже приходилось занимать такую сумму раньше? — удивленно поднял брови Мондар.

— Я имею в виду военную, а не финансовую репутацию, — пояснил Клетус. — У ваших экзотов есть веское доказательство моей военной репутации. Маленькая группа дорсайских наемников без чьей-либо помощи сделала то, с чем не смогли справиться войска альянса, а именно: они, по сути, уничтожили Ньюлэнд как военную силу и выиграли для вашей колонии эту

локальную войну. Вывод напрашивается сам собой — вам не нужны силы альянса, вполне достаточно только дорсайцев. Я прав?

— Вы, конечно, привели убедительный аргумент, — признал Мондар.

— Следовательно, гарантия этой сделки, — продолжал Клетус, — лучшая из существующих гарантий в мире. Это гарантия безопасности колонии, которую обеспечат дорсайские наемники до тех пор, пока не будет выплачен долг.

— Но что, если… — нерешительно начал Мондар, — ваши дорсайцы нарушат наш договор? Я, конечно, не хочу вас обидеть, но в подобных делах нужно учитывать все возможные варианты. Если я не подниму этот вопрос, его поднимет кто-то другой. Что, если после того, как мы одолжим деньги, вы, в свою очередь, подготовите войска, а затем откажетесь либо платить, либо обеспечивать безопасность этой колонии?

— Случись такое, — проговорил Клетус, разводя руками, — кто же станет нас после этого нанимать? Удачливые наемники, как и все остальные торговцы, каким бы ни был их товар, могут развивать свое дело, только если не подводят клиентов. Если мы возьмем ваши деньги и после этого не выполним своих обязательств, какая другая колония захочет рисковать, нанимая нас?

— Тоже убедительный аргумент, — кивнул Мондар.

Мгновение он сидел, рассеянно глядя вперед, словно разговаривая с самим собой. Затем его взгляд снова устремился на Клетуса.

— Хорошо, — согласился он. — Я сообщу о вашей просьбе экзотам. Но вы понимаете: это все, что я в состоянии для вас сделать. Потребуется некоторое время, чтобы обсудить данный вопрос, и я не могу гарантировать вам, что будет принято положительное решение. Как я уже сказал, вы просите в долг очень большую сумму, и, в общем-то, у нас нет особых причин соглашаться на это.

— А я думаю, что есть, — убежденно произнес Клетус. — Насколько я понимаю, одна из конечных целей вашего сообщества — добиться полной независимости от каких-либо обязательств, с тем чтобы свободно претворять в жизнь свою мечту о будущем. Временная помощь альянса была вам нужна, но из-за нее вы находились у него под пятой. Если вы сможете купить безопасность у наемных солдат без обязательств со своей стороны, вы добьетесь свободы, которой, как мне кажется, вы все так сильно жаждете. Два миллиона за надежную безопасность — небольшой риск ради возможности обрести такую свободу.

— Клетус, Клетус, — вздохнул Мондар. — Как жаль, что вы не экзот! — Он откинулся на спинку стула. — А теперь, думаю, пора заняться упражнениями. Откиньтесь назад и постарайтесь достичь того состояния отрешенности и парения, которое вы мне описывали. Как вы, вероятно, знаете, оно называется регрессией. Я тоже войду в это состояние. Теперь, если вы готовы, присоединяйтесь ко мне и сосредоточьтесь на той единственной клетке, которая была ядром и началом вашего сознания. К этому первоначальному примитивному сознанию вы и должны сейчас вернуться…

…Через три недели Клетус с Арвидом прибыли на вокзал в Бахалле. Клетус еще не мог передвигаться без костылей, но процесс заживления обоих коленей шел хорошо. Мужчины направлялись к аэробусу, чтобы добраться в космопорт, на ту самую посадочную площадку, куда подполковник Грэйем приземлился два месяца назад. Дорога, по которой Клетус приехал в город, теперь, когда партизан больше не было, подверглась реконструкции, и пассажиров доставляли к ракете аэробусом.

Когда они пересекали зал ожидания, дорогу им преградил офицер альянса. Они сразу узнали лейтенанта Билла Этайера; он был пьян — не настолько, чтобы спотыкаться или заговариваться, но в глазах его горел недобрый свет. Клетус остановился. Арвид сделал полшага вперед, но Клетус положил ему руку на плечо, и молодой человек молча застыл на месте.

— Улетаете на Дорсай, не так ли, подполковник? — спросил Этайер, не обращая внимания на Арвида. — Теперь, когда здесь все так прекрасно закончилось, вы отправляетесь в путь?

Клетус оперся на костыли. Даже сейчас, согнувшись, ему приходилось смотреть вниз, чтобы встретить взгляд налитых кровью глаз Билла Этайера.

— Вы думали, что спокойно уедете, — Этайер засмеялся. — Нет, сэр, я не хочу отпускать вас, не выразив вам своей благодарности. Я мог бы предстать перед следственной комиссией, если бы не вы, сэр. Спасибо, сэр.

— Все в порядке, лейтенант, — попытался успокоить его Клетус.

— Правда? Все в полном порядке, — передразнил Этайер. — Меня запихнули в библиотеку, хотя я мог просто получить выговор и, наверное, чуть дольше дожидаться очередного звания. Зато теперь меня убрали подальше от поля боя, где, вероятно, я снова сделал бы что-нибудь не так, а может — кто знает? — взял бы реванш за то, что возле ущелья Эттера не был таким же сообразительным, как все вы.

— Лейтенант… — Рычание Арвида не предвещало ничего хорошего.

— Не надо, — вновь остановил его Клетус. — Пусть говорит.

— Спасибо, подполковник, спасибо, сэр… черт вас возьми! — Голос Этайера неожиданно сорвался. — Неужели ваша драгоценная репутация для вас значит так много, что нужно было похоронить меня живьем? Как будто вы не знаете, что теперь я никогда не смогу снова участвовать в сражении! Что мне теперь делать — торчать в библиотеке всю оставшуюся жизнь, ничего не видя, кроме книг?

— Попробуйте их почитать! — Клетус пытался говорить тихо, но слова его долетели до толпы, которая уже собралась вокруг них. — Тогда вы сможете хоть что-нибудь узнать о том, как командовать войсками во время боя. Пошли, Арв.

Он перебросил костьми на одну сторону и обошел Этайера. Арвид последовал за ним. Позади, когда толпа снова сомкнулась за ними, они услышали дрожащий от ярости голос лейтенанта.

— Я буду читать, ладно! — хрипло выкрикивал он им вслед, — Я буду читать до тех пор, пока не стану умнее вас, подполковник!

Через полгода Клетус не только окончательно излечился, но и был готов приступить к осуществлению своих планов на Дорсае.

Он бежал вверх по длинному склону к озеру Атан; дом Ичан Хана находился на противоположному берегу, неподалеку от города Форали. Ему оставалось еще две мили из ежедневных пятнадцати.

Шаг Клетуса стал короче, а дыхание более глубоким, но это было единственное, что изменилось. Скорость осталась прежней.

Прошло почти пять месяцев с тех пор, как с ног его сняли повязки и выяснилось, что его левое колено абсолютно здорово. Медикам очень хотелось провести ряд исследований и анализов, но Клетуса ждали неотложные дела на Дорсае.

На правах гостя Клетус поселился в доме у Ичан Хана — вопрос о свадьбе казался делом решенным — и с самого момента прибытия, не щадя себя, занимался физической подготовкой.

Тренировки его были простыми и, за исключением одного момента, самыми что ни на есть обычными. Все дни он проводил, занимаясь бегом, плаванием и… лазаньем. Это лазанье как раз и являлось единственным необычным элементом тренировок. Клетус попросил собрать для него нечто вроде взрослого варианта гимнастического снаряда «джунгли»: лабиринт стальных стоек и перекладин, пересекающихся на различной высоте и под различными углами; примерно футов тридцать в высоту, двадцать в ширину и более пятидесяти в длину.

Спустя шесть месяцев после того, как Клетус покинул госпиталь на Культисе, день его начинался с вертикального подъема — при помощи одних только рук и без передышки — по канату, привязанному к ветке дерева на высоте восьмидесяти футов от земли. Добравшись до ветки, он продвигался по ней футов на десять и спускался по более короткой, только в пятьдесят футов длиной, веревке. Повиснув на ее конце, он начинал раскачиваться, пока не достигал в размахе верхней перекладины лабиринта. Ухватившись за стальную трубу, следующие полчаса он «плутал в джунглях», делая маршруты своих путешествий с каждым днем все более сложными и утомительными.

После этого начиналась пробежка на пятнадцать миль. Сначала по относительно ровной местности, но вскоре приходилось преодолевать череду холмов разной высоты. Маршрут заканчивался крутым склоном длиной в две мили. Здесь росли похожие на сосны деревья, за которыми просматривалось озеро Атан.

Подбегая к берегу, Клетус, не замедляя хода, с разбега нырял в ледяную воду. Он всплывал на поверхность, пересекал озеро, ширина которого в этом месте достигала полумили, и выбирался на противоположный берег, где, окруженный деревьями, стоял длинный, с низкой крышей, довольно просто отделанный дом Ичан Хана.

Клетус посмотрел на часы и не спеша побрел вверх по склону к большому, от пола до потолка, раздвижному окну на первом этаже дома, через которое можно было проникнуть прямо в его спальню. Через десять минут, приняв душ и переодевшись, он присоединился к Мелиссе и Ичану, завтракающим в залитой солнцем столовой.

— Как прошла тренировка? — спросила Мелисса, улыбаясь.

Шесть месяцев каждодневного общения разрушили все существовавшие между ними преграды. Клетус был на редкость располагающим к себе человеком, а Мелисса — чуткой и отзывчивой. Теперь их отношения достигли того этапа, когда то, что оставалось невысказанным, было важнее произнесенных слов.

— В среднем шесть минут на милю во время пробежки, — улыбнулся Клетус ей в ответ, — и чуть больше десяти минут ушло на озеро, — Он посмотрел на Ичана, — Думаю, пора нам организовать то, что я планировал. Мы можем использовать беговую дорожку на стадионе в Форали.

— Я займусь этим, — кивнул Ичан.

Через три дня на стадионе Форали собралось более восьмидесяти дорсайских офицеров, которых пригласил Ичан.

Они сидели перед большим экраном, куда поступала информация с различных датчиков, закрепленных на теле Клетуса.

Клетус в обычной своей тренировочной одежде стоял на беговой дорожке. Ни «джунглей», ни бассейна здесь не было, демонстрировалась исключительно выносливость. Как только все расселись, Ичан встал у приборов, чтобы передать информацию датчиков на экран для всеобщего обозрения, и Клетус побежал.

Все уже были знакомы с историей Клетуса — в частности с тем, что произошло на Культисе, — и знали о почти чудесном восстановлении его раненого колена. Офицеры-дорсайцы с интересом наблюдали, как он со скоростью около десяти миль в час начал наматывать круги по дорожке стадиона. После первой мили он замедлил темп до восьми миль в час, и его пульс, который достигал ста семидесяти ударов в минуту, упал до ста сорока.

Первые четыре мили Клетус бежал довольно легко и дышал ровно. Но затем, хотя его скорость и не увеличивалась, пульс снова стал учащаться и к концу шестой мили достиг ста восьмидесяти ударов. Скорость начала падать. Восьмую милю он пробежал со скоростью семь миль в час, а девятую закончил на шести в час.

Он сделал еще два круга по стадиону и бежал уже почти в разминочном темпе. Ясно было, что он выдохся.

Некоторые из зрителей уже вставали с мест, горя желанием выйти на поле и поздравить Клетуса, заканчивающего десятую милю, очевидно, последнюю в этом необычном забеге.

— Одну минуту, джентльмены, — сказал Ичан Хан, — Если вы задержитесь еще на некоторое время…

Он повернулся и махнул Клетусу, который как раз пробегал мимо десятимильной отметки. Тот кивнул и продолжил бег.

Затем, к крайнему удивлению наблюдающих, произошло нечто непонятное. По мере того как Клетус бежал по дорожке, шаг его становился все тверже, а дыхание выравнивалось. Он не сразу набрал скорость, но его пульс, как было видно на экране, стал замедляться — сначала неравномерно. Упадет на несколько ударов — затем держится на одном уровне, потом еще немного вниз. Но бег продолжался, и пульс стал выравниваться. К тому времени как Клетус снова оказался перед наблюдавшими за ним офицерами, частота его пульса равнялась ста пятидесяти ударам в минуту.

А скорость бегуна начала увеличиваться! Не намного — он делал теперь шесть миль в час. Но скорость была постоянной, и Клетус продолжал описывать круги вокруг стадиона!

Он сделал еще шесть кругов — три мили, — и в конце

третьей его скорость и частота пульса все еще оставались прежними.

После этой третьей мили он перешел на шаг, еще раз, без каких-либо признаков усталости, обошел стадион и остановился перед группой офицеров. Дыхание и пульс — в норме.

— Вот и все, джентльмены, — сказал он, обращаясь к зрителям. — Теперь мне нужно немного времени, чтобы принять душ, но вы меня не ждите. Мы обо всем поговорим в доме Ичан Хана, в более удобной и уютной обстановке. Я присоединюсь к вам минут через двадцать, а пока обсудите то, что видели.

Он повернулся и пошел к раздевалке, расположенной в другом конце стадиона; офицеры, возбужденно переговариваясь, направились к аэробусу, чтобы долететь до дома полковника.

Стеклянная стена длинной гостиной была поднята, так что комната и внутренний дворик превратились в один большой холл. Подали напитки и закуски. Немного времени спустя к гостям присоединился Клетус.

— Как вам известно, — начал он, обращаясь к офицерам, усевшимся полукругом возле него, — все вы приглашены сюда, так как я надеюсь, что вы захотите принять участие в работе по созданию войсковой части принципиально нового типа, командование которой я собираюсь взять на себя. Во время подготовительного периода офицеры и солдаты будут жить только на пособие, без сохранения содержания, но впоследствии их жалованье по крайней мере вдвое превысит обычное. Само собой разумеется, мне нужны лучшие из лучших, и этим лучшим придется отдать не только все свое время, но и весь свой энтузиазм созданию нового войска, — Он сделал паузу, — То, что вы сегодня видели на стадионе, можно считать демонстрацией выносливости, по крайней мере в полтора раза превосходящей ту, которая определяется уровнем моей внутренней энергии и физической подготовки.

Клетус снова замолчал, посмотрел по очереди всем в лицо и только потом продолжил.

— Смею надеяться, — он говорил медленно и значительно, — что все солдаты и офицеры той воинской части, которую я создам, смогут к концу подготовительного периода умножить свои возможности, по крайней мере настолько же. Это первое предварительное условие для каждого, кто пожелает пуститься со мной в эту авантюру. — Он неожиданно улыбнулся, — А теперь расслабьтесь и отдохните. Побродите по дому, посмотрите мои самодельные снаряды для тренировок; пожалуйста, можете задавать любые вопросы. С теми, кто решит присоединиться к нам, мы снова встретимся здесь через несколько дней. Это все.

Офицеры встали, окружили столики с напитками и закусками. Гул голосов наполнил гостиную.

К вечеру большинство гостей уехали; двадцать шесть из них перед отъездом заявили Клетусу о своем желании служить под его началом. Еще столько же офицеров пообещали обдумать его предложение и связаться с ним в течение следующих двух дней. Осталась небольшая группа единомышленников Клетуса; после обеда они собрались в гостиной, где уже опустили стену, на совещание. Среди них были Арвид, плечо которого уже совсем зажило после ранения, майор Суахили и майор Дэвид ап Морган, чья семья жила в Форали.

Другие офицеры Ичана все еще находились в Бахалле, командуя армией дорсайцев, оставшихся охранять экзотскую колонию, после того как альянс отозвал свои войска вместе с генералом Бэтом Трейнором. На Земле в штабе альянса не разделили опасений генерала, связанных с этим отзывом; более того, там обрадовались неожиданной возможности получить почти полдивизии людей, крайне необходимых для выполнения военных операций в других новых мирах.

Кроме Арвида, ап Моргана, Суахили и полковника Хана, на совещании присутствовали два старых друга Ичана — полковник Ледерль Дарк и бригадный генерал Тоска Арас. Дарк, худой и лысый мужчина, имеющий несколько щегольской вид, казалось, состоял из одних лишь костей и мышц. Маленький, чисто выбритый Тоска Арас выглядел подтянутым и аккуратным; взгляд его бледно-голубых глаз был твердым, как дуло нацеленной винтовки.

— Тех, кто до конца недели не решит, присоединиться к нам или нет, не стоит и брать, — объявил Клетус. — А из тех, с кем я говорил сегодня, мы, по моим оценкам, получим пятьдесят хороших офицеров, десять из которых, пожалуй, отсеются во время подготовки. Так что нет смысла терять время, можно приниматься за составление графика тренировок. Мы займемся офицерами, а они потом подготовят солдат.

— Кто будет отвечать за занятия по выработке сверхэнергии? — спросил Ледерль Дарк.

— Сначала придется мне, — ответил Клетус. — В данный момент больше некому. И всем вам следует присоединиться к остальным офицерам. Другие занятия вы сможете проводить без моей помощи. Нужно просто проработать с ними, в общем-то, стандартные боевые задачи, только с точки зрения новой системы организации.

— Сэр, — обратился к нему Арвид, — извините меня, но я по-прежнему не понимаю, зачем нужно перекраивать всю

организационную структуру. Люди в ваших подразделениях будут чувствовать себя слишком непривычно.

— Это чувство не принесет особого вреда, — возразил Клетус. — Дело заключается в следующем: наши боевые подразделения должны быть похожи скорее на команду спортсменов в игровых видах спорта, нежели на подразделения старого типа. Тактика, которую они будут применять, — моя тактика не годится для армий, противостоящих друг другу в серьезном сражении. Она даст результаты, если ею воспользуются отдельные, почти независимо действующие группы, усилия которых координируются не столько иерархией командования, сколько тем, что, подобно хорошим игрокам команды, они отлично знают друг друга и могут предсказать поведение остальных в сложившейся ситуации, а также предвидеть реакцию товарищей на свои собственные действия.

Клетус внимательно оглядел присутствующих:

— Есть кто-нибудь, кто не понимает этого?

Ичан прокашлялся.

— Это мы как раз понимаем, Клетус, — сказал он, — Вы хотите сократить отделение до шести человек и разделить его на две команды по три человека в каждой. Из четырех отделений вы составляете группу, которой будет командовать старший или младший офицер, а две группы — это уже отряд. Все это достаточно просто, но откуда нам знать, как сработает такая система, пока мы не увидим практического результата?

— Ниоткуда, конечно же, ниоткуда, — кивнул Клетус. — Но пока ваша задача — хорошо усвоить теорию. Основной принцип заключается в том, что начиная с отдельного человека и кончая самым крупным войсковым соединением, находящимся в распоряжении общедорсайского военного командования, все должны действовать как один. То есть от каждого из трех солдат в любой команде требуется полная согласованность с двумя другими членами своей команды; они не пользуются никакой связью, кроме нескольких условных слов и сигналов, которые побуждают остальных к определенным, заранее известным действиям в ответ на любую возникшую ситуацию. Аналогичным образом работают две команды в любом из отделений. Точно так же четыре отделения обязаны функционировать как единый организм в каждой из сотни или более групповых операций. Две группы, как я уже говорил, взаимодействуют в составе одного отряда. Его командир, подготовленный соответствующим образом, должен уметь согласованно работать с другими командирами.

Клетус замолчал. В гостиной снова ненадолго воцарилась

тишина.

— Вы говорили, что представите нам модели ситуаций и поведения бойцов, — напомнил Тоска Арас. — Вы хотите разработать варианты совместных акций, которые будут начинаться после условного сигнала?

— Я их уже разработал, — ответил Клетус.

— Разработали? — Голос Араса чуть не сорвался от удивления. — Но их должны быть тысячи!

Клетус покачал головой.

— Чуть больше двадцати трех тысяч, если быть точным, — заявил он, — Но, мне кажется, вы упустили суть. Отделение включается в действия группы точно так же, как группа — в действия отряда. Короче говоря, это как язык, оперирующий двадцатью тремя тысячами слов. Существует бесконечное число комбинаций, но присутствует и логическая структура. Как только вы ею овладеете, выбор слов, чтобы составить предложение, становится строго ограниченным. Фактически каждый раз остается только один идеальный вариант.

— Зачем же все-таки тогда такая сложная организация? — спросил Дэвид ап Морган.

Клетус повернулся к молодому майору.

— Ценность системы, — сказал он, — не в том, что существует большое число тактических комбинаций для каждого из подразделений. Главное, что любые действия крупных подразделений подразумевают определенный спектр выбора для меньших подразделений, и каждый отдельный солдат, приняв условный сигнал, общий для отряда, к которому он относится, сразу определит, что требуется от всех отрядов, всех групп, отделений и от своей собственной команды.

Клетус снова замолчал.

— Короче говоря, — продолжал он через несколько секунд, — никто слепо не следует приказам, что отдает командующий. Вместо этого все, вплоть до отдельного солдата, до конца понимают суть происходящего, как любой член спортивной команды при совместных действиях. Поэтому всякие неправильно понятые или неверные приказы, недоразумения, нарушения связи и другие подобные вещи, которые могут отрицательно повлиять на исход сражения, исключаются. И не только: начиная с рядовых солдат, каждый нижестоящий готов занять место своего командира, ибо он обладает девяноста процентами тех знаний, что имел его командир в момент, когда выбыл из строя.

Арвид восхищенно присвистнул. Остальные офицеры посмотрели в его сторону. Среди присутствующих в комнате дорсайцев он единственный не имел боевого опыта. Молодой

человек смутился.

— Это революционная идея, — сделал вывод Тоска Арас, — Более чем революционная, если она сработает на практике.

— Должна сработать, — уверенно произнес Клетус.

— Ну, посмотрим, — Арас медленно поднялся, держа в руках толстую книгу, которую он получил, как и каждый из присутствующих, сразу же после обеда. — Старая собака, пытающаяся научиться новым трюкам, — в моем случае это не преувеличение. Если остальные не возражают, я пойду делать домашнее задание.

Он пожелал всем доброй ночи и вышел; за ним потянулись остальные. Остались только Ичан и Арвид. Арвид — для того, чтобы извиниться за свой свист.

— Понимаете, сэр, — откровенно объяснил он Клетусу, — просто до меня вдруг дошло. Я ведь ничего не понимал. А теперь вижу, как все это связано в единое целое.

— Хорошо, — кивнул Клетус. — Считай, для тебя половина дела уже сделана.

Арвид последовал за остальными. Клетус взглянул на Ичана:

— А вы понимаете, как все связывается в единое целое?

— Думаю, что да, — ответил тот, — Но не забывайте, последние полгода я жил вместе с вами и уже изучил большую часть тактических моделей из вашей книги.

Протянув руку, он взял бутылку, стоявшую на маленьком столике за выстроенными в ряд бокалами, и налил себе немного виски.

— Вам не следует ожидать многого в ближайшее время. — Он сделал глоток. — Любой военный хоть немного, да консервативен. Такова наша природа. Но они все освоят, Клетус. Быть дорсайцем для нас — значит не просто так называться, а и кое-что еще…

Ичан Хан оказался прав. Когда программа подготовки уже начала осуществляться, все, кто присутствовал на той встрече в гостиной, знали пособие наизусть. Клетус разделил пожелавших вступить в его армию офицеров на группы примерно по десять человек, и занятия начались.

Клетус вел курс, который назвал просто: «Расслабление». Он должен был научить пользоваться тем дополнительным источником энергии, наличие которой он продемонстрировал на стадионе Форали после того, как дошел до полного изнеможения. На первое занятие пришли шестеро, в том числе и Ичан, хотя он уже немного ознакомился с методикой. Последние пару месяцев Клетус обучал его и Мелиссу, и оба его ученика добились заметных успехов.

Но Ичан предположил, а Клетус с ним согласился, что его присутствие покажет остальным, что не только Клетус сумел достичь необыкновенных результатов.

Клетус начал занятие незадолго до полудня, после дневной нормы тренировок, включавшей «джунгли», бег и плавание. Дорсайцы утомились после физических упражнений, и желудки их были пустыми, так как со времени завтрака прошло уже немало времени. Короче говоря, все способствовало максимальному усвоению программы.

Клетус выстроил их за длинной стальной перекладиной, покоившейся на двух столбах на высоте плеч.

— Итак, — проговорил он, — сейчас вы все встанете на правую ногу. Можно вытягивать руки и касаться перекладины кончиками пальцев, чтобы удержать равновесие; поднимите также левую ногу и не опускайте ее до тех пор, пока я не дам команду.

Офицеры подчинились. Их позы были несколько нелепы, поэтому сначала некоторые даже смеялись, но улыбки исчезли, когда они начали уставать. Давление веса их тел на мышцы одной ноги стало причинять боль, и только тогда Клетус приказал им поменять ногу. Они стояли на левой ноге, пока мышцы икры и бедра не начали дрожать от напряжения. Клетус велел им опять поменять ногу, и так несколько раз, с сокращающимися интервалами, так как мышцы уставали все быстрее и быстрее. Вскоре офицеры стояли перед ним так нетвердо и неуверенно, словно до этого долгое время были прикованы к постели.

— Хорошо, — весело сказал Клетус. — А теперь встаньте на прямые руки, на этот раз можете удерживать равновесие, уперев ноги в перекладину.

Они выполнили его приказ, и Клетус отдал им следующий:

— Оторвите одну руку от земли. Стойте только на одной руке.

Они повторили все, что уже проделывали, когда стояли на ногах. Только руки их уставали значительно быстрее, чем ноги. Вскоре он разрешил им закончить упражнение, и они попадали на землю, не чувствуя ни рук, ни ног.

— Ложитесь на спину, — приказал Клетус. — Ноги выпрямить и развести в стороны, руки прижать к бокам. Не напрягайтесь, ложитесь так, чтобы вам было удобно. Смотрите на небо.

Они повиновались.

— А теперь, — Клетус медленно прохаживался вдоль ряда, — лежите расслабившись, пока я буду говорить. Смотрите на небо…

Небо было ярко-голубым, несколько облачков лениво плыли в

вышине.

— Сосредоточьте свое внимание на ощущениях в ваших руках и ногах теперь, когда они уже не испытывают нагрузок. Осознайте тот факт, что земля поддерживает вас, и будьте ей за это благодарны. Почувствуйте, какими тяжелыми и вялыми стали ваши руки и ноги. Скажите себе мысленно, что ваши конечности отяжелели и вы не можете шевельнуть ими. Смотрите на небо и повторяйте эти слова. Вы ощутили, каким тяжелым и расслабленным стало все ваше тело. Чувствуете, как расслабилась ваша шея, мышцы челюстей, лицо, вся голова. Произносите про себя, что все части вашего тела расслабились, и смотрите на небо. Я буду продолжать говорить, но вы не обращайте на меня внимания. Сосредоточьте все свое внимание на том, что вы сами говорите себе, что чувствуете и какое над вами небо…

Клетус продолжал ходить вдоль ряда и говорить. Через некоторое время уставшие люди, успокоенные своим расслабленным состоянием и медленным движением облаков, убаюканные приятными, монотонными звуками его голоса, перестали воспринимать смысл его слов. Арвиду, лежащему в конце ряда, казалось, что голос Клетуса ослабел и стал далеким-далеким, как все вокруг него. Лежа на спине, он не видел ничего, кроме неба. Только мягко давила трава на спину, не давая ему упасть. В бесконечной синеве медленно проплывали облака, и Арвид представлял, что он плывет вместе с ними.

Легкий толчок неожиданно и резко вернул его к действительности. Клетус, улыбаясь, стоял над ним.

— Хорошо, — произнес Клетус твердым тихим голосом, — Вставай и иди туда.

Арвид подчинился. Он отошел, куда показал Клетус, футов на десять в сторону. Остальные все еще лежали на земле, и Клетус что-то им говорил. Затем Арвид увидел, как он задержался у ног Дэвида ап Моргана и прикоснулся к подошве его правого ботинка.

— Хорошо, Дэвид, — Клетус продолжал свой путь. — Вставай и присоединяйся к Арвиду.

Глаза Дэвида резко открылись. Он поднялся и направился к Арвиду. Стоя в стороне, они наблюдали, как Клетус выводил из транса остальных офицеров, пока на траве не осталось никого, кроме Ичана, глаза которого были широко открыты.

Неожиданно хмыкнув, Клетус замолчал.

— Хорошо, Ичан, — сказал он. — Бессмысленно пытаться погрузить вас в сон. Ступайте к остальным.

Когда все собрались вместе, взгляды офицеров вновь устремились на Клетуса.

— Смысл заключается не в том, чтобы заснуть. Но пока это не ваша забота. Кто из вас помнит чувство, похожее на ощущение парения, до того как вы отключились?

Арвид и еще трое офицеров подняли руки, Ичан был одним из них.

— Ну, на сегодня все, — объявил Клетус. — Завтра проделаем то же самое, но без предварительной нагрузки на мышцы. Вернувшись к себе, попробуйте повторить все сами, по меньшей мере раза три. Если хотите, можете попытаться таким образом заснуть. Мы соберемся здесь завтра в это же время.

Следующие несколько занятий Клетус работал со своими учениками над тем, чтобы все они могли достичь состояния парения, не засыпая. Когда этот этап был пройден, они стали овладевать навыками самоконтроля над болью и над некоторыми другими ощущениями. Затем он научил их, как переходить из расслабленного состояния в движение, — сначала заставляя их достичь чувства парения стоя, потом продвигаясь медленно и ритмично вперед и, наконец, занимаясь практически любой деятельностью, даже самой активной. После этого они могли уже использовать состояние транса при различных типах самоконтроля.

Прошло почти три месяца, программа была исчерпана, и первые ученики Клетуса, в свою очередь, стали учителями других офицеров, которым потом следовало обучить солдат, находящихся под их командованием.

Как раз в это время Клетус получил пакет с материалами, присланный ему с Земли специальной службой, в которую он обратился, прежде чем покинуть Басаллу. В кабинете Ичана он занялся изучением его содержимого.

Все было очень просто. Коалиция, воодушевленная несколькими зажигательными речами Дау де Кастриса, собиралась заявить протест против использования наемных войск, в частности дорсайцев, на новых мирах.

Клетус отнес пакет в свой кабинет и убрал его. Выйдя на террасу, он увидел там Мелиссу с книгой в руках.

Клетус постоял немного, наблюдая за девушкой. Ее лицо казалось умиротворенным и каким-то повзрослевшим.

Он двинулся к ней. Услышав шаги, она оторвалась от книги и взглянула на него. Некоторое время он смотрел на нее очень серьезно, а затем спросил:

— Ты выйдешь за меня замуж, Мелисса?

Синева ее глаз была такой же бездонной, как сама Вселенная. И вновь, как было уже однажды в госпитале, в Бахалле, взгляд ее, казалось, разрушил стену одиночества, которую он построил

вокруг себя. Она долго смотрела на него, прежде чем ответить.

— Если ты действительно этого хочешь, Клетус, — произнесла она наконец.

— Хочу, — твердо сказал он.

Глава 19

Свадьба должна была состояться через две недели. Тем временем Клетус, видя, что планы его по созданию на Дорсае вооруженных сил нового типа стали претворяться в жизнь, отправился на Культис, в Бахаллу, чтобы переговорить с Мондаром, и далее — на Ньютон, в поисках нанимателей для своей новой армии дорсайцев.

В Бахалле Мондар пригласил его к себе на ужин. За столом Клетус ввел экзота в курс дела. Мондар слушал с интересом, заметно возросшим, когда Грэйем перешел к рассказу о выработке специальных навыков самоконтроля, которым по его инициативе обучали будущих офицеров и солдат его армии.

После ужина они вышли на одну из многочисленных террас дома и продолжили разговор под усыпанным звездами небом.

— А там, должно быть, ваша вторая планета, Мара, — Клетус показал на желтоватую звезду, блестевшую низко над горизонтом. — Как я понимаю, у вас там тоже довольно большая колония.

— О да, — задумчиво ответил Мондар.

— Жаль, — сказал, поворачиваясь к нему, Клетус, — что она не свободна от влияния альянса и коалиции, как теперь Культис.

Мондар оторвал взгляд от звезды и повернулся лицом к Клетусу.

— Вы хотите предложить экзотам нанять вашу новую армию для того, чтобы выбить войска альянса и коалиции? — усмехнулся он, — Клетус, помощь, оказанная вам, и так уже довольно сильно отразилась на наших финансах. Кроме того, завоевание других народов и территорий в принципе идет вразрез с нашей философией.

— А я ничего подобного и не предлагаю, — Он устремил безмятежный взгляд на собеседника. — Я только прошу вас обдумать возможность строительства электростанции на Северном полюсе Мары.

На какое-то мгновение Мондар потерял дар речи.

— Электростанция? — медленно и тихо повторил он наконец. — Клетус, что еще за новая хитрость?

— Едва ли это хитрость, — возразил Клетус. — Скорее попытка правильно оценить ситуацию на Маре с экономической и других точек зрения. Альянс и коалиция находятся на пределе экономических возможностей, стараясь сохранить свое влияние в различных колониях новых миров. Здесь, на Культисе, они оказались не у дел, но они по-прежнему сильны на Маре, на

Фрайлянде и Новой Земле, на Ньютоне и Кассиде и даже, до определенной степени, на самых молодых из миров Солнечной системы — Марсе и Венере. Сейчас отношения между обеими группировками обострились до предела. Рано или поздно они неизбежно дадут трещину, и, скорее всего, первым не выдержит альянс, который потратил больше средств и сил на поддержку колоний в новых мирах, чем коалиция. И тогда, если альянс — или коалиция — сойдет со сцены, оставшийся получит все то влияние, которым раньше обладал его противник. Вместо двух больших спрутов, протянувших свои щупальца ко всему, что есть в новых мирах, появится один громадный спрут. Вы ведь этого не хотите?

— Нет, — прошептал Мондар.

— Тогда в ваших интересах, чтобы, скажем, на Маре ни альянс, ни коалиция не взяли верх, — продолжал рассуждения Клетус. — После того как мы позаботились о Ньюлэнде, а вы предложили силам альянса покинуть планету, людей, которых отозвал альянс, направили туда, где альянс мог не выдержать противостояния коалиции. Коалиция же своих людей из Ньюлэнда — а их там было не так уж и мало — послала на Мару. Таким образом, коалиция сделала шаг к тому, чтобы одержать верх над альянсом на Маре.

— Итак, если я вас правильно понял, вы предлагаете нам нанять ваших дорсайцев, чтобы они навели на Маре порядок? — Мондар чуть ли не с жалостью смотрел на Клетуса. — Разве я вам не говорил, что, согласно нашей философии, нецелесообразно улучшать свое положение посредством военных завоеваний или других насильственных акций? Клетус, империи, созданные при помощи оружия, построены на песке.

— Что ж, в таком случае песок под Римской империей был неплохо утрамбован, — усмехнулся Клетус. — Но повторяю, ничего подобного я вам не предлагал. Я лишь просил вас обдумать возможность строительства электростанции. Ваша колония на Маре расположена в субтропическом поясе, на одном из больших континентов. Соорудив электростанцию на Северном полюсе, вы не только распространите свое влияние на субарктические районы, но и сможете продавать электроэнергию всем маленьким независимым колониям, находящимся в умеренных зонах. Ваши завоевания на этой планете окажутся исключительно мирными, так как не выйдут за рамки экономической сферы.

— Все маленькие колонии, о которых вы упомянули, — осторожно заметил Мондар, слегка наклонив голову и искоса наблюдая за Клетусом, — находятся под влиянием коалиции.

— Это даже к лучшему, — улыбнулся Клетус. — Коалиция не может позволить себе строительство электростанции.

— А разве мы в состоянии себе это позволить? — всплеснул руками Мондар. — Клетус, Клетус, мне кажется, вы думаете, что экзоты сделаны из денег.

— Вовсе нет, — пожал плечами Клетус. — Вам придется только оплатить основную рабочую силу, необходимую для строительства станции. И я полагаю, вам удастся заключить соглашение о покупке в кредит оборудования и найме специалистов, необходимых для ее запуска.

— С кем? — мрачно поинтересовался Мондар. — С альянсом? Или с коалицией?

— Ни с кем из них, — живо ответил Клетус. — Кажется, вы забыли, что здесь, в новых мирах, существует еще одна группа колоний, и притом весьма преуспевающих.

— Вы имеете в виду научные колонии на Ньютоне? — Мондар покачал головой, — Их философские концепции полностью противоположны нашим. Они выступают за изолированное общество, которое должно по возможности избегать каких-либо контактов. Мы же ценим индивидуализм, но цель нашего существования — забота обо всем человечестве. — Мондар вздохнул. — Согласен, что мы должны искать пути сближения и обходить эмоциональные барьеры между нами и другими людьми. Но это не так просто. И потом, в любом случае финансовые дела ньюлэндцев обстоят не лучше наших. С какой стати они предоставят нам кредит, оборудование и услуги высококвалифицированных специалистов?

— Но к тому времени, как срок соглашения истечет, эта электростанция с лихвой окупит их затраты. И вы выплатите им и кредит, и проценты за него, — объяснил Клетус.

— Оно, конечно, так, — кивнул Мондар, — Но человек, имеющий скромные доходы, не станет вдруг заниматься рискованными и не приносящими немедленной выгоды делами. Он предоставит эту возможность тем, кто побогаче и в состоянии позволить себе финансовые потери. Если он, конечно, не дурак. А эти ньютонцы, кем бы они ни были, не дураки. Они даже слушать нас не станут.

— Может быть, и станут, — возразил Клетус, — если сделать им предложение должным образом. Не исключено, что мне удалось бы убедить их, если вы, конечно, захотите предоставить мне подобные полномочия. Я как раз направляюсь туда с предложением нанять часть моих дорсайцев, прошедших спецподготовку.

Несколько секунд Мондар смотрел на него, прищурившись.

— Меня вы убедили лишь в том, — сказал он, — что у вас нет ж малейшего шанса уговорить их сделать что-либо подобное. Однако, если бы вам это удалось, мы бы от этого только выиграли — и немало. К тому же вряд ли мы что-нибудь потеряем, если вы попытаетесь… Я могу обсудить ваши проекты с другими членами сообщества — и идею о строительстве станции, и ваше предложение насчет ньютонцев… Хотите?

— Отлично. Сделайте это, — кивнул Клетус. Он направился к дому. — Ну что ж, тогда мне следует поторопиться. Я хочу проверить войска дорсайцев, находящихся здесь, у вас, и организовать их отправку назад, на Дорсай, для переподготовки. К концу недели мне нужно уже быть на пути к Ньютону.

— К этому времени я получу ответ, — заверил его Мондар, последовав за ним.

У дверей дома он вновь с любопытством посмотрел на Клетуса:

— Должен сказать, что не понимаю, какую выгоду извлечете из всего этого вы.

— Непосредственно — никакой, — произнес Клетус. — И мы, дорсайцы, тоже — мне надо привыкать так говорить о себе. Но разве не вы мне однажды сказали: все, что продвигает человечество в целом вперед, также способствует движению экзотов к их далекой цели?

— Значит, сейчас вас интересует наша далекая цель? — спросил Мондар.

— Нет, меня интересует моя собственная, — ответил Клетус. — Но в данном случае они сходятся.

Следующие пять дней он провел в Бахалле, знакомя дорсайских офицеров с программой переподготовки войск на Дорсае. Он пригласил желающих присоединиться к своим товарищам, уже приступившим к занятиям. Он также оставил примерный план отправки войск на Дорсай — план, согласно которому его люди с Дорсая заменят тех, кто пожелает пройти переподготовку и, кстати, будут получать все это время их жалованье. Дорсайцы, базировавшиеся в Бахалле, встретили предложение Клетуса с энтузиазмом.

Итак, Грэйему не пришлось увеличивать заем, о котором он договорился с экзотами, так как отпала необходимость искать работу для тех дорсайцев, подготовка которых уже закончилась.

В конце недели он отправился на Ньютон, увозя с собой верительные грамоты, полученные от экзотов и предоставляющие ему полномочия вести переговоры с правительственной комиссией планеты относительно строительства электростанции. Он собирался коснуться этого вопроса, обсудив главную тему —

найм дорсайцев.

На следующий же день после прибытия Клетуса в Бэйль была назначена его встреча с председателем. Бэйль, самый большой город на Ньютоне, фактически являлся столицей Передовых объединенных сообществ (ПОС), как называли себя колонии технических и научных эмигрантов. Председателя, худого, достаточно высокого человека с моложавым лицом, звали Артур Валько. Он встретился с Клетусом в большом кабинете, отличавшемся почти стерильной чистотой.

— Я не совсем понимаю, о чем мы будем говорить, подполковник, — начал Валько, когда они сели друг против друга за стол, на котором не было ничего, кроме пульта управления. — У сообществ в настоящее время хорошие отношения с большинством остальных колоний планеты.

Клетус улыбнулся.

— Значит, моя информация неверна? — произнес он, отодвигая стул и приподнимаясь, — Извините меня, я…

— Нет-нет. Садитесь. Пожалуйста, садитесь! — поспешно остановил его Валько. — Раз уж вы проделали такой длинный путь, я, по крайней мере, должен выслушать то, что вы хотите мне сообщить.

— Но если нет необходимости слушать… — настаивал Клетус, однако Валько махнул рукой.

— Садитесь, подполковник. Как я уже говорил, в данный момент здесь не нужны ваши легионеры. Но любой здравомыслящий человек знает, что в мире нет ничего стабильного. Кроме того, ваша информация заинтересовала нас. Вы утверждаете, что вам удалось поднять уровень боеспособности своих войск. По правде говоря, я не понимаю, как отдельный человек может при современных способах ведения войны хоть сколько-нибудь заметно повлиять на исход сражения. Что из того, что каждый из ваших солдат стал действовать более эффективно? Он по-прежнему представляет собой пушечное мясо, не так ли?

— Не всегда, — ответил Клетус. — Иногда он стоит за пушкой. В особенности это касается наемников, и, следовательно, боеспособность отдельного солдата приобретает решающее значение.

— О! Каким образом? — Валько в недоумении поднял тонкие черные брови.

— Задача наемников не в том, чтобы дать себя убить, — объяснил Клетус. — Их дело — выполнить боевую задачу и остаться в живых. Чем меньше жертв, тем выгоднее и самому наемнику, и его нанимателю.

— Нанимателю? — Глаза Валько впились в Клетуса.

— Тот, кто нанимает солдат, — пояснил свою мысль Клетус, — находится в положении обычного бизнесмена, оказавшегося лицом к лицу с работой, которую необходимо выполнить. Если стоимость наемной силы превышает возможную прибыль, то бизнесмену выгоднее оставить работу несделанной, и наоборот, если затраты на нее меньше получаемой прибыли, то найм исполнителей — самое рациональное решение. Речь о том, что при наличии наемного войска с повышенной боеспособностью те военные действия, которые раньше не имели смысла, становятся выгодными для нанимателей. Предположим, что существует некая спорная территория, где находятся какие-нибудь ценные природные ресурсы… например, стибнитовые шахты…

— Стибнитовые шахты колонии Броза, которые украли у нас! — возбужденно выпалил Валько.

— Именно эту ситуацию я и имел в виду, — кивнул Клетус. — Несколько очень ценных шахт в глуши, протянувшихся на сотни миль во всех направлениях среди болот и лесов, в настоящее время разрабатываются и удерживаются отсталой колонией охотников и земледельцев. Колония владеет этими шахтами благодаря войскам, присланным коалицией, а коалиция к тому же стрижет купоны с тех высоких цен, которые она назначает за сурьму, извлекаемую из стибнита.

Клетус замолчал и многозначительно посмотрел на своего собеседника. Лицо Валько потемнело:

— Эти шахты открыли мы, и мы же их разрабатывали на земле, которую купили у колонии Броза, — сказал он, — Коалиция даже не пыталась скрыть тот факт, что именно они подтолкнули Брозу к их экспроприации. Это было пиратство, в буквальном смысле слова пиратство. — Валько стиснул челюсти и устремил горящий взгляд на Клетуса. — Вы выбрали интересный пример, — медленно произнес он. — В качестве теоретических рассуждений давайте поговорим о расходах и выгоде, которую может принести использование ваших дорсайцев в данном конкретном случае…

…Неделю спустя Клетус летел назад на Дорсай с трехмесячным контрактом для двух тысяч солдат и офицеров. Он сделал остановку в Бахалле на Культисе, чтобы сообщить экзотам, что их долг уже начинает погашаться.

— Мои поздравления, — произнес Мондар, — У Валько репутация человека, с которым неимоверно трудно иметь дело. Вы много усилий приложили, чтобы его убедить?

— Убеждать никого не пришлось, — ответил Клетус. — Прежде чем с ним встретиться, я изучил ситуацию на Ньютоне на

предмет возможных обид и конфронтации. Стибнитовые шахты, которые являются, по сути, единственным местным источником сурьмы на Ньютоне, показались мне идеальным предметом для переговоров. В своем сообщении я расписал все преимущества наших войск, которые как раз могут быть востребованы в подобной ситуации, но даже не упомянул о стибнитовых шахтах. Конечно, он не мог не связать данную ему информацию с этой болезненной темой. Думаю, он решил нанять нас, чтобы вернуть себе эти шахты, еще до того, как встретился со мной. Если бы я не затронул эту проблему, он сделал бы это сам.

Мондар восхищенно улыбнулся и покачал головой:

— И вы воспользовались его хорошим настроением, чтобы попросить его рассмотреть план строительства электростанции на Маре?

— Да, — подтвердил Клетус, — Вам придется направить к ним представителя для подписания документов, но думаю, он сам будет из кожи вон лезть, чтобы заключить договор.

Улыбка исчезла с лица его собеседника.

— Вы хотите сказать, что он серьезно заинтересовался проектом? — изумился Мондар, — Его привлекло предложение поставить ценное оборудование и специалистов просто в обмен на надежду получить прибыль в далеком будущем?

— Он не просто заинтересовался, — заметил Клетус, — Валько довольно решительно настроен ни в коем случае не упустить этот шанс. Вы даже можете ставить дополнительные условия.

— В это трудно поверить, — воскликнул Мондар. — Во имя вечности, как вам удалось добиться невозможного?

— Ничего особенного, — ответил Клетус. — После того как наш разговор о дорсайцах был закончен, я тонко намекнул ему, что направляюсь на Землю, где у меня есть кой-какие связи, поэтому я надеюсь получить у альянса средства, необходимые для строительства электростанции на Маре. Конечно, он заинтересовался — думаю, сначала возможностью получить такую же помощь от альянса для Ньютона. Но затем я, как бы между прочим, упомянул о некоторых финансовых выгодах, которые со временем получит альянс в обмен на свою помощь, и, похоже, заставил его задуматься.

— Да, — пробормотал Мондар, — Аппетит Ньютона относительно доходов нельзя назвать плохим.

— Вот именно, — подхватил Клетус. — И как только он продемонстрировал этот аппетит, я понял, что он у меня на крючке. Я продолжал заманивать его дальше и дальше, пока он не признался, что Передовые объединенные сообщества, возможно, и

сами могут внести свою лепту в этот проект — например, поставить двадцать процентов оборудования или такое же количество квалифицированного персонала в обмен на не более чем пятилетнюю закладную на собственность здесь, в Бахалле.

— Он так сказал? — Мондар задумался, — Конечно, цена высока, но учитывая, что наши шансы на получение денег у альянса практически равны нулю…

— Именно так я ему и заявил, — перебил его Клетус. — Цена слишком высокая, до смешного высокая. Фактически я рассмеялся ему в лицо.

— Рассмеялись? — В голосе Мондара проскользнули холодные нотки. — Клетус, это было неразумно. Подобное предложение от председателя Совета Ньютона…

— …едва ли можно назвать серьезным, что я откровенно и высказал ему, — закончил фразу Клетус. — Вряд ли я бы взял на себя миссию передать вам такое оскорбительное предложение. Я объяснил ему, что у меня есть обязательства перед моими дорсайцами поддерживать хорошие отношения с правительствами всех независимых колоний в новых мирах. Я выразил сомнение, стоило ли мне вообще затрагивать в разговоре с ним эту тему. Меня ведь уполномочили говорить об этом только с моими близкими знакомыми на Земле.

— И он это вытерпел? — Мондар смотрел на Клетуса во все глаза.

— Он не только вытерпел это, — улыбнулся тот. — Он стал извиняться и сделал более реальное предложение. Однако я все говорил о своих сомнениях, а он в свою очередь продолжал менять свои условия, пока наконец не изъявил желание поставить необходимое оборудование и нужное количество квалифицированных специалистов для пуска электростанции. Я — с неохотою — согласился передать это предложение вам, прежде чем отправлюсь на Землю.

— Клетус! — Глаза Мондара загорелись. — Вы провернули блестящую операцию!

— Пока нет, — возразил Клетус. — Ньютонцы все еще требовали собственность Бахаллы в качестве залога плюс закладную на саму электростанцию. Я должен был улететь на следующий день и рано утром, перед стартом, отправил ему послание, в котором сообщалось, что ночью я все обдумал и теперь абсолютно не сомневаюсь в том, что альянс с радостью согласится финансировать проект, получив закладную только на саму станцию. Я решил все-таки отклонить его предложение, — заявил я, — и отправляюсь прямиком на Землю.

Мондар медленно выдохнул.

— Имея в руках такое предложение, — тихо сказал он, и голос его — не будь Мондар экзотом — мог бы показаться скорбным, — вы осмелились блефовать!

— Никакого особенного риска не было, — запротестовал Клетус, — К этому времени он уже успел убедить себя, что должен заполучить этот проект любой ценой. Так что вам остается только послать кого-нибудь на Ньютон, чтобы подписать документ.

— Вы можете быть уверены, что мы не станем тратить время зря! — Мондар воспрял духом. — Мы ваши должники, Клетус. Полагаю, вы это понимаете.

— Странные мысли приходят вам в голову, — проговорил Клетус серьезно. — Я надеюсь, что экзоты и дорсайцы имеют более прочный фундамент для дружеских отношений, чем просто взаимные одолжения.

Он вернулся на Дорсай через восемь дней по корабельному времени. Две тысячи солдат, нанятых Ньютоном, уже были готовы к отправке. Из них только пятьсот прошли обучение. Остальные полторы тысячи — дорсайцы, еще не получившие специальную подготовку. Однако этот факт не имел особого значения, так как, согласно предположениям Клетуса, они отправлялись, можно сказать, на прогулку.

Перед отъездом на Ньютон — ибо Клетус должен был отправиться туда вместе со своими дорсайцами — он решил довести до конца еще одно дело: брак с Мелиссой. Переговоры в Бахалле и на Ньютоне задержали его. В результате он прибыл — сообщив заранее, что успеет на церемонию, даже если ему придется украсть для этого корабль, — за сорок минут до назначенного времени. Но первое, что он услышал, — это то, что все его старания и спешка были напрасны.

— Она говорит, что передумала, вот и все, — тихо сообщил ему Ичан Хан, когда они остались одни в столовой. За плечом застывшего в напряжении Ичана Клетус увидел капеллана своей новой дорсайской части; как и другие гости, он не подозревал о внезапном изменении планов невесты.

— У нее появились какие-то сомнения, — растерянно продолжал Ичан. — Она говорит, что должна увидеть тебя. Я ее не понимаю. Раньше понимал, до встречи с де Кастрисом… — Он осекся, — А теперь нет.

— Где она? — спросил Клетус.

— В саду, в беседке, — ответил Ичан.

Клетус повернулся и через двери столовой вышел прямо в сад.

Оказавшись вне поля зрения Ичана, он сделал круг и пошел к

парковочной площадке, где стояла взятая напрокат машина, на которой он прилетел из Форали.

Клетус достал с сиденья дипломат и открыл его. Внутри лежал поясной ремень с пистолетом. Он надел его, оставив кобуру открытой. Затем направился в сад.

Мелисса была в беседке. Она стояла спиной к нему, положив руки на перила и глядя сквозь кусты на далекие вершины гор. При звуке его шагов по деревянному полу беседки она повернулась к нему.

— Клетус! — воскликнула она. Цвет ее лица и его выражение были обычными, но чувствовалось, что она нервничает, — Отец тебе сказал?

— Да, — Он остановился перед ней, — Ты должна пойти в дом и переодеться. Иначе тебе придется участвовать в церемонии в этом наряде.

Ее глаза слегка расширились, во взгляде появилась неуверенность.

— Участвовать в церемонии? Клетус, я думала, ты уже поговорил с отцом…

— Я поговорил, — ответил он.

— Тогда… — Она непонимающе смотрела на него. — Клетус, ты разве не понял? Я ведь сказала ему: все не так! Просто не так — и все. Я не знаю, что именно не так, но я не выйду за тебя замуж!

Клетус взглянул на нее. И когда она снова подняла глаза, выражение ее лица изменилось. Такой Клетус видел ее только один раз. Это было, когда он вылез, живой и невредимый, из канавы, где, притворившись мертвым, уничтожил с помощью «оборотня» ньюлэндских партизан, напавших на их бронированную машину на пути в Бахаллу.

— Ты не… ты же не думаешь, — начала она почти шепотом, но голос ее тут же стал твердым, — что можешь силой заставить меня выйти за тебя замуж?

— Церемония состоится, — отрезал он.

Она вздрогнула, не веря своим ушам.

— Ни один дорсайский священник не обвенчает нас против моей воли.

— Мой армейский священник сделает это, если я прикажу, — твердо заявил Клетус.

— Обвенчает дочь Ичан Хана? — вдруг взорвалась она. — И что же, по-твоему, мой отец будет просто стоять и наблюдать за тем, что происходит?

— Очень надеюсь на это. — Клетус медленно и многозначительно произнес эту фразу.

Мелисса застыла в оцепенении:

— Ты… — Голос ее задрожал, и она замолчала.

Дочь офицера, она не могла не заметить, что среди приглашенных на бракосочетание оказалось вдвое больше тех, кто был связан с Клетусом, чем друзей ее отца. Но в глазах ее, устремленных на жениха, все еще стояло изумление. Она никак не могла поверить в реальность происходящего.

— Но ты ведь не такой. Ты не… — Голос ее снова сорвался. — Отец — твой друг!

— Ты должна стать моей женой, — Клетус был непреклонен.

И тут взгляд ее впервые упал на незастегнутую кобуру с пистолетом.

— О боже! — Она закрыла руками лицо. — А я думала, Дау жестокий… Я никогда не соглашусь. Когда священник спросит меня, согласна ли я стать твоей женой, я отвечу «нет».

— Ради отца, — сказал Клетус, — надеюсь, ты не сделаешь этого.

Ее руки безвольно упали. Она была словно в трансе.

Клетус шагнул к ней, взял за руку и повел ее через сад, через калитку в ограде и дальше — в столовую. Она не сопротивлялась. Ичан был все еще там и быстро повернулся к ним, когда они вошли. Он поставил бокал и сделал шаг навстречу.

— А, вот и вы! — воскликнул он. Его взгляд задержался на дочери. — Мелли! Что случилось?

— Ничего, — спокойно произнес Клетус. — В конце концов оказалось, что никаких проблем нет. Мы собираемся обвенчаться.

Взгляд Ичана метнулся к Грэйему.

— Правда? Это так, Мелли? Все в порядке?

— Все в порядке, — заявил Клетус, — Скажите священнику, что мы уже готовы.

Ичан не шевельнулся. Его взгляд скользнул вниз и остановился на пистолете. Он снова посмотрел на Клетуса, затем на Мелиссу.

— Я хочу услышать твой ответ, Мелли, — медленно произнес он. Его серые глаза отливали сталью. — Ты мне еще не сказала, что все в порядке.

— Все в порядке. — Она едва шевельнула губами. — Отец, это ведь была твоя идея, чтобы я вышла замуж за Клетуса, не так ли?

— Да, — подтвердил Ичан.

Казалось, выражение его лица оставалось прежним, но неожиданно весь он как-то изменился, словно все эмоции исчезли, уступив место спокойной решимости и целеустремленности. Он сделал шаг вперед и теперь стоял почти

между ними, глядя прямо в лицо Клетуса.

— Но, возможно, я ошибался, — вздохнул он.

Его правая рука легла на руку Клетуса там, где она сжимала запястье Мелиссы. Пальцы Ичана сжали большой палец Клетуса, словно хотели сломать его.

Клетус слегка прикоснулся другой рукой к кобуре с пистолетом.

— Пошли, — спокойно обратился он к Ичану.

На какой-то один, казавшийся бесконечным, миг все замерли; затем Мелисса встала между ними — лицом к отцу и спиной к Клетусу, все еще не отпускавшему ее руку, которую ей пришлось отвести за спину.

— Отец! Что с тобой случилось? Я думала, ты будешь счастлив, если мы поженимся!

Клетус отпустил наконец ее руку, и Мелисса тут же прижала ее к груди. Плечи ее высоко вздымались в такт глубоким вздохам. Какое-то мгновение Ичан тупо смотрел на нее, затем тревога и замешательство появились в его взгляде.

— Мелли, я думал… — Он запнулся и умолк.

— Что, отец?

Он бросил на нее полный смятения взгляд.

— Я не знаю! — неожиданно взорвался он. — Я тебя не понимаю, девочка. Я совсем тебя не понимаю.

Ичан резко повернулся и шагнул к столу; схватив свой бокал, он одним глотком осушил его.

Мелисса подошла к отцу, на секунду обняла его за плечи и прижалась к нему. Затем, повернувшись к Клетусу, коснулась холодными пальцами его запястья. Глаза ее казались странно глубокими, и в них уже не было ни гнева, ни отчаяния.

— Пошли, Клетус. Пора начинать церемонию.

Прошло несколько часов, прежде чем они смогли остаться наедине. Гости проводили их до спальни хозяина в новом, недавно построенном доме Грэйем-хаус. Только когда дверь за Клетусом и Мелиссой захлопнулась, они наконец стали расходиться, и эхо их веселых голосов постепенно стихло.

Мелисса устало опустилась на край огромной кровати. Она взглянула на Клетуса, стоявшего у окна.

— Скажи, чего ты добиваешься? — обреченно спросила она.

Он посмотрел на нее. Тот момент, который он предвидел, когда предлагал ей выйти за него замуж, настал. Он собрал все свое мужество, чтобы достойно встретить его.

— Это будет только формальный брак, — сказал он. — Через пару лет ты сможешь его аннулировать.

— Зачем же ты тогда вообще на мне женился? — В ее голосе

не чувствовалось ни упрека, ни неприязни.

— Де Кастрис вернется в новые миры не позже чем через год, — неторопливо произнес Клетус. — Он просил тебя перед этим прилететь на Землю. Выйдя за меня замуж, ты потеряла гражданство Земли. Теперь ты дорсайка. Ты не имеешь права лететь к нему, для этого тебе понадобилось бы аннулировать наш брак и подать прошение о восстановлении гражданства Земли. Но ты не можешь сделать это, не сообщив Ичану, что я заставил тебя выйти за меня силой. Ты знаешь, что произойдет в этом случае, ты ведь пару часов назад согласилась на церемонию, чтобы этого избежать.

— Я бы никогда не позволила вам двоим убить друг друга. — Голос ее звучал странно.

— Теперь тебе придется два года подождать. После этого ты будешь свободна.

— Но почему? — спросила она. — Почему ты это сделал?

— Ичан последовал бы за тобою на Землю, — ответил Клетус. — На это и рассчитывал Дау. А как раз этого я допустить не мог. Мне нужен Ичан — для того чтобы осуществились мои планы.

В течение разговора взгляд его был все время направлен на нее, но, произнося последнюю фразу, он отвел глаза. Теперь он смотрел сквозь высокое, наполовину зашторенное окно на вершины гор: их постепенно скрывала туманная дымка начинавшегося дождя, который через несколько дней перейдет в первый осенний снег.

Мелисса долго молчала.

— Значит, — решилась она наконец, — ты никогда меня не любил?

Он открыл было рот, чтобы сказать ей все, но в последнюю секунду с губ его слетели совсем не те слова, которые он собирался произнести.

— Разве я когда-нибудь говорил тебе о любви? — Он повернулся и вышел из комнаты, прежде чем она успела остановить его.

Глава 20

На следующее утро Клетус занялся подготовкой к отправке на Ньютон своих солдат.

Прошло несколько дней; он сидел в своем кабинете, и Арвид сообщил ему, что в приемной ждет новый дорсайский эмигрант, который хочет с ним поговорить.

— Думаю, вы помните его, сэр, — добавил Арвид, глядя на Клетуса довольно мрачно. — Бывший лейтенант экспедиционных сил альянса Уильям Этайер.

— Этайер? — переспросил Клетус. Он отодвинул бумаги, лежавшие перед ним на столе, в сторону. — Пусть войдет.

Арвид вышел из кабинета. Через несколько секунд в дверях показался Билл Этайер, которого Клетус видел в последний раз на вокзале в Бахалле, когда тот, пьяный, устроил скандал. Лейтенант был одет в коричневую форму дорсайских наемников. На месте лейтенантских нашивок бросались в глаза нашивки офицера, проходящего испытательный срок.

— Входите, — пригласил его Клетус. — И закройте за собой дверь.

— Очень любезно с вашей стороны принять меня, сэр, — медленно проговорил Этайер. — Думаю, вы не ожидали, что я появлюсь вот так…

— Напротив, — ответил Клетус. — Я вас ждал. Садитесь.

Он показал на стул напротив своего стола. Лейтенант нерешительно сел.

— Я не знаю, как извиниться перед вами, — начал он.

— Тогда и не извиняйтесь, — пожал плечами Клетус. — Как я понимаю, ваша жизнь изменилась.

— Изменилась! — Глаза Этайера загорелись, — Сэр, вы помните вокзал Бахаллы… Тогда я принял твердое решение. Я собирался прочитать все, что вы когда-либо написали, — прочесывать все мелким гребнем, пока не найду какую-нибудь ошибку, которую я смог бы использовать против вас. Вы говорите, что не надо извиняться, но…

— И это действительно так, — обронил Клетус. — Продолжайте. Что еще вы хотели мне сказать?

— Ну, я… вдруг начал понимать все это… — снова заговорил Этайер. — Ваши теории стали обретать смысл для меня, и я принялся выискивать все, что еще можно было найти по военному искусству в той библиотеке в Бахалле. Но то, что я нашел, не содержало ничего нового для меня. Только ваши книги были другими… Они мне открыли глаза!

Клетус улыбнулся.

— Да-да, не смейтесь! — воскликнул Этайер. — Я вот что имею в виду. У меня всегда были проблемы с математикой, я не кончал академии, вы это знаете. Я попал в армию в результате одной из программ подготовки офицеров резерва и всегда пропускал в учебниках те места, где шла математика. Я делал так, пока однажды не наткнулся на стереометрию. И тогда вдруг все цифры и фигуры соединились в одно целое, и это было прекрасно. Ну, вот так я понял ваши работы, сэр. Совершенно неожиданно искусство и наука военной стратегии слились воедино. И все то, о чем я мечтал в детстве — о великих подвигах, — вдруг стало возможным. И это касается не только военного дела, но и любой области.

— Вы увидели это в моих книгах? — поинтересовался Клетус.

— Увидел! — Этайер медленно вытянул руку и сжал пальцы в кулак. — Я увидел это ясно и отчетливо. Сэр, никто толком не знает, что есть в этих трех написанных вами томах. Суть отнюдь не в том, что ваша работа предлагает сейчас, а в том, что она предлагает в будущем.

— Спасибо, — кивнул Клетус. — Я рад слышать это. А теперь — что я могу для вас сделать?

— Полагаю, вы догадываетесь, сэр, не так ли? — сказал Этайер. — Меня привели на Дорсай ваши книги. Но мне бы не хотелось стать просто одним из ваших солдат. Я хочу быть рядом с вами, чтобы продолжать учиться у вас. О, я знаю, что в вашем штате для меня сейчас нет места, но если бы вы имели меня в виду…

— Думаю, место для вас найдется, — прервал его Клетус. — Как я уже сказал, я вас, в общем-то, ждал. Идите к Арвиду Джонсону и скажите ему, что я приказал взять вас в качестве помощника. Вопрос о переподготовке мы пока отложим — вы отправитесь с группой, которую мы посылаем по контракту на Ньютон.

— Сэр… — Этайер лишился дара речи.

— Значит, пока все, — Клетус снова придвинул к себе бумаги. — Вы найдете Арвида в приемной.

Он вернулся к работе.

Через две недели отряд дорсайцев высадился на Ньютоне.

— Надеюсь, — сказал Артур Валько несколько дней спустя, когда вечером они с Клетусом наблюдали за солдатами на плацу, — ваша уверенность в себе имеет основания, маршал. — В голосе председателя комитета ПОС Ньютона послышалось нечто вроде насмешки, когда он произнес звание, которое Клетус себе выбрал в результате общего пересмотра организационных

структур и офицерских званий в новой армии дорсайцев.

За флагштоком красное солнце Ньютона садилось за горизонт, флаг был уже наполовину спущен. Клетус повернулся и посмотрел на худого лысеющего ньютонца.

— Чрезмерная уверенность в себе, — сказал он, — недостаток тех, кто не знает своего дела.

— А вы знаете? — полюбопытствовал Валько.

— Да, — коротко ответил Клетус.

Валько натянуто рассмеялся, ссутулив худые плечи, словно пытаясь спрятаться от северного ветра, который дул со стороны леса. Лесной массив начинался прямо за городской чертой Деброя и тянулся к северу более чем на две сотни миль — до самых стибнитовых шахт и брозанского городка Уотершед.

— Двух тысяч человек, вероятно, будет достаточно для того, чтобы занять эти шахты, — начал он. — Но по контракту вы должны удерживать шахты три дня — до тех пор, пока вас не сменят ньютонские войска. А брозанцы могут двинуть на вас десятитысячную регулярную армию меньше чем через сутки. Как ваши люди собираются с ними справиться, я не знаю.

Флаг спустили, и майор Суахили отдал приказ расходиться.

— Вам и не надо знать, — заметил Клетус. — Ваше дело — подписать со мной контракт, в котором было бы указано, что мы получим наше жалованье только после того, как контроль над шахтами будет передан вашим войскам. А вы это уже сделали. В случае нашего поражения ваши Передовые объединенные сообщества не понесут никаких финансовых потерь.

— Возможно, нет, — ответил Валько зло. — Но на карту поставлена моя репутация.

— Моя тоже, — улыбнулся Клетус.

Валько фыркнул и ушел. Секунду Клетус смотрел ему вслед, затем направился к зданию, стоящему на самой окраине Деброя, в тени леса; там был устроен временный штаб дорсайских сил, где его ждали Суахили и Арвид.

— Посмотрите… — Он подвел их обоих к большой рельефной карте на столе. Офицеры склонились над тем местом, где был обозначен Деброй. — Валько и его люди ожидают, что мы проболтаемся здесь неделю-другую, прежде чем начнем что-нибудь делать. Если брозанские шпионы следят за ситуацией, они придут к тому же выводу. Но мы не будем терять времени. Майор…

Он взглянул на Суахили, который, склонив черное, покрытое шрамами лицо над картой, с интересом слушал Клетуса.

— Мы начнем тренировку здесь, на краю леса, завтра с восходом солнца, — распорядился Клетус, — Не следует

углубляться в лес больше чем на пять миль, а это довольно далеко от границы с Брозой.

Он показал на красную линию, проходящую через лес милях в двадцати над Деброем.

— Нужно отработать тактику групп и отрядов, а они будут действовать не слишком хорошо. Даже, скорее всего, поначалу совсем плохо. Необходимо подержать солдат в лесу пару дней — пусть тренируются до тех пор, пока офицеры не решат, что они уже готовы, и тогда можно вернуться сюда, в лагерь. Последний отряд должен уйти из леса не раньше чем через два с половиной дня начиная с завтрашнего утра. Вы оставите своим офицерам необходимые приказы.

— А меня там не будет?

— Вы будете со мной, — ответил Клетус. Он посмотрел на высокого молодого капитана, стоящего справа от него. — И Арвид с двумя сотнями наших лучших солдат тоже. Мы отделимся от остальных, как только войдем в лес, разобьемся на команды по два-три человека и направимся на север, чтобы встретиться через четыре дня в пяти милях южнее Уотершеда.

— Четыре дня? — переспросил Суахили, — Но это больше ста пятидесяти миль пешком по незнакомой местности.

— Точно так! — подтвердил Клетус, — Вот почему никому — ни ньютонианцам, ни брозанцам — даже в голову не придет, что мы попытаемся сделать что-либо подобное. Но и вы, и я знаем — не правда ли, майор, — что наши лучшие люди способны на это?

Его глаза встретились с черными глазами Суахили.

— Да, — согласился тот.

— Хорошо. — Клетус отошел от стола. — Сейчас мы пообедаем, а вечером продумаем детали. Вы, майор, отправитесь с Арвом. Я же возьму с собой командира Этайера.

— Этайера? — повторил Суахили.

— Совершенно верно, — сухо произнес Клетус. — Разве не вы сказали мне, что он весьма преуспел?

— Да, — кивнул Суахили.

Это была правда. Как ни странно, Суахили принимал участие в судьбе Этайера. Это участие было вызвано скорее любопытством, чем сочувствием, ибо если когда-либо существовали два полярно противоположных человека, то это майор Суахили и Билл Этайер. Майор намного превосходил всех, кто прошел переподготовку, овладев лучше других солдат и офицеров приемами самоконтроля. Однако было совершенно ясно, что он не из тех, кто позволит чувствам влиять на суждение. Он взглянул на Клетуса с мрачной улыбкой.

— Ну, конечно, раз он будет с вами, сэр… — проговорил он.

— Все время, — спокойно ответил Клетус. — Как я понимаю, вы не имеете ничего против Арва?

— Нет, сэр. — В глазах Суахили появилось что-то очень близкое к одобрению.

— Хорошо, — улыбнулся Клетус, — Тогда можете быть свободны. Мы с вами встретимся здесь через час после обеда.

— Да.

Суахили вышел. Клетус повернулся и заметил Арвида, застывшего в нерешительности у двери.

— Что-нибудь случилось, Арв? — спросил он.

— Сэр, — собравшись с духом, начал было Арвид, но запнулся.

Клетус молча стоял и ждал.

— Сэр, — рискнул наконец Арвид, — Я по-прежнему ваш адъютант, не так ли?

— Конечно, — подтвердил Клетус.

— Тогда, — лицо Арвида напряглось и слегка побледнело, — можно мне узнать, почему во время операции с вами будет Этайер, а не я?

Клетус холодно посмотрел на него. Арвид держался очень напряженно, и его правое плечо все еще чуть-чуть сутулилось: это стягивал кожу шрам на месте ожога, полученного в Бахалле, когда он защищал Клетуса от ньюлэндских партизан.

— Нет, командир, — медленно сказал Клетус, — вы не можете спрашивать меня, почему я решил, что мне сделать, — ни сейчас, ни когда-либо еще.

Их взгляды встретились.

— Это понятно? — уточнил Клетус через мгновение.

Арвид напрягся еще больше. Его взгляд переместился на какое-то пятно на стене.

— Да, сэр, — ответил он, затем повернулся и вышел. Клетус вздохнул. Через некоторое время он направился к себе, чтобы пообедать в одиночестве.

В девять утра на следующий день Клетус и Билл Этайер уже находились в пяти милях от опушки леса. К ним подошел Суахили и протянул Клетусу металлический футляр размером со спичечный коробок с картой внутри. Грэйем сунул его в карман серо-зеленой походной формы.

— Она сориентирована? — уточнил он у Суахили.

Майор кивнул:

— В качестве исходной точки выбран лагерь. Остальные члены отряда уже отправились, по два-три человека, как вы приказали. Капитан и я готовы следовать за ними.

— Хорошо. Увидимся в условленном месте, в пяти милях

ниже Уотершеда, примерно через девяносто часов.

— Мы там будем, сэр. — Бросив быстрый, слегка насмешливый взгляд на Этайера, Суахили повернулся и ушел.

Клетус перевернул картоскоп: показалась застывшая в неподвижности стрелка компаса. Он нажал кнопку сбоку, стрелка метнулась вправо градусов на сорок и остановилась, указывая на север, в сторону леса. Клетус посмотрел в этом направлении, выбрал самое дальнее дерево и сориентировался на него. Потом заглянул в смотровой глазок картоскопа. Внутри он увидел рельефное изображение территории вплоть до Уотершеда. Красная линия отмечала выбранный маршрут. Нажав другую кнопку, он приблизил изображение, чтобы подробно изучить первые шесть миль. Это был чистый лес, без болотистых участков, которые пришлось бы обходить или же каким-то образом преодолевать.

— Пошли, — кивнул он через плечо Этайеру.

Положив картоскоп в карман, он легко побежал вперед. Этайер последовал за ним. Они молча бежали бок о бок, окутанные мраком и тишиной северного ньютонианского леса. В лесу не было ни птиц, ни насекомых, только в болотах и озерах жили какие-то рыбоподобные существа. Похожие на иголки листья росли на самых верхушках деревьев. Землю покрывал толстый слой почерневших мертвых листьев, скопившихся здесь за долгие годы. То тут, то там пугающе и неожиданно путь им преграждали густые заросли больших кроваво-красных листьев, фута в четыре высотой, растущих прямо из игольчатого покрывала и указывающих на источник, вокруг которого почва была более влажной.

Через два часа они сменили ритм движения и каждые пять минут чередовали бег с быстрой ходьбой. Затем раз в час они останавливались на пятиминутный отдых и падали, растянувшись во весь рост, на мягкий толстый лесной ковер, даже не сбрасывая с плеч легкое снаряжение.

Сначала им приходилось трудно, но потом они разогрелись, сердце забилось медленнее, а дыхание стало спокойнее. И вскоре им уже казалось, что они могут двигаться таким образом бесконечно долго. Клетус шел или бежал совершенно автоматически, сосредоточившись на решении ближайших проблем. И даже когда он время от времени останавливался и сверялся с компасом, то делал это чуть ли не рефлекторно.

Из этого состояния его вывела темнота, начавшая сгущаться вокруг них. Ньютонианское солнце, скрытое двойным занавесом из листвы и высоких, постоянно висящих над головой туч, которые придавали небу его обычный мрачный металлический

цвет, садилось.

— Пора поесть, — заявил Клетус.

Он направился к ровной площадке у основания огромного дерева, плюхнулся на землю, скрестил ноги и прислонился спиной к стволу. Затем сбросил снаряжение. Этайер присоединился к нему.

— Как вы? — спросил Клетус.

— Отлично, сэр, — пробормотал тот.

Он действительно выглядел неплохо, и Клетуса это обрадовало. На лице Этайера выступили капельки пота, но дыхание было глубоким и ровным. Они разобрали на секции металлический термос и сорвали пломбу, чтобы начался разогрев пищи. К тому времени, когда содержимое термоса стало достаточно горячим и можно было приступать к еде, темнота вокруг них окончательно сгустилась.

— Через полчаса появятся луны, — сказал Клетус в темноту — в ту сторону, где сидел Этайер, — Постарайтесь пока немного поспать… Если сможете.

Клетус лег на иголки и заставил свое тело расслабиться. Через несколько секунд им овладело знакомое ощущение парения. Затем ему показалось, что секунд на тридцать он куда-то провалился, а когда открыл глаза, то увидел, что сквозь листву над головой уже пробивается бледный свет луны.

Вскоре, наверно, станет еще светлее, подумал Клетус, так как по крайней мере четыре из пяти ньютонианских лун должны появиться на ночном небе.

— Пошли.

Клетус поднялся.

Минуту спустя они снова бежали к намеченной цели. Карта, которой пользовался Клетус, имела подсветку, и он продолжал сверяться с ней. Теперь там параллельно красной линии, обозначающей их маршрут, на расстоянии немногим более тридцати одной мили от исходной точки, пролегла черная линия. За следующие девять часов своего ночного путешествия, которое прерывалось каждый час пятиминутным отдыхом и один раз — остановкой для того, чтобы поесть, они покрыли еще двадцать шесть миль. К этому времени луны зашли, и темнота настолько сгустилась, что продвижение вперед стало опасным. Они в последний раз поели и, растянувшись на мягкой лесной постели, погрузились в глубокий сон.

Звон хронометра разбудил их; цифры показывали, что прошло уже больше двух часов светлой части суток. Клетус и Билл поднялись, позавтракали и побежали вперед.

За первые четыре часа они преодолели значительное

расстояние, фактически продвигаясь даже немного быстрее, чем в первый день. Но около полудня они вступили в район болот и трясин, заросших большими красными листьями и какими-то новыми лианоподобными растениями, похожими на огромные толстые зеленые веревки, которые свисали с нижних веток деревьев и, извиваясь, тянулись по земле иногда на целые мили.

Клетусу и Этайеру пришлось замедлить шаг и иногда пускаться в обход. К ночи им удалось продвинуться еще на двадцать миль. Они преодолели около трети расстояния до места встречи, но треть имевшегося у них времени уже истекла, а усталость начала сказываться на скорости движения.

Однако, согласно карте, миль через двадцать болотистая местность закончится и снова начнется лес. Путешественники наскоро поужинали, использовав полчаса абсолютной темноты, и, как только взошла первая луна, пустились в путь. Они добрались до края болот как раз в тот момент, когда луна исчезла с ночного неба, и упали на ковер из иголок, провалившись в глубокий сон.

На следующий день продвигаться вперед было немного легче, но усталость брала свое. Клетус бежал, словно во сне или в бреду, едва осознавая движения и усилия своего тела, которое казалось ему каким-то нереальным. Этайер также был на пределе своих сил. Его лицо стало серым и изможденным настолько, что, казалось, на нем остался только острый клювоподобный нос, напоминающий таран на носу деревянного парусного судна. Ему удавалось сохранить скорость, но, когда они переходили на шаг, ноги его время от времени подгибались и он спотыкался. Этой ночью Клетус позволил себе и своему спутнику после ужина проспать шесть часов.

Затем они проделали еще шестнадцать миль, пока светила луна, потом остановились и шесть часов отдыхали.

Когда Клетус и Этайер проснулись, им показалось, что они полностью восстановили свои силы. Однако через два часа оба они уже чувствовали себя не намного лучше, чем за двадцать четыре часа до этого, хотя теперь продвигались вперед медленнее, старательно экономя силы. И снова Клетус ощутил полное отчуждение от собственного тела, им вдруг овладело чувство, что он может, если необходимо, бежать так бесконечно, без еды и без отдыха.

Впрочем, к этому моменту еда стала фактически самым слабым их желанием. Они остановились, чтобы пообедать, но смогли заставить себя проглотить лишь часть того, что входило в их меню, и то без аппетита и не чувствуя вкуса. Когда наступила темнота, ни Клетус, ни Этайер не стали ужинать. Они разрыли прелые листья у одного из красных растений, нашли источник,

пробивающийся из-под земли, жадно напились и почти автоматически продолжали свой путь при лунном свете.

Рассвет четвертого дня застал их в шести милях от места встречи. Но когда они попытались встать, ноги их подогнулись, и они оба упали как подкошенные. Однако Клетус не сдался и после нескольких попыток сумел принять вертикальное положение. Он оглянулся и увидел, что Этайер все еще неподвижно лежит на земле.

— Бесполезно, — прохрипел тот. — Идите один.

— Нет, — ответил Клетус.

Он стоял, расставив онемевшие ноги, и, слегка покачиваясь, смотрел сверху вниз на своего спутника.

— Вы должны идти вперед, — повторил тот через некоторое время. За последний день или два они оба уже привыкли говорить так друг с другом — с длинными паузами между фразами.

— Зачем вы прилетели на Дорсай? — спросил Клетус после очередной паузы.

Этайер пристально посмотрел ему в глаза.

— Вы сделали то, что я всегда хотел сделать. Вы такой, каким я всегда хотел быть… Я знал, что никогда не сумею добиться того, чего добились вы. Но я думал, что смогу хотя бы приблизиться к этому.

— Тогда учитесь, — бросил ему Клетус.

— Я не могу, — прошептал Этайер.

— Для вас не должно существовать такого понятия, как «не могу», — твердо произнес Клетус. — Вперед!

Этайер еще несколько секунд лежал не шевелясь. Затем его ноги дернулись. Он с трудом сел и попытался подогнуть их под себя, но они не слушались. Он снова замер, тяжело дыша.

— Вы такой, каким всегда хотели быть, — медленно произнес Клетус, раскачиваясь над ним. — Никогда не обращайте внимания на тело. Заставьте Этайера встать на ноги. А тело последует за ним само собой.

Он замолчал и стал ждать. Этайер снова шевельнулся. Конвульсивным движением он встал на колени, зашатался в таком положении, затем одним рывком поднялся на ноги, проковылял три шага вперед и схватился, задыхаясь, за ствол дерева, чтобы снова не упасть. Торжествуя, он посмотрел через плечо на Клетуса.

— Когда вы будете готовы идти? — как ни в чем не бывало осведомился Грэйем.

Прошло пять минут, и, хотя Этайер все еще спотыкался, как пьяный, они двинулись вперед. Через четыре часа они пришли на место встречи. Суахили, Арвид и еще примерно пятая часть тех,

кто должен был туда прибыть, уже находились там. Клетус и Этайер рухнули на землю, даже не подумав освободиться от снаряжения, и заснули, едва коснувшись земли.

Глава 21

Клетус проснулся около полудня. Голова у него слегка кружилась, но он чувствовал себя отдохнувшим и ужасно голодным. Этайер все еще крепко спал, как человек, находящийся под сильным наркозом.

Клетус поел и присоединился к Суахили и Арвиду.

— Сколько человек уже здесь? — спросил он Суахили.

— Не хватает двадцати шести, — ответил тот, — Многие прибыли через час после вас.

— Хорошо, — кивнул Клетус. — В таком случае они успеют выспаться к наступлению сумерек и смогут начать действовать. А пока есть дело для тех, кто уже отдохнул. Первое, что нам нужно, — это какое-нибудь транспортное средство.

Чуть позже водитель грузовика, который ехал по единственному шоссе, ведущему в маленький шахтерский городок Уотершед, неожиданно обнаружил, что путь ему преградили шесть вооруженных мужчин в форме с изображением бело-голубого флага ПОС на левом нагрудном кармане. Один из них, офицер со звездами на погонах, поднялся на подножку его машины и открыл дверцу.

— Выходите, — сказал Клетус, — нам нужен ваш грузовик.

Два часа спустя, перед самым заходом солнца, этот грузовик въехал в город. В кабине сидели два человека; машина подъехала прямо к управлению полицией и остановилась на парковочной площадке за зданием. Через некоторое время оттуда послышался шум. Однако скоро все стихло, и спустя несколько минут над зданием раздался громкий вой пожарной сирены. Жители городка высыпали из домов и обнаружили, что город окружен, а улицы патрулируют вооруженные люди с бело-голубыми флажками на левых нагрудных карманах.

— Вы, должно быть, сошли с ума! Вам это так не пройдет! — бушевал управляющий сгибнитовыми шахтами, когда его вместе с мэром города и главой местной полиции привели в здание полицейского управления к Клетусу. — Брозанская армия находится в столице, а это всего в двух часах езды отсюда. Через несколько часов они узнают, что вы здесь, и тогда…

— Они уже знают, — перебил его Клетус. — Я воспользовался полицейской линией связи и объявил о том, что мы заняли город и шахты.

Управляющий изумленно уставился на него.

— Вы и вправду сумасшедший! — сказал он после долгой паузы. — Вы что же, думаете, что ваши пятьсот человек смогут

противостоять целой дивизии?

— Возможно, нам и не придется противостоять, — ответил Клетус. — В любом случае это не ваша забота. Все, что мне нужно от вас и от этих двух джентльменов, — чтобы вы успокоили местных жителей и убедили их в том, что, если они будут сидеть по домам и не предпринимать попыток покинуть город, им ничего не грозит.

Тон его голоса не располагал к дальнейшим спорам. После нескольких слабых попыток выразить свой протест все трое согласились обратиться с воззванием к жителям, после чего Клетус поместил их под стражу в здании управления.

Меньше чем через два часа начали прибывать первые подразделения брозанской армии. Солдат сбрасывали с самолетов, и они быстро взяли городок в кольцо, углубившись ярдов на двести в окружающий его лес. На протяжении всей ночи было слышно, как прибывают новые группы солдат, тяжелое оружие и бронетранспортеры. По оценкам Суахили и Клетуса, к рассвету примерно дивизия брозанской пехоты, вооруженной до зубов, начиная с ножей и кончая энергетическим оружием, окружила Уотершед, где находились захватившие его дорсайцы.

Суахили был в хорошем настроении. Он и Клетус стояли на вершине радиобашни — самого высокого строения в городе.

— Они не станут палить наугад из тяжелых орудий, здесь много жителей, — поделился своими соображениями Суахили. — А это значит, что им придется входить в город без артподготовки, сразу со всех сторон. Полагаю, они начнут атаку самое большее через час.

— Я так не думаю, — возразил Клетус. — Они сначала пришлют кого-нибудь для переговоров.

Он оказался прав. Окружающие их брозанские войска в течение первых трех утренних часов ничего не предпринимали. Затем, ближе к полудню, когда скрытое за тучами солнце Ньютона согрело северный пейзаж, из тени леса медленно появилась штабная машина с белым флагом и направилась по шоссе в город.

На границе города ее встретили солдаты, получившие специальные указания, и проводили к зданию управления полицией. Из машины вылез невысокий худой генерал лет шестидесяти, а следом за ним — круглый как шар человек лет на десять моложе, с полковничьими нашивками. Клетус принял их в кабинете начальника полиции.

— Я прибыл сюда, чтобы предложить вам условия капитуляции… — Генерал замолчал, уставившись на погоны Клетуса. — Я что-то не могу разобрать ваше звание.

— Маршал, — невозмутимо ответил Клетус. — Недавно мы на Дорсае провели реорганизацию и соответствующим образом изменили звания. Маршал Клетус Грэйем.

— О! Генерал Джеймс Ван Дассел. А это полковник Мортон Оффер. Как я уже сказал, мы здесь для того, чтобы предложить вам условия капитуляции…

— Если бы все дело заключалось в условиях капитуляции, едва ли возникла бы необходимость прибывать сюда лично, не правда ли, генерал? — перебил его Клетус, — Думаю, вы отлично знаете, что о капитуляции не может быть и речи.

— Нет? — Ван Дассел недоуменно поднял брови, — Быть может, вы думаете, что у нас здесь только одна дивизия?

— Нет, я знаю, что вас несколько больше, — сказал Клетус, — Точно так же, как вы отлично знаете, что внутри вашего кольца больше пяти тысяч гражданских лиц.

— Да. И вы отвечаете за них, — поспешно продолжил Ван Дассел. — Должен предупредить вас, что, если они хоть как-нибудь пострадают, либеральные условия капитуляции, которую мы хотим вам предложить…

— Не испытывайте моего терпения, генерал, — снова прервал его Клетус. — Мы будем держать этих жителей в качестве заложников на случай враждебных действий с вашей стороны. Так что не будем тратить время на обсуждение чепухи насчет капитуляции. Я ждал вас здесь, чтобы сообщить о том, что в ближайшем будущем собираются предпринять Передовые объединенные сообщества по отношению к Уотершеду и шахтам. Как вы, несомненно, знаете, эти шахты разрабатываются на земле, купленной Сообществами Брозы. Наши экспедиционные силы уже уведомили ПОС, что шахты снова являются их собственностью, и мне сообщили, что первые соединения регулярных войск Сообществ начнут прибывать сюда к восемнадцати ноль-ноль, чтобы сменить моих людей и остаться здесь в качестве постоянной армии…

Клетус замолчал.

— Никакая армия в город не войдет, — спокойно предупредил Ван Дассел.

Советую вам поговорить с вашими руководителями, прежде чем вы предпримете какие-либо попытки этому помешать, — заявил Клетус. Повторяю, мы будем держать жителей заложниками, чтобы ваши войска не делали глупостей.

— Я не собираюсь терпеть этот шантаж, — произнес Ван Дассел. — Я буду ждать сообщения о вашем решении сдаться в течение следующих двух часов.

— А я, как уже говорил, — возразил ему Клетус, — считаю,

что вы несете ответственность за любые враждебные действия со стороны вашей армии, пока регулярные войска Передовых объединенных сообществ не прибудут, чтобы сменить нас.

Обменявшись этими заявлениями, они вежливо расстались. Ван Дассел и его полковник вернулись к брозанским войскам, окружающим город. Клетус пригласил Суахили и Арвида позавтракать с ним.

— А что, если он решит атаковать нас до того, как прибудут войска ПОС? — осведомился Суахили.

— Не решит, — покачал головой Клетус. — Он и так уже оказался в нелегком положении. Политики Брозы еще спросят его о том, как он допустил, что мы заняли Уотершед и шахты. Может быть, ему и удастся выпутаться из этой ситуации и спасти свою карьеру, но только в том случае, если у брозанцев никто не пострадает. Ван Дассел знает, что я понимаю это так же хорошо, как и он, поэтому он не станет испытывать судьбу.

Ван Дассел действительно ничего не предпринял. Подразделения, окружавшие Уотершед, не двинулись с места, когда истекло указанное время и стали прибывать войска Передовых объединенных сообществ. В течение следующей ночи генерал тихо отвел своих людей и технику. Утром, когда приземлившиеся на окраине города солдаты принялись устраивать лагерь, в пределах двухсот миль не было ни одного брозанца.

— Отлично сработано! — с энтузиазмом воскликнул Валько, прилетевший в Уотершед с последним самолетом. — Вы и ваши дорсайцы совершили чудо. Теперь можете оставить город, когда захотите.

— Как только нам заплатят, — ответил Клетус. Балько слабо улыбнулся.

— Я так и подумал, что вы захотите получить свои деньги, — сказал он, — Поэтому я привез все с собой.

Он поднял на стол небольшой дипломат, вынул из него документ, освобождающий дорсайцев от обязательств, передал его Клетусу, затем принялся доставать золотые сертификаты и складывать их в стопку.

Клетус не обратил никакого внимания на бумагу и внимательно наблюдал за тем, как растет гора сертификатов. Когда Валько наконец остановился и, широко улыбаясь, посмотрел на него, ответной улыбки не последовало. Вместо этого Клетус покачал головой.

— Это меньше половины того, что предусмотрено нашим соглашением, — заметил он.

Валько продолжал улыбаться:

— Верно. Но, согласно первоначальному соглашению, мы предполагали нанять вас на три месяца. Как оказалось, вам повезло, и вы добились своей цели менее чем за неделю и только с четвертой частью нашей армии. Мы платим жалованье за участие в боевых действиях в течение недели тем пятистам наемникам, которые участвовали в операции, плюс обычное жалованье всей вашей армии до конца месяца — в качестве премии.

Клетус посмотрел ему в глаза. Улыбка исчезла с лица ньютонца.

— Я уверен, что вы помните так же хорошо, как и я, — холодно произнес Клетус, — что по соглашению каждый из двух тысяч наших людей должен получить трехмесячное жалованье за участие в боевых действиях. И совсем ничего не получить, если нам не удастся вернуть вам стибнитовые шахты. Сколько человек мне потребуется для этого и сколько времени это займет — касалось только меня. Я требую полную плату за три месяца для всей армии. Немедленно.

— Об этом не может быть и речи, — повысил голос Валько.

— Я так не думаю, — хладнокровно заявил Клетус. — Возможно, мне следует повторить вам то, что я сказал генералу Ван Дасселу, командующему брозанских войск: я буду держать гражданское население Уотершеда в качестве заложников на случай враждебных действий с его стороны. Наверное, стоит напомнить вам — и я и мои люди все еще не отпустили этих заложников, только теперь — на случай враждебных действий с вашей стороны.

Лицо Валько стало странно неподвижным.

— Вы не тронете гражданских, — проговорил он после паузы.

— Генерал Ван Дассел полагал, что трону, — ответил Клетус, — А теперь я лично даю вам слово дорсайца — а это слово со временем будет значить больше любого подписанного контракта, — что ни один гражданский не пострадает. Но хватит ли у вас смелости поверить мне? Если я лгу и захват шахт включает кровавую баню для местных жителей, ваши шансы на возможное со временем соглашение с Брозой относительно этих шахт рассеются как Дым. Сейчас вы держите птичку в руках и надеетесь на переговоры, а вместо этого можете остаться один на один с колонией, которую будет интересовать только месть — месть за действия, которые осудят все цивилизованные сообщества.

Валько смотрел на него, не отрывая глаз.

— У меня с собой больше нет сертификатов, — выговорил он наконец.

— Мы подождем. — Клетус был спокоен, — Вы можете слетать назад и вернуться сюда самое позднее к полудню.

Ссутулившись, Валько вышел. Уже поднимаясь по ступенькам трапа на самолет, который должен был доставить его в Бэйль, он остановился и, повернувшись к Клетусу, злобно прошипел:

— Вы думаете, что вам удастся проложить себе дорогу через новые миры. Что ж, возможно. На какое-то время. Но в один прекрасный день все, что вы построили, рухнет вам на голову.

— Увидим, — улыбнулся Клетус.

Он наблюдал, как закрылась за Валько дверца люка и самолет взмыл в небо Ньютона. Затем обратился к стоящему рядом Арвиду:

— Между прочим, Арв, Билл Этайер хочет иметь возможность изучать мои тактические и стратегические приемы. Поэтому, как только мы вернемся на Дорсай, он сменит тебя в качестве моего адъютанта. Мы найдем для тебя отряд, участвующий в боевых действиях. В любом случае тебе пора набираться боевого опыта.

Не дожидаясь ответа Арвида, он повернулся к нему спиной и отошел; мозг его уже занимали другие проблемы.

Глава 22

— Ваши цены, — заявил Иаков Десница Божия, глава Первой воинствующей церкви двух соседних планет, Гармонии и Ассоциации, — неслыханные.

Иаков Десница Божия был маленьким хрупким человеком средних лет, с редкими седыми волосами. В своем тесном черном джемпере и узких брюках — обычной одежде тех, кто принадлежал к сектам фанатиков, колонизировавших Гармонию и Ассоциацию, — он казался еще более хрупким. В первые мгновения он производил впечатление совершенно безобидного человека, но одного взгляда его темных глаз или произнесенного им слова было достаточно, чтобы рассеять эту иллюзию. Становилось ясно, что он один из тех редких людей, в ком горит неугасимое пламя веры, — только пламя, не угасавшее в Иакове Деснице Божией, было источником горя и факелом ужаса для нечестивых. К нечестивым же, по мнению Иакова, относились все те, чьи взгляды хоть в чем-то отличались от его собственных. Сейчас он сидел за абсолютно пустым столом в своем кабинете, в Правительственном центре Гармонии, впившись глазами в расположившегося напротив Клетуса.

— Я знаю, что наши цены выше ваших возможностей, — сказал Клетус. — Но я прибыл сюда не для того, чтобы предложить вам нанять наших дорсайцев. Мое предложение совсем иного характера. Что, если мы захотим нанять некоторых из ваших молодых людей?

— Нанять членов нашей церкви, чтобы они растрачивали свои силы и жизнь в греховных войнах безбожников? — вскипел Иаков.

— Ни у одной из ваших колоний на Гармонии и Ассоциации нет ничего стоящего в смысле технических достижений, — спокойно продолжал Клетус. — Ваша Воинствующая церковь, может, и является самой многочисленной из всех церквей на этих двух планетах, но вы, конечно же, задыхаетесь без настоящего кредита, которым вы могли бы воспользоваться для приобретения производственного оборудования, так необходимого вашим людям. Мы можем предоставить вам этот кредит в обмен на ваших молодых людей.

Глаза Иакова сверкнули, как глаза проснувшейся змеи.

— Сколько? — выдохнул он.

— Обычное жалованье наемных солдат, — ответил Клетус.

— Да это же одна треть того, что вы просите за каждого из ваших дорсайцев! — завопил Иаков. — Нет, вы продаете по одной

цене, а покупаете у нас по другой!

— Дело в разнице между покупаемым и продаваемым товаром, — уточнил Клетус, — Дорсайцы стоят того, что я за них прошу, благодаря своей подготовке и репутации, которую они завоевали к настоящему времени. У ваших людей нет ни того, ни другого. Они стоят столько, сколько я вам за них даю. С другой стороны, от них многого и не требуется. Мы будем использовать их главным образом для отвлечения внимания, как использовали своих десантников во время захвата Маргареты на Фрайлянде.

Захват Маргареты на Фрайлянде был последней из серии удачных операций, проведенных новой армией дорсайских наемников под командованием Клетуса.

Прошло уже больше года после возвращения ньютонианцам стибнитовых шахт. За это время дорсайцы провели ряд блестящих, победоносных военных кампаний практически без жертв: на Кассиде, соседствующей с Ньютоном, на Сент-Мари — маленькой планете, вращающейся вокруг Проциона вместе с Марой и Культисом, и, наконец, на Фрайлянде — одной из двух населенных планет Сириуса.

Маргарета, большой остров в океане, расположенный примерно в трехстах милях от северного побережья основного материка Фрайлянда, был захвачен ближайшей колонией континента. Свергнутое правительство острова организовало сбор средств для того, чтобы нанять дорсайцев и освободить свою страну.

Клетус сбросил группу не прошедших переподготовку десантников на главный город Маргареты. Кроме того, несколько тысяч специально обученных солдат высадились ночью в разных точках островного побережья. Эти дорсайцы взяли на себя руководство сотней стихийных восстаний, которые вспыхнули после того, как по колонии распространился слух о десанте.

Оказавшись перед фактом восстания внутри страны и явным нападением извне, захватчики предпочли не проявлять героизма и бежали с острова в свою колонию. Когда же они прибыли домой и узнали, сколь малочисленны были войска, обратившие их в бегство, то поспешили обратно на Маргарету. Однако, добравшись до острова во второй раз, обнаружили, что по всему побережью горят костры и выставлены наблюдатели, а все население поднято, вооружено и на этот раз готово скорее умереть на линии прибоя, чем пустить на берег хоть одного захватчика.

Как и в других успешных операциях Клетуса, эта победа была достигнута благодаря умелому сочетанию военного искусства и знания психологии противника, а также того, что во многих

колонизированных мирах уже начали считать чуть ли не сверхчеловеческими способности дорсайских солдат.

…Несмотря на явную неприязнь к нечестивцу Клетусу, Иаков прекрасно понимал выгоды его предложения. Люди такого склада, как Иаков, всегда либо за, либо против и недолго пребывают в нерешительности. Клетус простился с главой Воинствующей церкви, посеяв семена своей идеи в голове священника. Он был абсолютно уверен, что вскоре они дадут ростки.

Он сел на корабль, отправляющийся на Новую Землю — соседнюю с Фрайляндом планету, где его ждали армия и новая военная кампания.

Маркус Доддс, серьезный и озабоченный, встретил его в лагере дорсайцев на границе Адоньера, главного города колонии Брета, которая обратилась за помощью к Клетусу. На каждом из погонов Маркуса блестели две новые звездочки, говорившие о том, что он является боевым командиром целой дивизии легионеров.

— Спейнвиль заключил союз с четырьмя из пяти других городов-государств, расположенных на внутренних равнинах, — доложил он Клетусу, как только они остались одни в кабинете Маркуса, — и теперь они называют себя государствами Центрального союза; собрали объединенную более чем двадцатитысячную регулярную армию и ждут нас. Мы не сможем использовать фактор неожиданности, как в других кампаниях, а в моей дивизии — менее пяти тысяч человек.

— Совершенно верно, — задумчиво кивнул Клетус, — Что вы предлагаете делать?

— Разорвать контракт с Бретой, — решительно заявил Маркус. — Мы не сможем выступить против этого Центрального союза, не получив подкрепления. А сколько еще осталось прошедших переподготовку дорсайцев? Несколько сотен, не больше. У нас нет другого выбора. Надо разрывать контракт. Вы можете сослаться на то, что с тех пор, как нас нанимали, ситуация изменилась. Брета, конечно, будет протестовать, но если у нас не оказалось достаточно людей — ничего не поделаешь.

— Нет, — отрезал Клетус.

Он встал из-за стола Маркуса и направился к карте, изображающей равнину внутри континента; ее Брета делила со своими противниками, пятью другими колониями, каждая из которых представляла собой фермерские хозяйства, окружающие один большой город, отчего и пошло название «города-государства».

— Мы не будем разрывать контракты, какими бы убедительными ни были наши оправдания.

Несколько минут он изучал карту. Брета, за исключением узкой полоски, выходящей к побережью, была окружена городами-государствами. Первоначально она являлась промышленным центром, поставлявшим другим колониям большую часть оборудования. Взамен она покупала у них сельскохозяйственную продукцию. Но Спейнвилль, самый большой из пяти городов-государств, стал развивать свою собственную промышленность, заразив своим примером остальных. Одна из колоний, Армой, решила даже построить космопорт, в котором могли бы совершать посадку межзвездные корабли. До этого такой порт существовал только в колонии Брета.

Экономические амбиции бывших сельскохозяйственных государств центральной равнины росли, и Спейнвилль решил завладеть выходом к морю, угрожая применить силу, если Брета не отдаст его добровольно и мирно. Этим и было вызвано присутствие дорсайцев на Новой Земле.

— С другой стороны, — продолжил Клетус, снова поворачиваясь к Маркусу, — их уверенность в том, что они подавили нас своим количеством, может сослужить нам хорошую службу, не хуже чем необходимое подкрепление.

— Как вы собираетесь заставить их так думать?

— Над этим придется поразмышлять, — ушел от прямого ответа Клетус. — В любом случае, я быстро слетаю на Дорсай, будто бы за помощью, и по дороге попробую выработать план действий.

Объявив о своих намерениях, Клетус не стал тратить время зря. Поздно вечером, совершив путешествие вокруг Новой Земли на атмосферном корабле, он оказался на борту космического лайнера, следующего на Дорсай.

Через три дня Клетус прибыл в Форали. Мелисса встретила его с удивительной теплотой. За время, прошедшее после их бракосочетания, ее отношение к нему смягчилось, особенно после рождения сына, которому уже было три месяца. В то же время все остальные — те, кто когда-то был близок к Клетусу, — казалось, все более и более отдалялись от него.

Одним из них был Ичан, который приветствовал Клетуса отчужденно и сухо, словно незнакомого человека. При первом же удобном случае он увел своего зятя от Мелиссы и ребенка, чтобы поговорить с ним наедине.

— Ты видел это? — спросил он, раскладывая на столе перед ним пачку новых материалов с Земли, содержащих сообщения

информационных служб как альянса, так и коалиции.

Клетус взглянул на них. Все они касались дорсайцев и его самого. Их оскорбительный тон был настолько однообразен, что казалось, все они принадлежат перу одного человека.

— Ну как? — вызывающе спросил Ичан, когда Клетус наконец поднял на него глаза, — Служба новостей коалиции первой назвала тебя пиратом, еще после Бахаллы. Но теперь к ней присоединился и альянс. Те города-государства, против которых вы должны выступить на Новой Земле, поддерживает как альянс, так и коалиция. Если ты не будешь вести себя осторожно, и альянс и коалиция восстанут против тебя. Посмотри, — он ткнул пальцем в одну из вырезок, — почитай, что сказал в своей речи в Дели Дау де Кастрис: «Народы коалиции и альянса должны объединиться, чтоб дать отпор противозаконным действиям ренегата Грэйема…»

Клетус засмеялся.

— Тебе это кажется смешным? — мрачно поинтересовался Ичан.

— Только из-за своей предсказуемости, — пояснил Клетус, — и очевидности намерений Дау.

— Ты хочешь сказать, что ты этого ожидал? Ожидал, что де Кастрис будет произносить подобные речи? — воскликнул Ичан.

— Конечно, — усмехнулся Клетус, — Не обращайте внимания на это. Я вернулся сюда, чтобы сделать вид, будто мы готовим переброску еще одной дивизии в колонию Брета. Мне понадобятся по крайней мере два транспортных космических корабля. Может, нам удастся договориться насчет нескольких грузовых кораблей, чтобы отвлечь внимание.

— Ты лучше сначала подумай о другом, — перебил его Ичан. — Ты знаешь, что теряешь Суахили?

Брови Клетуса слегка поднялись.

— Нет, — пробормотал он. — Но этого тоже можно было ожидать.

Ичан выдвинул ящик письменного стола Клетуса, достал из него бланк заявления об отставке. Клетус посмотрел на него: заявление написано по всей форме и подписано Суахили, который теперь носил звание командующего полевыми войсками. Те, кто был с Клетусом с самого начала, быстро продвигались по службе; лишь Арвид все еще оставался просто командиром, что соответствовало его старому званию в армии альянса, да Ичан отказался от всех предложенных ему повышений. Некогда бесполезный Билл Этайер, напротив, теперь был старшим командиром, рангом выше Арвида, и ему оставались только две ступеньки до звания командира полка.

— Думаю, мне нужно с ним поговорить, — произнес Клетус.

— Это ничего не изменит, — хмыкнул Ичан.

Клетус пригласил к себе Суахили; тот находился в главном центре переподготовки, расположенном на противоположном конце Форали. Их короткая встреча состоялась на следующий день, в том же самом кабинете.

— Конечно, мне жаль вас терять… — сказал Клетус, глядя ему прямо в глаза.

Суахили, на погонах которого блестело по одной золотой звезде, в своей синей форме казался еще огромней, чем обычно.

— …Но полагаю, вы приняли окончательное решение, — продолжал Клетус.

— Да, — подтвердил Суахили. — Вы все понимаете, не так ли?

— Наверное, да.

— Думаю, что вы понимаете, — повторил Суахили, — Мне не нравится ваш стиль работы. Вы лишили войну романтики.

— Я считаю это необходимым, — кивнул Клетус.

Глаза Суахили слегка вспыхнули.

— А я — нет, — заявил он. — Мне нравится то, что ненавидят почти все остальные, — ненавидят или до смерти боятся. А благодаря вам именно это и исчезло из нашего дела.

— Вы имеете в виду сражения?

— Совершенно верно, — подтвердил Суахили, — Я не люблю получать ранения и ненавижу торчать неделями в госпитале, как и любой другой человек. Я не хочу умирать. Но я терплю и боль, и страх смерти, и все остальное — всю эту подготовку, спешку и ожидание, бездействие между схватками. Я терплю это ради тех нескольких часов, когда все оживает.

— Вы убийца. Вы себе этого никогда не говорили? — спросил Клетус.

— Нет, — отрезал Суахили, — Я — профессиональный солдат, вот и все. Мне нравится сражаться. Убийство само по себе для меня ничего не значит. Я вам уже говорил, что, как и все люди, не хочу, чтобы меня ранили или убили. Я чувствую холод внутри, когда энергетическое оружие начинает выжигать воздух вокруг моей головы. Но в то же время я не променяю это ощущение ни на какое другое. Если бы утром, отправляясь в бой, я знал, что меня убьют, я бы все равно пошел, потому что я был бы счастлив — счастлив при мысли, что умираю, нанося ответный удар.

Он замолчал на какое-то мгновение и пристально смотрел на Клетуса.

— Вы лишили наше дело романтики. Я попробую поискать

место, где она еще осталась.

Клетус протянул ему руку.

— Удачи вам.

— Удачи вам. — Суахили крепко пожал протянутую руку, — Вам она понадобится. Под конец человек в перчатках всегда проигрывает тому, кто дерется голыми руками.

— Что ж, у нас будет возможность это проверить, — сказал Клетус.

Глава 23

Через неделю Клетус вернулся на Новую Землю с двумя грузовыми кораблями, команды которых согласились посидеть взаперти, пока будет проходить погрузка и выгрузка войск, якобы перевозимых ими. Впоследствии они смогут утверждать лишь то, что в течение двух с половиной часов слышали топот ботинок на Дорсае и в течение четырех часов тот же звук на орбите Новой Земли, когда челноки перебрасывали людей с их кораблей в какое-то неизвестное место планеты, вокруг которой они вращались.

Агенты Центрального союза городов-государств засекли посадку челноков в лесной зоне колонии Брета, поблизости от границы со Спейнвиллем. При попытках подобраться поближе агентов остановили вооруженные дорсайцы и отправили их назад. Но, учитывая количество рейсов, вполне можно было допустить, что с космического корабля высадилось по крайней мере пять тысяч человек.

Генерал Лу Мэй, командующий объединенными силами городов-государств, выслушав эту информацию, только хмыкнул.

— Одна из тех штучек, которые так любит этот Грэйем, — сказал он.

Лу Мэю уже перевалило за семьдесят; он был в отставке, но не смог остаться равнодушным к стремлению городов-государств развязать войну и вернулся в армию, чтобы возглавить объединенные силы.

— Он хочет напугать нас тем, что нам придется столкнуться с двумя отдельно атакующими армиями. Но я нисколько не сомневаюсь, что он стянет их в одну при первой же возможности, как только решит, что вынудил нас выступить в открытую и теперь может начинать свои хитроумные маневры. Но мы не попадемся на его удочку. Мы останемся на наших укрепленных точках в Спейнвилле и заставим его прийти сюда.

Лу Мэй был толстым и старым, и мысль о том, что он сможет нанести поражение этому выскочке, оставаясь в своем уютном доме в Спейнвилле, забавляла его. Он приказал установить вокруг города тяжелые энергетические орудия и заминировать все подходы к нему. Для того чтобы прорвать такие оборонительные рубежи, нужен кое-кто посерьезнее, чем легковооруженные и практически не защищенные дорсайцы, даже если их столько же, столько его солдат в городе.

Тем временем войска Клетуса уже пришли в движение. Множество разнородных транспортных средств, среди которых

были и гражданские грузовики, и тяжелые бронированные машины на воздушной подушке, заранее стянулись к месту, где совершали посадку челноки. Теперь они вереницей двинулись назад; за рулем каждого из них сидел вооруженный дорсаец. Эта колонна пересекла границу с Армоем и направилась в глубь территории к городу и новому космопорту, вызвав панику среди местных жителей.

— Ничего не предпринимать! — отвечал Лу Мэй на донесения из Армоя и просьбы направить к ним войска, чтобы защитить город от наступавших дорсайцев. Он не послал им ни одного солдата и, следуя своему плану, спокойно наблюдал за действиями оставшихся подразделений Клетуса, которые, перейдя границу, направлялись, скорей всего, через Спейнвилль к одному из других городов-государств. Лу Мэй остался в бездействии даже тогда, когда, уже пройдя мимо города, колонны Клетуса резко развернулись и подошли к границе Спейнвилля. В это же время войска, угрожавшие Армою, неожиданно изменили направление движения и вскоре появились с другой стороны города. Таким образом Спейнвилль оказался полностью окружен дорсайцами.

Лу Мэй хихикал и хлопал себя по жирным ляжкам, и — что любопытно — в штабе дорсайцев на окраине города не меньшую радость проявлял канцлер Эд Рейес, представитель колонии Брета, сопровождавший армию Клетуса якобы в качестве наблюдателя.

— Отлично, маршал, отлично! — Рейес, худой энергичный человек, с высоким лбом и внешностью ученого, потирал от удовольствия свои костлявые руки. — Вам удалось поймать их в ловушку. И нет других войск, которые могли бы прийти им на помощь. Отличная работа!

— Благодарите за это генерала Лу Мэя, а не меня, — ответил Клетус. — Он гораздо меньше боится нас, сидя за своими минными полями и оборонительными рубежами, чем на открытой местности, где дорсайцы мобильнее его войск. У него больше людей, и он занимает укрепленные позиции.

— Но вы не должны пытаться взять город штурмом! — запротестовал Рейес. — Вы можете жить за счет этой страны или получать продовольствие из Бреты. Как захотите. Лу Мэй же отрезан от внешних источников снабжения… Теперь остается только ждать, когда голод заставит его вылезти из своего убежища.

— Все может оказаться не так просто, — заметил Клетус. — Ну разве что генерал проявил себя уж очень беспечным руководителем и, отлично продумав все остальное, не сделал

запасов провизии для города и войск в таком количестве, чтобы продержаться дольше, чем мы себе это можем позволить.

Рейес нахмурился. Ему показалось, что этот дорсайский маршал слишком мрачно оценивает сложившуюся ситуацию.

— Вы что, против осады города? — удивился он, — Если это так, то должен вас уведомить, что правительство Бреты считает этот вариант оптимальным и, в общем-то, единственным, которого вы должны придерживаться, раз уж вам посчастливилось загнать Лу Мэя в угол.

— Я ничего против не имею, — спокойно ответил Клетус, — Пока. Но в связи с тем, что мое мнение как военного эксперта не во всем согласуется с мнением вашего правительства, я вынужден напомнить вам, канцлер, что одним из моих условий во время переговоров с руководством колонии Брета — как, впрочем, и в переговорах со всеми другими правительствами, с которыми я подписываю контракты, — заключается в том, что я один отвечаю за проведение кампании.

Он сел за стол:

— А теперь извините, у меня много работы. Рейес заколебался, затем резко развернулся на каблуках и вышел.

Клетус продолжал осаду три недели. Все это время его солдаты воздвигали брустверы и рыли окопы за ними вокруг города, как будто собирались оставаться там на неопределенно долгий срок. Тем не менее, за исключением случайного обмена выстрелами, между защитниками города и осаждавшими не произошло никаких серьезных столкновений.

Такое же негласное перемирие распространялось и на воздушное пространство. Дорсайские самолеты патрулировали небо над городом и вокруг него, но столкновений не было. В большинстве межколониальных вооруженных конфликтов на новых планетах противодействующие стороны по негласной договоренности — типа того, что касалось отравляющих газов во время Второй мировой войны на Земле в двадцатом веке, — избегали использовать военно-воздушные силы. Цель вооруженной борьбы между низкоразвитыми в промышленном отношении сообществами — такими, как новые колонии, — заключалась не столько в том, чтобы уничтожить производственные мощности врага, сколько в том, чтобы отнять их у него. Но трудно оказаться в выигрыше, разрушив то, ради чего начинал войну. Причем ценность представляли не только фабрики и оборудование, но и люди, умевшие работать на этом оборудовании. Поэтому бомбардировок и даже использования тяжелых орудий вблизи промышленных зон старались избегать, и небо служило только для разведывательных полетов и

транспортировки войск.

В конце третьей недели Клетус отдал приказ, заставивший канцлера Эда Рейеса в буквальном смысле прибежать в кабинет маршала.

— Вы оттягиваете от города половину своих сил и приказываете им занять Армой и космопорт! — набросился Рейес на Клетуса, не успев даже переступить порог кабинета.

Клетус поднял голову от стола, за которым работал.

— Так вы уже слышали об этом? — невозмутимо осведомился он.

— Слышал об этом! — Рейес подлетел к столу и навис над ним. — Я видел их. Все эти гражданские грузовики, которые вы реквизировали, чтобы привезти сюда войска, сейчас направляются к Армою. Только не говорите мне, что они едут не туда.

— Они едут именно туда, — кивнул Клетус. — Оставшиеся подразделения последуют за ними через двадцать четыре часа. Совершенно ясно, что нет никакого смысла продолжать осаду. Я собираюсь ее снять, двинуться к Армою и захватить космопорт.

— Снять осаду?! Если вам заплатили города-государства за то, чтобы вы предали нас, вы не могли выбрать лучшего… — Он неожиданно замолчал, уловив перемену в лице Клетуса.

Клетус уже стоял на ногах.

— Надеюсь, что я не все правильно расслышал, канцлер. — Взгляд и голос Клетуса не предвещали ничего хорошего, — Вы обвиняете дорсайцев в том, что они отказались выполнять условия контракта, заключенного с вашим правительством?

— Нет… то есть… Я не это имел в виду… — заикаясь, пробормотал Рейес.

— В таком случае советую осторожнее выбирать выражения, — процедил Клетус. — Дорсайцы не нарушают контрактов и плохо переносят подобные обвинения. А теперь в последний раз позвольте вам напомнить, что я — я один — руковожу этой кампанией. Очевидно, вам следует вернуться к себе.

— Да, я… — Рейеса как ветром сдуло.

На следующее утро перед самым рассветом последние из осаждавших город дорсайцев погрузились в военные машины и покинули Спейнвилль, увозя с собой все орудия. Остался только самолет — на случай, если Спейнвилль захотел бы организовать расследование.

Рассвет застал окопы и брустверы дорсайцев пустыми. Был уже почти полдень, когда бывшие позиции дорсайских войск были осмотрены и стало ясно, что их покинули. Разведчики

определили по следам, куда направилась армия Клетуса, и немедленно доложили об этом генералу Лу Мэю.

Лу Мэй, которого эта новость пробудила ото сна, для начала выругался такими словами, которые вышли из моды лет сорок назад, но, поняв, в чем дело, возликовал.

— Мы его обыграли! — кричал старик, выкатившись из кровати и лихорадочно пытаясь одеться. — Он не смог выдержать ожидания, а теперь сам себе перерезал горло!

— Сэр? — недоуменно начал полковник, что прибыл с данным известием. — Перерезал себе горло? Я не понимаю…

— Это потому, что вы, ребятки, ничего не знаете о том, как надо вести войну, — прогремел Лу Мэй, натягивая брюки, — Грэйем направляется в Армой, вот идиот!

— Да, сэр, — согласился полковник, — Но я все равно не понимаю…

— Ему пришлось смириться с тем фактом, что у него не осталось надежды взять город! — рявкнул Лу Мэй. — Поэтому он оттянул войска и решил вместо этого захватить Армой. В таком случае он заявит, что, по крайней мере, добыл для Бреты космопорт! Он скажет им, что, имея в руках космопорт, они смогут заключить соглашение и защитить свой проход к морю. Вы это понимаете? До Грэйема наконец дошло, что он подписал плохой контракт. Он хочет выпутаться любым способом, но как это сделать, если ему нечего будет предложить Брете? Армой и космопорт будут палочкой-выручалочкой!

— Да, сэр, — серьезно проговорил полковник. — Это все я понимаю. Но я не понимаю, почему вы сказали, что он сам себе перерезал горло. В конце концов, если он сможет дать Брете космопорт и Армой…

— Идиот! Идиот вдвойне! — прорычал Лу Мэй, — Ему сначала надо захватить Армой, не так ли?

— Да, сэр…

— Так что ему придется оккупировать город Армой своими силами, так?

Одевшись наконец, Лу Мэй поковылял к двери.

— Если мы поспешим, — бросил он через плечо, — то догоним его в Армое и окружим. У него нет запасов, чтобы продержаться там долго, а если понадобится, у нас хватит оружия и людей, чтобы взять город штурмом! В любом случае мы окружим дорсайцев, а самого его возьмем в плен и сделаем с ним что захотим.

Лу Мэй быстро послал свою армию вдогонку за Клетусом и дорсайцами. Но, несмотря на спешку, его армия выступила в идеальном походном порядке, не забыв тяжелые орудия, что были

вкопаны вокруг города. Лу Мэй потащил их за собой, хотя они и замедлили его передвижение. Тяжело, но решительно он шел по четкому следу, оставленному на траве отступившими войсками Клетуса.

След вел прямо к городу Армою, до которого легковооруженные дорсайцы могли добраться дня за три. Лу Мэю с его войском в лучшем случае понадобились бы все четыре, и, отстав на один день, генерал из Спейнвилля попадал в Армой как раз вовремя для того, чтобы воспользоваться моментом, когда люди Клетуса начнут расслабляться — после захвата Армоя и космопорта.

Однако Лу Мэй решил обеспечить себе небольшой запас времени. Если он обнаружит, что немного опережает график, он всегда сможет побездельничать, подождав, пока хвост преследуемой армии подтянется к городу. Поэтому после ужина он приказал своему войску продолжать движение и после захода солнца, под безлунным, но звездным небом Новой Земли. Он гнал его вперед в темноту до тех пор, пока люди не стали засыпать прямо на ходу. Наконец около трех часов ночи он с неохотой приказал остановиться для отдыха.

Не успели его солдаты и офицеры провалиться в глубокий сон, как серия резких, оглушающих взрывов разбудила их. Они наблюдали, как искристым красно-белым пламенем горят тяжелые энергетические орудия, что они тащили за собой. В это мгновение одетые в темное дорсайцы неожиданно появились среди солдат и начали отбирать у них личное оружие. Затем они собирали их в группы, за которыми следили зоркие глаза и пистолеты других наемников.

Лу Мэй, проснувшись, подскочил на своей походной койке, когда увидел стоящего над ним Клетуса и пистолет, торчащий из незастегнутой кобуры на его бедре.

— Но вы… ушли вперед… — заикаясь, выдавил он из себя.

— Перед вами двигалась колонна пустых грузовиков, — объяснил Клетус, — Никого, кроме водителей, в них не было. Все мои люди здесь. Ваша армия взята в плен, генерал. Вы все значительно упростите, если подпишете капитуляцию прямо сейчас.

Лу Мэй слез с койки. В своей пижаме он выглядел безобидным беспомощным стариком. Он покорно выполнил все формальности, связанные с капитуляцией.

Клетус вернулся к себе в палатку, где был устроен временный штаб. Его ждал канцлер Эд Рейес.

— Канцлер, вы можете сообщить своему правительству, что вооруженные силы городов-государств у вас в плену… — начал

он, но замолчал при виде Билла Этайера, который вошел в палатку со сложенным листком желтой бумаги в руке.

— От полковника Хана с Дорсая, — доложил он. — Передали сюда из нашего основного лагеря у Адоньера в Брете.

Клетус взял листок и прочел его.

«Атака территории Бахаллы, предпринятая Ньюлэндом через ущелье Эттера, отбита. Альянс и коалиция создали Объединенные миротворческие силы, действующие против новых миров. Во главе стоит Дау де Кастрис».

Клетус сложил листочек, сунул его в карман и повернулся к Рейесу.

— У вас есть двадцать четыре часа, чтобы доставить сюда бретанские войска, которым мы передадим захваченных пленных. Я со своей армией должен немедленно возвращаться на Дорсай.

— Но в случае победы мы планировали торжественный парад… — неуверенно начал тот.

— Двадцать четыре часа, — строго повторил Клетус и вышел.

Канцлер так и остался стоять с открытым ртом.

Глава 24

По возвращении на Дорсай Клетус позвонил майору Арвиду Джонсону и приказал встретить его. Затем вместе с Биллом Этайером, тенью следовавшим за ним, даже не сняв своей походной формы, сел в стратоплан, который должен был доставить его в Форали.

Мелисса и Ичан ждали его у парадной двери, Арвид стоял в дальнем конце зала. Клетус направился в кабинет и пригласил его и полковника.

— Вы тоже, Билл, — распорядился Клетус, обращаясь к Этайеру.

Закрыв за ними дверь, он спросил Ичана:

— Каковы последние новости?

— Несколько месяцев назад Кастрис был назначен на должность главнокомандующего Объединенной армии альянса и коалиции в новых мирах, — ответил Ичан. — Коалиция и альянс скрывали это, пока их руководство развязывало в газетах кампанию с целью подготовить рядовых граждан Земли к данной идее. А еще здесь Артур Валько, который желает с вами встретиться. Похоже, что у него возникли проблемы с де Кастрисом на стибнитовых шахтах Ньютона.

— Да, теперь во всех новых мирах начнутся конфликты. Я увижусь с Валько завтра утром, — ответил Клетус и повернулся к Арвиду: — Ну, Арв, если бы у дорсайцев было принято вручать медали, я бы сейчас тебе преподнес их целую горсть. Надеюсь, ты когда-нибудь меня простишь. Мне пришлось заставить тебя думать, что я отправил тебя в казармы навсегда.

— А разве не так, сэр? — спокойно спросил Арвид.

— Нет, — ответил Клетус. — Я хотел, чтобы ты возмужал. И я этого добился.

Действительно, перед ним стоял совсем не тот Арвид, которого он знал раньше. Одна из перемен заключалась в том, что он выглядел по крайней мере лет на пять старше. Его светлые волосы потемнели, кожа покрылась густым загаром. Казалось, Арвид похудел, но в то же время стал еще крупнее. Худощавый мужчина с крепкими мускулами был на голову выше всех остальных в комнате. Мягкость, сердечность, доброжелательность теперь уступили место суровости и уверенности.

Сейчас он неподвижно стоял у стола Клетуса, похожий на непобедимого великана из сказки.

— Что я должен теперь?

— Вступить в сражение, если потребуется, — объяснил

Клетус, — Я собираюсь оставить под твоей защитой планету. И я присваиваю тебе новое звание, на два ранга выше прежнего, — звание вице-маршала. Ты будешь работать вместе с другим офицером, который также получит новое звание — начальника штаба, — Он взглянул на Билла Этайера. — Этот офицер — Билл, — сказал он, — Он будет рангом ниже тебя, но выше остальных моих офицеров.

Арвид и Билл посмотрели друг на друга.

— Начальник штаба? — переспросил Ичан.

— Совершенно верно, — воскликнул Клетус. — Не удивляйтесь, Ичан. Это одно из следствий реорганизации армии. Маршал, вице-маршал и начальник штаба образуют основную команду. Начиггаба изучает стратегическую ситуацию и разрабатывает план кампании, а вице-маршал воплощает его в жизнь, изобретая соответствующую тактику ведения боевых операций. Между ними примерно такие же отношения, как между архитектором и генеральным подрядчиком при строительстве здания. Работа обоих требует творческого отношения. Я дам вам почти полную свободу действий.

Рассказывая все это, Клетус наблюдал за Биллом, затем после паузы спросил:

— Ты понял свою задачу, Билл?

— Да, сэр, — кивнул тот.

— В таком случае… — Взгляд Клетуса остановился на Арвиде. — Итак, начштаба вручает свой стратегический план вице-маршалу, и с этого момента вся полнота власти переходит к последнему. Его работа заключается в том, чтобы внести в подготовленный план дополнения и изменения, продиктованные практикой, и осуществить его оптимальными способами. Ты понимаешь, Арв?

— Да, сэр.

— Хорошо, — продолжал Клетус, — В таком случае вы с Биллом освобождаетесь от ваших нынешних обязанностей и немедленно приступаете к новой работе. Планета, с которой вы начнете, это наш Дорсай, и первое ваше войско будет состоять из женщин и детей, больных и раненых — из обыкновенных людей, гражданского населения. — Он слегка улыбнулся. — Ну, а теперь вперед, оба. Никто из нас не имеет права тратить время зря.

Когда дверь кабинета закрылась за ними, Клетуса внезапно захлестнула волна усталости, которую он сдерживал много дней и часов. Он покачнулся и тут же почувствовал, как Ичан схватил его за локоть.

— Нет-нет, все в порядке, — сказал он.

Все вокруг снова стало четким и ясным. Клетус взглянул на

озабоченное лицо Ичана.

— Я просто устал, только и всего. Пойду вздремну немного, а после обеда мы займемся делами.

Сопровождаемый Ичаном, он вышел из кабинета и направился к спальне, не чувствуя под собой ног. Увидев кровать, он упал на ее податливую поверхность, даже не подумав снять ботинки… Это было последнее, что он осознал.

Проснулся он перед самым закатом; наскоро поужинав, провел два часа в детской, заново знакомясь со своим сыном. Затем закрылся с Ичаном у себя в кабинете, чтобы заняться делами.

Разговор с председателем правительства Ньютона Валько, состоявшийся на следующий день в этом же кабинете, был не слишком приятным. Валько сразу начал с едва завуалированных обвинений, но Клетус прервал его.

— Контракт, который мы с вами подписали, — заявил он, — предусматривал захват Уотершеда и стибнитовых шахт, а также передачу их вашим собственным войскам. Мы не давали гарантий, что вы сохраните управление шахтами. Как вы будете их удерживать и какие соглашения заключать с Брозой — ваша забота.

— Мы заключили соглашение! — кипятился Валько, — Но сейчас, когда к их войскам прибавилось еще пятнадцать тысяч солдат Объединенной армии альянса и коалиции по милости этого де Кастриса, они отказываются выполнять его. Они утверждают, что сделали это под давлением.

— А разве не так? — спросил Клетус.

— Дело не в этом! Дело в том, что нам немедленно нужны вы и достаточное количество войск с Дорсая, чтобы противостоять этим пятнадцати тысячам солдат с Земли, которых Броза использует в качестве дубины.

Клетус покачал головой:

— Мне очень жаль, но именно сейчас мне крайне необходимы мои люди. Я пока не могу прибыть на Ньютон.

Взгляд Валько стал тяжелым.

— Вы помогли нам вернуть эти шахты, — сказал он, — но теперь, когда у нас возникли проблемы, вы оставляете нас с ними один на один. И это вы называете справедливостью?

— Разве в контракте упоминалась справедливость? — мрачно осведомился Клетус. — Я что-то этого не помню. И потом, если уж говорить о справедливости, то вынужден вам напомнить, что, хотя стибнитовые шахты открыли ваши ученые и вы вкладывали в их разработку свои средства, это произошло только потому, что вы смогли воспользоваться бедностью Брозы, которая не

позволяла ей самой заниматься этими шахтами. Возможно, вы имеете в этом деле финансовый интерес, но у брозанцев есть моральное право претендовать на шахты. Это природные ресурсы Брозы. Если бы вы пеклись о справедливости, вам пришлось бы данное моральное право рано или поздно признать.

Он помолчал, затем устало продолжил:

— Извините меня. Я слегка переработался за эти дни. Но в любом случае я не в состоянии сейчас заняться вашим делом. Я уже сказал вам, что ни я сам, ни экспедиционные войска, о которых вы просите, в данный момент не могут отправиться на Ньютон.

— Тогда что же вы для нас можете сделать? — пробормотал Валько.

— Послать нескольких человек, которые будут командовать вашими собственными войсками, правда, если в контракте будет предусмотрено, что они принимают все военные решения самостоятельно.

— Что?! — выкрикнул Валько. — Но это еще хуже, чем ничего!

— В таком случае я буду счастлив, если вы предпочтете ничего, — отрезал Клетус, — Если это так, дайте мне знать прямо сейчас. В данный момент мое время ограничено.

Последовала еще одна пауза. Постепенно взгляд Валько изменился, в нем появилось отчаяние.

— Мы возьмем ваших офицеров! — выдохнул он.

— Хорошо. Полковник Хан подготовит контракт для вас в течение двух дней. Можете обсудить условия с ним. А теперь вы меня простите…

Валько ушел. Клетус позвал в кабинет Дэвида ап Моргана, ныне старшего боевого командира, и дал ему задание отобрать офицеров для отправки на Ньютон, чтобы принять на себя командование войсками ПОС.

— Вы, конечно, можете отказаться, — заметил Клетус.

— Вы знаете, что этого не будет, — ответил Дэвид ап Морган. — Что конкретно я должен делать?

— Спасибо, — сказал Клетус, — Я дам вам тысячу двести пятьдесят человек, каждый из которых будет повышен в звании. Замените ими всех местных офицеров — я подчеркиваю, всех. Контракт составлен таким образом, что в военных делах командующим являетесь вы и только вы. Смотрите, чтобы именно так оно и было. Не слушайте никаких советов Валько и его правительства ни при каких обстоятельствах. Скажите им, что, если они не оставят вас в покое, вы заберете своих людей и вернетесь на Дорсай.

— Да, сэр, — кивнул Дэвид. — Есть какой-либо план этой кампании?

— Избегайте любых прямых сражений. Даже если до этого дойдет, постарайтесь не вступать в бой. Заставьте Объединенную армию альянса и коалиции преследовать вас и делайте так, чтобы это преследование длилось подольше. Поводите их по большой территории. Постреляйте по ним немного, исключительно для того, чтобы поддержать их стремление вас догнать, но если они подойдут слишком близко, разбивайтесь на партизанские отряды. Сделайте все для того, чтобы они забеспокоились, и старайтесь свести собственные потери к минимуму.

Дэвид снова кивнул.

— Думаю, — Клетус серьезно посмотрел на него, — в течение первых же недель семьдесят — восемьдесят процентов людей из армии Передовых объединенных сообществ дезертируют. Останутся те, кто проникнется верой в вас. Вы сможете приступить к переподготовке, так как из них получатся действительно хорошие солдаты.

— Именно так я и поступлю. Что-нибудь еще?

— Сделайте эту кампанию как можно более дорогостоящей для врага, — ответил Клетус. — Не убивайте их людей, когда этого можно избежать, но стремитесь к тому, чтобы они понесли тяжелые материальные потери. Чем активнее будут их солдаты, тем больше им будет не хватать вооружения и прочих вещей, которые, я надеюсь, вы будете уничтожать при каждом удобном случае.

— Понятно. — Дэвид вышел из кабинета.

Тихо насвистывая, он направился к своему расположенному неподалеку дому, который назывался Фал Морган. Как и все в его семье, он обладал хорошим голосом и умел насвистывать приятные и довольно сложные мелодии. Услышав мелодию, затихавшую по мере того, как ап Морган удалялся от кабинета, Клетус неожиданно вспомнил песню, которую однажды сыграла и спела ему Мелисса. Она была печальной и красивой, автор — член семьи ап Морганов — погиб во время одной из кампаний задолго до того, как Клетус перебрался на Дорсан; Мелисса тогда была еще совсем девчонкой.

Он не помнил песню целиком, но в ней говорилось о том, как молодой человек не мог забыть дом, в котором он вырос, и все время вспоминал его во время службы на какой-то другой планете.

Фал Морган, Фал Морган, в это утро седое Твои стены из камня стоят предо мною…

Клетус тряхнул головой, прогоняя воспоминания, и вернулся

к составлению списка людей, которые должны были получить повышение и отправиться с Дэвидом.

В течение следующих недель спрос на дорсайских профессиональных солдат резко возрос. Во всех местах, где Клетус когда-либо одерживал победы, сейчас находились вооруженные силы альянса и коалиции, пытаясь восстановить прежнюю ситуацию, существовавшую до успешных операций дорсайцев.

Войска с Земли предпринимали массированные выступления и внушали страх. Вместе альянс и коалиция располагали огромной армией, разбросанной по всем планетам. Но в силу ряда причин она нередко оказывалась малоэффективной.

Прежде всего существовало соперничество между бывшими офицерами альянса и их новыми партнерами из коалиции. Неизбежны были и ошибочные решения — чересчур поспешно образовался военный союз.

Однако многочисленная и превосходно оснащенная армия с Земли, действующая против кое-как вооруженных местных колониальных сил, подкрепленных горстками дорсайцев, казалось, была обречена на успех. Клетус не мог противопоставить ей соответствующее количество воинов-дорсайцев, даже если бы он мобилизовал всех мужчин на этой планете, включая подростков, стариков и калек.

Одним из возможных решений этой проблемы была отправка небольших групп дорсайцев в разные колонии, чтобы они сменяли местных офицеров, но это решение подходило для тех случаев, когда колониальные войска были хотя бы немного подготовлены. Туда же, где этого не было, как на Кассиде, или туда, где вообще отсутствовали местные колониальные войска, как на Сент-Мари, приходилось отправлять целые отряды дорсайцев.

— Но почему нельзя наконец остановиться? — спросила Мелисса однажды, расстроенная известием от соседей, чья семья потеряла еще одного человека. — Почему мы не можем просто перестать посылать солдат на другие планеты?

— Именно для этого-то коалиция и альянс объединились. Они хотят разрушить все, чего мы добились, — ответил ей Клетус. — Только разбив нас, они смогут дискредитировать дорсайцев как наемников для колоний. Этого и добивается Дау. Тогда они явятся на Дорсай, чтобы уничтожить нас.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— У меня нет никаких сомнений на этот счет. Так же как и у всех, кто задумывался над этим вопросом, — сказал Клетус. — Мы всегда одерживали победы и доказали, что мы намного

эффективнее их собственных войск. Еще немного — и войска альянса и коалиции станут не нужны в новых мирах. А раз нет необходимости в военной поддержке с Земли, исчезнет и влияние Земли на колонии. Таким образом, победив нас, они сохранят свою власть в новых мирах, в то время как, если выиграем мы…

— Выиграем! — фыркнул Ичан, присутствующий при разговоре.

— Если мы выиграем, — повторил Клетус, твердо глядя на старика, — мы лишим их этой власти навсегда. Сейчас между нами идет битва не на жизнь, а на смерть. Когда она закончится, либо Земля, либо Дорсай будут изгнаны из новых миров.

Мелисса молча смотрела на него широко открытыми глазами.

— Неужели это так! — воскликнула она наконец и повернулась к отцу. — Папа…

— Это, в общем-то, правда, — бесцветным голосом подтвердил Ичан. — Нам слишком хорошо удались первые кампании Клетуса — на Ньютоне и других планетах. Мы напугали и альянс, и коалицию. Они хотят обезопасить себя и сохранить свое могущество. И они не пожалеют ни сил, ни средств, которых у них значительно больше, чем у нас. А мы уже отправили последних имевшихся у нас солдат.

— У них в резерве тоже никого не осталось, — заметил Клетус.

Ичан не ответил. Мелисса снова повернулась к мужу.

— Нет, я не собираюсь проигрывать, — Голос Клетуса был тверд.

Ичан по-прежнему молчал. Далеко в тишине послышалась мелодия звонка у парадной двери. Через секунду адъютант открыл дверь.

— Ребон, посланник экзотов на Дорсае, сэр, — объявил он.

— Пусть войдет, — разрешил Клетус.

Адъютант сделал шаг в сторону, и, легко ступая, в комнату вошел худощавый человек в голубом свободном одеянии. Его лицо отражало внутреннее спокойствие и серьезность, столь характерные для экзотов. Ичан и Клетус поднялись ему навстречу.

— Боюсь, у меня плохие новости, Клетус, — начал он, — Вооруженные силы альянса и коалиции захватили строящуюся электростанцию на Маре со всем оборудованием и обслуживающим его техническим персоналом.

— На каком основании? — не выдержал Ичан.

— Коалиция имеет зарегистрированные претензии к Передовым объединенным сообществам Ньютона, — объяснил Ребон, слегка повернувшись к Ичану, — Они захватили

электростанцию в качестве имущества ПОС, пока не будет принято решение относительно их претензий. Мондар, — он взглянул на Клетуса, — просит вашей помощи.

— Когда это произошло? — спросил Клетус.

— Восемь часов назад, — ответил Ребон.

— Восемь часов! — изумился Ичан, — Самый современный космический корабль — а более быстрого способа передавать информацию через межзвездное пространство не существует — мог преодолеть расстояние между Марой и Дорсаем самое меньшее за три дня.

Ребон опустил глаза.

— Тем не менее, уверяю вас, это правда, — пробормотал он.

— А откуда там взялись войска? — Ичан бросил взгляд на Клетуса. — По нашим оценкам, у них уже не оставалось никого в резерве.

— С Ассоциации и Гармонии, в этом можно не сомневаться, — заявил Клетус.

— Это действительно так, — удивленно произнес Ребон. — Вы ожидали этого?

— Я предполагал, что со временем де Кастрис наберет людей на этих планетах, — объяснил Клетус, — Я отправляюсь немедленно.

— На электростанцию Мары? — В голосе Ребона чувствовалось облегчение, — Значит, вы можете собрать своих людей и помочь нам?

— Нет. Я отправляюсь один. На Культис, — объявил Клетус уже в дверях. — Поговорить с Мондаром.

У корабля, который должен был доставить его на Культис, он встретился с Арвидом Джонсоном и Уильямом Эгайером. Клетус остановился на минуту, чтобы поговорить с ними.

— Ну, вам по-прежнему кажется, что я дал вам легкую работу, назначив ответственными за безопасность Дорсая?

— Нет, сэр, — спокойно посмотрел на него Арввд.

— Хорошо. Разработайте систему защиты планеты в условиях повышенной опасности, — продолжал Клетус. — Вы знаете принципы, которые лежат в основе наших действий. До встречи!

— До свидания! — ответил Билл, — Пусть вам сопутствует удача!

— Эта леди слишком переменчива, — усмехнулся Клетус. — Я не могу позволить себе рассчитывать на нее.

Он поднялся по трапу, и дверца люка захлопнулась за ним.

Через пять минут корабль с грохотом взмыл вверх и затерялся в космосе.

Глава 25

С тех пор как Клетус последний раз видел Мондара в Бахалле, в его доме, окруженном садом, тот как-то необъяснимо изменился. На его лице не появилось ни одной новой морщинки, а в волосах по-прежнему не было седины, но глаза, как и глаза Мелиссы, стали странно глубокими, словно за прошедшее время его сознание обогатилось новыми уровнями понимания.

— Значит, вы не можете помочь нам на Маре? — Этими словами он встретил Клетуса.

— У меня больше не осталось войск, которые можно было бы отправить туда. Но даже если бы они и были, я бы настоял на том, чтобы мы их не посылали.

Они прошли через несколько залов и оказались во внутреннем дворике, где Мондар жестом пригласил Клетуса сесть в широкое плетеное кресло и сам сел в такое же рядом.

Экзот все это время молчал и только теперь заговорил:

— Утратив электростанцию, мы потеряем больше, чем можем себе позволить. Здесь, в Бахалле, есть ваши дорсайцы. Не могли бы мы использовать часть из них, чтобы вернуть себе станцию?

— Ну, если вы хотите, чтобы дополнительные войска альянса и коалиции явились в Ньюлэнд и потекли рекой через границу в вашу колонию… — начал Клетус, — Вы ведь этого не хотите?

— Нет, — сказал Мондар, — Но что же делать с теми, кто занял электростанцию?

— Оставьте их там, — дал совет Клетус.

Мондар пристально посмотрел на него.

— Клетус, — обратился он к собеседнику после короткой паузы, — может, вы пытаетесь найти оправдание той ситуации, которую сами создали?

— Вы доверяете моим суждениям? — ответил вопросом на вопрос Клетус.

— Я их высоко ценю, — медленно проговорил Мондар. — Лично я. Но боюсь, что большинство других посланников здесь и в наших колониях на Маре в данный момент не разделяют моего мнения.

— Но они по-прежнему доверяют вам принимать решения, касающиеся меня, не так ли? — спросил Клетус.

Мондар с любопытством посмотрел на него.

— Почему вы так думаете? — поинтересовался он.

— Потому что до сих пор все, о чем я просил экзотов, я получал через вас, — пояснил Клетус. — Так вы по-прежнему тот человек, который может рекомендовать им ставить на меня, или

нет?

— Да, — вздохнул Мондар. — И поэтому я не должен руководствоваться личными симпатиями. Теперь на мне лежит ответственность перед своими товарищами и в какой-то мере перед человечеством, потому что я обязан помочь экзотам сделать правильный выбор: или вы, или альянс и коалиция, а от этого многое будет зависеть.

— Что произойдет, если вы сделаете выбор не в мою пользу? — спросил Клетус.

— Мы будем вынуждены принять их условия, — ответил Мондар. — Они, несомненно, захотят, чтобы мы отказались от помощи ваших войск, которые служат нам, и потребовали у вас выплаты займа. Они также захотят, чтобы мы активно поддерживали их, наняли их войска и помогли им бороться против вас на Дорсае.

Клетус кивнул.

— Да, это так, — согласился он, — А что вам необходимо, чтобы вы остались с Дорсаем?

— Какое-нибудь доказательство того, что у Дорсая есть шанс выжить в сложившейся ситуации и сохранить свое влияние, — сказал Мондар, — Вы же только что доказали обратное. Я объяснил вам, что мы понесем серьезные убытки на Маре, а вы отказываетесь нам помочь, не собираясь ничего предпринимать в связи с захватом строящейся электростанции. Есть ли у вас серьезные аргументы в пользу такого решения?

— Конечно. Вы ведь хорошо понимаете, что сам по себе этот объект в абсолютной безопасности. Сооружение электростанции выгодно и для альянса с коалицией, и для кого бы то ни было другого. Возможно, они и заняли станцию, но будьте уверены, что они не причинят никакого ущерба ни зданию, ни оборудованию.

— Но какой нам от этого прок, если она останется в их руках?

— Ненадолго, — уточнил Клетус. — Подождите неделю. По истечении этого времени кто-нибудь из нас одержит победу: либо Дау, либо я. Если победит он, вы сможете договориться с ним. Если же выиграю я, будет достаточно одного моего слова, чтобы эти фанатики убрались с вашей станции.

— Почему вы говорите «через неделю»? — прищурившись, полюбопытствовал Мондар.

— Все решится не позже чем через семь дней, я уверен, — ответил Клетус. — Дау нанял людей с Ассоциации и Гармонии, а это говорит о том, что он уже готов раскрыть свои карты.

— Да? — Мондар пристально посмотрел на Клетуса, который ответил своему собеседнику таким же взглядом.

— Именно так, — подтвердил он, — Мы знаем, сколько у Дау

людей, способных к боевым действиям. Это можно сосчитать, зная количественный состав сил альянса и коалиции на новых мирах. Дау пришлось использовать все свои резервы, чтобы развязать достаточное число малых войн. Но, заменив в некоторых местах свои войска наемниками с Ассоциации и Гармонии, он сможет освободить значительные силы, намереваясь дать мне решительный бой. Следовательно, появление наемников под командованием Дау может означать только то, что он формирует такое войско.

— Вы не можете быть на сто процентов уверены именно в таком развитии событий.

— Конечно могу, — возразил Клетус, — В конце концов, это я предложил использовать войска Ассоциации и Гармонии таким образом.

— Вы предложили? — изумился Мондар.

— Я недавно слетал на Гармонию, чтобы поговорить с Иаковом Десницей Божией на предмет найма членов его Воинствующей церкви, чтобы увеличить количественный состав моей армии. Я назначил низкую цену за его людей. Едва ли нужно иметь богатое воображение, чтобы предположить, что раз уж эта мысль была ему подкинута, то, как только я улечу, он займется поисками возможности получить более высокую цену от Дау за тех же людей.

— А Дау, конечно, имея в своем распоряжении деньги альянса и коалиции, смог заплатить больше, — задумчиво проговорил Мондар. — Но если это действительно так, почему он не нанял их раньше?

— Потому что после первого же их выступления против моих дорсайцев всем стало бы ясно, что эти фанатики совершенно бездарны в военном отношении, — ответил Клетус. — Дау получит от них максимальную пользу, если быстро напялит на них форму и заменит ими отборные войска альянса и коалиции, которые ему необходимо тайно высвободить, чтобы перебросить их для участия в решающем сражении.

— Полагаете, что вам с де Кастрисом предстоит решающее сражение, Клетус? — задумчиво спросил Мондар.

— Естественно, — ответил Клетус, — Я знаю об этом начиная с того вечера, когда сел за стол к Дау на борту корабля, направлявшегося на Культис.

Брови Мондара взлетели вверх.

— Вы, конечно, умеете делать правильные прогнозы, — признал он. — Но все-таки это не может дать вам абсолютной уверенности в том, что Дау обязательно поступит так, как вы думаете.

— Конечно, нет ничего, в чем можно быть абсолютно уверенным, — согласился Клетус. — Но в таких вопросах я обычно не ошибаюсь. Вы сможете удержать ваших экзотов от каких-либо действий в отношении захваченной электростанции в течение семи дней?

Мондар поколебался.

— Думаю, да, — произнес он после паузы, — Дней семь смогу. А что вы собираетесь тем временем делать?

— Ждать, — ответил Клетус.

— Здесь? — удивился Мондар. — Пока Дау, по вашему мнению, будет собирать свои лучшие войска, готовясь нанести удар? Я не понимаю, как вы могли покинуть Дорсай в такое время.

— Не надо удивляться. Как вы понимаете, мне известно, что экзоты каким-то образом получают информацию о событиях на других планетах раньше, чем ее может доставить самый быстрый космический корабль. Здесь любая информация дойдет до меня скорее, чем в любом другом месте. Вы скажете, что я ошибаюсь?

Мондар едва заметно улыбнулся:

— Нет. Вынужден признать, что вы не ошибаетесь… Что ж, будьте моим гостем, пока длится это ожидание.

— Спасибо, — улыбнулся Клетус.

Гостем Мондара он и оставался — на протяжении тех трех дней, которые провел, инспектируя войска дорсайцев в Бахалле, работая в местной библиотеке, где в свое время Билл Этайер начал новую жизнь. Несколько раз Клетус встречался с Вефером Линетом.

Утром четвертого дня, когда они с Мондаром вместе завтракали, молодой экзот в зеленом платье молча вручил Мондару листок бумаги. Тот взглянул на него и сказал:

— Пятнадцать кораблей с отборными войсками коалиции во главе с Дау де Кастрисом высадились на Дорсае два дня назад. Они заняли планету.

Клетус встал.

— Что теперь? — спросил экзот. — Вы ничего не можете сделать. Без Дорсая что у вас есть?

— А что у меня было до того, как появился Дорсай? — возразил Клетус. — Мондар, Дау нужен не Дорсай, ему нужен я. И пока я могу действовать, он еще не победил. Я немедленно отправляюсь на Дорсай.

Мондар тоже встал:

— Я с вами.

Глава 26

Челноку с изображением восходящего солнца на борту, эмблемой экзотов, сразу же разрешили приземлиться на Дорсае на посадочную площадку в Форали. Но как только Клетус следом за Мондаром вышел из корабля, его разоружили явно имеющие боевой опыт военные в форме коалиции, с белыми нашивками Объединенных сил альянса и коалиции на правом рукаве. Эти же солдаты сопроводили прибывших — через город, в котором не было заметно ни одного местного жителя, только оккупанты, — до военного атмосферного корабля, доставившего их в Грэйем-хаус.

В главном зале дома их встретили Мелисса и Ичан с бокалами в руках, напряженные и неестественные, как статуэтки, расставленные хозяином таким образом, чтобы выделить фигуру Дау де Кастриса, одетого в бело-серую форму коалиции. Главнокомандующий расположился у бара в дальнем углу комнаты и тоже держал в руке бокал.

У противоположной стены стоял Суахили — в форме коалиции — с тяжелым энергопистолетом в руках.

— Привет, Клетус, — сказал Дау. — Я надеялся, что, когда приземлюсь, обнаружу вас здесь. Но вас не нашли, и я удивлен, что вы рискнули прилететь сюда, хотя наверняка видели мои корабли на орбите. Или вы думаете, что мы заняли еще не весь Дорсай?

— Я знаю, что вы это сделали, — ответил Клетус.

— Но все равно прилетели? Напрасно. — Де Кастрис поднес бокал к губам и отпил немного. — Или вы явились сюда, чтобы предложить себя в обмен на то, что я уберу свои войска с Дорсая? Если так, то это глупо. Я в любом случае верну этому миру свободу. А вы всего лишь избавили меня от необходимости искать вас на других планетах. Знаете, мне придется увезти вас назад на Землю.

— Не сомневаюсь, что вы намерены поступить именно так, — холодно улыбнулся Клетус, — Чтобы передать меня суду, который вынесет мне смертный приговор или приговорит к пожизненному заключению, после чего меня куда-нибудь упрячут, а со временем я просто исчезну.

— Абсолютно верно, — кивнул Дау де Кастрис.

Клетус посмотрел на свои часы.

— Сколько времени прошло с тех пор, как ваши экраны зарегистрировали приближение корабля, на котором я прилетел? — поинтересовался он.

— Около шести часов, — Де Кастрис поставил бокал на столик и расправил плечи. — Только не говорите мне, что вы прибыли сюда, ожидая, что вас спасут! Может быть, у горстки офицеров, которых вы здесь оставили, и есть экран, и они вас засекли, и, быть может, даже знают, что на его борту находились вы. Но, Клетус, мы преследуем их двадцать четыре часа в сутки, с тех пор как сюда прибыли мои войска. Они слишком заняты, чтобы беспокоиться о вас, даже если бы у них было достаточно людей и оружия.

Секунду он пристально смотрел на Клетуса.

— Но все равно, — он повернулся к Суахили, — не будем рисковать. Идите и передайте командующему мой приказ поставить у посадочной площадки в Форали охрану. И пусть с одного из транспортных кораблей прибудет челнок. Мы отправим Грэйема на борт как можно скорее.

Суахили вышел, передав оружие своему новому хозяину и плотно закрыв за собой дверь.

Де Кастрис посмотрел на Клетуса.

— Не хочу недооценивать вас именно сейчас, — усмехнулся он.

— А вы всегда меня недооценивали, — заметил Клетус. — Именно это и привело вас сюда.

Де Кастрис улыбнулся.

— То, что я говорю, — абсолютная правда, — настаивал Клетус. — Мне нужен был рычаг, чтобы изменить историю, и я выбрал вас. Начиная с того самого вечера, когда я подсел к вам за стол на корабле, направлявшемся на Культис, я не переставал готовить эту ситуацию.

Рукой, сжимавшей тяжелый пистолет, де Кастрис оперся о стойку, нацелив дуло прямо на Клетуса.

— Отойдите от него на несколько шагов, Мондар. — Де Кастрис взглянул на экзота, который все это время стоял позади Клетуса. — Вряд ли вы станете жертвовать собой, чтобы спасти его… Но к чему рисковать?

Мондар отошел.

— Продолжайте, — вновь обратился к Клетусу де Кастрис. — У нас есть еще несколько минут. Я совершенно не верю тому, что вы говорите, но, если вам удалось хоть в малой степени манипулировать мною, я хочу знать как.

— Рассказывать особенно нечего, — небрежно бросил Клетус. — Я начал с того, что пытался привлечь к себе ваше внимание. Показал, что у меня есть талант военачальника. Затем стал создавать себе имя во всех новых мирах, подав вам идею использовать мои действия как повод для достижения своей

главной цели.

— И что же это за цель?

Оружие в руке де Кастриса было по-прежнему нацелено на Клетуса.

— Личный контроль над альянсом и коалицией, а через них — над всеми старыми и новыми мирами, — спокойно объяснил Клетус. — Вы представляли мои успехи в новых мирах как угрозу и альянсу, и коалиции до тех пор, пока они не согласились объединить свои силы против меня и поставить вас во главе своих войск. Став главнокомандующим, вы решили, что вам осталось только разбить дорсайцев, а затем схватить меня и, используя свою популярность и военную силу, заменить политическое руководство коалиции и альянса на Земле военной хунтой. Естественно, генералы, которых вы подобрали для этой цели, — ваши люди, и со временем они полностью передали бы управление Землей вам.

В комнату вернулся Суахили. Де Кастрис вернул ему оружие, и тот, тщательно следя за тем, чтобы Клетус все время оставался под прицелом, пересек комнату и снова занял свою прежнюю позицию у противоположной стены комнаты.

— Когда? — спросил его де Кастрис.

— Через двадцать минут, — ответил Суахили.

Де Кастрис задумчиво посмотрел на Клетуса.

— А впрочем, искушать судьбу довольно рискованно…

Он вдруг замолчал.

На улице возле дома послышались крики и резкий многоголосый свист конусных ружей, после чего раздалось шипение по крайней мере одного энергетического разряда. Суахили бросился к двери.

— Нет! — рявкнул Дау.

Суахили резко развернулся. Дау показал на Клетуса.

— Убей его!

Суахили поднял энергопистолет, и тут раздался странный звук, словно кто-то резко взмахнул плеткой. Суахили неожиданно замер, затем повернулся к Ичану, сидящему в своем кресле. В руке у того был плоский маленький пистолет — на сей раз без снайперского ствола: именно из этого пистолета он отстреливался от ньюлэндских партизан, когда вместе с Мелиссой, Мондаром и Клетусом попал в засаду на дороге в Бахаллу.

Суахили тяжело упал на колени, затем повалился на ковер и так и остался там лежать. Де Кастрис бросился к оружию.

— Не двигайтесь! — раздался резкий голос Ичана.

Де Кастрис замер. Снова послышались крики.

Ичан встал с кресла, пересек комнату, по-прежнему сжимая в руке свой пистолет. Он поднял упавшее оружие и склонился над Суахили, который дышал тяжело и хрипло.

— Извини, Рауль, — сказал Ичан тихо.

Суахили поднял глаза на Ичана, и слабая улыбка тронула его губы. Он так и умер — с улыбкой на лице. Ичан вытянул руку, закрыл ему глаза и выпрямился. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвался Арвид с космическим ружьем в руках, а за ним — Билл Этайер.

— Здесь все в порядке? — Взгляд Арвида устремился на Клетуса.

— Все в порядке, Арв, — ответил Клетус. — А как снаружи?

— Мы взяли их всех.

— Тогда вам лучше поспешить, — сухо предупредил де Кастрис. — Все мои отряды поддерживают постоянную связь друг с другом. Через несколько минут здесь будут люди из других отрядов. Только куда вы собираетесь бежать?

— А мы вовсе не собираемся бежать, — посмотрел на него Арвид. — Все ваши войска на Дорсае взяты в плен.

Де Кастрис изумленно уставился на него:

— Я вам не верю. На этой планете из местного населения не осталось никого, кроме женщин, детей и стариков.

— Ну и что? — с издевкой в голосе спросил Клетус.

Де Кастрис повернулся к нему.

— Вы не верите, что я могу разбить несколько тысяч отборных солдат коалиции только при помощи женщин, стариков и детей?

Де Кастрис несколько секунд смотрел на него молча.

— Да, — ответил он наконец. — Я верю, что вы, Клетус, могли бы это сделать. Но вас здесь не было. — Он поднял правую руку и нацелил указательный палец на Клетуса. — Вы забыли одну вещь…

Из рукава его мундира мгновенно и бесшумно вылетело маленькое облачко белесого дымка. По груди Клетуса словно ударили кувалдой. Он отшатнулся, и только стол спас его от падения.

Арвид бросился к де Кастрису, его рука взлетела вверх и уже начала было опускаться, когда раздался едва слышный голос Клетуса:

— Не убивай его…

В последнюю секунду рука Арвида изменила направление. Он схватил де Кастриса за вытянутую руку, задрал ему рукав, и все увидели баллончик парализатора с иглометом, прикрепленный к запястью. Арвид сорвал его и отшвырнул в сторону. Затем

схватил левую руку Дау, задрал рукав, но там ничего не оказалось.

— Лучше не шевелитесь, — предупредил Арвид де Кастриса и отошел от него.

Мелисса уже была рядом с Клетусом.

— Тебе надо лечь. — Голос ее дрожал от волнения.

— Нет… — Клетус покачал головой. — Я должен ему кое-что сказать.

Он не знал, до какой степени пострадал от укола, ощущал только, что верхняя правая часть его тела онемела да угрожающе усиливалось головокружение. Он оперся о край стола, стоящего за его спиной.

— Послушай меня, Дау, — заговорил он, — Я собираюсь отправить тебя назад, на Землю. Мы не станем тебя убивать.

Де Кастрис смотрел на него без страха и с некоторым любопытством.

— Если это так, то я сожалею, что выстрелил в тебя. Я думал, мне скоро конец, и решил взять тебя с собой. Но зачем тебе посылать меня на Землю? Ты же знаешь, что я соберу новую армию и вернусь. И в следующий раз я тебя одолею.

— Нет, — покачал головой Клетус, — Земля утратила свое влияние в новых мирах. Ты им об этом скажешь, когда вернешься. С настоящего момента любая колония может нанять дорсайцев вполовину меньше, чем будет солдат альянса или коалиции у ее врага, и легко разбить землян. Дорсайцы всегда будут побеждать.

Де Кастрис нахмурился.

— Это ты делаешь дорсайцев непобедимыми, — сказал он. — А ты не вечен.

— Вечен. — Клетусу пришлось сделать паузу, чтобы снова отогнать подступающую дурноту, — Как ты сам заметил, меня здесь не было, когда ты высадился. Планета, где остались только дети, женщины и старики, нанесла тебе поражение. Это потому, что я все равно незримо присутствовал здесь. Ты видишь этих двоих?

Он слабо кивнул в сторону Арвида и Билла.

— Они вдвоем могут полностью заменить меня, — проговорил он уже почти шепотом, — Теоретик и боевой командир. Единственный приказ, который я им оставил, — защищать Дорсай. И они защитили его именно так, как это сделал бы я, — вплоть до того, что они явились сюда в тот самый момент, когда я их ждал. Земля никогда не создаст войска, способные нанести дорсайцам поражение.

Голова кружилась все сильнее…

— …Почему? — услышал он голос де Кастриса.

Он оглянулся, пытаясь найти говорившего, и увидел перед собой худощавое лицо, обрамленное черными волосами с сединой на висках, расплывчатое, словно в тумане.

— Новым мирам пора обрести независимость, — ответил Клетус. — Они должны освободиться от альянса, от коалиции, от власти Земли и стать самостоятельными. Пришло время. И я сделал это.

— …из-за книг, которые ты хотел написать… — Голос де Кастриса постепенно исчезал, отдаваясь в ушах Клетуса грохотом морского прибоя.

— И это… тоже. — Клетус вцепился в край стола обеими руками, ему казалось, что пол вот-вот уйдет у него из-под ног. — Следующие шестнадцать томов будут посвящены тактике, которой смогут воспользоваться только новые поколения дорсайцев, и… бесполезной для обычных военных там, на Земле. Солдаты нового типа… с самообладанием… чувством долга… ум и тело…

Все пропало вокруг него…

…После того, что показалось ему бесконечными веками небытия, он вернулся к смутной реальности и обнаружил, что лежит на кровати. Молодой офицер с белыми нашивками врача, очевидно, только что наложил широкую повязку ему на грудь. За спиной врача стояли Мелисса и Мондар.

— Значит… я не умер? — произнес он таким тихим шепотом, что сам едва смог разобрать собственные слова.

— Дау выбрал для вас неудачное оружие, Клетус, — ответил Мондар. — Иглы, вызывающие состояние физического шока и коллапса, годятся для того, чтобы убить обычного человека, но не такого, как вы. Вы приучили свое тело автоматически подчиняться вашей воле. Вы будете жить, не так ли, доктор?

— Совершенно верно. — Офицер выпрямился и отошел от кровати. — Он должен был умереть в течение первых полутора минут после укола. Когда он миновал эту точку, его организму некуда было больше двигаться, кроме как к выздоровлению.

Он протянул Мелиссе баллончик с лекарством.

— Проследите, чтобы он побольше спал, — сказал он. — Идемте, посланник.

Фигуры двух мужчин исчезли из поля зрения Клетуса. Он услышал, как закрылась дверь. Мелисса села на стул и принялась прикреплять баллончик к правой руке Клетуса.

— Теперь ты свободна, — прошептал он ей. — Можешь лететь на Землю или куда захочешь. Теперь все кончено.

— Не разговаривай, — оборвала она его. — Все это чепуха. Если бы я хотела улететь, я бы сделала это сразу же после того,

как ты заставил меня выйти за тебя замуж. Я бы придумала, как объяснить это отцу. Он бы поверил любым моим словам.

Клетус удивленно посмотрел на жену:

— Тогда почему ты не…

— Потому что я поняла: ты любишь меня, — ответила она. — Это все, что мне было нужно.

Он отрицательно покачал головой:

— Я сказал…

Мелисса наклонилась и поцеловала Клетуса, не дав ему договорить.

— Дурачок! Глупый мой гений… Ты думаешь, я обратила хоть какое-то внимание на то, что ты сказал?

Дорсай!

(© Перевод К. Плешкова)

Курсант

Парень был не таким, как все.

Это он знал и сам. Он не однажды за свою короткую восемнадцатилетнюю жизнь слышал, как об этом говорили между собой старшие — мать, отец, дяди, офицеры в академии. Теперь, в одиночестве бродя по пустой зоне отдыха в долгих янтарных сумерках, прежде чем вернуться домой, он размышлял, в самом деле он так необычен — или предстает таким лишь в глазах других.

— Странный парень, — как-то отозвался о нем начальник академии в разговоре с офицером — преподавателем математики, — Никогда не знаешь, что у него на уме.

Сейчас дома его ждал торжественный ужин по случаю окончания учебы. Родные почти смирились с тем, что он все-таки откажется от своего назначения. Почему? Разве он когда-либо давал им повод для сомнений? Он принадлежал к чистокровным дорсайцам: мать — из рода Кенвиков, отец — из рода Грэймов; эти фамилии были столь древними, что их происхождение терялось в глубинах истории планеты. В его жилах текла кровь многих поколений профессиональных солдат, и ни единое пятнышко не замарало чести его предков-воинов. Он — первый в своем выпуске, его смелость неоспорима, репутация не запятнана.

Юноша подошел к ограде, отделявшей полосу препятствий от ям для прыжков, и облокотился на нее.

Что, если взглянуть на себя со стороны? Стройный восемнадцатилетний старший курсант — не слишком высокий и сильный для типичного дорсайца. Почти копия своего отца, такие же резкие, угловатые черты лица и прямой нос, только не такой крупный. Смуглая кожа, прямые, черные и слегка жесткие волосы — все как у типичного жителя планеты. Лишь его глаза, не имевшие определенного цвета — то серые, то зеленые, то голубые, в зависимости от настроения, — никогда прежде не встречались у его многочисленных предков. Неужели глаза могли стать причиной репутации странного парня?

Конечно, следовало принять во внимание и характер. Он в полной мере унаследовал способность впадать в холодную, внезапную, смертоносную ярость дорсайца, из-за которой никто в здравом уме не отважился бы без повода связаться с кем-либо из них. Но это — общеизвестная черта; и если дорсайцы считали Донала Грэйма не таким, как все, дело было в чем-то другом.

Может, думал он, глядя на закат, дело в том, что даже в гневе он порой чересчур расчетлив, слишком хладнокровен? При этой

мысли он снова ощутил странное чувство какой-то бестелесности, которое то и дело испытывал с самого рождения.

Это всегда случалось именно в моменты усталости и эмоционального напряжения. Ему вспомнилась одна из вечерних служб в часовне академии. Закатные лучи, как и сейчас, падали сквозь высокие окна на отполированные стены и вставленные в них солидограммы — изображения знаменитых сражений. Он, еще совсем маленький мальчик, в полуобморочном состоянии после долгого дня утомительных строевых занятий и еще более утомительных уроков, стоял среди одноклассников. Вокруг звучали голоса: все — от самого юного курсанта до стоявших сзади офицеров — пели торжественную отпустительную молитву — известную повсеместно как гимн Дорсая, слова которой были написаны человеком по фамилии Киплинг четыре с лишним столетия назад.

…Тускнеют наши маяки,
И гибнет флот, сжимавший мир…
Дни нашей славы далеки.
Как Ниневия или Тир…

Ему вспомнилось, что этот гимн исполняли во время похоронной службы, когда прах его младшего дяди был доставлен с поля битвы при Доннесворте на Фрайлянде, третьей планете Арктура.

…За то, что лишь болванки чтим.
Лишь к дымным жерлам знаем страх,
И, не припав к стопам Твоим,
На прахе строим, сами прах…

Последние слова гимна проникли в самые укромные уголки его сердца.

…За похвальбу дурацких од —
Господь, прости же свой народ![3]

По спине пробежал холодок. Красный умирающий свет заливал равнину вокруг. Далеко в небе черной точкой кружил ястреб. Здесь, у ограды и полосы препятствий, его, казалось, отделяла от всей остальной Вселенной некая прозрачная стена, делавшая его недосягаемым. Обитаемые миры и их солнца

проплывали перед его мысленным взором; он ощущал неодолимое влечение к некоей великой таинственной цели, сулившей ему немедленное исполнение всех его желаний, а затем блаженное растворение в пространстве. Искушение сделать шаг, провалиться в бездну и исчезнуть навсегда было слишком велико, но какая-то малая часть его естества удерживала его от самоуничтожения.

Затем внезапно, так же внезапно, как и началось, наваждение исчезло. Он направился к дому.

У дверей его уже ждал отец, опираясь на тонкую металлическую трость; в полутьме смутно виднелась его широкоплечая фигура.

— Добро пожаловать домой, — сказал отец и выпрямился, — Переодевайся — и к столу. Обед будет готов через полчаса.

Мужчина

Мужчины — члены семьи Ичан Хана Грэйма — сидели за обеденным столом в длинной полутемной комнате; женщины и дети уже ушли. Присутствовали не все — лишь чудом они когда-либо могли бы собраться все вместе. Из шестнадцати взрослых мужчин девять сражались где-то среди звезд, один проходил курс восстановительной хирургии в госпитале в Форали, а самый старший, двоюродный дед Донала, Кемаль, тихо умирал в собственной комнате в задней части дома, с кислородной трубкой в носу, и лишь слабый аромат лилий напоминал ему о жене-маранке, умершей сорок лет назад. За столом сидело пятеро, в том числе и Донал.

Остальными, кто присутствовал здесь, чтобы поздравить его с окончанием учебы, были Ичан, его отец; Мор, его старший брат, приехавший домой в отпуск с Квакерских миров; и его дяди-близнецы Ян и Кенси, старшие братья дяди Джеймса, погибшего у Доннесворта. Ичан сидел во главе стола, его двое сыновей — справа от него, а двое младших братьев-близнецов — слева.

— В мое время у них были хорошие офицеры. — Ичан наклонился, чтобы наполнить стакан Донала, и Донал машинально взял его, продолжая внимательно слушать.

— Все с Фрайлянда, — заметил Ян, более мрачный из двоих угрюмых близнецов. — Только они быстро закисают, пока их не встряхнет очередное сражение. Кенси говорит, самое лучшее — Мара или Культис. Вот и я говорю — почему бы нет?

— Я слышал, у них там несколько дорсайцев, — сказал Мор, сидевший справа от Донала.

Слева послышался низкий голос Ичана:

— Это все напоказ — я-то знаю. Разве можно делать пирог из одной лишь глазури? Просто деятелям с Культиса приятно знать, что у них есть не имеющие себе равных телохранители, но стоит только где-нибудь начаться настоящей заварухе, их тут же бросят на выручку.

— А пока, — добавил Кенси с внезапной улыбкой, озарившей его мрачное лицо, — полное бездействие. Мирное время не для солдат. Даже настоящий дорсаец превращается в украшение.

— Точно, — кивнул Ичан.

Донал рассеянно отхлебнул из стакана, и виски с непривычки обожгло ему небо. На лбу у него выступили капельки пота; но он не обращал на это внимания, сосредоточившись на том, что говорилось вокруг. Он знал: разговор затеян ради него. Теперь он мужчина, и никто больше не вправе указывать ему, что делать.

Выбор места службы был за ним, и они как могли помогали ему своими познаниями о восьми звездных системах и их обычаях.

— …Я и сам никогда не считал гарнизонную службу достойным делом, — продолжал Ичан, — Наемник должен тренироваться, поддерживать форму и сражаться; причем сражаться достойно. Конечно, не все так думают. Дорсайцы тоже бывают разные, да и не все дорсайцы — Грэймы.

— Что касается квакеров… — начал было Мор, но замолчал, опасаясь, что перебил отца.

— Продолжай, — кивнул Ичан.

— Я только хотел заметить, — сказал Мор, — что много дел на Ассоциации, и на Гармонии вроде тоже. Секты всегда будут сражаться друг с другом. Или можно наняться телохранителем.

— Только не это, — покачал головой Ян. — Это не работа для настоящего солдата.

— Я и не собирался этого предлагать. — Мор повернулся к дяде, — Но святоши высоко ее ценят и берут туда самых лучших. Поэтому в войсках всегда есть вакансии для наемников.

— В некоторой степени это действительно так, — спокойно заметил Кенси. — И если бы у них было меньше фанатиков и больше офицеров, эти два мира стали бы серьезной силой среди звезд. Но священник-солдат лишь тогда чего-то стоит, когда он в большей степени солдат, нежели священник.

— Это точно, — заметил Мор, — Во время последнего дела на Ассоциации, после того как мы взяли один небольшой городок, явился один из старейшин и потребовал выделить ему пятерых из моих людей в качестве палачей.

— И что ты сделал? — поинтересовался Кенси.

— Направил его к моему командиру — но сначала отправился к нему сам и заявил, что, если среди моих солдат найдутся пятеро, которые согласятся на подобную работу, он может на следующий день перевести их куда угодно.

Ян кивнул:

— Ничто так не портит солдата, как роль мясника.

— Командир все понял, — сказал Мор. — Я слышал, они все же нашли палачей — но только не среди моих ребят.

— Искушения подобны вампирам, — сурово произнес Ичан. — Военная служба — чистое искусство. Человеку, который испытывает тягу к крови, деньгам или женщинам, я никогда не стал бы доверять.

— На Маре и Культисе прекрасные женщины, — улыбнулся Мор. — Я слышал.

— Я в этом не сомневаюсь, — Кенси повеселел. — Но рано или поздно придется вернуться домой.

— Дай бог, чтобы все вы смогли вернуться, — угрюмо сказал Ичан. — Я дорсаец, и я Грэйм, но если бы наш маленький мир мог предложить что-то иное, а не кровь наших лучших воинов в обмен на специалистов с других планет, я был бы весьма доволен.

— А ты остался бы дома, отец, — спросил Мор, — если бы был молод и обе твои ноги были здоровы?

— Нет, Мор. Но есть и иные занятия, кроме искусства воевать, — даже для дорсайца. — Он посмотрел на старшего сына. — Когда наши праотцы обосновались здесь меньше чем сто пятьдесят лет назад, в их намерения вовсе не входило поставлять пушечное мясо для других восьми систем. Им просто нужен был мир, где ни один человек не мог бы распоряжаться судьбой другого против его воли.

— Так оно и есть, — мрачно сказал Ян.

— Так оно и есть, — эхом отозвался Ичан, — Дорсай — свободный мир, где любой может делать все, что считает нужным, до тех пор пока он уважает права остальных. И ни одна из других восьми систем не отважилась бы попытать счастья на нашей планете. Но цена этого… цена… — Он покачал головой и снова наполнил свой бокал.

— Слишком суровое напутствие для сына, который только вступает в жизнь, — сказал Кенси. — В жизни есть и немало хорошего. Кроме того, сейчас на нас оказывают экономическое давление, а не военное. Кому, в конце концов, нужен Дорсай, кроме нас самих? Мы словно орех, и с очень маленьким ядром. Взять один из богатых новых миров — например, Сету в системе Тау Кита, или один из еще более богатых старых миров — Фрайлянд, или Ньютон, или даже саму старушку Венеру. У них есть причины для беспокойства. Они готовы драться друг с другом за талантливых ученых и инженеров, выдающихся художников и врачей. И благодаря этому у нас больше работы и соответственно лучше наша жизнь.

— Ичан тем не менее прав, Кенси, — проворчал Ян, — Они до сих пор мечтают собрать всех наших свободных людей в одну кучу, а затем договориться о том, чтобы с их помощью держать под контролем все остальные миры, — Он наклонился через стол к старшему брату, и в приглушенном свете столовой перед глазами Донала внезапно мелькнул белый шрам, извивавшийся вдоль его предплечья, словно змея. — От этой опасности мы не будем свободны никогда.

— Пока кантоны остаются независимыми от Совета, — произнес Ичан, — а семьи — от кантонов, им ничего не удастся сделать, Ян. — Он кивнул в сторону сидящих за столом. — Можете отправляться на войну с легким сердцем. Я обещаю вам,

что в этом доме ваши дети вырастут свободными — свободными от чьей-либо воли, — или этот дом просто не будет здесь стоять.

— Я верю тебе. — Глаза Яна блестели в полумраке, и он был близок к столь характерному для дорсайца всплеску эмоций — одновременно и холодному, и смертоносному. — У меня под этой крышей двое мальчиков. Но помни, что ни один мужчина не совершенен — даже дорсаец. Помнишь Махуба Ван Гента? Он мечтал о своем маленьком королевстве в Южных землях — всего пять лет назад, Ичан!

— Это было на другом краю мира, — заметил тот. — И теперь Махуб мертв, пал от руки одного из Бенали, своего ближайшего соседа. Дом его сожжен; никто более не признается в принадлежности к роду Ван Гентов. Что тебе еще нужно?

— Его следовало остановить раньше.

— Каждый имеет право на собственную судьбу, — мягко заметил Ичан, — Пока он не вмешается в судьбу другого. Его семья достаточно пострадала.

— Да, — кивнул Ян, успокаиваясь, и налил себе еще вина. — Это верно… это верно. Они не виноваты.

— Что касается экзотов… — тихо начал Мор.

— О да! — Кенси, в отличие от брата-близнеца, был абсолютно спокоен, — Мара и Культис — интересные миры. Отнеситесь к ним со вниманием, если когда-либо окажетесь там, Мор, или ты, Донал. Они славятся своим искусством, одеждой и украшениями. Сами не участвуют в боевых действиях, но умеют набирать хороших наемников. Мара и Культис известны и кое-чем еще — я был знаком с одним из психологов-экзотов.

— Они достаточно порядочны, — сказал Ичан.

— И это тоже, — согласился Кенси. — Больше всего меня привлекает то, что они стремятся к своей цели своим путем. Если бы я мог выбирать мир, где родиться…

— Я всегда был бы солдатом, — воскликнул Мор.

— Это ты сейчас так думаешь. — Кенси глотнул из стакана. — Но сегодня у нас дикая цивилизация, индивидуальность которой распадается на двенадцать различных культур. Менее чем пятьсот лет назад рядовой человек и мечтать не мог о том, чтобы оторваться от земли. И чем дальше, тем быстрее мы движемся. И чем быстрее, тем дальше.

— К этому нас толкает венерианская группа, не так ли? — выпалил Донал, юношеская застенчивость которого полностью исчезла под влиянием паров виски.

— Подумай сам, — обратился Кенси к нему. — Наука — единственная дорога в будущее. Старая Венера, Старый Марс, Кассида, Ньютон — может быть, они уже отжили свое. Блэйн —

богатый и могущественный старик, но он не знает всех этих новых штучек, которые придумывают на Маре и Культисе или даже на Квакерских мирах и Сете. Вы, двое молодых, когда окажетесь среди звезд, должны будете как следует оценить обстановку, поскольку девять шансов из десяти, что вас постараются одурачить.

— Слушайте его, мальчики, — одобрительно проговорил Ичан. — Ваш дядя — настоящий мужчина и на голову вас выше. Расскажи им, Кенси.

— Ничто не стоит на месте, — начал Кенси, и при этих словах виски молниеносно ударило Доналу в голову, стол и темные скуластые лица перед ним словно поплыли куда-то во мрак столовой, а громовой голос Кенси донесся до него откуда-то издалека: — Все меняется, и об этом вы должны помнить постоянно. То, что было истинно вчера, может не быть истинным завтра. Так что помните об этом и не относитесь безоговорочно к чьим бы то ни было словам, даже к моим. Мы расплодились, как библейская саранча, и рассеялись среди звезд, разделившись на группы, каждая из которых решила избрать свой собственный путь. И теперь, хотя мы вроде бы по-прежнему рвемся куда-то вперед, не знаю уж куда, с головокружительной и все возрастающей скоростью, меня не покидает ощущение… что все мы как будто замерли на краю чего-то, чего-то огромного, ни на что не похожего и, возможно, ужасного. В самом деле, пора двигаться осмотрительнее.

— Я буду величайшим генералом всех времен! — воскликнул Донал и не меньше остальных удивился, услышав собственный запинающийся и невнятный, но громкий голос. — Они еще увидят — я покажу им, что такое Дорсай!

Он осознавал, что они смотрят на него, хотя лица их были как в тумане, кроме Кенси — наискосок от него через стол. Он угрюмо, изучающе разглядывал его. Донал ощутил руку отца на своем плече.

— Пора спать.

— Вот увидите… — хрипло начал Донал. Но все уже вставали, поднимая свои стаканы и поворачиваясь к его отцу, который тоже поднял стакан.

— Чтобы мы все снова встретились, — произнес отец.

И все стоя выпили. Остатки виски коснулись языка и горла Донала, безвкусные словно вода, — на секунду все прояснилось, и он увидел стоящих вокруг него высоких мужчин. Даже его брат Мор возвышался над ним на полголовы, так что он почувствовал себя мальчишкой-подростком. Но в то же самое мгновение он вдруг ощутил невероятную нежность и жалость к ним, словно это

он был взрослым, а они — детьми, которых необходимо защищать. Он открыл рот, чтобы сказать, впервые в жизни, как он их всех любит и что он всегда будет с ними, чтобы заботиться о них, — а потом туман снова сгустился, и он только успел понять, что Мор ведет его в спальню.

Некоторое время спустя он открыл глаза и увидел в темноте очертания фигуры, задергивавшей занавески в его комнате: только что взошла яркая двойная луна. Он узнал мать и во внезапном порыве скатился с постели, пошатываясь, подошел к ней и положил ей руки на плечи.

— Мама… — произнес он.

Она смотрела на него; черты ее бледного лица смягчал лунный свет.

— Донал, ты простудишься.

— Мама… Если я когда-нибудь буду тебе нужен… чтобы заботиться о тебе…

— О мальчик мой, — она крепко прижала его к себе, — позаботься лучше о себе самом, мальчик мой… мальчик мой…

Наемник

Донал еще раз взглянул на отражение в зеркале на стене его маленькой каюты. На него смотрел некто, почти совершенно ему незнакомый. Три короткие недели принесли с собой большие перемены; не то чтобы сам он слишком изменился, скорее изменилось его отношение к себе; так что не только из-за куртки в испанском стиле, обтягивающей рубашки и узких брюк, заправленных в сапоги, черных, как и остальной костюм, он едва узнавал себя — чужим казалось и тело под этой одеждой. Сказывалось и общение с представителями других миров. По сравнению с ними он выглядел высоким, уравновешенным и уверенным в себе. По пути с Дорсая к Альфе Центавра, в окружении других пассажиров-дорсайцев, он не замечал постепенных перемен. Лишь в просторном зале терминала на Ньютоне, среди шумной многотысячной толпы, он внезапно их осознал. Теперь же, пересев на другой корабль, направлявшийся на Квакерские миры, в преддверии своего первого обеда на борту роскошного лайнера, где, вероятно, больше никого с его планеты не было, он смотрел на себя в зеркало, внезапно ощутив себя взрослым.

Донал вышел из каюты, дверь которой мягко закрылась за ним, и свернул направо по узкому коридору. Направляясь в сторону главной кают-компании, он прошел через массивную дверь, в коридор следующей секции.

Оказавшись на пересечении с небольшим поперечным коридором, который вел налево и направо к туалетным комнатам этой секции, Донал чуть не налетел на стройную высокую девушку в строгом голубом платье до щиколоток. Она поспешно уступила ему дорогу, и какое-то мгновение они, застыв на месте, смотрели друг на друга.

— Прошу прощения. — Донал сделал два шага вперед, встретился с ней взглядом и понял, что его насторожило. Девушка выглядела испуганной; и этот странный, темный океан чувств, скрывавшийся под его непохожестью на других, внезапно пошел волнами от порыва ее ощутимого страха.

Теперь вблизи он отчетливо мог ее разглядеть. Она была старше, чем показалось ему вначале, — ей было по крайней мере лет двадцать. Однако в ней явно чувствовалась некая незрелость — намек на то, что ее красота станет очевидна позже, и значительно позже, чем у обычной женщины. Светло-каштановые волосы, глаза — широко расставленные и настолько зеленые, что, когда они широко раскрылись, стоило ей почувствовать его

пристальный интерес, все остальные цвета улетучились из его разума. У нее был изящный прямой нос, чуть широковатый рот и твердый подбородок.

— В чем дело? — спросила она, чуть вздохнув, и он внезапно заметил, что она отступает назад под его пристальным взглядом.

Он, нахмурившись, посмотрел на нее. Мысли его так стремительно мчались вперед, что когда он заговорил, то бессознательно оказался сразу посреди разговора, а не в его начале.

— Расскажите мне об этом, — попросил Донал.

— Вам? — Она поднесла руку к горлу, белевшему над высоким воротником платья. Затем, прежде чем он успел снова заговорить, рука вновь упала, и напряженность частично покинула девушку, — А, — кивнула она. — Понятно.

— Понятно — что? — довольно резко произнес Донал; бессознательно он перешел на тон, которым обращался к младшим курсантам последние несколько лет, если обнаруживал, что у них какие-то трудности. — Вы должны рассказать мне, в чем ваши проблемы, если хотите, чтобы я мог чем-либо вам помочь.

— Рассказать вам?.. — Она в отчаянии огляделась вокруг, словно ожидая, что кто-то может в любой момент появиться, — Откуда я знаю, что вы действительно тот, за кого себя выдаете?

Донал только теперь осознал, что она, возможно, неверно воспринимает происходящее.

— Я вовсе не говорил, кто я, — ответил он. — И я, собственно, никто. Я просто проходил мимо, увидел, что вы чем-то расстроены, и решил помочь.

— Помочь? — Ее глаза снова расширились, и девушка внезапно побледнела. — О нет… — пробормотала она и попыталась обойти его. — Пожалуйста, позвольте мне уйти. Пожалуйста!

— Только что вы были готовы принять помощь от кого-то вроде меня, лишь бы он только мог удостоверить свою личность, — сказал Донал, — Так что вы вполне можете рассказать мне остальное.

Она оставила попытки уйти и застыла, глядя ему в лицо.

— Я ничего вам не говорила.

— Кроме того, — иронически заметил Донал, — что вы кого-то здесь ждали. Что вы не знаете этого кого-то в лицо, но предполагали, что это мужчина. И что вы не были уверены в его добрых намерениях, но очень боялись его упустить. — Он почувствовал жесткие нотки в собственном голосе и заставил себя говорить более мягко. — А также то, что вы очень испуганы и не слишком опытны. Можно сделать дальнейшие логические

выводы.

Однако теперь девушка сумела овладеть собой.

— Может быть, вы все-таки позволите мне пройти? — уже спокойно произнесла она.

— Логично предположить, что вы замешаны в чем-то не вполне законном, — ответил Донал.

При этих словах она вздрогнула, словно от удара.

— Кто вы? — отрывисто спросила она. — Вас специально подослали?

— Я же вам сказал, — слегка раздраженно повторил Донал, — я просто проходил мимо и подумал, что, может быть, могу чем-то помочь.

— Я вам не верю! — Она отвернулась от него, — Если вы в самом деле никто… если никто вас не посылал… дайте мне пройти. И забудьте о том, что когда-либо меня видели.

— В этом нет никакого смысла, — пожал плечами Донал. — Вы явно нуждаетесь в помощи. Я готов ее оказать. Я профессиональный солдат. Дорсаец.

— О, — выдохнула она. Напряжение покинуло ее. Девушка выпрямилась и снова встретилась с ним взглядом, в котором, так ему показалось, читалось презрение. — Один из этих.

— Да, — кивнул он, потом нахмурился. — Что вы имеете в виду: «Один из этих»?

— Все ясно. Вы наемник.

— Предпочитаю термин «профессиональный солдат», — довольно холодно проговорил Донал.

— Главное то, — сказала она, — что вас можно нанять.

Он почувствовал, как в нем закипает холодная ярость, и, наклонив голову, шагнул назад, освобождая ей дорогу.

— Извините, — Он повернулся, чтобы уйти.

— Нет, подождите! — воскликнула девушка, — Теперь, когда я знаю, кто вы на самом деле, почему бы мне не воспользоваться вашими услугами?

— Конечно, — согласился Донал.

Из кармана она достала небольшой сложенный листок с отпечатанным текстом и сунула ему в руку.

— Это нужно уничтожить. Я заплачу вам, сколько бы это ни стоило, — Глаза ее внезапно расширились, когда она увидела, что он разворачивает то, что держал в руке, и начинает читать, — Что вы делаете? Вы не должны это читать! Как вы посмели?

Она схватилась за край листка, но он машинально отодвинул ее в сторону. Его взгляд быстро пробежал по строчкам документа, который она ему дала. Внизу листа он с изумлением увидел фотографию самой девушки.

— Ани Мар Ливана, — сказал он, — Избранная Культиса.

— Что, если и так? — взорвалась она. — Что с того?

— Я предполагал соответствующий уровень интеллекта, — сказал Донал.

Она открыла рот:

— Что вы имеете в виду?

— Вы — самая большая дура из всех, кого я когда-либо имел несчастье встречать. — Он положил документ в карман. — Ладно, я обо всем позабочусь.

— Позаботитесь? — Ее лицо вспыхнуло. Мгновение спустя оно исказилось от гнева. — Я вас ненавижу! — воскликнула она. — Если бы вы знали, как я вас ненавижу!

Он с жалостью посмотрел на нее.

— Может, еще полюбите, если, конечно, проживете достаточно долго. — Он повернулся к двери.

— Подождите… — услышал он ее голос. — Где мы увидимся после того, как вы от него избавитесь? Сколько я должна вам заплатить?..

Донал захлопнул за собой дверь, дав тем самым свой ответ на ее вопрос.

Он вернулся в свою каюту и, заперев дверь, более внимательно изучил листок, который дала ему девушка. Это был пятилетний контракт на предоставление услуг сопровождающей в свите принца Уильяма, председателя Совета той самой торговой планеты Сеты, которая была единственным обитаемым миром, обращающимся вокруг солнца Тау Кита. Очень либеральный контракт: нужно лишь сопровождать Уильяма, куда бы он ни пожелал отправиться, а также выполнять представительские функции — по его желанию. Его удивил не сам контракт — избранная Культиса вряд ли согласилась бы исполнять обязанности, противоречащие ее моральным и этическим принципам, — а то, что она попросила его уничтожить. Похищение контракта у работодателя само по себе было достаточно тяжким проступком, впекшим суровое наказание, но уничтожение контракта каралось смертной казнью при любых обстоятельствах. Похоже, подумал он, девушка не вполне нормальна.

Но — и в этом была вся ирония ситуации — избранная Культиса вряд ли могла быть ненормальной. Совсем наоборот, являясь уроженкой планеты, где тщательный генетический отбор и чудеса психотехники — обычное дело, она должна была обладать идеальным душевным здоровьем. Да, на первый взгляд она была нормальна, если не считать самоубийственной глупости. Но это был тот самый случай, когда следовало

руководствоваться опытом. А опыт подсказывал, что если что-то и было ненормальным, то скорее сама ситуация, а не оказавшаяся в ней девушка.

Донат задумчиво вертел контракт в руках. Ани явно не имела никакого понятия о том, на что идет, когда обратилась к нему со столь легкомысленной просьбой его уничтожить. Этот лист, который он держал в руках, а также слова и подписи на нем не являлись неотъемлемыми частями единого целого, и следовательно, он не мог быть никоим образом изменен или поврежден, за исключением полного уничтожения. Что касалось собственно уничтожения — Донал был почти уверен, что на борту корабля нет ничего, с помощью чего можно бы было сжечь, измельчить, растворить или каким-то еще способом избавиться от документа. А само обладание им кем-либо, кроме Уильяма, его законного владельца, было равносильно приговору.

В каюте раздалась легкая трель, объявлявшая о том, что в главной кают-компании подан обед. Сигнал прозвучал еще дважды, что означало третий из четырех приемов пищи, предусмотренных в течение корабельного «дня». Держа контракт в руке, Донал подошел к небольшому отверстию мусоропровода, которое вело в центральную мусоросжигательную печь. Естественно, она не в состоянии была уничтожить контракт — но, возможно, он мог бы пролежать там незамеченным, пока корабль не достигнет места назначения и его пассажиры не разойдутся. После этого Уильяму будет непросто выяснить, каким образом контракт оказался в мусоросборнике.

Покачав головой, Донал убрал контракт в карман. Непонятно, почему он так сделал. Вероятно, подумал он, в этом и есть его странность. К тому же наверняка сегодня не слишком удачный день для того, чтобы выпутываться из ситуации, в которую он ввязался из-за девушки. Как всегда, из памяти выпало то обстоятельство, что виной всему был он сам.

Донал поправил куртку, вышел из каюты и по длинным коридорам направился через многочисленные отсеки к кают-компании. В узком входе в зал его на мгновение задержала небольшая толпа направлявшихся на обед пассажиров, и в этот момент, глядя поверх голов, он увидел за длинным капитанским столом в дальнем конце зала ту самую девушку, Ани Мар Ливану. Радом с ней сидел удивительно красивый молодой офицер — судя по виду, фрайляндец, а около него — довольно неопрятный рослый молодой человек, почти столь же высокий, как и фрайляндец, но не обладавший и намеком на его военную выправку, а наоборот, сутулившийся в своем кресле, словно пьяный. Следующее кресло занимал худощавый, симпатичный

седовласый мужчина средних лет. Пятым за столом был явно дорсаец — массивный пожилой человек в форме фрайляндского маршала. Заметив его, Донал поспешил протолкаться через толпу. Подойдя к столу, он остановился напротив маршала и протянул ему руку.

— Здравствуйте, сэр. Я должен был найти вас еще до старта, но у меня не было времени. У меня для вас письмо от моего отца, Ичан Хана Грэйма. Я его второй сын, Донал.

Голубые глаза дорсайца, холодные, словно речная вода, изучающе разглядывали его из-под густых седых бровей. Какое-то мгновение ситуация балансировала на острие дорсайской гордости — между его собственным любопытством и неприкрытой дерзостью Донала. Затем маршал крепко пожал руку Донала.

— Значит, он помнит Хендрика Галта? — улыбнулся маршал. — Я ничего не слышал об Ичане вот уже много лет.

Донал почувствовал, как легкий холодок пробежал у него по спине. Перед ним был один из самых выдающихся дорсайских солдат своего времени Хендрик Галт, первый маршал Фрайлянда.

— Он передает вам привет, сэр, — сказал Донал, — и… но, может быть, я лучше принесу вам письмо после обеда, и вы прочитаете его сами.

— Конечно, — кивнул маршал. — Я в девятнадцатой каюте.

Донал все еще стоял. Подобная возможность могла больше не представиться. Но спасение пришло — как отчасти и надеялся Донал — с дальнего конца стола.

— Возможно, — произнес седой мягким и приятным голосом, — ваш молодой друг пообедает с нами, прежде чем вы заберете его к себе в каюту, Хендрик?

— Почту за честь, — ответил Донал с некоторой поспешностью. Он пододвинул к себе свободное кресло и сел, вежливо кивнув остальной компании за столом. Его взгляд встретился со взглядом девушки. Глаза ее были неподвижны, словно вплавленные в камень изумруды.

— Ани Мар Ливана. — Хендрик Галт представлял Доналу сидящих за столом. — А джентльмен, который пригласил вас, — Уильям Сетанский, принц и председатель Совета.

— Весьма польщен, — пробормотал Донал, наклоняя голову.

— …Мой адъютант… Командант Хью Киллиен…

Они кивнули друг другу.

— …и Арделл Монтор, с Ньютона. — Неуклюжий молодой человек, сгорбившийся в кресле, шевельнул в знак подтверждения головой. Глаза его — столь темные, что казались почти черными под светлыми бровями, гармонировавшими с его довольно густыми светлыми волосами, — на мгновение пристально посмотрели на Донала, потом снова стали безразличными, — Арделл, — сказал Галт без тени юмора, — достиг выдающихся результатов на Ньютоне. Он специализировался в области социодинамики.

— В самом деле, — пробормотал ньютонец, издав нечто среднее между фырканьем и смехом. — В самом деле, специализировался. — Он поднял тяжелый бокал со стола и отхлебнул светло-золотистого напитка.

— Арделл… — укоризненно произнес Уильям. Тот внимательно посмотрел на принца, потом снова фыркнул и поднес бокал к губам.

— Вы сейчас где-нибудь служите, Грэйм? — Фрайляндец повернулся к Доналу.

— У меня временный контракт на Квакерских мирах, — ответил Донал. — Я полагал, что там у меня будет возможность проявить себя.

— Вы истинный дорсаец, — улыбнулся Уильям. — Постоянно стремитесь в бой.

— Вы делаете мне комплимент, сэр, — повернулся к нему Донал, — Просто дело в том, что на поле боя повышение можно получить быстрее, чем в гарнизоне.

— Вы слишком скромны, — сказал Уильям.

— Да, действительно, — внезапно вставила Ани, — Даже чересчур.

Уильям насмешливо посмотрел на девушку.

— Ну что вы, Ани. Не следует позволять свойственной экзотам нелюбви к насилию выливаться в ничем не обоснованное презрение к этому прекрасному молодому человеку. Я уверен, что и Хендрик, и Хью с ним согласны.

— О да, конечно. — Ани бросила взгляд на них. — Конечно

согласны!

— Что ж, — рассмеялся Уильям, — мы должны быть снисходительны к избранной. Что касается меня, то должен признать, что я в достаточной степени мужчина, поэтому мне не может не нравиться сама мысль о возможности проявить себя в деле. Я… а, вот и обед.

Полные до краев суповые тарелки появились перед всеми сидящими за столом, кроме Донала.

— Лучше прямо сейчас сделайте заказ, — заметил Уильям.

— …Отец Донала был вашим одноклассником, не так ли, Хендрик? — поинтересовался Уильям, когда подали рыбу.

— Просто близким другом, — сухо ответил маршал.

— А, — сказал Уильям, осторожно насаживая на вилку кусок нежного белого мяса. — Я завидую вам, дорсайцам. Ваши профессии позволяют вам сохранять дружеские отношения независимо от занятий. В области торговли, — он сделал изящный жест смуглой рукой, — принцип всеобщего дружелюбия затмевает собой более глубокие чувства.

— Не все дорсайцы солдаты, принц, и не все сетанцы — предприниматели, — произнес маршал.

— Разумеется, — Взгляд Уильяма упал на Донала. — Что вы скажете, Донал? Вы по натуре просто солдат-наемник, или у вас есть иные стремления?

Вопрос был настолько же прям, насколько уклончиво его задали. Донал решил, что остроумный ответ с небольшой долей тщеславия будет наилучшим.

— Естественно, я бы хотел стать знаменитым. — Затем он смущенно рассмеялся: — И богатым.

Он заметил, как потемнело лицо Галта. Однако сейчас это его не взволновало: у него была иная цель. Донал надеялся, что у него будет возможность развеять подозрения маршала несколько позже. А сейчас следует казаться достаточно своекорыстным для того, чтобы возбудить интерес Уильяма.

— Очень интересно, — любезно заметил принц. — И как вы намереваетесь осуществить эти благие намерения?

— Я надеюсь, — ответил Донал, — что мне удастся узнать что-нибудь, путешествуя среди миров, — что-нибудь такое, чем я мог бы воспользоваться для собственной выгоды.

— Господи, и это все? — Фрайляндед расхохотался, явно приглашая остальных последовать его примеру.

Уильям, однако, не смеялся — хотя и Ани развеселилась, и даже Арделл фыркнул.

— Нечему удивляться, Хью, — сказал он, — Мне нравится позиция Донала. Я сам когда-то думал точно так же — когда был

моложе. — Он добродушно улыбнулся Доналу. — Вы должны зайти ко мне поговорить, после того как закончите беседу с Хендриком. Мне нравятся молодые люди с амбициями.

Арделл снова фыркнул. Уильям повернулся и грустно взглянул на него.

— Попробуйте чего-нибудь поесть, Арделл. Через четыре часа с небольшим — фазовый сдвиг, и если у вас не будет чего-нибудь твердого в желудке…

— В моем желудке? — пьяным голосом сказал молодой человек. — А что, если мой желудок достигнет бесконечных измерений вне фазы? Что, если я достигну бесконечных измерений, и буду везде, и никогда не вернусь в исходную точку? — Он ухмыльнулся, глядя на Уильяма. — Какой напрасный расход хорошей еды…

Ани внезапно побледнела.

— Прошу прощения… — пробормотала она, поспешно вставая.

— Я ни в чем вас не обвиняю! — резко проговорил Уильям. — Арделл, у вас непростительно дурной вкус. Хью, проводите Ани в ее каюту.

— Я не хочу! — вспыхнула Ани, — Он такой же, как и все вы…

Однако фрайляндец, выглядевший в своей отутюженной форме как на рекламном плакате, поднялся и, обойдя вокруг стола, попытался взять ее за руку. Девушка отшатнулась от него, повернулась и нетвердыми шагами вышла из кают-компании; Хью последовал за ней. Донал успел заметить, что, прежде чем они скрылись за поворотом, она прильнула к высокому офицеру и оперлась на его руку.

Уильям продолжал высказывать свое неодобрение по поводу Арделла, который не возражал, но смотрел на него нетрезвым взглядом своих черных неподвижных глаз. Потом разговор перешел на военные проблемы, в частности полевую стратегию, и во время этой беседы втроем — из которой Арделл был, в сущности, исключен — Донал сумел вернуть часть своей личной репутации, несколько подорванной в глазах маршала упоминанием о славе и богатстве.

— Не забудьте, — напомнил Уильям, когда они расставались в коридоре после обеда, — Приходите ко мне, когда закончите с Хендриком, Донал. Буду рад помочь вам чем смогу, — Улыбнувшись и кивнув на прощание, он ушел.

Донал и Галт шли по узкому коридору, такому узкому, что приходилось идти друг за другом. Следуя за широкоплечим маршалом, Донал, к своему удивлению, услышал:

— Ну, что вы о них думаете?

— Сэр? — переспросил Донал. Поколебавшись, он выбрал ответ, который считал наиболее безопасным. — Меня слегка удивила девушка.

— Ани? — Галт остановился перед дверью с номером девятнадцать.

— Я думал, что избранная Культиса должна… — Донал на мгновение запнулся: —…должна уметь лучше контролировать себя.

— Она вполне здорова, вполне нормальна, вполне разумна — но все это лишь потенциальные возможности, — сердито возразил маршал. — Чего вы ожидали?

Он пропустил Донала вперед и плотно закрыл за собой дверь. Когда Галт повернулся, в его голосе зазвучали более жесткие и формальные нотки.

— Итак, что там насчет письма?

Донал глубоко вздохнул. Он изо всех сил пытался понять характер Галта во время обеда — и теперь поставил на карту все, надеясь, что не ошибся.

— Нет никакого письма, сэр. Насколько я знаю, мой отец никогда в жизни не был знаком с вами.

— Я так и думал, — сказал Галт, — Ладно, в чем тогда дело? — Он подошел к столу в другом конце комнаты, достал что-то из ящика, а когда повернулся, Донал, к своему изумлению, увидел, что он набивает табаком старинную трубку.

— Дело в Ани, сэр, — ответил он. — Я никогда в жизни не встречал подобной дуры, — И он обстоятельно изложил всю историю о встрече в коридоре. Галт присел на край стола с трубкой в зубах, выпуская маленькие облачка белого дыма, которые вентиляционная система всасывала мгновение спустя.

— Понятно, — кивнул он, когда Донал закончил. — Нельзя не согласиться с вами. Она дура. Вот только какого рода идиотом вы считаете себя?

— Я, сэр? — искренне изумился Донал.

— Именно вы, мой мальчик. — Галт вынул трубку изо рта. — Не успели закончить школу и уже сунули нос в историю, которая привела бы в замешательство целое планетарное правительство. — Он с откровенным недоумением разглядывал Донала. — О чем вы думали… на что рассчитывали… черт побери, что вы собирались со всем этим делать?

— Ну, ничего особенного, — пожал плечами Донал, — Я только хотел как можно более аккуратно выйти из нелепой и, возможно, опасной ситуации. Должен признаться, я никакого понятия не имел о роли Уильяма — но он, похоже, сущий дьявол.

Маршал изумленно уставился на Донала:

— Кто вам это сказал?

— Никто, — ответил Донал. — Это же и так очевидно, верно?

Галт положил трубку на стол и встал.

— Для девяносто пяти процентов населения цивилизованных миров — нет. Почему это столь очевидно для вас?

— Потому что любого человека можно оценить по внешности и действиям людей, которыми он себя окружает. А окружение этого Уильяма — раздавленные, лишенные воли люди.

Маршал посуровел:

— Вы имеете в виду меня?

— Естественно, нет, — сказал Донал. — Вы же дорсаец.

Суровое выражение исчезло с лица Галта. Он кисло улыбнулся и, взяв трубку, снова разжег ее.

— Ваша вера в наши общие корни — просто бальзам на душу. Итак, вы поняли сущность Уильяма?

— Ну, не совсем так, — сказал Донал. — Взять хотя бы тот факт, что избранная Культиса никак с ним не гармонирует. А чувство гармонии у избранных врожденное. Кроме того, он явно подавляет личности, подобные Ани, или этого Монтора с Ньютона, который сам, похоже, человек достаточно высокоинтеллектуальный.

— И человек столь выдающийся обязательно должен быть дьяволом? — сухо заметил Галт.

— Вовсе нет, — терпеливо объяснил Донал. — Но, обладая подобными интеллектуальными способностями, человек должен проявлять в большей степени, нежели остальные, склонности либо к добру, либо ко злу. Если его влечет зло, он может маскировать это в себе. Он в состоянии даже скрыть свое влияние на людей, которыми себя окружает. Но он не способен произвести хорошее впечатление, которое в обычных условиях отражалось бы и на его подчиненных и окружении — и которое, будь он действительно хорошим человеком, ему не было бы причин скрывать. Благодаря же отсутствию подобного впечатления можно понять, что он за человек.

Галт вынул трубку изо рта и, присвистнув, уставился на Донала:

— Вы случайно не воспитывались где-нибудь у экзотов?

— Нет, сэр, — улыбнулся Донал. — Хотя мать моего отца была с Мары. И мать моей матери — тоже.

Галт задумчиво набил погасшую трубку.

— Эта ваша способность к определению сущности людей — вы унаследовали ее от матери, от бабушки или сами к этому пришли?

— Ну, я думаю, что просто, наверное, где-то об этом слышал, — ответил Донал. — Однако уверен, что любой пришел бы к подобному выводу, подумав несколько минут.

— Тогда, возможно, большинство людей вообще не думает, — холодно произнес Галт, — Садитесь, Донал. Поговорим.

Они сели в кресла друг напротив друга. Галт отложил трубку в сторону.

— Теперь послушайте меня, — проговорил он тихим и спокойным тоном. — Вы один из самых странных юношей, которых я когда-либо встречал. Я еще не знаю, что же мне с вами делать. Будь вы моим сыном, я бы упрятал вас в карантин и отослал домой лет на десять, прежде чем снова отпустил в космос… Ладно, — внезапно оборвал он сам себя, предупреждающе поднимая руку, когда Донал открыл было рот, — Я знаю, что теперь вы взрослый мужчина и вас никуда нельзя отправить помимо вашей воли. Больше всего меня поражает то, что у вас не больше одного шанса из тысячи стать кем-то более или менее выдающимся и девятьсот девяносто девять шансов на то, что вас попросту уберут с дороги, причем достаточно скоро. Слушайте, друг мой, что вы вообще знаете о других мирах, кроме Дорсая?

— Ну, — сказал Донал, — всего имеется четырнадцать планетарных правительств, не считая довольно анархистских органов правления — на Мире Даннина и Коби…

— Забудьте лекции по гражданскому праву! — грубо перебил его Галт. — Правительства сегодня, в двадцать четвертом веке, — лишь механизм. Важны люди, которые им управляют. Проджект Блэйн на Венере; Свен Хольман на Земле; старейший Брайт на Гармонии, на той самой планете, куда мы направляемся; и Сэйона на Культисе, у экзотов.

— Генерал Камал… — начал Донал.

— Ничего не значит! — резко оборвал Галт. — На Дорсае никто не может что-то значить, а каждый мелкий кантон цепляется за свою независимость зубами и когтями! Нет, я говорю о людях, которые протягивают связующие нити между звездами. О тех, кого я упомянул, и о многих других. — Он глубоко вздохнул. — Как, по-вашему, соотносится наш принц-торговец и председатель Совета Сеты с теми, о ком я говорил?

— Вы считаете, он с ними на равных?

— По крайней мере, — сказал Галт, — По крайней мере. Пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что он путешествует на торговом корабле, в сопровождении лишь девушки и Монтора. Вполне возможно, что он владелец этого корабля, его экипажа и офицеров — и половины пассажиров.

— А вы и ваш адъютант? — спросил Донал, возможно, несколько более прямо, чем следовало. Лицо Галта стало жестким, затем снова смягчилось.

— Честный вопрос, — прогрохотал он. — Я стараюсь заставить вас поставить под сомнение многое из того, что вы воспринимали как само собой разумеющееся. Нет — отвечаю на ваш вопрос, — я первый маршал Фрайлянда, дорсаец, и исполняю свои профессиональные обязанности, не более того. Мы только что предоставили внаем пять легких дивизионов Первой диссидентской церкви на Гармонии, и я направляюсь туда, чтобы убедиться, что их используют в соответствии с контрактом. Это довольно сложная сделка — как и все подобные ей, — поскольку там есть и доля Сеты. Отсюда — и Уильям.

— А адъютант? — настаивал Донал.

— Что адъютант? — ответил Галт. — Он фрайляндец, профессионал и хороший человек. Он будет командовать одним из подразделений Трехсторонних сил в течение короткого испытательного срока в демонстрационных целях.

— Он давно с вами?

— Около двух стандартных лет, — ответил Галт.

— И он хороший профессионал?

— Чертовски хороший. Поэтому он мой адъютант. Собственно, к чему вы клоните?

— У меня есть некоторые сомнения и подозрения, — Донал мгновение поколебался, — Но я пока не готов их высказать.

Галт рассмеялся:

— Ох уж это ваше маранское чутье! Вы под каждым кустом видите змею. Поверьте моему слову, Хью — хороший, честный солдат; возможно, несколько любит порисоваться — но не более того.

— Я вряд ли готов с вами спорить, — пробормотал Донал, ловко уходя от темы, — Вы, кажется, хотели что-то сказать об Уильяме, когда я вас перебил?

— Да, — Галт нахмурился, — Буду краток. Девушка не имеет никакого отношения к нашим делам, а Уильям смертельно опасен. Оставим их обоих в покое. Если я могу чем-то вам помочь в вашей дальнейшей службе…

— Большое вам спасибо, — кивнул Донал. — Но мне кажется, Уильям хочет мне что-то предложить.

Галт моргнул и уставился на него.

— Будь я проклят! — взорвался он мгновение спустя, — С чего вы это взяли?

Донал с легкой грустью улыбнулся.

— Еще одно из моих подозрений, без всякого сомнения

основанное на том, что вы назвали моим маранским чутьем, — Он встал, — Я ценю ваши попытки предостеречь меня, сэр, — Он протянул руку. — Я мог бы как-нибудь еще раз с вами поговорить?

Галт тоже встал, машинально пожимая протянутую руку.

— В любое время. Будь я проклят, если я вас понимаю.

Донал уставился на него.

— Скажите, сэр, по-вашему, я… не такой, как все?

— Не такой, как все! — Галт при этих словах чуть не взорвался. — Да вы словно… — Воображение его подвело, — Почему вы спросили?

— Просто интересно, — ответил Донал. — Обо мне очень часто так говорили. Может быть, так оно и есть.

Он выпустил ладонь маршала, повернулся и вышел.

Наемник III

Возвращаясь по коридору в сторону носовой части корабля, Донал с некоторой тоской позволил себе погрузиться в размышления по поводу висящего над ним проклятия — этого странного отличия от других людей. Он думал, что избавился от него вместе со своей курсантской формой. Вместо этого оно, похоже, продолжало путешествовать вместе с ним, надежно устроившись у него на плечах. Так было всегда. То, что казалось ему самому простым и естественным, всегда производило на других впечатление чего-то непонятного и запутанного. Они говорили: «враг» и «друг»; «сильный» и «слабый», «они» и «мы». У них существовали тысячи всевозможных классификаций и отличительных особенностей, которых он не мог понять, будучи убежденным, что все люди — это просто люди и между ними очень мало различий. С ними лишь приходилось иметь дело как с отдельными личностями, всегда помня о том, что нужно просто запастись терпением.

Снова оказавшись в кают-компании, он обнаружил там несколько небольших групп пассажиров и — как частично ожидал — молодого ньютонца Арделла Монтора, сгорбившегося в кресле у стойки бара, которая приобрела свой обычный вид, после того как обеденные столы были убраны внутрь стен. Донал направился прямо к нему, и Монтор, не двигаясь с места, перевел взгляд своих темных глаз на приближающегося Донала.

— Можно к вам присоединиться? — спросил Донал.

— Прошу. — Голос Монтора звучал хрипло. — Думаю, нам интересно было бы побеседовать, — Его пальцы пробежали по кнопкам бар-автомата, — Чего-нибудь выпьете?

— Дорсайского виски, — ответил Донал.

Монтор нажал кнопку. Секунду спустя на стойке появился небольшой, полный до краев бокал. Донал взял его и осторожно отхлебнул. Он уже знал, как действует на него алкоголь, и решил, что никогда больше не позволит себе напиться. Подняв глаза от бокала, он обнаружил, что ньютонец пристально смотрит на него необычно ясным и проницательным взглядом.

— Вы моложе меня, — произнес Арделл, — Даже если по мне это и не заметно. Как вы думаете, сколько мне лет?

Донал с любопытством посмотрел на него. Лицо Монтора, несмотря на следы усталости и беспутного образа жизни, выглядело удивительно юным — чему также способствовала копна нечесаных волос и неуклюжая поза в кресле.

— Лет двадцать пять, — пожал плечами Донал.

— Тридцать три, — уточнил Арделл. — До двадцати девяти я был мальчишкой, студентом. Вам кажется, я слишком много пью?

— Думаю, это очевидно, — кивнул Донал.

— Совершенно с вами согласен. — Арделл внезапно рассмеялся. — Совершенно согласен. В этом нет никакого сомнения — один из немногих фактов в этой богом забытой Вселенной, в котором можно не сомневаться. Но я намеревался поговорить с вами о другом.

— О чем же? — Донал снова отхлебнул виски.

— О смелости, — Арделл глядел на него пронизывающим взглядом, — Вы смелый человек?

— Это необходимое качество для солдата, — ответил Донал, — Почему вы спрашиваете?

— И у вас нет никаких сомнений? Никаких? — Арделл повертел в руке высокий бокал с золотистым напитком и сделал глоток, — Никаких тайных страхов, что, когда наступит момент, ваши ноги ослабеют, сердце заколотится, и вы повернетесь и побежите?

— Конечно, я не повернусь и не побегу, — произнес Донал, — Я ведь дорсаец. Что касается моих ощущений — могу лишь сказать, что никогда не чувствовал себя так, как вы описываете. И даже если так…

Тут прозвучал мелодичный сигнал, прервав их беседу.

— Фазовый сдвиг через один час двадцать минут, — объявил голос. — Фазовый сдвиг через один час двадцать минут. Пассажирам во избежание неудобств рекомендуется принять снотворное и провести данное время в состоянии сна.

— Вы уже приняли таблетку? — поинтересовался Арделл.

— Еще нет, — ответил Донал.

— Но примете?

— Конечно, — Донал с интересом взглянул на него, — Почему бы и нет?

— А не является ли попытка избежать подобным образом неприятных ощущений при фазовом сдвиге проявлением трусости?

— Это глупо, — сказал Донал, — Точно так же можно назвать трусостью привычку носить одежду, чтобы было тепло и удобно, или есть, чтобы не умереть с голоду. Первое — вопрос удобства; второе… — он на мгновение задумался, — вопрос долга.

— Смелость в том, чтобы исполнять свой долг?

— …вопреки тому, что хочется тебе лично. Да, — кивнул Донал.

— Да, — задумчиво повторил Арделл. — Да. — Он поставил пустой бокал на стойку и нажал кнопку. — Я полагал, что вы и в

самом деле смелый человек, — тем же тоном произнес он, наблюдая за тем, как бокал опускается вниз, наполняется и появляется вновь.

— Я дорсаец, — пожал плечами Донал.

— Только не надо выспренних фраз о тщательном отборе! — резко бросил Арделл, беря наполнившийся бокал. Когда он снова повернулся, Донал увидел выражение муки на его лице. — Этого мало. Если бы смелость была лишь в ваших генах… — Внезапно он замолчал и наклонился к Доналу. — Послушайте меня, — почти прошептал он, — Я трус.

— Вы уверены? — спокойно спросил Донал, — Откуда вы знаете?

— Мне до смерти страшно, — прошептал Арделл, — Я боюсь самой Вселенной. Что вы знаете о математическом аспекте социальной динамики?

— Там какая-то специальная математическая теория, — сказал Донал. — К сожалению, я получил несколько иное образование.

— Нет, нет! — почти раздраженно проговорил Арделл, — Я говорю о статистике социального анализа и экстраполяции процессов роста населения и общественного развития, — Он еще больше понизил голос, — Они коррелированы в соответствии с законами статистики случайных процессов!

— Прошу прощения, — пожал плечами Донал, — Это ничего мне не говорит.

Арделл внезапно схватил Донала за руку; его пальцы оказались удивительно сильными.

— Вы что, не понимаете? — прошептал он. — Существует вероятность любого исхода — включая исчезновение. Он должен наступить, поскольку существует его вероятность. По мере того как наша социальная статистика начинает оперировать все большими цифрами, мы также должны признавать подобную возможность. В конце концов это произойдет. Мы уничтожим сами себя. Другой альтернативы нет. А все потому, что Вселенная слишком велика для нас, и население миров разрастается слишком интенсивно и чересчур быстро. Мы достигнем критической массы, а затем… — он щелкнул пальцами, — конец!

— Ну, это проблема будущего, — произнес Донал. Потом более мягко добавил: — Почему это, собственно, вас так беспокоит?

— Разве вы не понимаете? — удивился Арделл, — Если все к тому идет, то какой вообще смысл жить? Чем мы можем оправдать наше существование? Я не имею в виду то, что мы построили, — все это достаточно быстро разрушается. Или

знания — ничего нового. На самом деле должно быть нечто, чего не было во Вселенной прежде. Нечто вроде любви, доброты — и смелости.

— Если вы так считаете, — Донал осторожно высвободил руку, — почему вы так много пьете?

— Потому что я действительно трус, — усмехнулся Арделл. — Я постоянно ощущаю эту громаду, имя которой Вселенная. Выпивка помогает мне приглушить это ощущение — жуткое осознание того, что она может сделать с нами. Вот почему я пью. Мне нужна бутылка для смелости, для такой мелочи, как фазовый сдвиг без снотворного.

— Зачем? — Донал с трудом подавил улыбку. — Какой в этом смысл?

— В том, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. — Арделл не отрывал от него умоляющего взгляда своих темных глаз. — И в какое-то мгновение сказать: давай, рви меня на самые мелкие кусочки, размазывай меня по всему пространству — я выдержу.

Донал покачал головой.

— Вы не понимаете. — Арделл откинулся в кресле. — Если бы у меня была работа, я не нуждался бы в алкоголе. Но сейчас меня и близко не подпускают к чему-либо. У вас все по-другому. Есть работа и есть смелость — настоящая. Возможно, я мог бы… впрочем, неважно. Так или иначе, смелость не передашь от одного к другому.

— Вы летите на Гармонию? — спросил Донал.

— Куда мой принц, туда и я. — Арделл снова усмехнулся, — Вам надо будет как-нибудь почитать мой контракт, — Он повернулся к бару, — Еще виски?

— Нет, — Донал встал. — Прошу меня извинить…

— Мы еще увидимся, — пробормотал Арделл, набирая код очередного напитка. — Еще увидимся.

— Да, — кивнул Донал. — Всего доброго.

— Всего доброго.

Арделл взял со стойки только что наполненный бокал. Над головой снова прозвучал сигнал, и голос напомнил о том, что до начала фазового сдвига остается лишь семьдесят с чем-то минут. Донал вышел.

Полчаса спустя, еще раз побывав в своей каюте и более внимательно перечитав контракт Ани, Донал нажал кнопку у двери каюты Уильяма, принца и председателя Совета Сеты.

— Да? — послышался над дверью голос Уильяма.

— Это Донал Грэйм, сэр, — представился Донал. — Если вы не заняты…

— О, конечно, Донал. Входите!

Дверь распахнулась, и Донал вошел.

Уильям сидел в кресле за небольшим столом, на котором лежала куча бумаг и стоял портативный компьютер-секретарь. Над столом горела единственная лампа, свет которой серебрил его седые волосы. Донал поколебался, услышав, как захлопнулась за ним дверь.

— Присаживайтесь. — Уильям не отрывал взгляда от бумаг. Его пальцы бегали по клавиатуре компьютера. — Мне нужно кое-что сделать.

Донал огляделся в полумраке каюты, нашел кресло и сел. Уильям еще несколько минут продолжал работать.

Наконец он отодвинул бумаги в сторону, и стол вместе со всем содержимым поплыл к дальней стене. Лампа над столом погасла, и общее освещение залило каюту.

Донал от неожиданности заморгал. Уильям улыбнулся:

— Итак, какое у вас дело ко мне?

Донал моргнул, уставился на него и снова моргнул.

— Сэр? — переспросил он.

— Думаю, мы можем не тратить зря время на формальности, — приятным голосом произнес Уильям. — Вы подошли к нашему столу, потому что хотели с кем-то встретиться. Вряд ли это был маршал — учитывая то, что вы дорсаец, вы наверняка нашли бы лучший способ. Разумеется, это не Хью и вряд ли Арделл. Остается Ани; она достаточно симпатична, а вы оба достаточно молоды для того, чтобы наделать глупостей… но, думаю, в данной ситуации это тоже не она. — Уильям сплел свои длинные пальцы и улыбнулся, — Остаюсь только я.

— Сэр, я… — Донал приподнялся с видом человека, оскорбленного в своих лучших чувствах.

— Нет, нет, — Уильям жестом усадил его на место. — Теперь уже глупо уходить, преодолев столько трудностей, чтобы сюда попасть, не так ли? — Голос его стал резким. — Сядьте!

Донал сел.

— Зачем вы хотели меня видеть? — спросил Уильям.

Донал расправил плечи.

— Ладно, — сказал он. — Если вы хотите, чтобы я говорил прямо… я думаю, что мог бы быть вам полезен.

— Что ж, — пожал плечами Уильям, — раз вы полагаете, что можете быть чем-то полезны человеку с моим положением и властью, — продолжайте.

— Так получилось, — произнес Донал, — что у меня в руках оказалось нечто, принадлежащее вам.

Уильям молча протянул руку. Мгновение поколебавшись,

Донал достал из кармана контракт Ани и протянул ему. Уильям взял документ, развернул и пробежал глазами, потом небрежно положил на маленький столик рядом с собой.

— Она хотела, чтобы я его уничтожил, — объяснил Донал. — И собиралась мне за это заплатить. Очевидно, она не знала, насколько сложно уничтожить лист материала, на котором пишутся контракты.

— Но вы взялись за это, — кивнул Уильям.

— Я ничего не обещал, — мрачно ответил Донал.

— Но вы с самого начала намеревались принести его прямо ко мне.

— Я считаю, что это ваша собственность.

— Само собой. — Уильям улыбнулся, — Вы, конечно, понимаете, что я не обязан верить ни единому слову из того, что вы только что сказали. Я лишь должен предположить, что вы сами его украли, а потом не сумели от него избавиться — и выдумали всю эту сказку, пытаясь выкрутиться. Капитан корабля с радостью арестует вас, если я прикажу, и будет держать под замком до суда, пока мы не прибудем на Гармонию.

По спине у Донала пробежал холодок.

— Избранная Культиса не станет лгать под присягой. Она…

— Я не вижу никаких причин замешивать сюда Ани, — сказал Уильям. — Все вполне можно решить и без нее. Мое слово против вашего.

Донал ничего не ответил.

— Видите ли, — Уильям снова улыбнулся, — я хочу, чтобы вы поняли: вы не только корыстный, но и недалекий человек.

— Сэр! — вырвалось у Донала.

Уильям пренебрежительно махнул рукой.

— Оставьте свой дорсайский гнев для кого-нибудь, на кого он производит впечатление. Я не хуже вас знаю, что вы не собираетесь на меня нападать. Возможно, будь вы дорсайцем несколько другого рода… но вы таковым не являетесь. Как я уже сказал, вы корыстный дурак. Примите это утверждение как очевидный факт, и мы сможем перейти к делу.

Он посмотрел на Донала. Донал промолчал.

— Очень хорошо, — произнес Уильям, — Вы пришли ко мне в надежде, что сможете оказаться мне чем-нибудь полезны. Как ни странно, можете. Ани, конечно, лишь глупая девчонка — но ради ее блага, так же как и моего, ее работодателя, мы должны следить, чтобы она не нарвалась на серьезные неприятности. Однажды она уже доверилась вам. Она может поступить так еще раз. Если так — ни в коем случае не отговаривайте ее. А чтобы вы были доступны для подобных доверительных отношений, —

Уильям снова улыбнулся, на этот раз почти добродушно, — я полагаю, что смогу предоставить вам место офицера под началом коменданта Хью Киллиена, когда мы прибудем на Гармонию. Нет никаких причин для того, чтобы военная карьера не могла идти параллельно любым другим занятиям, которые я мог бы для вас найти.

— Спасибо, сэр, — поблагодарил Донал.

— Не за что… — Из скрытого где-то в стене динамика прозвучал сигнал. — А, фазовый сдвиг через пять минут. — Уильям взял со стола маленькую серебряную коробочку и открыл ее. — Вы уже приняли снотворное? Берите.

Он протянул коробочку Доналу.

— Спасибо, сэр. Я уже принял.

— Тогда, — Уильям проглотил белую таблетку и закрыл коробочку, — думаю, это все.

— Я тоже так считаю, сэр, — кивнул Донал.

Донал вышел. Остановившись за дверью лишь на мгновение для того, чтобы принять собственное снотворное, он поспешил назад к своей каюте. По пути он задержался в корабельной библиотеке: его интересовала информация о Первой диссидентской церкви на Гармонии, поэтому в тот момент, когда произошел фазовый сдвиг, он оказался посреди одного из длинных коридоров.

Все предыдущие сдвиги с момента отлета он предусмотрительно проводил во сне, и, конечно, он уже много лет назад узнал, чего следует ожидать. В дополнение ко всему он принял полную дозу препарата, а сам сдвиг, казалось, закончился, не успев по-настоящему начаться. Собственно, он не занял никакого ощутимого интервала времени. Однако он произошел; и какая-то не прекращавшая осознавать происходящее часть Донала знала, что его разрывает на мельчайшие частицы, которые сначала разлетаются по всей Вселенной, а затем вновь собираются вместе в какой-то случайной точке, находящейся на значительном расстоянии, измеряемом в световых годах от места распада. И именно это, а не сам сдвиг, заставило его споткнуться, прежде чем он продолжил путь к своей каюте. И воспоминания об ощущениях во время сдвига теперь навсегда останутся вместе с ним.

Донал продолжал идти по коридору, однако неприятности в этот день для него еще не закончились. Когда он дошел до конца одной из секций, то столкнулся с Ани. Ее зеленые глаза пылали.

— Вы виделись с ним! — воскликнула она, преграждая ему путь.

— Виделся… ах да, с Уильямом, — ответил он.

— Не отрицайте этого.

— Зачем? — Донал почти удивленно посмотрел на нее. — Кажется, здесь не из чего делать секрета?

Она уставилась на него:

— Вас просто ничего не волнует, так? Что вы сделали с… тем, что я вам дала?

— Вернул назад владельцу, конечно. Я считаю, это самое разумное решение.

Внезапно Ани побледнела, и он уже готов был подхватить ее, уверенный, что она на грани обморока. Однако она не стала вести себя столь по-женски.

— О! — выдохнула она, — Вы… вы предатель. Вы обманщик!

Прежде чем Донал успел что-то сказать, чтобы остановить ее, она развернулась и побежала по коридору обратно — туда, откуда пришла.

С несчастным видом — поскольку, несмотря на довольно невысокое мнение о ее здравомыслии, он все же ожидал, что она выслушает его объяснение, — Донал продолжил в одиночестве путь к своей каюте. Больше он никого не встретил. Коридоры после фазового сдвига были пусты — пассажиры вели себя осмотрительно.

Лишь проходя мимо одной из кают, он услышал изнутри звуки, словно кого-то тошнило. Взглянув на ее номер, вспомнил, что это была каюта Арделла Монтора. Наверняка он не принял снотворного и теперь, измученный фазовым сдвигом, вел свое долгое сражение со Вселенной.

Командир отряда

— Итак, джентльмены, — произнес Хью Киллиен, — прошу всех подойти к экрану.

Он стоял с видом человека, вполне уверенного в себе, касаясь пальцами правой руки слегка выпуклой поверхности обзорного экрана перед ним.

Пять командиров отрядов приблизились. Верхнее освещение смешивалось со свечением экрана, отчего в воображении Донала неумолимо возникла картина: группа людей захвачена врасплох в каком-то из крохотных закутков того ада, который столь красноречиво описывал перед сражением всего несколько часов назад старший служитель Первой диссидентской церкви во время службы.

— Мы находимся здесь, — объяснял Хью. — Как ваш командующий, смею вас заверить, что это вполне надежная позиция, и предполагаемое наступление никоим образом не нарушает кодекса наемников. Итак, как видите, мы занимаем район в пять километров по фронту и три километра в глубину между этими двумя горными хребтами. Вторая команда боевого подразделения сто семьдесят шесть — справа от нас. Четвертая команда — слева. Планируемая акция предполагает, что вторая и четвертая команды будут прикрывать нас с обоих флангов, в то время как мы должны выдвинуться вперед — шестьдесят процентов состава — и захватить маленький городок под названием Вера Поможет, который находится здесь…

Его указательный палец опустился на выпуклое изображение карты.

— …примерно в четырех километрах от нашей теперешней позиции. Мы используем три из пяти отрядов — Скуака, Уайта и Грэйма; и каждый выберет свой маршрут. Первые тысяча двести метров — лес. Затем — река, примерно в сорок метров шириной, но, как заверяет нас разведка, в настоящее время ее можно перейти вброд — максимальная глубина составляет сто двадцать сантиметров. На другой стороне снова лес, который будет становиться реже по мере приближения к окраине города. Мы выступаем через двадцать минут. Через час рассвет, и я хочу, чтобы все три отряда пересекли реку до восхода солнца. Вопросы есть?

— Как насчет действий неприятеля? — спросил Скуак. Это был невысокий, коренастый кассиданец с монголоидными чертами лица; в действительности его предки были эскимосами. — Какого рода сопротивление мы можем ожидать?

— Разведка утверждает, что там никого нет, кроме патрулей. Возможно, небольшие силы удерживают сам город. Больше ничего. — Хью окинул взглядом их лица. — Все должно быть легко и просто. Еще вопросы?

— Да. — Донал закончил внимательно изучать карту. — Кто же догадался послать вперед лишь шестьдесят процентов нашего личного состава?

Казалось, в воздухе внезапно повисло напряженное ожидание. Донал поднял глаза и встретился взглядом с Хью Киллиеном.

— Вообще-то, — довольно резко произнес командующий, — это было мое предложение штабу, Грэйм. Возможно, вы забыли — но я уверен, что все остальные командиры отрядов помнят, — это показательная кампания с целью продемонстрировать Первой диссидентской церкви, что мы чего-то стоим.

— Вряд ли ради этого стоит рисковать жизнями четырехсот пятидесяти человек, — невозмутимо возразил Донал.

— Грэйм, — сказал Хью, — вы — младший офицер, а я — командующий. Вам следует знать, что я не обязан разъяснять вам тактические вопросы. Но лишь для того, чтобы успокоить вас, скажу: разведка исключает возможность какой-либо вражеской активности в регионе.

— И тем не менее, — настаивал Донал, — зачем ненужный риск?

Хью раздраженно вздохнул.

— Я определенно не обязан давать вам уроков стратегии. По-моему, вы злоупотребляете правом, который дает вам кодекс, — оспаривать решения штаба. Но скажу, чтобы с этим покончить: есть хороший повод к тому, чтобы использовать минимальное количество людей. Наш главный удар по врагу должен быть нанесен именно в этом районе. Если мы бросим на это все наши силы, отряды Объединенных ортодоксов немедленно начнут укреплять оборону. В нашем же случае будет казаться, что мы просто передислоцируемся с целью занять естественное свободное пространство вдоль линии фронта. Как только мы захватим город, вторая и четвертая команды смогут присоединиться к нам, и мы будем готовы предпринять полномасштабное наступление на лежащие внизу равнины. Я ответил на ваш вопрос?

— Лишь частично, — кивнул Донал, — Я…

— Хватит, пока у меня не лопнуло терпение! — взорвался фрайляндец, — У меня на счету пять кампаний, командир отряда. Я вряд ли стал бы совать собственную голову в петлю. Но я возьму под свое командование отряд Уайта, а его оставлю вместо себя здесь. В наступление пойдете вы, я и Скуак. Ну, теперь вы

удовлетворены?

На это, конечно, ответить было нечего. Донал покорно кивнул, и совещание закончилось. Однако, возвращаясь к своему отряду вместе со Скуаком, Донал все же задал вопрос кассидианцу:

— Что вы думаете по этому поводу?

— Ха! — проворчал Скуак, — Он наверняка знает, что делает.

На этом они расстались; каждый направился к своим солдатам.

Вернувшись в расположение своего отряда, Донал обнаружил, что командиры отделений уже построили личный состав. Они стояли с оружием, в три шеренги по пятьдесят человек в каждой, с командиром во главе. Старший сержант, высокий и худой сетанский ветеран по имени Морфи, сопровождал его, пока он обходил строй, пристально разглядывая своих солдат.

Хорошее подразделение, подумал Донал, шагая вдоль шеренг. Хорошо обученные, закаленные в сражениях солдаты, хотя ни в коей мере не элитные войска, поскольку их отбирали старейшины Первой диссидентской церкви. Уильям же поставил единственное условие: сам подберет офицеров для показательного подразделения.

У каждого, в дополнение к обычному вооружению, имелись пистолет и нож. Оружие оружием, у любого головореза в темных аллеях большого города было больше оружия, притом более совершенного; однако хитрость современной войны состояла не в том, чтобы превзойти противника мощью оружия, а в том, чтобы он не мог ему противостоять. Химическое и радиационное оружие слишком легко вывести из строя на расстоянии. Карабин же с магазином на пять тысяч миниатюрных иголок и компактным, без металлических деталей механизмом мог посылать свой заряд в мишень размером с человеческую фигуру на расстоянии в тысячу метров, причем раз за разом и с неизменной точностью.

Тем не менее, подумал Донал, шагая среди молчащих солдат в предрассветном полумраке, когда-нибудь даже карабина может оказаться недостаточно. В конце концов пехотинцу снова придется вернуться к копью и короткому кинжалу. И тогда будут иметь большое значение действия каждого солдата. Поскольку рано или поздно, сколь бы дальнобойным оружием ты ни обладал, придется столкнуться с противником вплотную.

Донал закончил обход и вновь встал перед строем.

— Вольно, — объявил он. — Не расходиться. Командиры отделений — ко мне.

Он отошел на расстояние, с которого его нельзя было услышать из строя, и сержанты последовали за ним. Они присели

в кружок на корточки, и он передал им распоряжения штаба, только что полученные от Хью, выдав каждому из них карту.

— Вопросы есть? — спросил он так же, как Хью недавно обращался к ним.

Вопросов не было. Они ждали, когда он продолжит. Он, в свою очередь, медленно обвел их взглядом, оценивая людей, от которых теперь должен был зависеть его успех.

У него была возможность познакомиться с ними за три недели, предшествовавшие этому раннему утру. Шестеро перед ним представляли в миниатюре различную реакцию на его назначение. Из ста пятидесяти человек, находившихся у него в подчинении, лишь немногих одолевали сомнения из-за его молодости и отсутствия боевого опыта. Значительно больше было таких, кого радовало, что их командир — дорсаец. И лишь очень немногие относились к тому типу людей, кто мгновенно приходит в ярость при встрече с кем-то, по крайней мере, не хуже их, — например, старший сержант третьего отделения, бывший шахтер с Коби по имени Ли. Даже сейчас, в преддверии сражения, он с вызовом смотрел на Донала, плотно стиснув зубы. С подобными людьми, как правило, возникали проблемы, если только они все-таки не находили сил сдерживать себя. Донал, встретившись с Ли взглядом, решил отказаться от своего первоначального намерения отправиться вместе с третьим отделением.

— Мы разобьемся на патрули по двадцать пять человек в каждом, — начал он. — Во главе — старший или младший сержант. Будете передвигаться отдельно от других, а если встретите вражеский патруль — нападайте. Но взаимопомощь патрулей исключается. Это ясно?

Они кивнули.

— Морфи, — повернулся Донал к худощавому старшему сержанту. — Я хочу, чтобы вы отправились с половиной отделения Ли и заняли позицию в арьергарде. Ли с другой половиной будет непосредственно перед вами. Шассен, — он посмотрел на старшего сержанта второго отделения, — вы и Золта займете третью и четвертую позицию сзади. Я хочу, чтобы вы лично находились на четвертой позиции. Суки, как младший сержант первого отделения, будет впереди Шассена и прямо за мной. Я — со второй половиной первого отделения на передовой позиции.

— Как насчет связи? — спросил Ли.

— Сигнал рукой. Голос. И все. Двадцать метров — минимальный интервал между отделениями. — Донал снова окинул их взглядом, — Наша задача — проникнуть в городок как

можно быстрее и бесшумнее. Драться только в том случае, если вас к этому вынудят…

— Словно мы собираемся на воскресную прогулку, — заметил Ли.

— Мы все предусмотрели, — Донал пристально посмотрел на бывшего шахтера, — Командиры отделений отвечают за то, чтобы люди были снабжены всем необходимым, включая лекарства.

Ли зевнул. Это не было проявлением наглости… почти.

— Ладно, — кивнул Донал. — Возвращайтесь к своим отделениям.

Совещание закончилось.

Несколько минут спустя почти неслышимый свист начал передаваться от отряда к отряду, и они стали занимать свои позиции. Еще не рассвело, но низкие облака над верхушками деревьев у них за спиной уже начали светлеть.

Первые двенадцать сотен метров через лес оказались именно тем, о чем говорил Ли, — воскресной прогулкой. И вот наконец Донал во главе половины первого отделения вышел на берег реки.

— Выслать разведчиков! — приказал он. Двое солдат шагнули в плавно текущую воду и, высоко подняв оружие, перешли вброд на другой берег. Отблеск их ружей, совершивших круговое движение, означал, что все спокойно, и Донал перевел через реку остальных.

Оказавшись на другом берегу, он послал разведчиков в трех направлениях — вперед и вдоль берега в обе стороны — и подождал, пока на дальнем берегу не появились Суки и его люди. Затем, когда разведчики вернулись, не найдя никаких следов неприятеля, Донал развернул своих людей в цепь и двинулся вперед.

Быстро светало. Они двигались перебежками по пятьдесят метров, посылая вперед разведчиков, затем подтягиваясь дальше, когда приходил сигнал, что путь свободен. Перебежка за перебежкой, но никаких признаков врага не наблюдалось. Примерно через час, когда большой оранжевый диск Эпсилона Эридана уже стоял над горизонтом, Донал увидел сквозь кусты маленький поселок, безмолвный как кладбище.

Еще сорок минут спустя три отряда третьей команды, боевое подразделение 176, соединились и окружили городок под названием Вера Поможет, не обнаружив ни единого местного жителя.

С противником они так и не встретились.

Командир отряда II

Командира отряда Грэйма готовы были смешать с грязью.

Третья команда, или по крайней мере та ее часть, которая окопалась вокруг поселка, не слишком пыталась скрыть от него этот факт. Если бы они заметили, что их мнение о нем хоть как-то его задевает, они бы вообще проявляли недовольство открыто. Однако в его полном безразличии к их мнению было нечто, что несколько сдерживало их явное презрение к нему. Тем не менее сто пятьдесят человек, вынужденных по его милости приближаться к поселку с полной выкладкой и с максимальным соблюдением безопасности, и триста других, задача которых была намного проще, сошлись в одном — Донал в их глазах пал так низко, как только мог. Есть только одна вещь, которую ветераны ненавидят больше, нежели необходимость без нужды выбиваться из сил в гарнизоне, — необходимость без нужды выкладываться в полевых условиях. Кто-то говорил, что сегодняшнее задание будет напоминать воскресную прогулку. И оно действительно оказалось воскресной прогулкой для всех — кроме тех, кем руководил молодой и зеленый дорсайский офицер по фамилии Грэйм. Радости это никому не прибавило.

Под вечер, когда солнце опускалось за развесистые кроны деревьев — местных аналогов земной сосны, завезенной сюда во время освоения планеты, — появился посыльный из штаба от Хью. Донал сидел верхом на стволе упавшего дерева и внимательно изучал карту.

— Донесение, — сказал посыльный, присаживаясь на корточки рядом с деревом.

— Встаньте, — спокойно приказал Донал. Посыльный встал. — Что за донесение?

— Вторая и третья команды не будут подтягивать резервы до завтрашнего утра, — угрюмо заявил посыльный.

— Донесение принято. — Донал махнул рукой.

Посыльный повернулся и поспешил прочь: ему не терпелось в очередной раз поделиться своим мнением о новом офицере в штабе.

Оставшись один, Донал продолжал изучать карту, пока не стемнело. Когда стало совсем темно, он отложил карту, достал из кармана маленький черный свисток и поднес его к губам, вызывая своего старшего сержанта.

Мгновение спустя на фоне деревьев возникли едва различимые очертания худой фигуры.

— Морфи, сэр. Прибыл по вашему приказанию, —

послышался голос старшего сержанта.

— Все посты выставлены, сержант?

— Да, сэр.

— Хорошо. Я хочу, чтобы они постоянно сохраняли бдительность. И еще, Морфи…

— Да, сэр?

— Есть у нас в отряде кто-нибудь с хорошим обонянием?

— Обонянием, сэр?

Донал молча ждал.

— Что ж, сэр, — наконец медленно произнес Морфи, — Есть Ли, он практически вырос в шахтах, где человек просто вынужден уметь хорошо различать запахи. Я имею в виду шахты на Коби, командир.

— Я так и полагал, — сухо отозвался Донал. — Позовите сюда Ли.

Морфи достал свой собственный свисток и вызвал старшего сержанта третьего отделения. Они немного подождали.

— Он в лагере или нет? — некоторое время спустя спросил Донал, — Я хочу, чтобы все, кто не на посту, находились в пределах слышимости свистка.

— Да, сэр, — ответил Морфи. — Он сейчас будет здесь. Он знает, что это я. У каждого свистка несколько иной звук, и их быстро можно научиться различать, так же как и голоса, сэр.

— Сержант, — сказал Донал, — я буду вам очень обязан, если вы перестанете объяснять мне то, что я и так знаю.

— Да, сэр.

В темноте возникла еще одна тень.

— Что такое, Морфи? — раздался голос Ли.

— Я хотел вас видеть, — уточнил Донал, прежде чем старший сержант успел ответить. — Морфи говорит, что у вас хорошее обоняние.

— Достаточно хорошее.

— Сэр!

— Достаточно хорошее, сэр.

— Ладно, — сказал Донал. — Посмотрите оба на карту. Внимательно. Я сейчас посвечу, — Он зажег маленький фонарик, прикрыв его рукой. Стала видна карта, развернутая перед ними на стволе дерева, — Смотрите, — показал Донал, — В трех километрах отсюда. Знаете, что это?

— Небольшая долина, — объяснил Морфи. — Она за нашими постами.

— Мы пойдем туда, — Донал погасил фонарик и встал.

— Мы? Мы, сэр? — донесся до него голос Ли.

— Мы трое, — заявил Донал, — Идем! — И он уверенно

направился в темноту.

Идя через лес, он с удовольствием обнаружил, что оба сержанта чувствуют себя в темноте столь же уверенно, как и он сам. Они прошагали медленно, но осторожно примерно около мили; после этого они ощутили, как местность начинает подниматься.

— Ложимся и ползем, — спокойно сказал Донал.

Все трое опустились на землю и молча поползли вверх по склону. Это заняло около получаса, но в конце концов они оказались на краю обрыва, над небольшой долиной. Донал хлопнул Ли по плечу и, когда тот в полумраке повернулся к нему, коснулся своего собственного носа, показывая вниз и делая вид, будто принюхивается. Ли лег лицом вниз и лежал в таком положении несколько минут. Затем он снова повернулся к Доналу и кивнул. Тот дал знак возвращаться назад.

Донал не задавал вопросов, и оба сержанта тоже молчали, пока не оказались за линией собственных постов. Затем Донал обратился к Ли.

— Итак, сержант, что вы там унюхали?

Ли поколебался. Голос его, когда он ответил, звучал несколько озадаченно.

— Не знаю, сэр. Нечто… кислое, что-то в этом роде. Я едва ощутил запах.

— Это все, что вы можете сказать? — спросил Донал, — Нечто кислое?

— Не знаю, сэр. У меня очень хороший нюх, командир… Собственно, — в голосе Ли прозвучали воинственные нотки, — у меня чертовски хороший нюх. Я бы вспомнил.

— Кто-нибудь из вас до этого служил на этой планете?

— Нет, — ответил Ли.

— Нет, сэр, — отозвался Морфи.

— Понятно, — кивнул Донал. Они дошли до того самого поваленного дерева, от которого начали свой путь чуть менее трех часов назад. — Что ж, тогда все. Спасибо, сержанты.

Он снова присел на ствол дерева. Остальные двое мгновение поколебались, затем вместе ушли.

Оставшись один, Донал опять сверился с картой и некоторое время сидел, размышляя. Потом встал и, отыскав Морфи, приказал ему взять на себя командование отрядом и быть начеку. Сам же отправился в штаб.

Штаб представлял собой затемненную палатку, в которой находились сонный ординарец, обзорный экран с картой и Скуак.

— Командующий здесь? — спросил Донал, входя.

— Спит уже три часа, — ответил Скуак. — А почему вы не

спите? Я бы сам спал, если бы не был на посту.

— Где он?

— Примерно в десяти метрах отсюда, в кустах, — объяснил Скуак, — Что случилось? Надеюсь, вы ведь не собираетесь его будить?

— Может быть, он еще не уснул, — Донал покинул палатку.

Выйдя на небольшую расчищенную площадку, он тихо приблизился к месту, которое указал Скуак. Там между двумя деревьями висел полевой гамак, на котором виднелись очертания человеческой фигуры. Однако когда Донал протянул руку и коснулся ее, оказалось, что это лишь свернутая шинель.

Донал вздохнул и направился назад той же дорогой, мимо штаба, но когда приблизился к поселку, его остановил часовой.

— Извините, командир. Приказ командующего. Никого не пропускать на территорию поселка. Как он сказал, даже его самого. Мины-ловушки.

— Вот как… ну, спасибо. — Донал повернулся и скрылся в темноте.

Однако, оказавшись вне пределов видимости, он двинулся назад, мимо часовых, между домами поселка. Маленькая, но очень яркая луна, которую шрмонийды называли Оком Господа, только что взошла и отбрасывала странные серебристо-черные тени на разрушенные стены. Он начал терпеливо обшаривать поселок, дом за домом, здание за зданием.

Это был медленный и трудный процесс. Прошло почти четыре часа, прежде чем он обнаружил то, что искал.

Посреди залитого лунным светом маленького строения без крыши стоял Хью Киллиен, выглядевший очень высоким и импозантным в своем защитного цвета полевом мундире. А рядом с ним — и даже более того, почти в его объятиях — Ани, избранная Культиса. Над ними парила небольшая летающая платформа, очертания которой были размыты из-за действия поляризатора, что, несомненно, позволило доставить девушку сюда незамеченной.

— …Дорогая! — Голос Хью звучал столь тихо, что едва достигал ушей Донала, укрывавшегося в темноте за разрушенной стеной. — Дорогая, доверьтесь мне. Вместе мы сможем остановить его, но вы должны позволить мне заняться этим самому. Его могущество огромно…

— Знаю, знаю! — яростно перебила его Ани, едва не заламывая руки. — Но каждый день промедления увеличивает опасность для вас, Хью. Бедный Хью, — она подняла руку и мягко коснулась его щеки, — во что я вас втянула!

— Втянули? Меня? — негромко рассмеялся Хью. — Я сам

ввязался в это, зная, на что иду. — Он протянул к ней руку. — Ради вас…

Однако девушка отстранилась от него.

— Сейчас не время. Так или иначе, вы делаете это не ради меня. Ради Культиса. Ему не удастся использовать меня, чтобы прибрать к рукам мой мир!

— Конечно, ради Культиса, — согласился Хью. — Но вы для меня и есть Культис, Ани. В вас есть все то, что я люблю в экзотах. Но разве вы не понимаете: все, чем мы располагаем, — лишь ваши подозрения. Вы считаете, что он строит некие планы против Союза, против Сэйоны. Но одних подозрений недостаточно, чтобы отправляться с ними на Культис.

— Но что я могу сделать? — воскликнула она, — Я не могу использовать против него его собственные методы. Я не могу лгать, или обманывать, или посылать к нему агентов, пока у него мой контракт. Я… я просто не могу. Вот что означает быть избранной! — Ани стиснула кулаки. — Я в ловушке своего собственного разума, своего собственного тела, — Внезапно она повернулась к нему, — Вы сказали, когда я в первый раз разговаривала с вами, два месяца назад… вы сказали, что у вас есть доказательства!

— Я ошибался, — успокаивающе произнес Хью. — Кое-что меня настораживало — так или иначе, я оказался не прав. У меня тоже есть моральные принципы, Ани. Свои понятия о чести и благородстве.

— О, я знаю, я знаю, Хью! — В ее голосе звучало раскаяние, — Но я была в таком отчаянии. Вы не представляете…

— Если бы он только позволил себе нечто относительно вас лично…

— Меня? — Она напряглась. — Он бы не посмел! Я избранная Культиса, и кроме того, — добавила она с большим здравомыслием, чем Донал мог от нее ожидать, — это просто глупо. Он бы ничего не выиграл, лишь насторожил бы Культис.

— Даже не знаю, — нахмурился Хью. — Он ведь такой же человек, как все. Если бы я думал…

— О, Хью! — Она внезапно хихикнула, словно школьница. — Какой же вы смешной!

— Смешной? — В его голосе прозвучала обида.

— О, я не это имела в виду. Хью, перестаньте вести себя словно слон, которого пчела ужалила в хобот. Нет смысла что-либо выдумывать. Он достаточно умен для того, чтобы… — Она снова хихикнула, затем посерьезнела. — Нет, нам нужно беспокоиться о его голове, а не о сердце.

— А о моем сердце вы беспокоитесь? — тихо спросил он.

Она опустила глаза:

— Хью… вы мне очень нравитесь. Но вы не понимаете. Избранная — это… символ.

— Если вы имеете в виду, что вам нельзя…

— Нет, нет, не то. — Она быстро взглянула на него. — Для меня нет запрета на любовь, Хью. Но если я окажусь замешанной в нечто… нечто мелкое, или низменное, для тех, кто там, на Культисе, для кого избранная что-то значит, это будет… Вы понимаете?

— Я понимаю, что я солдат, — ответил он. — И что я никогда не знаю, наступит для меня завтрашний день или нет.

— Да, это так, — отозвалась она. — И вас послали сюда, где вам приходится рисковать жизнью.

— Моя дорогая Ани, — мягко произнес он. — Вы просто не понимаете, что значит быть солдатом. Я сам сделал свой выбор, добровольно.

— Добровольно? — Она уставилась на него.

— Чтобы получить возможность проявить себя! — яростно воскликнул он. — Чтобы сделать себе имя, чтобы все миры поверили, что я из тех людей, кому захочет принадлежать избранная Культиса!

— О Хью! — воодушевилась она. — Если бы вы только вам это удалось! Если бы стали знаменитым! Тогда мы действительно могли бы с ним сразиться!

Он промолчал, глядя на нее так ошеломленно, что Донал с трудом подавил смех.

— Вы что, всегда говорите только о политике? — закричал Киллиен.

Однако Донала уже не интересовало продолжение их диалога. Он бесшумно удалился на расстояние, с которого его не могли услышать, и быстро зашагал, не заботясь о производимом шуме. В поисках Хью он пересек весь поселок, так что ближе всего к нему сейчас было расположение его собственного отряда. Короткая ночь северного континента Гармонии уже начала переходить в серый рассвет. Донал направился к своим солдатам, полный странной уверенности в своих подозрениях.

— Стой! — крикнул часовой, когда Донал появился из-за домов, — Стоять и… сэр?

— Идем, со мной! — бросил Донал, — Где третье отделение?

— Там, сэр, — Солдат, показывая дорогу, старался не отставать от широко шагающего Донала.

Они ворвались в расположение третьего отделения. Донал поднес свисток к губам и свистнул, вызывая Ли.

— Что? — пробормотал сонный голос в нескольких метрах от

них. Гамак зашевелился, и из него появилась костлявая фигура бывшего шахтера. — Что, черт побери… сэр?

Донал быстро подошел к нему и обеими руками развернул его кругом, так что тот оказался лицом к вражеской территории, откуда дул легкий предрассветный ветерок.

— Нюхайте! — потребовал Донал.

Ли моргнул и потер нос узловатым кулаком, стараясь подавить зевоту. Он несколько раз втянул воздух, раздув ноздри, — и внезапно полностью проснулся.

— Тот же самый, сэр, — сказал он, поворачиваясь к Доналу. — Только сильнее.

— Ясно! — Донал повернулся к часовому, — Дайте сигнал старшим сержантам первого и второго отделений. Пусть они и их люди заберутся на деревья, как можно выше.

— На деревья, сэр?

— Действуйте! Мне нужно, чтобы весь личный состав через десять минут находился в десятке метров над землей — с оружием! — Часовой повернулся, собираясь и лги. — Если у вас останется время, попытайтесь известить штаб. Если увидите, что это невозможно, забирайтесь на дерево сами. Понятно?

— Да, сэр.

— Тогда идите.

Донал развернулся кругом и начал сам вытаскивать спящих солдат третьего отделения из гамаков и отправлять их на высокие деревья. Десяти минут на это все же не хватило. К тому времени, когда на земле никого не осталось, прошло почти двадцать. Группе дорсайских школьников потребовалось бы вчетверо меньше времени, несмотря на здоровый юношеский сон. Однако в конце концов, подумал Донал, забираясь на дерево сам, они успели, и это было самое главное.

Он не остановился, как остальные, на высоте метров в десять. Выгоняя других из их гамаков, он автоматически приметил для себя самое высокое дерево в окрестностях; и именно по его стволу он продолжал взбираться, пока не оказался над верхушками более низких деревьев. Он прикрыл глаза рукой от лучей восходящего солнца и начал вглядываться в глубь вражеской территории.

— Ну, и что дальше? — послышался мрачный голос снизу и откуда-то сбоку. Донал отвел ладонь от глаз и наклонился.

— Старший сержант Ли, — заявил он тихо, но убедительно. — Стреляйте в каждого, кто раскроет рот до того, как к нему обратитесь вы или я. Это приказ.

Наступила тишина. Донал снова поднял голову и опять взглянул из-под ладони на открывавшуюся среди деревьев

картину.

Секрет наблюдения состоит в терпении. Он ничего не заметил, но продолжал сидеть, не глядя ни на что конкретно и одновременно видя все сразу. Четыре долгие минуты спустя он был вознагражден, заметив внизу какое-то движение. Он не пытался снова его увидеть, а продолжал наблюдать; и постепенно, словно проявляющиеся на пленке фигуры, начал различать людей, передвигавшихся от укрытия к укрытию, множество людей, которые приближались к лагерю.

Он снова наклонился вниз сквозь ветви.

— Не стрелять, пока я не свистну, — произнес он еще тише, чем прежде. — Передать всем — только тихо.

Он услышал словно шелест ветра в ветвях — приказ передавался от человека к человеку в третьем отделении и — как он надеялся — во втором и первом тоже.

Маленькие фигуры в защитной форме продолжали приближаться. Глядя на них сквозь скрывающие его листья и ветви, он различил маленькие черные кресты, вышитые на правом плече каждого мундира. Это были не просто наемники. Элитные войска Объединенной ортодоксальной церкви, великолепные солдаты и в то же время дикие фанатики. Едва он успел это осознать, как наступающие ринулись на лагерь, все сразу, оглашая красновато-серые предрассветные сумерки воплями и воем, к которым мгновение спустя добавился тонкий свист выпущенных из их карабинов иголок, что разрывали воздух, дерево и плоть.

Они еще не дошли до деревьев, где скрывался отряд Донала. Однако его люди были наемниками, и у них были друзья в лагере, который атаковали войска ортодоксов. Он сдерживал их так долго, как только мог, и еще несколько секунд сверх этого; а затем, поднеся свисток к губам, он свистнул изо всех сил — звук отдался эхом от одного конца лагеря до другого.

Его солдаты открыли яростную стрельбу. В течение нескольких мгновений на земле царило дикое замешательство. Нелегко было сразу сказать, с какого направления летит в тебя игла из карабина. Минут пять атакующие ортодоксы пребывали в уверенности, что обороняющиеся прячутся в засаде где-то на земле. Они безжалостно уничтожали все, что видели на уровне собственного взгляда; и к тому моменту, когда они осознали свою ошибку, было уже поздно. На них, чье количество быстро уменьшалось, сосредоточился огонь ста пятидесяти ружей; и если меткость лишь одного из них соответствовала дорсайским стандартам, то меткость остальных вполне соответствовала поставленной задаче. Менее чем через сорок минут с того

момента, как Донал начал загонять своих полусонных солдат на деревья, все было кончено.

Третье отделение спустилось с деревьев, и один из оказавшихся внизу первыми — солдат по имени Кеннебак — спокойно поднял ружье к плечу и всадил заряд в горло корчившегося неподалеку на земле ортодокса.

— Не сметь! — быстро крикнул Донал, и его голос разнесся вокруг.

Наемники терпеть не могут бессмысленных убийств; их дело — не убивать людей, но выигрывать сражения. Однако выстрелов больше не прозвучало. Это говорило о существенном изменении отношения солдат третьей команды к некоему новому офицеру по фамилии Грэйм.

По распоряжению Донала собрали раненых с обеих сторон, и тем, кто серьезно пострадал, оказали первую помощь. Атаковавшие были уничтожены чуть ли не до последнего человека. Однако потери не оказались полностью односторонними. Из трехсот с лишним человек не пострадали лишь сорок три, остальные — либо убиты, либо ранены, включая командира отряда Скуака.

— Приготовиться к отходу, — скомандовал Донал, и в это мгновение стоявший перед ним солдат повернул голову, глядя куда-то позади Донала. Тот обернулся. С пистолетом в руке, тяжелыми шагами к ним приближался командующий Киллиен.

Молча, не шевелясь, оставшиеся в живых солдаты смотрели на него. Командующий остановился под их тяжелыми взглядами и уставился на Донала.

— Ну?! — бросил он. — Что случилось? Докладывайте!

Донал не ответил. Он поднял руку, указывая на Хью, и обратился к двоим оказавшимся рядом солдатам:

— Арестуйте этого человека — он должен быть немедленно предан суду по статье четвертой кодекса наемников.

Ветеран

Донал вернулся в город с уже расторгнутым контрактом в кармане. Приведя себя в порядок в номере гостиницы, он спустился на два этажа ниже, в апартаменты маршала Хендрика Галта. После непродолжительной беседы отправился в другой отель, через весь город, чтобы нанести еще один визит.

Несмотря ни на что, он все-таки ощущал некоторую слабость в коленях, сообщая о своем приходе дверному роботу. Это был вполне простительный род слабости: Уильяма Сетанского очень немногие рискнули бы побеспокоить в его собственном логове. Однако робот впустил его, и, стараясь выглядеть настолько спокойным, насколько это было возможно, Донал вошел в номер-люкс.

Уильям, как и в прошлый раз, когда Донал его видел, был чем-то занят, сидя за своим столом. Это не было притворством со стороны Уильяма, что могли бы засвидетельствовать многие среди звезд. Принц отличался редкой работоспособностью.

Донал подошел к столу и приветственно кивнул. Уильям поднял на него взгляд:

— Не ожидал вас увидеть.

— В самом деле, сэр? — удивился Донал. Уильям примерно полминуты молча изучал его.

— Не слишком часто мне приходится ошибаться, — сказал он. — Вероятно, я мог бы утешиться мыслью о том, что, когда я ошибаюсь, мои ошибки столь же велики, как и мои успехи. Что за странная броня на вас, юноша, что позволяет вам чувствовать себя столь уверенно в моем присутствии?

— Возможно, это броня общественного признания, — ответил Донал. — В последнее время обо мне много говорят, и я стал довольно известным человеком.

— Да, — кивнул Уильям, — Это мне знакомо по собственному опыту.

— И кроме того, — добавил Донал, — вы ведь посылали за мной.

— Да. — И вдруг, без всякого предупреждения, лицо Уильяма исказилось, став столь разъяренным, каким Донал никогда не видел его прежде. — Как вы посмели! — злобно прорычал Уильям. — Как вы посмели?

— Сэр, — с каменным лицом произнес Донал, — у меня не было выбора.

— Не было выбора! Вы являетесь ко мне и имеете наглость утверждать, что у вас не было выбора?

— Да, сэр.

Уильям поднялся быстрым и гибким движением. Он обошел вокруг стола, оказавшись лицом к лицу с высоким молодым дорсайцем.

— Я велел вам лишь исполнять мои приказы! — ледяным тоном проговорил он, — А вы — показушный герой — все испортили.

— Сэр?

— Да — сэр! Неотесанный тупица! Кто просил вас мешать Хью Киллиену? Кто просил вас предпринимать против него какие-либо действия?

— Сэр, — сказал Донал, — У меня не было выбора.

— Не было выбора? Как это — не было выбора?

— Моя команда состояла из наемников, — начал Донал спокойным, размеренным тоном. — Командующий Киллиен заверил меня, что будет придерживаться кодекса наемников. Это оказалось ложью, к тому же он сам бросил своих солдат на территории противника. Косвенным образом он ответственен за гибель свыше половины его солдат. Как старший из офицеров, я не имел иного выбора, кроме как арестовать его и затем отдать под трибунал.

— Трибунал на месте?

— В соответствии с кодексом, сэр. — Донал сделал паузу, — Я сожалею о том, что его пришлось расстрелять, но приговор не оставил мне иного выбора.

— Опять! — воскликнул Уильям. — Не было выбора! Грэйм, межзвездное пространство не может принадлежать тем, кто не в состоянии найти иного выбора! — Он резко повернулся, снова обошел стол и сел.

— Ладно, — ледяным тоном произнес он, успокаиваясь, — убирайтесь, — Донал повернулся и направился к двери, в то время как Уильям взял лежавший перед ним лист бумаги, — Оставьте свой адрес моему дверному роботу, — сказал Уильям, — Я подыщу для вас какое-нибудь место на какой-нибудь другой планете.

— Мне очень жаль, сэр… — начал Донал.

Уильям взглянул на него.

— Я не думал, что могу оказаться вам необходимым. Маршал Галт уже нашел для меня место.

Уильям продолжал смотреть на него. Взгляд его был холоден, словно у василиска.

— Понятно, — наконец медленно проговорил он. — Что ж, Грэйм, возможно, мы еще встретимся.

— Надеюсь, — кивнул Донал и вышел. Однако даже после

того, как он закрыл за собой дверь, ему все еще казалось, что взгляд Уильяма продолжает преследовать его.

Ему нужно было нанести еще один визит, и тогда все его дела на этой планете будут закончены. Он взглянул на список в коридоре и спустился на этаж ниже.

Дверной робот впустил его, и Арделл Монтор, как всегда неопрятный, правда, лишь со слегка затуманенным алкоголем взглядом, вышел ему навстречу.

— Она не захочет видеть вас, — произнес Арделл, когда Донал объяснил, что ему нужно. Он слегка сгорбился, глядя на Донала, и на мгновение взгляд его прояснился, став грустным и добрым. — Однако старому лису это бы не понравилось. Я ее попрошу.

— Скажите, что ей это необходимо знать, — сказал Донал.

— Хорошо. Подождите. — Арделл вышел. Он вернулся минут через пятнадцать.

— Идите наверх, — сказал он. — Номер тысяча восемьсот девяносто. — Донал повернулся к двери. — Не думаю, — почти с тоской проговорил ньютонец, — что когда-либо еще вас увижу.

— Почему же, мы вполне можем еще встретиться, — ответил Донал.

— Да. — Арделл внимательно глядел на Донала. — Может быть. Может быть.

Донал вышел и поднялся в номер 1890. Робот впустил его внутрь. Ани, как всегда в длинном голубом платье с высоким воротником, уже ждала его.

— Ну? — спросила она.

Донал печально посмотрел на нее:

— Как вы, должно быть, меня ненавидите!

— Вы убили его! — взорвалась она.

— Это верно. — Ему не удалось скрыть раздражение, которое она всегда столь успешно у него вызывала. — Но я был вынужден это сделать — ради вашего же блага.

— Ради моего блага!

Он сунул руку в карман мундира и достал маленький приборчик. Однако лампочка на нем не загорелась. К его удивлению, это помещение не прослушивалось. Затем он подумал: «Разумеется, я же постоянно забываю о том, кто она».

— Послушайте меня, — начал он. — У вас дар к тому, чтобы быть избранной, но ни к чему больше. Неужели вы не можете понять, что межзвездные интриги — не ваше дело?

— Межзвездные… о чем вы? — спросила она.

— Да спуститесь хоть на мгновение с небес на землю, — устало произнес Донал, — Уильям — ваш враг. Это для вас, по

крайней мере, очевидно; но вы не понимаете почему, хотя вам и кажется, что все ясно. Я этого тоже не понимаю, — признался он, — хотя кое-какие соображения у меня есть. Но чтобы сорвать планы Уильяма, вовсе не нужно подыгрывать ему. Ведите свою собственную игру. Будьте избранной Культиса. Как избранная вы неприкосновенны.

— Если вам больше нечего сказать…

— Хорошо. — Он шагнул к ней. — Тогда слушайте. Уильям пытался скомпрометировать вас. Киллиен был его орудием…

— Как вы смеете! — взорвалась она.

— Как я смею? — устало повторил он, — Есть ли хоть один человек в этом межзвездном сборище сумасшедших, кто не знает этой фразы и не произносит ее, стоит лишь ему меня увидеть? Я смею это говорить, потому что это правда.

— Хью, — набросилась она на него, — был прекрасным, честным человеком. Солдатом и джентльменом! Не… не…

— Наемником? — пожал плечами Донал. — Но ведь он им был.

— Он был профессиональным военным, — высокомерно проговорила она. — Это совсем другое.

— Никакой разницы, — Он покачал головой. — Но вы этого не понимаете. Наемник — это вовсе не обязательно ругательное слово, как кто-то вам внушил… Впрочем, неважно. У Хью Киллиена был самый страшный недостаток. Он был дураком.

— О! — Она резко отвернулась.

Донал взял ее за локоть и развернул обратно. На лице ее появилось изумленное выражение. Почему-то ей никогда не приходило в голову, насколько он может быть силен. Теперь же, внезапно осознав собственную беспомощность рядом с ним, она просто лишилась дара речи.

— Послушайте же, как обстоят дела на самом деле, — продолжил он. — Уильям размахивал вами, словно дорогой игрушкой, перед глазами Киллиена, поддерживая в нем глупую надежду, что тот сможет заполучить вас — избранную Культиса. Он дал вам возможность встретиться с Хью в ту ночь в Вера Поможет. Да, — кивнул он в ответ на ее судорожный вздох, — я знаю об этом. Я видел вас там с ним. Уильям постарался, чтобы ваша встреча состоялась, так же, как он сделал все для успеха атаки ортодоксов.

— Я не могу поверить… — только и сумела она произнести.

— Не будьте вы такой дурой, — грубо ответил Донал. — Как же, по-вашему, получилось, что превосходящие силы элитных войск ортодоксов напали на лагерь как раз в нужный момент? На кого еще можно было рассчитывать, кроме фанатиков-ортодоксов,

чтобы быть уверенным, что ни один из наших солдат не уйдет живым? Предполагалось, что спастись удастся лишь одному — Хью Киллиену, который затем, оказавшись в положении героя, мог бы требовать в качестве награды вас. Видите, чего стоит ваше хорошее мнение о нем?

— Хью не стал бы…

— Он ничего и не сделал, — перебил ее Донал. — Как я уже сказал, он был дураком. Дураком, но хорошим солдатом. Уильяму больше ничего и не требовалось. Он знал, что Хью окажется достаточно глупым для того, чтобы пойти на встречу с вами, и достаточно хорошим солдатом, чтобы не отдавать зря жизнь, увидев, что его подразделение уничтожено. Как я уже сказал, он вернулся бы один — героем.

— Да вы просто заранее обо всем знали! — бросила она, — В чем ваш секрет? Связи с лагерем ортодоксов?

— Это очевидным образом следовало из самой ситуации. Подразделение — на открытом месте, командир, как последний идиот, устраивает любовное свидание на поле боя. Нападение просто неизбежно. Я подумал: какие войска могли бы быть для этого использованы и как их можно было бы обнаружить? Солдаты ортодоксов не едят ничего, кроме растительной пищи, приготовленной по местным рецептам. Запах их стряпни пропитывает их одежду. Любой ветеран кампании на Гармонии мог бы распознать их присутствие, рассуждая точно таким же образом.

— Если у него достаточно чувствительный нос. Если он знает, где их искать…

— Логика подсказывала лишь одно место…

— Так или иначе, — холодно заметила она, — это к делу не относится. Суть же в том, — внезапно ее охватила ярость, — что Хью не был ни в чем виноват. Вы сами это сказали — он лишь совершил глупость! А вы приказали убить его!

Он снова устало вздохнул.

— Преступление, за которое казнили командующего Киллиена, заключалось в том, что он ввел своих солдат в заблуждение и покинул их на вражеской территории. Вот за это он и заплатил своей жизнью.

— Убийца! — крикнула она. — Убирайтесь!

— Я ведь только что все объяснил! — Он озадаченно глядел на нее.

— Вы ничего не объяснили, — холодно ответила она. — Я ничего не услышала, кроме нагромождения лжи о человеке, которому вы недостойны даже чистить сапоги. Так вы сами уберетесь отсюда или придется вызвать охрану отеля?

— Вы что, не верите мне?.. — Он широко раскрытыми глазами уставился на нее.

— Убирайтесь. — Она повернулась к нему спиной. Словно в полубреду, он тоже повернулся и слепо двинулся к двери, а затем в оцепенении шагнул в коридор.

Что за проклятие висело над ним? Она не лгала — она была бы не в состоянии лгать столь убедительно. Она действительно выслушала его объяснение — и оно ничего дня нее не значило. Это было столь очевидно, столь ясно — махинации Уильяма, глупость Киллиена. А она этого не поняла, даже когда Донал прямо ей на это указал. Она, избранная Культиса!

Почему? Почему? Почему?

Снедаемый дьяволами сомнения и одиночества, Донал снова двинулся в сторону отеля, где жил Галт.

Адъютант

Они собрались в кабинете маршала Галта, в его доме на Фрайлянде; в огромном помещении с высоким сводчатым потолком трое людей, стоящих вокруг пустого стола, казались карликами.

— Капитан Лладроу, это мой адъютант Донал Грэйм, — отрывисто произнес Галт. — Донал, это Расс Лладроу, начальник моего голубого патруля.

— Весьма польщен, сэр, — Донал наклонил голову.

— Рад с вами познакомиться, Грэйм, — ответил Лладроу. Это был невысокий, темноглазый плотный человек лет сорока с небольшим, с очень смуглой кожей.

— Вы можете сообщить Доналу всю оперативную информацию, — сказал Галт. — Итак, каковы данные вашей разведки?

— Нет никакого сомнения, что они планируют высадку на Ориенте, — Лладроу повернулся к столу и нажал кнопку на пульте. Поверхность стола стала прозрачной, и под ней появилась карта системы Сириуса. — Мы находимся здесь, — сказал он, показывая пальцем на Фрайлянд, — Вот Новая Земля, — его палец переместился к соседней с Фрайляндом планете, — а вот Ориенте, — палец передвинулся к планете поменьше на более близкой к солнцу орбите, — в том положении, которое они будут занимать друг относительно друга двенадцать дней спустя. Как видите, Солнце будет находиться между двумя нашими мирами, а также практически между любым из них и Ориенте. С тактической точки зрения они не могли бы выбрать более выгодной позиции.

Галт что-то проворчал, изучая карту. Донал с молчаливым любопытством наблюдал за Лладроу. Акцент выдавал в нем жителя Новой Земли, хотя он и занимал высокий пост в штабе вооруженных сил Фрайлянда. Конечно, две планеты Сириуса были естественными союзниками, находясь на стороне Старой Земли, против группы Марс — Венера — Ньютон — Кассида; но попросту из-за того, что они располагались столь близко друг к другу, в некоторых сферах возникало естественное соперничество, и офицер с любой из них обычно делал более успешную карьеру на родной планете.

— Мне это не нравится, — наконец произнес Галт. — По-моему, довольно глупо. Людям, которые там высадятся, придется носить респираторы; и что, черт побери, они собираются делать со своим плацдармом, после того как его оборудуют? Ориенте

слишком близок к Солнцу для того, чтобы его можно было всерьез осваивать, иначе мы давным-давно уже были бы там.

— Вполне возможно, — спокойно сказал Лладроу, — что они намереваются организовать там плацдарм для нападения на наши планеты.

— Нет, нет, — Голос Галта звучал жестко и почти раздражающе. Его мрачное лицо нависло над картой, — Осваивать Ориенте — достаточно дикая идея. Они даже не смогли бы обеспечить снабжение тамошней базы, не говоря уже о том, чтобы использовать ее для нападения на две большие планеты с полностью сформировавшимися общественными структурами и промышленностью. Кроме того, цивилизованные миры не завоевывают. Это аксиома.

— Аксиомы могут устареть, — вмешался Донал.

— Что? — переспросил Галт, поднимая взгляд, — А, Донал. Прошу сейчас нас не перебивать, — Он вновь повернулся к Лладроу, — Мне это очень напоминает учения в реальной обстановке — вы знаете, что я имею в виду.

Лладроу кивнул — Донал машинально сделал то же самое. Учения в реальной обстановке — это то, в чем никогда не признался бы начальник штаба ни одной планеты, но что было хорошо знакомо каждому военному. По сути, они представляли собой небольшие сражения с подручным противником — либо для того, чтобы окончательно отполировать подготовку войск, либо с целью поддержать боеспособность подразделений, слишком долго сидевших без дела. Галт был практически единственным среди планетарных командующих, кто неуклонно выступал против подобных действий, не только в теории, но и на практике. Он считал более честным сдать свои войска внаем, когда они начинали проявлять признаки застоя, — как в недавней ситуации на Гармонии. В душе Донал с ним соглашался. Хотя при сдаче войск внаем всегда существовала опасность, что они могут перестать осознавать свою принадлежность; а иногда их может испортить неумелое руководство.

— Что вы по этому поводу думаете? — обратился Галт к начальнику патруля.

— Не знаю, сэр, — ответил Лладроу, — Похоже, это единственное разумное объяснение.

— Следовало бы, — снова вмешался Донал, — рассмотреть и несколько невероятных допущений, чтобы оценить, не представляет ли какое-либо из них возможную опасность. А затем…

— Донал, — сухо прервал его Галт, — вы мой адъютант, а не стратег.

— И тем не менее… — пытался настаивать Донал, но маршал начальственно оборвал его:

— Все!

— Есть, сэр. — Донал склонил голову, подчиняясь.

— Тогда, — Галт снова повернулся к Лладроу, — будем считать это ниспосланной нам возможностью слегка умерить боевой пыл Ньютоно-Кассиданского флота и армии. Возвращайтесь к своему патрулю. Я передам соответствующие распоряжения.

Лладроу наклонил голову и уже собирался идти, когда внезапно одна из дверей кабинета с легким шипением отодвинулась в сторону, и по полированному полу простучали женские каблучки. Они повернулись и увидели высокую, ослепительно красивую рыжеволосую женщину.

— Здравствуй, Эльвина! — произнес Галт.

— Я вам не помешала? — поинтересовалась она, подходя к ним, — Я не знала, что у вас посетитель.

— Расс, — сказал Галт, — вы знакомы с моей племянницей, Эльвиной Рай? Эльвина, это начальник голубого патруля Расс Лладроу.

— Весьма польщен, — с поклоном ответил Лладроу.

— О, мы знакомы — по крайней мере, я уже вас раньше видела. — Она протянула ему руку, затем повернулась к Доналу. — Донал, пошли на рыбалку?

— Извини, — ответил Донал. — Я сейчас занят.

— Нет, нет, — Галт махнул широкой ладонью, — Никаких важных дел пока нет. Так что идите, если хотите.

— В таком случае я готов, — произнес Донал.

— Холодный, однако, ответ! — Она повернулась к Лладроу. — А вот начальник патруля наверняка не колебался бы ни секунды.

Лладроу снова поклонился:

— Ради вас я пошел бы на все!

— Вот! — воскликнула она, — Вот образцовый мужчина, Донал. Вам следует поучиться, как вести себя с женщинами и что им говорить.

— Как скажете… — отозвался Донал.

— О, Донал. — Она тряхнула головой. — Вы безнадежны. Ладно, пошли.

Она повернулась и вышла; он последовал за ней.

Они пересекли большой центральный зал и вышли на террасу, нависшую над голубовато-зеленым заливом, подходящим к самым стенам дома Галта. Он ожидал, что она начнет спускаться вниз, к пристани, но вместо этого она резко

остановилась и повернулась к нему лицом.

— Ну почему вы так ко мне относитесь? — набросилась она на него. — Почему?

— К вам? — Он посмотрел на нее.

— Да вы просто деревянный! — Ее губы раздвинулись, обнажив великолепные зубы. — Чего вы боитесь — что я вас съем?

— А что, нет? — спросил он довольно серьезно. Она осеклась и странно взглянула на него.

— Идем ловить рыбу! — наконец крикнула она, повернулась и побежала вниз, к пристани.

И они отправились на рыбалку. Однако, даже когда он скользил на глубине в шестьдесят футов под водой, преследуя рыбу, мысли его были заняты другим. Влекомый вперед маленьким реактивным двигателем за спиной, в уединении шлема, он мрачно ругал себя за собственное невежество. Поскольку именно невежество, которое он ненавидел больше всего другого, — в данном случае невежество в отношении женщин — заставило его поверить, что он может позволить себе роскошь дружеских отношений с женщиной, которая страстно желала его, но которой он сам не желал вовсе.

Она уже жила в этом поместье, когда Донал появился здесь в качестве личного адъютанта Галта. Благодаря некоему таинственному стечению фрайляндских законов о наследовании она находилась под опекой маршала, несмотря на то что они являлись весьма дальними родственниками, к тому же и ее мать и некоторые другие родственники были живы. Она была лет на пять старше Донала, но ее дикая энергия и неистовая эмоциональность стирали эту разницу. Сначала она ему понравилась, и ее общество показалось ему бальзамом, пролитым на недавно пострадавшую и очень нежную часть его собственного «я», — хотя сам он не стал бы выражаться столь многословно. Но так было лишь вначале.

— Знаете, — заявила она ему как-то раз во время одного из ее своеобразных приступов откровенности, — любой бы захотел меня.

— Несомненно, — согласился он, искренне любуясь ею. И только потом с ужасом понял, что, сам того не зная, принял приглашение, о котором даже не подозревал.

Он жил в поместье маршала уже четыре месяца, знакомясь с некоторыми деталями фрайляндского штабного управления, а также — к его все возрастающей тревоге — с некоторыми загадками женского ума. И, вдобавок ко всему, его весьма озадачивало то, почему он ее не хочет. Эльвина Рай ему

определенно нравилась. С ней было весело, некоторые черты ее характера напоминали его собственный. И тем не менее он ее не хотел. Ни в коей мере.

Они вернулись через несколько часов. Эльвина поймала четыре рыбы, килограммов на семь-восемь каждая. Он не поймал ни одной.

— Эльвина… — начал он, когда они подошли к ступеням террасы. Однако, прежде чем он успел закончить тщательно продуманную фразу, прозвучал мелодичный сигнал коммуникатора, скрытого в розовом кусте.

— Командор, — вежливо произнес розовый куст, — робот-привратник сообщает, что вас хочет видеть старший сержант Тэйдж Ли. Хотите ли вы его видеть?

— Ли… — пробормотал Донал. Потом спросил: — С Гармонии?

— Да, он говорит, что с Гармонии, — ответил розовый куст.

— Я встречусь с ним, — сказал Донал, быстро направляясь к дому. Он услышал, как кто-то бегом догоняет его, и Эльвина схватила его за руку.

— Донал… — произнесла она.

— Я ненадолго, — ответил он. — Встретимся через несколько минут в библиотеке.

— Ладно… — Она отпустила его и осталась снаружи, а он вошел в дом.

Его ждал Ли, тот самый Ли, который командовал его третьим отделением.

— Ну, сержант, — поинтересовался Донал, обмениваясь с ним рукопожатием, — что привело вас сюда?

— Вы, сэр, — ответил Ли. Он взглянул Доналу в глаза с некоторым вызовом, который Донал отметил еще тогда, когда впервые его увидел. — Вам не требуется личный ординарец?

Донал с удивлением посмотрел на него:

— Зачем?

— Я таскаю с собой свой контракт с тех пор, как нас распустили по домам после той истории с Киллиеном, — объяснил Ли, — Если хотите знать, когда я без формы — я алкоголик. Это мой крест. В форме дела обстоят лучше, но рано или поздно я ввязываюсь с кем-нибудь в драку. Я все время тянул с тем, чтобы снова поступить на службу, поскольку не мог понять, чего же я хочу. Наконец до меня дошло. Я хочу служить у вас.

— Сейчас вы выглядите в достаточной степени трезвым, — заметил Донал.

— В течение нескольких дней я способен на что угодно — даже не пить. Если бы я пришел сюда с трясущимися руками, вы

бы никогда меня не взяли.

Донал кивнул.

— Мне много не нужно, — продолжал Ли. — Взгляните на мой контракт. Если не можете платить мне сами, я наймусь в качестве обычного солдата, а вы потянете за соответствующие ниточки, чтобы меня назначили к вам. Если у меня появится занятие, я перестану пить и смогу оказаться полезен. Взгляните…

Он дружески протянул руку, словно собираясь снова обменяться рукопожатием, и внезапно в его руке оказался нож.

— Это трюк наемных убийц, — произнес Донал, — Думаете, мне это нужно?

— Вам — нет, — Нож в руке Ли снова исчез, — Поэтому я и хотел бы служить у вас. Я довольно забавный тип. Мне обязательно нужно чем-то заниматься. Мне нужно это точно так же, как обычным людям нужны еда, питье, дом и друзья. Мой психологический индекс указан в контракте, если хотите, запишите его и проверьте.

— Пока я вам верю на слово, — пожал плечами Донал. — Что с вами не так?

— Я на грани психического расстройства, — ответил Ли без какого-либо выражения на узком лице. — Исправлению не поддается. Я родился неполноценным. Для меня не существует понятия «правильно» и «неправильно»; я не в состоянии руководствоваться лишь некими абстрактными правилами. Когда я впервые заключал контракт, врачи сказали, что мне необходимо свое собственное личное живое божество, которое всегда было бы передо мной. Прикажете мне перерезать горло всем детям младше пяти лет, которые мне попадутся, — прекрасно. Прикажете мне перерезать горло самому себе — то же самое. Так что все в порядке.

— Согласитесь, это звучит не слишком привлекательно.

— Я говорю вам правду. Я не могу сказать вам ничего другого. Я — словно штык, который все время ищет ружье, к которому он мог бы примкнуть; и теперь я его нашел. Можете мне не доверять. Возьмите меня на испытательный срок в пять лет, в десять лет — на всю мою оставшуюся жизнь. Но не выгоняйте меня. — Ли повернулся и показал костистым пальцем на дверь позади него. — Все, что там, командир, для меня ад. Все, что здесь, — рай.

— Даже не знаю, — медленно сказал Донал. — Не знаю, хочется ли мне брать на себя такую ответственность.

— Никакой ответственности. — Глаза Ли сверкали, и Донал внезапно понял, что тот охвачен ужасом оттого, что ему могут отказать. — Только прикажите. Испытайте меня прямо сейчас.

Прикажите мне спуститься вниз и залаять, как собака. Прикажите мне отрезать свою левую руку. Как только мне пришьют новую, я вернусь и сделаю все, что вы пожелаете. — В его руке внезапно снова появился нож, — Хотите?

— Уберите сейчас же! — бросил Донал. Нож исчез, — Ладно, я лично покупаю ваш контракт. Моя комната наверху, третья дверь направо. Идите туда и ждите меня.

Ли кивнул, без единого слова благодарности развернулся и ушел.

Донал мысленно встряхнулся, словно эмоциональное напряжение, висевшее в воздухе вокруг него последние несколько секунд, навалилось всей своей массой на его плечи. Он повернулся и пошел в библиотеку.

Когда он вошел, Эльвина стояла у широкого окна, глядя на океан. При звуке его шагов она быстро повернулась и пошла ему навстречу.

— Кто это был? — поинтересовалась она.

— Один из моих солдат с Гармонии, — ответил он, — Я взял его в качестве своего личного ординарца, — Он взглянул на нее, — Эв…

Тотчас же она слегка отпрянула от него.

— Да?

Он обнаружил, что ему с трудом удается подобрать подходящие слова.

— Эв, вы знаете, что я здесь уже достаточно долго, — начал он.

— Долго? — Она с легким удивлением повернулась к нему, — Четыре месяца? Они кажутся лишь часами.

— Возможно, — упрямо заявил он. — Но для меня это было долго. Так что, возможно, нет ничего плохого в том, что я ухожу.

— Уходите? — Ее карие глаза расширились. — Кто сказал, что вы уходите?

— Конечно я сам, — сказал он, — Но я подумал, что должен кое-что вам объяснить, прежде чем уйду. Вы мне очень понравились, Эв…

Однако она не дала ему договорить.

— Понравилась? — воскликнула она. — Еще бы! Да у меня минуты свободной не было из-за того, что я развлекала вас. Клянусь, я почти ничего не видела за пределами этого дома! Понравилась! Естественно, я должна была вам понравиться после всего того, что для вас сделала!

Он долго смотрел на ее разгневанное лицо, а потом печально улыбнулся.

— Вы почти правы. Я доставил вам немало неприятностей.

Простите меня, я был настолько глуп, что этого не заметил. — Он наклонил голову, — Мне пора.

Он повернулся и пошел прочь. Однако не успел он сделать и дюжины шагов по залитой солнцем библиотеке, как она окликнула его:

— Донал!

Он обернулся и увидел, что она смотрит на него с застывшим лицом, стиснув кулаки.

— Донал, вы… вы не можете уйти, — напряженно произнесла она.

— Простите? — Он уставился на нее.

— Вы не можете уйти, — повторила она, — Ваша обязанность — находиться здесь.

— Нет, — Он покачал головой. — Вы просто не понимаете, Эв. Приближаются события на Ориенте. Я намерен обратиться к маршалу с просьбой назначить меня на один из кораблей.

— Вы не можете этого сделать, — Ее голос срывался. — Его здесь нет. Он уехал на космоверфь.

— Что ж, тогда я тоже поеду туда и поговорю с ним.

— Не выйдет. Я попросила его оставить вас при себе. Он обещал.

— Вы… что? — Он почти выкрикнул это, будто они были не в доме, а на улице.

— Я попросила его оставить вас здесь.

Он повернулся и направился прочь.

— Донал! — услышал он ее отчаянный крик за спиной, но теперь ничто и никто в этом доме не могло его остановить.

На верфи Галт разглядывал новую экспериментальную модель двухместного корабля. Маршал удивленно поднял взгляд на вошедшего Донала.

— В чем дело?

— Не мог бы я минуту поговорить с вами наедине, сэр? — обратился к нему Донал. — По личному и срочному делу.

Галт бросил на него проницательный взгляд, но кивнул, соглашаясь, и они зашли в инструментальную будку.

— В чем дело? — снова спросил Галт.

— Сэр, — начал Донал, — как я понимаю, Эльвина просила вас, чтобы я и во время предстоящей операции, которую мы обсуждали с начальником патруля Лладроу сегодня утром, продолжал службу при вас.

— Совершенно верно. Просила.

— Я не знал об этом. — Донал глядел маршалу в глаза. — И вовсе этого не хотел.

— Не хотели?

— Нет, сэр.

— Вот как. — Галт глубоко вздохнул и потер подбородок. Отвернувшись, он посмотрел на экспериментальный корабль, — Теперь ясно, — кивнул он, — А я и не понял.

— Вы и не могли понять. Просто мне нужно было поговорить с вами раньше, сэр.

— Нет, нет. — Галт махнул рукой. — Я сам виноват. У меня никогда не было детей. Нет опыта. Ей нужно научиться самой устраивать свою жизнь, и… что ж, я очень высокого мнения о вас, Донал.

— Вы слишком добры ко мне, сэр, — с болью в голосе произнес Донал.

— Нет, нет… что ж, случаются ошибки. Конечно, я позабочусь, чтобы для вас нашлось место в одном из боевых подразделений.

— Спасибо, — сказал Донал.

— Не благодарите меня, мой мальчик, — Внезапно Галт показался ему очень старым. — Мне всегда следовало помнить о том, что вы — дорсаец.

Офицер связи

— Добро пожаловать на борт, — произнес симпатичный младший капитан, когда Донал миновал газовый барьер внутреннего шлюза. Младшему капитану было лет двадцать с небольшим; черноволосый, с жесткими чертами лица, атлетического сложения, — Я младший капитан Олмин Клей Андресен.

— Донал Грэйм, — Они отдали друг другу честь и пожали руки.

— Есть опыт корабельной службы? — поинтересовался Андресен.

— Восемнадцать месяцев летних практических занятий на Дорсае, — ответил Донал. — Командование и вооружение — на технических должностях не был.

— На корабле класса 4И, — сказал Андресен, — хватит подобной работы. Вы будете старшим офицером после меня — если что-нибудь случится. Нет, я вовсе не предлагаю вам в подобной ситуации взять командование на себя. Мой первый вполне с этим справится. Но вы, возможно, могли бы помочь ему, если потребуется.

— Почту за честь, — кивнул Донал.

— Хотите осмотреть корабль?

— Жду не дождусь.

— Хорошо. Тогда идем в кают-компанию. — Андресен повел его через раздвижную переборку в коридор, который в этом месте разветвлялся направо и налево. Они прошли еще через одну дверь в стене коридора прямо перед ними, затем по небольшому переходу и оказались наконец в большой уютной круглой комнате.

— Кают-компания, — объяснил Андресен, — Центр управления прямо у нас под ногами — обратная гравитация, — Он нажал кнопку на стене, и секция пола отошла в сторону, — Вам придется перевернуться, — предупредил он и нырнул головой вниз в образовавшийся проем.

Донал уже знал, чего следует ожидать, поэтому последовал примеру младшего капитана. Он оказался в другом круглом помещении, такого же размера, что и кают-компания, где сила тяжести была направлена в противоположную сторону, и то, что находилось внизу, здесь располагалось наверху, и наоборот.

— Здесь, — сказал Андресен, когда Донал мягко приземлился на полу рядом с проемом, — наше Всевидящее Око.

Как вы, вероятно, заметили, корабль класса 4И представляет

собой нечто вроде соединения шара и молота. — Он нажал несколько кнопок, и на большом, висящем посреди помещения шаре, который он называл Всевидящим Оком, возникло изображение их корабля, как бы видимого с некоторого расстояния извне. Он парил на фоне испещренного звездами космоса и серебристого края Фрайлянда. Сфера диаметром в тридцать метров — «шар» — соединялась двумя тонкими трубами длиной в сто метров каждая с ромбовидным двигательным отсеком, напоминавшим большой детский волчок, подвешенный на двух проволоках, — «молотом».

— А аппаратура фазового сдвига? — удивился Донал. Ему была знакома только традиционная цилиндрическая форма больших кораблей, курсировавших среди звезд.

— Само собой, — ответил Андресен, — Решетка находится здесь. Мы лишь надеемся, что противник ее не заметит, так как не можем ее защитить и потому пытаемся сделать невидимой. — Он показал пальцем на соединительные трубы, — Решетка покрывает корабль по всей длине, от двигателя до носа, и выкрашена в черный цвет.

Донал задумчиво кивнул:

— Жаль, поляризаторы не работают в безвоздушном пространстве.

— Не говорите, — кивнул Андресен, выключая Око. — Ладно, давайте продолжим осмотр.

— Каюты экипажа, столовая — с той стороны, — объяснял Андресен. — Каюты офицеров, складские помещения, ремонтная секция — с этой. — Он толкнул дверь в стене напротив, и они вошли в отсек размером с небольшой гостиничный номер, ограниченный с противоположной стороны изгибающейся внешней оболочкой корабля. Оболочка отсека в данный момент была прозрачной, а хитроумное «зубоврачебное кресло», стоявшее перед пультом управления у основания стены, было занято.

— Мой первый, — представил Андресен. В кресле сидела женщина лет сорока.

— Привет, Ол, — сказала она, — Вот, проверяю систему.

Андресен криво усмехнулся:

— Противопехотное оружие. Никому не хочется расстреливать бедных беспомощных человечков сверху — так что это работа для офицера. Обычно, если я не занят, ее приходится выполнять мне. Знакомьтесь, офицер связи Донал Грэйм — первый помощник Коа Бенн.

Донал и женщина обменялись рукопожатием.

— Ну что, продолжим? — спросил Андресен. Они закончили осмотр и остановились перед дверью каюты Донала в офицерской

половине.

— Прошу меня извинить, — произнес Андресен, — но у нас не хватает жилых помещений. У нас полный комплект личного состава. Так что если не возражаете, придется поселить вашего ординарца вместе с вами.

— Конечно нет, — пожал плечами Донал.

— Прекрасно, — облегченно вздохнул Андресен, — Вот почему мне нравятся дорсайцы. Они всегда все понимают. — Он хлопнул Донала по плечу и поспешил назад — готовить к бою свой корабль и экипаж.

Войдя в каюту, Донал обнаружил, что Ли уже разобрал их багаж и повесил гамак для себя — единственная койка предназначалась Доналу.

— Все в порядке? — спросил Донал.

— В порядке, — ответил Ли. Он все еще забывал про слово «сэр»; но Донал, уже зная о фанатичной готовности Ли исполнить любой его приказ, перестал напоминать ему об этом, — Вы уже оформили мой контракт?

— У меня не было времени, — сказал Донал, — Этого не сделать за один день. Неужели вы об этом не знали?

— Нет, — покачал головой Ли, — Все, что я когда-либо делал, — просто отдавал его. А потом, когда срок моей службы заканчивался, мне его возвращали вместе с деньгами, которые я заработал.

— Что ж, обычно на это требуется несколько недель или месяцев, — заметил Донал. Он впервые столкнулся с человеком, который не знал, что контракты являются исключительной собственностью правительства государства или планеты, где человек родился. Контракт представляет собой соглашение между работодателем и правительством. Цель заключалась не в том, чтобы предоставить человеку работу и средства к существованию, но в том, чтобы правительство имело благоприятный платежный и «контрактный» баланс. Тогда оно могло нанимать обученных специалистов, которые требовались ему. Несмотря на то что Донал был частным работодателем и мог предложить соответствующую плату, вопрос найма Ли нужно было решать с властями Дорсая, откуда Ли был родом.

— Впрочем, это в большой степени формальность, — заверил его Донал, — В соответствии со званием мне позволено иметь ординарца. И мое намерение нанять его было зарегистрировано. Это означает, что правительство вашей родины не будет призывать вас на службу в какое-либо другое место.

Ли кивнул, что у него означало крайнюю степень облегчения.

— …Внимание! — внезапно мелодично произнес

коммуникатор на стене каюты возле двери, — Офицер связи Грэйм! Немедленно явитесь на флагманский корабль. Офицер связи Грэйм, немедленно явитесь на флагманский корабль!

Донал предупредил Ли, чтобы тот не путался под ногами у экипажа корабля, и вышел.

Флагманский корабль с красным и зеленым патрулями Фрайляндских космических сил на борту находился, как и корабль класса 4И, куда был назначен Донал, на временной орбите вокруг Ориенте. Чтобы добраться туда, ему потребовалось около сорока минут. Когда он вышел из шлюза и назвал свое имя и звание, к нему приставили сопровождающего, который провел его в зал для инструктажа, находившийся во внутренней части корабля.

В зале было человек двадцать других офицеров связи разных званий. После того как Донал вошел — судя по всему, он был последним, — появился старший капитан, за которым следовал начальник голубого патруля Лладроу.

— Итак, джентльмены, — произнес старший капитан, и в зале стало тихо. — Ситуация следующая, — Он взмахнул рукой, и стена позади него растворилась в воздухе, открыв предполагаемую картину предстоящего сражения. Ориенте плыл в черноте космоса, окруженный множеством кораблей различной формы. Размер кораблей был увеличен — чтобы сделать их заметными рядом с планетой, диаметр которой составлял примерно две трети поперечника Марса. Самые большие из них — длинные цилиндрические межзвездные корабли, относящиеся к патрульному классу, — находились на различных орбитах на расстоянии от восьмидесяти до пятисот километров над поверхностью планеты, так что все вместе они окружали Ориенте постоянно перемещающейся сетью. Скопление кораблей поменьше — класса 4И, курьерских кораблей, огневых платформ, а также одноместных и двухместных шлюпок класса «муха» — находилось ниже, почти у границы атмосферы.

— Мы полагаем, — продолжил старший капитан, — что противник, учитывая его скорость и то, что он уже начал торможение, войдет в фазу примерно здесь… — Внезапно возникло облако десантных кораблей в полумиллионе километров от Ориенте, на фоне Солнца. Они быстро двигались в сторону планеты, стремительно увеличиваясь в размерах. Приблизившись, они вышли на круговую посадочную орбиту вокруг Ориенте, и два флота слились вместе. Затем атакующий флот появился из-под массы обороняющихся, внезапно выбросив облако мелких объектов, которые были атакующими войсками. Они плыли вниз, преследуемые небольшим кораблем, в то время

как большинство десантных кораблей с Ньютона и Кассиды начали исчезать, словно вспыхивающие свечки, ища спасения в фазовом сдвиге, который должен был перенести их на световые годы от поля боя.

Для Донала, прекрасно подготовленного профессионала, это зрелище выглядело одновременно захватывающим — и абсолютно неправдоподобным. Еще ни одно сражение не проходило с подобной балетной грацией и изяществом, и, разумеется, никогда такого не будет.

— Итак, джентльмены, — сказал старший капитан, — такова точка зрения штаба. Ваша задача — ваша лично, как штабных офицеров связи — наблюдать. Нам должно быть известно все, что вы можете увидеть, все, что вы сможете обнаружить, все выводы, которые вы можете — или считаете, что можете, — сделать. И конечно, — он поколебался и криво улыбнулся, — ничто не будет цениться так высоко, как военнопленные.

В ответ последовал всеобщий смех, поскольку все знали, насколько мала вероятность извлечь человека из уже разбитого вражеского корабля, учитывая скорости и прочие особенности космического сражения, — к тому же вряд ли он окажется живым.

— Это все, — заключил старший капитан.

Офицеры связи встали и начали выходить из зала.

— Одну минуту, Грэйм! — раздался голос Лладроу.

Донал обернулся. Начальник патруля направлялся к нему. Донал шагнул ему навстречу.

— Я бы хотел с вами немного поговорить, — произнес Лладроу. — Подождем, пока остальные уйдут. — Они молча дождались, пока последний из офицеров не покинул зал.

— Да, сэр? — спросил Донал.

— Меня интересует кое-что, что вы сказали — или, возможно, собирались сказать, — когда я встретил вас у маршала Галта во время обсуждения операции на Ориенте. Но я так и не понял, что именно вы имели в виду. Не могли бы вы объяснить?

— Ничего особенного, сэр, — ответил Донал. — Штаб и маршал, несомненно, знают, что делают.

— Значит, вы не заметили ничего такого, чего не могли бы заметить мы?

Донал поколебался.

— Нет, сэр. Я знаю о намерениях и планах противника не больше вас. Вот только… — Донал взглянул на темное лицо офицера, не решаясь высказать то, что было у него на уме. После истории с Ани он старался держать свои мысли при себе, — Возможно, это лишь мои подозрения, сэр.

— Подозрений хватает и у нас! — В голосе Лладроу

прозвучала нотка нетерпения. — Что именно? Что бы вы стали делать на нашем месте?

— На вашем месте, — решился Донал, — я бы атаковал Ньютон.

У Лладроу отвисла челюсть. Он уставился на Донала.

— Ради всего святого, — наконец выговорил он, — вы, похоже, не стесняетесь в средствах. Разве вы не знаете, что цивилизованный мир не может быть захвачен?

Донал позволил себе роскошь слегка вздохнуть и еще раз поделиться своими соображениями.

— Я помню, как об этом говорил маршал, — сказал он, — Собственно говоря, хотелось бы со временем доказать ошибочность подобного принципа. Однако я имел в виду совсем не это. Я вовсе не предлагаю захватить Ньютон, а лишь атаковать его. Я подозреваю, что ньютонцы так же одержимы принципами, как и мы сами. Увидев, что мы пытаемся совершить невозможное, они, скорее всего, придут к выводу, что мы нашли некий способ решить проблему. По их реакции на подобный вывод мы можем многое узнать — включая и то, что касается Ориенте.

Озадаченное выражение лица Лладроу сменилось на хмурое.

— Попытка атаковать Ньютон повлечет фантастические потери, — заметил он.

— Только если довести атаку до конца, — нетерпеливо перебил его Донал. — Это лишь ложный маневр, и ничего больше. Задача не в том, чтобы причинить реальный ущерб, а в том, чтобы расстроить стратегию противника, привнеся фактор неожиданности.

— И тем не менее, — произнес Лладроу, — чтобы этот ложный маневр был действенным, атакующим придется пойти на риск.

— Дайте мне десяток кораблей… — начал Донал.

Лладроу вздрогнул и заморгал, словно только что проснувшийся человек.

— Дать вам… — Он улыбнулся, — Нет, нет, мы рассуждаем лишь теоретически. Штаб никогда не согласится на столь дикую, заранее не спланированную операцию; и у меня нет права самому отдать соответствующий приказ. И даже если бы я мог — чем объяснить назначение командаром молодого человека, который никогда в жизни не командовал кораблем? — Он покачал головой, — Нет, Грэйм, — хотя я нахожу вашу идею интересной. Удивительно, что она не пришла в голову никому из нас.

— Может быть, стоит упомянуть о ней…

— От этого не будет никакой пользы — действовать вопреки плану, который штаб разрабатывает уже неделю, — Он широко

улыбнулся, — Фактически серьезно пострадала бы моя собственная репутация. Но это хорошая идея, Грэйм. У вас задатки настоящего стратега. Я отмечу это в своем докладе маршалу.

— Спасибо, сэр.

— Возвращайтесь на свой корабль, — приказал Лладроу.

— До свидания, сэр.

Донал отдал честь и вышел. У него за спиной Лладроу нахмурился: прежде чем заняться другими делами, ему нужно было хорошенько обдумать их разговор.

Космические сражения, размышлял Донал, ведутся лишь с взаимного согласия. Это был как раз один из тех принципов, которые вызывали у него сомнения и которые он твердо решил опровергнуть при первой же возможности. Однако сейчас, стоя перед экраном Всевидящего Ока и наблюдая за вражескими кораблями, он вынужден был признать, что в данном случае это правда. По крайней мере в том смысле, что ты атакуешь вражескую позицию, а противник, как ты точно знаешь, будет ее защищать.

Но что, если он все-таки не станет обороняться? Что, если он поступит совершенно неожиданным образом…

— Контакт через шестьдесят секунд. Контакт через шестьдесят секунд, — объявил громкоговоритель над его головой.

— Всем пристегнуться, — спокойно сказал Андресен в микрофон. Он сел в «зубоврачебное кресло», его помощники расположились справа и слева от него. За ситуацией он наблюдал не по изображениям, как Донал, а по показаниям приборов, и потому его представление о ней было более полным. Неуклюжий в боевом скафандре, Донал медленно опустился в точно такое же кресло перед Оком и пристегнулся. В случае если корабль развалится на части, он останется в нем так долго, насколько это будет возможно. Если повезет, он сможет добраться до спасательного корабля на орбите Ориенте через сорок или пятьдесят часов — разумеется, если ничто не помешает.

В эти последние несколько секунд Донал огляделся по сторонам, найдя несколько удивительным тот факт, что этот светлый и тихий зал очень скоро окажется на переднем крае смертельной битвы и под угрозой вполне возможного уничтожения. Потом времени на размышления уже не осталось. Установился контакт с противником, и следовало вести наблюдения за происходящим.

Был отдан приказ всячески изводить противника, но не сближаться с ним. Потери оценивались как двадцать процентов для противника и пять процентов для обороняющихся сил. Однако эти цифры невольно вводили в заблуждение. Для человека, участвующего в сражении, двадцать — ли даже пять — процентов потерь не означают, что он будет выведен из строя на двадцать или пять процентов. Не означает это также, что один человек из пяти или один из двадцати окажется в числе жертв. Это один корабль из пяти или один корабль из двадцати — и все живое на его борту, поскольку в космосе стопроцентные потери

означают девяносто восемь процентов погибших.

Всего имелось три линии обороны. Первая состояла из легких кораблей, которые должны были задержать приближающиеся корабли противника, чтобы более тяжелые корабли могли бы попытаться уравнять скорость и применить тяжелые орудия. Далее располагались большие корабли на своих нынешних орбитах. Наконец, третья линия также небольших кораблей предназначалась для борьбы с личным составом противника, поскольку атакующие сбрасывали десантников в скафандрах. Корабль Донала, класса 4И, находился в первой линии.

Не было никакого предупреждения. И даже самого полномасштабного сражения. В последнюю секунду перед контактом орудия корабля открыли огонь. Затем…

Все кончилось.

Донал заморгал и открыл глаза, пытаясь понять, что произошло. Он так и не смог этого сделать. Помещение, в котором он лежал, пристегнутый к креслу, было расколото пополам, словно гигантским топором. Где-то над головой ярко горела красная лампа, сигнализируя о том, что в зале управления нет воздуха. Всевидящее Око слегка перекосилось, но продолжало работать. Сквозь стекло шлема Донал мог видеть уменьшающиеся в размерах огоньки: противник уходил в сторону Ориенте. Он с трудом выпрямился в кресле и повернул голову в сторону панели управления.

Двое были явно мертвы — Андресен и второй помощник. Судя по судорожным движениям Коа Бенн, ее тяжело ранили. И никто ничем не мог ей помочь, поскольку все они были пленниками своих скафандров.

Тренированное тело Донала начало действовать прежде, чем он сам успел что-либо сообразить. Донал отстегнул ремни, привязывавшие его к креслу. Пошатываясь, пересек зал, отодвинул в сторону голову Андресена и нажал кнопку связи.

— К4И один-двадцать один, — сказал он. — К4И один-двадцать один… — Он продолжал повторять эти кабалистические цифры, пока экран перед ним не осветился и на нем не появилось лицо в шлеме, столь же бледное, как и лицо мертвеца в кресле позади Донала.

— KJI, — произнес человек, — А-двадцать три? — Это означало: «Вы можете управлять кораблем?»

Донал бросил взгляд на панель. Каким-то чудом она оказалась почти цела. Все приборы работали.

— А-двадцать девять, — утвердительно ответил он.

— М-сорок, — отозвался человек, и экран погас.

Донал отпустил кнопку. М-сорок означало: «Действуйте в

соответствии с приказом».

Действовать в соответствии с приказом для К4И-121, корабля, на котором находился Донал, означало — приблизиться к Ориенте и уничтожить как можно больше десантников. Донал занялся не слишком приятным делом — начал извлекать мертвых и умирающих из их кресел.

Коа, как он отметил, отстегивая ремни, казалось, была без сознания. У нее не было переломов, но, похоже, ее только придавило или сильно ударило в бок то, что убило остальных. Ее скафандр не был поврежден. Донал решил, что она вполне сможет выжить.

Усевшись в кресло капитана, он вызвал орудийные посты.

— Доложите обстановку, — приказал он.

Ответил первый орудийный пост и посты с пятого по восьмой.

— Мы направляемся в сторону планеты, — объявил Донал. — Всем временно покинуть орудийные посты и сформировать рабочую команду с целью загерметизировать и заполнить воздухом корабль. Тем, кто не оказался отрезанным, собраться в кают-компании. Старшему по должности из оставшихся в живых членов экипажа взять руководство на себя.

Последовала небольшая пауза.

— Орудийный техник Ордовия, — произнес затем чей-то голос. — Похоже, я старший из оставшихся в живых, сэр. Это капитан?

— Офицер связи Грэйм, исполняющий обязанности капитана. Остальные офицеры погибли. Как старший по званию, я взял командование на себя. Исполняйте приказ.

— Есть, сэр.

Донал начал вспоминать, чему его учили. Он развернул корабль в сторону Ориенте и проверил все приборы. Вскоре красная лампа над головой внезапно погасла и послышался медленный, шипящий звук — сначала слабый, затем быстро нарастающий, переходящий в вой. Скафандр его слегка обмяк.

Несколько секунд спустя кто-то похлопал его по плечу. Он обернулся и увидел светловолосого человека с откинутым назад шлемом.

— Корабль загерметизирован, сэр, — сказал он, — Я Ордовия.

Донал отстегнул шлем и откинул его назад, с удовольствием вдыхая наружный воздух.

— Позаботьтесь о первом помощнике, — распорядился он. — У нас на борту есть врач?

— Врача нет, сэр. Слишком маленький корабль. Хотя есть

анабиозная камера.

— Тогда поместите ее туда. И отправьте людей обратно на посты. Минут через двадцать мы снова окажемся в центре событий.

Ордовия вышел. Донал сел за пульт. В принципе он знал, как управлять кораблем, однако отдавал себе отчет, насколько он далек от того, чтобы считаться опытным пилотом или капитаном. Он мог управлять этим кораблем примерно так же, как кто-то мог бы управлять лошадью после полудюжины уроков верховой езды, — то есть он знал, что делать, но ничего не мог делать инстинктивно. Если Андресену было достаточно одного взгляда, чтобы прочитать показания всех приборов и мгновенно отреагировать, то Донал сосредоточился на полудюжине основных циферблатов и тщательно взвешивал все свои действия.

Так получилось, что они опоздали к операции у границ атмосферы Ориенте; однако было еще не настолько поздно, чтобы десантники успели почувствовать себя в полной безопасности. Донал поискал на панели кнопку, включающую противопехотные орудия.

— Включаю веерные орудия, — объявил он в стоящий перед ним микрофон. Донал смотрел на приборы, и в его воображении возникла картина: беспорядочно опускающиеся вниз темные фигуры десантников. Он подумал о нескольких миллионах крохотных стрелок из углеродистой стали, которые разлетятся среди них — стоит лишь коснуться пальцем кнопки. Последовала некоторая пауза, прежде чем он услышал ответ; это был голос Ордовии.

— Сэр… простите, но оружейники говорят, что они привыкли обращаться с оружием…

— Вы слышали приказ, — бросил Донал. — Выполняйте!

— Есть, сэр.

Донал взглянул на экран. Компьютер зафиксировал цели. Донал нажал кнопку и больше не отпускал ее.

Два часа спустя кораблю К4И, к этому времени находившемуся на орбите ожидания, было приказано возвращаться, а его капитану — явиться к начальнику субпатруля. В то же самое время всем штабным офицерам связи было приказано явиться на флагманский корабль; офицеру связи Доналу Грэйму было приказано лично явиться к начальнику голубого патруля Лладроу. Обдумав все три распоряжения, Донал вызвал Ордовию и велел выполнять первое поручение. Два других, которые могли быть — а могли и не быть — связаны между собой, он решил взять на себя.

Прибыв на флагман, он объяснил ситуацию офицеру в

приемной, который связался и со штабом, и с начальником голубого патруля.

— Вам следует явиться прямо к Лладроу, — сообщил он Доналу и дал ему сопровождающего.

Донал нашел Лладроу в его кабинете, который был не намного больше, чем каюта Донала на К4И.

— Хорошо! — сказал Лладроу, вставая из-за стола навстречу Доналу. Он подождал, пока сопровождающий вышел, а затем подошел к Доналу и положил смуглую ладонь ему на плечо.

— Как вам удалось добраться? — спросил он.

— Довел корабль сам, — объяснил Донал. — Прямое попадание в зал управления. Все офицеры погибли.

— Все офицеры? — Лладроу пристально посмотрел на него. — А вы?

— Естественно, я принял командование на себя. Впрочем, ничего не оставалось, кроме как расчищать пространство от живой силы противника.

— Прекрасно. Это лучше, чем я надеялся. А теперь, — сказал Лладроу, — ответьте мне — не кажется ли вам, что вы превысили свои полномочия?

— В некоторой степени — определенно да. — Донал бросил взгляд на маленького, довольно некрасивого капитана и внезапно обнаружил, что начальник голубого патруля чем-то ему симпатичен. Ему редко приходилось встречаться с подобной прямотой, с тех пор как он покинул Дорсай.

— Ладно. Если вы согласны, мы оба превысим наши полномочия, — Лладроу взглянул на дверь кабинета, но она была плотно закрыта, — Я намерен открыть вам совершенно секретную информацию и привлечь вас к некоей операции, организуемой вопреки распоряжениям штаба, — если вы не возражаете.

— Совершенно секретную? — переспросил Донал, чувствуя, как у него внезапно холодеет затылок.

— Да. Мы выяснили, что стояло за этой высадкой с Ньютона-Кассиды на Ориенте… Вы знаете Ориенте?

— Конечно, я его изучал, — ответил Донал, — В училище — и недавно, когда проходил службу на Фрайлянде. Температура до семидесяти восьми градусов по Цельсию, скалы, пустыня и джунгли с местными разновидностями лиан и кактусов. Больших водоемов нет, и слишком много углекислого газа в атмосфере.

— Верно. Что ж, — сказал Лладроу, — самое главное, что он достаточно велик для того, чтобы там можно было скрыться. Теперь они там, и мы не можем быстро выкурить их оттуда — во всяком случае, пока не спустимся туда сами. Мы предполагали, что они совершили высадку с целью провести учения в реальной

обстановке, и ожидали от них каких-то действий через несколько дней или недель. Мы оказались не правы.

— Не правы?

— Мы выяснили причину, по которой они совершили посадку на Ориенте. Это оказалось вовсе не то, что мы думали.

— Быстро сработали, — кивнул Донал. — И что же это было… через четыре часа после высадки?

— Это они быстро сработали, — ответил Лладроу. — Пока с этим еще разбираются; однако они выстреливают пучками какого-то неизвестного излучения из орудий, которые стреляют один раз, перемещаются и снова стреляют из нового укрытия — причем этих орудий очень много. И излучение направлено в Сириус. Активность солнечных пятен увеличивается, — Он сделал паузу и проницательно взглянул на Донала, словно ожидая комментариев. Донал молчал, обдумывая ситуацию.

— Проблемы с погодой? — наконец догадался он.

— Именно! — сказал Лладроу энергично, словно Донал был первым учеником, который только что снова проявил себя, — По мнению метеорологов, это может быть серьезно. И мы уже слышали о том, какова цена за то, чтобы это прекратилось. Кажется, сейчас ведутся переговоры на Новой Земле. Официальных сведений нет, но кое-что просочилось.

Донал кивнул. Его вовсе не удивило то, что идут переговоры между мирами, которые в то же время активно воюют друг с другом. Среди звезд это было в порядке вещей. Отлив и прилив обученного персонала на контрактной основе был жизненной силой цивилизации. Мир, пытавшийся идти своим собственным путем, оказывался на годы позади, приходя в упадок — или в конце концов покупая жизненно необходимые ресурсы по разорительной для себя цене. Конкуренция означала обмен квалифицированными специалистами, а это означало контракты, а контракты, в свою очередь, — продолжение переговоров.

— Они требуют соглашения о взаимном комиссионном вознаграждении, — сказал Лладроу.

Донал пристально посмотрел на него. Открытая рыночная торговля контрактами прекратилась почти пятьдесят лет назад. Она превратилась в спекуляцию человеческими жизнями, лишив личность последних остатков достоинства и безопасности, уравнивая ее со скотом или оборудованием, которым торговали с единственной целью — получить максимальную прибыль. Дорсай вместе с Экзотскими мирами, Марой и Культисом возглавили борьбу против подобной практики. Существовала также и иная точка зрения. На части планет, подобных принадлежавшим к венерианской группе — включая Ньютон и Кассиду — или

Квакерским, открытый рынок сделался еще одним орудием в руках правящей верхушки; в то время как на «свободных» мирах типа Фрайлянда он стал уязвимым местом, благодаря которому иностранные кредиторы могли извлекать выгоду из местной ситуации.

— Понятно, — кивнул Донал.

— У нас есть три возможных варианта действий, — объяснил Лладроу. — Уступить и принять соглашение. Страдать от погодных аномалий в течение нескольких месяцев, пока мы не очистим Ориенте, применив военную силу. Или же заплатить непомерно высокую цену человеческими жизнями, чтобы сделать это как можно быстрее. Мы потеряем столько же жизней из-за погодных катаклизмов, сколько мы потеряли бы их в военной операции. Так что мое предложение — пойти на риск; кстати, это мое предложение, не штаба. Они ничего не знают, а если бы и знали, то не поддержали бы. Не хотите опробовать вашу идею — нагнать страху на Ньютон?

— С удовольствием! — Глаза Донала вспыхнули.

— Придержите свой энтузиазм при себе, пока не услышите, с чем вам придется иметь дело, — сухо заметил Лладроу. — Ньютон постоянно держит девяносто первоклассных кораблей на оборонительной орбите. Я могу дать вам пять.

Начальник субпатруля

— Пять! — вырвалось у Донала.

Он почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Еще до того как Лладроу отказал ему в первый раз, он довольно тщательно продумал, что и как следует сделать с Ньютоном. Его план предусматривал участие компактного боевого подразделения из тридцати кораблей первого класса, выстроенных в треугольник из трех субпатрулей, по десять кораблей в каждом.

— Видите ли, — произнес Лладроу, — дело не в том, что у меня мало кораблей, — даже принимая во внимание только что понесенные потери, мой голубой патруль насчитывает свыше семидесяти кораблей только первого класса. Дело в том, что я не могу доверить вам больше. Поймите, офицерам наверняка будет ясно, что данная миссия — сугубо добровольная и происходит за спиной у штаба. Капитаны этих кораблей полностью лояльны по отношению ко мне, иначе я бы их не выбрал. — Он посмотрел на Донала. — Ладно, — вздохнул он, — я сам знаю, что это невозможно. Так что давайте лучше забудем об этом.

— Я могу рассчитывать на полное подчинение моим приказам? — спросил Донал.

— Это, — кивнул Лладроу, — я могу вам гарантировать.

— Мне придется импровизировать, — произнес Донал. — Я полечу с ними, оценю обстановку и решу, что можно сделать.

— Согласен. Значит, решено?

— Решено, — произнес Донал.

— Тогда идем. — Лладроу повернулся и повел его по коридорам к шлюзу, где их ждал маленький курьерский корабль; через пятнадцать минут они были на одном из кораблей первого класса.

Оказавшись в большом, заполненном сложной аппаратурой главном зале управления, Донал обнаружил там пятерых старших капитанов, которые ждали его. Седой человек могучего телосложения отдал честь Лладроу и представился как командир данного корабля.

— Капитан Баннерман, — сказал Лладроу, представляя его Доналу. — Капитан Грэйм, — Донал с трудом скрыл удивление. Он совсем забыл, что неизбежно будет повышен в звании. Трудно представить, чтобы простой штабной офицер в звании командора мог командовать капитанами кораблей первого класса.

— Джентльмены! — Лладроу повернулся к остальным офицерам. — Я был вынужден достаточно быстро сформировать

из ваших кораблей новый субпатруль. Капитан Грэйм — ваш начальник. Вы составите разведывательную группу, чтобы выполнить определенную задачу почти в самом сердце вражеской территории; и я хотел бы подчеркнуть, что власть капитана Грэйма абсолютна. Вы должны неукоснительно выполнять любые его приказы. Есть вопросы, которые вы хотели бы задать, прежде чем он примет командование?

Капитаны молчали.

— Что ж, прекрасно. — Лладроу повел Донала вдоль шеренги, — Капитан Грэйм, это капитан Асейни.

— Рад познакомиться. — Донал обменялся с ним рукопожатием.

— Капитан Коул.

— Рад познакомиться.

— Капитан Сукайя-Мендес.

— К вашим услугам, капитан.

— Капитан Эль Ман.

— Рад познакомиться, — сказал Донал. На него смотрело покрытое шрамами лицо дорсайца лет тридцати пяти. — Кажется, мне знакома ваша фамилия, капитан. Южный Континент, возле Тамлина, верно?

— Около Бриджуорта, сэр, — ответил Эль Ман. — Я слышал о Грэймах. — Донал двинулся дальше.

— И капитан Руол.

— Рад познакомиться.

— Что ж, — Лладроу отступил на шаг назад, — передаю командование вам, капитан Грэйм. Какое-нибудь специальное вооружение требуется?

— Торпеды, сэр.

— Я передам на склад вооружений, чтобы они с вами связались, — сказал Лладроу и вышел.

Пять часов спустя, загрузив на борт несколько сотен дополнительных торпед, субпатруль из пяти кораблей ушел в глубокий космос. Это было желанием Донала — уйти от своей базы как можно быстрее и дальше, где цель их экспедиции не могла бы быть обнаружена и ничто не могло бы ей воспрепятствовать. Вместе с торпедами на борту корабля появился Ли. Ли остался невредим: секция корабля, где он находился, не пострадала от удара, разрушившего зал управления. Донал поставил перед ним вполне определенную задачу.

— Я хочу, чтобы вы постоянно были здесь, — заявил он. — Всегда оставайтесь рядом. Я сомневаюсь, что вы реально можете мне понадобиться, но если понадобитесь, я хочу, чтобы вы были

под рукой.

— Хорошо, — бесстрастно ответил Ли.

Они разговаривали в кают-компании начальника патруля, которую предоставили Доналу. Затем Донал направился в главный зал управления. Ли за ним. Оказавшись в нервном центре корабля, он обнаружил, что все трое старших офицеров корабля заняты расчетом фазового сдвига под наблюдением Баннермана.

— Скоро? — спросил Донал.

— Примерно через две минуты. Поскольку вы не указали конкретного пункта назначения, расчеты не заняли много времени. Мы просто выполняем обычную проверку, чтобы убедиться, что нам не угрожает опасность столкнуться с каким-либо объектом. Сдвиг на четыре световых года, сэр.

— Хорошо, — кивнул Донал, — Идемте со мной, Баннерман.

Он подошел к более обширному и сложному Всевидящему Оку, находящемуся в центре зала управления, и нажал несколько кнопок. Шар заполнила картина из библиотечного файла корабля: зеленовато-белая планета с двумя спутниками, освещенная солнцем типа GO.

— Апельсин и два зернышка, — прокомментировал Баннерман, демонстрируя нелюбовь жителя лишенного лун Фрайлянда к естественным спутникам планет.

— Да, — произнес Донал, — Ньютон. — Он взглянул на Баннермана, — Насколько близко мы можем к нему подойти?

— Сэр? — Баннерман оглянулся по сторонам. Донал ждал, не отводя глаз от капитана. Взгляд Баннермана снова остановился на картине посреди Ока.

— Мы можем подойти так близко, как вы хотите, сэр, — ответил он. — Видите ли, во время больших сдвигов мы должны делать остановки, чтобы точно определить наше местонахождение. Однако все, что касается любой цивилизованной планеты, уже давно известно. Чтобы подойти на безопасное расстояние от их сил обороны, я бы сказал, сэр…

— Я не спрашиваю вас о безопасном расстоянии от их сил обороны, — спокойно уточнил Донал. — Я спросил — насколько близко?

Баннерман смотрел на Донала несколько секунд. Черты его лица словно окаменели.

— Насколько близко? — повторил он. — На два диаметра планеты.

— Спасибо, капитан, — сказал Донал.

— Сдвиг через десять секунд, — объявил первый помощник и начал обратный отсчет. — Девять секунд… восемь… семь… шесть… пять… четыре… три… две… Сдвиг!

— Да, — произнес Донал таким тоном, словно сдвиг не прервал того, что он собирался сообщить, — здесь, где спокойно и пусто, нам предстоит отрепетировать маневр, и я хочу, чтобы это проделали все корабли. Соберите всех, капитан.

Баннерман подошел к панели управления и нажал кнопку вызова. Пятнадцать минут спустя все, за исключением младших офицеров, собрались в зале управления корабля Баннермана. Донал объяснил, что он имеет в виду.

— Теоретически нашему патрулю поставлена задача лишь произвести разведку. В действительности мы намерены попытаться имитировать атаку на Ньютон.

Он подождал минуту, давая им возможность осознать только что сказанное, а затем начал излагать свой план.

С помощью приборов корабля следует создать имитацию Ньютона. Затем нужно приблизиться к этой «планете», в случайном порядке и с различных направлений, сначала один корабль, затем два вместе, затем сериями из отдельных кораблей — и так далее. Потом осуществить сдвиг перед самой планетой, пустить одну или несколько торпед, пролететь рядом с планетой и немедленно снова выйти из сдвига. Цель состояла в том, чтобы имитировать серию взрывов, покрывающих всю поверхность планеты.

Однако имелось одно главное отличие. Их торпеды должны были взрываться за пределами внешнего кольца обороны Ньютона, словно предназначены лишь для того, чтобы сбросить некий источник излучения или материал, который, как предполагалось, должен был падать на поверхность планеты, распространяясь по ней.

И кроме того, время следует рассчитать так, чтобы отряд из пяти кораблей показался большим флотом, занятым непрерывной бомбардировкой.

— …Есть предложения или замечания? — спросил Донал. Он заметил Ли, который стоял, прислонившись к стене зала, и бесстрастно наблюдал за капитанами.

Ответа сразу не последовало, а затем медленно заговорил Баннерман, словно исполняя неприятный долг говорить от имени группы.

— Сэр, как насчет вероятности столкновения?

— Она достаточно высока, я знаю. Особенно с кораблями противника. Но нам придется пойти на риск.

— Могу я спросить, сколько вылетов нам придется совершить?

— Сколько сможем. — Донал внимательно обвел взглядом группу. — Я хочу, джентльмены, чтобы вы поняли: мы будем

делать все для того, чтобы избежать открытого боя или случайных жертв. Однако это может оказаться неизбежным, учитывая необходимость большого количества вылетов.

— Сколько вылетов вы предполагаете, капитан? — спросил Сукайя-Мендес.

— Сомневаюсь, — ответил Донал, — что мы сможем создать действенную иллюзию большого флота, занятого сплошной бомбардировкой целой планеты, меньше чем за два часа непрерывных вылетов.

— Два часа! — воскликнул Баннерман. Среди группы послышался ропот. — Сэр, — продолжал Баннерман. — Даже при пяти минутах на вылет с пятью кораблями это получается больше чем два вылета за час. Если напрячься изо всех сил или если будут потери — самое большее четыре. Получается восемь фазовых сдвигов за час — шестнадцать за два часа. Сэр, даже накачавшись наркотиками до ушей, люди или наши корабли этого не выдержат.

— Вы знаете кого-нибудь, кто уже пытался такое сделать, капитан? — обратился к нему Донал.

— Нет, сэр… — начал Баннерман.

— Тогда откуда же вы знаете, что это невозможно? — Донал не стал ждать ответа, — Суть в том, что это необходимо сделать. Вы должны лишь управлять вашими кораблями и выстреливать по возможности по две торпеды. Это не требует особенных сил. Для боя в обычных условиях их потребовалось бы гораздо больше. Если кто-то из ваших людей окажется не в состоянии выполнить задачу, замените его.

— Шай Дорсай! — пробормотал покрытый шрамами Эль Ман, и Донал бросил на него благодарный взгляд, признательный как за поддержку, так и похвалу.

— Кто-нибудь хочет отказаться? — жестко спросил Донал.

Все отрицательно покачали головами.

— Хорошо. — Донал отступил на шаг назад. — Тогда перейдем к тренировкам. Все свободны, джентльмены.

Он смотрел им вслед, когда они покидали зал управления.

— Экипажам следовало бы поесть и отдохнуть, — Донал повернулся к Баннерману, — Нам, кстати, тоже. Я, по крайней мере, собираюсь. Пусть мне что-нибудь принесут в мою каюту.

— Есть, сэр, — ответил Баннерман. Донал повернулся и вышел из зала; Ли следовал за ним, словно тень. Кобиец молчал, пока они не оказались в каюте, потом проворчал:

— Что имел в виду этот, с лицом в шрамах, когда назвал вас «шай»?

— А. — Донал улыбнулся, — Это вовсе не оскорбление, Ли.

Это, можно сказать, похлопывание по спине. «Шай» означает нечто вроде «истинный, настоящий, подлинный».

Ли что-то пробормотал и кивнул:

— Полагаю, на него можно рассчитывать.

Принесли еду — по подносу для каждого. Донал немного поел и вытянулся на койке. Казалось, он сразу же провалился в сон, и когда он проснулся от прикосновения руки Ли, он знал, что ему что-то снилось — но что именно, он не мог вспомнить; перемещение каких-то форм в темноте — материальное воплощение решения сложной физической задачи, связанной с направлением и массой.

— Тренировка сейчас начнется, — произнес Ли.

— Спасибо, ординарец, — ответил Донал. Он поднялся и направился в зал управления, стряхивая на ходу остатки сна. Ли следовал за ним, но Донал этого не осознавал, пока кобиец не сунул ему в руку несколько белых таблеток.

— Лекарство, — сказал Ли.

Донал машинально проглотил их. Он заметил Баннермана, склонившегося над панелью управления. Тот повернулся и направился к нему.

— Мы готовы к первому тренировочному вылету, сэр, — объявил он, — Как вы хотите наблюдать — с помощью приборов или Ока?

Донал увидел, что в обоих местах для него установлено по креслу.

— Око, — уточнил он, — Ли, можете занять второе кресло, поскольку другого для вас, похоже, нет.

— Капитан, вы…

— Я знаю, Баннерман, — кивнул Донал. — Я должен был предупредить: мой ординарец всегда будет рядом. Прошу меня извинить.

— Не за что, сэр, — Баннерман подошел к собственному креслу и устроился в нем. Ли отошел к своему. Донал занялся наблюдениями.

В дальнем космосе пять кораблей выстроились в ряд с интервалом в тысячу километров. Он слегка прибавил увеличение, так что, несмотря на расстояние, их можно было рассмотреть во всех деталях.

— Сэр, — сказал Баннерман; его тихий голос отчетливо доносился из другого конца зала, — Я подготовил запись. Когда мы совершим фазовый сдвиг, эта запись заменит изображение в Оке, так что вы сможете увидеть, как в действительности будет выглядеть наше приближение.

— Спасибо, капитан.

— Фазовый сдвиг через десять секунд… Последовал обратный отсчет, затем — сдвиг, и внезапно Донал оказался прямо над планетой, не более чем в пятидесяти тысячах километров от ее поверхности. «Огонь!» «Огонь!» — послышалось из громкоговорителя на потолке зала управления. Снова последовал сдвиг — не поддающийся описанию распад и восстановление тела. Планета исчезла, и они снова оказались в глубоком космосе.

Донал взглянул в Око на другие корабли. Внезапно первый из них исчез. Остальные оставались на месте без движения. В зале управления наступила тишина. Шли секунды, превращаясь в минуты. Минуты ползли одна за другой.

Внезапно корабль снова появился перед кораблем Баннермана.

Донал бросил взгляд на три корабля сзади. Теперь их было только два.

Так продолжалось, пока все корабли не совершили по вылету.

— Еще раз, — потребовал Донал.

Они повторили снова; все прошло без сучка без задоринки.

— Всем отдыхать, — приказал Донал, выбираясь из кресла. — Капитан, передайте всем кораблям, чтобы они дали своим экипажам полчаса отдыха. Позаботьтесь о том, чтобы все поели, отдохнули и были обеспечены таблетками. И пусть всех снабдят дополнительными дозами. Потом я хотел бы поговорить с вами лично.

Когда Баннерман отдал соответствующие распоряжения и подошел к Доналу, тот отвел его в сторону.

— Какова реакция людей?

— Прекрасная, капитан, — ответил Баннерман; Донал с удивлением услышал в его голосе неподдельный энтузиазм, — У нас хорошие экипажи. Отлично подготовленные и весьма опытные.

— Рад слышать, — благодарно отозвался Донал, — Теперь… насчет временного интервала…

— Ровно пять минут, сэр. — Баннерман вопросительно посмотрел на него, — Мы можем слегка сократить его или увеличить настолько, насколько вам нужно.

— Нет, — сказал Донал, — Я просто хотел узнать. У вас есть боевые скафандры для меня и моего ординарца?

— Сейчас доставят со склада.

Время отдыха пролетело незаметно. В 23.10 все уже готовились пристегнуться к креслам; Донал обратил внимание на хронометр в зале управления: полчаса истекали в 23.12.

— Начинаем в двадцать три пятнадцать, — предупредил он

Баннермана.

Его приказ передали на другие корабли. Донал ощутил странный металлический привкус во рту и почувствовал, что взмок.

— Мне нужна связь со всеми кораблями, — произнес он. Последовала пауза в несколько секунд, а затем от панели управления послышался голос третьего помощника:

— Связь установлена, сэр.

— Говорит капитан Грэйм, — начал Донал и замолчал. Он понятия не имел, что именно следует ему сказать. Он попросил связь, чтобы снять напряжение последних нескольких мгновений, столь же тяжких для всех остальных, как и для него. — Вот что я скажу вам. То, что нам предстоит сейчас сделать, Ньютон не забудет никогда. Удачи всем. Конец.

Он махнул третьему помощнику, чтобы тот отключил связь, и взглянул на часы. В помещениях корабля раздался мелодичный сигнал.

Было 23.15.

Начальник субпатруля II

Ньютон не должен был этого забыть.

На планету, занимавшую второе место после Венеры по своим техническим достижениям — а некоторые говорили, что даже первое, — обеспеченную сверх меры материальными благами, высокомерно гордящуюся своей наукой и самодовольно созерцающую свои мощные вооруженные силы, надвинулась тень вторжения. Мгновение назад ее жители были в полной безопасности, как всегда, под прикрытием кольца из девяноста кораблей на орбите — и вдруг в небесах их планеты появляется вражеский флот, бомбардирующий их… чем?

Да, такое не забывается. Но осознание этого пришло лишь потом.

Для людей в пяти кораблях их первый заход над цветущей планетой показался не более чем еще одним упражнением. Даже второй вылет прошел почти без инцидентов.

Но к тому времени, когда ведущий корабль Донала приготовился к третьему вылету, Ньютон начал гудеть, словно потревоженное осиное гнездо.

Пот стекал по лицу Донала, когда он оказался в околопланетном пространстве, и вызвано это было не только напряжением. Психический шок от пяти фазовых переходов сыграл свою роль. Где-то на середине пути их маленький мирок зала управления резко тряхнуло, но корабль продолжал полет, словно ничего не случилось, выпустил вторую торпеду и ушел в шестой фазовый сдвиг.

— Повреждения? — крикнул Донал, — и, удивленный, услышал в своем голосе странные квакающие нотки. Он сглотнул и повторил более нормальным тоном: — Повреждения?

— Повреждений нет, — отозвался офицер у панели управления, — Что-то взорвалось совсем рядом.

Донал почти с яростью снова перевел взгляд на Око. Появился второй корабль. Затем третий. Четвертый. Пятый.

— На этот раз — на пределе возможностей! — жестко приказал Донал.

Последовала минута или две передышки — и затем тошнотворное ощущение очередного фазового сдвига.

Увеличение на экране Ока внезапно резко скакнуло. Донал заметил два ньютонских корабля, один возле планеты, другой — несколько в стороне от направления их полета.

— Защита… — начал Донал, но орудийные расчеты не ждали приказа. Их компьютеры были безукоризненны, наведение

сработало моментально. Донал увидел, как ньютонский корабль впереди внезапно раскрылся, словно лопающийся шарик в замедленной съемке, уменьшился в размерах и, казалось, исчез у них на глазах.

…И снова фазовый сдвиг.

Какое-то мгновение обстановка зала плыла перед глазами Донала. Он ощутил внезапный приступ тошноты и следом за ним услышал, как кого-то рвет над пультом. Он напрягся, изо всех сил пытаясь подавить подступающую тошноту.

«Это только кажется… это все только кажется…» — повторял он про себя, словно заклинание. Картина перед глазами стала более отчетливой, тошнота немного отступила.

— Пора… — донесся от пульта полузадушенный голос Баннермана. Донал моргнул и попытался сфокусировать взгляд на Оке. Пронзительный запах его собственного пота резко отдавался в носу — или это просто все помещение уже пропиталось запахом их пота?

Он смог различить на экране четыре корабля, завершавшие последний вылет. Затем появился пятый.

— Еще раз! — хрипло крикнул он, — На этот раз ниже, — Со стороны пульта послышался придушенный, всхлипывающий звук, однако он преднамеренно не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, кто это.

И снова фазовый сдвиг.

Туманные очертания планеты внизу. Резкий удар. Еще один.

И снова фазовый сдвиг.

Зал управления… полный тумана? Нет — это что-то с его глазами. Моргнуть. Подавить тошноту.

— Повреждения?

Нет ответа.

— Повреждения?

— Легкое. В кормовой части. Устранено.

— Еще раз.

— Капитан… — голос Баннермана, — мы больше не можем. Один из наших кораблей…

Донал бросил взгляд на Око. Картина пляшет и плывет перед глазами — да, только четыре корабля.

— Который?

— Думаю… — тяжелое дыхание Баннермана, — Мендес.

— Еще раз.

— Капитан, вы не можете…

— Тогда дайте мне связь. — Пауза. — Вы слышите меня? Дайте связь.

— Связь… — Голос какого-то офицера. — Вы на связи,

капитан.

— Хорошо. Говорит капитан Грэйм. — Кваканье и писк. Неужели это его голос? — Мне нужны добровольцы — еще на один вылет. Только добровольцы. Говорите, кто пойдет.

Долгая пауза.

— Шай Дорсай!

— Шай Эль Ман! Кто-нибудь еще?

— Сэр… — Это Баннерман, — Еще два корабля не отвечают.

Взгляд на Око. Сосредоточиться. Действительно. Двух из трех кораблей нет.

— Тогда только мы вдвоем. Баннерман?

— Как… — кваканье, — как прикажете, сэр.

— Поехали.

Пауза…

Фазовый сдвиг!

Бешено вращающаяся планета… шок… чернота космоса. Только не терять сознания…

— Выводите корабль! — Пауза. — Баннерман!

Слабый голос в ответ:

— Есть, сэр…

Фазовый сдвиг.

Темнота…

«Просыпайся!» — раздавался настойчивый шепот в ушах Донала. Интересно, откуда он доносится, подумал он с закрытыми глазами. Он слышал его снова и снова. Наконец до него дошло, что он говорит это себе сам.

Донал заставил себя открыть глаза.

В зале управления было тихо, как в могиле. В глубине Ока перед ним виднелись крохотные очертания трех кораблей на большом расстоянии друг от друга. Он нащупал непослушными пальцами ремни, привязывавшие его к креслу. Один за другим удалось их отстегнуть. Он вытолкнул свое тело из кресла и упал на колени.

Шатаясь, он поднялся на ноги, повернулся и медленно двинулся в сторону пяти кресел у пульта.

В четырех креслах лежали без сознания Баннерман и трое его офицеров. Лицо третьего помощника было молочно-белым; казалось, он не дышал. Всех четверых перед этим рвало.

В пятом кресле висел запутавшийся в ремнях Ли. Он был в сознании. Широко раскрытыми глазами он смотрел на приближающегося Донала, и из уголка его рта стекала струйка крови. Он явно пытался разорвать ремни, словно обезумевший зверь, однако глаза его не были безумны, в них просто застыло неестественное стремление к единственной цели. Когда Донал

подошел к нему, Ли попытался заговорить, но все, что ему удалось, — издать сдавленный стон.

— Вы в п’рядке? — наконец сказал он.

— Да, — прошептал Донал. — Сейчас вас освобожу. Что у вас со ртом?

— Прикусил язык, — невнятно пробормотал Ли. — Я в п’рядке.

Донал отстегнул последний ремень и, наклонившись, обеими руками раскрыл рот Ли. Для этого потребовалось приложить немалое усилие. Вытекло еще немного крови, но он смог заглянуть внутрь: край языка Ли, ближе к середине, был почти полностью прокушен.

— Не разговаривайте, — велел Донал. — Вообще не пользуйтесь языком, пока вам его не зашьют.

Ли бесстрастно кивнул и начал с трудом выбираться из кресла.

Тем временем Донал сумел расстегнуть ремни, удерживавшие неподвижное тело третьего помощника. Он вытащил его из кресла и уложил на полу. Сердце его не билось. Донал попытался делать искусственное дыхание, но при первом же усилии в глазах у него поплыло, и пришлось остановиться. Он медленно выпрямился и начал освобождать Баннермана.

— Помогите второму, если вы в состоянии, — сказал он Ли.

Кобиец на негнущихся ногах подошел ко второму офицеру и начал возиться с его ремнями.

Они уложили трех фрайляндцев на полу и сняли с них шлемы. Баннерман и второй офицер начали подавать признаки жизни, и Донал оставил их, предприняв попытку еще раз сделать искусственное дыхание третьему помощнику. Однако, коснувшись тела, он обнаружил, что оно уже начало остывать.

Он повернулся и занялся первым помощником, который все еще был без сознания. Вскоре первый помощник начал дышать более глубоко и ровно и открыл глаза. Однако было ясно, что он не только ничего не видит, но и не осознает, где находится. Он смотрел на пульт управления пустым взглядом, словно человек, накачанный большой дозой наркотиков.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Донал Баннермана.

Фрайляндский капитан застонал и с усилием попытался приподняться на локте. Донал помог ему сначала сесть, потом подняться на колени, и наконец — с помощью спинки кресла — на ноги.

Взгляд Баннермана был направлен на панель управления с того самого момента, как он открыл глаза. Не говоря ни слова, он снова с трудом взобрался в кресло и начал неуклюже нажимать

на кнопки.

— Всем секциям корабля, — прохрипел он в микрофон перед ним, — Доложите обстановку.

Ответа не последовало.

— Докладывайте! — произнес он.

Его указательный палец опустился на кнопку, и по всему кораблю раздался громкий сигнал тревоги. Когда звук смолк, из динамика над головой донесся слабый голос:

— Четвертая орудийная секция докладывает, сэр…

Сражение у Ньютона закончилось.

Герой

Сириус уже зашел, и в окне комнаты Донала показался маленький яркий диск его соседа — белого карлика, для которого у жителей Фрайлянда и Новой Земли имелось множество нелестных прозвищ. Донал сидел, окутанный сумеречным сиянием, одетый лишь в спортивные трусы, и просматривал некоторые интересные сообщения, пришедшие на его имя за время операции у Ньютона.

Он был настолько поглощен этим занятием, что не обращал ни на что внимания, пока Ли не дотронулся до его загорелого плеча.

— Пора одеваться к приему.

Через его руку были перекинуты серые форменные китель и брюки, скроенные по фрайляндской моде. Какие-либо знаки различия на них отсутствовали.

— У меня есть для вас несколько новостей. Во-первых, она снова здесь.

Донал нахмурился, натягивая форму. Эльвине пришла в голову идея поухаживать за ним после его короткого пребывания в госпитале по возвращении с Ньютона. Она была убеждена, что он все еще страдает от психологического шока, вызванного многочисленными фазовыми сдвигами, через которые всем им пришлось пройти. Несмотря на возражения медиков и самого Донала, Эльвина настояла на том, чтобы постоянно находиться рядом с ним, и в конце концов он готов был предпочесть ее обществу еще один фазовый сдвиг. Однако теперь хмурое выражение исчезло с его лица.

— Надеюсь, скоро это закончится, — вздохнул он, — Что еще?

— Уильям Сетанский, которым вы так интересуетесь, — ответил Ли, — здесь и будет на приеме.

Донал повернулся и пристально посмотрел на Ли. Однако тот лишь докладывал о поступившей информации. На его угловатом лице полностью отсутствовали какие-либо эмоции, которые Донал уже научился распознавать после нескольких недель общения с ним.

— Кто сказал вам, что я интересуюсь Уильямом? — спросил он.

— Когда о нем заходит разговор, вы сразу начинаете прислушиваться, — объяснил Ли. — Может, мне не следовало о нем упоминать?

— Нет, все в порядке. — Донал кивнул. — Я хочу, чтобы вы

рассказывали мне обо всем, что вам удастся о нем выяснить и чего я, по вашему мнению, не знаю. Мне и в голову не приходило, что вы столь внимательно за мной наблюдали.

Ли пожал плечами и подал Доналу китель.

— Откуда он прилетел? — продолжил Донал.

— С Венеры. С ним какой-то человек с Ньютона — высокий молодой пьяница по имени Монтор. И девушка — из этих, экзотов.

— Избранная Культиса?

— Она самая.

— Что они здесь делают?

— Он большая шишка, — сказал Ли. — Как же он может, будучи на Фрайлянде, не побывать на приеме в вашу честь?

Донал снова нахмурился. Он уже почти забыл, что именно в его честь собираются сегодня вечером несколько сотен хорошо всем известных личностей. Нет, он вовсе не собирался выставлять себя напоказ. По правилам хорошего тона данного конкретного мира это считалось невежливым. Теоретически человеку оказывали честь, отвечая на его гостеприимство. А поскольку Донал не располагал возможностью обеспечить гостеприимство, на помощь ему пришел маршал. Тем не менее подобные мероприятия были Доналу не по душе.

Он отбросил эту мысль и вернулся к размышлениям об Уильяме. Если уж тот оказался на Фрайлянде, то вряд ли можно было предположить, что его не пригласят, и трудно было представить, что он откажется от приглашения. Иначе и быть не могло. Возможно, устало подумал Донал, я начинаю бояться теней. Но еще до того, как в его мозгу сформировалась эта мысль, он понял, что это не так. Все дело в той самой его странности, проявлявшейся сейчас, после психического потрясения, вызванного сражением у Ньютона с его многочисленными фазовыми сдвигами, особенно ярко. То, что до сих пор выглядело для него весьма туманно, начало приобретать форму. Образовывалась некая структура с Уильямом в центре, и Доналу это очень не нравилось.

— Дайте мне знать, как только выясните что-либо насчет Уильяма, — произнес он.

— Хорошо, — отозвался Ли. — А насчет ньютонца?

— Да, и насчет девушки тоже. — Донал закончил одеваться и спустился в кабинет маршала. Там была Эльвина, а кроме нее и маршала там же находились Уильям и Ани.

— Заходите, Донал! — воскликнул Галт, когда Донал неуверенно остановился на пороге. — Помните Уильяма и Ани?

— Конечно помню.

Донал вошел и обменялся со всеми рукопожатиями. Улыбка Уильяма была теплой, пожатие его руки крепким; однако ладонь Ани обожгла холодом, и она быстро выдернула ее из руки Донала, изобразив некое подобие улыбки. Донал поймал взгляд Эльвины, внимательно наблюдавшей за ними, и на мгновение у него мелькнула мысль о возможной опасности.

— Я надеялся вновь встретиться с вами, — сказал Уильям. — Должен перед вами извиниться, Донал. В самом деле. Я существенно недооценил ваши способности.

— Дело не в способностях, — пожал плечами Донал.

— Именно в них, — настаивал Уильям, — Не скромничайте. — Он открыто улыбнулся, — Вы наверняка отдаете себе отчет в том, что стали сверхновой звездой на нашем военном горизонте?

— Буду стараться, чтобы ваша лесть не ударила мне в голову, принц.

Донал тоже умел выражаться двусмысленно. Первое же замечание Уильяма привело его в нормальное состояние. Поражали не волки, затесавшиеся среди людей, но овчарки, которые вдруг повели себя не так, как следовало бы, — те, кто в силу обстоятельств или заблуждения вдруг стал действовать вопреки собственной натуре. Возможно, подумал он, именно по этой причине ему намного легче было иметь дело с мужчинами, чем с женщинами, — они все-таки менее склонны к самообману. Легкий вздох привлек его внимание к Ани.

— Вам не откажешь в скромности, — произнесла она, однако яркий румянец на обычно бледных щеках и недружелюбный взгляд выдавали ее.

— Возможно, — проговорил он как можно беспечнее, — я просто на самом деле не считаю, что совершил нечто выдающееся. Любой на моем месте мог бы совершить то же, что, собственно, и сделали несколько сотен других людей. Те, что были там со мной, над Ньютоном.

— Да, но идея принадлежала вам, — вмешалась Эльвина.

Донал рассмеялся:

— Ладно. Что касается идеи, согласен.

— Ну вот, видите, — усмехнулась Ани.

— Что ж, — Галт заметил, что события начинают принимать нежелательный оборот, — мы собирались присоединиться к остальным. Вы идете, Донал?

— С удовольствием, — спокойно ответил Донал.

Они вышли из больших дверей кабинета в главный холл особняка. Он уже был полон гостей, среди которых плавали подносы с едой и напитками. В большом скоплении людей их

маленькая группа растворилась, словно капля красителя в стакане воды. Их узнавали и окружали другие гости, и несколько мгновений спустя они расстались — кроме Донала и Эльвины, которая крепко держала его за руку, с тех пор как они покинули кабинет.

Она затащила его в небольшую нишу.

— Значит, вот о ком вы все время мечтаете! — яростно воскликнула она. — О ней!

— О ней? — Он освободил руку. — Что с вами, Эв?

— Вы знаете, о ком я! — огрызнулась она. — Об этой. Избранной. Это за ней вы волочитесь — хотя я не могу понять почему. Что в ней такого особенного? Она, похоже, еще даже не вполне взрослая.

Внезапно взгляд его стал ледяным. Эльвина, внезапно осознав, что на этот раз зашла чересчур далеко, испуганно отступила на шаг назад. Он изо всех сил старался сохранить контроль над собой, однако это был один из приступов истинного дорсайского гнева, передавшегося ему по наследству. Руки и ноги похолодели, он видел все вокруг с необычайной ясностью, и его разум, казалось, скрылся где-то в глубинах его существа. На мгновение он почувствовал, что может ее убить.

— Прощайте, Эв, — сказал он.

Она отступила на негнущихся ногах еще на шаг, а потом повернулась и убежала. Донал оглянулся и увидел испуганные лица стоявших рядом.

Его взгляд прошелся по их лицам, словно коса, и они расступились перед ним; дорсаец прошел, никого не замечая, через толпу и вышел из зала.

Он шагал взад и вперед по пустой комнате в особняке маршала, пытаясь избавиться от излишней дозы адреналина, когда дверь открылась. Он резко повернулся, словно волк, но это был всего лишь Ли.

— Я вам нужен? — поинтересовался Ли.

Эти три слова разрушили заклятие. Напряжение вдруг исчезло, и он расхохотался. Он смеялся так долго и громко, что в глазах кобийца возникло сначала озадаченное выражение, а затем нечто вроде страха.

— Нет… нет… все в порядке, — наконец выдохнул он. Он не любил панибратского отношения к другим, но на этот раз он хлопнул Ли по плечу, успокаивая его — настолько несчастным тот выглядел. — Найдите мне чего-нибудь выпить — например, дорсайского виски.

Ли повернулся и вышел. Вскоре он вернулся с бокалом, в котором было граммов сто золотистого напитка. Донал выпил,

ощущая приятное жжение в горле.

— Узнали что-нибудь про Уильяма?

Ли покачал головой.

— Ничего удивительного, — пробормотал Донал и нахмурился. — Вы видели Арделла Монтора — того ньютонца, который прилетел вместе с Уильямом?

Ли кивнул.

— Не могли бы вы показать, где его найти?

Ли снова кивнул и повел Донала на террасу, затем вниз и через дверь в стене — в библиотеку. Там, в одной из кабинок для чтения, он нашел Арделла в компании бутылки и нескольких книг.

— Спасибо, Ли, — сказал Донал.

Ли исчез. Донал подошел и сел за столик в кабинке напротив Арделла и его бутылки.

— Привет. — Арделл поднял взгляд. Он был лишь чуть-чуть пьян — по его меркам. — Я надеялся, что мне удастся с вами поговорить.

— Почему вы не пришли ко мне в комнату? — спросил Донал.

— Не получилось, — Арделл снова наполнил свой бокал, поискал взглядом на столе еще один, но увидел лишь вазочку с местной разновидностью лилий. Он выбросил цветы на пол, наполнил вазочку и вежливо подал ее Доналу.

— Нет, спасибо, — отказался Донал.

— Все равно возьмите, — настаивал Арделл. — Мне не по себе, когда я пью с кем-то, кто не хочет пить, — Внезапно он посмотрел на Донала неожиданно трезвым и проницательным взглядом, — Он опять за свое.

— Уильям?

— Кто же еще? — Арделл выпил, — Но какие у него планы по поводу Блэйна? — Арделл покачал головой, — Ведь это человек с большой буквы. И ученый. Стоит любых двоих из нас. Не могу представить, чтобы ему удалось обвести Блэйна вокруг пальца, но тем не менее…

— К несчастью, — вздохнул Донал, — мы все ограничены в деловом отношении нашими контрактами. А Уильям ничем не связан и ведет дела просто блестяще.

— Но его иногда невозможно понять! — Арделл повертел бокал в руках. — Вот, к примеру, я. Зачем ему пытаться сломать меня? Но он пытается, — Он внезапно усмехнулся, — Я тут его, похоже, напугал.

— Да неужели? — спросил Донал. — И как же?

Арделл постучал по бутылке пальцем.

— Вот этим. Он боится, что я покончу с собой. Очевидно, ему этого не хочется.

— А вам? — тупо спросил Донал.

Арделл покачал головой.

— Не знаю. Смогу ли я сейчас бросить? Это продолжается уже пять лет. Я начал пить преднамеренно, назло ему — мне это даже не нравилось, как и вам. Теперь же — не знаю. Вот что я вам скажу: меня, конечно, можно вылечить. Но что я стану делать? Математика — прекрасная вещь. Прекрасная, как искусство. Такой я ее помню, но уже не уверен. Я ни в чем больше не уверен, — Он снова покачал головой, — Когда придет время расстаться с этим, — он снова показал на бутылку, — потребуется нечто, что значит для меня не меньше, а возможно, и больше. Не знаю, смогла бы стать для меня таковой работа…

— А как же Уильям? — спросил Донал.

— Да, — медленно сказал Арделл, — это верно. Ничего, когда-нибудь я узнаю, почему он сделал это со мной. Потом…

— Что ему, по-вашему, нужно? — спросил Донал, — Я имею в виду, вообще?

— Кто знает? — Арделл поднял руки. — Бизнес. Больше бизнеса. Контракты и еще контракты. Соглашения с каждым правительством, в каждой бочке затычка. Таков уж наш Уильям.

— Да. — Донал отодвинул кресло и встал.

— Сядьте, — сказал Арделл, — Сядьте, и поговорим. Вы никогда не сидите на месте больше одной или двух минут. Ряди всего святого, вы — единственный человек среди звезд, с которым мне хочется поговорить, а вы никогда не сидите на месте.

— Мне очень жаль, — произнес Донал. — Но меня ждут дела. Возможно, когда-нибудь придет день, когда мы сможем сесть и поговорить.

— Сомневаюсь, — пробормотал Арделл. — Очень сомневаюсь.

Донал оставил его наедине с бутылкой и отправился на поиски маршала, однако вместо этого он встретил Ани, которая стояла в одиночестве на небольшом балконе и смотрела куда-то вниз. Она выглядела такой усталой и такой печальной, что внезапно ему стало ее жаль.

Донал подошел к ней, и она обернулась при звуке его шагов. Выражение ее лица изменилось.

— Опять вы, — сказала Ани не слишком приветливым тоном.

— Да, — отрывисто произнес Донал, — Я собирался найти вас позже, но раз уж мне представилась такая возможность, я не хотел бы ее упускать.

— Возможность…

— Я имею в виду, что вы одна… и я могу поговорить с вами наедине, — раздраженно объяснил Донал.

Она покачала головой:

— Нам не о чем говорить.

— Ерунда, — пожал плечами Донал. — Конечно есть если только вы не отказались от ваших планов, направленных против Уильяма.

— Вот как! — Ее глаза вспыхнули зеленым огнем. — Да кто вы такой? Кто дал вам право высказывать свое мнение о том, что я делаю?

— Обе мои бабки — с Мары, — объяснил Донал, — Может быть, именно поэтому я считаю себя ответственным за вас.

— Не верю! — огрызнулась она. — Насчет того, что вы частично маранец. Вы не можете быть маранцем, вы, вы… — Она замолчала, не в силах подыскать слова.

— Ну? — Он грустно улыбнулся. — Кто я?

— Вы… наемник! — торжествующе воскликнула она, найдя наконец слово, которое должно было в ее понимании нанести ему смертельную обиду.

Он действительно обиделся и рассердился, но сумел это скрыть. Эта девушка обладала способностью пробивать любую его защиту.

— Не важно, — сказал он, — Мой вопрос касается вас и Уильяма. Я просил вас не пытаться строить интриги против него, когда мы виделись в последний раз. Вы последовали моему совету?

— Я не обязана отвечать на подобный вопрос, — вспыхнула она. — И не стану.

— Значит, — кивнул он, — вы последовали моему совету. Очень рад, — Он повернулся. — Я пошел.

— Подождите, — крикнула она. Он снова повернулся к ней. — Я сделала это не из-за вас!

— Неужели?

К его удивлению, она потупилась.

— Ладно! — вздохнула она. — Просто так уж случилось, что ваши идеи совпали с моими.

— Или то, что я говорил, имело смысл, — отпарировал он, — и вы не могли этого не заметить.

Она снова яростно посмотрела на него.

— Так что все остается по-прежнему… и я связана с ним еще на десять лет…

— Оставьте это мне, — заявил Донал.

Ани открыла рот.

— Вам! — Удивление ее было столь велико, что голос

прозвучал еле слышно.

— Я об этом позабочусь.

— Вы! — воскликнула она. На этот раз голос избранной звучал совсем по-другому, — Вы оказались в оппозиции к такому человеку, как Уильям… — Девушка внезапно замолчала и отвернулась. — О! — сердито продолжала она, — Не знаю, почему я продолжаю вас слушать, как будто вы и на самом деле говорите правду — хотя я знаю, что вы за человек.

— Вы как раз не знаете, что я за человек! — раздраженно бросил он, — С тех пор как мы впервые встретились, я кое-чего добился.

— О да, — усмехнулась она, — по вашему приказу расстреляли человека, и вы сделали вид, будто разбомбили планету.

— До свидания. — Донал повернулся и ушел. Обойдя остальную часть особняка, он наконец отыскал маршала в его кабинете.

— Разрешите войти, сэр? — спросил он с порога.

— Конечно, конечно… — Галт поднял взгляд от стола. — И заприте за собой дверь. Мне нечего скрывать, но сюда постоянно заходят люди, считая, что это дополнительная комната отдыха. Почему, думают они, я не обставил ее удобными креслами?

Донал запер за собой дверь и подошел к нему.

— Что такое, мой мальчик? — Маршал пристально посмотрел на Донала. — Что-нибудь случилось?

— Кое-что, — кивнул Донал. Он сел в свободное кресло рядом со столом. — Могу я спросить — Уильям появился здесь, потому что у него какое-то дело к вам?

— Спрашивать вы можете, — Галт положил массивные руки на стол, — но отвечать я вам не обязан.

— Конечно не обязаны, — сказал Донал. — Однако, если предположить, что это все же деловой визит, я бы хотел заметить, что, как мне кажется, сейчас крайне неразумно вести какие-либо дела с Сетой — и в особенности с Уильямом.

— И что же вас привело к подобному мнению? — В голосе Галта слышалась ирония. Донал поколебался.

— Сэр, — наконец произнес он. — Я бы хотел напомнить вам, что я оказался прав на Гармонии и прав относительно Ньютона, и потому я точно так же могу быть прав и сейчас.

Маршалу нелегко было проглотить подобную пилюлю, поскольку это фактически означало, что Донал дважды оказался прав, Галт же дважды не прав — сначала назначив на ответственный пост Хью Киллиена, а затем неверно оценив мотивы нападения Ньютона на Ориенте. Являясь дорсайцем, он, с

одной стороны, болезненно воспринимал удары по самолюбию, но в то же время был человеком честным.

— Ладно, — кивнул он, — Уильям появился здесь с неким предложением. Он хочет получить во владение часть наших достаточно многочисленных сухопутных сил — не для какой-то определенной кампании, а для сдачи внаем другим нанимателям. Правда, при этом они остаются нашими войсками. Я был против этого — нам пришлось бы конкурировать самим с собой, когда дело дошло бы до предложения войск на внешние рынки, но он гарантировал мне, что его плата покроет любые возможные наши потери. Мне также не было понятно, каким образом он намеревается получить от этого прибыль, но, очевидно, он собирается обучить солдат более узким специальностям и поддерживать баланс сил. Кто знает — Сета достаточно велика для того, чтобы на ней можно было научиться всему, чего он хочет, а несколько более низкая сила тяжести на планете никому не повредит — я имею в виду наших солдат.

Галт достал из ящика стола трубку и начал набивать ее.

— Каковы ваши возражения? — поинтересовался он.

— Вы уверены, что войска не будут сданы внаем кому-то, кто захочет использовать их против вас? — спросил Донал.

Толстые пальцы Галта внезапно перестали набивать трубку.

— Мы можем потребовать гарантий.

— Но насколько надежны гарантии в подобном случае? Уильям — он дает вам гарантию — не тот, кто может направить войска против вас. Если внезапно обнаружится, что войска, нанятые на Фрайлянде, атакуют Фрайлянд, вы можете получить гарантию, но потерять планету.

Галт нахмурился:

— Я все равно не понимаю, какая от этого выгода Уильяму.

— Это возможно в ситуации, когда то, что он может приобрести, если фрайляндцы начнут сражаться с фрайляндцами, даст ему больше, нежели гарантия, — объяснил Донал.

— Как это?

Донал поколебался, потом решил, что его подозрения еще не столь тверды, чтобы стоило говорить о них маршалу; в действительности они могли лишь ослабить его аргументы.

— Не знаю, — пожал плечами он. — Однако я полагаю, что разумнее не рисковать.

— Ха! — Галт фыркнул, и его пальцы снова занялись набиванием трубки. — Это ведь не вам придется ему отказывать — да еще обосновывать свой отказ перед штабом и правительством.

— Я предлагаю не отказывать ему напрямую, а лишь

выразить сомнение. Скажите, что, по вашему мнению, нынешняя межзвездная ситуация не позволяет вам оставить Фрайлянд без необходимого количества боевых подразделений. Ваша военная репутация достаточно известна для того, чтобы подобный ответ был признан достаточно убедительным.

— Да… — Галт взял трубку в рот и задумчиво раскурил ее. — Я вполне мог бы воспользоваться вашей рекомендацией. Знаете, Донал, думаю, что вам лучше оставаться моим адъютантом, чтобы я всегда, когда мне потребуется, мог узнать ваше мнение.

Донал вздрогнул.

— Прошу меня извинить, сэр, но я бы хотел уйти — если вы меня отпустите.

Брови Галта внезапно сошлись вместе. Он вынул трубку изо рта.

— Вот как, — ровным голосом произнес он. — Амбиции, да?

— Отчасти, — отозвался Донал. — Но только отчасти — просто мне будет легче противостоять Уильяму, если руки у меня окажутся развязанными.

Галт долго и пристально смотрел на него.

— Объясните ради всего святого, что это за вендетта против Уильяма?

— Я его боюсь, — ответил Донал.

— Оставьте в покое его, и он наверняка оставит в покое вас. У него есть дела и поважнее… — Галт замолчал, сунул трубку в рот и стиснул зубами мундштук.

— Боюсь, — грустно заметил Донал, — что есть среди звезд люди, которые просто не могут оставить друг друга в покое, — Он выпрямился в кресле. — Значит, вы отпускаете меня?

— Я не держу никого против его воли, — прорычал маршал. — Только в исключительных обстоятельствах. Куда вы собираетесь отправиться?

— У меня было много предложений. Но думаю, что я приму предложение старейшины Совета объединенных церквей Гармонии и Ассоциации. Пост командующего силами Квакерских миров.

— Старейший Брайт избавляется от любого командующего, в котором есть хоть искорка независимости.

— Я знаю. И именно по этой причине надеюсь, что сумею укрепить свою репутацию.

— Ради… — тихо выругался Галт. — Вы, должно быть, всегда все обдумываете заранее?

— Полагаю, вы правы, — сказал Донал с легкой грустью. — Все оттого, что я родился с определенным складом ума.

Командующий

Стуча каблуками черных сапог по серому полу просторного кабинета Штаба обороны Гармонии, адъютант подошел к столу Донала.

— Срочное личное послание, сэр. — Он положил на стол голубую кассету для обычных сообщений.

— Спасибо, — Донал жестом отослал адъютанта. Затем сорвал печать на кассете, вставил ее в настольный диктофон и, подождав, пока адъютант выйдет, нажал на кнопку.

Из динамика донесся низкий голос его отца.

«Донал, сын мой!

Мы рады были получить твое последнее послание и услышать о твоих успехах. Никому в нашей семье не удавалось добиться подобного за столь короткое время в течение последних пяти поколений. Мы очень рады, молимся за тебя и ждем от тебя новых вестей.

Однако сейчас я должен сообщить тебе о постигшем нас несчастье. Твой дядя Кенси был застрелен чуть больше месяца назад на улице города Бловена, на Сент-Мари, местной террористической группировкой, противостоящей правительству. Ян каким-то образом сумел обнаружить штаб-квартиру этой группировки и расправился с убийцами собственными руками. Но этим, разумеется, Кенси не вернешь. Он был нашим всеобщим любимцем, и его смерть стала для всех нас тяжким ударом.

Однако в настоящее время нас больше всего беспокоит Ян. Он привез тело Кенси домой, отказавшись от похорон на Сент-Мари, и находится здесь уже несколько недель. Ты знаешь, что он всегда был угрюм и мрачен, словно Кенси досталась двойная порция жизнерадостности. Твоя мать говорит, что теперь Ян словно потерял своего доброго ангела и полностью отдался силам тьмы, которые всегда накладывали на него столь заметный отпечаток.

Я прожил с ней тридцать два года и прекрасно сознаю, что она в состоянии заглянуть в душу мужчины или женщины намного глубже, чем я. В какой-то мере ты унаследовал тот же дар, Донал; так что, возможно, ты лучше поймешь, что она имеет в виду. Так или иначе, именно по ее настоянию я посылаю тебе это письмо, хотя в любом случае я должен был сообщить тебе о смерти Кенси.

Как ты знаешь, я всегда считал, что члены одной семьи не должны служить слишком близко друг от друга — чтобы семейные чувства не влияли на их воинский долг. Однако твоя мать полагает, что Яну не следует молча сидеть дома, как сейчас,

а лучше снова заняться делом. И она просит меня, чтобы я узнал у тебя, не мог бы ты найти для него место у себя в штабе, где ты имел бы возможность постоянно присматривать за ним. Это, разумеется, нелегко для вас обоих, если он будет находиться у тебя в подчинении, но твоя мать считает, что в данной ситуации это было бы лучше всего.

Ян не выражал никакого желания возвращаться к активной жизни, но, думаю, с моим мнением как главы семьи он согласится. У твоего брата Мора неплохо идут дела на Венере, и недавно его повысили в звании. Твоя мать настаивает, чтобы ты написал ему, независимо от того, пишет он тебе или нет, поскольку он наверняка не решается писать тебе просто так, без причины — ведь ты добился такого успеха за столь короткое время, хотя он и старше.

Мы все тебя любим. Ичан».

Кассета под маленькой прозрачной крышкой кончилась. Эхо голоса Ичан Хана Грэйма затихло среди серых стен кабинета. Донал продолжал сидеть за столом, уставившись в пустоту и думая о Кенси.

Странно, что он может вспомнить так мало связанных с ним событий. Казалось, все его детство было заполнено улыбкой дяди — несмотря на то что Кенси появлялся дома не слишком часто. Можно было бы предположить, что особенно должны были запомниться события, связанные с отъездами и возвращениями Кенси, но вместо этого создавалось ощущение его постоянного присутствия, некоего света в доме, который внезапно погас.

Донал вздохнул. Его штат пополнялся новыми людьми: сначала Ли, потом Эль Май — тот, со шрамом — попросился к нему, когда он покидал Фрайлянд. А теперь Ян. Что ж, Ян был хорошим офицером, если не считать того, как могла повлиять на него смерть брата-близнеца. Для Донала не представляло никакого труда найти для него место. Собственно, он вполне мог пригодиться по-настоящему.

Донал нажал кнопку и повернулся к микрофону.

— Ичан Хану Грэйму, дом Грэймов, Южный округ, кантон Форали, Дорсай, — произнес он. — Рад получить от тебя весточку. Думаю, ты прекрасно понимаешь мои чувства по поводу гибели Кенси. Скажи Яну — пусть прилетает прямо сейчас. Я почту за честь иметь его у себя в штате; и, честно говоря, мне действительно нужен кто-то вроде него. Большинство офицеров, которых я получил в наследство как командующий, запуганы этими старейшинами до того, что от них никакой пользы. Я знаю, что мне не следует беспокоиться в этом отношении за Яна. Надеюсь, он возьмет на себя руководство моей программой

боевой подготовки. Я мог бы также дать ему должность начальника патруля. Скажи маме, что я обязательно напишу Мору, но письмо может оказаться несколько сумбурным. У меня сейчас по горло работы. Привет всем. Донал.

Он снова нажал кнопку, завершая запись; затем запечатал кассету и положил ее вместе с другими к ежедневной почте. Мелодичный сигнал напомнил ему, что пора еще раз поговорить со старейшим Брайтом. Он встал и вышел.

Резиденция главы объединенного правительства Квакерских миров — Гармонии и Ассоциации — находилась не более чем в полусотне метров от военного центра. Это не было случайностью. Старейший Брайт был человеком воинственным и боевой кулак Истинной церкви предпочитал постоянно держать под наблюдением.

Он сидел за столом, погруженный в работу, но, когда вошел Донал, встал — высокий, худой, одетый во все черное, с широкими плечами боксера и взглядом Торквемады — знаменитого инквизитора из средневековой Испании.

— Да пребудет с вами Господь, — произнес он, — Кто распорядился об установке защитных экранов на фазовые решетки кораблей субкласса?

— Я, — ответил Донал.

— Вы расходуете средства направо и налево. — Массивное лицо Брайта наклонилось к Доналу. — Церковная десятина, еще чуть-чуть от верующих двух наших бедных планет — вот и все, чем мы располагаем, чтобы поддерживать деятельность правительства. Сколько же, по-вашему, мы можем позволить себе тратить на разные причуды и капризы?

— Война, сэр, — заметил Донал, — вряд ли имеет какое-либо отношение к причудам и капризам.

— Тогда зачем экранировать решетки? — огрызнулся Брайт. — Они что, заржавеют от космической сырости? Или их порвет межзвездный ветер?

— Закрыть, а не экранировать, — ответил Донал. — Суть в том, чтобы изменить их внешний вид — вместо шара с молотом на цилиндрический. Я беру себе все корабли первых трех классов. Когда их увидят экзоты, они должны думать, что все это корабли первого класса.

— С какой целью?

— Наше нападение на Зомбри не может быть полной неожиданностью, — терпеливо объяснил Донал. — Мара и Культис не меньше других осознают, что с военной точки зрения она вполне уязвима. Если позволите… — Он подошел к столу Брайта и нажал несколько клавиш. На одной из больших серых

стен кабинета возникла схема системы Проциона с центральной звездой слева. Показывая, Донал назвал по порядку все планеты слева направо: — Коби — Культис — Мара — Сент-Мари. Вряд ли в течение ближайших десяти поколений нам удастся обнаружить группу столь близко расположенных друг к другу пригодных для жизни планет. И лишь потому, что они находятся столь близко, орбита их общего спутника, Зомбри, проходит большей частью между Марой и Сент-Мари…

— Вы что, читаете мне лекцию? — прервал его резкий голос Брайта.

— Да, — кивнул Донал, — Как показывает мой опыт, чаще всего люди упускают из виду то, что они узнали раньше всего и что, по их мнению, им лучше всего известно. Зомбри не пригодна для жизни и слишком мала для освоения. Однако она существует, словно троянский конь, и, чтобы угрожать миру в системе Проциона, ей недостает лишь его содержимого в виде древних ахейцев…

— Мы это уже обсуждали раньше, — прервал его Брайт.

— И будем обсуждать снова, — спокойно продолжал Донал, — всякий раз, когда вам захочется расспросить меня о причинах, стоящих за любым моим распоряжением. Как я уже говорил, Зомбри — это троянский конь в системе Проциона. К несчастью, в наше время нам вряд ли удастся тайно доставить туда людей. Однако мы можем внезапно высадить свои силы и попытаться организовать оборону, прежде чем экзоты опомнятся. Таким образом, мы должны приложить все усилия для того, чтобы наша высадка прошла как можно более быстро и эффективно. Лучше всего было бы высадиться фактически без какого-либо сопротивления, хотя войска экзотов наверняка и постоянно ведут наблюдение за Зомбри. Для этого следует высаживаться многократно превосходящими их силами, и тогда местное командование поймет, что глупо пытаться нам мешать. А лучший способ показать нашу силу — сделать вид, что у нас втрое больше кораблей первого класса, чем на самом деле. Для этого и нужны экраны.

Донал замолчал, снова подошел к столу и нажал на клавишу. Схема исчезла.

— Очень хорошо, — сказал Брайт. В голосе его не было и следа признания собственного поражения. — Я санкционирую ваше распоряжение.

— Может быть, — предложил Донал, — вы санкционируете и еще одно распоряжение — убрать с моих кораблей и из частей стражей совести.

— Еретики… — начал Брайт.

— Меня они не волнуют, — сказал Донал. — Моя задача — обеспечить готовность людей к атаке. Однако войска более чем на шестьдесят процентов состоят из местных солдат, и их боевой дух вряд ли поднимется от того, что каждую неделю происходит в среднем три процесса по обвинению в ереси.

— Это дело церкви, — произнес Брайт, — Хотите еще о чем-то меня попросить?

— Да, — ответил Донал, — Я заказывал горное оборудование. Оно так и не прибыло.

— Это уже лишнее, — заявил Брайт, — На Зомбри вряд ли потребуется что-либо копать, кроме командных пунктов.

Донал долго смотрел на одетого в черное собеседника. Его белое лицо и руки — единственные неприкрытые части тела — казались чем-то фальшивым, словно маска и перчатки, надетые на некое черное и чуждое существо.

— Давайте объяснимся, — начал Донал. — Помимо того факта, что я не стану приказывать своим людям занимать открытые позиции, где их попросту убьют, — как наемникам, так и вашим готовым положить свою жизнь солдатам, — какова цель вашей акции против экзотов?

— Они нам угрожают, — ответил Брайт. — Они хуже еретиков. Это легион самого Сатаны — люди, отрицающие Бога. — Глаза его сверкнули, словно лед под лучами солнца, — Мы должны добиться того, чтобы они не могли застать нас врасплох, и только тогда мы сможем жить спокойно.

— Хорошо, — кивнул Донал. — Тогда все ясно. Я сделаю то, чего вы хотите. А вы дадите мне людей и оборудование, которое я заказывал, — без вопросов и без задержки. Собственно, эти ваши колебания уже означают, что мне придется отправляться на Зомбри, располагая силами процентов на десять — пятнадцать меньшими, чем я рассчитывал.

— Что? — Брайт сдвинул темные брови. — У вас еще два месяца до начала операции.

— Дата начала операции, — сказал Донал, — только для вражеской разведки. Мы отправляемся через две недели.

— Две недели! — Брайт уставился на него. — Вы не успеете подготовиться за две недели.

— Я искренне надеюсь, что Колмейн и его Генеральный штаб Мары и Культиса придерживаются того же мнения, — ответил Донал. — У них лучшие сухопутные и космические силы среди звезд.

— Как? — Лицо Брайта побелело от гнева. — Вы смеете заявлять, что мы хуже?

— Признать факты определенно предпочтительнее, нежели

признать поражение, — слегка устало произнес Донал. — Да, старейший, наши силы определенно хуже. Именно поэтому я рассчитываю скорее на фактор неожиданности, нежели на подготовку.

— Солдаты Церкви — самые отважные во Вселенной! — закричал Брайт. — Они одеты в броню добродетели и никогда не сдаются.

— Что объясняет высокие потери среди них, постоянную необходимость в новом пополнении и низкий общий уровень подготовки, — напомнил ему Донал. — Готовность умереть в бою — не обязательно лучшее качество для солдата. Ваши подразделения наемников, в которые не поступает местное пополнение, в настоящий момент определенно обладают значительно большей боеготовностью. Я могу рассчитывать на вашу поддержку в отношении всего, что сочту необходимым?

Брайт явно колебался. Фанатичное выражение на его лице сменилось задумчивостью. Когда он снова заговорил, голос его звучал холодно и по-деловому.

— За исключением стражей совести, — ответил он. — В конце концов, их власть распространяется лишь на членов Церкви. — Он снова вернулся за стол, — Кроме того, — угрюмо заметил он, — возможно, вы обратили внимание на небольшую разницу во взглядах относительно догмы между членами различных Церквей. Присутствие среди них стражей совести делает их менее склонными спорить друг с другом — а это, согласитесь, весьма помогает поддерживать воинскую дисциплину.

— Вполне, — коротко ответил Донал и повернулся, чтобы идти, — Да, что касается действительного срока начала операции. Это должно оставаться в тайне; я хочу надеяться, что об этом будут знать лишь двое до тех пор, пока не наступит последний час перед стартом.

Брайт поднял голову.

— Кто второй?

— Вы, сэр. Я принял решение об истинной дате лишь минуту назад.

Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Да пребудет с вами Господь, — холодно и бесстрастно отозвался Брайт.

Донал вышел.

Командующий II

Женев бар-Колмейн являлся, как сказал Донал, командующим лучших сухопутных и космических сил среди звезд. Во многом это объяснялось тем, что экзоты Мары и Культиса, хотя никогда и не действовали вопреки собственным убеждениям, но понимали, что следует нанимать лучших, с точки зрения военного искусства, специалистов. Сам Колмейн принадлежал к выдающимся военным умам своего времени, наряду с Галтом на Фрайлянде, Камалом на Дорсае, Айзеком на Венере и редкостным творцом военных чудес — Домом Йеном, верховным главнокомандующим Сеты, родины Уильяма. У Колмейна были свои проблемы (включая молодую жену, которую он более не интересовал) и свои недостатки (он был игроком — и в плане войны, и в плане денег), но зато как с собственной проницательностью и разумом, так и с проницательностью его разведки, штаб-квартира которой находилась в его ставке, на Маре, у него все обстояло благополучно.

Соответственно для него не составляло секрета, что Квакерские миры готовятся к высадке на Зомбри через три недели после того, как решение об этом было принято. Шпионы точно информировали его о дате намеченной высадки, и он уже разработал определенный план достойной встречи незваных гостей.

Первый его пункт — постройка укреплений на самой Зомбри. Атакующие достаточно скоро обнаружили бы, что оказались в осином гнезде. Кораблям флота экзотов тем временем полагалось ждать наготове неподалеку. Как только на поверхности Зомбри начнутся боевые действия, они должны вступить в бой и отогнать космические силы вторжения от планеты. Атакующие таким образом оказались бы между двух огней: у десанта не было бы шансов закрепиться на планете, а корабли лишались поддержки снизу, которую могли бы оказать им окопавшиеся наземные войска.

Работа над укреплениями шла полным ходом, а в ставке на Маре Колмейн со своим Генеральным штабом вырабатывал окончательную стратегию. Однако ему помешали непредвиденные обстоятельства в лице адъютанта, который вбежал в конференц-зал, даже не спросив формального разрешения.

— В чем дело? — прорычал Колмейн, поднимая взгляд от разложенных перед ним карт, с хмурым выражением на смуглом лице, которое и в шестьдесят лет оставалось достаточно

привлекательным для того, чтобы компенсировать отсутствие интереса со стороны его собственной жены — в лице иных представительниц прекрасного пола.

— Сэр, — сказал адъютант, — Зомбри атакована…

— Что? — Колмейн вскочил, и остальные командующие Генерального штаба тоже.

— Более двухсот кораблей, сэр. Мы только что получили донесение. — Голос адъютанта слегка срывался — ему было чуть больше двадцати. — Наши люди на Зомбри сражаются как могут…

— Сражаются? — Колмейн стремительно шагнул к адъютанту, словно собираясь взвалить на него всю ответственность за случившееся. — Они начали высаживать десант?

— Уже высадили, сэр…

— Сколько?

— Мы не знаем, сэр…

— Болван! Сколько кораблей сбросили десант?

— Ни одного, сэр, — прошептал адъютант, — Они никого не сбрасывали. Они все приземлились.

— Приземлились?

На долю секунды в длинном конференц-зале наступила тишина.

— Вы хотите сказать, — крикнул Колмейн, — что они посадили на Зомбри двести кораблей первого класса?

— Да, сэр, — Голос адъютанта сорвался почти до писка. — Они уничтожают наши силы и окапываются…

Он не успел закончить. Колмейн развернулся в сторону своих стратегов и начальников патрулей.

— Проклятие! — взревел он. — Разведка!

— Да, сэр? — отозвался фрайляндский офицер.

— Что это все значит?

— Сэр… — запинаясь, произнес офицер. — Я не понимаю, как это могло случиться. Последние донесения, которые я получил с Гармонии три дня назад…

— К черту последние донесения. Мне нужно, чтобы все корабли были в космосе не позже чем через пять часов!

Мне нужно, чтобы все патрульные корабли всех классов, которые мы можем здесь собрать, отправились через десять часов на Зомбри. Действуйте!

И Генеральный штаб экзотов начал действовать.

Следовало отдать должное вооруженным силам, находившимся под командованием Колмейна, — они сумели выполнить приказ даже за столь короткое время. Тот факт, что им

удалось собрать почти четыреста кораблей всех классов, на борту каждого из которых находился почти полный комплект членов экипажа и десантников, само по себе было небольшим чудом.

Колмейн и его старшие офицеры на борту флагманского корабля наблюдали за спутником, проплывавшим перед ними во Всевидящем Оке корабля. Еще три часа назад поступали донесения о боевых действиях. Теперь же наступила полная тишина, красноречиво свидетельствовавшая о том, что войска захвачены в плен. Кроме того, служба наблюдения доложила еще о ста пятидесяти новых шахтах, прорытых противником.

— Они там, — сказал Колмейн, — корабли и все остальное. — Теперь, когда прошел первый шок, он снова стал хладнокровным и умелым командующим войсками. Он даже нашел время отметить про себя, что ему следовало бы встретиться с этим дорсайцем, Грэймом. Высший командный пост всегда являлся аппетитной приманкой для любого одаренного юноши; однако он со временем вполне мог счесть Совет Объединенных церквей неподходящим работодателем, а необходимость подчиняться самому Колмейну могла бы вполне компенсироваться жалованьем, которое экзоты всегда охотно готовы были платить. Что касается нынешней ситуации, то Колмейн не видел никакого повода для отчаяния, просто нужно было действовать быстро. Наверняка Грэйм рискнул всем ради одного решительного хода. Он рассчитывал, что неожиданность позволит ему высадиться на спутнике и окопаться столь прочно, что цена, которую придется заплатить за то, чтобы выбить его оттуда, окажется слишком высока, — прежде чем прибудут подкрепления.

Он ошибся лишь в том — причем единственный раз, — что недооценил время, которое потребуется Колмейну, чтобы собрать силы для нанесения ответного удара. И даже эта ошибка была простительна. На всех известных мирах не существовало другой армии, которую удалось бы привести в боевую готовность за столь короткое время.

— Вступаем в бой, — приказал Колмейн. — Все сразу. — Он окинул взглядом офицеров. — Вопросы есть?

— Сэр, — обратился к нему начальник голубого патруля, — может быть, лучше было бы подождать их здесь?

— И не думайте, — добродушно ответил Колмейн. — Они бы не стали окапываться в нашей собственной системе, если бы не располагали всем необходимым для того, чтобы организовать здесь свой форпост, который мы не смогли бы у них отбить. — Он покачал головой. — Действовать нужно сейчас, джентльмены, прежде чем зараза успеет укорениться. Все корабли — вниз, даже

те, на которых нет десанта. Мы будем сражаться с ними так, как если бы это были наземные огневые позиции.

Офицеры отдали честь и отправились исполнять приказ.

Флот экзотов опустился на Зомбри, словно саранча на фруктовый сад. Колмейн ходил взад и вперед по залу управления флагманского корабля, который участвовал в операции вместе с остальными, и улыбался, по мере того как поступали донесения об укреплениях, быстро очищенных от занимавших их квакерских войск, или о кораблях, которые быстро сдавались и сами покидали свои глубокие шахты. Мнение Колмейна о Донале, резко возросшее после первых известий о нападении, начало существенно падать. Одно дело — оправданный риск, совсем другое — риск безрассудный. Судя по состоянию боевого духа и подготовке квакерских войск, у них было мало шансов на то, что их неожиданная атака окажется успешной. Грэйму следовало бы потратить несколько больше времени на обучение своих солдат и несколько меньше — на придумывание эффектных акций. Этого вполне следовало ожидать, подумал Колмейн, от юноши, внезапно оказавшегося на столь высоком посту.

Он уже наслаждался предвкушением победы, когда все его ожидания внезапно разбились вдребезги. Раздался звонок коммуникатора, и послышались голоса сразу двух офицеров.

— Сэр, неопознанный вызов с…

— Сэр, корабли над нами…

Колмейн, наблюдавший за поверхностью Зомбри через Всевидящее Око, быстро нажал несколько кнопок, включая систему поиска; звезды перед ним поплыли вверх и вперед, затем резко остановились, и перед ним появилось полномасштабное изображение корабля первого класса, явно принадлежащего Квакерам. Не веря своим глазам, он уменьшил масштаб изображения и обнаружил еще двадцать таких же кораблей на орбите вокруг Зомбри лишь в ограниченном поле зрения Ока.

— Кто это? — закричал он, поворачиваясь к офицеру, доложившему о вызове.

— Сэр… — голос офицера звучал неуверенно, — он говорит, что он — командующий силами Гармонии и Ассоциации.

— Что? — Кулак Колмейна опустился на клавишу рядом с пультом управления Ока. Экран на стене засветился, и на нем появился стройный молодой дорсаец со странными, неопределенного цвета глазами.

— Грэйм! — взревел Колмейн, — Что это за бутафория, с помощью которой вы пытаетесь меня одурачить?

— Взгляните еще раз, командующий, — ответил молодой человек, — Бутафорию вы как раз сейчас извлекаете на

поверхность. Это мои корабли низшего класса. Почему, как вы думаете, они так легко сдались? Здесь же мои корабли первого класса — всего сто восемьдесят три.

Колмейн вдавил кнопку, погасив экран, и повернулся к офицерам у пульта.

— Докладывайте!

Однако офицеры уже занялись изучением подтверждений. Первый из кораблей, извлеченных на поверхность, оказался кораблем низшего класса с маскировочным экраном вокруг фазовой решетки, почти без оружия и брони. Колмейн снова развернулся к экрану, включил его и обнаружил, что Донал сидит в той же позе, ожидая его ответа.

— Мы готовы встретиться с вами через десять минут, — пообещал он сквозь зубы.

— Вам следует быть более благоразумным, — отозвался с экрана Донал, — Ваши корабли стоят совершенно открыто, и некому обеспечить прикрытие, если они попытаются стартовать. Мы можем уничтожить вас, если вы попытаетесь взлететь, или разнести вас в клочья на земле. У вас нет соответствующего оборудования, чтобы окопаться, и я достаточно хорошо информирован о вашей общей численности, чтобы понять, что у вас не осталось сил в космосе, способных причинить нам какой-либо вред. — Он сделал паузу. — Предлагаю вам лично прибыть сюда и обговорить условия сдачи.

Колмейн встал, яростно глядя на экран. Однако альтернативы капитуляции не было — он не мог этого не признать. В конце концов командующий нехотя кивнул и выключил экран. Слегка сгорбившись, он направился к личной маленькой курьерской шлюпке.

— Вы меня уничтожили, — произнес он, когда наконец встретился с Доналом лицом к лицу на борту флагмана квакеров, — После этого я буду рад, если мне дадут возможность командовать пятью кораблями класса К и какой-нибудь перевалочной базой на Мире Даннина.

Его слова были недалеки от истины.

Донал вернулся на Гармонию два дня спустя, и его радостно приветствовали даже самые злобные фанатики этого мира, когда он ехал по улицам к Правительственному центру. Однако там его ждал несколько иной прием.

Глава Совета Объединенных церквей миров Гармонии и Ассоциации мрачно взглянул на вошедшего Донала, который был все еще в полевом комбинезоне. Сверху он накинул большой, не по размеру китель. Платформа, на которой он ехал, была открыта для всеобщего обозрения, а на Гармонии уже наступила холодная

осень местного короткого года.

— Добрый вечер, джентльмены.

Донал приветствовал не только Брайта, но и двух других членов Совета, сидящих рядом с ним за столом. Они не ответили. Донал, впрочем, не удивился. Главным здесь был Брайт. Старейший кивнул троим вооруженным солдатам местной гвардии, стоявшим на посту у дверей, и они вышли, закрыв дверь за собой.

— Итак, вы вернулись, — сказал Брайт.

Донал улыбнулся.

— Вы ожидали, что я отправлюсь куда-нибудь еще? — спросил он.

— Сейчас не время для шуток! — Тяжелая ладонь Брайта с треском опустилась на крышку стола. — Чем вы можете объяснить свое возмутительное поведение?

— Прошу прощения, старейший! — Голос Донала отдавался в серых стенах помещения. Столь резкого тона сидевшие перед ним трое никогда прежде не слышали и вряд ли ожидали в данной ситуации. — Я считаю себя достаточно вежливым и не вижу причин, почему другие не могли бы отвечать мне тем же. О чем вы?

Брайт поднялся. Широко расставив ноги и наклонившись над гладкой, почти зеркальной поверхностью стола, он теперь в большей степени напоминал бандита с большой дороги, нежели Торквемаду.

— Вы вернулись назад, — медленно и жестко произнес он, — и притворяетесь, будто не знаете, как вы нас предали?

— Предал вас? — Донал взглянул на него со спокойствием, показавшимся почти зловещим. — Как это — предал вас?

— Мы послали вас, чтобы вы выполнили определенную работу.

— Полагаю, я ее выполнил, — сухо ответил Донал. — Вы хотели постоянно иметь под контролем безбожников. Вы хотели, чтобы на Зомбри находился постоянный форпост, который своевременно мог бы обнаружить любые коварные замыслы экзотов. Как вы помните, я просил вас четко сформулировать, что вам нужно, — несколько дней назад. Вы достаточно подробно объяснили, что именно этого вы и хотите. Что ж — вы это получили.

— Вы, сатанинское отродье! — взревел Брайт, внезапно утратив контроль над собой. — Вы в самом деле думали, что это все, чего мы хотим? Вы что, думали, что избранники Божьи поколебались бы перед безбожниками? — Он повернулся и быстро обошел вокруг стола, встав лицом к лицу с Доналом, —

Они были в вашей власти — а вы лишь попросили у них разрешения поставить невооруженный наблюдательный пункт на бесплодном спутнике. Вы держали их за горло и никого из них не прикончили, хотя вам следовало бы их уничтожить до последнего корабля — до последнего человека!

Он сделал паузу, и во внезапно наступившей тишине Донал услышал скрежет его зубов.

— Сколько они вам заплатили! — прорычал Брайт.

Донал продолжал стоять, не шевелясь.

— Я предпочту сделать вид, — наконец выговорил он, — что не слышал ваших последних слов. Что касается ваших вопросов, почему я попросил лишь о наблюдательном пункте, — как вы сказали, вам требовалось только это. Что же до того, почему я их всех не уничтожил, — так я не занимаюсь бессмысленными убийствами. Не собираюсь я и жертвовать собственными людьми ради бессмысленного убийства. — Он холодно взглянул в глаза Брайта. — Полагаю, вы могли бы быть несколько более откровенным со мной, старейший, в отношении того, чего вы хотели. Ведь вы хотели уничтожить боевую мощь экзотов?

— Да, — проскрежетал Брайт.

— Я так и думал. Но вам так и не пришло в голову, что я слишком хороший командующий для того, чтобы заставить себя совершить подобное. Полагаю, — Донал перевел взгляд на остальных двоих, — вы подорвались на собственной мине, джентльмены. — Он расслабился и, слегка улыбнувшись, снова повернулся к Брайту. — Есть причины, по которым с тактической точки зрения для Квакерских миров было бы весьма неразумно ломать хребет Маре и Культису. Если вы позволите преподать вам небольшой урок…

— Вам придется поискать лучшие ответы, чем те, что у вас заготовлены! — взорвался Брайт, — Если не хотите попасть под суд за измену вашему работодателю!

— Ну, давайте! — громко рассмеялся Донал.

Брайт резко развернулся и быстро зашагал через серый кабинет. Широко распахнув дверь, через которую вошел Донал, он вытянул вперед руку с дрожащим пальцем и крикнул:

— Арестовать этого предателя!

Охранники шагнули к Доналу — и в тот же самый момент, прежде чем кто-то из них успел приблизиться к нему, мелькнули три узких голубых луча, пронесясь мимо Брайта. Трое солдат рухнули на пол.

Ошеломленный, Брайт уставился на их тела. Затем, повернувшись, он увидел, как Донал убирает в кобуру свой пистолет.

— Вы что, думали, я достаточно глуп для того, чтобы явиться сюда без оружия? — с легкой грустью спросил Донал. — И что я позволю себя арестовать? — Он покачал головой. — Вам следовало быть умнее, чтобы понять, что сейчас я только что спас вас от вас самих.

Он взглянул на их недоверчивые лица.

— О да. — Он показал на окно во всю стену в дальнем конце кабинета. Вечерний ветер доносил из города шум праздника. — Лучшие сорок процентов ваших вооруженных сил сейчас там. Наемники. Наемники, которые ценят командира: он может принести им победу почти без потерь. Какова, по-вашему, была бы их реакция, если бы вы осудили меня за измену, признали меня виновным и казнили? — Он сделал паузу, давая им проникнуться этой мыслью. — Подумайте, джентльмены.

Он застегнул китель и угрюмо взглянул на трупы троих охранников, а затем снова повернулся к главам Совета.

— Полагаю это достаточным основанием для того, чтобы расторгнуть контракт. Можете искать себе другого военачальника.

Он направился к двери. Брайт крикнул ему вслед:

— Тогда отправляйтесь к ним! К безбожникам Мары и Культиса!

Донал повернулся и печально наклонил голову:

— Спасибо, джентльмены. Но помните — это было ваше предложение.

На распутье

Оставалась еще беседа с посредником Сэйоной. Поднимаясь по широким и низким ступеням к дворцу — его нельзя было назвать просто зданием или группой зданий, — где обитала самая важная личность двух экзотских планет, Донал обнаружил, что величественный вид его несколько забавляет.

Дальше, на обсаженной кустарником аллее, он встретил высокую сероглазую женщину и объяснил причину своего появления.

— Идите прямо вперед, — Женщина махнула рукой, — Там вы его найдете.

Как ни странно, Донал в этом не сомневался. И необъяснимая уверенность в этом вновь вызвала у него странное веселье.

Он прошел по освещенному солнцем живому коридору, который незаметно расширился, переходя в лишенный крыши сад, мимо прудов с разноцветными рыбками, через дом, который не был домом, через рад комнат и снова наружу, пока не вышел в маленький дворик, наполовину перекрытый крышей, и в дальнем конце его, в тени, увидел сидящего на траве высокого лысого человека неопределенного возраста в голубой одежде.

Донал спустился по трем каменным ступеням, пересек дворик и снова поднялся на три ступеньки, оказавшись прямо перед экзотом.

— Сэр, — сказал Донал, — я Донал Грэйм.

Высокий человек показал рукой на землю.

— Если, конечно, вы не предпочтете сидеть на стене, — улыбнулся он. — Сидеть в такой позе не всем нравится.

— Вовсе нет, сэр. — Донал сел, скрестив ноги.

— Хорошо, — кивнул высокий и погрузился в собственные мысли, уставившись в глубину двора.

Донал расслабился, ожидая. Пока он шел сюда, в нем нарастало чувство некоей умиротворенности. Все здесь, казалось, располагало к медитации, и — Донал в этом не сомневался — наверняка именно такова была цель создателей. Он сидел, предоставив своим мыслям полную свободу, и оказалось — что вовсе не было странным, — мысли его постоянно возвращаются к человеку рядом с ним.

Сэйона, как знал Донал еще со школы, был весьма своеобразным представителем экзотов. С точки зрения остального человечества, жители Мары и Культиса были довольно странными — некоторые даже сомневались в том, что они происходят от людей. Однако подобные рассуждения были

отчасти шуткой, а отчасти предрассудком.

Экзоты достигли небывалых высот в области психологии и родственных ей наук, а также в той области, которую можно было бы назвать генетическим отбором или выведением породы — в зависимости от отношения к ней. Они не поклонялись открыто никакому богу и не исповедовали никакой религии. С другой стороны, почти все они — по их собственным словам, в силу личного выбора — были вегетарианцами и противниками любого насилия, подобно древним индусам. Однако, помимо этого, они придерживались еще одного кардинального принципа — принципа невмешательства. Убеждать в своей точке зрения другого, неважно каким способом, считалось у них крайней формой насилия. Тем не менее все это не лишило их способности позаботиться о себе самих. Если их кредо заключалось в неприменении насилия к кому бы то ни было, то другой общепризнанной составляющей того же самого кредо было недопущение какого бы то ни было насилия по отношению к самим себе. В войне и бизнесе, среди наемников и торговцев они всегда отстаивали свою точку зрения.

Что касается Сейоны, то он был неким символом, полностью понятным лишь экзотам — определенной частью их эмоциональной жизни, воплощенной в лице живого человека, связующим звеном между двумя планетами. Он обладал способностью понять любого, примирить враждующих, выразить общность чувств между людьми. Как Ани — вполне нормальная женщина — была для любого экзота в буквальном смысле одной из избранных Культиса, воплощением их лучших качеств, живым произведением искусства, которому они поклонялись. Ее частная жизнь не имела никакого значения. Для экзотов основную ценность представляли ее способности — как врожденные, явившиеся результатом тщательного отбора, так и приобретенные.

Донал внезапно осознал, что Сэйона обращается к нему. Старик уже некоторое время говорил спокойным, ровным голосом, а Донал позволял его словам течь сквозь его сознание, словно воде сквозь пальцы. Теперь же нечто из сказанного вернуло его к реальности.

— …Почему же, вовсе нет, — ответил Донал, — Я полагал, что это стандартная процедура для любого командующего, прежде чем вы его наймете.

Сэйона усмехнулся.

— Подвергать каждого претендента всем этим проверкам? — сказал он. — Нет, нет. Об этом сразу же станет известно, и мы никогда не сможем нанять тех, кто нам нужен.

— Мне, в общем-то, нравится проходить испытания, — произнес Донал.

— Я знаю, — кивнул Сэйона. — В конце концов, испытание — это форма соревнования, а вы по своей натуре склонны к нему. Нет, обычно, когда нам нужен кто-то из военных, нас интересует лишь эта сторона его личности — и не более того.

— Почему же тогда со мной по-другому? — Донал повернулся к собеседнику. Сэйона взглянул на него бледно-карими глазами, которые казались слегка лукавыми из-за морщинок в углах.

— Что ж, вы интересовали нас не только как командующий, — пояснил экзот. — Видите ли, это связано с вашими предками. Вы, собственно, отчасти маранец, и нас интересуют именно эти ваши гены, пусть даже подавленные. Кроме того, дело касается вас самого. Вы обладаете невероятными потенциальными способностями.

— Потенциальными способностями к чему?

— К некоторым довольно существенным вещам, — спокойно произнес Сэйона. — Естественно, мы сможем определить их лишь по результатам наших испытаний.

— Могу я спросить, что это за довольно существенные вещи?

— К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Сэйона. — Так или иначе, ответ не имел бы для вас смысла. Вот почему я подумал, что мне следовало бы с вами побеседовать. Меня интересует ваша философия.

— Философия! — Донал рассмеялся. — Да я же дорсаец.

— Любой, даже дорсаец, любое живое существо обладает собственной философией — стебель травы, птица, младенец. Философия индивидуума — необходимая вещь, краеугольный камень, по которому мы оцениваем наше собственное существование. Кроме того, вы лишь отчасти дорсаец. Что говорит ваша другая часть?

Донал нахмурился.

— Я не уверен, что моя другая часть вообще что-либо говорит. Я солдат. Наемник. У меня есть работа, и я намерен выполнять ее — всегда — самым лучшим образом, на какой только способен.

— Но все же помимо этого… — настаивал Сэйона.

— Что ж, помимо, этого… — Донал замолчал, все еще хмурясь, — Полагаю, я хочу, чтобы все шло хорошо.

— Вы сказали, что хотите, чтобы все шло хорошо, а не предпочитаете, чтобы все шло хорошо. — Сэйона внимательно смотрел на него. — Есть разница?

— Хочу? О. — Донал рассмеялся, — Полагаю, я просто

обмолвился. Я имел в виду — я хочу сделать так, чтобы все шло хорошо.

— Да, — произнес Сэйона, но по его тону Донал не мог понять, согласен он с ним или нет, — Вы человек действия, не так ли?

— Кому-то надо им быть, — пожал плечами Донал. — Взять, скажем, цивилизованные миры… — Он внезапно осекся.

— Продолжайте, — кивнул Сэйона.

— Я хотел сказать — взять, к примеру, цивилизацию. Подумайте о том, как мало прошло времени с тех пор, как первый воздушный шар на Земле поднялся в воздух. Четыреста лет? Пятьсот? Что-то около этого. И посмотрите, как мы с тех пор распространились и вместе с тем как разошлись наши пути.

— И что из этого следует?

— Мне это не нравится, — пояснил Донал. — Помимо того что это неэффективно, это еще и кажется мне нездоровым. В чем смысл технологического прогресса, если мы просто разделились на множество групп, каждая из которых живет по-своему, находя себе некую собственную цель? Это нельзя назвать прогрессом.

— Вы верите в прогресс?

Донал посмотрел на него:

— А вы?

— Полагаю, да, — ответил Сэйона. — В определенный тип прогресса. В мою разновидность прогресса. А какова ваша?

Донал улыбнулся:

— Вы хотите это услышать, не так ли? Вы правы. Мне кажется, у меня все-таки есть своя философия. Хотите о ней услышать?

— Пожалуйста, — произнес Сэйона.

— Ладно. — Донал окинул взглядом маленький сад. — Примерно так — каждый человек является орудием в своих собственных руках. Наибольшее удовлетворение мы получаем не от вознаграждения за нашу работу, но от самой работы, а наша самая главная задача — оттачивать и совершенствовать орудие, которым являемся мы сами, делая его способным к еще более сложной работе. — Он посмотрел на Сэйону. — Что вы об этом думаете?

— Мне нужно поразмыслить, — ответил Сэйона. — Моя точка зрения, естественно, несколько иная. Я вижу Человека не столько как успешно действующий механизм, но как связующее звено в общем порядке вещей. Я бы сказал, что роль индивидуума — не столько делать, сколько быть. Чтобы познать в полной мере истину, которая скрыта в нем самом, если я понятно выражаюсь.

— Нирвана как противоположность Валгалле, да? — Донал

грустно улыбнулся. — Спасибо, я предпочитаю Валгаллу.

— Вы уверены? — спросил Сэйона, — Вы вполне уверены, что нирвана вам ни к чему?

— Вполне, — ответил Донал.

— Вы меня огорчаете, — угрюмо произнес Сэйона, — А мы с вами связывали определенные надежды.

— Надежды?

— У вас, — Сэйона поднял палец, — огромные возможности. Они могут реализоваться лишь в одном направлении — в том, которое вы выберете сами. Но у вас есть свобода выбора. И здесь для вас найдется место.

— Здесь у вас?

— Другие миры не знают о том, чем мы занимаемся последние сто лет. Мы лишь начинаем работать с бабочкой, заключенной внутри куколки, каковой является нынешнее человечество. Для любого, кто обладает способностями к подобной работе, открыты большие возможности.

— И у меня есть такие способности?

— Да, — кивнул Сэйона. — Отчасти в результате счастливой комбинации генов, которая пока находится за пределами нашего понимания. Конечно, вам придется переучиваться. Та часть вашей личности, которая руководит вами сейчас, должна быть приспособлена к гармоничной интеграции с другой частью, которую мы считаем более ценной.

Донал покачал головой.

— В качестве компенсации, — угрюмо уточнил Сэйона, — вам станет доступно многое — вы ведь из тех людей, кто, например, мог бы пройти по воздуху, если бы только поверил, что может это сделать.

Донал рассмеялся.

— Я вполне серьезно, — сказал Сэйона, — Попробуйте как-нибудь.

— Вряд ли я смогу поверить в то, во что я подсознательно не верю, — пожал плечами Донал, — Кроме того, я не вижу в этом смысла. Я солдат.

— Однако что за странный солдат, — пробормотал Сэйона. — Солдат, полный сострадания, причудливых фантазий и диких грез. Одинокий человек, который хочет быть как все, но считает человечество конгломератом странных, чуждых ему созданий, обычаев которых он не в состоянии понять, и в то же время он понимает их слишком хорошо, чтобы они могли чувствовать себя в безопасности.

Он перевел взгляд на застывшее, сразу ожесточившееся лицо Донала.

— Ваши тесты оказались вполне результативными, не так ли? — спросил Донал.

— Да, — кивнул Сэйона, — Но вовсе незачем так на меня смотреть. Мы не можем воспользоваться ими как оружием, чтобы заставить вас делать то, чего захотим. Подобный поступок принес бы столько вреда, что стал бы бессмысленным. Мы лишь делаем вам предложение. — Он на секунду замолчал. — Основываясь на том, что нам известно, мы можем заверить вас со всей определенностью, что вы будете счастливы, если вступите на наш путь.

— А если нет? — Лицо Донала оставалось застывшим.

Сэйона вздохнул.

— Вы сильный человек. Сила влечет за собой ответственность, а для ответственности нет особой необходимости в счастье.

— Не могу сказать, что мне нравится перспектива изменить весь свой образ жизни ради счастья. — Донал встал, — Так или иначе, спасибо за предложение. Я ценю вашу любезность.

— Нет никакой любезности в том, чтобы сказать бабочке, что она — бабочка и ей незачем ползать по земле, — произнес Сэйона.

Донал вежливо наклонил голову.

— До свидания. — Он повернулся и начал спускаться по низким ступеням.

— Донал… — остановил его голос Сэйоны. Он обернулся и увидел, что тот смотрит ему вслед чуть ли не с ехидным выражением, — Я верю, что вы можете ходить по воздуху.

Донал уставился на него, однако выражение лица Сэйоны не изменилось. Развернувшись кругом, Донал шагнул вперед, словно на ровную землю, — и, к его неописуемому изумлению, его нога встретила невидимую опору на высоте в восемь дюймов над следующей ступенькой. Вряд ли отдавая себе отчет в своих действиях, Донал перенес вперед в ничто другую ногу. Он сделал еще шаг и еще. Ни на что не опираясь, кроме воздуха, он пересек сад до самого верха лестницы на противоположной стороне.

Вновь оказавшись на твердой поверхности, он обернулся. Сэйона все еще смотрел на него, но выражения его лица теперь невозможно было разобрать.

В глубокой задумчивости Донал вернулся в Портсмут — маранский город, где находилась командная база экзотов. К тому времени, когда он добрался до своей комнаты, тропическая маранская ночь уже опустилась на город, однако мягкий свет, струившийся вокруг и изнутри всех зданий благодаря какому-то техническому фокусу, не мог затмить блеск звезд над головой.

Стоя посреди комнаты, собираясь переодеться к ужину, который должен был стать его первым приемом пищи сегодня — он снова забыл поесть днем, — Донал хмуро взглянул на плавно изогнутый потолок, высшая точка которого находилась примерно в двенадцати футах над его головой. Затем окинул взглядом письменный стол и увидел кассету. Взяв ее в руку, он повернулся к потолку и сделал неуклюжий шаг вверх.

Его нога нашла невидимую опору. Донал оторвался от пола. Медленно, шаг за шагом, он поднялся до самого потолка. Открыв кассету, прижал ее самозаклеивающиеся края к потолку. С секунду он висел в воздухе, глядя на приклеенную к потолку кассету.

— Забавно! — сказал он и тут же обнаружил, что падает. Он инстинктивно сгруппировался и, приземлившись, перекатился, затем вскочил на ноги, целый и невредимый, и снова взглянул на потолок. Кассета продолжала висеть там.

Он нажал кнопку маленького коммуникатора на браслете.

— Ли, — позвал он.

Он опустил руку и подождал. Меньше чем через минуту Ли вошел в комнату. Донал показал на кассету на потолке.

— Что это? — спросил он.

Ли посмотрел.

— Кассета. Хотите, чтобы я ее достал?

— Нет, — ответил Донал, — Как, по-вашему, она туда попала?

— Какой-нибудь шутник… — предположил Ли. — Хотите, чтобы я выяснил, кто?

— Нет… не важно, — сказал Донал. — Это все.

Кивнув, Ли вышел из комнаты. Донал еще раз взглянул на кассету, потом подошел к окну и выглянул наружу.

Внизу лежал светящийся ковер города. Над головой сияли звезды. Довольно долго он молча стоял, глядя в окно.

Внезапно он громко и радостно рассмеялся.

— Нет, нет. Я дорсаец!

Он повернулся спиной к окну и начал быстро одеваться к ужину. К своему удивлению, он только сейчас обнаружил, насколько голоден.

Протектор

Боевой командор действующей армии Ян Тэн Грэйм шел по коридору резиденции протектора Проциона, сжимая в огромном кулаке кассету с грифом «лично, секретно». Никто не попался ему навстречу. Однако у входа в кабинет протектора его секретарша в зеленой с золотом штабной форме что-то пробормотала насчет того, что протектор распорядился его не беспокоить. Ян лишь мельком взглянул на нее и вошел в кабинет.

Донал стоял у окна, глядя на Портсмут в лучах ярко-желтого проционского заката, пребывая в глубокой задумчивости. В подобной позе его в последние дни можно было застать часто. Услышав размеренные шаги Яна, он обернулся.

Шесть лет военных и политических успехов оставили неизгладимые следы на лице Донала, отчетливо видимые при дневном свете. На первый взгляд он казался немногим старше того молодого человека, который покинул Дорсай полдюжины лет назад. Однако при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что он несколько отяжелел и немного вырос. Однако этот излишний вес не смягчил его черт, скорее наоборот, они стали резче и жестче. Глаза его несколько запали, а привычка командовать — доведенная до подсознательного уровня — наложила невидимую тень на его лоб, так что лицо его не оставляло сомнений: перед вами человек, для которого беспрекословное выполнение приказов — естественное дело.

— Ну? — спросил он, когда Ян подошел к нему.

— Они захватили Новую Землю, — ответил его дядя, протягивая ему кассету, — Личное и секретное послание от Галта.

Донал машинально взял кассету, мгновенно позволив своему подсознанию овладеть его разумом. Если шесть лет изменили его внешность и манеры, еще большие изменения произошли в глубине его личности. Шесть лет командования, шесть лет оценок и решений проложили широкий водораздел между внешней частью его разума и темной, глубокой его частью, бездонные воды которой омывали все известные берега и множество еще неизвестных. Он пришел не то чтобы к соглашению, но к перемирию с источником своей странности, тщательно скрывая ее от других, но относясь к ней как к некоему орудию, которое некто дал ему в руки. Теперь же информация, которую только что принес Ян, вновь взбудоражила потаенные глубины его души, и по мере того как волнение становилось все сильнее, ему стало окончательно ясно, что пора действовать.

От него требовалось действие — как от протектора Проциона,

ответственного за оборону не только Экзотских миров, но и двух других обитаемых планет этой системы — Сент-Мари и Коби. Более того, это его вовсе не тяготило. Пожалуй, он даже испытывал определенное удовольствие.

— Понятно… — пробормотал он, затем повернулся к Яну, — Галту потребуется помощь. Выясни, какие силы у нас сейчас в распоряжении, хорошо, Ян?

Ян кивнул и вышел — столь же хладнокровно и по-военному, как и вошел.

Оставшись один, Донал не сразу вскрыл кассету. Он уже не мог вспомнить, о чем размышлял, когда вошел Ян, но появление дяди вызвало у него новую цепь мыслей. Дела у Яна сейчас шли хорошо — по крайней мере так хорошо, как можно было ожидать. Не имело значения, что он жил уединенно, почти не общался с другими офицерами своего ранга и отказывался возвращаться домой на Дорсай, даже чтобы повидаться с семьей. Он занимался подготовкой боевых подразделений — и хорошо с этим справлялся.

Маранские психиатры достаточно мягко объясняли Доналу, что большего от Яна ожидать нельзя. Нормальный разум, внезапно пораженный болезнью, они могли вылечить. К несчастью, по крайней мере в смысле привязанности к брату-близнецу, Ян не был нормальным. Ничто во Вселенной не могло вернуть ту его часть, которая умерла вместе с Кенси, — которая, в сущности, была Кенси, — поскольку своеобразная психологическая общность двух близнецов делала их единым целым.

— Ваш дядя продолжает жить, — говорили психиатры Доналу, — лишь благодаря бессознательному стремлению наказать себя за то, что допустил гибель брата. Фактически он ищет смерти — но это должна быть весьма своеобразная смерть, включающая уничтожение всего, что для него важно. «Если твоя правая рука согрешила против тебя, отрежь ее». Ян считает себя виновным в том, что случилось, и ищет наказания, которое соответствовало бы преступлению. Вот почему он и продолжает жить, что сам считает совершенно ненормальным. Нормальным для подобной личности было бы самоубийство или смерть.

— И вот почему, — заключили они, — он отказывается встречаться или вообще иметь какие-либо дела со своей женой или детьми. Он подсознательно ощущает опасность того, что они могут погибнуть вместе с ним. Мы бы не советовали настаивать на его встрече с ними помимо его воли.

Донал вздохнул. Если подумать, казалось странным, что из его окружения никто, по существу, не оказался рядом с ним из-за

его славы или ради постов, которые он мог им предложить. Яна послала семья. Ли нашел источник того, чего недоставало его несовершенной личности, и следовал бы повсюду за Доналом, даже если бы тот и не был протектором Проциона. Лладроу, который был теперь у Донала начальником штаба, пришел к нему не по своей воле, а под давлением жены — поскольку Лладроу в конце концов женился на Эльвине Рай, племяннице Галта, которая, даже несмотря на замужество, продолжала проявлять интерес к Доналу. Для Женева бар-Колмейна не нашлось другого места, достойного его способностей. И наконец, сам Галт, дружеское отношение которого к Доналу объяснялось не столько военными соображениями, сколько привязанностью человека, у которого никогда не было сына, — хотя, собственно, не слишком честно было включать сюда Галта, ведь он продолжал оставаться маршалом Фрайлянда.

Больше всего Донал хотел бы видеть рядом с собой Мора, но собственная гордость гнала того как можно дальше от столь преуспевающего младшего брата. В конце концов Мор нашел себе занятие на Венере, а затем благодаря открытому рынку, процветавшему на этой планете, продал свой контракт Сете и в итоге оказался на службе у врага Донала, что ставило их по разные стороны в случае возможного конфликта.

Донал внезапно встряхнулся. Приступы депрессии стали в последнее время более частыми — возможно, как следствие долгих часов, проводимых за работой. Он быстро распечатал кассету с сообщением от Галта.

«Донал!

Новость о Новой Земле наверняка вам уже известна. Переворот, в результате которого к власти на планете пришло правительство Кьерли, был проведен силами войск, предоставленных Сетой. Я всегда буду благодарен вам за ваш совет не иметь дел с Уильямом. Однако дурной пример заразителен. Мы можем подвергнуться подобного же рода нападению изнутри со стороны местных приверженцев открытой торговли контрактами. Один за другим миры оказываются в руках политиканов, не последний из которых — сам Уильям. Пожалуйста, предоставьте нам столько боевых подразделений, сколько сочтете возможным.

На Венере должно состояться Всеобщее межпланетное совещание относительно признания нового правительства Новой Земли. Они, вероятно, будут достаточно благоразумны для того, чтобы не пригласить

вас, так что прилетайте сами. Я должен присутствовать; и вы нужны мне, даже если у вас нет других причин там быть.

Хендрик Галт, маршал, Фрайлянд».

Донал мысленно кивнул. Однако он не стал немедленно предпринимать какие-то шаги. Если реакция Галта была вызвана потрясением от неожиданно происшедших событий, то для Донала ситуация на Новой Земле представляла собой лишь итог, которого он давно ожидал.

Шестнадцать обитаемых планет восьми звездных систем, от Солнца до Альтаира, существовали благодаря сложной системе обмена специалистами. Нынешняя цивилизация столь далеко ушла вперед, что каждая планета не в состоянии была поддерживать свою собственную образовательную систему и не отставать от прогресса во многих необходимых областях. Зачем содержать тысячу посредственных школ, когда можно иметь пятьдесят превосходных и обменивать их выпускников на специалистов в других областях? Накладные расходы слишком велики, а количество высококлассных специалистов в каждой области естественным образом ограничено; более того, результаты были более впечатляющи, когда все специалисты в одной области знаний находились в непосредственном контакте друг с другом.

Подобная система казалась крайне практичной. Донал относился к числу немногих, кто осознавал присущие ей недостатки.

Достаточно было задаться вопросом: насколько квалифицированный специалист является самостоятельной личностью, а насколько — частью собственности, принадлежащей тому, кто в данный момент владеет его контрактом? Если он в слишком большой степени индивидуальность, межпланетный обмен распадается на серии индивидуальных договоров, а нынешнее общество могло существовать лишь на основе своих потребностей. Если же он в слишком большой степени был чьей-то собственностью, тогда открывался простор для разного рода дельцов — покупателей и продавцов рабочей силы, овладевших рынком и относящихся к человечеству лишь как к скотине, приносящей прибыль.

Среди различных планет этот вопрос продолжал оставаться поводом для дискуссий. «Закрытые» миры так называемой венерианской группы — сама Венера, Ньютон и Кассида, — а также Квакерские миры и Коби всегда предпочитали рассматривать личность как «собственность». «Свободные»

общества — Старая Земля, Марс, Мара, Культис — и до крайности индивидуалистический Дорсай упор делали на свободу личности. Были и планеты, занимавшие промежуточное положение, те, на которых имелось сильное центральное правительство, — Фрайлянд и Новая Земля, демократическая теократия Сент-Мари и пионерская, малонаселенная планета Мир Даннина, управляемая кооперативным сообществом, известным под названием Корбел.

Среди «закрытых» обществ рынок контрактов существовал в течение многих лет. На этих планетах, если только ваш контракт не содержал специальной оговорки, вас могли неожиданно продать без вашего ведома любому другому работодателю — возможно, даже на другой планете. Преимущества подобного рынка были очевидны для авторитарных режимов, поскольку само правительство могло контролировать рынок в соответствии со своими широко понимаемыми потребностями и возможностями, которым ни один индивидуум не был в состоянии противостоять. На «свободных» планетах простор для деятельности был открыт не только для индивидуалов, но и для других правительств.

Таким образом, соглашение между двумя планетами об установлении взаимных открытых рыночных отношений целиком шло на пользу более «закрытому» из двух правительств — что неизбежно приводило к тому, что более закрытое правительство получало в свое распоряжение львиную долю талантов, доступных на обоих мирах.

В свою очередь, это становилось причиной неизбежного конфликта, назревавшего в течение пятидесяти лет между двумя существенно различными системами распоряжения квалифицированными умами — тем, что составляло жизненную силу человечества. Собственно, подумал Донал, стоя у окна, конфликт имел место даже здесь и сейчас. Он уже шел полным ходом в тот день, когда он ступил на борт корабля, где встретил Галта, Уильяма и Ани, избранную Культиса. За кулисами начались приготовления к финальному сражению, в котором ему предстояло сыграть не последнюю роль.

Он подошел к столу, нажал кнопку и сказал в микрофон:

— Всем офицерам штаба немедленно собраться у меня.

Он снял палец с кнопки и сел за стол. Предстояло еще многое сделать.

Протектор II

Пять дней спустя Донал прибыл в Холмстед, столицу Венеры, и немедленно отправился на встречу с Галтом, в его номер-люкс в правительственном отеле.

— У меня были кое-какие неотложные дела. — Он пожал руку маршалу и сел. — Иначе я оказался бы здесь раньше. — Он внимательно посмотрел на Галта. — Вы неважно выглядите.

Маршал Фрайлянда в самом деле потерял в весе. Кожа его лица слегка обвисла, а глаза потемнели от усталости.

— Политика, политика… — ответил Галт. — Занятие не для меня. Слишком утомительно. Выпьете чего-нибудь?

— Нет, спасибо, — отказался Донал.

— Я, впрочем, тоже, — кивнул Галт, — Только закурю трубку… не возражаете?

— Я и прежде никогда не возражал, — ответил Донал, — и вы никогда меня не спрашивали.

— Гм… да. — Галт не то закашлялся, не то усмехнулся и, достав трубку, начал набивать ее слегка дрожащими пальцами. — Чертовски устал, вот и все. Собственно, я готов уйти в отставку — но как я могу уйти, если здесь заваривается такая каша? Вы получили мое письмо — сколько подразделений вы можете мне дать?

— Кое-что могу. Скажем, двадцать тысяч солдат первого эшелона… — Галт поднял голову. — Не беспокойтесь, — улыбнулся Донал, — Они будут прибывать понемногу, небольшими группами, чтобы создалось впечатление, будто я даю вам раз в пять больше войск, но просто процедура их доставки несколько запутана.

— Я должен был знать, что вы что-то придумаете, — проворчал он, — Мы наверняка можем найти применение вашему уму здесь, на совещании. Официально мы собрались лишь для того, чтобы выработать общее отношение к новому правительству Новой Земли, но вы, конечно, знаете, о чем в действительности пойдет речь, не так ли?

— Догадываюсь, — пожал плечами Донал. — Об открытом рынке.

— Именно. — Галт зажег трубку и тщательно раскурил ее. — Линия раскола проходит как раз посередине, теперь, когда Новая Земля оказалась в лагере венерианской группы, а мы — то есть Фрайлянд — в противоположном. Проблема в том, что у них есть Уильям и эта белокурая бестия Блэйн. — Он пристально посмотрел на Донала. — Вы знакомы с Проджектом Блэйном, не

так ли?

— Никогда с ним не встречался. Это мое первое путешествие на Венеру, — уточнил Донал.

— Это акула, — с чувством произнес Галт, — Мне бы хотелось посмотреть, как он и Уильям сцепятся из-за чего-нибудь. Может быть, они сожрут друг друга, от чего Вселенной станет только лучше. Что ж… что касается вашего статуса…

— Официально меня прислал Сэйона в качестве наблюдателя.

— Что ж, тогда проблемы нет. Мы легко можем повысить ваш статус до делегата. Собственно, я уже сообщил об этом. Мы лишь ждали, когда вы появитесь, — Галт выпустил большое облако дыма и пристально посмотрел сквозь него на Донала, — Но как по-вашему, Донал? Я верю в вашу проницательность. Что в действительности затевается на этом совещании?

— Не могу точно определить, — ответил Донал. — По-моему, кто-то совершил ошибку.

— Ошибку?

— Новая Земля, — объяснил Донал, — Глупо было свергать правительство именно сейчас — и к тому же силой. Именно поэтому мне кажется, что мы сумеем его вернуть.

Галт резко выпрямился, вынув трубку изо рта.

— Вернуть? Вы имеете в виду — вернуть прежнее правительство? — Он уставился на Донала. — Кто нам это позволит?

— Прежде всего, насколько я понимаю, Уильям, — сказал Донал. — Не в его обычае делать что-либо по частям. Но можно быть уверенным, что он назначит точную цену за возвращение Новой Земли.

Галт покачал головой:

— Я вас не вполне понимаю.

— В данный момент Уильям работает на венерианскую группу, — пояснил Донал, — Но по-настоящему его волнуют лишь собственные интересы, лежащие достаточно далеко. Можно побиться о заклад, что на этом совещании будут идти два вида переговоров. Краткосрочные и долгосрочные. Краткосрочные, вероятнее всего, коснутся той самой проблемы открытого рынка. Долгосрочные будут игрой Уильяма.

Галт снова затянулся трубкой.

— Не знаю, — мрачно произнес он. — У меня не больше информации о Уильяме, чем у вас, но вам не кажется, что вы слишком много на себя берете, когда речь заходит о нем?

— Откуда я могу знать? — криво улыбнувшись, заметил Донал. — Я так думаю об Уильяме, потому что, — он

поколебался, — будь я на его месте, я бы поступал так, как, я подозреваю, поступает он, — Он сделал паузу. — Если Уильям окажется на нашей стороне, это может вынудить совещание надавить на Новую Землю, чтобы вернуть к власти прежнее правительство, не так ли?

— Ну… конечно.

— Что ж, — пожал плечами Донал, — что может быть лучше, если Уильям выступит с компромиссным предложением, которое в то же самое время переведет его в противоположный лагерь и замаскирует его истинные цели — как требует развитие ситуации?

— Да, я могу это понять, — медленно сказал Галт. — Но если так, то чего он может потребовать взамен?

Донал покачал головой:

— Не могу сказать. Не знаю.

На этой в достаточной степени незавершенной ноте их частная беседа завершилась, и Галт повел Донала знакомиться с некоторыми делегатами.

Встреча, как это обычно бывает, перешла в неформальное общение за коктейлем в номере, принадлежащем Проджекту Блэйну с Венеры. Донал с интересом наблюдал за этим крупным, спокойного вида белокурым мужчиной, внешне лишенным тех черт характера, которые приписывал ему Галт.

— Ну, что вы о нем думаете? — прошептал Галт, когда они отошли от Блэйна и его жены, направляясь к другим гостям.

— Выдающийся человек, — заметил Донал. — Но, думаю, вряд ли кому-либо стоит его бояться. — Он улыбнулся, увидев, как поднялись брови Галта. — Похоже, он слишком поглощен собственным мнением. Я считаю его вполне предсказуемым.

— В противоположность Уильяму? — тихо спросил Галт.

— В противоположность Уильяму, — согласился Донал. — Его нельзя назвать предсказуемым, по крайней мере не в такой степени.

За разговором они приблизились к Уильяму, который расположился в углу холла и беседовал с высокой стройной женщиной, сидевшей спиной к ним. Увидев Галта и Донала, Уильям перевел взгляд на них.

— О, маршал! — улыбнулся он. — Протектор!

Женщина повернулась, и Донал узнал Ани.

Если годы наложили отпечаток на внешность Донала, то еще в большей степени они изменили Ани. Теперь ей было двадцать с небольшим, и она производила впечатление вполне взрослой женщины. В ней начинала проявляться та редкая красота, которая лишь усиливается с возрастом и опытом и никогда не покидает

женщину, даже в старости. Теперь она выглядела более женственной и более уравновешенной по сравнению с тем, какой Донал видел ее в последний раз. Взгляд ее зеленых глаз встретился со взглядом Донала.

— Рад встрече с вами, — Донал наклонил голову.

— Я тоже. — Ее голос, как и все остальное, стал взрослым. Донал перевел взгляд на Уильяма, — Рад видеть вас, принц.

Уильям встал и пожал руки Доналу и Галту.

— Рад, что вы с нами, протектор, — весело сказал он, обращаясь к Доналу. — Как я понимаю, маршал предложил вашу кандидатуру в качестве делегата. Можете на меня рассчитывать.

— Буду рад, — ответил Донал.

— И я тоже, — сказал Уильям, — Мне нравятся люди без предубеждений за столом переговоров, а молодые люди — не хочу вас обидеть, Хендрик, — как правило, лишены предубеждений.

— Я лишь солдат и не претендую ни на что большее, — проворчал Галт.

— И именно это делает опасным ваше участие в переговорах, — пояснил Уильям. — Политики и бизнесмены всегда чувствуют себя увереннее с тем, кто имеет в виду вовсе не то, что говорит. Честные люди всегда были нашим проклятием.

— Жаль, — вмешалась Ани, — что честных людей так мало, чтобы проклясть вас всех. — Она посмотрела на Донала.

Уильям рассмеялся:

— Избранная Культиса не знает пощады в отношении нас, плетущих закулисные интриги, — не так ли, Ани?

— Как только я стану для вас чересчур обременительна, можете отправить меня обратно к экзотам, — парировала она.

— Нет, нет. — Уильям с иронией покачал головой. — Такой человек, как я, может прожить лишь в окружении людей, подобных вам. Я погружен в мир тяжкой реальности — это моя жизнь, и другой у меня не будет, — но чтобы дать отдых своей душе, я порой люблю бросить взгляд через монастырскую ограду туда, где самая большая трагедия — увядшая роза.

— Не стоит недооценивать розы, — заметил Донал. — Люди умирали за разницу в их цвете.

— Продолжайте. — Уильям повернулся к нему, — Война Алой и Белой роз — древняя Англия? Не ожидал услышать подобное от вас, Донал. Этот конфликт, как и любой другой, был связан с вполне материальными разногласиями. Войны никогда не ведутся по абстрактным причинам.

— Наоборот, — покачал головой Донал, — Войны неизменно начинаются по абстрактным причинам. Войны могут быть

развязаны людьми среднего возраста или стариками, но сражаются всегда молодые. А молодым недостаточно чисто практических мотивов для самой большой трагедии — конца Вселенной, — каковой является твоя смерть, когда ты молод.

— Не ожидал подобного отношения от профессионального солдата! — рассмеялся Уильям. — Кстати, мне нужно кое-что с вами обсудить. Как я понимаю, вы подчеркиваете приоритет сухопутных войск по отношению ко всем остальным вооруженным силам, и я слышал, что вы достигли некоторых выдающихся результатов в их обучении. Эта информация, конечно, как раз по моей части, поскольку Сета намерена заключить договор о найме войск. В чем ваш секрет, протектор? Вы допускаете к себе наблюдателей?

— Никаких секретов, — ответил Донал. — И вы, принц, в любое время можете прислать наблюдателей. Главная причина наших успехов — ответственный за боевую подготовку командор Ян Грэйм, мой дядя.

— О… ваш дядя, — вздохнул Уильям. — Вряд ли я смогу купить его у вас, если он ваш родственник.

— Боюсь, что не сможете.

— Ну-ну… Так или иначе, мы еще поговорим. Ради всего святого — мой бокал, похоже, опустел. Кто-нибудь хочет еще?

— Нет, спасибо, — отказалась Ани.

— И я нет, — последовал ее примеру Донал.

— Что ж, а я, пожалуй, выпью еще, — кивнул Галт.

— Что ж, в таком случае идемте, маршал.

Уильям повернулся к Галту, и они вместе направились в сторону бара. Донал и Ани остались вдвоем.

— Итак, — сказал Донал, — вы не изменили своего мнения обо мне.

— Нет.

— Вот тебе и беспристрастность избранной Культиса! — иронически заметил он.

— Знаете, я не сверхчеловек! — вспылила Ани, — Нет, — продолжила она более спокойно, — есть миллионы таких, как вы, и даже хуже — но у вас есть способности. И вы карьерист. Именно этого я не могу вам простить.

— На вашу точку зрения дурно повлиял Уильям, — усмехнулся Донал.

— По крайней мере, он такой, какой есть, и не притворяется!

— Почему открытое признание порока обязательно должно именоваться добродетелью? — удивился Донал. — Кроме того, вы ошибаетесь. Уильям, — он понизил голос, — притворяется обычным дьяволом, чтобы скрыть от вас, кто он есть на самом

деле. Те, кто имеет с ним дело, считают, что он есть воплощение зла, и таким образом им доступны самые глубины его души.

— Вот как? — Голос ее звучал насмешливо. — И каковы же на самом деле эти глубины?

— Нечто большее, нежели собственное возвышение. Вы слишком близки к нему, поэтому не замечаете того, что осознает основная масса людей, которая видит его с некоторого расстояния. Он живет словно монах — не получая личной выгоды от того, что он делает, и от долгих часов работы. И его не волнует, что думают о нем другие.

— Не больше, чем вас.

— Меня? — Захваченный врасплох неожиданной правдой в ее словах, Донал тем не менее смог возразить: — Меня волнует мнение тех, чье мнение меня волнует.

— Например?

— Например, ваше. Хотя я не знаю почему.

Ани уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— О, — выдохнула она, — только не говорите мне этого!

— Я сам не понимаю, почему я вообще пытаюсь вам что-то объяснить, — с горечью ответил он и ушел.

Донал вернулся в свой номер, где тут же погрузился в работу и просидел за столом до поздней ночи. Даже тогда, когда он наконец лег спать, сон не шел — что он отнес на счет похмелья.

Можно было бы и дальше придумывать какие-то оправдания, но он себе этого не позволил.

Протектор

— …Типичный тупик, — произнес Уильям, принц Сеты, — Хотите еще мозельского?

— Нет, спасибо, — отказался Донал.

Совещание шло уже вторую неделю, и он принял приглашение Уильяма пообедать вместе с ним у него в номере после утреннего заседания. Рыба была превосходная, вино замечательное — и Донал сгорал от любопытства, хотя пока разговор не касался чего-либо важного.

— Вы меня разочаровываете. — Уильям поставил графин на маленький столик между ними, — Я сам не слишком хорошо разбираюсь в еде и напитках, но я наслаждаюсь, видя, как другие наслаждаются ими. — Он поднял брови, глядя на Донала. — Ваше первоначальное обучение на Дорсае проходило скорее в спартанских условиях?

— В некотором отношении — да, — ответил Донал, — В спартанских и, возможно, несколько провинциальных. Мне, похоже, начинает передаваться нетерпение Хендрика Галта в связи с отсутствием прогресса в наших переговорах.

— Что ж, так оно и есть, — улыбнулся Уильям, — Солдат любит действие, политик — звук своего собственного голоса. Но, конечно, существует и более правдоподобное объяснение. Несомненно, вы уже поняли, что основные вопросы совещания решаются не за столом переговоров, но, — он показал на столик с едой перед ним, — во время небольших личных встреч наедине, вроде этой.

— Следует предположить, что подобные встречи пока что были не слишком продуктивны, — Донал отхлебнул глоток вина, оставшегося в его бокале.

— Вы почти правы, — весело заметил Уильям. — Никто в действительности не хочет вмешиваться во внутренние дела какой-либо планеты и навязывать ей извне какие-либо условия, типа открытого рынка против воли некоторой части ее населения, — Он покачал головой в ответ на улыбку Донала. — Нет, нет — я говорю правду. Многие из здешних делегатов были бы рады, если бы проблема открытого рынка вообще не возникла на Новой Земле, так что они могли бы следовать своим собственным курсом и никто бы их не беспокоил.

— Я все же оставлю свое мнение при себе, — отозвался Донал, — Но, так или иначе, мы уже здесь, и мы должны прийти к какому-то решению. Либо за, либо против нынешнего правительства и либо за, либо против рынка.

— Должны ли? — спросил Уильям. — Почему бы не принять компромиссное решение?

— Какого рода компромисс?

— Собственно, именно поэтому, — с явной откровенностью произнес Уильям, — я и пригласил вас на обед. Я очень уважаю вас, Донал, в самом деле. Я полностью ошибся, давая вам свою оценку пять лет назад. Я поступил в отношении вас несправедливо.

Донал поднял руку, пытаясь возразить.

— Нет, нет, — покачал головой Уильям. — Я настаиваю на своих извинениях. Поймите, я не отношу себя к числу добрых людей, Донал. Меня интересует лишь возможность купить то, что вынуждены продавать другие, и если они обладают способностями, я их покупаю. Если нет… — Он многозначительно не закончил фразу. — Но у вас способности есть. Они, разумеется, имелись у вас и пять лет назад, но тогда я был слишком занят другим, чтобы это понять. Правда в том, что Хью Киллиен оказался глупцом.

— В этом я могу с вами согласиться, — сказал Донал.

— То, что он пытался ухаживать за Ани прямо у меня под носом, — в этом я ее не виню. Тогда она была еще сущим ребенком, несмотря на возраст. Таков уж этот тепличный народ — экзоты; слишком медленно взрослеют. Но мне следовало предвидеть подобное. Собственно, я благодарен вам за то, что вы сделали, когда вспоминаю об этом.

— Спасибо, — пробормотал Донал.

— Нет, я действительно вам благодарен. Сейчас я беседую с вами не только в знак своей признательности — да вы и вряд ли поверили бы в это. Мне просто хотелось объединить мою собственную выгоду с возможностью отдать вам небольшой долг в знак признательности.

— Что ж, я это ценю, — улыбнулся Донал.

— Не стоит. Так вот, суть в том, — Уильям наклонился над столом, — что лично я, конечно, одобряю открытый рынок. В конце концов, я бизнесмен, и открытая торговля предоставляет явные преимущества для бизнеса. Но еще важнее для бизнеса — наличие мира между планетами, а мир наступает лишь в обстановке стабильности.

— Продолжайте, — кивнул Донал.

— Что ж, есть лишь два пути установления мира — изнутри или извне. По-видимому, мы не в состоянии сделать это самостоятельно изнутри, так почему бы не попытаться установить мир извне?

— И как вы это предлагаете сделать?

— Очень просто, — Уильям откинулся на спинку кресла. — Позволить всем планетам иметь открытые рынки, но при этом создать отдельный надпланетный орган, осуществляющий контроль над рынками. Обеспечить его достаточными силами, чтобы поддержать авторитет, если потребуется — назначить ответственное лицо, причем это должен быть человек, с которым ни одно правительство не решилось бы конфликтовать. — Он спокойно поднял взгляд на Донала и сделал паузу, позволяя молодому человеку осознать его слова, — Как вам нравится такая работа? — спросил он.

— Мне?

Донал уставился на него, не в силах отвести глаз от проницательного взгляда Уильяма. Поколебавшись, он наконец сказал:

— Мне? Что ж, человек, командующий подобными силами, конечно, был бы… — Он запнулся и не договорил.

— Само собой, — мягко произнес Уильям.

Донал, сидевший напротив него, казалось, медленно приходил в себя.

— Почему вы обратились с подобным предложением именно ко мне? — спросил он. — Есть командующие и постарше, и более известные.

— Именно поэтому я обращаюсь к вам, Донал, — без колебаний ответил Уильям. — Их звезды уже закатываются, а ваша восходит. Где будут они через двадцать лет? С другой стороны, вы…

— Я?! — Донал был ошеломлен. — Командующий…

— Скажем так — главнокомандующий, — уточнил Уильям. — Вы — человек, как будто специально созданный для такой работы. Я готов от имени Сеты установить налог на межпланетные сделки, который, учитывая наш объем торговли, в значительной степени ляжет на наши плечи. Этот налог пойдет на содержание ваших войск и вас лично. Все, что нам требуется взамен, — место в комитете из трех человек, который будет последней инстанцией над вами. — Он улыбнулся. — Само собой, давая вам в руки такую власть, мы не можем предоставить вас самому себе.

— Полагаю… — Донал поколебался, — мне придется отказаться от своего поста в системе Проциона…

— Боюсь, что да, — Уильям был искренен, — Вас не должны подозревать в возможных связях с конкурентами.

— Не знаю… — Донал все еще колебался, — Я могу в любой момент лишиться этого нового поста…

— Вам незачем об этом беспокоиться. Сета обеспечит

эффективный контроль за деятельностью комитета, поскольку мы будем платить львиную долю. Кроме того, подобную армию, стоит один раз ее организовать, не так-то просто разрушить. Если она будет лояльна к своему командующему — а ваши войска, как я слышал, обычно очень лояльны, — вы всегда сможете защитить собственный пост, если до этого дойдет.

— И тем не менее… — Донал продолжал сомневаться. — Если я займу подобный пост, у меня неизбежно появятся враги. Если что-то все же пойдет не так, мне некуда будет вернуться, никто не возьмет меня на службу…

— Честно говоря, — резко произнес Уильям, — я начинаю в вас разочаровываться, Донал. Вы что, не в состоянии заглянуть в будущее? — В его голосе появились нотки раздражения. — Не понимаете, что дело неизбежно вдет к созданию единого правительства для всех миров? Это произойдет не завтра и даже не в следующем десятилетии, но любая надпланетная организация в конце концов неизбежно превратится в центральную власть.

— И в этом случае, — заметил Донал, — я все равно оказываюсь не более чем наемником. Чего бы мне хотелось, — его глаза вспыхнули чуть ярче, — так это чем-нибудь владеть. Планетой… почему бы и нет? У меня есть все необходимое, чтобы управлять планетой и защищать ее, — Он повернулся к Уильяму, — У вас же есть свой пост.

Глаза Уильяма сверкнули. Он коротко рассмеялся.

— Вы за словом в карман не лезете.

— Я не тот человек, — слегка самодовольно отозвался Донал. — Вам следовало ожидать, что я догадаюсь о ваших планах. Вы хотите высшей власти. Очень хорошо. Отдайте мне одну из ваших планет.

— А если я действительно дам вам планету? — спросил Уильям. — Какую?

— Любую, приличного размера, — Донал облизнул губы, — Ну, скажем… Новую Землю?

Уильям рассмеялся. Донал встал.

— Так мы никуда не придем. Спасибо за обед. — Он повернулся и направился к выходу.

— Подождите!

Он обернулся. Уильям тоже встал и пошел к Доналу.

— Я снова вас недооценил. Прошу меня извинить. — Он положил руку на плечо Донала, — Собственно говоря, вы предвосхитили мои мысли. Я и в самом деле предполагал, что вы станете чем-то большим, нежели обычный солдат-наемник. Но… все это в будущем. — Он пожал плечами, — Вряд ли я могу

сейчас обещать вам то, чего вы хотите.

— О, — сказал Донал. — Кое-что вы все же могли бы сделать. Вы могли бы дать мне контракт, подтверждающий мою верховную власть на Новой Земле.

Уильям уставился на него, а затем громко расхохотался.

— Донал! Простите меня… но какая вам польза от подобного контракта? — Он широко развел руками. — Когда-нибудь Новая Земля станет моей, и я смогу дать вам такой контракт. Но сейчас?..

— И все же мы могли бы его составить. Он послужит гарантией, что вы говорили серьезно.

Уильям перестал смеяться. Глаза его сузились.

— Поставить свою подпись на подобной бумаге? Вы что, принимаете меня за идиота?

Его сердитый тон поверг Донала в некоторое смущение.

— Ну… по крайней мере, пусть он будет без вашей подписи.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказал Уильям, — что это ничем вам не поможет, если я стану отрицать, что вообще когда-либо обсуждал с вами подобный вопрос.

— Я буду чувствовать себя увереннее, если условия будут обговорены заранее, — смиренно произнес Донал.

Уильям насмешливо пожал плечами.

— Что ж, идем, — Он направился к столу, нажал кнопку и показал на микрофон. — Диктуйте.

Чуть позже, покинув номер Уильяма с неподписанным контрактом в кармане, Донал вышел в коридор отеля столь стремительно, что чуть не налетел на Ани.

— Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Вас не касается! — огрызнулась она, однако выражение ее лица, которое ей не удавалось скрыть, вызвало у него внезапные подозрения. Он быстро схватил ее за правую руку, сжатую в кулак. Девушка пыталась сопротивляться, но Донал с легкостью разжал ее пальцы. В ладони был зажат миниатюрный микрофон.

— Вы как были дурой, так ею и остались, — Он отпустил ее руку вместе с микрофоном, — И много вы услышали?

— Достаточно, чтобы подтвердилось мое мнение о вас! — прошипела она.

— Оставьте это мнение для следующего заседания, если сможете туда попасть, — сказал он и ушел.

Она посмотрела ему вслед, дрожа от ярости, и внезапно ощутила приступ душевной боли, для которого не находилось разумного объяснения.

В течение всего дня и вечера она убеждала себя, что ей незачем появляться лично на следующем заседании. Однако

утром она попросила Галта, чтобы он оформил ей гостевой пропуск в зал совещания.

Маршал вынужден был сообщить ей, что по требованию Уильяма это заседание должно быть закрытым. Однако он обещал проинформировать ее обо всех новостях, и ей пришлось этим удовлетвориться.

Что касается самого Галта, то он опоздал на несколько минут, и совещание началось без него. Уильям уже начал излагать план, который сразу заставил маршала Фрайлянда, как только он сел в свое кресло, обратиться в слух.

— …должно быть решено путем голосования, — говорил Уильям, — Естественно, — он улыбнулся, — отдельные правительства должны будут позже это ратифицировать, но все мы знаем, что это по большому счету формальность. Надпланетный контролирующий орган — лишь над торговлей и контрактами — вкупе со всеобщим установлением открытого рынка удовлетворяет требованиям всех наших членов. И еще один вопрос: нет никаких причин для того, чтобы не призвать нынешнее мятежное правительство Новой Земли отказаться от власти в пользу прежнего, законного правительства. Я полагаю, что, если мы единогласно придем к такому решению, они уступят. — Он снова улыбнулся, обводя взглядом сидящих за столом, — Жду ваших вопросов и возражений, джентльмены.

— Вы сказали, — заговорил Проджект Блэйн своим тихим, отчетливым голосом, — что-то насчет наднациональных вооруженных сил, которые будут поддерживать этот контролирующий орган. Подобные вооруженные силы, естественно, противоречат нашим принципам — каждый мир имеет право на самостоятельность. Вряд ли мы станем поддерживать подобную армию и предоставим ей подобную свободу, если во главе ее будет стоять человек, чуждый нашим интересам. Короче говоря…

— Мы не намерены подчиняться командующему, который в полной мере не уважает наших принципов и прав, — вмешался Аржан с Сент-Мари, яростно глядя на венерианца.

Галт нахмурил густые брови.

Реакция этих двоих казалась даже чересчур уместной. Галт поискал взглядом Донала, чтобы тот подтвердил его подозрения, но слова Уильяма снова привлекли его внимание.

— Я думаю, что могу ответить на все ваши вопросы, — Он улыбнулся. — Как вы знаете, высших офицеров не так много. Против любого из них у присутствующих здесь могут иметься те или иные возражения. Меня же главным образом интересуют качества профессионального солдата. Лучшим примером,

конечно, является наш дорсаец…

Взгляды сидящих вокруг стола немедленно обратились к Галту, который хмуро пытался скрыть изумление.

— …Таким образом, маршал Фрайлянда, учитывая его заслуги, должен был бы стать нашим естественным выбором. Но, — Уильям едва успел заглушить возражения, которые начали раздаваться с нескольких мест вокруг стола, — Сета полагает, что ввиду многолетних связей маршала с Фрайляндом некоторые из вас не приветствовали бы его назначение. Поэтому мы предлагаем совершенно другого человека — тоже дорсайца, но достаточно молодого и недавно появившегося на сцене, чтобы быть свободным от политических пристрастий. Я имею в виду протектора Проциона Донала Грэйма.

Он показал на Донала и сел.

Немедленно раздался гул голосов, но Донал был уже на ногах — высокий, стройный и удивительно молодой по сравнению со всеми остальными. Он стоял, ожидая, когда гул наконец утихнет.

— Я не задержу вас более чем на минуту, — Донал обвел присутствующих взглядом, — Я полностью согласен с компромиссным решением принца Уильяма проблемы этого совещания, поскольку я искренне верю, что над планетами должен стоять некий сторожевой пес, чтобы не допустить в будущем того, что происходит сейчас. — Он сделал паузу и снова посмотрел на сидящих за столом. — Но видите ли, уважая выбор принца Уильяма, я тем не менее не могу его принять, поскольку недавно мне в руки попало нечто, не называющее никаких имен, но то, о чем там говорится, может оказаться для всех вас откровением. Я тоже не назову никаких имен, однако могу предположить, что, вероятно, существует еще с полдюжины подобных документов.

Он сделал паузу, давая им осознать услышанное.

— Таким образом, я отказываюсь от назначения. И более того, я отзываю свои полномочия делегата этого совещания в знак протеста против подобного подхода. Я не могу принять подобный пост или подобную ответственность иначе как с абсолютно чистыми руками и без каких-либо дополнительных условий. До свидания, джентльмены.

Он кивнул всем и в наступившей ошеломленной тишине направился к выходу. Внезапно он остановился и достал из кармана неподписанный и безымянный контракт, полученный накануне от Уильяма.

— Да, кстати, — сказал он, — Вот то самое, о чем я говорил. Возможно, вы захотите на него взглянуть.

Он бросил контракт на стол и быстро вышел. Уже у самой

двери его ушей достиг возбужденный гул голосов.

Он не пошел прямо к себе в номер, а вместо этого направился в номер Галта. Дверной робот впустил его, и он прошел прямо внутрь с уверенностью человека, который знает, что застанет его пустым.

Однако это было не так. Он успел сделать с полдюжины шагов, прежде чем заметил фигуру, сидевшую в одиночестве за шахматной доской.

Это была Ани.

Он остановился и наклонил голову.

— Прошу прощения. Я собирался подождать Хендрика. Сейчас я уйду.

— Нет. — Она поднялась на ноги. Лицо ее было чуть бледным, но она держала себя в руках. — Я тоже его жду. Заседание закончилось?

— Еще нет, — ответил он.

— Тогда давайте подождем вместе. — Она снова села и показала рукой на фигуры. — Играете?

— Да, — кивнул он.

— Тогда присоединяйтесь ко мне. — Ее слова прозвучали почти как приказ. Донал пересек комнату и сел напротив нее. Она начала расставлять фигуры.

Если она предполагала победить его, то ошибалась. Донал быстро выиграл три партии, для чего, как ни странно, ему не потребовалось никаких выдающихся способностей. Он лишь постоянно использовал упущенные ею возможности, которые казались ему очевидными. Исход партий, таким образом, полностью определялся скорее ее невнимательностью, нежели его опытом.

— Достаточно, — вздохнула она.

Он пожал плечами:

— Вам, наверное, следовало бы играть моими фигурами.

Она нахмурилась, но прежде чем успела осмыслить его ответ, послышались шаги и вошел возбужденный Галт.

Донал и Ани встали.

— Что случилось? — воскликнула она.

— А? Что? — Все внимание Галта было приковано к Доналу. Он повернулся к ней. — Он разве не сказал вам, что произошло?

— Нет! — Она бросила взгляд на Донала, но лицо ее оставалось бесстрастным.

Галт быстро рассказал ей обо всем. Ани побледнела, и на лице ее возникло недоумение. Она снова повернулась к Доналу, но прежде чем сумела сформулировать свой вопрос, Донал уже расспрашивал Галта.

— Что было после?

— Это стоило видеть! — В голосе старика звучало свирепое веселье, — Все вцепились друг другу в горло еще до того, как вы скрылись из виду. Клянусь, последние сорок лет закулисных сделок и дружеских отношений оказались забыты за пять минут! Никто никому не доверял, каждый подозревал каждого! Словно бомба разорвалась в их рядах! — Галт усмехнулся, — Я чувствую себя на сорок лет моложе лишь оттого, что это увидел. Кто в действительности пытался сделать вам предложение, молодой человек? Уильям, не так ли?

— Мне бы не хотелось говорить, — покачал головой Донал.

— Ну-ну, ладно. С практической точки зрения это мог быть любой из них. Однако догадайтесь, что было дальше! Догадайтесь, чем все кончилось…

— Они в конце концов проголосовали за то, чтобы назначить меня главнокомандующим?

— Они… — Галт внезапно осекся, и на лице его появилось изумленное выражение. — Откуда вы знаете?

Донал невесело улыбнулся. Однако прежде чем он успел ответить, глубокий вздох заставил обоих повернуть голову. Ани стояла на некотором расстоянии от них, бледная и напряженная.

— Я должна была это предполагать, — хрипло произнесла она, обращаясь к Доналу, — Я должна была знать.

— Знать? Знать — что? — спросил Галт, переводя взгляд с одного на другого. Однако она не отводила глаз от Донала.

— Значит, вот что вы имели в виду, когда советовали мне поберечь свое мнение для сегодняшнего заседания, — продолжала она тем же хриплым, полным ненависти голосом, — Вы думали, что эта… эта двойная игра что-то изменит?

В загадочных глазах Донала на мгновение промелькнула боль.

— Полагаю, мне следовало быть умнее, — спокойно отозвался он, — Просто я считал, что вы, возможно, поймете необходимость…

— Спасибо, — холодно прервала она его. — Достаточно и того, что я по колено в грязи. — Она повернулась к Галту Увидимся в другой раз, Хендрик, — Ани вышла из номера.

Оба молча смотрели ей вслед. Потом Галт медленно повернулся и взглянул на молодого человека.

— Что между вами произошло, мой мальчик?

Донал покачал головой:

— Половина прелестей рая и все ужасы ада.

И это было самым вразумительным из того, что маршалу удалось узнать.

Главнокомандующий

В условиях системы общего рынка, контролируемой Объединенными силами под руководством главнокомандующего Донала Грэйма, цивилизованные миры пребывали в весьма необычном состоянии почти идеального мира в течение двух лет, девяти месяцев и трех дней абсолютного времени. Однако рано утром четвертого дня Донал проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо.

— Что? — спросил он, мгновенно приходя в себя.

— Сэр… — это был голос Ли, — прибыл спецкурьер. Он говорит, что у него для вас срочное донесение.

— Хорошо. — Донал решительно спустил ноги с койки и потянулся к трусам, лежавшим рядом на кресле. Он взял трусы, смахнув при этом что-то на пол.

— Свет, — сказал он Ли. Зажегся свет, и обнаружилось, что он уронил свой электронный браслет. Он поднял его и взглянул на него затуманенным взором, — Девятое марта, — пробормотал он, — Правильно, Ли?

— Правильно, — донесся голос Ли с другого конца комнаты.

Донал хрипло рассмеялся.

— Мартовские иды еще не наступили, — пробормотал он. — Однако они уже близки. Близки.

— Сэр?

— Ничего. Где курьер, Ли?

— В холле.

Донал натянул трусы, а затем, повинуясь мгновенному импульсу, — брюки, рубашку и китель — полную форму. Он последовал за Ли через предрассветный полумрак его жилища в Томбл-сити, на Кассиде, в холл. Курьер хулой невысокий человек средних лет в штатском — ждал его.

— Командор, — курьер искоса взглянул на него, — у меня для вас сообщение. Я сам не знаю, что оно означает…

— Не важно, — прервал его Донал. — Что там?

— Мне было приказано передать, что «серая крыса вышла из черного лабиринта и нажала на белый рычаг».

— Понятно, — кивнул Донал. — Спасибо.

Курьер медлил:

— Будут какие-нибудь распоряжения?

— Спасибо, никаких. Всего хорошего, — сказал Донал.

— Всего хорошего, — ответил курьер и вышел в сопровождении Ли.

Вернувшись, Ли обнаружил Донала уже в компании его дяди

Яна Грэйма, полностью одетого и при оружии. Донал тоже застегивал пояс с оружием. В ярком искусственном свете и на фоне его мрачного высокого дяди отчетливо был заметен отпечаток, который наложили на Донала последние месяцы. Казалось, весь он состоял из острых углов и напряженных мускулов. Глаза его глубоко запали и потемнели от усталости.

Донал производил впечатление человека, находящегося на грани психологического и нервного срыва, или фанатика, перешедшего границы нормальной человеческой выносливости.

— Берите, Ли, — показал он на пояс с оружием. — У нас есть еще два часа до рассвета. После этого я окажусь вне закона на любой планете, кроме Дорсая, и вы оба вместе со мной, — Он даже не поинтересовался, хотят ли они броситься в пламя катастрофы, которая вот-вот должна была разразиться, но их это никоим образом не удивило, — Ян, ты сообщил Лладроу?

— Да, — кивнул Ян, — Он со своими кораблями в глубоком космосе и будет держать их там неделю, если потребуется, в полной изоляции от внешнего мира.

— Хорошо. Идем.

Когда они вышли из здания к платформе, ожидавшей их на посадочной площадке снаружи, и позднее, когда платформа бесшумно скользила в предрассветной темноте к взлетному полю неподалеку, Донал молчал, просчитывая в уме, что можно сделать за семь дней абсолютного времени. На восьмой день Лладроу придется снова выйти на связь, и приказы, которые он после этого получит, не будут иметь ничего общего с секретными распоряжениями Донала в запечатанной кассете, которую он должен был сейчас вскрыть. Семь дней…

Курьерский корабль ждал их, его наземные огни тускло светились, сигнализируя о постоянной готовности. Передний люк большого цилиндра распахнулся при их приближении, и из него вышел старший капитан со шрамами на лице.

— Сэр. — Он отдал честь Доналу и отошел в сторону, пропуская их. Они вошли, и люк за ними закрылся.

— Коби, капитан, — приказал Донал.

— Есть, сэр, — Капитан подошел к настенному микрофону, — Зал управления. Коби. — Затем снова повернулся к ним, — Проводить вас в кают-компанию?

— Пока — туда, — сказал Донал, — И принесите нам кофе.

Они прошли в кают-компанию курьерского корабля, оборудованную, словно на частной яхте. Вскоре появился кофе на маленькой автоматической тележке с камбуза.

— Садитесь с нами, Кор, — предложил Донал. — Ли, это капитан Кору на Эль Ман. Кор, это мой дядя Ян Грэйм.

— Дорсай! — Ян пожал руку капитану.

— Дорсай! — ответил Эль Ман. Они слегка улыбнулись друг другу — два солдата.

— Капитан, сколько времени нам потребуется, чтобы попасть на Коби? — поинтересовался Донал.

— Первый сдвиг возможен сразу же, как только выйдем за пределы атмосферы, — ответил Эль Ман своим хриплым скрипучим голосом, — Мы ведем постоянные расчеты. Потом потребуется как минимум четыре часа, чтобы рассчитать следующий. Затем мы окажемся на расстоянии одного светового года от Коби, и каждый фазовый сдвиг по мере приближения к цели будет требовать все меньше расчетов. Тем не менее нужно рассчитать еще пять сдвигов, в среднем по два часа на каждый. Десять часов плюс первые четыре — это будет четырнадцать, полет в пространстве и посадка на Коби — еще три-четыре часа. Получается как минимум восемнадцать.

— Хорошо, — произнес Донал, — Мне нужны десять ваших человек в штурмовую группу. И хороший офицер.

— Я, — сказал Эль Ман.

— Капитан, я… что ж, ладно. Вы и десять человек. Прямо сейчас. — Он достал из кармана кителя чертеж, — Взгляните сюда; вот работа, которую нам предстоит сделать.

Это был план подземной резиденции на Коби, поселение на которой возникло на базе группы шахт, причем планета так и не была полностью освоена. Собственно говоря, возможность ее освоения до сих пор оставалась под вопросом — даже с использованием современных методов. Вега, звезда типа АО, не отличалась гостеприимством по отношению к своим планетам, хотя Коби была лишь четвертой из семи планет.

План изображал резиденцию средних размеров, состоящую из восемнадцати комнат, окруженную садами и внутренними двориками. Отличие ее от наземных резиденций на обычных планетах заключалось в том, что все это было ненастоящим. Человек, попав внутрь или в один из садиков, мог вообразить, что он находится на поверхности планеты земного типа. Однако на восемьдесят процентов это являлось чистой иллюзией. В действительности его со всех сторон окружал бы камень — десять метров камня над головой, камень под ногами и камень вокруг.

Для штурмовой группы в этом были как определенные недостатки, так и определенные преимущества. Что касается недостатков, то после захвата человека, чьего имени Донал не стал называть, отступление было бы не столь легким, как на поверхности, где вполне достаточно погрузиться в стоящий неподалеку корабль и взлететь. Однако большое преимущество,

почти полностью компенсировавшее указанный недостаток, состояло в том, что в подобного типа резиденции окружающие ее каменные стены были пронизаны туннелями с оборудованием, создававшим иллюзию наземной жизни, что позволяло легко и неожиданно туда проникнуть.

Изложив свой план четверым офицерам, Донал передал чертежи Эль Ману, чтобы тот проинструктировал своих людей, и предложил Ли и Яну немного поспать. Сам он отправился в собственную каюту, разделся и рухнул на койку. В течение нескольких минут его занимали беспокойные мысли о том, что сейчас происходит на разных планетах. К несчастью, никому еще не удалось решить проблему приема программ новостей в глубоком космосе. Именно поэтому все межзвездные сообщения записывались на пленку и пересылались кораблями.

Но очень скоро двадцать лет тренировки сделали свое дело. Донал заснул.

Он проснулся примерно через двенадцать часов, чувствуя себя более отдохнувшим, чем когда-либо за последний год. Поев, спустился в спортивный зал, который, несмотря на его небольшие размеры, на борту космического корабля был настоящей роскошью. Там оказался Ян — этот крупный мрачный человек тренировался каждое утро, если позволяли обстоятельства, столь же добросовестно и почти бессознательно, как большинство людей бреется и чистит зубы. Несколько минут Донал наблюдал, как Ян подтягивается на перекладине, а когда его дядя спрыгнул на мат, Донал схватился с ним врукопашную.

Результат оказался несколько неожиданным для Яна. То, что Ян окажется сильнее, следовало предполагать, поскольку он был крупнее. Однако Донал обладал явным преимуществом в скорости, как по причине возраста, так и благодаря своим природным рефлексам. Однако напряжение и малоподвижный образ жизни в последний год все же сыграли свою роль. Он едва успел выскользнуть из трех захватов дяди, а когда наконец бросил его на пол, то применил обманный маневр, к которому постыдился бы прибегнуть даже в училище, — воспользовался легким преимуществом, связанным со старой раной на покрытой шрамами левой руке Яна.

Вряд ли Ян не понял, почему Донал одержал победу. Однако сейчас для него, похоже, ничто не имело значения. Он промолчал, принял душ и оделся. Затем они с Доналом направились в кают-компанию.

Последовало предупреждение о фазовом сдвиге, а несколько минут спустя — и он сам. Вскоре после этого в кают-компанию вошел Эль Ман.

— Мы в пределах видимости, — сказал он. — Если хотите узнать новости…

— Пожалуйста, — кивнул Донал.

Эль Ман коснулся стены, и она превратилась в экран, на котором появилось трехмерное изображение сидящего за столом кобийца.

— …распространяются, — послышался голос человека за столом, — вслед за обвинениями, выдвинутыми Комиссией по делам общего рынка против главнокомандующего Объединенными силами Грэйма. Продолжает господствовать мнение, что эти обвинения являются попыткой уничтожить единственную гарантию прав личности. Сам главнокомандующий исчез, и местонахождение большинства его кораблей в настоящее время неизвестно. Эти события, похоже, вызвали вспышки насилия на большинстве цивилизованных миров, в некоторых случаях перешедшие в открытые мятежи против законных правительств.

По имеющейся на данный момент информации, бои идут на следующих планетах: Венере, Марсе, Кассиде, Новой Земле, Фрайлянде, Ассоциации, Гармонии и Сент-Мари; правительства Кассиды, Новой Земли и Фрайлянда низложены или скрываются. Нет информации о беспорядках на Старой Земле, Мире Даннина, Маре, Культисе и Сете. На Коби обстановка полностью нормальная. Принц Уильям предложил помощь своих наемных войск в качестве полицейских сил, чтобы положить конец беспорядкам, и в настоящее время они уже находятся в пути ко всем горячим точкам. Уильям заявил, что его войска положат конец любым беспорядкам, независимо от того, какая фракция в результате останется у власти. «Наша задача — не принимать чью-либо сторону, — заявил он, — но навести хоть какой-то порядок в нынешнем хаосе и погасить пламя самоуничтожения».

По последним сообщениям со Старой Земли, некоторые группы повстанцев призывают к тому, чтобы объявить Уильяма всемирным регентом, обладающим высшей властью и полномочиями на любые действия в нынешней чрезвычайной ситуации. Есть и группа, которая выдвигает на аналогичный пост Грэйма. Это все новости на данную минуту, — закончил человек за столом, — ждите наших следующих сообщений через четверть часа.

— Хорошо, — Донал сделал знак Эль Ману, чтобы тот выключил экран, — Сколько до посадки?

— Несколько часов, — ответил Эль Ман, — Мы несколько опережаем график. Это был последний фазовый сдвиг. У вас есть координаты места посадки?

Донал кивнул и встал.

— Я поднимусь в зал управления.

Процесс посадки корабля на поверхность Коби в соответствии с указанными Доналом координатами требовал времени, но сам по себе был достаточно прост — его слегка усложняло лишь желание Донала, чтобы их визит остался незамеченным. Коби нечего было оборонять в том смысле, в каком это могло бы потребоваться освоенной планете, так что они без всяких происшествий опустились на ее лишенную воздуха поверхность, прямо над грузовым шлюзом одного из подземных транспортных туннелей.

— Итак, — обратился Донал пять минут спустя к вооруженным людям, собравшимся в кают-компании. — Это сугубо добровольная миссия, и я даю каждому из вас еще один шанс отказаться без всякого ущерба для себя — если хотите. — Он подождал. Никто не пошевелился. — Понятно, — кивнул Донал. — Я не хочу, чтобы кто-либо шел со мной лишь из-за того, что ему стыдно отказаться или не хочется выглядеть хуже своих товарищей. — Он снова подождал. Никто не отказался. — Ладно. Вот что мы сделаем. Вы пойдете за мной через этот грузовой шлюз в приемную камеру, откуда есть выход в туннель. Однако мы не станем пытаться открыть дверь, а прожжем одну из стен в служебную секцию соседнего помещения. Все видели наш маршрут на плане. Вы должны следовать за мной или за человеком, принявшим на себя командование; и каждый, кто не сможет выдержать темп движения, должен остаться позади. Всем понятно? — Он обвел взглядом их лица. — Пошли.

Он повел их за собой по коридору, через шлюз корабля, а затем через грузовой шлюз в приемную камеру. Это оказалось большое полутемное помещение с оплавленными каменными стенами. Донал отмерил часть одной стены, и люди с плазменными резаками приступили к работе. Три минуты спустя они оказались в служебной секции подземной резиденции Коби.

Они находились среди хитросплетений небольших туннелей, ширины которых хватало лишь для того, чтобы мог пройти один человек. Стены покрывал постоянно светящийся слой; в этом холодном белом свете они проследовали по одному из туннелей и вышли в сад.

Вероятно, сейчас по местному временному циклу была ночь. Темнота окутывала сад и великолепную имитацию звездного неба над головой. Впереди справа находились жилые помещения, в окнах которых горел мягкий свет.

— Двоим охранять выход, — прошептал Донал. — Остальные за мной.

Пригнувшись, они пробежали через сад к основанию широкой лестницы. Наверху виднелась одинокая фигура, ходившая взад и вперед по террасе перед большим окном.

— Капитан, — сказал Донал.

Эль Ман скользнул в кусты под террасой. Мгновение спустя его темная тень внезапно возникла на террасе позади вышагивающей фигуры. Их очертания слились, осели, а затем осталась лишь тень Эль Мана. Он махнул им рукой.

— Троим охранять террасу, — прошептал Донал, когда они оказались наверху лестницы.

Эль Ман отобрал себе несколько человек из штурмовой группы, и они двинулись дальше, в дом.

Едва они появились в главном зале, как тут же оказались под прицелами оружия, направленного на них сразу из трех соседних комнат. Солдаты мгновенно бросились на пол и открыли ответный огонь. Они оказались буквально прижаты к земле.

Они — да, но не трое дорсайцев. Реакция Донала, Яна и Эль Мана была обусловлена их врожденными рефлексами и специальной подготовкой — именно благодаря подобной реакции дорсайцы считались особо ценными профессиональными солдатами. Все трое среагировали инстинктивно и одновременно, за долю секунды до того, как по ним был открыт огонь. Похоже было, что сыграло свою роль даже некое предвидение. Так или иначе, они молниеносно развернулись, бросились к одной из вражеских дверей и, достигнув ее, захлопнули за собой, оказавшись вместе с несколькими противниками — прежде чем те успели вытащить оружие.

И снова сыграло свою роль превосходство дорсайских солдат. В помещении было восемь человек, все явно ветераны. Но даже двое из них не могли противостоять в рукопашной схватке одному дорсайцу, и в дополнение ко всему дорсайцы обладали тем преимуществом, что могли почти инстинктивно узнавать друг друга в темноте и объединять свои усилия без необходимости что-либо обсуждать. В результате происходящее выглядело дракой троих зрячих с восемью слепыми.

Что касается Донала, он ворвался в темную комнату следом за Эль Маном, чуть левее от него, а прямо позади них оказался Ян. Их появление сразу же разбило обороняющихся на две группы и загнало их еще дальше в темноту. Донал обнаружил, что теснит назад четверых. Оставив троих из них находившемуся позади Яну и справедливо полагая, что лучше всего разбираться с каждым по отдельности, он нырнул под колени противника, обхватил его, и они покатились по полу. Сломав противнику позвоночник, Донал перекатился дальше и вскочил на ноги, одновременно

поворачиваясь и инстинктивно отступая в сторону. Мимо него пронеслась темная фигура — однако инстинкт предупредил его, что это Эль Ман, мчавшийся на помощь. Донал развернулся кругом и бросился назад, туда, откуда появился Эль Ман. Ему навстречу кинулся противник с ножом, но Донал ускользнул от ножа и рубанул по шее врага загрубевшим ребром ладони — однако не сумел нанести чистый смертельный удар и лишь сломал тому ключицу. Затем Донал резко развернулся вправо, прижал к стене еще одного и резким ударом пальцев перебил ему гортань. Оттолкнувшись от стены, он вновь оказался в центре комнаты, и слух подсказал ему, что Эль Ман приканчивает еще одного противника, а Ян разбирается с оставшимися двумя. Поспешив ему на помощь, Донал схватил одного из них сзади и парализовал ударом по почкам. Однако Ян все еще был занят оставшимся врагом. Донал подошел ближе и понял почему. Противником Яна оказался дорсаец.

Донал и Ян навалились на него, не давая пошевелиться.

— Шай Дорсай! — выдохнул Донал. — Сдавайтесь!

— Кто вы? — простонал тот.

— Донал и Ян Грэймы, — сказал Ян. — Из Форали.

— Мое почтение, — отозвался дорсаец. — Слышал о вас. Хорд Ван Тарсел из кантона Снелбрич. Ладно, отпустите меня. У меня все равно сломана правая рука.

Донал и Ян отпустили его и помогли Ван Тарселу подняться на ноги. Эль Ман прикончил остальных и подошел к ним.

— Хорд Ван Тарсел — Коруна Эль Ман, — сказал Донал.

— Мое почтение, — кивнул Эль Ман.

— Взаимно, — ответил Ван Тарсел. — Я ваш пленник, джентльмены.

— Какого рода у вас контракт? — поинтересовался Донал.

— Выполнение прямых приказов. А что?

— Почему бы мне не нанять вас как пленника? — спросил Донал.

— После того, чем мне пришлось заниматься, я на все согласен. — В голосе Ван Тарсела звучало отвращение, — Меня уже дважды продавали на открытом рынке из-за опечатки в моем последнем контракте. Кроме того, как я уже говорил, я слышал о вас.

— Тогда считайте себя нанятым. Мы ищем человека, которого вы здесь охраняете. Вы можете сказать, где его найти?

— Идите за мной, — Ван Тарсел повел их назад сквозь темноту. Он открыл дверь, и они вышли в короткий коридор, который закончился другой дверью.

— Заперто, — сказал Ван Тарсел, — Сработала

сигнализация, — Он посмотрел на них. На большее из соображений чести он не мог пойти, даже являясь нанятым пленником.

— Прожечь дверь, — приказал Донал.

Они принялись за дверь, которая с трудом поддавалась белому пламени резака, но в конце концов уступила.

У дальней стены сидел, скорчившись, высокий человек в черном капюшоне, с тяжелым ионным пистолетом в руке, который он с некоторой неуверенностью переводил с одного на другого.

— Не делайте глупостей, — заявил Ян, — Мы все — дорсайцы.

Пистолет в руке человека опустился. Из-под капюшона послышалось сдавленное восклицание.

— Идем. — Донал знаком предложил ему следовать за ними. Человек бросил пистолет и вышел, опустив плечи.

Пока они возвращались, перестрелка в зале еще продолжалась, однако когда достигли центрального зала, выстрелы стихли. Двое их людей из пятерых остававшихся там были в состоянии самостоятельно передвигаться, а еще один мог добраться до корабля с посторонней помощью. Двое были мертвы. Они быстро вернулись на террасу, затем через сад и назад по туннелю, забрав по пути остальных членов группы. Пятнадцать минут спустя все были на борту корабля, который уходил в глубокий космос.

В кают-компании Донал подошел к человеку в капюшоне, безвольно сгорбившемуся в кресле.

— Джентльмены, — обратился ко всем Донал, — взгляните на одного из подручных Уильяма.

Присутствовавшие тут же Ян и Эль Ман пристально посмотрели на Донала — не столько из-за самих его слов, сколько из-за тона, каким они были сказаны. Голос его звучал необычно горько.

— Вот человек, посеявший бурю, плоды которой пожинают теперь все цивилизованные миры, — продолжал Донал. Он протянул руку к черному капюшону. Человек отстранился, но Донал схватил капюшон и, резко сдернув его, невольно ахнул: — Значит, вы все-таки продались.

Перед ними был Арделл Монтор.

Глаза Арделла вызывающе смотрели на Донала.

— Мне нужна была какая-то работа, — сказал он, — Я просто убивал себя. Но я не прошу прощения.

— И это единственная причина? — иронически спросил Донал.

На этот раз Арделл отвернулся.

— Нет… — сказал он. Донал промолчал. — Это все из-за нее, — прошептал Арделл. — Он обещал мне ее.

— Ее! — Тон, которым Донал это произнес, заставил двух остальных дорсайцев инстинктивно шагнуть к нему. Однако Донал не двинулся с места, продолжая держать себя в руках. — Ани?

— Она бы могла меня пожалеть… — прошептал Арделл, глядя в пол, — Вам не понять… что значит жить рядом с ней все эти годы… и я был таким ничтожеством, а она… Я не мог удержаться от того, чтобы не полюбить ее…

— Да, — кивнул Донал. Напряжение медленно отпустило его. — Не могли. — Он отвернулся. — Вы дурак, — произнес он, стоя спиной к Арделлу. — Вы что, недостаточно хорошо знали его, чтобы понять, что он лжет? У него были на нее собственные виды.

— Уильям? Нет! — Арделл внезапно вскочил на ноги. — Только не он… с ней! Этого… просто не может быть!

— И не будет, — устало проговорил Донал. — Но не потому, что его остановят подобные вам, — Он снова повернулся лицом к Арделлу. — Посадите его под замок, капитан. — Жесткая рука Эль Мана сомкнулась на плече Арделла, подталкивая его к выходу из кают-компании. — И еще, капитан…

— Да, сэр? — Эль Ман повернулся к нему.

— Мы должны как можно скорее встретиться со всеми кораблями под командованием Лладроу.

Это оказалось не столь быстрым и легким делом. Даже когда известно точное местонахождение, не так-то просто отыскать крохотную группу кораблей в бескрайних глубинах межзвездного пространства. По вполне понятным причинам — поскольку всегда существует вероятность ошибки и всегда требуется необходимая предосторожность — лучше пролететь мимо цели, чем оказаться от нее слишком близко. К тому же невозможно пребывать во Вселенной в неподвижном состоянии. Корабль совершил фазовый сдвиг из той точки, где, по расчетам, он находился, в точку, где, по расчетам, должен был быть флот, послал сигнал вызова и не

получил ответа. Они снова произвели расчеты, снова послали сигнал — и так до тех пор, пока не получили очень слабый ответ, потом более мощный и наконец смогли выйти на связь. Затем расчеты были совместными усилиями скорректированы — и наконец встреча состоялась.

К этому времени прошло больше трех дней из запланированной недели полного молчания. Донал поднялся на борт флагманского корабля вместе с Яном и принял командование.

— Есть новости? — был его первый вопрос к Лладроу, когда они снова оказались вместе.

— Есть, — ответил командующий флотом. — Один из наших кораблей тайно наносил визиты на Мир Даннина. Так что мы в курсе всех событий. Хотите посмотреть обзор информации — или мне просто вам рассказать?

— Расскажите, — сказал Донал.

Лладроу рассказал. Истерия, последовавшая после выдвижения Комиссией обвинений против Донала и его исчезновения, привела к краху существующих правительств, уже шатавшихся и раздираемых противоречиями, на всех мирах, кроме Культиса, Мары, Дорсая, Старой Земли, Коби и Мира Даннина. Возникший вакуум власти быстро и уверенно заполнили Уильям и вооруженные подразделения Сеты. Временные правительства, действуя якобы от имени народа, но в действительности по прямым указаниям Уильяма, установили свою власть на Новой Земле, Фрайлянде, Ньютоне, Кассиде, Венере, Марсе, Гармонии и Ассоциации и держали их в железных тисках военного положения. Под видом подготовки, перевода, найма и других бумажных маневров Уильям заполучил под сетанский контракт армии всех миров, где произошли беспорядки.

— Совещание штаба, — объявил Донал.

— Джентльмены, — начал Донал, когда все уселись вокруг стола. — Я уверен, что все вы знакомы с ситуацией. Есть предложения?

Последовала пауза. Донал пробежал взглядом по их лицам.

— Связаться с Фрайляндом, с Новой Землей — или с кем-либо еще, где у нас есть поддержка, — сказал Ян. — Высадить небольшой контингент и начать ответную операцию против сетанского командования, — Он посмотрел на своего племянника. — Они знают ваше имя. Может быть, мы даже получим поддержку от некоторых противников.

— Не годится, — отозвался Лладроу с другой стороны стола. — Слишком медленно. Как только мы бросим свои силы на

какую-то планету, Уильям тут же сосредоточит там свои. — Он повернулся к Доналу, — По количеству кораблей мы его превосходим — но его корабли будут иметь поддержку с земли на любой планете, а наши наземные силы будут полностью заняты тем, чтобы удержаться.

— Верно, — сказал Донал, — Что вы в таком случае предлагаете?

— Отойти на одну из планет экзотов, на Коби, Мир Даннина. Или даже на Дорсай, если нас примут. Там мы будем в безопасности, в выгодной позиции, и у нас хватит времени, чтобы подготовиться и нанести ответный удар.

Ян покачал головой:

— С каждым днем, с каждым часом Уильям наращивает свои силы на захваченных им мирах. Чем дольше мы будем ждать, тем меньше наши шансы. И в конце концов он окажется настолько силен, что легко справится с нами.

— Так что вы в таком случае от нас хотите? — воскликнул Лладроу, — Флот, не имеющий собственной базы, ни на что не годен. И сколько из наших людей захотят подставлять вместе с нами свои шеи? Они профессиональные солдаты, а не патриоты, сражающиеся на родной земле!

— Вы воспользуетесь своими войсками сейчас или никогда! — Ян покачал головой, — У нас на этих кораблях сорок тысяч готовых к бою солдат. Я отвечаю за них, и я их знаю. Высадите их на какую-нибудь захолустную планету, и они разбегутся через два месяца.

— И тем не менее…

— Хорошо, хорошо! — Донал постучал костяшками пальцев по столу, призывая всех к вниманию. Лладроу и Ян снова откинулись на спинки кресел и повернулись к Доналу.

— Я дал всем вам высказаться, — произнес он, — чтобы вы почувствовали, что мы рассмотрели каждую возможность. Истина состоит в том, что вы оба правы в своих возражениях, джентльмены, — точно так же, как в планах каждого из вас есть свои достоинства. Однако оба ваших плана — авантюры, затяжные и безнадежные.

Он сделал паузу, оглядев сидящих за столом.

— Я бы хотел вам напомнить, что, когда вы деретесь с кем-то врукопашную, самый последний удар вы наносите именно туда, куда и ожидает противник. Суть успешной схватки — застигнуть противника врасплох и неожиданно ударить в незащищенное место, что, как ему кажется, невозможно.

Донал встал.

— Уильям, — начал он, — в последние несколько лет

придавал особое значение подготовке наземных войск — пехоты. Я занимался тем же самым, но с совершенно иной целью.

Он положил палец на кнопку на столе перед ним и повернулся к большому экрану позади себя.

— Без всякого сомнения, все вы, джентльмены, слышали банальную фразу — невозможно завоевать цивилизованную планету. Это один из древних афоризмов, который меня лично очень раздражает, поскольку любому здравомыслящему человеку должно быть очевидно, что теоретически можно завоевать все, что угодно, — при наличии необходимых средств. Таким образом, завоевание цивилизованного мира становится вполне реальной возможностью. Единственная проблема — обеспечить все необходимое для подобной акции.

Все слушали его — некоторые слегка озадаченно, другие с сомнением, словно ожидая, что все, что он говорит, внезапно обернется некоей шуткой, призванной разрядить обстановку. Лишь Ян, несмотря на отсутствующий вид, был предельно внимателен.

— За последние несколько лет армия, которой мы командуем, обзавелась соответствующими средствами — часть их перешла от предшественников, часть появилась недавно. Ваши люди знакомы с этой техникой, хотя им никогда не говорили, для чего именно им придется ее применять. Ян путем тщательной подготовки создал высокоспециализированное подразделение пехоты — группу, которая в обычных боевых условиях насчитывает пятьдесят человек, но мы сократили ее до тридцати. Эти группы подготовлены для полностью независимых действий и могут выжить самостоятельно в течение достаточно длительного времени.

Он сделал паузу.

— Все это сводится вот к чему, джентльмены, — сказал он. — Мы все вместе должны доказать, что старая поговорка неверна, и завладеть цивилизованной планетой. Мы сделаем это силами людей, отобранных и обученных именно для этой специфической задачи, и кораблей, которыми располагаем в данный момент. — Он улыбнулся. Теперь все слушали его, затаив дыхание.

— Этот мир, — он нажал кнопку, на которой все это время лежал его палец, и на экране позади него появилось трехмерное изображение большой зеленой планеты, — является средоточием власти и силы нашего противника. Это его главная база — Сета!

Вокруг стола тут же поднялся возбужденный гул голосов. Донал не обращал на них внимания. Он открыл ящик на своем конце стола и, достав толстую пачку документов, бросил их на стол перед собой.

— Мы овладеем Сетой, джентльмены, — сказал он. — В течение суток мы заменим всю ее армию, всю ее полицию, все ее гарнизоны и ополчение, ее органы правопорядка — нашими собственными людьми.

Он показал на пачку документов.

— Мы захватим их по частям, независимо и одновременно. Так что когда местное население проснется на следующее утро, люди обнаружат, что охраняют их и поддерживают порядок не их собственные власти, а мы. Все детали здесь, в этой пачке, джентльмены. Приступим?

Они приступили к работе. На Сете находилось множество военных баз, полицейских постов, военных заводов, гарнизонов — детали распадались, словно части хорошо отлаженного механизма, и вновь складывались вместе, заменяясь на соответствующие подразделения армии Донала. Это была идеальным образом спланированная операция.

— Теперь, — приказал Донал, когда они закончили, — идите и проинструктируйте своих подчиненных.

Он смотрел, как они покидают зал совещания — все, за исключением Яна, которого он попросил задержаться, и Ли, которого он вызвал. Когда все остальные ушли, он повернулся к двоим, стоящим перед ним.

— Ли, через шесть часов каждый солдат в нашем флоте будет знать, что мы намереваемся делать. Я хочу, чтобы вы нашли человека — не из числа офицеров, — который считает, что у нас ничего не получится. Ян, — он взглянул на своего дядю, — когда Ли найдет такого человека и доложит об этом тебе, проследи, чтобы этого человека немедленно прислали ко мне. Все ясно?

Оба кивнули и вышли, каждый делать свое дело. Так уж получилось, что некий находящийся в дурном настроении сержант одной из десантных групп встретился и дружески побеседовал со своим главнокомандующим. Затем они вышли вместе, рука об руку, в зал управления флагманского корабля, где Донал потребовал визуальной и голосовой связи со всеми кораблями.

— Всем вам, — сказал Донал, улыбаясь им с их экранов, — к этому времени уже известно о предстоящей операции. Она является результатом нескольких лет планирования и деятельности лучшей разведки из всех, что мы имели. Однако один из вас пришел ко мне с естественными опасениями, что мы, возможно, пытаемся откусить больше, чем в состоянии проглотить. Поэтому, поскольку это операция совершенно нового типа и поскольку я твердо полагаю, что правами отдельного профессионального солдата нельзя пренебрегать, я

предпринимаю беспрецедентный шаг, ставя вопрос о предстоящем штурме Сеты на голосование. Вы будете голосовать на кораблях, а результаты будут направляться вашими капитанами сюда, на флагман. Джентльмены, — Донал слегка подтолкнул человека, которого нашел Ли, ближе к экрану, — я хочу представить вам сержанта Тайсса, который нашел в себе смелость повести себя как свободный человек и задавать вопросы.

Захваченный врасплох и ослепленный ярким светом, сержант облизнул губы и глуповато ухмыльнулся.

— Предоставляю решать вам, — добавил Донал и отключил связь.

Три часа спустя сержант Тайсс вернулся на свой корабль и ошеломил своих товарищей рассказом о том, что с ним произошло. На флагманский корабль начали поступать сообщения о результатах голосования.

— Почти единогласно, — доложил Лладроу, — все за штурм. Лишь три корабля — все не из первого эшелона — высказались против.

— Я хочу, чтобы эти три корабля не участвовали в атаке, — заявил Донал. — И отметьте их названия и капитанов. Напомните мне об этом, когда все закончится. Ладно. — Он поднялся с кресла в кают-компании флагмана. — Отдайте необходимые распоряжения. Мы приступаем.

И они приступили. Сета никогда всерьез не воспринимала возможность вражеского нападения. Единственная обитаемая планета на орбите звезды типа КО Тау Кита, с большей частью неосвоенной территории, она ощущала себя в безопасности среди межзвездного хитросплетения взаимных обязательств, делавших любое другое планетарное правительство в той или иной степени зависимым от ее доброй воли; поэтому на постоянной орбите вокруг нее имелось лишь несколько сторожевых кораблей.

Эти корабли, координаты и траектория которых были тщательно изучены службой разведки Донала, его флот внезапно окружил и уничтожил, до того как они смогли послать предупреждение. На планете это восприняли с крайним изумлением и почти с недоверием.

Однако под покровом ночи десантные части уже высаживались на Сету, обрушиваясь на города, военные базы и полицейские посты.

В большинстве случаев десант сразу же оказывался точно над целью, поскольку кораблям, сбрасывавшим его, никто не мешал. Реакция же тех, кто находился на земле, была более чем ожидаемой в ситуации, когда хорошо обученные и вооруженные войска столкнулись с местной полицией, необстрелянными

солдатами и отдыхающими гарнизонами. То тут, то там возникали короткие и быстрые схватки, лишь когда штурмовым группам противостояли наемники, столь же подготовленные, как и они. Но в этом случае быстро поступало подкрепление и операция заканчивалась.

Сам Донал высадился на планету с четвертым эшелоном; и когда на следующее утро над горизонтом поднялось большое желтое солнце, планета находилась под надежным контролем. Два часа спустя ему доложили, что нашли самого Уильяма — в его собственной резиденции в пригороде Уайттауна, до которого было около полутора тысяч километров.

— Я еду туда. — Донал огляделся по сторонам. Его офицеры были заняты, а Ян находился где-то в войсках. Он повернулся к Ли: — Идем.

Они отправились в путь на четырехместной платформе, опустившись в саду резиденции, Донал жестом поманил Ли за собой и вошел в дом.

Комнаты были пусты, словно все обитатели дома куда-то исчезли. Какое-то время спустя ему стало казаться, что, возможно, доклад был ошибочным и Уильям тоже скрылся. Наконец в небольшой комнатке Донал встретил Ани.

Лицо ее было бледным, но спокойным.

— Где он? — спросил Донал.

Она повернулась и показала на дверь в дальнем конце комнаты:

— Заперто. Он был там, когда ваши начали высаживаться, и с тех пор оттуда не выходил. Никто больше не должен был здесь оставаться. Я… я не смогла уйти.

— Да, — угрюмо произнес Донал, разглядывая запертую дверь. — Должно быть, это было нелегко — для него.

— Вас волнует его судьба?

Он резко поднял голову и взглянул на нее, пытаясь разглядеть хотя бы намек на насмешку в выражении ее лица. Однако она спрашивала совершенно искренне.

— Меня в какой-то степени волнует судьба каждого. — Донал подошел к двери и, повинуясь какому-то внезапному импульсу, прижал большой палец к датчику замка. Дверь распахнулась.

У него внезапно похолодело внутри.

— Останьтесь с ней, — бросил он через плечо Ли. За дверью оказалась еще одна, более тяжелая, но она также открылась от его прикосновения.

Уильям сидел за заваленным бумагами столом в конце длинной комнаты. Увидев Донала, он встал.

— Итак, наконец вы здесь, — спокойно проговорил он. — Ну-

ну.

Подойдя ближе, Донал взглянул ему в глаза. Внезапно у него возникло подозрение — хотя для этого не было никаких оснований, — что Уильям ведет себя не так, как следовало бы.

— Хорошая операция. Очень хорошая, — устало вздохнул Уильям. — Ловкий трюк. Признаюсь, я недооценивал вас с первого дня, как только мы встретились. Я окончательно побежден, не так ли?

Донал подошел к другому краю стола и посмотрел в спокойное измученное лицо Уильяма.

— Сета под моим контролем, — объявил Донал. — Ваши экспедиционные войска на других планетах отрезаны от вас, и их контракты не стоят даже той бумаги, на которой они написаны. В отсутствие ваших приказов для них все кончено.

— Да… да, я так и полагал, — с легким вздохом ответил Уильям. — Вы мой рок, моя судьба. Мне следовало понять это раньше. Для армии, подобной моей, должен был найтись противовес. Я думал, что победить меня можно лишь числом, но я ошибался. — Он посмотрел на Донала столь странным, испытующим взглядом, что глаза Донала сузились.

— Вы не слишком хорошо выглядите, — сказал Донал.

— Да, я не слишком хорошо выгляжу, — Уильям устало потер глаза, — В последнее время мне пришлось много работать — и без всякого толку. Расчеты Монтора были верными; однако чем более совершенным был мой план, тем в большей степени он оказывался уязвимым. Знаете, а ведь я вас ненавижу. — Уильям уронил руку на стол и снова бесстрастно посмотрел на Донала, — Никто никогда не ненавидел кого-либо так, как я ненавижу вас.

— Пойдемте. — Донал обошел вокруг стола. — Я отведу вас туда, где вам смогут помочь…

— Нет. Подождите… — Уильям поднял руку и отступил на шаг. Донал остановился, — Сначала я хотел бы вам кое-что показать. Я понял, что мне конец, в ту минуту, когда получил известие о высадке ваших людей. С тех пор я жду вот уже почти десять часов, — Он внезапно содрогнулся, — Долгое ожидание. Мне нужно было чем-то себя занять, — Он повернулся и быстро подошел к двустворчатым дверям в дальней стене, — Взгляните, — предложил он и нажал кнопку.

Двери раздвинулись.

Донал посмотрел. В небольшом шкафу висело нечто, что можно было едва узнать лишь по тому, что осталось от его лица. Это был — или когда-то был — его брат Мор.

Министр обороны

Сознание начало возвращаться к нему.

Уже некоторое время кто-то то и дело звал его, пытаясь вернуть из темных коридоров, вдоль которых он двигался. Однако он был занят, слишком занят, чтобы ответить, — до последнего мгновения. Теперь же он постепенно начал прислушиваться к голосам — иногда это была Ани, иногда Сэйона, а иногда Ян; порой до него доносились голоса незнакомых ему людей.

Он медленно и неохотно поднимался на поверхность из темных глубин, по которым странствовал. Вокруг простирался громадный океан, в котором ему было тепло и уютно, и океан полностью овладел бы им, если бы не голоса, звавшие его назад, к реальности. Его призывали выполнить свой долг, поскольку столько дел было еще не сделано и столько всего было сделано не так. И еще оставался Уильям.

— Донал? — произнес голос Сэйоны.

— Я здесь.

Он открыл глаза и увидел белую госпитальную палату, а рядом с его койкой стояли Сэйона, Ани и Галт — вместе с невысоким усатым человеком в длинном розовом халате, выдававшем в нем психиатра-экзота.

Донал спустил ноги на пол и встал. Он ощущал слабость от долгой неподвижности, однако отбросил ее в сторону, подобно тому как отбрасывают некую раздражающую, но незначительную мелочь.

— Вам нужно лежать, — заметил врач.

Донал мельком взглянул на него. Врач отвернулся, и Донал успокаивающе улыбнулся.

— Спасибо за заботу, доктор.

— Вас лечил не я, — с легкой горечью в голосе ответил врач, продолжая смотреть в сторону.

Донал перевел взгляд на остальных, и ему стало грустно. Сами по себе они никак не изменились, и госпитальная палата ничем не отличалась от подобных ей. Однако в каком-то смысле они все как будто уменьшились — и люди, и помещение. Они казались маленькими и бесцветными, безвкусными и ограниченными. Разумеется, не по своей вине.

— Донал, — начал Сэйона; в голосе его явно ощущалось нетерпение.

Донал посмотрел на него, и он, так же как и врач, инстинктивно отвел взгляд. Донал посмотрел на Галта, и тот тоже опустил глаза. Лишь Ани, когда он посмотрел на нее,

ответила ему по-детски непосредственным взглядом.

— Не сейчас, Сэйона, — сказал Донал, — Поговорим об этом позже. Где Уильям?

— Этажом ниже… Донал, — внезапно вырвалось у Сэйоны. — Что вы с ним сделали?

— Я заставил его страдать, — просто ответил Донал. — Я был не прав. Отведите меня к нему.

Они медленно — Донал еще чувствовал себя не вполне уверенно — вышли из палаты и спустились на этаж ниже. Там, в палате, безвольно лежал на такой же койке человек — и в этом человеке трудно было узнать Уильяма. Несмотря на всю антисептику госпиталя, в палате чувствовался слабый звериный запах; лицо лежащего на койке утратило человеческие черты от нечеловеческих страданий. Кожа лица обтягивала мускулы и кости, словно тонкая прозрачная ткань, натянутая на глиняную маску; глаза никого не узнавали.

— Уильям… — Донал приблизился к койке. Остекленевшие глаза повернулись на звук его голоса. — Все кончилось.

Что-то похожее на понимание промелькнуло в бессмысленном взгляде. Рот приоткрылся, и из горла донесся хрип. Донал положил ладонь на туго обтянутый кожей лоб.

— Все будет хорошо, — произнес он. — Теперь все будет хорошо.

Медленно, словно спадали некие невидимые оковы, облик лежащего на койке начал изменяться. Постепенно он вновь приобрел человеческие черты. Его взгляд, теперь осмысленный, был прикован к Доналу, словно высокая фигура Донала была единственным освещенным предметом в темной комнате.

— Для вас найдется подходящая работа, — сказал Донал. — Хорошая работа. То, чем вы всегда хотели заниматься. Я вам обещаю.

Уильям глубоко вздохнул. Донал убрал ладонь с его лба. Глаза закрылись, и Уильям заснул.

— Это не ваша вина. — Донал рассеянно глядел на него. — Не ваша вина, а ваша беда. Мне следовало это знать, — Он чуть неуверенно повернулся к остальным, — С ним все будет в порядке. Теперь же я хотел бы попасть в свою штаб-квартиру на Кассиде. Я могу отдохнуть в дороге. Многое еще предстоит сделать.

Перелет с Мары на Кассиду Донал помнил смутно. И наяву, и во сне он все еще наполовину пребывал в океане, в который он, узнав о смерти Мора, в конце концов шагнул, но темные воды которого так и не сомкнулись над ним до конца. Теперь ему предстояло постоянно жить с ним — с этим океаном разума,

вдоль границы которого он ходил все свои молодые годы и которого ни один другой человеческий мозг не в состоянии был познать. Он же все понял — для этого достаточно было потрясения, которое он испытал, узнав о гибели Мора. Он был словно молодое животное, колеблющееся на грани неведомого до тех пор, пока собственные неосознанные желания и жестокое стечение обстоятельств не швырнули его туда вниз головой.

Он должен был сначала осознать свое отличие от других, затем научиться жить с ним и в конце концов — пользоваться им.

После шока, перенесенного при фазовых сдвигах во время штурма Ньютона, и после страшной гибели Мора, подлинным виновником которой он считал себя, Донал оказался в ситуации, когда был вынужден бороться за то, чтобы выжить, и обнаружил при этом, что способен за себя постоять клыками и когтями. Во время этой финальной схватки он наконец понял себя и осознал собственное предназначение. Из окружающих это знала лишь Ани, правда не понимая до конца, чем он был, — благодаря древнему дару женщин подсознательно чувствовать других. Сэйона, Уильям и некоторые другие отчасти это осознавали, но не в состоянии были понять. Остальному человечеству это было вообще недоступно.

Донал

Он был не таким, как все.

Кое-кто уже начинал говорить об этом открыто, что могло вызвать определенные проблемы. Следовало бы что-то предпринять, думал Донал, и либо отвести от себя какие-либо подозрения, либо, по крайней мере, сделать их безвредными.

Он стоял, как частенько в последнее время, в одиночестве на балконе своей резиденции в пригороде Томбл-сити, заложив руки за спину, словно солдат на параде, глядя на Млечный Путь и неизведанные звезды над головой. За его спиной послышались шаги Ани.

— Здесь Сэйона, — предупредила она.

Он не обернулся. Она продолжила:

— Вы хотите, чтобы я поговорила с ним сама?

— Чуть позже, — ответил Донал, не двигаясь с места.

Он услышал, как ее шаги удаляются, затихая в пространстве холла позади него. Он снова уставился на звезды; мгновение спустя послышался приглушенный разговор между Сэйоной и Ани. На этом расстоянии невозможно было различить слова, но Доналу это и не требовалось, чтобы понять, о чем идет речь.

Прошло восемь месяцев с тех пор, как перед его глазами открылась во всей своей полноте Вселенная, доступная пшпь ему одному. Восемь месяцев, подумал Донал. За этот недолгий срок на цивилизованные миры вернулся порядок. Был сформирован межпланетный парламент, избравший совет из тридцати двух полномочных представителей, по двое от каждого мира. Сегодня здесь, на Кассиде, парламент утвердил кандидатуру на постоянную должность министра обороны…

Усилием разума Донал переключился на доносившийся до него голос Сэйоны.

— …А незадолго до голосования он стал обходить зал. Что-то говорил здесь, что-то там — ничего особенного. Но когда он закончил, все они были у него в руках.

— Да, — ответила Ани. — Я прекрасно представляю, как это было.

— И вы это понимаете? — спросил Сэйона.

— Нет, — тихо произнесла она. — Но я это видела. Он вспыхивает, словно атомный взрыв среди небольших костров. Их слабое пламя тускнеет, стоит им слишком к нему приблизиться. И тогда он прикрывает свой огонь, чтобы их не ослепить.

— Значит, вам не жаль…

— Жаль! — Она весело рассмеялась, явно не воспринимая его

вопрос всерьез.

— Я знаю, — рассудительно заметил Сэйона, — какое воздействие он оказывает на мужчин. И я догадываюсь, каково его воздействие на других женщин. Вы уверены, что ни о чем не сожалеете?

— Как я могу?.. Что вы имеете в виду?

— Вот почему я пришел сюда сегодня, — проговорил Сэйона. — Я должен кое-что вам сказать… могу я сперва задать вам вопрос?

— Какой вопрос? — резко спросила она.

— Сначала послушайте меня, — начал он. — Потом можете отвечать или не отвечать, как захотите. Это никак не может вас задеть, по крайней мере сейчас. Мне лишь следовало сказать вам об этом раньше. Боюсь, что я откладывал этот разговор до тех пор, пока… пока откладывать дальше стало невозможно. Что вы знаете о собственной наследственности, Ани?

— Что ж, практически все.

— Не все, — Вы знаете, что в вашем роду шел генетический отбор в отношении определенных факторов…

— Да. Духовных и телесных, — ответила она.

— Не только, — продолжил Сэйона, — Это трудно объяснить в нескольких словах. Но вам известно, что стоит за наукой Монтора, не так ли? Она рассматривала человеческую расу как единое целое, как один социальный организм, самовосстанавливающийся в том смысле, что, когда его отдельные компоненты отмирают, они заменяются вновь рождающимися компонентами. Подобным организмом можно манипулировать с помощью различных статистических факторов примерно так же, как человеческим существом можно манипулировать с помощью физических и эмоциональных факторов. Увеличьте температуру в помещении, где находится человек, и он снимет пиджак. В этом заключался ключ к власти Уильяма.

— Но… Ведь я — личность…

— Нет, нет. Подождите. Такова была наука Монтора. Наша наука, наука экзотов, основывалась примерно на том же, но с иной точки зрения. Мы считали, что человеческой расой можно манипулировать через ее отдельных представителей как некоей общностью, находящейся в состоянии постоянного роста и развития вследствие рождения среди общей массы более развитых индивидуумов. Мы считали главным ключом к этому генетический отбор — как естественный или случайный, так и управляемый.

— Но ведь это так и есть! — отозвалась Ани.

— Нет. Мы ошибались. Манипулировать таким образом в действительности почти невозможно; возможны лишь анализ и поиски объяснения. Этого хватает для историка, для философа-созерцателя. А поскольку мы, экзоты, в большинстве своем именно таковыми и являемся, это казалось нам не только приемлемым, но и вполне достаточным.

Воздействовать подобным образом возможно лишь в крайне небольшой степени. Человечеством невозможно управлять изнутри; генетический отбор, который мы производили, мог улучшать лишь те характеристики, которые мы уже знали и понимали. Мы отвергали те гены, которые не в состоянии были понять, и, конечно, мы не могли работать с теми, о существовании — или возможности существования — которых мы даже не знали.

Сами того не сознавая, мы лишились и источника, и цели; в нашем распоряжении остался лишь промежуточный этап. Мы не в состоянии были добиться качеств, которые еще просто не существовали и соответственно не могли быть нами поняты. Однако именно это и являлось настоящей целью — создание истинно новых качеств. А источником их стали бы истинно новые гены и их комбинации.

Проблема была сформулирована уже очень давно, однако мы обманывали себя, считая, что это не имеет значения. Более просто это можно выразить так: могут ли гориллы, поставившие себе задачу вывести супергориллу, создать человека? Отказаться от линии на развитие более мощных мускулов, более крепких и длинных зубов?

Манипуляция человечеством изнутри самого человечества — замкнутый процесс. Единственное, что мы можем сделать и что очень важно, — делать устойчивыми, сохранять и распространять ценные генетические способности, приходящие к нам из-за пределов наших собственных владений.

Уильям — а вы должны знать это лучше других, Ани, — принадлежит к той маленькой избранной группе людей, которых можно назвать завоевателями. Для столь редких и странных людей есть свое название, но само по себе оно ничего не значит. Это лишь ярлык, приклеенный к чему-то, чего мы не в состоянии до конца понять. Таким людям никто не в состоянии противостоять — они могут совершить множество добрых дел. Но как правило, они причиняют и вред — поскольку неуправляемы. Я хочу, чтобы вы поняли, хотя, может быть, это и не просто. Мы, экзоты, заметили Уильяма, еще когда ему было лишь двадцать с небольшим, и уже тогда приняли решение провести генетический отбор, результатом которого явились вы.

— Я?!

— Вы. Разве вам никогда не приходило в голову, почему вы всегда инстинктивно возражали Уильяму, что бы он ни делал? А зачем ему нужен был ваш контракт? Или почему мы, на Культисе, позволяли продолжаться столь явно неудачно складывающимся отношениям?

Ани медленно покачала головой:

— Да, наверное. Не помню…

— Вы предназначались для того, чтобы стать дополнением к Уильяму — в психологическом смысле этого слова, — вздохнул Сэйона. — Ваш возможный брак — к чему мы стремились — должен был, как мы надеялись, объединить обе натуры. Вам следовало сыграть роль ограничителя, в котором нуждалась личность Уильяма. Результат мог оказаться благотворным… так мы, по крайней мере, надеялись.

Она содрогнулась.

— Я никогда бы не вышла за него замуж.

— Нет, — со вздохом сказал Сэйона, — вышли бы. Вы были созданы — простите мне это грубое слово — для того, чтобы, став взрослой, выбрать из всех людей галактики того, кто стоит выше всех остальных. — На мгновение серьезное выражение исчезло с лица Сэйоны, и в глазах его мелькнул озорной огонек. — Это, моя дорогая, вовсе не трудно было обеспечить; это почти невозможно было предотвратить! Вы наверняка понимаете, что самый старый и самый мощный из женских инстинктов — искать и сохранять силу самого сильного из мужчин, какого она только сможет найти. Окончательно же сохранить его силу она может, зачав его детей.

— Но… ведь был еще и Донал! — отозвалась она.

— Несомненно, — усмехнулся Сэйона. — Однако, если самый сильный мужчина в галактике даже и злоупотребляет своей силой, направляет ее не на те цели — все равно, во имя великой ценности этой силы, вы должны были выбрать его. Сила, способности — это лишь орудия; вот что важно. Как именно они используются — другой вопрос.

Но когда на сцене появился Донал… Что ж, он разрушил все наши теории, все наши планы. Продукт естественного стечения обстоятельств, лежащих вне нашей власти, случайная комбинация генов, обладатель которой превзошел даже Уильяма. Соединение поколений великих мыслителей со столь же великими поколениями созидателей.

Я не смог этого понять, даже когда мы подвергали его испытанию. Или… возможно, наши тесты не в состоянии были обнаружить в нем действительно существенные для нас черты.

Мы… что ж, мы не знаем. Именно это меня и беспокоит. Если нам не удалось обнаружить подлинную мутацию — человека, обладающего великим новым талантом, способным принести пользу всему человечеству, — значит, это очень крупная наша неудача.

— Но какое это имеет отношение к вам? — спросила Ани.

— Мы полагали, что обладаем всеми знаниями в этой области. Если кибернетик не в состоянии определить, что у его друга сломана кость, его не в чем винить; если ту же ошибку совершает врач, он заслуживает сурового наказания.

Нашей обязанностью было распознать новый талант, изолировать его и попытаться понять. Возможно, Донал обладает чем-то, чего не понимает сам. И в этом и состоит вопрос, который я должен вам задать. Вы ближе к нему, чем кто-либо другой; как вы думаете, Донал обладает чем-то, что явно отличает его от других? Я не имею в виду лишь его гениальность; чем-то подобным могут обладать и другие; я имею в виду некую способность, которая отсутствует у нормального человека.

В комнате повисло молчание. Наконец Ани сказала:

— Вы хотите, чтобы я строила догадки? Почему вы сами его не спросите?

— Я глупец; я не верю в то, что подсказывает мне все мое знание. Я был полностью уверен, что избранная Культиса знает ответ. Я боюсь спрашивать его самого, но, наверное, вы правы, дорогая, я… спрошу его.

— Донал! — крикнула Ани.

Он услышал ее голос, стоя на балконе, но не отвел взгляда от звезд.

— Да, — ответил он.

За его спиной послышались шаги, а затем голос Сэйоны:

— Донал…

— Прошу меня простить. — Донал не обернулся, — Я не хотел заставлять вас ждать. Однако мне нужно было кое о чем подумать.

— Ничего страшного, — ответил Сэйона. — Я ни в коем случае не хотел вас отвлекать — я знаю, насколько вы были заняты в последнее время. Но есть один вопрос, который я хотел бы вам задать.

— Сверхчеловек ли я?

— Да, в сущности, именно так, — усмехнулся Сэйона. — Кто-нибудь уже спрашивал вас об этом?

— Нет, — улыбнулся в ответ Донал. — Но я догадываюсь, что кому-то очень хочется спросить.

— Что ж, вы не должны иметь к нему претензий, — с

серьезным видом произнес Сэйона. — Видите ли, в некотором смысле вы действительно сверхчеловек.

— В некотором смысле?

— О! — Сэйона махнул рукой. — В том, что касается ваших способностей в сравнении с обычными людьми. Но я хотел спросить не об этом…

— Мне кажется, вы произнесли слово, значения которого сами не понимаете. Что вы понимаете под «сверхчеловеком»? Можно ли ответить на ваш вопрос, если для данного понятия нет соответствующего значения, нет определения? Да и кто бы хотел быть сверхчеловеком? — спросил Донал с легкой иронией и грустью, продолжая глядеть в бездну космоса, — Кто бы захотел воспитывать сразу шестьдесят миллиардов детей? Кто бы смог справиться с таким количеством? Как бы он смог сделать среди них необходимый выбор, если он любит их всех одинаково? Представьте себе, какую ответственность он взял бы на себя, отказывая им в конфетах, которые для них вредны, и видя, что потом им приходится идти к зубному врачу! А если сверхчеловек — единственный в своем роде, то представьте себе, что значит иметь на воспитании шестьдесят миллиардов детей и ни одного друга, с которым можно отдохнуть, которому можно поплакаться, излить душу, так что завтрашние заботы будут не столь тяжкими.

И если ваш «сверхчеловек» действительно настолько «сверх», то кто может заставить его тратить свою энергию на то, чтобы утирать шестьдесят миллиардов носов и убирать всю грязь, которую оставляют за собой шестьдесят миллиардов дерзких сорванцов? Наверняка сверхчеловек мог бы найти более подходящее применение своим великим талантам?

— Да, да, — кивнул Сэйона. — Но конечно, у меня и в мыслях не было ничего подобного. — Он с некоторым раздражением посмотрел на спину Донала. — Мы обладаем достаточными познаниями в генетике, чтобы понимать, что не может внезапно возникнуть абсолютно новая разновидность человеческого существа. Любое изменение может происходить лишь в форме одного нового, экспериментального таланта за один раз.

— Но если этот талант невозможно обнаружить?

— Невозможно обнаружить?

— Предположим, — произнес Донал, — я обладаю способностью видеть некий необычный новый цвет? Как я смогу описать его вам — тому, кто не может его видеть?

— О, это мы легко могли бы установить, — ответил Сэйона. — Мы могли бы пробовать все возможные виды излучения, пока не обнаружили бы то из них, которое вы могли

бы распознать как тот новый цвет, который видите.

— Но вы сами все равно не смогли бы его увидеть.

— Что ж. — Но вряд ли это было бы столь важно, если бы мы знали, что он собой представляет.

— Вы уверены? — не оборачиваясь, продолжал настаивать Донал, — Предположим, есть некто, кто мыслит совершенно иначе, некто, еще в детстве вынужденный заставить себя мыслить в рамках логики — поскольку это был единственный способ мышления тех, кто его окружал. Однако по мере взросления он обнаруживает, что в окружающем его мире есть некие отношения, которые не существуют для других. Он знает, например, что если срубить вон то дерево в саду, что под нами, через несколько лет в нескольких световых годах отсюда произойдут перемены в жизни другого человека. Но он не в состоянии объяснить это знание в терминах логики. В таком случае какая вам польза от того, что вы будете знать, в чем заключается его талант?

— Никакой, естественно, — добродушно проговорил Сэйона, — но, с другой стороны, это не принесло бы никакой пользы и ему, поскольку он живет в логичном обществе и является его частью. Собственно, скорее всего, он вообще никогда бы не обнаружил у себя подобного таланта, и данная мутация, будучи бесполезной, вскоре бы угасла.

— Я с вами не согласен, — покачал головой Донал. — Поскольку я сам — сверхчеловек с точки зрения интуиции. Я сознательно использую интуицию, как вы используете логику, чтобы прийти к определенному выводу. Я могу строить интуитивные цепочки, выясняя, какая из них верна, и могу построить интуитивную цепочку, ведущую к интуитивному заключению. Это единственный мой талант — но он во много раз увеличивает значение и могущество всех прочих моих способностей.

Сэйона громко рассмеялся:

— И поскольку, в соответствии с моим собственным доводом, подобная способность приносит вам столь мало пользы, что вы даже не в состоянии ее обнаружить, отсюда следует, что вы не в состоянии ответить утвердительно на мой вопрос, являетесь ли вы сверхчеловеком! Очень хорошо, Донал. Сократовский метод так давно не применялся против меня в споре, что, когда пришлось столкнуться с ним лицом к лицу, я этого даже не понял.

— Или, возможно, вы инстинктивно предпочитали не замечать моего таланта, — заметил Донал.

— Ладно, ладно. Хватит, — сказал Сэйона, продолжая смеяться. — Вы выиграли, Донал. Так или иначе, спасибо, что

успокоили меня. Если бы мы упустили из виду реальную возможность, отвечать за это пришлось бы лично мне. — Он улыбнулся, — Не могли бы вы мне рассказать, в чем истинный секрет вашего успеха, если это не невероятный талант?

— Интуиция, — пожал плечами Донал.

— Да, конечно, — кивнул Сэйона, — Да, конечно. Но одна лишь интуиция… — Он усмехнулся. — Что ж, спасибо, Донал. Вы даже сами не знаете, какое облегчение вы мне принесли. Не стану вас больше задерживать. — Он поколебался, но Донал не оборачивался, — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Донал. Он услышал, как удаляются шаги старика.

— Спокойной ночи, — донесся голос Сэйоны из холла позади.

— Спокойной ночи, — ответила Ани.

Шаги Сэйоны стихли. Донал продолжал стоять, не оборачиваясь, ощущая присутствие Ани за спиной.

— Одна лишь интуиция… — пробормотал он про себя, — Одна лишь…

Он снова поднял взгляд к неведомым звездам, как человек поднимает взгляд от тепла долины к прохладе холмов в ранние часы долгого рабочего дня, когда еще очень далеко до вечернего отдыха. Подобного выражения на его лице не видел еще никто — даже Ани. Он медленно опустил взгляд и медленно повернулся; и по мере того, как он поворачивался, странное выражение на его лице исчезало. Как говорила Ани, он тщательно прикрыл свой яркий свет, чтобы никого не ослепить, и, наконец повернувшись кругом, он вновь вступил — на какое-то время — в обитель Человечества.

Солдат, не спрашивай

(© Перевод С. Соколина)

Глава 1

«Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»[4] — так начинается «Илиада» Гомера, повествующая о гневе и ярости великого героя Ахилла. История более чем тридцативековой давности. А эта история — о моей ярости. Я, землянин, восстал против людей Квакерских миров — фанатичных черномундирных солдат Гармонии и Ассоциации. И ярость моя велика, ибо я, как и Ахилл, — человек Земли.

Вас это не удивляет?

Особенно в наши дни, когда сыновья более молодых миров выше, сильнее, искуснее и умнее, чем мы, люди Старого Мира? Как мало же вы тогда знаете Землю и ее сыновей.

Оставьте ваши молодые миры и вернитесь сюда, на планету-мать. Прикоснитесь к ней в благоговении. Она не изменилась. Ее солнце все так же светит над водами Красного моря, расступившегося пред детьми Господа. Ветры все так же дуют в Фермопильском ущелье, где Леонид с тремя сотнями спартанцев сдержал орды Ксеркса, царя персов, тем самым изменив ход истории.

Здесь люди боролись и умирали, рождались и строили уже тогда, когда о ваших Молодых мирах человек еще не смел и мечтать. И вы думаете, эти пять сотен лет — поколение за поколением меж одними и теми же небом и землей — не оставили никакой особой отметки в наших телах, крови и душах?

Люди Дорсая могут быть непревзойденными воинами. Экзоты Мары и Культиса — волшебниками, который в состоянии вывернуть человека наизнанку, найти ответы на любые вопросы. Возможно, ученые с Ньютона и Венеры ушли настолько далеко вперед, что порой вряд ли даже понимают нас, обычных людей.

Но мы — низкорослые, простоватые люди Старой Земли — все же обладаем чем-то большим, чем все они. Потому что мы храним в себе основы человеческого рода, как кристалл хранит в себе искру подземного огня, а они — лишь яркие, сверкающие, прекрасно обработанные грани этого кристалла.

И не более того.

Но если вы один из тех, кто, подобно моему дяде Матиасу Олину, считает, что мы полностью утратили наш авторитет, советую отправиться в экзотский анклав Сент-Луис, где сорок два года назад землянин Марк Торре — настоящий провидец — начал строительство того, что через сто лет станет Конечной Энциклопедией. Через шестьдесят лет, оторвавшись от Земли, она окажется на ее орбите. А еще через сто лет, по теории Марка

Торре, с ее помощью откроется нам скрытая часть души землянина, навсегда утраченная жителями Молодых миров в процессе искусственного генетического отбора и недоступная их пониманию.

Итак, присоединяйтесь к одной из многочисленных экскурсий и пройдите по коридорам и лабораториям Проекта Энциклопедии. А вот и величественный Индекс-зал — самое сердце проекта. Огромные закругленные стены этого зала уже начали впитывать знания, накопленные человечеством за тысячелетия. Через сто лет все внутреннее пространство этой огромной сферы будет насыщено информацией.

Но сейчас это не имеет значения. Просто посетите Индекс-зал — вот все, что я прошу вас сделать. Встаньте в его центре и выполните просьбу гида.

— Слушайте.

Слушайте. Молчите и будьте внимательны. Слушайте — вы не услышите ничего. И наконец гид, нарушив эту почти нестерпимую тишину, объяснит вам, почему он просил вас слушать.

Может быть, именно вы окажетесь тем единственным из миллионов и миллионов, кто здесь что-либо услышит. До сих пор это не удавалось никому.

Думаете, это по-прежнему ничего не доказывает? Так вы ошибаетесь, мой друг. Потому что я услышал — то, что я смог там услышать, — и это изменило всю мою жизнь. Услышанное наделило меня могуществом, которое я позже обратил в план уничтожения людей Квакерских миров.

Так что не смейтесь, когда я сравниваю свою ярость с яростью Ахилла. К тому же нас роднит и еще кое-что. Мое имя Там Олин, и предки мои ирландцы. Но вырос я и стал тем, кто я есть, — на Пелопоннесе, в Греции, как и Ахилл.

В густой тени руин Парфенона, белеющих над Афинами, было не больше солнца, чем светлого в наших душах, — и лишь по вине моего дяди, которому следовало бы дать нам свободу расти под солнцем.

Наши души… моя… и моей младшей сестры Эйлин.

Глава 2

Это была идея моей сестры Эйлин — посетить Конечную Энциклопедию, воспользовавшись моим новым удостоверением сотрудника Бюро информации. Но в тот момент, когда она предложила эту поездку, странное незнакомое чувство овладело мной, словно я вдруг услышал густой и низкий звон колокола.

Это был не просто страх, а более сложное чувство. Пожалуй, оно даже не было неприятным и по сути своей напоминало ощущение, которое испытываешь перед серьезным испытанием.

Оно длилось всего секунду — но этого оказалось достаточно. Из-за того, что теоретически Энциклопедия являла собой надежду для рожденных на Земле, а мой дядя Матиас всегда олицетворял безнадежность, я решил, что это ощущение связано с ним. Я увидел в этом возможность бросить вызов человеку, с которым я прожил все эти годы. Наверное, поэтому я и решил поехать.

К тому же маленькое путешествие вполне соответствовало моменту и представлялось неожиданным праздником. Я только что подписал стажерский контракт с Межзвездной службой новостей. И это всего-навсего через две недели после окончания Женевского университета журналистики! Правда, этот университет считался лучшим среди аналогичных учебных заведений всех шестнадцати миров, заселенных людьми, включая и саму Землю, а моя успеваемость оказалась наивысшей за всю его историю.

И поэтому я не стал расспрашивать свою семнадцатилетнюю сестру, почему она вдруг захотела съездить со мной в Конечную Энциклопедию и именно в тот день и час, который сама назначила. Теперь, оглядываясь назад, думаю, что тогда мне казалось, она просто хочет удрать из мрачного жилища нашего дяди хотя бы на день. И это само по себе было вполне достаточной причиной.

Именно Матиас, родной брат моего отца, взял к себе нас, двух сирот, после того как наши родители погибли в авиакатастрофе. И именно он постепенно сломал нас за несколько следующих лет. Нет, он не пытался воздействовать на нас рукоприкладством. Нельзя его было обвинить и в какой-то намеренной жестокости. Ему не это было нужно.

Он просто предоставил в наше распоряжение богатый дом, самую лучшую пищу, одежду и уход, требуя лишь того, чтобы все это мы разделили с ним. С человеком, чье сердце было подобно его мрачному огромному дому, напоминавшему пещеру глубоко под землей, а душа столь же холодна, как камень посреди этой

пещеры. Его настольной библией были труды святого, а может быть, и дьявола двадцать первого века Уолтера Бланта с его лозунгом «Разрушай!». Возглавляемая им Заупокойная гильдия позже способствовала появлению на Маре и Культисе культуры экзотов. Не имело значения, что экзоты всегда понимали учение Бланта немного иначе, видя свою задачу в том, чтобы выполоть все сорняки настоящего, освободив тем самым место для цветов будущего. Наш дядя Матиас, кроме прополки, не видел ничего. И день за днем в своем мрачном доме он вдалбливал нам свой взгляд на эти вещи.

Но достаточно о Матиасе. Ни я, ни Эйлин не могли переубедить его, хотя, конечно, неоднократно пробовали. Поэтому мы пытались, каждый на свой манер, по возможности избегать холодной пустоты его души.

Из Афин аэробус доставил нас в Сент-Луис, далее подземкой мы добрались до анклава. И когда я ступил на бетонный круг перед Энциклопедией, меня снова всколыхнуло это странное, как удар колокола, чувство. Я замер, словно человек, неожиданно впавший в транс.

— Прошу прощения, — произнес позади меня чей-то голос. — Может, вы тоже присоединитесь к этой группе? Я буду вашим гидом.

Я резко обернулся, и глаза мои встретились с карими глазами девушки в голубом одеянии экзотов. Что-то в ней мне показалось необычным.

— Вы не экзотка! — неожиданно выпалил я. И это было так. Рожденные на Маре и Культисе заметно отличаются от остальных людей. Кажется, что их глаза пронизывают вас насквозь, а лица какие-то застывшие.

— Меня зовут, — ответила она, — Лиза Кент. И вы правы. Я не экзотка.

Похоже, ее не обескуражила моя догадка. Я с интересом рассматривал ее. Она была ниже моей сестры, которая считалась высокой — как и я — для человека Земли, рыжеволосой, симпатичной и веселой. Лиза Кент хорошо смотрелась в одеянии экзотов и все же слегка чем-то раздражала меня. Пожалуй, она мне показалась излишне самоуверенной.

Я продолжал наблюдать за ней, пока она собирала остальных членов нашей группы, чтобы начать экскурсию по Энциклопедии. И как только экскурсия началась, я пошел рядом с Лизой и в перерывах между пояснениями попытался удовлетворить свое любопытство.

Она ничуть не смутилась тем, что разговор зашел о ней. Родилась она на Среднем Западе Северной Америки, совсем

рядом с Сент-Луисом. Окончила начальную и среднюю школы при анклаве и стала последовательницей философского учения экзотов. Мне подумалось, что она слишком хороша, чтобы посвятить этому свою жизнь, что я незамедлительно ей и сообщил.

— Почему? — улыбнулась она. — Ведь таким образом мои способности используются в полную силу — и для благородных целей.

Мне показалось, что Лиза Кент подшучивает надо мной. Мне это не понравилось.

— И что же это за благородные цели? — как можно грубее спросил я, — Что-нибудь вроде созерцания собственного пупа?

Ее улыбка мгновенно исчезла, и она как-то странно посмотрела на меня. Я навсегда запомнил этот взгляд.

Девушка протянула руку, словно хотела коснуться меня, но неожиданно остановилась, будто вспомнила, где мы находимся.

— Мы всегда здесь, — странным голосом произнесла она, — Запомни это. Мы всегда здесь.

Она отвернулась от меня и продолжила экскурсию по Энциклопедии. По ее словам, скоро этот комплекс должен быть выведен на орбиту в ста пятидесяти километрах над поверхностью Земли.

Конечная Энциклопедия будет чем-то вроде огромного хранилища мгновенно доступной, взаимосвязанной информации о человечестве и его истории. Этот своеобразный товар можно было бы предлагать Молодым мирам — Ньютону, Венере, Культису и Маре — в обмен на открытия в области фундаментальных наук и психологии, что в конце концов позволило бы окупить строительство Энциклопедии.

Но была и еще одна причина, заставившая Землю взяться за ее строительство, — использовать Энциклопедию в качестве инструмента исследования теоретических построений Марка Торре.

Согласно его теории, в человеческом сознании имеется темная область, что-то вроде слепой зоны. Именно эту недоступную область и поможет исследовать Конечная Энциклопедия путем логических построений на основе собранных знаний. И в этой области, по утверждению Торре, мы найдем некое качество, способность или силу — нечто присущее лишь людям, живущим на Земле, то, что утрачено или недоступно обитателям Молодых миров.

Слушая все это, я почему-то вдруг вспомнил странный взгляд и слова, брошенные мне ранее Лизой. И странное, похожее на страх ощущение снова вернулось ко мне. Экскурсия

продолжалась; следуя за девушкой, мы вошли в Индекс-зал.

Он имел форму огромного шара, настолько огромного, что его стены терялись в полумраке. Еле заметно перемигивались искорки света на внутренней поверхности этой безграничной сферы, сообщая о появлении какой-либо новой информации.

Внутри это колоссальное сферическое помещение было практически пусто. Только в середине имелись лестницы с перилами, которые уходили вверх от входа и выхода, грациозными спиралями закручиваясь вокруг круглой платформы, повисшей точно в центре зала.

По одной из этих лестниц и повела нас Лиза. Наконец мы очутились на платформе, диаметр которой не превышал, наверное, двадцати футов.

— …Здесь, где мы сейчас стоим, — начала объяснять девушка, — находится Точка Перехода. В космосе связь между единицами информации, размещенной на стенах Индекс-зала, будет осуществляться через эту центральную точку. И именно отсюда те, кто будет управлять Энциклопедией, затем попытаются использовать ее в соответствии с теорией Марка Торре, приподнять завесу над неразгаданной тайной, веками хранимой человеческим разумом.

Она сделала паузу и обернулась, чтобы видеть каждого из членов группы.

— Пожалуйста, встаньте поближе друг к другу, — попросила она. На секунду ее взгляд встретился с моим — и странное чувство, владевшее мной, вдруг достигло пика. Я замер.

— А сейчас, — продолжила Лиза, когда мы плотным кольцом окружили ее, — я хочу, чтобы вы в течение минуты стояли совершенно спокойно и только слушали. Прислушайтесь — возможно, вы что-нибудь услышите.

Все смолкли; глубокая тишина огромного зала сомкнулась вокруг нас, окутала своим покрывалом, и на меня вновь накатила волна тревоги. Неожиданно для себя я вдруг понял, что под платформой не было ничего, кроме глубокой пустоты и пространства, окружавшего нас. Голова моя начала кружиться, а сердце бешено забилось.

— И что же мы должны услышать? — нарушил я тишину. Но не потому, что мне хотелось узнать ответ на этот вопрос, а чтобы перебороть головокружение. Лиза повернулась и посмотрела на меня почти так же, как минуту назад.

— Ничего, — ответила она. И затем, не отводя взгляда, добавила: — Или, может быть, хоть что-то, хотя шансы на это — один на миллиард. Вы сразу же поймете, если только услышите. А я потом все объясню. — Она легко коснулась меня рукой, — А

сейчас, пожалуйста, помолчите — хотя бы ради других, если сами не хотите слушать.

— Нет, отчего же, — сказал я.

Я отвернулся от нее и тут неожиданно увидел вдалеке фигурку сестры — она стояла у входа в Индекс-зал. Я узнал ее на таком расстоянии только по светлым волосам и высокому росту. Эйлин разговаривала со смуглым, одетым во все черное худощавым человеком, лица которого я не мог разглядеть.

Я был удивлен и раздражен собственным удивлением. Сестра, уговорив меня привести ее сюда, специально отстала от группы, чтобы поговорить с кем-то, кто был совершенно мне незнаком, — и разговор, судя по напряженности ее фигуры и едва заметным движениям ее рук, был серьезным. Мысль об этом показалась мне настолько обидной, словно такой поступок граничил с предательством. Стоило уговаривать меня поехать сюда!

Я напрягал слух, стараясь хоть что-то уловить из их разговора, но они стояли слишком далеко.

И вдруг — сперва еле заметно, но затем все яснее и яснее — я что-то начал слышать.

Но до меня донесся не разговор моей сестры с незнакомцем. Это был далекий, резкий голос человека, говорящего на языке, немного похожем на латынь, но с опущенными гласными и перекатывающимся «р», что делало его речь больше похожей на бормотание далекого рокота грома во время летней грозы. Голос прояснялся, становясь все ближе. Я услышал и другой голос, отвечавший ему.

А потом — еще один голос. Затем еще, еще и еще.

Грохочущие, орущие, ревущие подобно лавине голоса неожиданно обрушились на меня отовсюду, с каждой секундой резко увеличиваясь в числе. На всех языках мира. Все голоса, когда-либо звучавшие на планете.

Они орали мне в уши, плача, смеясь, проклиная, умоляя, что-то бормоча, приказывая, подчиняясь — но не сливаясь, что должно было бы произойти при таком многообразии, в один могучий рев, напоминающий грохот водопада. Они звучали отдельно друг от друга. Я слышал каждого! Каждый из этих миллионов, миллиардов голосов мужчин и женщин звучал у меня в ушах.

И наконец буйство голосов подхватило меня, как ураган, кружа и унося в беспамятство.

Глава 3

Помнится, я не хотел приходить в себя. Мне казалось, что я отправился в далекое путешествие и долгое время отсутствовал. Но когда я наконец нехотя открыл глаза, то обнаружил, что лежу на полу зала, а надо мной склонилась Лиза Кент.

Она приподняла мою голову и возбужденно прошептала мне на ухо:

— Так, значит, ты что-то слышал! Что?

— Слышал? — Словно в тумане, я покрутил головой, вспомнив многоголосый хор. — Я слышал… Их.

— Их?

И тут я вспомнил о своей сестре Эйлин. Я вскочил и бросил взгляд в сторону входа, где видел ее с человеком в черном. Но оба уже куда-то исчезли.

Потрясенный, измученный, я напрочь лишился способности нормально соображать. Не ответив на вопрос Лизы, я опрометью бросился вниз по лестнице ко входу в зал.

Хотя мои длинные ноги несли меня быстро, Лиза оказалась проворнее. Она перегнала меня и развернулась, преградив мне дорогу в тот момент, когда я был почти у цели.

— Куда ты? — воскликнула она. — Не можешь же ты вот так взять и уйти… Если ты что-то слышал, я должна отвести тебя к самому Марку Торре! Ему просто необходимо переговорить со всяким, кто хоть что-нибудь слышал!

— Прочь с дороги, — пробормотал я и не слишком вежливо оттолкнул ее в сторону. Но в холле перед входом в зал ни Эйлин, ни человека в черном не оказалось.

Я бросился дальше, в коридор. Там тоже было пусто. Я побежал вдоль по коридору, свернул направо.

И тут меня снова нагнала Лиза.

— Постой! — сказала она и схватила меня за руку с силой, просто поразительной для девушки ее роста. — Может, ты все-таки остановишься? И хотя бы секунду подумаешь? Что случилось?

— Случилось? — заорал я. — Моя сестра…

Внезапно до меня дошло, насколько нелепы будут мои объяснения. То, что семнадцатилетняя девушка сначала беседует, а потом уходит с кем-то, кого ее старший брат не знает, — едва ли веская причина для преследования и поисков, по крайней мере в наше время.

Я стоял молча.

— Ты должен пойти со мной, — настойчиво повторила она

спустя мгновение. — Ты не представляешь, насколько редко кто-нибудь что-то слышит в Точке Перехода. И не понимаешь, как много это значит сейчас для Марка Торре — самого Марка Торре! — встретиться с человеком, который что-то слышал!

Я тупо покачал головой. У меня не было никакого желания обсуждать с кем-либо то, что я только что пережил.

— Ты просто должен! — Лиза не успокаивалась, — Это так много значит. Не только для Марка, но и для всего Проекта. Подумай! Не убегай просто так! Подумай сначала, что ты делаешь!

Разумеется, она была совершенно права. Следовало бы сначала подумать, а не бегать, словно чокнутый. Эйлин и одетый в черное незнакомец могли быть где угодно, в любой из дюжин комнат и коридоров. Или вообще давным-давно покинули и Проект, и анклав. И кроме того, что я мог бы им сказать, если бы даже и настиг их? Потребовал бы от незнакомца, чтобы тот представился и объяснил, в каких отношениях он находится с моей сестрой? Похоже, мне повезло, что я не смог их найти.

Правда, кроме этого было и еще кое-что. Добиться контракта, подписанного мною три дня назад, сразу же после выпуска из университета, с Межзвездной службой новостей стоило большого труда. Но благодаря ему я получал свободу. Настоящую свободу, которой практически обладали только члены планетарных правительств да еще действительные члены Гильдии Межзвездной службы новостей. Эти журналисты давали «Клятву непредвзятости» и фактически становились людьми без гражданства, что гарантировало объективность информации, предоставляемой этой службой.

Заселенные людьми планеты были расколоты — уже две сотни лет — на два лагеря, в одном из которых обитатели были связаны так называемыми «жесткими» контрактами, а в другом предпочтение отдавалось, соответственно, «свободным» контрактам. К первому лагерю принадлежали Квакерские миры — Гармония и Ассоциация, — а также Ньютон, Кассида и Венера. Сюда же логично было бы отнести и недавно освоенную большую планету Сету у звезды Тау Кита. Ко второму лагерю относились Земля, Дорсай, миры экзотов — Мара и Культис, — Новая Земля, Фрайлянд, Марс и Сент-Мари.

Человечество слишком разрослось, чтобы иметь возможность на одной планете обучать всех необходимых специалистов. Лучших профессиональных солдат, например, поставлял Дорсай. Лучшие физики обитали на Ньютоне, а самыми непревзойденными психологами заслуженно считались экзоты. Каждая планета готовила специалистов какого-то одного профиля

и торговала их знаниями, заключая контракты с другим миром в обмен на соответствующий контракт с любым профессионалом, в котором возникала нужда.

В стане «свободных» миров контракт на специалиста принадлежал частично ему самому. И его нельзя было продать или обменять на другой без его согласия — лишь в случае чрезвычайной необходимости. На «жестких» мирах каждый индивидуум жил по указаниям своих властей — его контракт мог быть продан или обменен в любой момент. И когда это происходило, у него оставалась лишь одна обязанность — отправиться туда, куда его послали, и делать то, что ему приказано.

Несмотря на то что я жил на Земле, где население было частично свободным, мне хотелось полной свободы, такой, какую я мог получить, только будучи членом Гильдии. Ибо контракт на мои услуги до конца моей жизни принадлежал бы службе новостей. Ни один мир тогда не смог бы судить меня или предложить мои услуги против моего желания какой-либо другой планете.

Но работа в службе до сих пор оставалась весьма отдаленной, труднодостижимой целью. Неожиданно мне пришла в голову мысль, что, возможно, встреча с Марком Торре могла бы ее приблизить.

— Ты права, — сказал я Лизе. — Пошли, я готов встретиться с ним. Проводи меня к нему.

— Конечно провожу, — ответила она. — Только сначала я должна позвонить. — Отойдя от меня на несколько шагов, девушка что-то тихо проговорила в крошечный микрофон, вмонтированный в перстень на пальце. Затем она повернулась ко мне и сделала знак следовать за ней.

— А как остальные? — спросил я.

— Я попросила, чтобы экскурсию за меня завершил другой, — проговорила Лиза, не глядя на меня, — Пошли.

Мы пересекли зал, потом прошли через небольшой световой лабиринт. Я не сразу сообразил, что Марк Торре относится к людям, постоянно находящимся у всех на виду, и, следовательно, нуждается в защите от неуравновешенных личностей. Выйдя из лабиринта, мы оказались в небольшой комнатке и остановились.

Комнатка на некоторое время пришла в движение — правда, куда она двигалась, я определить не смог.

— Сюда, — Лиза подвела меня к одной из стен. От ее прикосновения секции стены раздвинулись, и мы оказались в помещении, похожем на учебный кабинет. За контрольным пультом сидел пожилой человек — это и был Марк Торре,

которого не раз показывали в новостях.

Он выглядел не настолько старым, как можно было представить, — ведь ему было за восемьдесят, — но лицо его было сероватого цвета, как у тяжелобольного человека. Одежда на нем болталась как на вешалке, словно за последнее время он сильно исхудал. Его огромные руки свободно лежали на маленьком плоском столике перед контрольным пультом.

Когда мы вошли, Марк Торре не поднялся со своего места. Но я удивился, услышав его голос: он оказался звонким и молодым. В его взгляде было что-то вроде плохо скрываемой радости. Он пригласил нас сесть и подождать, а спустя несколько минут в комнату через другую дверь вошел человек средних лет, судя по внешнему виду — типичный экзот.

— Мистер Олин, — сказал Марк Торре, — это Падма, посланник Мары в анклаве Сент-Луис. Он уже знает, кто вы.

Я поздоровался с Падмой. Тот улыбнулся.

— Очень рад познакомиться с вами, Там Олин, — произнес он и опустился в кресло. Его светлые глаза, казалось, вовсе и не смотрели на меня — тем не менее я испытывал странное беспокойство. Его взгляд, голос, даже то, как он сидел, — все, казалось, говорило о том, что он знает меня уже давно. Возможно, даже лучше, чем мне хотелось бы. Тем более что я-то видел его в первый раз.

Несмотря на годы, проведенные в спорах с дядей, в это мгновение я проникся тем же чувством горечи, которое он испытывал в отношении людей Молодых миров. Трудно было не заметить очевидного превосходства Падмы. Наконец я оторвал взгляд от него и посмотрел в более человечные глаза землянина Марка Торре.

— Ну, теперь, когда здесь Падма, — начал старик, — расскажи, на что это было похоже? Что ты слышал?

Я покачал головой, потому что не мог найти слов, чтобы описать, как все было в действительности.

— Я слышал голоса. Все они говорили одновременно, но каждый был совершенно ясно различим.

— Много голосов? — спросил Падма.

— Все голоса, которые когда-либо вообще существовали, — услышал я свой ответ. Затем попытался описать это подробнее. Но, рассказывая, я заметил странную реакцию Торре: он откинулся на спинку своего кресла, словно в замешательстве или разочаровании.

— Только… голоса? — как бы сам себя спросил старик, когда я закончил.

— А что я должен был услышать? — Неожиданно меня

охватила ярость. — Что обычно слышат люди?

— Всегда разное, — донесся мягкий голос Падмы. Но я даже не посмотрел на него. Меня интересовал лишь Марк Торре. — Все слышат разное.

И тут я повернулся к Падме.

— А что слышали вы? — спросил я с вызовом.

Он немного грустно улыбнулся в ответ:

— Ничего, Там.

— Только люди, рожденные на Земле, могут что-то услышать, — резко проговорила Лиза, словно это должно было быть мне известно и так.

— А ты? — обратился я к ней.

— Я! Конечно же ничего! — ответила она. — Не наберется и полудюжины человек, которые хоть что-то слышали.

— Меньше полудюжины? — эхом отозвался я.

— Пятеро, — уточнила она. — Разумеется, Марк. Из четырех же оставшихся — один мертв, а трое, — она замешкалась, — не подошли.

Только пять человек за сорок лет! Это сообщение подействовало на меня как удар. Значит, то, что сегодня произошло в Индекс-зале, вовсе не было таким уж пустяком.

— Неужели? — Я взглянул на Торре, стараясь, чтобы мой голос звучал равнодушно, — Что же означает, когда кто-то что-то слышит?

Он не ответил мне, а наклонился вперед и протянул мне ладонь своей огромной правой руки.

— Пожми, — приказал он.

Я протянул руку и почувствовал его скрюченные суставы в своей ладони. Он крепко сжал мои пальцы и не отпускал их, пристально глядя на меня до тех пор, пока блеск не угас в его глазах. Затем со вздохом откинулся в кресле, словно признавая, что потерпел поражение.

— Ничего, — вяло произнес он, обращаясь к Падме. — Снова ничего.

— И все же, — тихо сказал Падма, глядя на меня, — он слышал.

— Марк разочарован, Там, — продолжил он, — потому что ты слышал только голоса. Но ничего не понял.

— А что я должен был понять? — спросил я.

— Это, — ответил Падма, — ты должен был бы рассказать нам. — Его взгляд был настолько цепким, что я почувствовал себя словно сова, попавшая в луч прожектора.

— А при чем здесь вы? — Я уже с трудом сдерживал злость.

Он слегка улыбнулся:

— Проект Энциклопедии почти полностью финансируем мы. Но ты должен понять, это не наш Проект. Он — земной. Мы отвечаем лишь за то направление его деятельности, которое относится к вопросам понимания человека человеком. Более того, между нашей философией и теоретическими построениями Марка имеются серьезнейшие противоречия.

— Противоречия? — Несмотря на недостаток опыта, мое журналистское чутье было довольно неплохо развито, и оно подсказывало: здесь кое-что интересное.

Но Падма улыбнулся, словно прочитал мои мысли.

— В этом нет ничего нового. Основное противоречие, если говорить коротко и упрощенно, — мы, экзоты, считаем, что человек способен совершенствоваться. Наш же друг Марк верит, что человек Земли — базовый человек — уже достаточно усовершенствован, но просто пока еще не смог выявить все свои возможности и использовать их.

Я уставился на него:

— А какое это имеет отношение ко мне? И к тому, что я слышал?

— Вопрос в том, сможешь ли ты быть полезным для него — или для нас, — холодно ответил Падма.

На секунду мое сердце замерло. Ведь если экзот или Марк Торре потребуют мой контракт у земного правительства, я с успехом могу послать прощальный поцелуй всем моим надеждам на работу в Гильдии службы новостей.

— Я думаю — вряд ли, — произнес я как можно более спокойно.

— Возможно. Посмотрим, — пожал плечами Падма, затем поднял руку, вытянув вверх указательный палец, — Ты видишь этот палец, Там?

Я посмотрел на него. И вдруг он мгновенно приблизился ко мне, вырастая до чудовищных размеров, затмевая все остальное в комнате. И во второй раз за этот день я покинул «здесь» и «сейчас» реальной Вселенной и оказался в иллюзорном мире.

Меня окружили молнии. Сам я находился во тьме, в какой-то бескрайней Вселенной, где меня бросало на расстояния, равные световым годам, и я чувствовал себя вовлеченным в какую-то титаническую борьбу.

Я не сразу понял, что это за борьба. Затем постепенно до меня дошло, что яростные плети молний — не что иное, как отчаянное стремление выжить и победить. Это ответ на попытку окружающей древней, всепроникающей тьмы уничтожить молнии. Но это не было беспорядочной битвой. В ней просматривались стратегия и тактика, подготовленные удары и контрудары.

В одно мгновение мириады голосов еще раз закружились вокруг меня в унисон молниям. И подобно тому, как настоящая молния освещает на миг землю на многие мили вокруг, в каком-то озарении я понял, что происходит вокруг меня.

Я оказался в самой гуще древней битвы человека за выживание и продвижение в будущее. Это была непрекращающаяся яростная борьба звероподобных и богоподобных, примитивных и сложных, диких и цивилизованных организмов, олицетворявших человечество. Вперед, вверх, пока не будет достигнуто невозможное, не будут преодолены все барьеры и тьма не исчезнет.

Голоса участников этой нескончаемой борьбы, длящейся с незапамятных времен, я и слышал в Индекс-зале. Именно в ней экзоты пытались разобраться с помощью своих странных и удивительных психологических и философских чудес. Для того и была создана Конечная Энциклопедия — чтобы расположить на своеобразной карте маршрут всех прошлых веков человеческого бытия, чтобы с его помощью точно вычислить тропу человека в будущее.

Вот что двигало Падмой и Марком Торре — и всеми остальными, включая меня. Потому что каждый из нас, живущих в данный момент на свете, принимал участие в этой битве жизни и был игрушкой в руках судьбы.

Но, осознав это, я понял, что в отношении меня все гораздо сложнее. Потенциально я являлся одной из решающих сил в этой битве, возможно, даже руководил ею. И тогда в первый раз я сжал молнии руками, пытаясь направлять их, заставляя подчиняться моим желаниям и целям.

По-прежнему меня швыряло на неимоверные расстояния. Я больше не походил на корабль, застигнутый штормом в океане. Но я был кораблем, управляемым твердой рукой и использующим ветер, чтобы двигаться в нужном направлении. В это мгновение ко мне пришло ощущение собственной силы и власти. Ибо молнии были послушны моим рукам, а направление их ударов — моему желанию.

Только тут я наконец заметил других таких же, как и я. Их было немного. Какое-то мгновение мы могли двигаться в одном направлении, в следующее мгновение нас раскидывало на миллионы лет. Но я видел их. Они тоже видели меня и призывали не продолжать борьбу в одиночестве, а присоединиться к ним. И тогда битва закончится.

Но все во мне восставало против их зова. Слишком долго я был угнетенным и обреченным. Слишком долго я был игрушкой молний. А теперь я чувствовал ни с чем не сравнимое

удовольствие от наслаждения собственной мощью. Я не хотел принимать никакого участия в общих усилиях, которые могли бы наконец привести к миру. Пусть продолжается этот кружащий голову вихрь — лишь бы на его гребне оставался я.

…Неожиданно я снова оказался в офисе Марка Торре.

Марк и бледная Лиза испуганно смотрели на меня. Прямо передо мной сидел Падма, и выражение его лица осталось прежним.

— Да, — медленно произнес он. — Ты прав, Там. Ты ничем не можешь быть полезным здесь, в Энциклопедии.

С губ Лизы сорвался едва слышный звук — полувздох-полувсхлип. Но он потонул в громком стоне Марка Торре, похожем на рев смертельно раненного медведя, загнанного в угол, но нашедшего силы подняться на задние лапы и повернуться лицом к преследователям.

— Не может? — выкрикнул он. Выпрямившись в кресле, он повернулся к Падме. Его скрюченная правая ладонь сжалась в огромный кулак, — Он должен — должен! Прошло уже двадцать лет с тех пор, как кто-то хоть что-нибудь услышал в Индекс-зале, а я старею!

— Все, что он слышал, — лишь голоса. Они не зажгли в нем никакой особой искры. Ты же ничего не почувствовал, когда прикоснулся к нему. — Падма говорил мягко, и слова доносились как бы издалека. — Это потому, что в нем ничего нет. Он никак не связан с другими людьми. У него вроде бы и есть все необходимое, как у машины, но не хватает эмпатии — нет подключенного источника энергии.

— Тогда вы должны починить его! Черт возьми, — голос старика звенел, как колокол, но в нем чувствовались едва сдерживаемые слезы, — на ваших планетах вы вполне можете вылечить его!

Падма покачал головой.

— Нет, — повторил он. — Никто не может ему помочь, кроме него самого. Он не болен и не инвалид. Просто он был лишен возможности развиваться должным образом. Когда-то в молодости он отвернулся от людей и ушел в какую-то темную, уединенную долину. Долгие годы эта долина все зарастала, постепенно становясь недоступной — настолько, что со временем туда невозможно стало попасть и помочь ему. Просто никакой другой разум не сможет проникнуть туда и уцелеть — вероятно, ему и самому там не сладко. Но даже если он сам покинет ее — он все равно абсолютно бесполезен и для тебя, и для Энциклопедии. Он даже и не подумал бы взяться за работу, которую ты мог бы ему предложить. Да ты сам посмотри.

Все это время его взгляд, его плавная речь, слова, словно камушки, падающие в спокойный, но бездонный омут, держали меня в каком-то оцепенении. Но с последней фразой давление с его стороны исчезло. И я вновь почувствовал себя способным говорить.

— Вы загипнотизировали меня! — набросился я на него. — Я не давал вам разрешения подвергать меня гипнозу!

Падма покачал головой.

— Ничего подобного, — ответил он. — Я всего лишь открыл тебе окно в твое же сознание.

— Тогда что же это было такое… — И тут я прикусил язык, решив, что осторожность не помешает.

— Все, что вы видели и слышали, — начал он, — являлось вашим собственным сознанием и ощущениями, переведенными в понятные вам символы. А что они собой представляют — понятия не имею. И не смогу узнать — если только вы мне сами не расскажете.

— Но ведь вы мне столько всего сейчас наговорили! — прорычал я. — Как же вы узнали все это?

— С вашей помощью, — ответил он. — Ваши глаза, поведение, голос — даже вот сейчас, когда вы говорите со мной. И дюжина других признаков. Человеческое существо общается с другими людьми всем телом и внутренней сущностью, а не только с помощью голоса или выражения лица.

— Не верю! — взорвался я… и тут мой гнев неожиданно угас. — Не верю, — повторил я более спокойно и холодно, — Должно быть что-то еще, что повлияло на ваше решение.

— Да, — произнес он, — Конечно. Ваша биография, так же как и биографии всех рожденных и живущих сейчас на Земле, уже поступила в Энциклопедию. И я просмотрел ее, перед тем как прийти сюда.

— И это не все. — Я почувствовал, что сейчас по-настоящему прижал его. — Есть еще кое-что. Я могу сказать. Я знаю это!

— Да. — Падма тихо вздохнул. — Предполагаю, пройдя через это, вы должны были догадаться. В любом случае вы вскоре сами бы все узнали.

Он внимательно посмотрел на меня, но на этот раз я не испытал ни малейшего чувства неполноценности.

— Так получилось, Там, — произнес он, — что вы являетесь тем, кого мы называем «индивидуум». Это ваше основное качество, оно крайне редко встречается у человека, причем не только на Земле, но и на всех шестнадцати мирах, идущих по дороге в будущее. Вы обладаете врожденной способностью воздействовать на это будущее — положительно или

отрицательно.

При этих словах мои руки вспомнили, как сжимали молнии. Я ждал, затаив дыхание, надеясь услышать нечто большее. Но он замолчал.

— Ну и… — нетерпеливо подтолкнул я его к продолжению рассказа.

— Нет никакого «и», — ответил Падма, — Это — все. Вы когда-нибудь слышали об онтогенетике?

Я покачал головой.

— Это одна из наших техник прогнозирования, — пояснил он. — Вкратце — это постоянно развивающаяся модель событий, элементами которой являются все живущие ныне человеческие существа. В массе своей именно их желания и усилия определяют направление движения модели в будущее. Но почти абсолютное большинство людей все же подчиняются модели, а не воздействуют на модель сами.

Он замолчал и посмотрел на меня, словно пытаясь определить, понял ли я его. Я понял — о, я все отлично понял. Только не хотел показывать это.

— Продолжайте, — попросил я.

— Только иногда, крайне редко, у некоторых индивидуумов мы обнаруживаем особую комбинацию факторов — это касается как самого индивидуума, так и его положения внутри модели, — что позволяет ему достигать большего, чем остальным. И когда это происходит, как в вашем случае, перед нами «изолированный» — человек, способный достаточно свободно воздействовать на модель, в то время как сам со стороны модели никакого воздействия практически не испытывает.

Падма снова замолчал и сложил руки на животе. Этим жестом он как бы давал понять, что разговор окончен. Я глубоко вздохнул, пытаясь утихомирить свое бешено бьющееся сердце.

— Итак, — произнес я, — у меня столько достоинств — и все же вы не хотите заполучить меня, несмотря на то что я вам нужен.

— Марк хочет, чтобы ты стал его преемником, человеком, руководителем строительства Энциклопедии, — ответил Падма, — Того же хотим и мы, экзоты. Не каждый в состоянии оценить значение Энциклопедии, даже когда проект будет завершен. Без Марка или подобного ему, кто окажется способным постоянно наблюдать за ходом сооружения Энциклопедии, ее строительство вряд ли завершится успешно.

Он сделал паузу и угрюмо посмотрел на меня.

— То есть она вообще никогда не будет закончена, — проговорил он, — если только не появится продолжатель дела

Марка. Без Энциклопедии же люди, рожденные на Земле, могут постепенно исчезнуть. А затем этот процесс распространится на Молодые миры, и их жители, не обладающие всеми генетическими признаками землян, тоже окажутся нежизнеспособными. Но для тебя все это не имеет никакого значения, не так ли? Потому что именно ты не желаешь иметь ничего общего с нами, а не наоборот.

Невозможно было укрыться от его пронизывающего взгляда.

— Ты не хочешь иметь с нами дело, — медленно повторил он, — Верно ведь, Там?

Встряхнув головой, я вырвался из-под власти его взгляда. Но в то же мгновение понял, о чем он говорит, — действительно, Падма прав. Я вдруг представил, как сижу в кресле за пультом, прикованный к нему чувством ответственности, и так всю оставшуюся жизнь. Нет, ничего подобного я не хотел.

Я столько сил потратил, чтобы избавиться от опеки Матиаса, — и только для того, чтобы в один прекрасный день забыть себя и стать рабом несчастных людей — всех тех, кто слишком слаб, чтобы бороться с молниями? Почему я должен жертвовать своей свободой ради них?

— Нет! — хрипло произнес я.

Марк Торре издал едва слышный горловой звук, подобный смертному стону.

— Все правильно, — кивнул головой Падма. — Видишь ли, я уже сказал, ты полностью лишен эмпатии — попросту у тебя нет души.

— Душа? — спросил я. — А что это такое?

— Могу ли я описать цвет золота человеку, слепому от рождения? — Его глаза сверкали. — Ты сам поймешь, что это такое, если вдруг обретешь ее, — но это возможно лишь в том случае, если тебе удастся с боем вырваться из долины, о которой я говорил.

— Долина, — задумчиво повторил я. — Какая долина?

— Ты сам знаешь, Там, — даже лучше, чем я. Это долина разума и духа, но все твои уникальные возможности к созиданию дезориентированы, искажены и направлены на разрушение.

«Разрушай!» — словно прогрохотал у меня в голове голос дяди, цитирующего Уолтера Бланта.

И тут перед моим мысленным взором как бы ожила та долина, о которой говорил Падма. Высокие черные стены вздымались по обе ее стороны. Прямая узкая дорога вела куда-то вниз — во тьму. И неожиданно я почувствовал страх: в этой непроглядной тьме, в глубочайшей из бездн, шевелилось что-то еще более темное, чем сама тьма. И поджидало оно именно меня.

Все же, несмотря на то что у меня от страха мурашки побежали по телу, я чувствовал и какую-то захватывающую, темную радость в предвкушении встречи. Откуда-то издалека, подобно усталому колоколу, донесся до меня голос Марка Торре, обращавшегося к Падме:

— Что ж, выходит, у нас нет ни единого шанса? Неужели мы ничего не в состоянии сделать? А что, если он никогда не вернется к нам и к Энциклопедии?

— Остается только ждать — и надеяться, что это когда-нибудь все же произойдет, — отвечал Падма. — Если он найдет силы двигаться дальше, пройдет сквозь все преграды, что воздвиг сам для себя, и выживет, он сможет вернуться. Но выбор — только за ним. Рай или ад. Только выбор этот у него гораздо шире, чем у остальных.

Мне эти слова казались полной абракадаброй. Так хотелось побыть в одиночестве, чтобы хоть немного собраться с мыслями. Я тяжело поднялся и хрипло спросил:

— Как мне отсюда выйти?

— Лиза, — грустно произнес Марк Торре.

Она тут же поднялась со своего места.

— Пошли, — сказала она мне. Ее лицо было бледно и лишено всякого выражения. Она повернулась и направилась к выходу, а я последовал за ней.

Обратно мы шли тем же путем; по дороге она не произнесла ни единого слова. Но когда настало время прощаться, она неожиданно задержала меня, положив руку на плечо.

— Помни, если что, я всегда здесь, — произнесла она. И, к своему удивлению, я заметил, что ее карие глаза полны слез. — Даже если здесь больше никого не будет — я всегда здесь!

Затем она быстро повернулась и убежала. Я тупо смотрел ей вслед, потрясенный ее поведением. Но за последний час со мной случилось столько неожиданного, что у меня не было ни желания, ни времени выяснять, что скрывается за этими странными словами.

На подземке я вернулся в Сент-Луис, как раз успев на челнок, доставивший меня в Афины. Поглощенный своими мыслями, я сразу же отправился в дом моего дяди и прошел прямо в библиотеку, надеясь застать его там.

За старинным дубовым столом в высоком кресле сидел дядя. На коленях его лежала раскрытая книга в кожаном переплете, но он, казалось, не обращал на нее ни малейшего внимания.

Примерно в десяти шагах от него, чуть в стороне, стояла моя сестра, которая, очевидно, уже давно вернулась из Сент-Луиса.

В комнате также находился худощавый смуглый молодой

человек на несколько дюймов ниже меня ростом, одетый во все черное. Он и был тем незнакомцем, с которым разговаривала Эйлин, когда я видел их в анклаве. Итак, здесь мне, кажется, представлялась первая возможность использовать ту самую силу, о существовании которой я ранее и не подозревал.

Глава 4

В библиотеке явно назревал конфликт.

Эйлин кинула напряженный взгляд в мою сторону, а затем посмотрела на Матиаса, который сидел совершенно спокойно. Его невыразительное лицо с густыми бровями и густой шевелюрой, все еще черной, несмотря на то что ему было уже под шестьдесят, было, как обычно, холодным и отстраненным. Он мельком взглянул на меня и обратился к Эйлин:

— Не понимаю, почему ты вдруг так забеспокоилась и спрашиваешь меня об этом. Я, кажется, никогда ни в чем не ограничивал ни тебя, ни Тама. Поступай так, как считаешь нужным. — И он потянулся к книге, словно собираясь взять ее и продолжить чтение.

— Нет, сначала скажи мне, что делать! — вскричала Эйлин. Она явно была на грани нервного срыва.

— Не вижу никакого смысла давать советы, — равнодушно произнес Матиас. — Что бы ты ни сделала — совершенно не важно ни для тебя, ни для меня. И даже для этого молодого человека. — Он замолчал и повернулся ко мне. — Да, кстати. Там, Эйлин забыла вас познакомить. Наш посетитель — мистер Блэк с Гармонии.

— Джэймтон Блэк, — Молодой человек повернул ко мне свое бесстрастное, с тонкими чертами лицо. — Здесь, на Земле, я — военный атташе.

Итак, он — выходец с одного из Квакерских миров. Должно быть, воспитанный в спартанском духе, присущем этим фанатикам.

Дорсайцы были воинами — воинами до мозга костей. Жители Гармонии и Ассоциации относились к категории людей угрюмых и готовых на самопожертвование — они продавали себя потому, что их бедные природными ресурсами миры, кроме населения, располагали слишком немногим, чтобы поддержать баланс контрактов и нанимать специалистов с других планет.

Они умели убивать и неукоснительно повиноваться приказам — даже идя на верную смерть. И они были дешевы. Старейший Брайт, глава Совета церквей, управлявший Гармонией и Ассоциацией, при поставке наемников мог сбить цену любому из правительств. Но только не давая никаких гарантий по поводу их воинского мастерства.

Ибо настоящими людьми войны были дорсайцы. Они, казалось, родились с оружием в руках. Обычный же солдат Квакерских миров брал винтовку так же, как мог бы взять и

мотыгу, — просто как орудие, могущее послужить его народу и церкви.

Так что люди понимающие говорили, что лишь дорсайцы поставляли всем шестнадцати мирам настоящих воинов. Гармония и Ассоциация же могли предложить только пушечное мясо.

Тем не менее я не стал тогда об этом раздумывать. В тот момент меня больше интересовал сам Джэймтон Блэк. Удивительной неподвижностью черт, невозмутимостью, отстраненностью и какой-то непроницаемостью он походил на Падму. Даже если бы дядя и не представил его, в нем без труда можно было узнать одного из представителей этих «суперплемен» Молодых миров, с которыми, как всегда доказывал нам Матиас, Земле нечего и думать соперничать. Однако сознание собственной значимости, обретенное мною в Энциклопедии, снова вернулось ко мне.

— …Джэймтон Блэк, — продолжал Матиас, — занимался на вечернем отделении факультета Земной истории в Женевском университете, где училась и Эйлин. Он познакомился с Эйлин примерно месяц назад. А теперь твоя сестра подумывает о том, чтобы выйти за него замуж и вместе с ним отправиться на Гармонию, куда он возвращается в конце этой недели.

Матиас внимательно посмотрел на Эйлин.

— Конечно же, я сказал ей, что решение — в ее руках, — закончил он.

— Но я хочу, чтобы кто-нибудь помог мне принять правильное решение! — жалобно воскликнула Эйлин.

Матиас медленно покачал головой.

— Я уже говорил тебе, — произнес он со своей обычной холодностью в голосе, — что решать здесь нечего. Ты можешь продолжать придерживаться абсурдного мнения, что в зависимости от того, что ты решишь, ход событий изменится. Я так не думаю — и поскольку я предоставил тебе полную свободу делать все, что ты хочешь, и принимать какие тебе заблагорассудится решения, то, в свою очередь, я настаиваю на том, чтобы ты избавила меня от участия в этом фарсе и предоставила возможность заниматься своими делами.

С этими словами он взял с колен книгу.

По щекам Эйлин потекли слезы.

— Но я не знаю — я просто не знаю, что делать! — всхлипывала она.

— Ну так не делай ничего. — Дядя перевернул страницу книги.

Эйлин продолжала молча плакать. Джэймтон Блэк обратился

к ней.

— Эйлин! — Он говорил тихим, спокойным голосом, лишь с намеком на акцент, — Разве ты не хочешь выйти за меня замуж и сделать мой дом на Гармонии своим?

— Да, Джэми, очень хочу! — воскликнула она, поворачиваясь к нему, — Конечно, да! Просто я не уверена, что это будет правильно! Разве ты не понимаешь, Джэми, я должна принять правильное решение. А я не знаю — я не знаю!

Она резко повернулась ко мне:

— Там! Что мне делать? Уезжать или нет?

Ее неожиданное обращение ко мне странно напоминало эхо тех голосов, что обрушились на меня в Индекс-зале. Мне тут же показалось, что библиотека как-то странно увеличилась в размерах и осветилась. Высокие стены в книжных полках, сестра с заплаканным лицом, обращающаяся ко мне, молчаливый молодой человек в черном и мой дядя, тихо читающий свою книгу, — все это неожиданно предстало в каком-то сверхизмерении. Я словно и видел все это и смотрел сквозь это одновременно. Неожиданно я понял дядю, впервые в жизни понял, что, несмотря на свою очевидную отстраненность, он уже решил для себя, каким образом я отвечу на вопрос Эйлин.

Скажи он моей сестре: «Останься», я бы постарался сделать все, чтобы она ушла из этого дома, даже, если понадобилось бы, применив грубую силу. Он хорошо знал о моем инстинктивном стремлении во всем ему противодействовать. И таким образом, ничего не предпринимая, он избрал дьявольский (или богоподобный) нейтралитет, оставив меня по-человечески уязвимым, предоставив все решать мне. И конечно же, он был уверен, что я поддержу решение Эйлин уехать с Джэймтоном Блэком.

Но на сей раз он ошибся. Он не заметил перемен во мне, моего нового знания, указывавшего мне путь. Для него «Разрушай!» было лишь раковиной, куда он мог спрятаться подобно моллюску. Я же сейчас, в своей лихорадочной просветленности, увидел все это как нечто большее — как оружие, которое можно было обратить даже против этих демонов с Молодых миров.

Теперь Джэймтон Блэк уже не вселял в меня ужас. Вместо этого мне не терпелось испытать на нем мою новую силу.

— Знаешь, — спокойно ответил я Эйлин, — по-моему, тебе лучше не уезжать.

Она так уставилась на меня, что я подсознательно понял: в душе она рассуждала так же, как и дядя, надеясь, что в конце концов я посоветую ей поступить по велению сердца. А сейчас я

вдруг взял и выбил ее из колеи. Я же, стараясь как можно надежнее обосновать свое мнение, торопливо продолжал, тщательно подбирая слова.

— Гармония — не место для тебя, Эйлин, — мягко увещевал я сестру, — Ты же знаешь, насколько жители этой планеты отличаются от нас, землян. Ты не будешь чувствовать себя уверенно. Ты не сможешь приспособиться к ним и к их образу жизни. Кроме того, этот молодой человек — офицер, — Я постарался с возможно большей симпатией посмотреть на Джэймтона Блэка. Он тоже повернулся ко мне; его тонкое лицо было абсолютно спокойным.

— Ты знаешь, что это означает на Гармонии? — спросил я. — Он военный. В любой момент его контракт может быть продан, и он тебя покинет. Его могут послать туда, куда ты за ним последовать не сможешь. Вдруг он пробудет вдали долгие годы. Или даже вообще не вернется, если его убьют, что весьма вероятно. Ты этого хочешь? — И жестоко добавил: — А достаточно ли ты, Эйлин, сильна для таких испытаний? Никто не знает тебя лучше, чем я.

Я замолчал. Дядя так и не оторвал глаз от книги и даже не взглянул на меня. Но я заметил — и почувствовал при этом скрытое удовлетворение, — что его пальцы, державшие книгу, слегка дрожали, выдавая чувство, которого он в себе никогда бы не признал.

Что же касается Эйлин, то она просто не верила своим ушам с первых же моих слов и молчала все это время. Теперь же она издала лишь один тяжелый вздох, почти всхлип, выпрямилась и посмотрела на Джэймтона Блэка.

Она ничего не сказала. Но и этого взгляда было достаточно. Я тоже наблюдал за Блэком, ожидая хоть какого-нибудь намека на эмоции, — нет, его лицо только несколько погрустнело и странно смягчилось. Он сделал два шага к Эйлин и теперь стоял прямо перед ней. Я напрягся, готовый, если будет необходимо, еще раз высказать свое мнение. Но он лишь тихо заговорил с ней в странной церковной манере, которую, как я читал, его народ использовал при общении между собой. Я впервые слышал подобное.

— Итак, ты не желаешь последовать со мной, Эйлин? — спросил он.

Она отрицательно покачала головой и отвела взгляд.

— Я просто не могу, Джэми, — прошептала она. — Ты же слышал, что сказал Там. И это правда.

— Это неправда, — произнес он тем же тихим голосом, — Но лишь прошу: не говори, что ты не можешь. Сознайся просто, что

не желаешь, и я более тебя не потревожу.

Он ждал. Но она по-прежнему смотрела в сторону, боясь встретиться с ним взглядом. Наконец, собравшись с духом, она покачала головой.

Джэймтон глубоко вздохнул. За все это время он ни разу не взглянул ни на меня, ни на Матиаса. Его лицо оставалось по-прежнему бесстрастным. Он повернулся и тихо вышел из библиотеки, из нашего дома и из жизни моей сестры. Навсегда.

Эйлин выбежала из комнаты. Я посмотрел на Матиаса. Тот невозмутимо переворачивал страницы своей книги, тоже не глядя на меня. Впоследствии он никогда не вспоминал о Джэймтоне Блэке.

Не вспоминала и Эйлин.

Но менее чем через полгода она без лишнего шума представила свой контракт на продажу на Кассиду и вскоре улетела туда работать. А спустя несколько месяцев вышла замуж за молодого человека, уроженца этой планеты, которого звали Дэвид Лонг Холл. Ни я, ни Матиас ничего об этом не слышали, а узнали только через несколько месяцев после свадьбы. Правда, не от нее самой.

Но к тому времени меня это совершенно не волновало. Потому что мой успех тогда, в дядиной библиотеке, указал мне путь, по которому следовало идти. Я начал продумывать технику манипулирования людьми. И вскоре уже вовсю шагал по дороге к цели — к силе и свободе.

Глава 5

Все же, несмотря ни на что, та сцена в библиотеке торчала у меня в памяти, словно заноза.

За все пять лет, что я успешно поднимался по иерархической лестнице службы новостей, я ни разу не получил от Эйлин ни единой весточки. Я был знаком со множеством людей, но не мог сказать, что у меня есть друзья. А Матиас был для меня просто ничем. И наконец сначала смутно, но затем все более и более отчетливо я стал осознавать, что абсолютно одинок. И что я совершенно напрасно воспользовался способностью манипулировать людьми в отношении единственной женщины, которая по-настоящему меня любила.

Именно осознание этого спустя пять лет и привело меня на Новую Землю. Я спускался по склону развороченного тяжелой артиллерией холма, находившегося в зоне боевых действий враждующих группировок Северного и Южного разделов Новой Земли. Профессиональные военные составляли лишь костяк обеих армий — со стороны как Северных, так и Южных. Войска мятежников Севера более чем на восемьдесят процентов состояли из подразделений наемников, нанятых на Квакерских мирах. Шестьдесят пять процентов Южных — рекруты с Кассиды, нанятые по контракту властями Новой Земли; именно последнее и привело меня сюда, и теперь я пробирался среди груд развороченной земли и стволов поваленных деревьев по склону холма. Среди рекрутов нужного мне подразделения находился молодой сержант по имени Дэйв Холл — человек, за которого когда-то вышла замуж моя сестра.

Моим проводником был тридцатилетний пехотинец верных правительству войск Южного раздела, уроженец Новой Земли. Казалось, он получал удовольствие, наблюдая, как мои городские туфли и форма журналиста все больше пачкаются землей и мхом. Спустя шесть лет с того знаменательного момента в Конечной Энциклопедии мои личные способности стали настолько естественными для меня, что у меня ушло бы лишь несколько минут на то, чтобы полностью изменить его мнение обо мне, но сейчас оно было мне глубоко безразлично.

Наконец он привел меня к пункту связи у подножия холма и представил офицеру с тяжелой квадратной челюстью и темными кругами под глазами. Офицер, на вид лет сорока, был уже староват для полевой службы, и возраст явственно давал о себе знать. Более того, угрюмые легионы квакеров недавно довольно основательно потрепали полуобученных рекрутов Кассиды,

противостоявших им. Так что меня ничуть не удивило, что он смотрел на меня столь же кисло, как и мой проводник.

Но поскольку именно он являлся здесь главным, с его отношением ко мне следовало считаться. Если я хотел получить то, за чем явился сюда, я должен был изменить атмосферу этой достаточно прохладной встречи. Проблема состояла в том, что у меня не имелось почти никакой информации об этом человеке. Но поскольку до меня дошли слухи о новом наступлении, времени практически не осталось.

— Комендант Хэл Фрэйн! — представился он, не дожидаясь, пока заговорю я, и резко протянул свою широкую грязную ладонь. — Ваши документы!

Я протянул ему свои бумаги. Он просмотрел их все с тем же совершенно равнодушным выражением лица, — О! — произнес он, — Так вы всего лишь стажер!

Сам вопрос был по сути равнозначен оскорблению. Его совершенно не касалось, являюсь я полноправным членом Гильдии журналистов или прохожу испытательный срок. Просто он, очевидно, пытался намекнуть на то, что у меня еще молоко на губах не обсохло и что поэтому здесь, на самой линии фронта, я могу представлять потенциальную опасность для него и его людей.

Тем не менее, задав этот риторический вопрос, он даже не подозревал, что не столько нашел уязвимое место в моей личной защите, сколько открылся для меня сам.

— Совершенно верно, — холодно согласился я, забирая обратно свои документы. — А теперь о вашем повышении по службе…

— О повышении?!

Он уставился на меня. Тон его голоса подтвердил все, что я о нем думал. Как часто нападки на других выдают собственные слабые стороны человека. Эта попытка Фрэйна оскорбить меня вкупе с тем фактом, что он даже по возрасту явно перерос занимаемую им должность, указывала на то, что его уже по крайней мере один раз обходили с повышением и тема эта была крайне болезненна для него.

— А разве вас не собирались повысить в звании до майора? — спросил я. — Я думал… — Я неожиданно замолчал и усмехнулся. — Извините, ошибся. Должно быть, спутал вас с кем-то другим. — Я попытался сменить тему разговора и осмотрелся по сторонам. — Похоже, с утра у вас здесь было довольно-таки жарко.

Он буквально накинулся на меня:

— С чего вы взяли, что меня повышают в звании?

Пожалуй, настало время применить кнут.

— Знаете, комендант, пожалуй, я уже и не вспомню, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. Я подождал минутку, чтобы мои слова дошли до него. — Но даже если бы я и помнил, думаю, был бы не вправе сообщать вам об этом. У журналистов свои источники, и мне кое о чем не хотелось бы распространяться. Ведь у военных тоже имеются свои секреты.

Это сразу отрезвило его. Он только сейчас вспомнил, что я не один из его пехотинцев и не в его власти приказывать мне. Таким образом, если он хотел от меня чего-либо добиться, годился только пряник, но никак не кнут.

— Да. — Он явно боролся с тем, чтобы переход от гримасы презрения к улыбке выглядел как можно естественней. — Да, конечно. Вы должны извинить меня. Просто мы здесь постоянно находимся под сильным огнем…

— Конечно понимаю, — произнес я уже более дружелюбно. — Конечно же, в вашем положении трудно оставаться спокойным.

— Да уж… — Он снова попытался улыбнуться. — Так вы… значит, вы ничего не можете мне сказать о моем предполагаемом повышении.

— Боюсь, что нет, — Наши взгляды встретились снова.

— Понятно, — Он отвернулся, состроив грустную мину. — Итак, что мы можем сделать для вас?

— Ну, вы могли бы рассказать мне что-нибудь о себе, — ответил я, — В самых общих чертах…

Удивленный, он снова обернулся ко мне:

— О себе?

— Ну да, — подтвердил я, — Ваш взгляд на вещи. Ваше собственное мнение. Интересный для общественности рассказ — кампания с точки зрения одного из опытных боевых командиров. Ну, вы, наверное, понимаете, что я имею в виду.

Он понял. Во всяком случае, мне так показалось: он просиял. В подобной ситуации порядочный человек мог бы искренне удивиться: «Почему я? Я, а не какой-нибудь офицер более высокого ранга или с большим числом наград?»

Но у Фрэйна такого и в мыслях не было. Он был уверен, что знает, почему выбор пал именно на него: сложив два и два, он с легкостью получил четыре. Он искренне верил, что действительно достоин повышения в звании за свои героические действия на поле боя, — и это усиливало в нем сознание собственной значимости. Как и многие другие недалекие личности, он почти всю свою жизнь провел, запасаясь доводами и оправданиями, доказывающими, что он действительно обладает необыкновенными качествами и путь к заслуженным наградам

ему до сих пор преграждали лишь случайности и предвзятость, слитые воедино. Поэтому его ничуть не удивило мое появление здесь.

И если бы я действительно интервьюировал его, то мне не составило бы ни малейшего труда убедить его в том, что он малодушен и незначителен, используя его же собственные слова по меньшей мере дюжину раз. Фрэйн не обладал ни храбростью, ни убеждениями, чтобы прожить полную лишений жизнь боевого офицера, служащего по контракту. Его уделом была лишь гарнизонная или кадровая служба, но не более… А когда начиналась настоящая война, таких, как он, убирали подальше, освобождая место для наемников с Дорсая или Квакерских миров.

Надо отметить, что служба в гарнизоне оплачивалась очень скудно по сравнению с жалованьем наемников.

Но достаточно о команданте Фрэйне, который вовсе не был так уж важен для меня. Просто этот маленький человек убедил себя, что он вот-вот должен быть признан — по крайней мере на уровне Межзвездной службы новостей — потенциально великим военачальником. Он рассказал мне о себе все; кроме того, он показал мне позиции на холме, где окопались его люди. К тому времени, когда я собирался расстаться с ним, он с энтузиазмом отзывался на любое мое предложение. И поэтому я понял, что смогу осуществить то, ради чего приехал.

— Вы знаете, мне только что в голову пришла идея, — обратился я к нему, — Полевой штаб разрешил мне взять одного из солдат в качестве помощника до конца этой кампании. Я собирался выбрать кого-нибудь из штабных, но, знаете ли, наверное, лучше, если это будет один из ваших людей.

— Кто-нибудь из моих людей? — Он моргнул.

— Вот именно, — подтвердил я, — Ведь в случае, если мне придется еще что-нибудь узнать о вас, я мог бы получить всю недостающую информацию от него, а не гоняться за вами по всему полю боя.

— Понятно, — произнес он, и лицо его просветлело. Но затем он снова нахмурился. — Сейчас я не могу никого отпустить — надо дождаться пополнения, а оно будет через одну-две недели. И мне не совсем понятно, как…

— О, с этим все в порядке, — перебил его я и живо вытащил бумагу из кармана. — У меня есть разрешение выбрать кого угодно хоть сейчас — разумеется, если его будет согласен отпустить командир. Конечно, несколько дней у вас будет не хватать одного человека, но…

Я позволил ему самому обмозговать проблему. И какое-то время он действительно думал как настоящий командир: еще

один человек — это означает еще одну дырку в линиях обороны.

Но затем я заметил, как желание продвинуться по службе и добиться известности все же одержало верх.

— Кого же? — спросил он наконец, скорее самого себя, чем меня, — ему надо было решить, откуда легче всего снять человека. Но я сразу ухватился за этот вопрос, как если бы он был задан мне.

— В вашем подразделении есть парень по имени Дэйв Холл…

Он вздрогнул как от выстрела. Черты его лица сразу же исказило неприкрытое подозрение. Есть два способа бороться с подозрением: можно протестовать, настаивая на своей полной невиновности, но лучше признать свою вину в менее значительном проступке.

— Я заметил его имя в списке подразделения, еще когда разыскивал ваш полевой штаб, незадолго до того как добрался сюда, — произнес я, — Сказать по правде, это была одна из причин, по которой я ВЫБРАЛ, — я постарался обратить его внимание на это слово, — для репортажа именно вас. Дэйв Холл некоторым образом мой дальний родственник. И я подумал, что мог бы убить сразу двух зайцев. Семья уже давно требует, чтобы я что-то сделал для парня.

Фрэйн, не мигая, смотрел на меня.

— Конечно же, — продолжил я, — я понимаю, что у вас не хватает людей. И если уж он так ценен для вас…

Если уж он так ценен для вас, — как бы намекал я, — я не буду спорить с вами, требуя, чтобы вы отпустили его. С другой стороны, я тот человек, который будет писать о вас для всех шестнадцати миров. И вот я буду сидеть у своего диктофона, вспоминая, что вы могли отпустить моего родственника с передовой, но не сделали этого…

Он понял намек.

— Кто? Холл? — уточнил он, — Разумеется, я могу отпустить его, — Он повернулся и рявкнул: — Вызвать сюда Холла — полная боевая экипировка!

Как только исчез вестовой, Фрэйн снова обратился ко мне:

— На то, чтобы собраться и прибыть сюда, ему потребуется не более пяти минут.

На самом деле это заняло почти десять минут. Но я был не в претензии. И двенадцатью минутами позже мы с Дэйвом в сопровождении сержанта направились назад, в штаб.

Глава 6

Мы с Дэйвом никогда прежде не встречались. Но Эйлин, должно быть, рассказывала ему обо мне, и к тому же он наверняка вспомнил мое имя, когда нас представили друг другу. У него хватило сообразительности не задавать мне никаких глупых вопросов, пока мы не отделались от нашего сопровождающего.

Таким образом мне представилась возможность как следует рассмотреть его по дороге в штаб. Поначалу Дэйв не произвел на меня особого впечатления. Он был ниже меня ростом, к тому же разница в возрасте между нами казалась гораздо большей, чем была на самом деле. Круглое открытое лицо; торчащие во все стороны, как у мальчишки, коротко подстриженные волосы. И наверное, единственное, что сближало его с моей сестрой, — это врожденные наивность и мягкость — качества, присущие слабым людям, которые знают, что не в состоянии бороться за свои права и выигрывать.

Быть может, я слишком предвзято отнесся к нему, но Дэйв действительно показался мне весьма заурядным.

Когда Эйлин вышла за него замуж, он был обычным программистом. И работал лишь полсмены, в отличие от нее. Проходя последнюю аттестацию, он оказался в нижних тридцати процентах, причем случилось это как раз в тот момент, когда Кассида набирала рекрутов на Новую Землю для участия в последней кампании по подавлению мятежников Северного раздела. Так Дэйв угодил в солдаты.

Наверное, вы думаете, что Эйлин немедленно обратилась ко мне за помощью? Ничего подобного — хотя то, что она этого не сделала, когда я наконец узнал об этом, сильно меня удивило. Неожиданно умер наш дядя. И лишь когда мне пришлось встретиться с Эйлин на Кассиде по вопросам наследства, я узнал о том, что Дэйв отправляется рекрутом на Новую Землю.

Матиас оставил большую часть своего достаточно значительного состояния Проекту Конечной Энциклопедии, как бы в подтверждение того, что любой проект, касающийся Земли или землян, по его мнению, совершенно бесполезен. Сестра могла получить свою небольшую долю наследства, только если бы ей удалось заключить сделку с каким-нибудь работающим на Земле кассиданином, у которого дома осталась семья. Только правительства или большие организации могли перемещать средства работающих на них по контракту людей с одной планеты на другую. И вот, узнав, что Дэйв воюет на Новой Земле,

я решил заполучить его в ассистенты на время кампании и принялся за осуществление этой задачи. А теперь я и сам уже не был уверен, стоило ли вообще заваривать всю эту кашу, и когда Дэйв начал благодарить меня, почувствовал себя слегка не в своей тарелке. Мы как раз только что избавились от нашего провожатого и направлялись в Молон, ближайший крупный город за линией фронта.

— Оставь это! — резко бросил я ему, — Все, что я до сих пор сделал для тебя, — сущая ерунда. Тебе придется отправиться со мной на передовую как гражданскому лицу, без оружия. А для этого у тебя должен быть пропуск, подписанный обеими сторонами. И поверь, получить его для того, кто еще менее чем восемь часов назад держал под прицелом своей винтовки солдат квакеров, будет ой как нелегко!

При этих словах он в замешательстве заткнулся. Его явно удручал тот факт, что я так и не дал поблагодарить себя. Но это прервало его болтовню, а большего я и не хотел.

В полевом штабе мы получили соответствующую бумагу, из которой следовало, что Дэйв временно переходит ко мне в подчинение. После этого я оставил его в номере отеля и собрался уходить.

— Так мне тебя ждать? — спросил он, когда я уже выходил, простившись до утра.

— Черт возьми, делай что хочешь! — воскликнул я, — Я вовсе не твой взводный. Просто будь здесь к девяти утра по местному времени.

И только после того, как я прикрыл за собой дверь, я понял, что двигало им и мучило меня. Он думал, что мы проведем хоть несколько часов вместе, узнаем друг о друге побольше, поскольку мы как-никак были родственниками, но что-то во мне упорно противилось такой возможности. Я готов был спасти его жизнь во имя Эйлин, но это вовсе не значило, что я должен привязываться к нему.

Новая Земля и Фрайлянд, как известно, являются планетами-сестрами одной звездной системы — Сириуса. Они расположены близко — естественно, не так близко, как сообщество Венера — Земля — Марс; с Новой Земли на Фрайлянд можно добраться за один фазовый сдвиг — примерно за час: полчаса до орбитальной станции и еще столько же — путешествие с орбиты до поверхности планеты. Сам сдвиг времени почти не занимает.

Именно этим путем я и воспользовался, и спустя два часа после того, как оставил своего зятя, я уже предъявлял швейцару добытое разными правдами и неправдами приглашение у входа на виллу Хендрика Галта, первого маршала вооруженных сил

Фрайлянда.

Предполагался прием, организуемый в честь человека, еще не так давно абсолютно никому не известного, — командира космического субпатруля Донала Грэйма, который, так же как и Хендрик Галт, был дорсайцем. Он только что провел совершенно немыслимый прорыв всего лишь четырьмя или пятью кораблями планетарной обороны Ньютона. Атака оказалась достаточно удачной и ослабила давление Ньютона на Ориенте — пустынную планету в той же системе, что и Фрайлянд с Новой Землей, — а кроме того, позволила войскам Галта выкарабкаться из неудачной тактической ситуации.

Но меня очень мало интересовал сам герой дня. Я хотел бы встретиться только с весьма влиятельными людьми, которые должны были присутствовать на этом приеме.

Особенно же мне было важно заполучить подпись шефа отделения Межпланетной службы новостей Фрайлянда на бумагах Дэйва. Вряд ли она могла бы реально защитить моего зятя. Защита Гильдии распространялась только на ее членов и, с некоторыми оговорками, на стажеров вроде меня. Но на обычного солдата в случае необходимости она вполне могла произвести впечатление. Не помешала бы и подпись кого-нибудь из квакерских военачальников рангом повыше, чтобы обезопасить Дэйва на случай, если нам все же придется столкнуться с их солдатами на поле боя.

Шеф отделения Межпланетной службы новостей, приятный участливый землянин по имени Най Спеллинг, написал на пропуске Дэйва, что служба новостей согласна с его прикомандированием ко мне, и поставил свою подпись.

— Надеюсь, вы понимаете, — заметил он, — что эта бумажка ничего собой не представляет. Дэйв Холл — ваш друг?

— Зять, — ответил я.

— Гм, — хмыкнул он, подняв брови. — Что ж, желаю удачи. — И он отвернулся, чтобы продолжить разговор с экзотом в голубой одежде, в котором я только теперь узнал Падму.

Это было настолько неожиданно, что я допустил оплошность, каких со мной не случалось за все время работы в службе новостей. Я никогда не имел привычки ляпать что-либо, не подумав.

— Посланник Падма! — вырвалось у меня. — Что вы здесь делаете?

Спеллинг, отступивший назад, чтобы мы с Падмой могли видеть друг друга, а он — нас обоих, снова удивленно вскинул брови. Но Падма заговорил раньше, чем мой начальник по службе успел сделать мне выговор за совершенно вопиющую

бестактность. Похоже, экзот ничуть не обиделся.

— Я бы мог задать вам тот же вопрос, Там, — улыбнулся он.

К этому моменту самообладание уже вернулось ко мне.

— Я всегда там, где есть новости. — Это был обычный ответ сотрудника службы новостей. Но Падма предпочел воспринять его буквально.

— Некоторым образом и я тоже, — произнес он. — Помните, я как-то рассказывал вам об общей схеме развития событий? Так вот, данные место и время оказались критической точкой.

Я не понимал, о чем он говорит, но, поскольку разговор начал именно я, волей-неволей приходилось его поддерживать.

— Вот как? — улыбаясь, спросил я. — Надеюсь, ко мне это не имеет отношения?

— Имеет, — ответил он. И вдруг неожиданно я снова почувствовал пристальный взгляд его карих глаз, устремленных на меня и в глубь меня. — Хотя в большей степени это касается Донала Грэйма.

— Что ж, это, по крайней мере, справедливо, — заметил я, — поскольку прием устроен в его честь. — Я рассмеялся, в то же время лихорадочно стараясь найти какой-нибудь благовидный предлог и улизнуть от Падмы, под взглядом которого у меня по спине уже забегали мурашки, словно он оказывал на меня какое-то физическое воздействие. — Кстати, а как поживает та девушка, которая тогда привела меня в офис Марка Торре? Лиза… Кент, кажется, так ее зовут.

— Да, Лиза. — Падма пристально глядел на меня, — Она здесь, со мной. Теперь она мой личный секретарь. Я думаю, скоро вы с ней встретитесь. Она страшно озабочена вашим спасением.

— От кого или от чего его надо спасти? — заинтересовался Спеллинг.

— От самого себя, — пояснил Падма, карие глаза которого по-прежнему неотрывно следили за мной, словно глаза бога или демона.

— Что ж, если так, то, пожалуй, стоит ее поискать, — легкомысленно ответил я, ухватившись за возможность убраться прочь, — Возможно, позже мы с вами еще увидимся.

Спеллинг кивнул головой, и я удалился.

Затерявшись в толпе, я нырнул в один из проходов к лестницам, ведущим наверх на небольшие балкончики, которые нависали над стенами зала, подобно ложам в театре. В мои планы совершенно не входила встреча с этой странной девушкой, Лизой Кент, которую я все же не мог забыть. Пять лет назад, после того, что произошло в Конечной Энциклопедии, меня то и дело подмывало отправиться туда и разыскать ее. Но каждый раз меня

останавливало нечто, похожее на страх.

Я знал, с чем это связано. Это было необъяснимое ощущение, что так неожиданно приобретенные способности манипулировать людьми, впервые опробованные на собственной сестре в присутствии Джэймтона Блэка и потом неоднократно использованные мной для воздействия на многих встречавшихся на моем пути людей, включая коменданта Фрэйна, могут исчезнуть при первой же попытке воздействовать с их помощью на Лизу Кент.

По лестнице я взбежал наверх и очутился на небольшом пустом балкончике с несколькими креслами и столом. Отсюда, сверху, мне легче было отыскать в толпе присутствующих старейшего Брайта, главу старейшин Совета Объединенных церквей, управляющего Квакерскими мирами — Гармонией и Ассоциацией. Брайт принадлежал к одной из главенствующих религий квакеров, которая считала именно войну лучшим средством для достижения цели, и сейчас пребывал с коротким визитом на Новой Земле. Его подпись на пропуске Дэйва явилась бы для моего зятя лучшей защитой от солдат-квакеров, чем пять батальонов кассиданской бронетехники.

Уже через несколько минут я действительно заметил его в толпе, примерно футах в пятнадцати подо мной. Он разговаривал с каким-то светловолосым человеком — по внешнему виду венерианцем или ньютонцем. Я знал, как выглядит старейший Брайт, как знал в лицо всех наиболее интересных, с точки зрения журналиста, людей на всех шестнадцати мирах. И все же, увидев его вблизи, я был потрясен.

Я и не предполагал, что церковник может выглядеть столь внушительно. Ростом выше меня, плечи шириною с дверь и — хотя он уже был в солидном возрасте — талия как у спринтера. Он стоял, одетый во все черное, спиной ко мне, слегка расставив ноги. В этом человеке чувствовалась неиссякаемая энергия, которая вызывала во мне озноб и одновременно желание помериться с ним силами.

Одно было абсолютно ясно: на игру слов, как комендант Фрэйн, он не поддастся.

Я повернулся, чтобы спуститься вниз и подойти к нему, когда случайность задержала меня. Правда, была ли это случайность — я до сих пор не могу сказать с уверенностью. И вряд ли мне когда-нибудь будет дано это узнать. Возможно, слова Падмы о критической точке развития человеческой цивилизации сыграли здесь не последнюю роль. Эта его удивительная способность воздействовать на людей с помощью двух-трех ничего не значащих слов на сей раз, очевидно, оказала свое действие и на

меня. Как бы то ни было, в поле моего зрения неожиданно попала небольшая группа людей, стоящих прямо под балконом, где я находился.

Среди них я заметил Уильяма Сетанского, самого крупного предпринимателя Сеты — огромной коммерческой планеты в системе Тау Кита. Был там и Хендрик Галт, массивного телосложения мужчина в маршальской форме, со своей племянницей Эльвиной. И, наконец, еще один человек, судя по внешности, сам Донал Грэйм.

Это был худощавый молодой человек в мундире космического патруля, чуть ниже ростом, чем обычно бывают дорсайцы, с копной черных волос, необычайно пластичный, что весьма характерно для этого народа, рожденного воевать. Донал на фоне окружающих ничем особо не выделялся. И все же именно он сразу привлек мое внимание. В этот же момент, посмотрев вверх, он заметил меня.

Наши глаза на секунду встретились. Мы находились на достаточно небольшом расстоянии друг от друга, и я смог различить даже цвет его глаз. Они были не то серые, не то зеленые, не то голубые. Он почти тут же отвернулся, а я продолжал смотреть на него, будто завороженный взглядом этих странных глаз, отключившись от всего происходящего вокруг.

Когда я наконец вышел из этого транса и снова посмотрел туда, где только что находился старейший Брайт, я обнаружил, что он отошел от светловолосого незнакомца при появлении адъютанта, фигура которого была мне удивительно знакома как по осанке, так и по внешности и который тут же оживленно заговорил с руководителем Квакерских миров.

Пока я стоял, разглядывая их, Брайт развернулся и, последовав за адъютантом, быстро вышел из зала через коридор, который, как я знал, вел к парадному входу виллы Галта. Он уходил, и я мог окончательно упустить возможность встретиться с ним. Я быстро повернулся, чтобы сбежать вниз по лестнице с балкона и догнать его.

Но на моем пути возникло неожиданное препятствие — дорогу мне преградила Лиза Кент.

Глава 7

— Там! — воскликнула она. — Подожди! Не уходи!

А я и не мог сделать этого, не отстранив ее, — слишком узка была лестница. Я в нерешительности остановился, посматривая на далекий выход, через который исчезли Брайт и его адъютант. Очевидно, я опоздал.

Если бы я ринулся вниз в ту же секунду, как увидел, что Брайт поворачивается и уходит… Вовсе не появление Лизы, а завороженность видом необычных глаз Донала Грэйма стоила мне возможности заполучить подпись Брайта на пропуске Дэйва.

Я взглянул на Лизу. Странно, но теперь, когда мы снова оказались лицом к лицу друг с другом, я был даже рад, хотя все еще и ощущал страх, о котором упоминал ранее.

— Как ты узнала, что я здесь? — потребовал я ответа.

— Падма сказал мне, что ты попытаешься избежать встречи со мной. Внизу, в зале, тебе бы это просто не удалось. А кроме этих балкончиков, здесь никаких других укромных мест нет. Ты стоял у самых перил, и тебя трудно было не заметить.

Девушка слегка запыхалась от быстрого бега вверх по лестнице и поэтому говорила несколько сбивчиво.

— Хорошо, — произнес я, — Итак, ты меня нашла. Что тебе от меня нужно?

Она уже восстановила дыхание, но румянец от быстрого подъема по-прежнему цвел на ее щеках. Сейчас Лиза была прекрасна, и все же я по-прежнему боялся ее.

— Там! — воскликнула она. — Марк Торре считает, что просто обязан поговорить с тобой!

Словно прозвенел тревожный звонок, предупреждающий об опасности. Любой другой постарался бы действовать в этой ситуации ненавязчивее и осторожнее. Но инстинкт подсказывал ей, что мне нельзя давать время на раздумье, иначе ситуация может сложиться не в ее пользу.

Не отвечая, я попытался обойти ее, но она преградила мне дорогу, и я вынужден был остановиться.

— Мне он этого не говорил, — почти рявкнул я и вдруг рассмеялся.

Девушка недоуменно взглянула на меня, затем снова покраснела и теперь выглядела по-настоящему рассерженной.

— Извини. — Я перестал смеяться. Мне стало жаль ее, ибо, несмотря на то что она сказала, Лиза Кент мне слишком нравилась, чтобы над ней насмехаться.

— Послушай, но это же наверняка будет продолжением

разговора о моем руководстве Конечной Энциклопедией! Неужели ты не помнишь? Ведь Падма сам тогда сказал, что вы не можете использовать меня. Я же полностью ориентирован на, — я с удовольствием произнес это слово, — на разрушение.

— Что ж, нам просто придется надеяться на лучшее. — Она пристально смотрела не меня, — Кроме того, вопросы, связанные с Энциклопедией, решает вовсе не Падма, а Марк Торре. А ведь он не становится моложе. Он как никто другой понимает, что произойдет, если он вдруг выпустит поводья, а рядом не окажется никого, кто сможет быстро подхватить их. Если это произойдет, то уже через полгода-год все может развалиться. Или его развалят извне. Ты думаешь, только твой дядя подобным образом относился к землянам и жителям Молодых миров?

Она сделала ошибку, упомянув Матиаса. Должно быть, лицо мое сразу изменилось, потому что я заметил перемену и в ее лице.

— Чем ты все это время занималась? — Неожиданно моя ярость вырвалась наружу. — Изучала меня? Следила за всеми моими передвижениями? — Я сделал шаг вперед, и она инстинктивно отступила. Я схватил ее за руку и притянул к себе. — Почему ты гоняешься за мной даже теперь, спустя пять лет? И как ты узнала, что я окажусь здесь?

Она перестала вырываться и, гордо выпрямившись, застыла неподвижно.

— Отпусти, — тихо произнесла она. Я выпустил ее руку, и она отступила на шаг. — Это Падма сообщил мне, что ты будешь здесь. И еще он сказал, что, по его расчетам, это моя последняя возможность воздействовать на тебя. Помнишь, он рассказывал тебе об онтогенетике?

Какое-то мгновение я просто смотрел на нее, а затем расхохотался.

— Ну что ж, давай! Всегда рад побольше узнать об экзотах. Только, пожалуйста, не рассказывай мне, что они способны заранее вычислить местонахождение обитателя любого из шестнадцати миров.

— Нет, не каждого! — сердито возразила она. — Только твое и еще немногих вроде тебя — и только потому, что ты способен управлять обстоятельствами, а не подчиняться им. Человек, лишь подчиняющийся обстоятельствам, подвержен множеству внешних воздействий, результат которых невозможно предугадать. А у тебя есть ВЫБОР, возможность преодолеть давление, оказываемое на тебя другими людьми и событиями. Падма говорил об этом еще пять лет назад!

— И поэтому я более предсказуем, а не наоборот? Забавно!

— О Там! Зачем так упрощать? Можно обойтись и без онтогенетики. Последние пять лет ты много работал, чтобы стать членом Гильдии журналистов. Разве это не очевидно?

Конечно же, она была права. Я никогда не скрывал своих амбиций.

— Ну вот, — продолжала она, — Итак, ты достиг уровня стажера. Теперь дальше. Какой самый короткий и верный путь к полноправному членству в Гильдии? Сделать привычкой оказываться там, где происходят самые интересные события, не так ли? А что сейчас является самым интересным — для всех шестнадцати миров? Война между Южным и Северным разделами на Новой Земле. Так что ты обязательно должен был добиться того, чтобы тебя послали описывать все происходящее там, а ты, похоже, в состоянии получить все, чего ни пожелаешь.

Я пристально посмотрел на нее. Разумеется, Лиза права. Как же мне раньше не приходило в голову, что я столь предсказуем? У меня появилось ощущение, что за мной постоянно наблюдают в мощный бинокль, а я и не подозреваю об этом.

— Но ты только объяснила, почему я должен был оказаться на Новой Земле, — медленно произнес я. — Но почему я обязательно должен был попасть сюда, именно на этот прием на Фрайлянде?

— Падма… — произнесла она и замешкалась. — Падма сказал, что это место и мгновение — критическая точка. А ты со своими уникальными способностями смог это понять и прилетел сюда, чтобы воспользоваться этим в собственных целях.

Я уставился на нее, медленно постигая сказанное. А затем мгновенно в моем разуме соединилось сказанное ею только что и то, что я уже слышал раньше.

— Ах, да… критическая точка! — натянуто произнес я, снова сделав шаг к ней, — Падма сказал, что она здесь — для Грэйма, но и для меня тоже! Почему? Что это значит для меня?

— Я… — Она запнулась, — Я точно не знаю. Там. Возможно, и сам Падма этого тоже не знает.

— Но что-то же привело тебя сюда! Разве не так? — Словно лиса, настигающая раненого зайца, я чувствовал, что близок к истине. — Зачем же тогда ты охотилась за мной? Скажи мне!

— Падма… — Лиза снова запнулась. И вдруг я понял, что она с радостью солгала бы мне, но что-то не позволяло ей сделать этого. — Падма… совсем недавно узнал то, что знает теперь… благодаря Энциклопедии. С ее помощью ему удалось получить дополнительные данные для вычислений. Так что Энциклопедия сейчас еще более важна для человечества, чем пять лет назад. И опасность того, что Энциклопедия так никогда и не будет

закончена, теперь гораздо серьезнее. И твоя способность к разрушению…

Она замолчала и посмотрела на меня, словно умоляя разрешить ей не заканчивать начатой фразы. Но мой мозг уже лихорадочно работал, а сердце бешено стучало.

— Продолжай! — резко потребовал я.

— Способность к уничтожению в тебе оказалась гораздо сильнее, чем он предполагал. Но, Там, — она заговорила очень быстро, словно в лихорадочной спешке, — есть еще кое-что. Ты помнишь, как пять лет назад Падма думал, что у тебя один выход — пройти через эту твою темную долину до самого ее конца? Что ж, это не совсем так. Есть шанс. Он здесь — в этой критической точке. Но ты должен развернуться резко и сейчас же! Ты должен отказаться от того, над чем сейчас работаешь, и, несмотря ни на что, вернуться на Землю и немедленно переговорить с Марком Торре!

— Немедленно… — пробормотал я, всего лишь повторив это слово вслед за ней и просто слушая, как оно отзывается в моих мыслях. — Нет, — сказал я, — сейчас это не имеет значения. Так от чего же я предположительно должен отказаться? От какого именно разрушения?

— Там!

Словно издалека я ощутил прикосновение ее пальцев к своей руке и увидел ее бледное лицо и глаза, пристально смотрящие на меня, словно пытающиеся привлечь моё внимание. Но в тот момент мне казалось, что нас разделяет огромное расстояние. Мне не давала покоя мысль, что даже вычисления Падмы подтверждали наличие у меня необыкновенных способностей. Что же я еще могу совершить, обладая таким даром?

— Разве ты не понимаешь, это в тебе как ружье, готовое к выстрелу, — отчаянно воскликнула Лиза. — Только ты не должен позволить ему выстрелить. Ты в состоянии изменить себя сам, пока еще есть время. Ты можешь спасти и себя, и Энциклопедию…

Последнее слово прозвучало во мне, словно многократное эхо колокола. Оно прозвенело, как все те бесчисленные голоса, которые я услышал пять лет назад в Точке Перехода Индекс-зала Энциклопедии. А потом неожиданно достигло меня и вонзилось в меня, словно острие копья. Будто сияющий луч, разрезало оно темные стены, точно такие же, как те, среди которых я оказался в тот день в офисе Марка Торре. На мгновение тьма расступилась, и в ослепительном свете мне открылась картина: я под дождем, стоящий ко мне лицом Падма и мертвый человек, лежащий у наших ног.

Но я резко ушел от этого всплеска воображения, нырнул в комфортную тьму, и чувство силы и мощи вернулось ко мне.

— Мне не нужна Энциклопедия! — громко заявил я.

— Нет, нужна! — вскричала Лиза. — Все, кто рожден на Земле, и если Падма прав, то и будущие поколения всех шестнадцати миров нуждаются в ней. И только ты наверняка сможешь сделать так, что они ее получат. Там, ты должен…

— Должен?!

На этот раз я сам отшатнулся от нее. Неожиданно я почувствовал такой же взрыв ярости, какой лишь раз в жизни сумел вызвать во мне Матиас, но теперь ярость смешивалась с ощущением триумфа и могущества.

— Я больше ничего не должен! Не путай меня с прочими земными червями! Быть может, им и нужна ваша Энциклопедия! Но не мне!

Оттолкнув ее, я поспешил вниз по лестнице. Лиза что-то кричала мне вслед. До сих пор не знаю, какими были ее последние слова. Теперь, когда ушел Брайт, не было никакого смысла задерживаться тут.

Когда я вышел на свежий воздух холодной и безлунной ночи Фрайлянда, служащий парковочной стоянки сообщил мне, что старейший Брайт и его спутник уже уехали.

Они могли отправиться в любую точку планеты или вообще вернуться на Гармонию или Ассоциацию. Ну и пусть! Я и сам справлюсь с любыми неприятностями, с которыми Дэйв может столкнуться из-за того, что его пропуск не подписан ни одним из квакерских руководителей.

Я вернулся в космопорт и на первом же челноке отправился на орбиту, а оттуда — на Новую Землю. Но, немного поостыв в пути, я решил, что все же будет лучше еще раз попытаться получить вторую подпись на пропуске Дэйва. В случае, если нам придется расстаться на поле боя, я должен быть уверен, что Дэйву не грозит опасность.

После того как я упустил возможность получить подпись старейшего Брайта, мне ничего не оставалось, как направиться в штаб квакеров в Северном разделе. И поэтому, как только я очутился на орбите Новой Земли, я взял курс на Контревэйл, город в Северном разделе, расположенный в непосредственной близости от боевых порядков наемных войск Квакерских миров.

Все это заняло некоторое время. Только после полуночи я добрался из Контревэйла до полевого штаба сил Северного раздела. Мое удостоверение журналиста позволило мне проникнуть в расположение штаба, где было необычно пусто даже для ночного времени. Но когда я наконец притормозил у нужного

здания, я был удивлен, заметив множество аэрокаров, припаркованных на офицерской стоянке.

И снова мой пропуск позволил мне беспрепятственно пройти мимо молчаливого, одетого во все черное охранника в приемную, разделенную надвое огромной перегородкой. Сквозь высокие прозрачные стены позади меня в свете ночных фонарей была видна стоянка. По другую сторону перегородки за столиком сидел только один человек. Им оказался капрал, на вид не старше меня, но уже с загрубелым лицом, на котором навсегда застыли следы угрюмой и безжалостной самодисциплины, характерной для многих из этих людей.

Он встал из-за стола и подошел к перегородке; я тоже приблизился к ней.

— Я журналист из Межзвездной службы новостей, — начал я, — Я ищу…

— Твои бумаги!

Голос его был резок и гнусав. Черные глаза буквально впились в меня. Угрюмое презрение, если не открытая ненависть, подобно искре, передалось от него ко мне, когда он протянул руку за документами, — и подобно льву, разбуженному от сна ревом врага, моя собственная ненависть инстинктивно рванулась к нему, даже не позволив мне хладнокровно оценить ситуацию.

Это был один из тех обитателей Гармонии или Ассоциации, которые избегали любых мирских удовольствий, будь то мягкая постель или полный желудок, к своей жизни относились как к испытанию, прелюдии к будущей жизни, доступной лишь тем, кто хранит настоящую веру, — и считали себя избранниками Господа.

Для этого человека не имело значения, что он всего лишь писарь, маленький чиновник — один среди тысяч ему подобных, а я — один из всего нескольких сотен журналистов, на все шестнадцать населенных миров, и человек образованный. Для него не имело значения, что я как стажер Гильдии могу свободно говорить с правителями планет. Все это ровным счетом ничего не значило, потому что он был одним из избранников Господа, а я вообще не принадлежал к его церкви. И поэтому он смотрел на меня как император на пса, которого он мог пинком в любую минуту отбросить со своего пути.

Я тоже пристально посмотрел на него. Есть возможность противостоять любому психологическому удару, наносимому намеренно. Кто мог знать это лучше меня? Высокомерие — далеко не лучшая человеческая черта. И я знал, как противостоять ей. Лучшее средство справиться с ней — смех. Но теперь, когда я смотрел на этого капрала, я не мог рассмеяться — и по весьма простой причине. Хоть он и был наполовину безумен,

узколоб и ограничен, все-таки он скорее хладнокровно позволил бы сжечь себя на костре, чем предать свою веру. В то время как Я не смог бы, наверное, продержать свой палец в пламени спички хотя бы минуту, чтобы отстоять свои убеждения.

Поэтому я не считал себя вправе рассмеяться и таким образом восстановить чувство уважения к себе. И за это я его просто ненавидел.

Я протянул ему свои документы. Он просмотрел их. Затем вернул назад.

— Они в порядке, — произнес он гнусаво. — Что привело тебя сюда?

— Пропуск, — Я достал бумаги Дэйва. — Моему помощнику. Видите ли, мы будем перемещаться туда и сюда по обе стороны боевых порядков и…

— Не нужен никакой пропуск. Твоих документов журналиста достаточно. — Он повернулся, словно собираясь снова усесться за свой столик.

— Но мой помощник, — я старался говорить бесстрастным тоном, — не имеет документов журналиста. Я совсем недавно взял его, и у меня не было времени оформить ему все необходимые бумаги. Я хотел бы получить временный пропуск, подписанный одним из ваших штабных офицеров…

Он вернулся к перегородке.

— Твой помощник не журналист?

— Официально нет. Но…

— Тогда он не имеет права свободно передвигаться в расположении наших войск. И никакого пропуска ему выдано быть не может.

— О, я не знал, — осторожно ответил я. — Я собирался получить его от старейшего Брайта на Фрайлянде несколько часов назад, на приеме, но он уехал прежде, чем я успел обратиться к нему с этой просьбой.

Я замолчал, потому что капрал угрюмо покачал головой.

— Брат Брайт.

И по тому, как он его назвал, я наконец понял, что все мои обращения к нему бессмысленны по весьма простой причине: пост Брайта относился лишь к его нынешней жизни и, таким образом, с точки зрения капрала, был просто игрушкой, мусором, пустым звуком. Но у меня в запасе была еще одна карта, хотя, как я уже понимал, проигрышная. Но я все равно должен был попытаться разыграть и ее.

— Брат Брайт, — продолжал он, — никогда бы не выдал пропуск тому, кто не имеет официального права находиться здесь и может оказаться вражеским шпионом.

— Если вы не возражаете, я бы хотел получить ответ от одного из старших офицеров. Пожалуйста, позовите кого-нибудь, скажем, дежурного офицера, если нет никого другого.

Но он вернулся к своему столику и сел за него.

— Дежурный офицер, — произнес он безапелляционно, возвращаясь к бумагам, над которыми работал ранее, — тоже не может дать тебе никакого другого ответа. Да и не буду я отвлекать его ради того, чтобы он повторил тебе все только что сказанное мною.

Это было жестоким ударом по моим планам, но спорить смысла не имело, поэтому, развернувшись, я покинул здание.

Глава 8

Оказавшись на улице, я остановился на верхней ступеньке, задумавшись, что же делать дальше. Я рассматривал проблему со всех сторон, пытаясь найти решение. Где-то должна существовать лазейка, потайной ход, трещина в стене, позволяющая добраться до того, что мне так нужно. Я снова взглянул на офицерскую стоянку, заполненную аэрокарами.

И вдруг меня осенило. Совершенно неожиданно фрагменты соединились, и передо мной предстала целостная картина. Я мысленно дал себе пинка за то, что не сообразил этого раньше.

Во-первых, странно знакомая внешность адъютанта, который появился, чтобы увести Брайта с приема в честь Донала Грэйма. Во-вторых, незамедлительный уход Брайта. И наконец, необычно пустая площадка у штаба и необычно переполненная стоянка здесь, пустой офис и отказ капрала даже позвать дежурного офицера.

Либо сам Брайт, либо его появление в зоне боевых действий привели в действие какой-то необычный военный план наемников-квакеров. Неожиданный удар, сокрушающий силы кассидан, и быстрое окончание войны сделали бы наемников более привлекательными в свете общего недовольства ими на других мирах из-за их фанатичного поведения.

Отнюдь не все уроженцы Гармонии и Ассоциации вызывали такие чувства, говорили мне. Но, встретившись с тем капралом, я вполне допускал, что нужно совсем немного подобных ему, чтобы вызвать общее предубеждение в отношении солдат в черных мундирах.

Таким образом, я мог поклясться чем угодно, что Брайт сейчас вместе со всеми своими высокопоставленными военачальниками готовит какую-то военную операцию, имеющую целью застать рекрутов с Кассиды врасплох. И с ним наверняка должен был быть адъютант, который вызвал его с приема в честь Донала Грэйма, и, если только моя профессиональная память на этот раз мне не изменила, я догадывался, кто этот адъютант.

Я быстро спустился по ступенькам, подошел к своему аэрокару, залез в него и включил видео. На экране появилось личико хорошенькой молодой блондинки.

Я сообщил ей номер моей машины, которая, конечно же, была взята напрокат.

— Я хотел бы поговорить с офицером Джэймтоном Блэком, — сказал я, — Мне кажется, что он сейчас должен находиться в штабе около Контревэйла. Я не знаю точно, кто он по званию, —

по крайней мере старший лейтенант, хотя, может быть, и выше. Это в некотором роде неотложное дело. Если вам удастся связаться с ним, не могли бы вы соединить его со мной?

— Да, сэр, — ответила она. — Пожалуйста, подождите, я соединюсь с вами через минуту.

Экран погас, и голос сменился легким шумом, что означало: канал открыт и связь поддерживается.

Я откинулся на сиденье аэрокара и стал ждать; менее чем через сорок секунд блондинка снова появилась на экране.

— Я связалась с Блэком, и через несколько секунд он соединится с вами. Вы подождете?

— Конечно, — ответил я.

— Благодарю вас, сэр.

Девушка исчезла. Прошло еще примерно полминуты или около того, и экран вновь вспыхнул; на этот раз на меня смотрело лицо Джэймтона.

— Здравствуйте, старший лейтенант! — сказал я. — Возможно, вы не помните меня. Я журналист Там Олин. Вы когда-то ухаживали за моей сестрой, Эйлин Олин.

По его глазам мне сразу стало ясно, что он меня помнит. Очевидно, я не настолько изменился, как мне казалось. Или просто он обладал очень хорошей памятью. Сам он тоже изменился, но не настолько, чтобы его нельзя было узнать. По погонам на его плечах было видно, что звание его осталось прежним, зато лицо стало более мужественным и более спокойным.

Но это был уже далеко не тот мальчишка, каким он казался мне раньше.

— Чем могу быть полезен, мистер Олин? — спросил он своим по-прежнему совершенно спокойным голосом, который теперь стал лишь несколько ниже, чем раньше, — Оператор сообщила мне, что ваш звонок был вызван каким-то неотложным делом.

— Некоторым образом это так. — Я сделал паузу, — Я бы не хотел отрывать вас от важных дел, но я сейчас нахожусь здесь, у вашего штаба, на офицерской стоянке, прямо напротив командного центра. Если вы не слишком далеко отсюда, быть может, вы могли бы выйти ненадолго и переговорить со мной. — Я снова помедлил, — Конечно, если ваши служебные обязанности…

— Мои обязанности в данный момент позволят мне уделить вам несколько минут, — ответил он, — Вы находитесь на стоянке у командного центра?

— В наемном зеленом аэрокаре с прозрачным верхом.

— Я сейчас спущусь, мистер Олин.

Экран погас.

Я подождал. Через пару минут распахнулась та самая дверь, через которую я входил в командный центр, и появилась темная худощавая фигура Блэка. Он спустился по ступенькам вниз и направился к стоянке.

Когда он подошел, я открыл дверцу и отодвинулся на сиденье так, чтобы он смог расположиться рядом со мной.

— Мистер Олин? — спросил он, просовывая голову внутрь машины.

— Именно так. Присаживайтесь.

— Благодарю вас.

Он влез в машину и сел, оставив дверь приоткрытой. Стояла необыкновенно теплая для здешнего климата весенняя ночь. Через приоткрытую дверь до меня доносились терпкие запахи листьев и трав.

— Так что у вас за неотложное дело? — поинтересовался он.

— У меня есть помощник, для которого мне нужен пропуск. — Я рассказал ему все, опустив лишь тот факт, что Дэйв был мужем Эйлин.

Когда я закончил, он некоторое время сидел молча. Я видел лишь темный силуэт на фоне фонарей, освещавших стоянку и командный центр, и ощущал на лице дуновение легкого ночного ветерка.

— Если ваш помощник не журналист, мистер Олин, — наконец тихо произнес он, — то вряд ли мы сможем разрешить его пребывание и тем более перемещение в расположении наших войск.

— Он является журналистом, по крайней мере на период этой кампании, — ответил я. — Я отвечаю за него, как и Гильдия отвечает за меня и за любого другого журналиста. Наша объективность гарантирована межзвездным соглашением. И это соглашение распространяется также и на моего помощника.

Он медленно покачал головой в темноте:

— А если он окажется шпионом? Ведь тогда вы сможете заявить, что его просто навязали вам в качестве помощника.

Я повернул голову, чтобы пристальнее всмотреться в его почти неразличимые во тьме черты. Я специально подвел его к этому моменту нашей беседы.

— Нет, мистер Блэк, это невозможно, — произнес я. — Потому что он не был мне навязан. Мне пришлось затратить немало усилий, чтобы найти его. Он мой зять. Он тот парень, за которого Эйлин вышла замуж. И я хочу убрать его с передовых позиций, где, скорее всего, он будет убит.

Я помолчал мгновение, чтобы мои слова дошли до него.

— Я пытаюсь спасти его жизнь ради Эйлин и прошу вас помочь мне сделать это.

Он не пошевелился и ничего мне не ответил. В темноте мне не было видно, изменилось ли выражение его лица. Но, учитывая его поистине спартанское воспитание, не думаю, что я бы что-либо заметил, даже если бы было светло, хотя я только что нанес ему тяжелый двойной удар.

Именно так я управлял мужчинами и женщинами. Вера, любовь, ненависть, страх, вина, надежда или отчаяние — вот то, что я безошибочно использовал для достижения своих целей, ибо таким аргументам человеческая психика противостоять не способна.

В случае же с Джэймтоном Блэком я связал свою просьбу с чувством, которое он когда-то питал к Эйлин. И это чувство в любом гордом человеке (а гордость изначально свойственна людям его религии) требовало от него быть выше сожалений по поводу давно пережитого и, насколько он понимал, честного поражения.

Отказать в пропуске Дэйву теперь, когда я все рассказал, было равносильно тому, чтобы послать Дэйва на верную гибель, и кто бы мог доказать, что это сделано не намеренно, после того как я затронул его гордость и боль по утраченной любви?

Наконец он произнес:

— Дайте мне документы, мистер Олин. Я посмотрю, что можно сделать.

Я передал ему бумаги Дэйва, и он вылез из аэрокара.

Через пару минут он вернулся. Наклонившись к открытой двери, он вернул мне документы.

— Вы не сообщили мне, — произнес он тихим голосом, — что уже запрашивали разрешение на пропуск и получили отказ.

Я замер, уставившись на него снизу вверх; рука моя застыла в воздухе, сжимая документы.

— Кто? Этот капрал там, внутри? — спросил я, — Да он ведь не офицер. А вы не только офицер, но еще и адъютант.

— Тем не менее вам отказали. Я не могу изменить уже принятое решение. Мне очень жаль. Пропуск для вашего зятя получить невозможно.

И только тогда я понял, что подписи на документах нет. Я уставился на них, словно усилием воли мог заставить подпись появиться там, где ей полагалось быть. А затем во мне вскипела такая ярость, что я почти потерял над собой контроль. Я оторвал взгляд от документов и пристально посмотрел через открытую дверь на Джэймтона Блэка.

— Вот, значит, как вы пытаетесь выкрутиться из этого

положения! — воскликнул я. — Вот, значит, какое вы нашли оправдание за то, что посылаете мужа Эйлин на смерть! И не думайте, что я вас не вижу насквозь, Блэк, — я вижу!

Он стоял спиной к свету, и лицо его было скрыто темнотой, поэтому я так и не смог разглядеть, изменилось ли выражение его лица. Но он издал что-то похожее на легкий вздох. Затем ответил тем же ровным, тихим голосом:

— Вы видите всего лишь человека, мистер Олин, а не сосуд Божий. А теперь я должен вернуться к своим обязанностям. Всего хорошего.

С этими словами он захлопнул дверь аэрокара, повернулся и пошел прочь. Я сидел неподвижно, глядя ему вслед, и все в мне кипело от той фразы, которую он бросил мне, уходя. Затем я очнулся и понял, что надо что-то делать. В этот момент дверь командного центра открылась, осветив на мгновение фигуру Блэка, затем опять стало темно. Я резко включил двигатель, развернул аэрокар и направился прочь из военной зоны.

В момент, когда я миновал ворота, было три часа ночи, шла смена часовых на посту. Они сгрудились в темную группу и начали какой-то ритуал.

Часовые запели — скорее всего, это был один из их гимнов. Я не вслушивался в слова, но первые три застряли у меня в ушах против моей воли. «Солдат, не спрашивай…» Я позже узнал, что это был их боевой гимн, исполнявшийся либо по большим праздникам, либо накануне боя.

«Солдат, не спрашивай…» Эти слова продолжали звучать у меня в ушах, как мне показалось, насмешкой, поскольку я уезжал с так и не подписанным пропуском Дэйва в кармане. И опять во мне поднялась ярость. И еще раз я поклялся, что Дэйву не понадобится никакой пропуск. Я не отпущу его от себя ни на одну секунду. И тем самым обеспечу ему полную безопасность.

Глава 9

В шесть тридцать утра я наконец добрался до вестибюля моего отеля в Дорессе. Нервы мои были напряжены, а в рот и глаза словно насыпали песку, потому что я не спал уже целые сутки. Предстоящий день обещал быть весьма напряженным, так что на отдых, скорее всего, рассчитывать не приходилось. Но двое-трое суток без сна для журналиста — дело вполне привычное. Ведь приходится следить за развитием ситуации, которая может измениться в любую минуту. Поспать, конечно, не мешало бы, но в отеле меня ожидало то, что мгновенно отбило у меня всякое желание спать.

Это было письмо от Эйлин. Я тут же распечатал его и начал читать.

«Дорогой мой Там!

Только что получила твое письмо, где ты сообщаешь о своих планах относительно Дэйва. Я так счастлива!

Чем я могу тебя отблагодарить? Простишь ли ты меня когда-нибудь за то, что так долго не давала знать о себе и не интересовалась твоей жизнью? Похоже, я была не больно-то хорошей сестрой. Но это просто потому, что еще с тех пор, когда я была маленькой девочкой, я всегда чувствовала, что ты стыдишься и едва терпишь меня.

А еще мне казалось, что ты гордишься тем, что смог удержать меня от брака с Джэми.

Как же я ошибалась! То, что ты сейчас делаешь для Дэйва, ясно доказывает это. Ты всегда был самым близким для меня человеком и единственным, кто остался у меня и кого я могла любить после смерти мамы и папы. Я действительно любила тебя, Там, хотя считала, что тебе это нужно не больше, чем дяде Матиасу.

Так или иначе, с тех пор как я встретила Дэйва и он женился на мне, все изменилось. Когда-нибудь ты обязательно должен приехать на Кассиду, в Албан, и посмотреть, как мы живем. Это первый мой собственный дом, и я думаю, ты даже удивишься, насколько уютно мы его обставили. Дэйв все тебе об этом расскажет, если ты его расспросишь. Он замечательный. Кстати, тебе не кажется, что он даже слишком хорош для меня? Ведь он такой добрый и преданный. А знаешь, он очень хотел

сообщить тебе о нашей свадьбе. А я не захотела этого. Только теперь я понимаю, насколько он был прав. Он всегда прав, в то время как я очень часто ошибаюсь — впрочем, ты знаешь это лучше меня, Там.

Но благодарю тебя, еще раз благодарю тебя за то, что ты делаешь для Дэйва. Пусть моя любовь хранит вас обоих. Передай Дэйву, что я ему тоже написала. Только, наверное, он получит письмо несколько позже.

С любовью,

Эйлин».

Я сунул письмо в карман и поднялся в свою комнату. Я намеревался показать его Дэйву, но меня несколько смутил восторженно-виноватый тон письма. Ведь и я не был таким уж заботливым братом. И то, что я сейчас делал для Дэйва, быть может, выглядело для нее чем-то большим, чем было на самом деле. Ведь я бы мог поступить так и в отношении совершенно чужого мне человека, скажем оказывая ему услугу за услугу.

Но может быть, после всего этого мы смогли бы относиться друг к другу как нормальные люди. Без сомнения, весьма скоро у меня появятся племянники или племянницы. Кто знает — ведь я мог бы тоже в конце концов жениться (на память мне неожиданно пришла Лиза), и у меня тоже могли бы быть дети.

«Вот так я и опровергну Матиаса! — подумал я, — И Падму тоже».

Находясь в приятном расположении духа, уже у дверей номера я подумал о том, стоит ли показывать Дэйву письмо. Нет, лучше пусть дождется своего письма, которое, как сообщала Эйлин, уже находилось в пути, решил я и, постучав, вошел.

Дэйв уже встал и успел одеться. Увидев меня, он улыбнулся. И это на секунду меня удивило, пока я не сообразил, что, должно быть, на моем лице тоже была улыбка.

— Я получил весточку от Эйлин, — сказал я. — Небольшое письмецо. Она сообщает, что послала письмо и тебе, но пройдет день-два, пока его перешлют из твоей части.

При этих словах он просто расцвел. Затем мы направились вниз, позавтракать. За столом мне окончательно расхотелось спать. И как только мы закончили, тут же отправились в путь, в полевой штаб кассиданских и местных войсковых частей. Дэйв нес мою записывающую и прочую аппаратуру. Правда, я и сам часто таскал ее на себе, едва ли замечая это. Но то, что теперь о ней заботился он, позволяло мне сосредоточиться на более важных моментах работы.

В штабе мне пообещали предоставить один из военных

аэрокаров — маленькую двухместную разведывательную машину. Мы отправились в транспортный парк, но там выяснилось, что в первую очередь предоставят машину одному из офицеров. Сначала я хотел выразить свое возмущение по поводу того, что меня заставляют ждать, но потом решил не делать этого, потому что это был не совсем обычный офицер. Высокий, худощавый, темноволосый, с крупными чертами лица, он был высок даже для дорсайца, которым он, несомненно, являлся. Разумеется, он обладал и тем качеством, для которого нет названия, но которое присуще любому дорсайцу с рождения.

Любого из них можно убить — но все они твердо убеждены в том, что ни вместе, ни по отдельности их невозможно завоевать.

Что же мне показалось необычным в этом офицере?

От него исходило какое-то мощное солнечное тепло, передававшееся даже мне, стоящему в нескольких ярдах от него. Его окружала группа офицеров и штатских. Из этого дорсайского офицера, казалось, фонтаном била какая-то радость, вызывая прилив подобного же чувства у окружающих.

Была и еще одна вещь, которую мой профессиональный взгляд сразу же приметил. Правда, она не имела никакого отношения к личным качествам. Покрой и цвет его мундира говорили о принадлежности к военным силам экзотов. Жителям Экзотских миров, богатым и могущественным, убеждения не позволяли самим участвовать в войнах, зато вовсе не мешали нанимать самых лучших профессиональных солдат. Разумеется, основную их часть составляли дорсайцы. Так что же здесь делал дорсайский офицер с наспех пришлепнутыми на плечи нашивками вооруженных формирований Новой Земли, окруженный штабными офицерами Новой Земли и Кассиды?

Если он только что прибыл к изрядно потрепанным вооруженным силам Южного раздела Новой Земли, то воистину это было счастливое совпадение, ведь он оказался тут буквально наутро после той ночи, когда, как мне посчастливилось узнать, что-то лихорадочно затевалось в полевом штабе квакеров в Контревэйле.

Но было ли это совпадением? Трудно поверить в то, что кассидане узнали о секретном совещании в штабе Сил Квакерских миров. Кадровая служба разведывательных подразделений Новой Земли была укомплектована офицерами вроде коменданта Фрэйна. К тому же, как следовало из кодекса наемников, наемные солдаты-профессионалы с любого из миров не имели права принимать участия ни в каких разведывательных миссиях, не будучи одетыми в собственную форму. Но так или иначе, совпадение было бы слишком простым ответом.

— Оставайся здесь, — велел я Дэйву.

А сам решил пробраться через толпу штабных офицеров, обступивших необычного дорсайца, чтобы попытаться получить какую-нибудь информацию от него. Но его машина оказалась рядом с ним раньше, чем я. Я заметил, что он направился на южный участок фронта.

Офицеры начали расходиться. Я же решил обратиться с вопросами к пожилому запаснику с Новой Земли, который подогнал мне мой аэрокар. Скорее всего, он знал не меньше, чем все эти офицеры, и наверняка особой осторожностью не отличался. Как я узнал, высокий дорсаец прибыл совсем недавно, по приказу посланника экзотов по имени то ли Патме, то ли Падме. Этот офицер приходится родственником Доналу Грэйму, на приеме в честь которого я присутствовал. Правда, насколько я знал, Донала нанял Фрайлянд, а не экзоты, и его командиром был Хендрик Галт.

— Кенси Грэйм, вот как зовут этого офицера, — сообщил мне мой собеседник, — И у него есть брат-близнец. Кстати, а вы умеете управлять такой машиной?

— Да, — Я уже сидел за пультом, а Дэйв разместился на сиденье рядом со мной. — А его брат тоже здесь?

— Нет, думаю, по-прежнему на Культисе, — ответил запасник, — Как я слышал, он настолько же угрюм, насколько этот весел. К тому же, говорят, их совершенно невозможно отличить. Кстати, тот, второй, — тоже большая шишка.

— А как зовут того? — поинтересовался я, заканчивая приготовления и готовясь стартовать.

Он нахмурился, подумал с минуту и покачал головой:

— Не могу вспомнить. Но по-моему, Ян.

— Спасибо, — произнес я, и мы взлетели. Я испытывал определенный соблазн направиться вслед за Кенси Грэймом. Но я все спланировал еще вчера, когда ночью возвращался из штаба квакерских войск. А когда вы недоспали, не следует изменять свои планы без веских на то оснований. Очень часто нечеткой работы сознания, являющейся следствием недосыпания, вполне достаточно для того, чтобы забыть какую-то важную деталь.

Поэтому я сделал своим принципом не изменять планы, если только я не уверен, что мой разум находится в превосходном работоспособном состоянии. Это принцип, который гораздо чаще приносит пользу, чем вред. Хотя, конечно, ни один принцип не является безупречным.

Мы поднялись на аэрокаре на высоту примерно шестисот футов и направились на север над боевыми позициями кассиданских сил. Машина была выкрашена в цвета службы

новостей, и, кроме того, предупреждающий маячок постоянно извещал всех о нашем нейтралитете. Все это, как я считал, обеспечивало безопасность до тех пор, пока не начнется настоящая стрельба. И тогда уже разумнее будет найти себе укрытие где-нибудь на земле.

А пока я решил с воздуха осмотреть боевые позиции сперва в северном направлении (где фронт имел выступ в сторону полевого штаба сил квакеров и Контревэйла), а затем — в южном и попробовать догадаться, что именно придумали Брайт и его черномундирные офицеры.

Если провести прямую линию между Контревэйлом и Дорсом — базами враждующих группировок, — то она протянулась бы почти точно с юга на север. Существующая линия фронта проходила под углом к этой воображаемой линии юг — север, северной своей частью немного приближаясь к Контревэйлу и штабу квакеров, в то время как на юге почти касалась пригородов Дореса, городка с примерно шестидесятитысячным населением.

Так что в целом линия фронта была гораздо ближе к Дорсу, чем к Контревэйлу, и поэтому квакерские войска находились в тактически невыгодном положении. Они не могли отступить на своем южном фланге и войти в городскую черту, одновременно сохранив возможность иметь прямую линию фронта и соответственно коммуникации, необходимые для эффективной обороны.

Но с другой стороны, угол линии фронта был достаточно острым, так что большая часть подразделений квакеров на южном направлении находилась как бы внутри северного конца боевых порядков кассиданских сил. Если бы там было больше войск и ими руководили талантливые командиры, то, я думаю, определенные вылазки кассидан на северном участке могли бы нарушить связь между южной и северной частями боевых порядков квакеров — и их штабом в Контревэйле.

Теперь благодаря прибытию Кенси Грэйма следовало ожидать изменения ситуации — если только для этого хватало времени и людей. Но едва ли командиры квакеров будут ждать, пока кассидане предпримут попытку перерезать их коммуникации.

Что же придумало командование квакеров, просидев всю ночь за разработкой плана? Со своей наблюдательной позиции я мог представить только возможные тактические ходы кассидан. Но я совершенно не представлял, каким образом стратеги Гармонии и Ассоциации планировали использовать преимущества своей позиции и тактической ситуации.

Южная оконечность линии фронта в пригородах Дореса

большей частью представляла собой открытую местность, где находились фермерские хозяйства, засеянные кукурузой поля и невысокие холмы. На севере также были холмы, поросшие высокими желтыми березами. Здесь, на Новой Земле, они почти в два раза превосходили высотой земные — и настолько близко располагались их кроны, что это напоминало нечто вроде владений Робин Гуда: большие серебряно-золотистые и серые стволы тянулись вверх, подобно колоннам; сквозь толщу ветвей и листьев прорывались лишь слабые лучики солнца.

И тут, глядя на них и представляя, каково было бы прогуляться под кронами этих деревьев, я вдруг сообразил, что под их прикрытием могло передвигаться незамеченным практически любое количество войск, а я — отсюда, из аэрокара, — наверняка не заметил бы ни единой каски или ружья.

За догадкой следовал вывод. Просто из-за недостатка сна притупилась острота восприятия, и это помешало мне сразу заподозрить что-либо подобное. Я круто развернул аэрокар и вскоре приземлился у укрепленного поста кассидан, вылез из машины и прошел через маскирующий позицию звукового орудия кустарник. День уже становился жарким.

— Есть какие-либо признаки передвижения противника там, на севере? — спросил я старшего взводного.

— Нет, ничего, насколько нам известно, — ответил он. Это был худощавый, подтянутый парень, облысевший немного раньше времени. Ворот его мундира был расстегнут. — Мы выслали патрули.

— Гм-м, — произнес я. — Что ж, тогда попробую пролететь еще немного вперед. Спасибо.

Я вернулся к аэрокару. Мы снова поднялись в воздух, на этот раз всего лишь футов на шесть над землей, и направились к лесу. Здесь было гораздо прохладнее. Одна рощица сменялась другой, а та, в свою очередь, третьей. И здесь нас окликнул кассиданин. Солдаты лежали в траве, и я не смог заметить ни одного человека, пока чуть ли не у самой машины с земли не поднялся широколицый взводный с карабином в руках и опущенным прозрачным забралом шлема.

— Какого черта вы тут делаете? — спросил он, поднимая свой визор.

— Я журналист. У меня есть разрешение на передвижение в районе линии фронта. Хотите посмотреть?

— Вы сами знаете, куда нужно засунуть эти ваши разрешения, — ответил он. — Жаль, что это не в моей власти, а то мы бы вам помогли. Здесь не воскресный пикник. Нам и так

нелегко заставить людей вести себя, как подобает солдатам на передовой, а тут еще вы шатаетесь.

— А в чем дело? — невинно поинтересовался я. — Случилось что-нибудь?

— Мы с самого утра не видели ни одной черной каски! — воскликнул он, — Их передовые орудийные позиции пусты — а вчера этого не было. Направьте антенну и послушайте хотя бы пять секунд, наверняка услышите шум множества тяжелых машин, передвигающихся всего лишь в пятнадцати — двадцати километрах отсюда. Вот что случилось! А теперь, друг мой, почему бы вам не вернуться в тыл? Не хватало нам еще и о вас беспокоиться!

— А в каком направлении, по-вашему, передвигается бронетехника?

Он показал куда-то вперед, в вглубь территории, занятой силами квакеров.

— Как раз туда мы и направляемся, — произнес я и, откинувшись на сиденье аэрокара, приготовился закрыть фонарь.

— Подождите! — Его восклицание остановило меня. — Если вы намерены двинуться дальше, навстречу врагу, я не могу вас остановить. Но я обязан предупредить вас, что вы направляетесь туда полностью под свою ответственность. Там, впереди, — ничейная земля, и ваши шансы нарваться на неприятности весьма велики.

— Конечно, конечно. Считайте, что вы нас предупредили, — Я со стуком захлопнул колпак над головой. Наверное, моя раздражительность была связана с тем, что я не выспался, но тогда мне казалось, что взводный слишком уж усложняет ситуацию.

Возможно, я был несправедлив по отношению к нему. Мы проскочили между деревьями, и спустя несколько секунд он исчез из виду. Мы продолжали двигаться вперед через лес примерно еще с полчаса, ни с чем так и не столкнувшись. Я предполагал, что мы находимся никак не больше чем в двух-трех километрах от того места, откуда, как предполагал взводный, доносился грохот бронетехники квакеров. И в этот момент произошло нечто непредвиденное.

Послышался короткий звук, за которым последовал удар, словно швырнувший мне в лицо приборную панель, и я потерял сознание.

Через некоторое время я открыл глаза. Дэйв, освободившись от ремня безопасности, с озабоченным лицом склонился надо мной, расстегивая мой ремень.

— Что такое? — пробормотал я.

Но он, не обратив внимания на мои слова, начал торопливо вытаскивать меня из аэрокара.

И тут мое сознание прояснилось; должно быть, я был просто оглушен. Но когда я обернулся, чтобы посмотреть на аэрокар, то понял, что мы легко отделались.

Вибрационная мина. Аэрокар снабжен датчиками, торчащими из корпуса под разными углами. И один из них взорвал мину, когда мы находились на расстоянии дюжины футов от нее. Передняя часть аэрокара теперь представляла собой груду искореженного металла, да и приборную панель как раз перед моей головой разнесло вдребезги. Просто удивительно, что на лбу вскочила всего лишь шишка внушительных размеров.

— Со мной все в порядке — все в порядке! — раздраженно сказал я Дэйву. Затем в течение нескольких минут я ругал на чем свет стоит аэрокар — просто чтобы излить свои чувства.

— Что же нам теперь делать? — спросил Дэйв, когда я наконец остановился.

— Пойдем пешком к боевым порядкам квакеров. Они к нам ближе всего! — прорычал я. Мне тут же вспомнилось предупреждение взводного, и я снова выругался. А затем, чтобы выместить свое раздражение на ком-то, я накинулся на Дэйва:

— Надеюсь, ты не забыл, что мы здесь собираем материал для репортажа?

Я развернулся и заковылял в том направлении, куда еще совсем недавно двигался наш аэрокар. Возможно, поблизости находились и другие вибромины, но я не весил столько, чтобы привести их в действие. Спустя какое-то время Дэйв нагнал меня, и мы молча пошли дальше, пока, оглянувшись, я не заметил, что аэрокара больше не видно.

И только когда было уже слишком поздно, до меня вдруг дошло, что я забыл сверить свой наручный указатель направления с индикатором направления в аэрокаре. Если теперь следовать моему наручному указателю, то позиции квакеров находятся прямо впереди. Возможно, у него сохранилась корреляция с индикатором в аэрокаре — тогда все в порядке. Если же нет — среди огромных стволов, подобных колоннам, мы легко можем заблудиться.

Что ж, теперь не оставалось ничего иного, как двигаться прямо вперед сквозь дымку и тишину леса. Туда, где, по моему предположению, находились боевые позиции квакеров.

Глава 10

В поддень, обессиленные, мы решили наконец устроить привал и съесть холодный завтрак, который прихватили с собой. До сих пор мы так никого и не встретили, а также ничего не слышали и не видели. Теперь от того места, где остался аэрокар, мы находились примерно на расстоянии трех километров, но из-за расположения рощиц, под прикрытием которых мы двигались, еще и отклонились на юг приблизительно на пять километров.

— А может быть, они вообще ушли домой — я имею в виду квакеров, — предположил Дэйв.

Он пытался шутить, и когда я вскинул глаза, оторвавшись от сандвича, то заметил улыбку на его лице. Я тоже в ответ постарался изобразить улыбку. Дело в том, что неожиданно он оказался очень хорошим помощником, к тому же старавшимся не донимать меня всякими глупостями, порожденными незнанием не только принципов ведения боевых действий, но и того, что касалось журналистской работы.

— Нет, — ответил я, — что-то затевается. Квакеры по какой-то причине отступили, по крайней мере на этом участке фронта. Возможно, тем самым они пытаются увлечь за собой кассиданские силы. Таково мое предположение. Но почему же тогда до сих пор нам не встретились контратакующие солдаты в черных мундирах?

— Послушай!

Дэйв, подняв руку, остановил меня. Я замолчал и прислушался. И точно, на небольшом расстоянии от нас я расслышал «умпф» — приглушенный звук, словно энергичная домохозяйка вытряхивала свое одеяло.

— Акустические бомбы! — воскликнул я, вскакивая на ноги. — Клянусь Господом, наконец-то они начинают предпринимать какие-то действия! Давай посмотрим. — Я попытался определить, откуда донесся звук. — По-моему, в нескольких сотнях метров в том направлении и чуть справа… — Я так и не закончил фразу. Неожиданно Дэйв и я очутились в самой середине грозового раската. Очнувшись, я обнаружил, что лежу на мху, а в пяти футах от меня распростерся Дэйв. Менее чем в сорока футах от нас я увидел воронку, окруженную деревьями, которые, казалось, взорвались от внутреннего давления и теперь белели развороченными сердцевинами.

— Дэйв! — Я подполз к нему и перевернул его. Он дышал и, пока я осматривал его, открыл глаза. Глаза его были налиты кровью, из носа текла кровь. При виде его крови я ощутил влагу у себя на верхней губе и, облизав губы, почувствовал знакомый

солоноватый привкус. Подняв руку к носу, я обнаружил, что у меня тоже идет кровь.

Я попытался поставить Дэйва на ноги.

— Заградительный огонь! Идем, Дэйв! Нам нужно отсюда убираться.

И тут я в первый раз живо представил себе возможную реакцию Эйлин, если мне не удастся доставить Дэйва домой в целости и сохранности.

Дэйв поднялся. К счастью, зона действия акустического взрыва расширяется книзу, подобно колоколу, и мы оба оказались на границе перепада внутреннего и внешнего давлений. Дэйв был просто оглушен чуть больше, чем я. И вскоре, более или менее придя в себя, мы поспешили удалиться от того места, двигаясь под углом в том направлении, где, как я предполагал, сверившись со своим наручным указателем, должны были находиться позиции кассидан.

Наконец мы остановились, чтобы перевести дыхание, и на мгновение присели, тяжело дыша. До нас по-прежнему доносились отзвуки заградительных разрывов — «умпф, умпф» — где-то совсем неподалеку от нас.

— Все в порядке, — выдохнул я. — Скоро они прекратят огонь, пошлют вперед солдат и только потом пустят вперед бронетехнику. А с людьми всегда можно договориться. Это тебе не акустические пушки и бронемашины. Теперь мы можем спокойно отсидеться здесь, отдышаться, собраться с силами и рвануть вдоль линии фронта, чтобы присоединиться либо к кассиданским силам, либо к первой волне сил Квакерских миров — смотря на кого мы наткнемся раньше.

Он смотрел на меня с выражением, которое показалось мне странным. И тут я сообразил, что это восхищение.

— Ты спас мне жизнь, — прошептал он.

— Спас тебе… — Я запнулся. — Послушай, Дэйв… Этот акустический взрыв всего лишь оглушил тебя на секунду.

— Но ты ведь уже знал, что делать, когда мы очнулись, — возразил он. — И в этот момент думал не только о себе. Ты дождался, пока я смогу подняться, и помог мне убраться оттуда.

Я промолчал. Даже если бы он обвинил меня в том, что я попытался спастись прежде всего сам, я бы и не подумал приложить усилия к тому, чтобы разубедить его в этом. Но так как он оценил происшедшее совсем по-другому, какой же мне был смысл пытаться переубеждать его? Раз он хотел считать меня самоотверженным героем — пожалуйста.

— Ладно, — сказал я. — Надо идти.

Мы не без труда поднялись — без сомнения, взрыв все же

подействовал на нас довольно сильно — и двинулись на юг, к передовой линии кассиданской обороны. Наша предыдущая встреча с патрулем указывала на то, что мы находились довольно далеко от их основных позиций.

Спустя некоторое время звуки «умпф, умпф» наконец смолкли. В душе я надеялся, что мы наткнемся на кассидан раньше, чем нас настигнет квакерская пехота. Недавнее происшествие напомнило мне, насколько все в жизни зависит от случайностей, особенно на поле боя.

Правда, я все-таки чувствовал себя в определенной безопасности. Моя яркая красно-белая форма журналиста указывала обеим воюющим сторонам на то, что я не принимаю участия в боевых действиях. Дэйв же, напротив, был одет в серую полевую форму кассидан без знаков отличия или звания, лишь белая повязка на руке означала нейтралитет. Я скрестил пальцы, чтобы удача не миновала нас.

И это сработало. Но не настолько, чтобы привести нас к артиллерийской позиции кассидан. Миновав очередную рощу, мы по склону поднялись на вершину холма, и тут красно-желтая вспышка, показавшаяся просто ослепительной в полумраке рощи, сверкнула примерно в полудюжине футов впереди. Я в буквальном смысле швырнул Дэйва на землю и замахал руками.

— Журналист! — заорал я, — Я журналист! Я не военный!

— Да вижу я, что ты проклятый журналист! — раздался негромкий, напряженный от злобы голос. — Давайте сюда быстро, оба, и придержите ваши рты на замке!

Я помог Дэйву подняться, и мы, спотыкаясь, полуослепшие, направились вперед, на голос. Через двадцать шагов я оказался за стволом огромной, восьми футов в обхвате желтой березы, лицом к лицу с уже знакомым мне кассиданским взводным.

— Это опять вы! — воскликнули мы одновременно. Но последующие наши реакции различались. Потому что он начал мне объяснять хриплым от ярости голосом, что именно он думает обо мне и о других штафирках вроде меня, которые попусту болтаются между боевыми позициями на линии фронта.

Тем временем я, почти не обращая внимания на его слова, постарался использовать эти секунды на то, чтобы собраться с мыслями. Наконец запас его ругательств иссяк.

— Все дело в том, — угрюмо завершил он, — что я за вас отвечаю. И что же мне с вами теперь делать?

— Ничего, — ответил я, — Мы находимся здесь по собственному желанию, чтобы наблюдать за ходом военных действий, и весь риск, вся ответственность лежит на нас самих. Укажите, где бы мы могли расположиться так, чтобы не путаться

у вас под ногами, и больше мы вас не побеспокоим.

— Уж будьте уверены! — кисло произнес он. Но это были всего лишь последние искорки его дотлевавшего гнева. — Хорошо. Вон там. Устраивайтесь позади наших парней, между теми двумя большими деревьями. И что бы ни случилось, оставайтесь на месте.

— Хорошо, — ответил я. — Но прежде чем мы уйдем, не могли бы вы ответить еще на один вопрос? Что вы собираетесь делать на этом холме?

— Удерживать его! — произнес он. И посмотрел на меня так, словно хотел сплюнуть, чтобы избавиться от привкуса только что произнесенных слов.

— Удерживать? — Я уставился на него, — Но вы не сможете удержать позицию с таким количеством солдат, если квакеры перейдут в наступление! — Я подождал, но он продолжал молчать, — Или сможете?

— Нет, — ответил он. И на этот раз сплюнул, — Но попытаемся. Советую положить вашу куртку там, где черные шлемы смогут заметить ее, когда начнут атаковать.

Он повернулся к одному из солдат.

— Свяжись со штабом, — услышал я его слова. — Сообщи им, что у нас здесь парочка журналистов!

Я записал его имя, номер подразделения и имена людей его взвода. Затем я провел Дэйва к месту, которое указал взводный, и мы начали окапываться точно так же, как и солдаты вокруг нас. Не забыл я и про свою куртку, как было приказано.

Мы довольно быстро закончили обустройство, и теперь нам была отлично видна панорама покрытого лесом склона и начинающегося на западе у далекого зеленого горизонта широкого поля, за которым под прикрытием леса, очевидно, и находились акустические орудия квакеров, от которых мы с Дэйвом незадолго до этого бежали.

Наконец-то я опять мог вести наблюдение. И вот, внимательно изучив местность, я заметил какое-то движение между стволов деревьев на дне лощины, разделявшей наш холм и следующий. Одного мгновения оказалось недостаточно, чтобы понять, что там происходит, но в эту минуту наступающие подразделения квакеров были засечены с помощью инфракрасных датчиков. На экране тепловизоров были четко видны пятна человеческих тел на фоне едва заметного теплового излучения растительности.

Атакующие тоже нас обнаружили. Причем буквально через несколько секунд — теперь в этом уже не было никакого сомнения, — потому что даже в мой бинокль я различал

мелькание черных мундиров, когда солдаты начали взбираться вверх по склону к нашей линии обороны, и кассиданские солдаты открыли ответный огонь.

— Не высовывайся! — приказал я Дэйву.

Он пытался высунуться и посмотреть, что происходит впереди. Он видел, как я старался получше рассмотреть происходящее, и решил, что может позволить себе то же самое, подставляя себя под выстрел. Но ведь нужно было принять во внимание мою куртку и что я, кроме всего прочего, регулятором цветов установил на своем берете кроваво-красный и белый цвета. Вдобавок я больше верил в свою способность выжить, чем он. У каждого из нас бывают в жизни моменты, когда чувствуешь себя абсолютно неуязвимым. Там, в окопе, я испытал именно такое чувство. Кроме того, я ожидал, что начавшаяся атака скоро захлебнется.

Что, конечно же, и произошло.

Глава 11

В паузе, наступившей после атаки, не было ничего удивительного. Мы имели дело с разведгруппой, продвигавшейся впереди основных сил квакеров. Ее задачей было теснить кассидан до тех пор, пока те не окопаются и не начнут оказывать сопротивление. Как только это произошло, первая цепочка разведчиков отошла, вызвала подкрепления и стала ждать.

Подобная тактика применялась еще до Юлия Цезаря.

Все это, как и остальные обстоятельства, которые привели Дэйва и меня в это место и в это время, позволяли сделать парочку любопытных выводов.

Первый состоял в том, что все мы — как квакеры, так и кассидане, да и вся эта война, включая каждого, принимавшего в ней то или иное участие, вроде Дэйва и меня, — были игрушкой сил, находящихся далеко-далеко от поля боя. Разумеется, было не так уж и трудно догадаться, кто именно манипулирует нами. Старейшего Брайта, без сомнения, беспокоило, смогут ли квакеры успешно выполнить задачу и тем самым привлечь большее число нанимателей. Брайт, как опытный шахматист, спланировал и осуществил какой-то ход, целью которого было выиграть войну одним смелым тактическим ударом.

Но этот ход наверняка был заранее просчитан его противником — Падмой.

Потому что если Падма благодаря своим вычислениям узнал, что я появлюсь на приеме в честь Донала Грэйма на Фрайлянде, то с помощью той же онтогенетики он вполне мог определить, что Брайт попытается предпринять какой-то решительный тактический ход. Доказательством тому было появление в самый ответственный момент одного из лучших тактиков — Кенси Грэйма. Будь все это не так, его прибытие сюда просто не имело бы смысла.

Но все-таки почему Падма вступил в противоборство с Брайтом? Насколько мне было известно, экзоты не были заинтересованы в войне на Новой Земле — правда, войне, имевшей достаточно важное значение для планеты, но не для остальных пятнадцати миров.

Ответ мог лежать где-то в области контрактных отношений. Экзотские миры, как и Земля, Марс, Фрайлянд, Дорсай, Сент-Мари, а также Коби, не заключали контракты без предварительного согласия своих специалистов. Эти планеты считались «свободными» мирами. Так называемые «жесткие» миры — Сета, Квакерские миры, Венера, Ньютон и остальные —

торговали своими людьми безо всякой оглядки на их права или пожелания.

Таким образом, Экзотские миры, принадлежавшие к «свободным», заведомо находились в оппозиции к Квакерским «жестким» мирам. Но одно это не являлось достаточной причиной для противодействия друг другу на какой-то третьей планете. Должен был существовать еще какой-то конфликт, о котором я ничего не знал. Иначе зачем было Падме принимать участие в этой войне?

Второй вывод, который я сделал, касался нашей ситуации с обороной этого холма, которая решительно изменится, как только квакеры подтянут подкрепления. Вряд ли его может защитить пара дюжин людей.

И если уж это смог понять я, гражданское лицо, естественно, это было очевидно для атакующих, не говоря уже о самом командире патруля. Очевидно, он удерживал этот холм по приказу из штаба. Именно этим вполне объяснялось бы его недружелюбное отношение к нам. Наверняка у него были свои заботы — включая и какого-то вышестоящего офицера там, в штабе, который настоятельно просил его и патруль удержать свою позицию. Я даже проникся к нему определенной симпатией. Каким бы ни был полученный им приказ — разумным, паникерским или глупым, — но этот солдат готов был исполнить свой долг до конца.

Да, мог бы получиться отличный репортаж о безнадежной попытке удержать этот холм без какой-либо поддержки с флангов и перед лицом целой армии квакеров. И между строками этого репортажа стоило бы упомянуть и командование, поставившее его в такое положение. Я еще раз огляделся. Где-то глубоко внутри меня, прямо под грудной клеткой, появилось холодное неприятное чувство. Люди в окопах еще не представляли себе цену, которую им придется заплатить за то, что они станут героями моего репортажа.

Дэйв толкнул меня в бок.

— Посмотри там… вон там… — выдохнул он мне в ухо. Я выглянул.

Среди солдат-квакеров, остававшихся под защитой деревьев на дне лощины, началось какое-то движение. Они, очевидно, перегруппировывались для начала наступления на холм. Но в течение ближайших нескольких минут еще наверняка ничего не произойдет, и я уже хотел сказать об этом Дэйву, но он снова толкнул меня.

— Не здесь! — прошептал он тихим, но озабоченным голосом. — Вон там. Дальше, у горизонта.

Я посмотрел, куда он указывал, и понял, что привлекло его внимание. Где-то там, среди деревьев, сливавшихся с небом, сейчас словно выцветшим от дневной жары, мелькали подобные огненной мошкаре сполохи. Какие-то желтые проблески среди зелени, то и дело появлявшиеся восходящие струйки чего-то белого и темного, которые тут же развеивал ветер.

— Бронетехника! — воскликнул я.

— Они двигаются сюда, — произнес Дэйв, зачарованно уставившись на проблески, едва заметные на таком расстоянии. В действительности это были смертоносные лучи света с температурой в сорок тысяч градусов. Они могли повалить деревья вокруг нас с той же легкостью, с какой бритва справилась бы с пучком спаржи на грядке.

Они приближались, не встречая никакого сопротивления, потому что просто не существовало такой пехоты, которая могла бы сдержать их продвижение с помощью пластиковых мин или акустических орудий. Противотанковые ракеты, классическое средство обороны против бронетехники, уже пятьдесят лет как вышли из употребления ввиду развития противоракетного оружия, где скорости достигали половины световой, что делало невозможным его использование на поверхности планет.

Оборона холма превращалась в дешевый фарс. Если пехота квакеров и не прокатится валом над нами, то раньше сюда подойдет бронетехника, и мы просто будем поджарены в наших окопах. Еле слышный ропот прокатился по окопам.

— Тихо! — резко бросил из своего укрытия взводный. — Стоять до последнего! Если вы не…

Но у него не оказалось времени, чтобы закончить, потому что в это мгновение началась первая серьезная атака пехоты на наши позиции.

Игла из вражеской винтовки попала в грудь взводного почти у самой шеи, и он упал, захлебываясь кровью.

Но остальные солдаты даже не заметили этого, потому что наступающие квакеры были уже прямо перед ними, на полпути вверх по склону. Кассидане отстреливались. И то ли на них сказывалась безнадежность положения, то ли необычайно большой опыт ведения боевых действий, но я не заметил ни одного человека, парализованного страхом боя.

Кассидане пользовались преимуществом своей позиции. Склон становился несколько круче по мере приближения к вершине холма. Атакующие вынуждены были двигаться медленнее и представляли собой неплохую мишень. Наконец они не выдержали и побежали вниз, в лощину между холмами. Снова наступила передышка.

Я выскочил из своей норы и побежал к взводному, чтобы выяснить, жив ли он. Конечно, это было глупо — выставлять себя напоказ подобным образом, даже несмотря на берет и униформу журналиста. Расплата наступила быстро. Отступающие во время атаки потеряли много товарищей. Естественно, им хотелось во что бы то ни стало отомстить неприятелю. Всего лишь в нескольких шагах от окопа взводного что-то резко ударило по моей правой ноге, и я рухнул на землю.

В следующий момент я очнулся уже в окопе и увидел, что надо мной склонился Дэйв.

— Что происходит… — начал я и попытался подняться. Дэйв хотел меня остановить, но едва я ступил на ногу, как резкая боль пронзила ее, и я снова рухнул как подкошенный. Кроме нас, в окопе находилось двое солдат. Я прислушался к их разговору.

— Надо отступать, надо убираться отсюда, Акке. В следующий раз они нас сомнут, или через двадцать минут мы превратимся в головешки!

— Нет! — вдруг прохрипел лежащий рядом со мной взводный.

Я повернулся, чтобы посмотреть на него. Кто-то уже наложил давящую повязку на его рану и нажал контрольный рычажок, так что ее волокна должны были блокировать кровотечение. И все же он умирал. Я ясно видел это по его глазам. Солдаты не обращали на него внимания.

— Послушай меня, Акке, — снова произнес тот солдат, что заговорил первым. — Командир теперь ты. Пора сматываться!

— Нет, — с трудом прошептал взводный, — Приказываю… удержаться… любой ценой…

Солдат, имя которого, очевидно, было Акке, выглядел неуверенно. Он повернулся и взглянул на рацию, лежащую в окопе подле него. Второй солдат заметил направление его взгляда, и карабин у него на коленях как бы сам собой выстрелил. Раздался удар, звон — и я увидел, что огонек на рации погас.

— Я приказываю вам, — хрипел взводный. Но в этот момент ужасные челюсти боли снова сомкнулись на моем колене, и я потерял сознание. Когда я очнулся, то увидел, что Дэйв, разорвав брюки на моей левой ноге, уже наложил аккуратную давящую повязку.

— Все в порядке, Там, — сказал он, — Игла прошла навылет. Так что все в порядке.

Я осмотрелся вокруг. Мертвый взводный по-прежнему сидел рядом со мной с наполовину вытащенным из кобуры пистолетом. У него появилась еще одна рана, на этот раз в голове. Солдат не было.

— Они ушли, Там, — произнес Дэйв. — И нам тоже надо отсюда убираться, — Он показал на подножие холма. — Квакеры решили, что мы не стоим их усилий. Они отошли. Приближается их бронетехника, а ты не можешь достаточно быстро двигаться. Попробуй-ка встать.

Я попытался. Ощущение было такое, словно одно мое колено находилось на кончике копья и несло на себе половину веса моего тела. Но я устоял. Дэйв помог мне выбраться из окопа. И мы начали наше мучительное отступление вниз по другому склону холма.

До этого вид здешнего леса вызывал во мне восхищение. Но теперь, когда я пробирался сквозь него, с каждым шагом или, точнее, прыжком чувствуя, как раскаленный гвоздь боли ввинчивается в мое колено, лес начал представляться мне чудовищем — темным, зловещим, ненавистным. Мы оказались в ловушке, где нас в любое время могли обнаружить и уничтожить либо тепловыми лучами, либо просто обрушив деревья на наши головы, прежде чем мы попытались бы объяснить, кто мы такие.

Я отчаянно надеялся, что мы успеем выбраться на открытую местность. Казалось, мы ходим кругами по этому злосчастному лесу, и поэтому я решил, что единственно правильным будет идти в направлении, предлагаемом моим наручным указателем. Но это значило, что нам снова предстоит путь через лесные массивы, которые мы однажды уже преодолели, выйдя затем к тому самому холму, что так отчаянно и безнадежно защищал кассиданский патруль.

Мы двигались очень медленно из-за моего колена; кроме того, я по-прежнему плохо чувствовал себя после разрыва акустического снаряда. А сейчас постоянные приступы сумасшедшей боли в колене постепенно приводили меня в ярость. Это походило на какую-то разновидность изощренной пытки — и оказалось, что я не такой уж стоик в том, что касается боли.

Но я не был и трусом, хотя вряд ли меня можно было бы честно назвать храбрецом. Просто так уж я создан, что на определенном уровне моя реакция на боль выливается в ярость. И чем сильнее эта боль — тем, соответственно, сильнее ярость. Наверное, какая-то доля древней крови берсеркеров — легендарных викингов, неистовых скандинавских воинов — все же соседствовала в моих жилах с ирландской.

По правде говоря, я не испытывал никакого страха перед бронетехникой квакеров. Я был уверен, что они увидят мою красно-белую куртку прежде, чем откроют огонь. Но даже если они и откроют огонь — ни их лучи, ни падающие деревья, ни их ветви не заденут меня. Я абсолютно не сомневался в своей

неуязвимости, и единственное, что меня беспокоило, это то, что рядом был Дэйв, и если с ним что-нибудь случится, Эйлин этого просто не переживет.

Я орал на него, я его проклинал. Я приказывал ему оставить меня, идти вперед и спасать собственную жизнь. Я доказывал ему, что мне не угрожает опасность.

В ответ он повторял одно и то же: я не оставил его, когда мы попали под обстрел акустических орудий. Вот и он не оставит меня. Не оставит ни при каких обстоятельствах. Я брат Эйлин, и он обязан заботиться обо мне. Да, она написала в своем письме правду: Дэйв — человек верный. Чертовски, излишне верный, верный — дурак. Я пытался оттолкнуть его от себя. Но, прыгая на одной ноге, точнее ковыляя на одной ноге, сделать это было невозможно. Я без сил опустился на землю и отказался идти дальше. Тогда он просто взвалил меня на свою худую спину и потащил.

Наконец я пообещал ему идти с ним дальше, если он спустит меня на землю. Он уже шатался от усталости, когда выполнил мою просьбу. К этому времени, наполовину обезумев от боли и ярости, я был готов сделать все, что угодно, чтобы спасти его от самого себя. Я начал как можно громче звать на помощь, несмотря на все его попытки заставить меня замолчать.

Это сработало. Менее чем через пять минут мы оказались под прицелами карабинов двух молодых разведчиков-квакеров.

Глава 12

Я ожидал, что, услышав мои крики, кто-нибудь появится еще быстрее, поскольку разведчики-квакеры шныряли по всей округе почти с того момента, как мы покинули холм.

В их задачи входило обнаружение очагов кассиданского сопротивления, с тем чтобы, вызвав подкрепление, ликвидировать их. У них наверняка были акустические пеленгаторы, и даже если бы эти устройства засекли двух спорящих людей, то они могли бы не обратить на них внимания. Два человека — слишком мелкая дичь, чтобы ими заинтересоваться.

Но человек, взывающий о помощи, — это было само по себе весьма необычно, поэтому они и решили проверить, что происходит. Солдат Господа не должен быть настолько слаб, чтобы звать на помощь подобным образом, независимо от того, нуждается он в ней или нет. А кассиданин — здесь, где пока не было никаких боевых действий? И кто другой, кроме солдат Господа или их вооруженных врагов, мог находиться в этом районе?

Я немедленно сообщил им, кто мы такие: журналист и его помощник; оба — гражданские. Тем не менее карабины по-прежнему были нацелены на нас.

— Протрите глаза! — заорал я на них. — Разве вы не видите, что мне нужна медицинская помощь? Немедленно доставьте меня в один из ваших полевых госпиталей!

На их гладких молодых лицах сияли поразительно невинные глаза. У того, что стоял справа, на воротнике была одна-единственная нашивка ефрейтора, второй же был простым солдатом. Обоим не было еще и двадцати.

— У нас нет приказа поворачивать назад, — произнес ефрейтор, говоря за них обоих как старший по званию. — Я только могу препроводить вас на сборный пункт для пленных, где, без сомнения, о вас позаботятся.

Он отступил, по-прежнему держа нас на прицеле.

— Гретен, поддержи его с другой стороны, а я пойду за вами и понесу карабины, — обратился он к своему спутнику.

Тот передал ему свое оружие, и, поддерживаемый им и Дэйвом, я получил возможность передвигаться несколько более комфортабельно, хотя гнев по-прежнему бурлил во мне. Наконец они привели нас на поляну — не на настоящую поляну, открытую лучам солнца, а на место, где одно из огромных деревьев упало и образовался небольшой просвет среди других гигантов. Здесь находилось около двадцати уныло выглядевших кассидан,

обезоруженных и охраняемых четырьмя молодыми солдатами-квакерами.

Меня осторожно посадили, прислонив спиной к стволу огромного упавшего дерева. Затем Дэйв был препровожден к остальным кассиданам. Я заорал, что Дэйв должен остаться со мной, поскольку он не военный, указав при этом на белую нарукавную повязку и отсутствие знаков различия. Однако солдаты в черной форме проигнорировали мое требование.

— Кто здесь старший по званию? — обратился ефрейтор к охранникам.

— Я старший, — ответил один из них, — но мой ранг ниже твоего.

И действительно, он был обычным рядовым. Тем не менее ему уже было больше двадцати, и, судя по тому, как быстро он уступил командные полномочия, он был уже опытным и осторожным солдатом, не желающим нарываться на неприятности.

— Этот человек — журналист, — ефрейтор указал на меня, — и утверждает, что человек, который был вместе с ним, является его ассистентом. Журналист нуждается в медицинской помощи. И хотя никто из нас не может доставить его в ближайший полевой госпиталь, может быть, ты смог бы доложить об этом по команде.

— Пункт связи находится в двухстах метрах отсюда.

— Я и Гретен останемся здесь, чтобы помогать твоим людям, а один из вас пусть сходит к вашему центру связи и доложит кому следует.

— Мы не имеем права отлучаться. Такого приказа не было.

— Но это же особая ситуация?

— Все равно приказом это не предусмотрено.

— Но…

— Я тебе говорю, мы не имеем права, даже в такой ситуации! — огрызнулся солдат. — Надо ждать, пока не появится офицер или сержант!

— А скоро он появится? — Ефрейтор с беспокойством посмотрел в мою сторону. — Лучше я сам схожу на ваш пункт связи. Подожди здесь, Гретен.

Он закинул за плечо свой карабин и ушел. Больше мы его никогда не видели.

Тем временем я уже не чувствовал постоянных ужасных приступов боли, когда пытался шевелить ногой, но теперь постоянная нарастающая тупая боль начала посылать волны вверх по ноге, к бедру, — или так мне казалось, — отчего у меня началось головокружение. Я уже начал сомневаться, что меня надолго хватит, как неожиданно вспомнил о своем поясе.

На нем, как и на всех солдатских поясах, был медпакет первой помощи. Едва не рассмеявшись, несмотря на боль, я дотянулся до него, повозился с ним, пока не раскрыл, и выудил две восьмиугольные таблетки. Начинало темнеть. Под деревьями, где мы находились, я, конечно, не мог разглядеть их красного цвета, зато их восьмигранную форму легко определил на ощупь.

Я разжевал и проглотил их, не запивая. Мне показалось, что издалека донесся крик Дэйва. Но быстрый седативный эффект болеутоляющих таблеток уже уносил меня куда-то вдаль. А вместе с ним исчезала и боль. Я снова становился самим собой — и больше не беспокоился ни о чем, кроме комфорта и покоя.

Я еще раз услышал голос Дэйва. Он кричал, что уже дважды давал мне болеутоляющие таблетки из своего пакета, когда я терял сознание. Он кричал, что я уже принял сверхдозу и кто-то должен мне помочь. Поляна начала покрываться мраком, а затем над головой я услышал звук, подобный раскатам грома, и далекие зачаровывающие звуки симфонии — шуршание миллионов дождевых капель по миллионам листьев высоко надо мной.

И я провалился в никуда.

Когда я снова пришел в себя, то некоторое время почти не обращал внимания на окружающее, потому что меня знобило и тошнило от чрезмерно большой дозы лекарства. Мое вспухшее колено больше не болело, если я им не двигал, но малейшее движение вызывало прилив такой боли, от которой содрогалось все тело.

Меня стошнило, и я сразу почувствовал себя лучше, так что даже снова начал замечать все происходящее вокруг. Я промок до нитки, потому что дождь, некоторое время сдерживаемый листьями, все же добрался и до нас. Недалеко от себя среди насквозь промокших пленников и их стражей я увидел сержанта. Он был среднего возраста, худощавое лицо покрыто морщинами. Я заметил, как он отвел солдата по имени Гретен в сторону, чуть ближе ко мне; очевидно, хотел кое о чем поговорить с ним.

Небо после грозы посветлело и приняло красноватый оттенок лучей заходящего солнца. Вечерний свет достигал земли, окрашивая багрянцем мокрые черные фигуры пленников в серой форме и промокшие черные мундиры.

Я сидел, дрожа от холода в своей промокшей и ставшей тяжелой одежде, и смотрел на споривших сержанта и солдата. И хотя они говорили негромко, я слышал их отчетливо, и смысл их слов постепенно начал доходить до меня.

— Ты еще просто ребенок! — рычал сержант. Он слегка приподнял голову; заходящее солнце залило его лицо своими лучами, так что я в первый раз смог ясно рассмотреть его — и

увидел аскетические, словно высеченные из камня черты лица; его глаза горели тем же фанатизмом, который чувствовался в том капрале, что отказал в пропуске Дэйву.

— Ты просто ребенок! — повторил он, — Молод ты! Что ты знаешь о борьбе за существование, продолжающейся поколение за поколением на наших жестоких каменистых мирах, по сравнению с тем, что знаю я? Что знаешь ты о голоде и нужде, царящей среди детей Господа, женщин и младенцев? Что ты знаешь о целях тех, кто послал нас в эту битву, ради того чтобы наши люди могли жить и процветать, когда все остальные миры рады были бы видеть нас мертвыми?

— Я тоже кое-что знаю, — возразил молодой солдат срывающимся голосом. — Я знаю, что все мы присягали кодексу наемников…

— Заткни свой необсохший ротик, дитя! — прошипел сержант. — Что значат какие-то кодексы перед кодексом Всемогущего? Что значат все прочие клятвы по сравнению с нашей клятвой Господу? Ибо старейший нашего Совета старейшин, тот, чье имя Брайт, сказал нам, что сей день особенно важен для будущего нашего народа и что победе в сегодняшней битве необходимо отдать все силы. И вот тогда мы по-настоящему победим!

— А я тебе говорю…

— Ты мне ничего не можешь сказать! Я старше тебя по званию! Это я тебе говорю, тебе. Дан приказ — перегруппироваться для следующей атаки на врага. Ты и эти четверо немедленно должны направиться к своему пункту связи. И не важно, что ты не из этого подразделения. Тебе приказано, и ты повинуешься!

— Тогда мы должны взять военнопленных с собой в…

— Ты должен выполнять приказ!

Сержант, держа свой карабин в руке, развернул его так, что дуло теперь смотрело на солдата. Я увидел, как Гретен на секунду закрыл глаза, затем сглотнул, но, когда он заговорил вновь, голос его был спокоен.

— Всю мою жизнь я шел в тени Господа, иже есть правда и вера… — донесся до меня его голос, и карабин поднялся до уровня его груди. И тогда я заорал сержанту:

— Ты! Эй, ты, сержант!

Он резко повернулся, словно матерый волк при звуке хрустнувшей под ногой охотника ветки, и мне в лицо глянуло отверстие дула. Затем он приблизился ко мне, и его взгляд, острый, как лезвие топора, уперся в меня поверх прицела.

— Так, значит, ты пришел в чувство? — усмехнулся он.

На его лице было написано презрение ко всякому, оказавшемуся достаточно слабым, чтобы воспользоваться болеутоляющим для облегчения физических страданий.

— Достаточно, чтобы кое-что сказать тебе, — выдавил я.

Горло мое пересохло, и нога снова стала болеть, но сержант оказался хорошим лекарством, и вновь возникшая боль лишь усиливала поднимавшуюся во мне ярость.

— Послушай меня. Я — журналист. Ты уже достаточно давно служишь и отлично знаешь, что никто не имеет права носить ни этот берет, ни эту куртку, если они ему не положены. Но чтобы ты все же удостоверился, — я полез в карман, — вот мои документы. Посмотри.

Он молча взял их.

— Убедился? — спросил я, едва он дочитал последнюю бумагу, — Я — журналист, а ты — сержант. И я не прошу тебя — я приказываю тебе! Необходимо немедленно вызвать транспорт и доставить меня в госпиталь, кроме того, я требую, чтобы мне вернули моего помощника. — Я указал на Дэйва. Не через десять минут или две минуты, а сейчас же! Солдаты, что охраняют пленных, не имеют права покидать пост, чтобы вывезти нас отсюда, но зато я уверен, что у тебя есть такое право. Так вот, я требую, чтобы ты им воспользовался!

Он перевел взгляд с документов на меня, и на его лице появилось выражение мрачной решимости.

— Да, журналист, — со вздохом произнес он. — Да, ты из племени безбожного, которое ложью и сплетнями распространяет ненависть к нашему народу и нашей вере по всем мирам. Я отлично знаю вас, журналистов, — он уставился на меня своими черными запавшими глазами, — и твои документы для меня — всего лишь мусор. Но я покажу тебе, как мало ты значишь со всеми твоими грязными репортажами. Я дам тебе возможность написать рассказ, и ты напишешь его, и сам увидишь, как мало он значит — меньше, чем сухая листва, шелестящая под ногами марширующих избранников Господа.

— Доставь меня в госпиталь, — сказал я.

— Обождешь, — произнес он. — Кроме того, — он помахал документами перед моим лицом, — я вижу здесь только твой пропуск, но пропуска, подписанного кем-либо из нашего командования, предоставляющего право свободного передвижения тому, кого ты называешь своим помощником, — нет. И поэтому он останется с остальными пленниками, чтобы встретить то, что пошлет им Господь.

Он швырнул документы мне на колени, повернулся и побрел назад, к пленникам. Я заорал ему вслед, приказывая вернуться.

Он не обратил на мои крики никакого внимания.

Тут Гретен подбежал к нему и, схватив его за руку, что-то прошептал на ухо, одновременно указывая на группу пленных. Сержант рукой оттолкнул его так, что Гретен пошатнулся.

— Разве они из избранных? — заорал сержант. — Разве они из избранных Господа?

Он в ярости развернулся, и на этот раз его карабин был нацелен не только на Гретена, но и на остальных солдат.

— А ну, стройся! — заорал он.

Одни медленно, другие быстрее оставили свой пост и выстроились в шеренгу перед сержантом.

— Вы все направитесь к вашему пункту связи — немедленно! — отрывисто приказал сержант. — Направо! — Они повернулись. — Шагом марш!

И, выполняя приказ, они нас покинули, вскоре исчезнув за деревьями. Секунду или две сержант наблюдал за ними, а затем снова обратил внимание и оружие на кассидан. Те попятились. Я увидел, как побледневший Дэйв на мгновение повернулся в мою сторону.

— Вот ваши стражи и ушли, — медленно и угрюмо начал сержант, — Ибо начинается наступление, которое уничтожит остатки ваших сил. И там будет необходим каждый солдат Господа, ибо таков клич, брошенный нам старейшинами Совета. Я тоже должен идти, но я не могу оставить врагов вроде вас без охраны в нашем тылу. Поэтому мне ничего не остается, как отправить вас туда, откуда вы уже никому не сможете повредить.

И в этот момент, именно в этот момент я в первый раз понял, что он имеет в виду. Я открыл было рот, чтобы закричать, но не смог издать ни звука. Я попытался встать, но одеревеневшая нога не слушалась. И я застыл на месте с раскрытым ртом, успев лишь чуть приподняться.

Он дал очередь по беззащитным людям, стоявшим перед ним. Они попадали, и среди них Дэйв. Попадали мертвыми.

Глава 13

Я не совсем уверен в точности своих воспоминаний. Я только помню, что после того, как упавшие люди перестали подавать признаки жизни, сержант повернулся и направился ко мне.

Он спешил, мне же казалось, что он приближается ужасно медленно. Медленно, но неумолимо, с черным карабином в руке, а небо над его головой кроваво-красное. Пока наконец он не остановился надо мной.

Я попытался отодвинуться от него, но не смог, потому что спиной упирался в огромный ствол дерева, к тому же моя нога, мало чем отличаясь от бревна, приковывала меня к месту. Однако он так и не поднял свой карабин.

— Вон там, — сказал он, пристально глядя на меня. Его голос был глубок и холоден, глаза горели странным светом, — Есть тема для рассказа, журналист. И ты останешься жить, чтобы рассказать об этом. Возможно, тебе позволят прийти посмотреть, как меня будут расстреливать, если только Господь не распорядится иначе и я не погибну в начинающемся сейчас наступлении. Но пусть меня расстреляют хоть миллион раз, твоя писанина ничего не даст тебе. Ибо я, который есть перст Господень, написал кровью этих людей Его волю, которую тебе не стереть никогда. Только так ты сможешь понять, насколько ничтожна вся твоя писанина пред ликом того, кого называют Господом Воинствующим.

Он отступил от меня на шаг.

— А теперь — прощай, журналист, — произнес он, и жестокая усмешка тронула его губы. — Не бойся, тебя обязательно найдут. И спасут твою жизнь.

Потом повернулся и ушел. А я остался один.

Я был один под темнеющим красным небом, проглядывающим сквозь черные кроны. Один рядом с мертвыми.

Не знаю, как мне это удалось, но спустя некоторое время я дополз, с трудом подтягивая свою бесполезную ногу, по мокрой лесной почве до груды неподвижных тел. Быстро темнело, и я с трудом нашел Дэйва. Очередь игл прошила нижнюю часть его груди, и вся куртка в этом месте была пропитана кровью. Но веки его затрепетали, когда моя рука попыталась приподнять и положить его голову на здоровое колено. Его лицо своим выражением напоминало лицо спящего ребенка.

— Эйлин? — проговорил он едва слышно, но достаточно внятно. Однако глаза по-прежнему были закрыты.

Я открыл рот, чтобы что-то сказать, но сперва не мог издать

ни звука. Когда же наконец я смог заставить работать свои голосовые связки, то произнес:

— Она будет здесь через минуту.

Ответ, казалось, успокоил его. Он лежал неподвижно, чуть дыша. Лицо его оставалось спокойным, словно он не испытывал никакой боли. Я только слышал стук падающих капель, которые поначалу принял за капли дождя, Но, опустив руку, я почувствовал влагу на ладони. Это капала его кровь с набухшей куртки.

Я попытался отыскать перевязочные пакеты на разбросанных вокруг неподвижных телах, стараясь не беспокоить Дэйва, лежавшего головой на моем колене. Удалось найти три пакета. С их помощью остановить кровотечение не удалось. Во время перевязки я все же потревожил его.

— Эйлин! — позвал он.

— Она будет здесь через минуту, — снова сказал я ему.

И уже позже, когда я сдался и просто сидел, держа его на руках, он снова прошептал:

— Эйлин?

— Она будет здесь через минуту.

К тому времени, когда окончательно стемнело и луна взошла достаточно высоко, чтобы послать свой серебряный свет на землю сквозь кроны деревьев, так что я наконец смог увидеть его лицо, он был уже мертв.

Глава 14

Меня нашли сразу же после восхода солнца, причем не войска квакеров, а кассидане. Кенси Грэйм успел отступить на южном фланге, прежде чем начал реализовываться четко продуманный план Брайта — атаковать и сокрушить кассиданскую оборону, а затем окончательно покончить с противником на улицах Молона. Но Кенси, предвидя это, снял с южного фланга обороны основные силы и отправил бронетехнику и пехоту по широкой дуге на усиление своего северного фланга, где находились мы с Дэйвом.

На следующее утро северная группировка, перерезав линии коммуникаций, ударила в тыл квакерским войскам, считавшим, что большая часть кассиданских рекрутов зажата и разбита в городе.

Воины в черных мундирах сражались со своей обычной яростью и беззаветной храбростью людей, попавших в ловушку. Но они оказались между заградительным огнем акустических орудий Кенси и свежими силами, постоянно накапливавшимися у них в тылу. Наконец командование квакерских войск, предпочитая не терять больше боеспособных подразделений, сдалось — и гражданская война между Северным и Южным разделами Новой Земли закончилась.

Но меня это совершенно не волновало. В полубессознательном состоянии меня доставили в Дорес, в госпиталь. Появились осложнения оттого, что лечение не было начато своевременно, и, несмотря на все старания врачей, колено работало плохо. Единственным выходом, как мне объяснили медики, могло бы стать хирургическое вмешательство и новое искусственное колено. Правда, врачи не советовали мне этого делать. Настоящая плоть и кровь, пояснили они, все же лучше, чем любая созданная человеком замена.

Меня почти ничто не волновало. Был схвачен и предан суду сержант, устроивший бойню. И — как он сам и предсказывал — его расстреляли согласно положению кодекса наемников об обращении с военнопленными. Но и это известие нисколько меня не тронуло. Что-то во мне с тех пор изменилось.

Я уподобился часам со сломанной деталью, не остановившей механизм, но противно дребезжащей где-то внутри корпуса. И даже официальная благодарность, полученная мной от Межзвездной службы новостей, и то, что я стал полноправным членом Гильдии, не смогли излечить мою душу. Зато теперь мне стало доступно то, что могли представить своим сотрудникам

лишь несколько частных организаций, — Гильдия послала меня к врачевателям на Культис, больший из двух Экзотских миров.

Там я начал лечить себя сам, и даже экзоты не смогли заставить меня изменить методику, которую я избрал для своего лечения. Прежде всего потому, что не имели на меня влияния (хотя я и не уверен, что они в действительности понимали, насколько ограничены их возможности, особенно в том, что касалось меня). Их философия запрещала давление на психику человека, так же как и любые попытки контролировать желания индивидуума. Они лишь могли объяснять мне преимущества того пути, который, с их точки зрения, был наиболее верным.

И экзоты избрали для этого достаточно мощный инструмент. Им стала Лиза Кент.

— …Но ведь ты не психиатр! — пораженный, сказал я Лизе, когда она впервые появилась в многопрофильном лечебно-реабилитационном центре на Культисе, куда меня доставили.

Я, расслабившись, лежал у плавательного бассейна, впитывая солнечные лучи, и вдруг увидел ее рядом с собой. На мой вопрос Лиза ответила, что Падма рекомендовал ее как человека, который будет работать со мной для возвращения моего эмоционального настроя.

— Ведь прошло уже пять лет с тех пор, как я впервые встретила тебя в Конечной Энциклопедии. Теперь у меня солидный опыт!

Я лежал и смотрел на нее, растерянно моргая. Медленно что-то, дремлющее во мне, стало пробуждаться к жизни и снова начало тикать и двигаться, как в часовом механизме. Надо же, я, человек, легко способный выбрать нужные слова, чтобы заставить людей дергаться подобно марионеткам, сморозил такую глупость.

— Так, значит, ты действительно психиатр? — спросил я.

— И да и нет, — тихо ответила она, неожиданно улыбнувшись, — Так или иначе, ты все равно не нуждаешься в психиатре.

Когда она произнесла это, я очнулся и понял, что именно эта мысль постоянно была со мной, но, погруженный в свои страдания, я предоставил Гильдии сделать собственные выводы. Но если Лиза знала это, то что же она могла знать еще?

Я почувствовал себя неуютно. Необходимо срочно определиться по отношению к Лизе, выработать тактику поведения и впредь взвешивать каждое слово в разговоре с ней.

— Быть может, ты и права. — Я усмехнулся. — Почему бы нам не присесть и не поговорить?

— Действительно, почему бы и нет? — улыбнулась она.

Мы сели, и началась ничего не значащая беседа-прелюдия. Но

ее слова словно отдавались каким-то странным эхом. Все, что она говорила, каждый ее жест или движение, казалось, были наполнены особым смыслом, смыслом, который я не мог в точности уловить.

— А почему Падма подумал, что ты сможешь… Я имею в виду, почему он решил, что ты должна приехать сюда и увидеться со мной? — осторожно поинтересовался я спустя некоторое время.

— Не просто увидеться, но и поработать с тобой, — возразила она.

Она была одета не в обычное экзотское одеяние, а в короткое белое платье. Глаза ее сейчас казались еще более голубыми, чем раньше. Неожиданно она бросила на меня взгляд вызывающе острый, как копье.

— Он считает, что я знаю одну из дверей и могу достучаться до твоей души. Там.

Этот взгляд и слова потрясли меня. Если бы не странное сопутствующее им эхо, я бы совершил ошибку, предположив, что она таким образом пытается наладить со мной контакт. Но за этим скрывалось что-то более важное.

Я мог сразу же спросить ее, что она имеет в виду, но вовремя вспомнил, что надо быть осторожным. Я сменил тему — по-моему, пригласил ее поплавать в бассейне — и вернулся к прерванному разговору лишь спустя несколько дней.

К этому времени я уже полностью пришел в себя и держался настороже, стараясь догадаться, откуда взялось то странное эхо, а также понять, как воздействовали на меня экзоты. Вероятно, все шло на уровне подсознания: меня не пытались заставить двигаться в том или ином направлении, зато постоянно как бы предлагали снова взять управление собой в свои руки. Короче говоря, дом, в котором я жил, стены, мебель и даже погода за окном — все было подобрано таким образом, чтобы заставить меня хотеть жить — не просто существовать, но жить активной, счастливой и полнокровной жизнью. Одним словом, сумели создать среду, способную вернуть меня к жизни.

И Лиза была ее составной и вдобавок активной частью.

Я стал замечать, что, по мере того как я выходил из депрессии, менялись не только цвета и очертания мебели моего жилища, но и выбор Лизой тем дня разговора, тон ее голоса, ее смех; и все для того, чтобы постоянно прилагать максимум давления на мои меняющиеся и развивающиеся чувства. Я не думаю, что девушка до конца понимала, как достигался нужный эффект. Для этого надо быть уроженцем экзотского мира. Зато она знала свою собственную роль. И играла ее.

Меня это не волновало. И совершенно непреодолимо, по мере того как я излечивался, я влюблялся в нее — все сильней и сильней.

Для меня не составляло труда найти себе женщину с того момента, как я вырвался из дядиного дома и начал ощущать силу и могущество своего тела и разума. Все они были хорошенькими и, как правило, готовыми любить. Но обычно эти отношения заканчивались одинаково: словно я ловил поющих дроздов и приносил их домой, а на следующее утро оказывалось, что за ночь они превратились в обычных воробышков и их вольная песенка уже звучит как тривиальное чириканье.

Затем я понял, что это был мой собственный просчет — именно я делал из них глупых воробышков. Черты лица женщины, любые ее случайные жесты порой вызывали во мне ощущение взмывающей в небо ракеты. И мое воображение, а вместе с ним и мой язык разыгрывались настолько, что силой слов подымали нас обоих и уносили туда, где было много света, воздуха, зеленой травы и журчащей воды. И там для нас я строил замок, полный света, воздуха, обещаний и красоты.

Любой из них нравился мой замок. Каждая с удовольствием уносилась туда на крыльях моего воображения, и мне казалось, что мы летим туда вместе. Но на другой день все рушилось. Потому что в действительности они не верили в мой замок. О нем было хорошо мечтать, но нельзя воплотить в обычный камень, дерево, стекло и черепицу. Когда дело доходило до реальных вещей, такой замок воспринимался как сумасшествие. И я должен был отбросить саму мечту о нем в пользу какого-нибудь обычного дома. Возможно, даже похожего на жилище моего дяди Матиаса из пенобетона — с практичными видеоэкранами вместо окон, с экономичной кровлей, а не возносящимися в небо башнями, и с застекленными балконами, а не открытыми лоджиями.

Поэтому мы расставались.

Но Лиза, когда я наконец влюбился в нее, не покинула меня, как это всегда бывало с другими. Она по собственной воле улетала вместе со мной. И тогда в первый раз я понял, что она иная и никогда не станет практичной и земной, как другие.

А все потому, что она сама строила свои собственные воздушные замки еще до того, как я повстречался с ней. Так что ей не нужна была моя помощь, чтобы достигнуть волшебной страны, поскольку она побывала там раньше меня на своих сильных крыльях. Мы были как бы породнены небом, хотя наши замки и отличались друг от друга.

И именно то, что у каждого из нас был свой замок, остановило меня, когда наконец пришло время разбить скорлупу

экзотского мира. Стоило мне начать добиваться физической близости, как в ответ я получил отказ.

— Нет, Там. — Лиза отстранила меня. — Пока еще нет.

«Пока еще нет» могло означать «не в эту минуту» или «не сегодня». Но, взглянув на ее изменившееся лицо, я увидел, что она к тому же старается не смотреть на меня. Неожиданно я понял: что-то стояло между нами, подобно полураскрытым створкам ворот, и мой ум тут же нашел этому название.

— Энциклопедия, — произнес я. — Ты по-прежнему хочешь, чтобы я вернулся и работал над проектом. — Я пристально посмотрел на нее. — Хорошо. Попроси меня еще раз.

Лиза покачала головой:

— Нет. Падма сказал мне еще до того, как я нашла тебя на приеме в честь Донала Грэйма, что ты никогда не придешь туда, попроси я тебя об этом. Но тогда я ему не поверила. А сейчас верю.

Она повернула голову и пристально посмотрела мне прямо в глаза.

— Если бы я сейчас попросила и дала бы хоть мгновение на раздумье, ты бы снова сказал «нет».

Мы сидели у края бассейна, купаясь в солнечных лучах. Позади Лизы был куст огромных желтых роз, и их отсвет озарял ее лицо.

— Верно ведь, Там? — спросила она.

Я открыл было рот, но, так ничего и не сказав, закрыл его. Потому что все, что я позабыл, пока приходил в себя здесь, все, что Матиас и тот сержант-квакер высекли в моей душе, неожиданно тяжело обрушилось на меня подобно каменной деснице неумолимого идола.

Створки невидимых ворот со скрежетом захлопнулись, и этот стук отдался эхом в самых глубинах моего существа.

— Верно, — признал я бесстрастно. — Ты права. Я бы сказал «нет».

Я посмотрел на Лизу, сидящую среди осколков нашей общей мечты. И кое-что вспомнил.

— Когда ты в первый раз пришла сюда, — начал я медленно, суровым тоном, потому что она снова была почти что моим врагом, — ты упомянула о словах Падмы, о том, что ты знаешь одну из двух дверей ко мне. А что же вторая? Я тогда не спросил.

— Теперь ты ждешь не дождешься, чтобы закрыть и ее? — спросила она с горечью, — Хорошо, тогда ответь мне кое-что.

Она подобрала с земли возле себя один из упавших лепестков, бросила его в неподвижные воды бассейна, и он закачался подобно маленькой хрупкой желтой лодочке.

— Ты уже связывался со своей сестрой?

Ее слова обрушились на меня подобно молоту. Я даже не заметил, как оказался на ногах. Меня прошиб холодный пот.

— Я так и не смог… — Мой голос отказался повиноваться мне. Горло словно сжало тисками, и я смолк, сознавая собственную трусость.

— Они ей все сообщили! — яростно заорал я на Лизу, которая сидела и смотрела на меня снизу вверх. — Кассиданское командование должно было сообщить ей об этом. Какое это имеет значение… не думаешь же ты, что она не знает, что случилось с Дэйвом?

Но Лиза ничего не ответила. Она просто сидела и смотрела на меня. Я понял, что она больше ничего не скажет. И обучавшие ее экзоты тоже не сказали бы, что мне делать дальше.

Но ей не нужно было этого говорить. В моей душе снова проснулся дьявол. И теперь он стоял, хохоча, на дальнем берегу реки из горящих углей, призывая меня переправиться через нее и присоединиться к нему. Ни человек, ни дьявол еще не бросали мне вызов впустую.

Я отвернулся от Лизы и ушел.

Глава 15

Как полноправному члену Гильдии мне больше не требовалось сообщать о целях поездки, чтобы получить на нее деньги. Миры рассчитывались между собой знаниями и умениями людей. Межзвездная служба новостей могла предложить в качестве платежа необходимую планетам информацию. Так что Гильдия не была бедной. И примерно две сотни ее полноправных членов имели достаточно средств, причем которым могли бы позавидовать многие главы правительств.

Деньги как таковые перестали иметь для меня какое-либо значение. Та часть моего разума, которая раньше интересовалась всем, что касалось средств к существованию, теперь зияла пустотой, но туда уже хлынули воспоминания, заполняя ее, как и во время долгого перелета с Культиса на Кассиду. Воспоминания об Эйлин.

Я никогда не думал, что она занимала столь важное место в моей жизни, как при наших родителях, так и — особенно — после их трагической гибели. Но теперь космический корабль совершал один фазовый сдвиг за другим, а воспоминания толпясь проходили перед моим мысленным взором, пока я сидел в одиночестве в каюте первого класса.

Они не были драматическими. Подарки, которые она дарила мне на дни рождения или по другим поводам, ее участие, когда она помогала мне справляться с давлением Матиаса на мою душу. Неожиданно я понял, что она часто не обращала внимания на свои проблемы, чтобы хоть как-то помочь мне. А я не мог вспомнить ни одного случая, когда бы я забывал о себе, чтобы прийти на помощь ей.

И по мере того, как воспоминания все сильнее захватывали меня, мои внутренности словно скручивались в тугой, холодный узел. Я попытался между одной из серий фазовых сдвигов потопить это ощущение в алкоголе. Но обнаружил, что не ощущаю ни вкуса, ни действия спиртного.

В таком состоянии я и прибыл на Кассиду.

Более бедная, несколько меньшая соседка Ньютона, Кассида не имела устоявшихся связей с соседним миром, и соответственно приток научных умов был довольно незначительным. А ведь именно интеллектуальный капитал сделал богатым несколько ранее колонизированный мир Ньютона.

Из космопорта неподалеку от столицы Моро я на челноке совершил перелет в Албан, спонсируемый Ньютоном

университетский городок, где Дэйв изучал механику фазовых сдвигов и где они с Эйлин какое-то время вместе подрабатывали.

Город напоминал муравейник. Не то чтобы не хватало земли — просто основная его часть была построена на кредит, предоставленный Ньютоном. И в целях экономии средств все необходимые здания компактно располагались на весьма небольшой территории.

В порту, где совершил посадку челнок, я обзавелся указателем и настроил его на адрес Эйлин, который она сообщила мне в единственном письме, полученном мной утром того самого дня, когда погиб Дэйв. Следуя показаниям прибора, я должен был миновать серию вертикальных и горизонтальных тоннелей и проходов. Это был не самый удобный, но наиболее короткий путь.

Я повернул в последний раз и увидел нужную мне дверь. Вновь перед моим взором возникла, подобно кошмару, та сцена на лесной прогалине, и тогда страх и ярость снова овладели мной.

Я замедлил шаг — почти остановился. Но все же через некоторое время нажал клавишу вызова.

Прошла бесконечная секунда ожидания. Затем дверь открылась, и я увидел незнакомую женщину среднего возраста.

— Эйлин… — только и смог выдавить я, — Я имею в виду — миссис Дэвид Холл? Ее здесь нет? — Затем я сообразил, что эта женщина не может меня знать. — Я ее брат — с Земли. Журналист Там Олин.

Конечно же, на мне были куртка и берет, и само по себе это — достаточный опознавательный знак. Но в эти мгновения я совершенно забыл об этом. Женщина чуть замешкалась. Наверное, прежде она никогда не видела действительного члена Гильдии во плоти.

— А, так она переехала, — произнесла женщина. — Это жилье стало слишком велико для нее одной. Она переехала на несколько уровней севернее. Одну минутку, я сейчас напишу вам ее адрес.

Она метнулась прочь. Я слышал, как она о чем-то говорила с мужчиной, затем вернулась с листком бумаги.

— Вот здесь, — Она чуть запыхалась, — Я написала адрес. Пойдете прямо по этому коридору — о, я вижу, у вас есть указатель. Тогда настройте его. Это недалеко.

Я поблагодарил ее.

— Не стоит благодарности. Мы рады… Рада была помочь вам. До свидания.

— До свидания, — пробормотал я и пошел по коридору,

одновременно настраивая указатель. И вот наконец нужная дверь. Я снова нажал клавишу вызова.

На этот раз мне пришлось ждать дольше. Но когда дверь открылась — я увидел сестру.

— Там, — произнесла она.

Казалось, она совсем не изменилась. В ней не было заметно никаких перемен и признаков горя, и во мне неожиданно воспрянула надежда. Но когда она осталась стоять, глядя на меня и ничего не говоря, надежда снова покинула меня. Я ничего не мог сделать, кроме одного — ждать, поэтому просто стоял и ждал.

— Входи, — наконец проговорила она тем же тоном, затем посторонилась, и я вошел внутрь. Дверь плавно закрылась за мной.

Я осмотрелся, и меня на мгновение потрясло то, что я увидел. Комната в серых тонах, ничуть не больше, чем та каюта первого класса, которую я занимал на корабле по пути сюда.

— Почему же ты живешь здесь? — взорвался я.

Она равнодушно посмотрела на меня.

— Это дешевле, — безразлично ответила Эйлин.

— Но тебе не нужно экономить деньги! — воскликнул я. — Я уже устроил дело, касающееся твоей доли наследства. Мы договорились с кассиданином, работающим на Земле, чтобы он передал тебе деньги через своих родных. Ты хочешь сказать, — такая мысль никогда не приходила мне в голову, — что здесь возникли какие-то проблемы? Разве его семья не заплатила тебе?

— Заплатила, — достаточно спокойно ответила она. — Но есть еще и семья Дэйва, о которой тоже надо побеспокоиться.

— Семья? — Я тупо уставился на нее.

— Младший брат Дэйва учится в школе — впрочем, это не имеет значения.

Она по-прежнему стояла, не предлагая сесть и мне.

— Это слишком долгая история, Там. Зачем ты приехал?

Я умоляюще уставился на нее.

— Эйлин!

Она ждала.

— Послушай, — начал я, хватаясь как за соломинку за то, что услышал в начале нашей беседы, — даже если ты и помогаешь семье Дэйва, с этим тоже нет никаких проблем. Теперь я полноправный член Гильдии. Я могу предложить тебе столько, сколько нужно.

Она отрицательно покачала головой.

— Но, во имя небес, почему? Говорю же тебе — у меня теперь неограниченный…

— Мне ничего не нужно от тебя, Там, — сказала она. — И все же спасибо. Мы прекрасно справимся — семья Дэйва и я. У меня неплохая работа.

— Эйлин!

— Ты не ответил на мой вопрос, Там. — Она по-прежнему не двигалась с места. — Зачем ты сюда приехал?

Если бы Эйлин обратилась в камень, и то в ней не произошло бы столь значительной перемены. Эта женщина ничем не напоминала мне мою сестру.

— Повидаться с тобой, — ответил я. — Я думал, что ты, наверное, хотела бы узнать…

— Я все знаю об этом. — Голос ее звучал абсолютно бесстрастно. — Мне рассказали. Я знаю, что ты тоже был ранен, но сейчас с тобой все в порядке, не так ли, Там?

— Да, — в отчаянии произнес я. — Но не совсем. Мое колено еще побаливает и не гнется. Врачи сказали, что оно таким и останется.

— Это плохо, — произнесла она.

— Черт побери, Эйлин! — взорвался я. — Не разговаривай со мной так, словно мы не знакомы! Я ведь твой брат!

— Нет, — Она покачала головой. — Единственные родственники, которые у меня теперь есть, — это семья Дэйва. Они нуждаются во мне. Ты же не нуждаешься во мне, да и никогда не нуждался, Там. Ты всегда жил для себя, только для себя.

— Эйлин! — снова умоляюще произнес я. — Послушай, я знаю, что ты винишь меня — хотя бы отчасти — в смерти Дэйва.

— Нет, — ответила она. — Ты ничего не можешь сделать с самим собой. Ты такой, какой ты есть. Все эти годы я пыталась убедить себя, что ты — не такой, каким кажешься на самом деле. Я думала, что в тебе было что-то, до чего Матиас так и не добрался, что-то, чему нужен лишь шанс, чтобы проявиться. Именно на это я рассчитывала, когда просила тебя помочь мне принять решение насчет Джэми. И когда ты написал, что собираешься помочь Дэйву, я обрадовалась, что наконец-то проявились твои хорошие стороны. Но, к сожалению, я ошиблась в обоих случаях.

— Эйлин! — вскричал я. — Я не виноват, что нам встретился сумасшедший. Может быть, я должен был поступить иначе, но я пытался заставить его покинуть меня, после того как меня ранили, однако он не захотел. Разве ты не понимаешь, это что в этом не только моя вина.

— Конечно же не было, Там, — вздохнула она, — Вот почему я не виню тебя. Ты не более ответственен за свои поступки,

нежели полицейская собака, которая обучена бросаться на всякого, кто бежит. Ты стал именно тем, что из тебя пытался сделать дядя Матиас, — ты разрушитель. Это не твоя вина, но это все равно ничего не меняет. Несмотря на всю борьбу, которую ты с ним вел, учение, что исповедовал Матиас, наполнило тебя до краев, Там, и ничего другого в тебе не осталось.

— Ты не можешь так говорить! — заорал я на нее. — Это неправда. Дай, ну дай мне еще один шанс, Эйлин, и я докажу тебе! Я докажу тебе — это неправда!

— Сожалею, но это — правда, — твердо сказала она. — Я знаю тебя, Там, лучше, чем кто-либо. Я просто не хотела этому верить, да вот пришлось. А теперь уйди — во имя семьи Дэйва, которая во мне нуждается. Я не смогла помочь Дэйву, но я в состоянии помочь им — сколь долго, не знаю, но только если никогда больше не увижу тебя. Если я позволю тебе приблизиться к ним, ты и их уничтожишь.

Она замолчала и посмотрела на меня. Я открыл было рот, чтобы возразить ей, но ничего не приходило в голову. Мы просто молча стояли на расстоянии в несколько футов и смотрели друг на друга через пространство, которое на самом деле было гораздо глубже и шире всего, с чем до сих пор мне приходилось сталкиваться.

— Так что, Там, тебе лучше уйти, — наконец проговорила она.

Ее слова вернули мне ощущение реальности.

— Да, — уныло согласился я. — Кажется, так будет лучше.

Я пошел к двери. Какое-то мгновение во мне еще теплилась надежда, что она окликнет меня. Но позади была тишина. Переступив порог, я в последний раз оглянулся.

Она так и не двинулась с места.

Я ушел и совершенно подавленный вернулся в космопорт.

Один, один, совсем один…

Глава 16

Я вылетел на Землю первым же кораблем. Теперь у меня было преимущество практически перед кем угодно, кроме лиц с дипломатическим статусом, и я воспользовался им.

Мне вновь предоставили каюту первого класса, но теперь я чувствовал себя еще более одиноко, чем раньше. Эта каюта очень подходила отшельнику вроде меня. Словно кокон, в котором я мог прийти в себя, прежде чем снова появлюсь на людях. Ибо теперь с меня было содрано все, вплоть до самой сути моего прежнего «я», и не осталось ни одной иллюзии, которая могла бы успокоить меня.

От большей части иллюзий меня избавил еще Матиас. Но оставалось еще кое-что — наподобие омытой дождем памяти о руинах Парфенона, на которые я привык смотреть через видеоэкраны еще мальчишкой. Парфенон, как казалось моему юному разуму, опровергал все аргументы Матиаса простым фактом своего существования по соседству с мрачным домом дяди.

Парфенон существует, значит, Матиас не прав — так я успокаивал себя прежде. Если бы люди Земли соответствовали определению Матиаса, его просто никогда бы не построили. Правда, сейчас это уже только руины, а учение Матиаса выдержало испытание временем. О чем же говорила Лиза? Если бы я тогда сумел понять ее, то мог бы предвидеть эту ситуацию и не строил бы иллюзий, что Эйлин может простить мне смерть Дэйва. Лиза тогда упомянула о двух дверях. Теперь я знал, что это были двери, сквозь которые до меня может достучаться только любовь.

Любовь — смертоносная болезнь, забирающая людскую силу. Не только плотская любовь, но любая, даже слабая тоска по привязанности, по красоте, по надежде на явление чуда. А Матиас? Он никого и ничего не любил. И таким образом, отринув Вселенную, он ее же и заполучил, потому что для него Вселенная тоже была ничем. И в этой превосходной симметрии, когда ничто — ничто, он и отдыхал, умиротворенный, подобно камню.

Неожиданно я понял, что хочу и могу выпить.

Я громко рассмеялся. Потому что тогда, по пути на Кассиду, когда мне столь необходима была эта анестезия спиртным, я не смог ею воспользоваться из-за ощущения вины и надежды. А теперь, когда в ней не было необходимости, я мог хоть плавать в спиртном, если бы того пожелал.

Естественно, всегда с оглядкой на значимость моего

профессионального положения и на то, чтобы не перебрать на публике. Но теперь не было никакой причины, удерживавшей меня от того, чтобы в одиночестве напиться в своей каюте прямо сейчас, если мне того хотелось. Ибо был повод для празднества — час моего освобождения от слабостей плоти и разума, которые причиняли боль всем обычным людям.

Я заказал бутылку, бокал и лед. И поприветствовал стаканчиком шотландского виски свое отражение в зеркале напротив дивана.

«Slainte, Tam Olyn bach!» И в этот момент в моих жилах забурлила кровь моих предков — шотландцев и ирландцев. Я начал пить крупными глотками.

Доброе виски разожгло внутри меня огонь. Спустя некоторое время тесные стены каюты как бы раздвинулись, и на меня нахлынули воспоминания, яркие и красочные, — о том, как я летал среди молнии тогда, в Энциклопедии.

И я еще раз почувствовал силу и ярость, пришедшие ко мне в ту минуту, и впервые понял, что во мне нет больше человеческой слабости, сдерживающей меня и способной помешать использовать молнии. Ибо теперь я увидел возможности для их применения, по сравнению с которыми то, что сделал Матиас, или то, чего я уже достиг, было детской игрой.

Спустя некоторое время меня охватил алкогольный транс, сон или забытье, не знаю. Сон, в который я погрузился прямо из состояния бодрствования, без всякого, как казалось, перехода.

Неожиданно я очутился там — и это там оказалось странным местом на каменистом холме, между горами и морем на западе. Маленькая каменная конура без очага, с примитивным горном: дыра в крыше для выхода дыма. На стене, на двух деревянных колышках, вбитых в пазы между камнями, висела единственная ценная для меня вещь.

Это было семейное оружие, настоящий старинный палаш шотландских горцев клайдхэммор — «великий меч». Длиною свыше четырех футов, прямой, обоюдоострый, с широким лезвием, не сужающимся к концу, и простой рукояткой. Меч был тщательно завернут в промасленные тряпки: у него не было ножен.

Я снял и развернул его, ибо мне предстояло встретиться с человеком через три дня, примерно в полудне пути отсюда. Два дня надо мной сияло безоблачное небо, и хотя солнце светило ярко, было холодно. Я сидел на берегу, затачивая лезвие длинного меча с обеих сторон серым, сглаженным морем камешком, подобранным тут же. Утром третьего дня начался легкий дождь. Поэтому я сунул меч под плед, что накинул на

себя, и отправился к месту встречи.

Дождь яростным холодным потоком хлестал мне в лицо. Дул пронизывающий ветер, но под толстым пледом я и мой меч были сухими, и прекрасная, яростная радость поднималась во мне — чудесное чувство, превосходящее все, что я когда-либо ощущал прежде. Я мог попробовать его на вкус — так волк, должно быть, ощущает вкус горячей крови в своей пасти. Я шел, чтобы отомстить.

И неожиданно я очнулся. Увидел, что бутылка почти пуста, и почувствовал тяжелое, вялое похмелье. Но радость из моего сновидения по-прежнему была со мной. Я вытянулся на диване и снова заснул.

На этот раз мне ничего не приснилось.

Когда я проснулся, то не почувствовал никаких признаков похмелья. Рассудок был холоден, чист и свободен. Я мог вспомнить, словно это было секунду назад, ощущаемое мной нарастающее чувство радости, когда я с мечом в руке шел под дождем на встречу. И неожиданно я отчетливо увидел перед собой свой путь.

Я закрыл обе двери к моему сердцу — и это означало, что я отбросил от себя любовь. Но теперь я нашел ей замену — чувство радости отмщения. Я едва не рассмеялся вслух при мысли об этом, потому что вспомнил слова сержанта-квакера, когда он оставлял меня наедине с телами тех, кого он убил.

«…я, который есть перст Господень, написал кровью этих людей Его волю, которую тебе не стереть никогда».

И это было правдой. Я не мог стереть именно это, особое его начертание. Но я — один-единственный среди всех обитателей шестнадцати миров — имел силу и возможности стереть нечто гораздо большее. Я мог стереть инструменты, которыми создавались подобные надписи. Я был повелителем молний. И я мог уничтожить культуру и население обоих Квакерских миров. Я уже приблизительно знал, как это сделать.

К тому времени, когда корабль достиг Земли, мой план вчерне был готов.

Глава 17

Мне необходимо было как можно быстрее вернуться на Новую Землю, где старейший Брайт, выкупив подразделения, взятые в плен Кенси Грэймом, немедленно прислал им подкрепления. Затем они расположились лагерем рядом с Моретоном, столицей Северного раздела, и стали требовать выплаты денег, причитающихся Квакерским мирам за войска, в свое время нанятые теперь уже несуществующим мятежным правительством.

Но перед тем как отправиться на Новую Землю, мне следовало получить санкцию на то, что я намеревался сделать. Ибо как только вы становитесь полноправным членом Гильдии журналистов, над вами не существует более высокой власти, чем пятнадцать членов Совета Гильдии, определяющих политику гильдии, а также следящих за тем, чтобы строго соблюдался принцип невмешательства.

Я договорился о встрече с Пирсом Лифом, председателем этого Совета. Было яркое апрельское утро; я сидел напротив него за широким дубовым столом в его офисе на верхнем этаже здания Гильдии в Сент-Луисе.

— Для молодого человека вы довольно быстро сделали карьеру, Там, — заметил он после того, как заказал нам кофе.

Это был сдержанный, сухощавый, невысокого роста человек лет шестидесяти. Он уже не покидал Солнечную систему, а в последнее время редко оставлял и Землю из-за своего статуса председателя и представительской деятельности.

— Только не говорите мне, что вы все еще не удовлетворены. Чего вы хотите теперь?

— Я хочу место в Совете, — заявил я.

Он как раз подносил чашку с кофе ко рту, когда я произнес эти слова, и продолжил начатое движение, ничуть не помедлив. Только неожиданный взгляд, который он метнул в меня из-за края своей чашки, был острым, как взгляд сокола. Но прозвучал лишь один вопрос:

— Зачем?

— Я вам объясню, — ответил я, — Может быть, вы заметили, что я, кажется, обладаю способностью оказываться именно там, где появляются новости.

Он поставил чашку точно в центр блюдца.

— Это, Там, — произнес он мягко, — и есть причина, по которой вы теперь действительный член Гильдии. Как вы понимаете, от членов Гильдии мы ожидаем вполне определенных

вещей.

— Да. Однако думаю, что мои способности несколько выше обычных, — Его брови удивленно взметнулись, — Я не утверждаю, что обладаю даром предвидения. У меня есть талант более точно предсказывать возможное развитие событий по сравнению с другими журналистами.

Его брови опустились. Он слегка нахмурился.

— Я знаю, — продолжил я, — что это звучит как хвастовство. Но давайте остановимся и предположим, что я действительно обладаю подобным качеством. Разве не мог бы подобный талант быть полезен Совету в принятии решений, касающихся политики Гильдии?

— Возможно, — кивнул он, — если бы это было правдой и действовало бы каждый раз, независимо от условий.

— Значит, если бы мне удалось убедить вас, вы бы поддержали мою кандидатуру на следующей сессии Совета?

Он рассмеялся:

— Отчего бы нет? Но только как вы собираетесь мне это доказать?

— Я сделаю предсказание, — ответил я, — Предсказание, требующее — если оно окажется верным — важнейшего политического решения Совета.

— Хорошо. — Он по-прежнему улыбался, — Что ж, предсказывайте.

— Экзотские миры, — произнес я, — готовятся уничтожить квакеров.

Улыбка мгновенно исчезла. Какой-то момент он пристально смотрел на меня.

— Что вы хотите этим сказать? — требовательно спросил он. — Экзоты никого не могут уничтожить. Это не только противоречит тому, во что они верят, но никто и не может уничтожить целых два мира с людьми и их образом жизни… Что вы имеете в виду под словом «уничтожить»?

— Примерно то же, что и вы, — ответил я. — Разрушьте культуру квакеров как действующую теократию, вызовите финансовый крах обоих миров, и у вас останется лишь пара каменистых планет, кишащих голодными людьми, которым придется либо изменить свой образ жизни, либо эмигрировать на другие миры.

Несколько мгновений мы молчали.

— Что именно, — наконец проговорил он, — привело вас к столь фантастической идее?

— Предчувствие. Моя интуиция, — пожал я плечами. — Плюс тот факт, что именно дорсайский полевой командующий Кенси

Грэйм появился в расположении кассиданских сил в самый последний момент, благодаря чему квакеры потерпели поражение.

— Ну и что? — возразил Лиф. — Подобное могло произойти на любой войне, где угодно.

— Не совсем так, — произнес я. — Решение Кенси обойти северный фланг боевых порядков войск противника и ударить им в тыл не было бы столь успешным, если бы днем ранее старейший Брайт не принял командование на себя и не приказал подготовить атаку на южном фланге боевых порядков Кенси. Здесь мы имеем двойное совпадение. Военачальник, нанятый экзотами, появляется в тот самый момент, когда силы квакеров предпринимают именно те действия, которые ставят их в весьма уязвимое положение.

Пирс повернулся и потянулся к интеркому на столе.

— Не беспокойте себя проверкой, — остановил я его, — Я уже это сделал. Решение о передаче командования Кенси было экспромтом принято командованием кассиданских рекрутов, а разведподразделение Грэйма не имело никакой возможности заранее узнать о задуманной Брайтом атаке.

— Это всего лишь совпадение, — нахмурился Пирс. — Или дорсаец, о котором мы все достаточно хорошо наслышаны, — гений.

— А не думаете ли вы, что его гениальность может быть слегка преувеличена? К тому же мне не нравятся подобные совпадения, — произнес я.

— Тогда как вы объясните это? — спросил Пирс.

— Предчувствие — или моя интуиция, как хотите, — подсказывает мне, что экзоты способны предугадывать то, что собираются предпринять квакеры. Вы говорили о дорсайском военном гении, ну а как насчет психологического гения экзотов?

— Да, но… — Пирс неожиданно замолчал, задумавшись, — Все это просто фантастично, — И как, по вашему мнению, мы должны поступить?

— Позвольте мне разобраться с этим вопросом, — попросил я. — Если я прав, то через три года мы будем свидетелями решительного противостояния Экзотских и Квакерских миров. — Я помедлил, — И если я окажусь прав, вы поддержите мою кандидатуру на место умершего или уходящего в отставку члена Совета.

Сухой маленький человечек молчал долго.

— Там, — наконец произнес он, — Я не верю ни единому вашему слову. Но разбирайтесь в этом столько, сколько захотите. Я гарантирую, что поддержу вас в Совете — если об этом встанет

вопрос. И если произойдет хоть что-нибудь похожее на то, что вы предсказали, приходите вновь побеседовать со мной.

— Непременно. — Я улыбнулся и встал со своего места.

Он покачал головой, оставаясь в кресле, но ничего не сказал.

— Я надеюсь увидеться с вами снова через очень непродолжительное время, — произнес я. И вышел.

Я воткнул в него крошечную занозу, чтобы постоянно направлять его мысли туда, куда мне было нужно. Но, к несчастью, Пирс Лиф обладал высокотренированным и конструктивным умом. Иначе он просто не мог бы быть председателем Совета. И если он был не в состоянии опровергнуть какой-либо факт, то обыкновенно начинал поиск доказательств, подтверждающих этот факт, даже в таких местах, о которых другие и догадаться бы не смогли.

Пройдет не менее трех лет, прежде чем Лиф примет решение по этому вопросу, но я готов был подождать, посвятив себя другим делам.

Я провел пару недель на Земле, приводя в относительный порядок свои личные дела. Но в конце концов я снова отправился на Новую Землю.

Брайт, как я уже упоминал, заплатил выкуп за свои попавшие в плен войска и оставил их в окрестностях Моретона, столицы Северного раздела.

Деньги, конечно же, причитались от побежденного и теперь уже не существующего правительства мятежников Северного раздела, которое нанимало войска. Подобная практика, хотя и незаконная, — использовать целый мир в качестве выкупа за любой долг по контракту — довольно часто применялась в межзвездных отношениях.

Этот долг по контракту должен был быть уплачен планетой-должником, и никакая смена правительства не могла его отменить. Иначе все бы избрали этот путь, чтобы отказаться от выплаты долгов, как самый легкий и доступный.

На практике же это было обычным делом — «победитель платит за все». Что-то вроде обратного гражданского иска для возмещения финансовых потерь, когда проигравшему приходится оплачивать судебные издержки. Официально правительство квакеров, не получив денег за солдат, предоставленных мятежникам, объявило войну Новой Земле до тех пор, пока Новая Земля не уплатит долг по контракту, заключенному некоторыми из ее жителей.

В действительности же никаких боевых действий не велось, и плата должна была спустя определенное время поступить от тех правительств Новой Земли, которые более других были замешаны

в происшедшем. В данном случае это было правительство Южного раздела, так как оно было победителем. Но тем временем войска квакеров оккупировали часть территории Новой Земли. Я прибыл сюда после восьмимесячного перерыва, с тем чтобы написать серию больших статей на эту тему.

Мне предстояла встреча с командующим. На этот раз обошлось без препятствий. Очевидно, командование Гармонии и Ассоциации имело приказ как можно меньше провоцировать другие миры, насколько, конечно, это было возможно. Но несмотря на то что командующий обращался ко мне на «вы», ему явно не очень хотелось встречаться со мной.

— Полевой командующий Вассел, — представился он, — Присаживайтесь, журналист Олин. Наслышан о вас.

Это был человек лет пятидесяти или чуть больше, с коротко подстриженными, совершенно седыми волосами и массивным квадратным подбородком, который придавал его лицу угрюмый вид. Он старался выглядеть спокойным — но я-то видел, что он нервничает, и знал почему.

— Я так и предполагал, что вы слышали обо мне, — произнес я довольно угрюмо. — Поэтому я напомню вам, что Межзвездная служба новостей всегда объективно оценивает события.

Он лишь глубже погрузился в кресло.

— Мы знаем об этом, — кивнул он, — и я не думаю, что у вас есть предубеждение против нас, журналист. Мы сожалеем о смерти вашего зятя и вашем собственном ранении. Но я хотел бы заметить, что служба новостей, предложив именно вам, а не другому члену Гильдии, написать серию статей о нашей оккупации Новой Земли…

— Позвольте мне объяснить! — прервал я его. — Я сам выбрал это задание, командующий, и уверен, что смогу выполнить его.

К этому моменту лицо его стало угрюмым, как морда бульдога. Я ответил ему таким же недоброжелательным взглядом.

— Вижу, вы все еще не понимаете, командующий.

Я постарался, чтобы в этих словах он услышал звон металла. И — с моей точки зрения — тон был весьма неплох.

— Мои родители умерли, когда я был еще совсем маленьким. Меня вырастил и воспитал дядя. Целью всей моей жизни стало сделаться журналистом. Для меня служба новостей гораздо важнее, чем любой из миров или отдельных людей на любом из шестнадцати цивилизованных миров. Журналист, член Гильдии обязан быть объективным. Никакие личные чувства не могут влиять хотя бы в малейшей степени на работу журналиста.

Он продолжал угрюмо смотреть на меня из-за своего стола.

И, как мне показалось, слабый намек на сомнение появился на его окаменевшем лице.

— Мистер Олин, — наконец произнес он. Такое обращение было определенным шагом вперед по сравнению с формальностями, с которых мы начали разговор. — Насколько я понял, вы утверждаете, что прибыли для того, чтобы, написав эти статьи, доказать отсутствие предубеждения с вашей стороны по отношению к нам?

— Именно так.

Я думаю, что он мне даже и тогда не поверил. Заявление об отсутствии личной заинтересованности звучало в моих устах как хвастовство человека постороннего, не принадлежащего к миру квакеров. Но в то же время я говорил с ним на его языке. Суровая радость самопожертвования, стоическая ампутация личных чувств ради выполнения служебных обязанностей вполне соотносились с убеждениями, которыми он жил всю свою жизнь.

— Теперь мне все понятно, — наконец произнес он, поднялся и протянул мне руку; я тоже встал.

— Что ж, журналист, даже сейчас я не могу сказать, что мы рады видеть вас здесь. Но мы будем с вами сотрудничать в разумных рамках, насколько это будет возможно. Хотя любые статьи, отражающие тот факт, что мы находимся здесь как непрошеные гости, неизбежно испортят сложившееся у жителей всех шестнадцати миров мнение о нас.

— Думаю, этого не случится, — Я пожал его руку. Он посмотрел на меня с вновь появившимся подозрением.

— Эта серия редакционных статей будет озаглавлена примерно так: «Обстоятельства оккупации войсками Квакерских миров Новой Земли». В них мы ограничимся рассмотрением мнений и позиций командиров и военнослужащих оккупационных сил.

Он уставился на меня.

— Всего хорошего, — попрощался я и вышел.

Я прекрасно сознавал, что командующий совершенно не уверен, сидит он на бочке с порохом или нет.

Но — и я знал, что так будет, — он начал менять свое мнение, как только появились первые статьи серии в выпусках межзвездных новостей. Есть определенное различие между обычной статьей-репортажем и редакционной статьей. В редакционной статье вы можете представлять дело хоть от лица дьявола. И пока вы не отождествляете с ним самого себя, вы можете сохранить свою репутацию беспристрастного наблюдателя.

Я рассматривал весь комплекс проблем с точки зрения

квакеров, в привычных им выражениях и терминах. Впервые за многие годы об этих солдатах писалось в межзвездных новостях без злой критики. Ведь квакерами всякая излишняя критика рассматривалась как предубежденность, ибо они не знали полумер в собственной жизни и резко осуждали их в чужаках. К тому времени, когда я уже наполовину завершил работу над серией, командующий Вассел и все его оккупационные силы прониклись ко мне добрыми чувствами настолько, насколько это возможно в отношении человека, не рожденного в их мире.

И конечно же, серия вызвала нападки со стороны Новой Земли, жители которой потребовали, чтобы и их взгляды на оккупацию также были отражены. Гильдия прислала для этого хорошего журналиста по имени Моха Сканоски.

Мои статьи произвели столь сильный эффект, что почти убедили меня в собственной правдивости. В словах присутствует волшебство, когда ими хорошо управляют. И когда я закончил свою серию, то уже был готов найти в себе какую-то симпатию к этим несгибаемым людям спартанской веры.

Но со мной был мой клайдхэмор, пока еще не наточенный, висящий на каменных стенах моей души. Он не мог поддаться подобной слабости.

Глава 18

И все же я по-прежнему находился под пристальным наблюдением моих коллег по Гильдии. Возвратившись на Землю, в Сент-Луис, среди своей почты я обнаружил послание Пирса Лифа.

«Уважаемый Там,

Ваша серия статей оказалась весьма удачной. Но, имея в виду наш последний разговор, я подумал, что прямые репортажи создали бы вам лучший профессиональный рейтинг, чем работа со второстепенным материалом.

С наилучшими пожеланиями

П. Л.»

Между строк содержалось совершенно четкое предупреждение о том, что мне ни в коем случае нельзя показывать, что я лично вовлечен в ситуацию, которую, как я ему объяснил, собирался исследовать. Это чуть не задержало мое запланированное путешествие на Сент-Мари еще на месяц. Но как раз в это время Донал Грэйм, принявший на себя командование силами квакеров, осуществил свой невероятный маневр: экспедиционный корпус квакеров был успешно отведен по подземным горизонтам Коби — не имеющей атмосферы планеты, расположенной в одной звездной системе с Экзотскими мирами и Сент-Мари и используемой для добычи полезных ископаемых. Как следствие этой спасательной операции экзоты провели серьезную перестановку сил и реорганизацию войск, назначив своим новым командующим Женева бар-Колмэйна.

Выражая восхищение воинским искусством Грэйма, общественность тем не менее рассматривала ситуацию как незаслуженную удачу войск квакеров, осуществивших агрессию против Коби. А поскольку экзоты пользовались симпатией на остальных двенадцати мирах, то интерес к моим статьям быстро сошел на нет. Я этому был только рад и добился того, что полевой командующий оккупационных сил Вассел и его солдаты стали относиться ко мне с еще меньшей подозрительностью и враждебностью.

Я отправился на Сент-Мари, небольшую, но плодородную планету, которая вместе с Коби — миром шахт — входила в звездную систему Проциона наряду с Экзотскими мирами —

Марой и Культисом. Официальная цель моей поездки заключалась в том, что я должен был установить, как повлияли последние военные действия на эту окраинную планету, население которой составляли в основном сельские жители, по большей части исповедующие римско-католическую веру.

Хотя не существовало почти никаких официальных связей между ними, за исключением пакта о взаимопомощи, Сент-Мари по своему расположению и географии представляла собой практически вассала крупных и, несомненно, более могущественных Экзотских миров, и ее дела в основном зависели от происходящего на Маре и Культисе. Это вполне могло представлять интерес для читающей публики шестнадцати миров: как неудача экзотов на Коби изменила направление политических ветров и мнений на Сент-Мари. Как и следовало ожидать, эти ветры подули в противоположную сторону.

Примерно через пять дней, используя свои прежние связи, я добился интервью с Маркусом О'Дойном, в прошлом президентом и политическим лидером так называемого Голубого фронта, партии, находящейся сейчас в оппозиции властям Сент-Мари. Одного лишь взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что его просто распирает плохо скрываемая радость.

Мы встретились в его резиденции в Бловене, столице Сент-Мари. Маркус был среднего роста, с большой головой, крупными и властными чертами лица; высокий лоб обрамляли вьющиеся седые волосы. То и дело во время беседы он по привычке повышал голос, словно находился на трибуне во время митинга, что, естественно, не вызывало моей симпатии. Его выцветшие голубые глаза сверкали, когда он что-нибудь говорил.

— …Пробудило их, клянусь… Господом! — сказал он, как только мы уселись в огромные кресла, расположенные в гостиной его резиденции, с бокалами в руках.

— …обычные люди — сельские люди, — говорил он, наклонившись ко мне. — Все они здесь просто спали. И спали уже долгие годы. Убаюканные этими сынами… сатаны с Экзотских миров. Но то, что случилось на Коби, пробудило их. Открыло им глаза!

— Убаюканные? Каким образом? — поинтересовался я.

— Песенками и танцами, песенками и танцами. — О'Дойн покачался взад-вперед в кресле. — Цирковая магия! Тактика промывания мозгов… — О, есть тысяча и один способ, журналист. Вы бы не поверили этому!

— А мои читатели? — заметил я. — Приведите примеры!

— Что ж, черт побери ваших читателей! Да, говорю я, — черт с ними, с вашими читателями! — Он снова закачался в кресле,

горделиво поглядывая на меня. — Прежде всего меня волнует жизнь простых людей моего мира! Обычных жителей. Лишь они могут вам рассказать обо всем. Мы здесь вовсе не на задворках, как вы, быть может, думаете, мистер Олин! Нет, повторяю, — черт побери ваших читателей и черт побери вас! Я ни одному человеку не доставлю неприятностей, приводя вам тут хоть какие-то конкретные факты об этих… ребятках в голубых балахонах.

— Значит, вы не намерены предоставлять мне материал для репортажа, — пожал плечами я. — Что ж, давайте тогда слегка изменим тему разговора. Как я понимаю, вы утверждаете, что члены правительства, находящегося у власти на Сент-Мари, удерживают ее лишь благодаря поддержке Экзотских миров. Это так?

— Да они просто потакают им. Это же совершенно ясно, мистер Олин. Правительство? Нет и нет! Зовите их Зеленый фронт, если хотите, как оно и есть на самом деле! Они утверждают, что представляют интересы всего населения Сент-Мари. Они… А вам знакома наша политическая ситуация?

— Как я понимаю, — начал я, — ваша конституция изначально разделила всю планету на политические округа примерно одинаковой площади с двумя представителями от каждого округа в планетном правительстве. А теперь, по моим данным, ваша партия утверждает, что рост городского населения позволил сельским округам установить контроль над городскими, так как город вроде Бловена с населением в полмиллиона жителей имеет столько же представителей, как и округ с населением в три-четыре тысячи человек?

— Именно так, именно! — прогрохотал О'Дойн, качнувшись вперед. — Необходимость в пересмотре и пропорциональном представительстве весьма остра, она всегда возникала в сложных исторических ситуациях. Но в таком случае Зеленый фронт окажется не у власти. Допустит ли он такой оборот событий? Едва ли! Только неординарный шаг — революция обывателей — сможет отобрать у него власть, и наша партия, представляющая обычных людей, горожан, лишенных права выбора и игнорируемых сейчас властями, станет правительством.

— И вы считаете, что подобная революция обывателей возможна в данное время? — Я снизил уровень громкости на своем магнитофоне.

— До Коби я бы сказал — нет! Как бы я ни надеялся на что-либо подобное — нет! Но после Коби… — Он замолчал и гордо откинулся назад, многозначительно поглядывая на меня.

— Что после Коби? — повторил я, поскольку многозначительные взгляды и паузы никак не годились для моих

репортажей. Но у О'Дойна имелось чутье политика, не позволяющее ему загнать себя в угол собственной болтовней.

— Разумеется, после Коби, — произнес он, — это стало очевидно… очевидно для любого думающего человека на этой планете. Что Сент-Мари сможет просуществовать и сама по себе. Мы вполне сможем прожить без этого паразитического указующего перста Экзотских миров. Где можно найти людей, способных провести корабль Сент-Мари сквозь штормовые испытания будущего? В городах, журналист! Среди тех, кто всегда сражался за простого человека! В нашей партии Голубой фронт!

— Я понял, — кивнул я, — Но разве по вашей конституции смена представителей власти не требует проведения выборов? И не могут ли такие выборы быть назначены только лишь большинством голосов представителей, занимающих посты в настоящее время? И таким образом не окажется ли Зеленый фронт, имеющий сейчас большинство, в ситуации, когда подобные выборы лишили бы большинство представителей своих постов?

— Правда! — прогрохотал он. — Сущая правда! — Он закачался взад-вперед, выразительно глядя на меня.

— Тогда, — вздохнул я, — мне не ясно, насколько реальна эта ваша революция обывателей, мистер О'Дойн.

— Все возможно! — ответил он. — Для обычного человека нет ничего невозможного! Соломинки уже полетели, ибо поднялся ветер перемен! Кто может это отрицать?

Я выключил магнитофон.

— Понятно, — произнес я. — Так мы ни к чему не придем. Быть может, мы могли бы несколько дальше продвинуться без записи?

— Без записи? И действительно… без записи, — радостно воскликнул он, — Я готов отвечать на вопросы независимо от того, ведете вы запись или нет, журналист. И знаете почему? Потому что для меня — записываете вы или нет — все едино. Все едино!

— Что ж, тогда, — продолжал я, — расскажите кое-что об этих соломинках. Теперь вы могли бы привести мне примеры?

Он нагнулся ко мне и понизил голос.

— Проходят кое-какие… собрания, даже в сельских районах, — пробормотал он, — Ростки недовольства — об этом я могу вам сказать. Если же вы спросите меня о местах, именах, тогда — нет. Я не хочу посвящать вас в это.

— Таким образом, вы не оставляете мне ничего, кроме весьма туманных намеков. Я не могу из этого сделать статью, — заметил я, — А я предполагаю, что вам хотелось бы увидеть репортаж о

ситуации на планете.

— Да, но… — Его массивные челюсти плотно сжались. — Я не хочу ничего сообщать вам. Я не хочу рисковать… не собираюсь ничего сообщать!

— Понимаю, — сказал я и подождал минуту. Он открыл рот, потом закрыл, поерзал в своем кресле.

— Возможно, — медленно произнес я, — есть выход.

Из-под своих седых бровей он метнул на меня подозрительный взгляд.

— Тогда, может быть, мне кое-что рассказать вам? — тихо произнес я, — Вам бы ничего не потребовалось подтверждать. И конечно же, как я уже сказал, даже то, что буду говорить я, нигде не будет зафиксировано.

— Вы — расскажете мне? — Он мрачно уставился на меня.

— Почему бы и нет? — Я пожал плечами.

Он был слишком опытным политиком, и по его лицу было невозможно догадаться, о чем он думает. Тем не менее он не отрывал от меня взгляда.

— Служба новостей имеет свои источники информации. И, используя их, мы можем создать общую картину, даже не зная некоторых частностей. А теперь, говоря гипотетически, общая картина на Сент-Мари весьма схожа с той, что вы обрисовали. Зачатки недовольства, собрания, отдельные открытые выступления против правительства… вы бы, наверное, сказали — против марионеточного правительства.

— Да! — громыхнул он. — Да, точное слово. Именно так — чертово марионеточное правительство!

— В то же время, — продолжал я, — как мы уже обсудили, это марионеточное правительство в силах подавить любой местный мятеж и вовсе не собирается устраивать выборы, которые лишат его власти. Однако помимо созыва выборов, похоже, не существует другого конституционного пути изменения статус кво. Разумеется, Сент-Мари могла бы найти умных и самоотверженных лидеров — я повторяю: могла бы, потому что сам я занимаю нейтральную позицию — среди вожаков Голубого фронта, которые, юридически являясь лишь частными лицами, не имеют законной возможности вывести свой мир из-под чужого влияния.

— Да, — пробормотал он, все так же пристально глядя на меня, — Да.

— Соответственно, какой же путь остается реальным для тех, кто желал бы спасти Сент-Мари от ее нынешнего правительства? — продолжил я. — Так как все законные пути спасения недоступны, единственный оставшийся, как мне

кажется, — путь храбрых и сильных людей. Если отбросить в сторону обычную процедуру переходного периода и если не существует конституционного пути, чтобы убрать тех, кто в настоящее время держит нити управления в своих руках, значит, их надо устранить каким-то иным образом — разумеется, исключительно для блага Сент-Мари и ее жителей.

Он неотрывно смотрел на меня широко раскрытыми глазами из-под седых бровей. Его губы чуть шевельнулись, но он ничего не сказал.

— Короче — бескровный дворцовый переворот. Прямое и насильственное удаление плохих лидеров кажется единственным решением, остающимся для тех, кто верит, что эта планета нуждается в спасении. А теперь мы знаем…

— Подождите, — прервал меня О'Дойн, — Я должен сказать вам здесь и сейчас, журналист, что мое молчание не должно рассматриваться как согласие со всеми доводами, которые вы только что привели. Вы не должны упоминать…

— Подождите, — перебил я его в свою очередь, подняв руку. Он замолчал гораздо быстрее, чем того можно было ожидать.

— Все это — просто чисто теоретические предположения. Не думаю, что все это как-то связано с реальной ситуацией.

Я помедлил.

— Единственный вопрос в проекции этой ситуации на реальность — напоминаю: теоретической ситуации — состоит в ее исполнении. Как мы понимаем, поскольку силы и возможности Голубого фронта уступают правительственным в соотношении один к ста, судя по результатам последних выборов, они и в военном отношении едва ли сопоставимы с возможностями планетарного правительства Сент-Мари.

— Наша поддержка, поддержка снизу…

— О, конечно же, — кивнул я, — И все же остается проблема действительно эффективных мер в данной ситуации. Для них потребовались бы оружие и люди — в особенности люди. Конечно же, я имею в виду военных, способных либо обучить местные войска, либо самим применить силу…

— Мистер Олин, — произнес О'Дойн, — я должен выразить протест против такого направления в беседе. Я должен отвергнуть… Я должен… — Он встал и начал возбужденно вышагивать туда-сюда по комнате, размахивая руками. — …Я отказываюсь слушать подобные вещи.

— Простите меня, — сказал я. — Как я уже упоминал, я проигрываю всего лишь гипотетическую ситуацию. Но суть, до которой я пытаюсь добраться…

— Суть, до которой вы пытаетесь добраться, меня не

касается, журналист! — О'Дойн резко остановился прямо передо мной. — Нас, Голубой фронт, эта суть просто не интересует.

— Конечно же нет, — успокаивающе произнес я. — Я знаю, что это так. Конечно же, вся эта схема просто нереальна.

— Нереальна? — О'Дойн замер, — Почему нереальна?

— Ну, я имею в виду то, что касается дворцового переворота, — пояснил я. — Это же совершенно очевидно. Любая подобная операция потребовала бы помощи извне, обученных военных, к примеру. Ну а так как военных мог бы предоставить только какой-нибудь другой мир, то кто же согласится одолжить свои дорогостоящие войсковые подразделения какой-то политической партии, находящейся не у власти?

Я позволил последнему вопросу повиснуть в воздухе и теперь просто сидел, улыбаясь и разглядывая своего собеседника. Словно ожидая, что он ответит на мой вопрос. А он в ответ разглядывал меня, словно ожидая, что я сам отвечу на свой вопрос. Должно быть, наше обоюдное молчание длилось добрых секунд двадцать, прежде чем я вновь нарушил его, вставая.

— Совершенно очевидно, — сказал я, придав своему голосу выражение подчеркнутого извинения, — что никто. Поэтому я могу заключить, что мы не увидим никаких значительных изменений в правительстве или перемен во взаимоотношениях Сент-Мари с Экзотскими мирами в ближайшем будущем. Что ж, — я протянул ему руку, — извините за то, что именно мне пришлось прервать это интервью, мистер О'Дойн. Но я совсем забыл о времени. Через пятнадцать минут я должен быть на другом конце города. Предстоит интервью с президентом, и тогда я выслушаю мнение о ситуации другой стороны. А затем назад в космопорт, чтобы успеть на лайнер, этим вечером вылетающий на Землю.

Он тут же встал и пожал мою руку.

— Ничего страшного, — начал он. Его голос снова громыхнул, но затем опустился до нормального тона. — Мне доставило удовольствие ознакомить вас с реальной ситуацией.

— Что ж, тогда до свидания, — произнес я.

Я повернулся, чтобы уйти, и, когда уже прошел полпути к двери, он окликнул меня:

— Простите, Олин…

Я остановился и оглянулся:

— Да?

— Я чувствую… — Его голос неожиданно опять громыхнул, — Я должен спросить вас… Я считаю, что мой долг перед Голубым фронтом, перед моей партией — взять у вас обязательство сообщать мне все, что касается возможной

готовности любого из миров — любого из них — прийти на помощь людям, желающим создать достойное правительство на Сент-Мари. Мы здесь тоже читаем ваши материалы. Слышали ли вы о каком-нибудь мире, который, по слухам ли, по сообщениям, или что там у вас еще есть, был бы готов предложить помощь революционному движению обывателей на нашей планете, желающих сбросить иго Экзотских миров и ввести равное представительство для всего народа?

Я посмотрел на него и заставил подождать секунду-другую.

— Нет, — ответил я, — Нет, мистер О'Дойн, ничего не слышал.

Он стоял, не сдвинувшись с места, словно мои слова пригвоздили его к полу. Ноги его были слегка расставлены, подбородок задран, словно он бросал мне вызов.

— К сожалению, — добавил я, — До свидания.

Я вышел. По-моему, он так и забыл в ответ попрощаться со мной.

Я отправился в резиденцию правительства и посвятил двадцать минут ободряющей, приятной, пустой болтовне с Шарлем Перринни, президентом Сент-Мари. Затем вернулся через Новый Сан-Маркос и Джозефтаун в космопорт и сел на лайнер, отправляющийся на Землю.

На Земле я задержался лишь затем, чтобы просмотреть свою почту, и после этого немедленно отправился на Гармонию, в Совет Объединенных церквей, который управлял обоими Квакерскими мирами — Гармонией и Ассоциацией. Пять дней я провел, обивая пороги в приемных и офисах младших офицеров их так называемого Бюро по связям с общественностью.

На шестой день записка, по приезде посланная мной командующему Васселу, оказала свое влияние. Меня доставили в здание Совета. И после обыска на предмет наличия оружия меня допустили в кабинет с высоким потолком, голыми стенами и полом, выложенным черно-белой плиткой. Посреди комнаты, окруженный несколькими стульями с прямыми спинками, располагался громоздкий стол, за которым сидел человек, одетый во все черное.

Единственными белыми пятнами были его руки и лицо, на котором горели черные, как тьма, глаза. Он встал из-за стола и направился ко мне, протягивая руку.

— Да пребудет с вами Господь, — произнес он.

Наши руки встретились. Чувствовался легкий намек на удивление в линии его плотно сжатых губ. А его глаза пронзали меня, подобно двум хирургическим скальпелям.

Он пожал мою руку — не сильно, но с намеком на силу,

которая могла раздавить мои пальцы, как тиски, если бы ему того захотелось.

Наконец-то я оказался лицом к лицу со старейшим Совета старейшин, управляющим Объединенными церквями Гармонии и Ассоциации. Лицом к лицу с человеком по имени Брайт — самым влиятельным лицом на обоих Квакерских мирах.

Глава 19

— О вас хорошо отзывается командующий Вассел, — произнес он, — Обычно он не жалует журналистов, — Это была констатация факта, а не насмешка. Я повиновался его приглашению, больше похожему на приказ, и сел. После этого он обошел стол и опустился в свое кресло напротив меня.

В этом человеке чувствовалась сила, подобная какому-то темному пламени. И я вспомнил о пламени, дремавшем в порохе, который турки в 1687 году заложили внутри Парфенона. Ядро, выпущенное одним из солдат венецианской армии под командованием Морозини, воспламенило его черные зерна и подняло на воздух центральную часть этого светлого храма. Я с детства испытывал ненависть к этому ядру и к этой армии — ибо если Парфенон был для меня символом опровержения мрачной теории Матиаса, то урон, нанесенный ему, свидетельствовал о том, что тьма победила даже там, в сердце света.

И сейчас, видя перед собой старейшего Брайта, я соединил его со своей застарелой ненавистью, хотя и постарался скрыть от него это чувство. Из знакомых мне людей только Падма обладал подобной проницательностью взгляда. Но за этим взглядом скрывался еще и человек.

Глаза старейшего скорее могли принадлежать Торквемаде, одной из главных фигур инквизиции в средневековой Испании. Сходство двух этих людей отмечали и до меня. Но в его взгляде просматривался еще и умный политик, который хорошо знает, когда отпустить, а когда натянуть поводья, управляя представителями власти двух планет. И в первый раз я понял, какое чувство испытывает тот, кто впервые оказывается в клетке льва и слышит, как позади захлопывается стальная дверь.

Впервые с тех пор, как я очутился в Индекс-зале Конечной Энциклопедии, у меня задрожали колени. А вдруг у этого человека просто нет слабостей и, пытаясь управлять им, я лишь выдам свои планы?

Но навыки, выработанные тысячами интервью, пришли мне на помощь, и, хотя меня и мучили сомнения, язык мой заработал как бы сам по себе.

— …теснейшее сотрудничество со стороны командующего Вассела и его людей на Новой Земле, — проговорил я, — Я высоко оценил его.

— Я тоже, — резко проговорил Брайт; его глаза словно пытались прожечь меня насквозь, — ценю вашу беспристрастность как журналиста. Иначе бы вы не оказались

здесь и не беседовали со мной. Исполнение обязанностей руководителя двух миров не оставляет мне времени на придумывание развлечений для безбожников семи других систем. А теперь изложите причину вашего визита.

— Я подумывал о разработке проекта, — заговорил я. — Серия ознакомительных статей о Квакерских мирах — разумеется, во вполне доброжелательном ключе.

— Чтобы доказать свою приверженность кодексу журналиста, как утверждает Вассел? — прервал меня Брайт.

— Да, конечно, — ответил я и замер в кресле, — Я остался сиротой еще в юном возрасте. И моей самой большой мечтой с юных лет являлась работа в службе новостей…

— Не тратьте понапрасну мое время! — Суровый голос Брайта, словно топор, отсек незаконченную половину моего предложения. Неожиданно он снова встал, словно энергия, бурлившая в нем, оказалась слишком велика, чтобы ее сдержать, и, обогнув стол, остановился, глядя на меня сверху вниз. Его костистое лицо нависло надо мной.

— Что ваш кодекс для меня, того, кто идет, озаренный словом Господним?

— Мы все движемся, и каждый — своим путем, — произнес я.

Он стоял настолько близко ко мне, что я даже не мог подняться, чтобы разговаривать с ним лицом к лицу.

— Если бы не мои убеждения, я сейчас вряд ли был здесь. Возможно, вы не знаете, что произошло со мной и моим зятем, когда мы оказались в руках одного из ваших сержантов на Новой Земле…

— Знаю. За это вам уже принесены извинения. Послушайте меня, журналист. — Его тонкие губы неожиданно изогнулись в слабом подобии иронической усмешки, — Вы — не избранник Господа Нашего.

— Нет, — произнес я.

— У тех, кто следует слову Господню, быть может, есть причина думать, что они действуют из веры во что-то большее, чем их собственные эгоистические интересы. Но те, кто не несет в себе света Божьего, — как они могут верить во что-то иное, кроме самих себя?

Лишь змеящаяся на его тонких губах усмешка опровергала его же собственные слова.

Я бросил на него возмущенный взгляд:

— Вы насмехаетесь над моим журналистским кодексом только потому, что он не ваш собственный!

Моя вспышка никак не подействовала на него.

— Господь не выбрал бы дурака в качестве старейшего Совета

наших церквей, — произнес он и, повернувшись, снова обогнул стол, чтобы усесться в свое кресло. — Вы должны были подумать об этом, прежде чем прибыли на Гармонию, Но так или иначе, теперь вы это знаете.

Я уставился на него, почти ослепленный внезапным озарением. Да, теперь я знал — он сам, этими своими словами, отдал себя в мои руки.

Я боялся, что у него не окажется ни одной слабости, которую я мог бы использовать. И это было правдой — он не имел обычных слабостей, зато ему была присуща одна необычная. Единственная его слабая черта стала самой сильной, и именно это позволило ему стать правителем и лидером нации. Черта эта заключалась в том, что он вынужден был стать фанатиком — фанатиком в самой крайней степени. Но кроме этого, он еще обладал способностью не проявлять фанатизм при общении с правителями других миров — как союзниками, так и противниками. И именно это он только что признал.

В отличие от своих единоверцев он не воспринимал все только в черном или только в белом цвете — ему были доступны и полутона. Короче, он мог действовать как политик, выбирая определенную линию поведения. И именно как с политиком я мог иметь с ним дело.

И соответственно, привести его к политической ошибке.

Я обессиленно откинулся на спинку стула. Напряжение спало, и его глаза снова пристально смотрели на меня. Я вздохнул.

— Вы правы, — произнес я устало и поднялся. — Но, пожалуй, теперь это не имеет значения. Думаю, мне пора…

— Пора? — Его голос хлестнул, словно винтовочный выстрел, сразу остановив меня, — Разве я сказал, что интервью закончено? Сядьте!

Я тут же торопливо сел, стараясь выглядеть немного испуганным, и, кажется, преуспел в этом. Хотя мне удалось раскусить его, я все еще находился в клетке, где львом по-прежнему считался он.

— А теперь, — он пристально глядел на меня, — что в действительности вы надеялись получить от меня? От нас, избранных Господа?

Я облизал губы.

— Говорите. — Он не повысил тона, но явственно прозвучавшие в нем властные нотки сулили мне неприятности, если я не повинуюсь.

— Совет… — пробормотал я.

— Совет? Совет старейшин? При чем тут Совет?

— Нет, не то. — Я начал, уставившись в пол: — Совет Гильдии журналистов. Я хочу получить в нем место. После Дэйва — после случая с моим зятем — мое общение с Васселом показало, что я могу выполнять свою работу без предубеждения даже в отношении ваших людей. И это привлекло ко мне внимание в Гильдии. Если бы я мог продолжить действовать в том же направлении, если бы я мог изменить мнение общественности на других мирах в вашу пользу, это повысило бы мой авторитет в глазах и общественности, и Гильдии.

Я замолчал. Затем медленно поднял глаза и посмотрел на него. Он взглянул на меня с нескрываемой иронией.

— Признание очищает душу даже такого грешника, как вы. Скажите мне, как вы собираетесь улучшить мнение о нас среди этих, отвергнутых Господом?

— Ну, это зависит от обстоятельств, — произнес я. — Я должен осмотреться здесь, набрать материал для статьи. Прежде всего…

— Теперь это не имеет значения! — Он снова поднялся из-за стола и взглядом приказал мне сделать то же самое. Я подчинился.

— Мы вернемся к этой теме через несколько дней, — проговорил он. На его губах снова играла улыбка Торквемады. — А на сегодня хватит. Всего хорошего, журналист.

— Всего хорошего, — промямлил я, повернулся и, слегка пошатываясь, вышел.

Это получилось не нарочно, я просто чувствовал, что ноги стали ватными, словно я только что балансировал на краю бездонной пропасти. И во рту у меня было сухо.

В течение нескольких следующих дней я просто шлялся по городу, трудолюбиво собирая справочный материал. А затем, на четвертый день после моей встречи со старейшим Брайтом, меня снова вызвали к нему.

— Журналист, — неожиданно произнес он, когда я вошел, — сдается мне, вы не сможете отдавать нам предпочтение в своих сводках новостей без того, чтобы ваши коллеги по Гильдии не заметили этого. И если это так, какая мне от вас польза?

— Я не сказал, что буду только положительно отзываться о вас, — ответил я возмущенно. — Но если вы покажете мне то, что достойно внимания, я готов написать об этом.

— Да. — Он тяжело посмотрел на меня, и черное пламя мелькнуло в его глазах. — Тогда пойдем посмотрим на наш народ.

Мы покинули кабинет, спустились на лифте в гараж, где нас ждала машина. Водитель повез нас за пределы столицы, по

каменистым и почти лишенным растительности пригородным районам, где располагались фермерские хозяйства.

— Смотрите, — угрюмо произнес Брайт в тот момент, когда мы проезжали через небольшой городок. — На наших бедных планетах мы выращиваем единственный реальный урожай — это наши молодые люди. Они становятся солдатами, чтобы наш народ не голодал, а вера — жила. Какие же изъяны у этих молодых людей, из-за которых на прочих мирах их столь сильно презирают, в то же время нанимая, чтобы они сражались и гибли в чужих войнах?

Я повернулся и увидел, что он снова смотрит на меня с мрачной усмешкой.

— Их… отношение к жизни, — осторожно произнес я.

Брайт рассмеялся. Его смех оказался подобен рычанию льва, глухому и сильному.

— Отношение к жизни! — резко воскликнул он. — Назовите это проще, журналист! Гордость! Бедные, умеющие лишь обрабатывать землю да воевать, как вы заметили, эти люди все же смотрят словно с высоких гор на рожденных в пыли червей, которые их нанимают. Они знают, что их хозяева могут быть баснословно богаты, вкусно жрать и носить замечательные одежды, но всем им, когда они окажутся за порогом смерти, не будет позволено даже стоять с чашкой для милостыни у ворот из злата и серебра, через которые мы, избранники Господа, будем проходить, распевая псалмы.

И он хищно улыбнулся мне из глубины машины.

— Что же могло бы научить надлежащей вежливости и доброму отношению тех, кто нанимает избранных Господа?

Он снова насмехался надо мной. Однако еще в свой первый визит я раскусил его. И тоненькая тропинка к моей цели по мере развития нашей беседы становилась все заметнее. Поэтому его насмешки беспокоили меня все меньше и меньше.

— Не о гордости или вежливости с чьей-либо стороны идет речь, — ответил я. — Кроме того, вам ведь не это нужно. Вас ведь не волнует, что думают наниматели о ваших войсках, главное — чтобы их нанимали. И их обязательно будут нанимать и дальше, если они научатся относиться к другим… даже не с любовью, а хотя бы терпимо…

— Водитель, остановись здесь! — прервал Брайт.

Машина затормозила.

Мы оказались в небольшой деревеньке. Хмурые, одетые во все черное люди сновали между строений из пластика — таких уже не увидишь на других мирах.

— Где мы? — поинтересовался я.

— Небольшой городок, называющийся Поминовение Господа, — ответил он, опуская стекло со своей стороны. — А вот и кое-кто, знакомый вам.

Действительно, к машине приближался худощавый человек в форме. Я узнал Джэймтона Блэка.

— Да, сэр? — обратился он к Брайту.

— Этот офицер, — Брайт повернулся ко мне, — когда-то подавал большие надежды. Но пять лет назад его прельстила дочь другого мира, которая в конце концов отвергла его. И с тех пор он, похоже, потерял всякое желание продвигаться по служебной лестнице.

Он взглянул на Джэймтона.

— Старший лейтенант, вы дважды встречались с этим человеком. Впервые — в его доме на Земле пять лет назад, когда просили руки его сестры. И второй раз — год назад, на Новой Земле, когда он просил у вас пропуск для своего помощника. Скажите мне, что вы знаете о нем?

Джэймтон взглянул на меня в упор.

— Только то, что он любил свою сестру и желал лучшей жизни для нее, чем мог бы предоставить ей я, — произнес Джэймтон спокойно — под стать своему каменному лицу, — А также то, что он желал добра своему зятю и хотел его защитить.

Он повернулся и посмотрел Брайту прямо в глаза.

— Я верю, что он честный и хороший человек, старейший.

— Я не спрашивал вас, во что вы верите! — резко бросил Брайт.

— Как угодно. — Джэймтон по-прежнему спокойно смотрел на него.

И неожиданно я почувствовал закипающий во мне гнев. Мне казалось, что я вот-вот взорвусь от этого чувства, невзирая на последствия.

И в этом был виноват Джэймтон. Ибо он не только имел смелость отозваться обо мне как о честном и хорошем человеке — просто я почувствовал себя так, словно он дал мне пощечину. Он не боялся Брайта. А я боялся, по крайней мере во время нашей первой встречи.

И это несмотря на то, что я был журналистом и за мной стояла вся мощь Гильдии, а он — всего лишь лейтенантом, стоящим перед своим верховным главнокомандующим, предводителем двух миров. Как он мог?..

Неожиданно до меня дошло, и я чуть не заскрежетал зубами от ярости и разочарования. Просто Джэймтон ничем не отличался от того капрала на Новой Земле, который отказал мне в пропуске для Дэйва. Капрал был готов повиноваться Брайту как

старейшему, но не считал необходимым преклоняться перед другим Брайтом, являвшимся всего лишь человеком.

В каком-то смысле Брайт держал в своих руках жизнь Джэймтона, но, в отличие от ситуации со мной, лишь ее меньшую часть.

— Ваш отпуск окончен, — отрывисто произнес Брайт, — Можете сообщить родным, чтобы они переслали ваши вещи в столицу, а сейчас присоединяйтесь к нам. С этого момента вы — помощник и адъютант этого журналиста. И чтобы соответствовать должности, вы повышены в звании.

— Слушаюсь. — Джэймтон слегка наклонил голову. Затем вернулся в здание, из которого перед этим вышел, через несколько мгновений снова появился и сел к нам в машину. Брайт отдал приказ, и машина, развернувшись, понеслась назад, в город.

Когда мы вернулись, Брайт отпустил меня вместе с Джэймтоном, чтобы я мог ознакомиться с ситуацией как в городе, так и за его пределами.

Потребовалось очень немного времени, чтобы понять, что Джэймтон одновременно выполняет функции адъютанта и соглядатая. Тем не менее ни об этом, ни вообще о чем-либо еще мы с ним не говорили, прогуливаясь по столице и ее окрестностям, словно пара призраков или людей, давших обет молчания с обоюдного согласия. Нас объединяли лишь воспоминания об Эйлин и Дэйве — но эти воспоминания отозвались бы болью, что делало возможную беседу нежелательной. Других тем для общения у нас не было.

Время от времени меня вызывали к старейшему Брайту. Беседы наши были довольно непродолжительны, и он практически ни разу не вспоминал о том, что мы собирались сотрудничать. Словно чего-то ждал. И наконец я понял, чего именно он ждал. Он приставил ко мне Джэймтона, чтобы проверить меня. И ждал момента, когда сполна сможет использовать честолюбивого журналиста, который предложил ему приукрасить облик его народа в глазах общественности.

Как только я это понял, я успокоился, видя, как встреча за встречей, день за днем Брайт все ближе подходит к тому, что мне было нужно. Он стал более откровенен в беседах со мной и задавал все больше и больше вопросов.

— А о чем они вообще любят читать на этих других мирах, а, журналист? — спросил он однажды. — Что их больше всего интересует?

— Герои, конечно, — ответил я так же легко, как он задал вопрос. — Вот почему хороший материал для прессы

представляют собой дорсайцы и до определенной степени — экзоты. — Тень, которая могла быть, а могла и не быть намеренной, промелькнула по его лицу при упоминании об экзотах.

— Безбожники, — пробормотал он. И все. А днем позже он снова вернулся к теме героизма.

— А что делает их героями в глазах общественности?

— Обычно, — ответил я, — победа над каким-нибудь уже зарекомендовавшим себя сильным человеком, как злодеем, так и героем, — По его лицу я понял, что он согласен со мной. И тогда решил рискнуть. — К примеру, если бы войска Квакерских миров смогли лицом к лицу встретиться с равным числом дорсайцев и победить их…

Выражение его лица немедленно изменилось. Секунду или две Брайт смотрел на меня, разинув рот. Затем взгляд его стал подобен расплавленной лаве, льющейся из жерла вулкана.

— Вы что — за дурака меня принимаете? — резко бросил он. Но вскоре гнев сменился любопытством. — Или, может, вы сами — дурак?

Брайт окинул меня долгим, пристальным взглядом и наконец кивнул головой.

— Да, — произнес он, словно про себя, — Именно так. Этот человек — дурак. Дурак, рожденный на Земле.

Старейший отвернулся, и интервью закончилось.

Я не обратил внимания на то, что он обозвал меня дураком. Пожалуй, это служило еще большей страховкой в преддверии того момента, когда я сделаю свой ход, чтобы обмануть его. Но, клянусь жизнью, я не мог понять, что вызвало столь необычную реакцию. И это беспокоило меня. Не могло же мое предположение насчет дорсайцев быть столь пророческим? Меня подмывало спросить об этом Джэймтона, но здравый смысл удержал меня от этого шага.

И вот пришел день, когда Брайт наконец собрался задать мне вопрос, который рано или поздно должен был задать.

— Журналист. — Он стоял спиной ко мне, слегка расставив ноги, заложив руки за спину и глядя сквозь огромное — во всю стену — окно кабинета на правительственный центр и столицу, раскинувшуюся внизу.

— Да, старейший? — отозвался я, как всегда явившись после очередного вызова. Он резко обернулся при звуке моего голоса и уставился на меня своим огненным взглядом.

— Вы как-то сказали, что героями становятся в результате победы над теми, кто уже зарекомендовал себя героями. В качестве примера вы упомянули дорсайцев и экзотов.

— Совершенно верно. — Я приблизился к нему.

— Безбожники-экзоты, — Он словно разговаривал сам с собой. — Они используют наемников. Какая заслуга в том, чтобы победить наемников, — даже если бы это было легко и возможно?

— Тогда почему бы не спасти кого-то, нуждающегося в помощи? — безмятежно спросил я. — Это придало бы вам веса в глазах публики. Вы, квакеры, не очень-то известны подобной деятельностью.

Он бросил на меня тяжелый взгляд:

— Кого мы должны спасти?

— Ну что ж, — ответил я, — всегда имеются небольшие группы людей, которые, по праву или нет, считают, что их притесняют более могущественные социальные группы. Скажите мне, разве к вам не обращались небольшие диссидентские организации, желающие нанять ваших солдат для участия, к примеру, в мятежах против своих законных правительств… — Я на мгновение сделал паузу, — Ну конечно, как же я мог забыть о Новой Земле и Северном разделе!

— Мы получили крайне мало положительных откликов с других миров по поводу истории с Северным разделом, — резко проговорил Брайт, — И вы это отлично знаете!

— Но шансы тогда были примерно равными, — успокоил я его, — Что вам нужно, так это помочь кому-нибудь, кто является настоящим меньшинством в борьбе против настоящего большинства. Скажем, шахтерам Коби против владельцев шахт.

— Коби? Шахтеры? — Он снова бросил на меня тяжелый взгляд, но именно этого взгляда я и ждал все эти дни и потому спокойно встретил его. Он повернулся и подошел к столу. Протянув руку, он взял со стола лист бумаги, похожий на письмо.

— Случилось так, что меня попросили рассмотреть просьбу о помощи, поступившую от одной группы…

Он остановился и положил письмо обратно, при этом подняв голову и посмотрев на меня.

— От группы вроде шахтеров Коби? — поинтересовался я. — Да уж не сами ли это шахтеры?

— Нет, — ответил он. — Не шахтеры.

Какое-то мгновение он стоял молча, затем, обогнув стол, подошел ко мне и протянул руку.

— Как я понимаю, вы собираетесь уезжать.

— Что? — удивился я.

— Разве меня неверно информировали? — Глаза Брайта буквально прожигали меня насквозь. — Я слышал, что вы уже собираетесь на космолет, отлетающий сегодня вечером на Землю. И как я понял, у вас уже есть билет на этот рейс.

— Как же… конечно. — По тону его голоса мне стало ясно, чего он добивается, — Я просто забыл. Да, уже уезжаю.

— Желаю приятного путешествия, — произнес Брайт. — Я рад, что мы смогли прийти к дружественному взаимопониманию. Можете рассчитывать на нас в будущем. И, в свою очередь, мы будем рассчитывать на вас.

— Пожалуйста, — ответил я. — И чем скорее — тем лучше.

— Это произойдет достаточно скоро, — заверил меня Брайт.

Мы еще раз попрощались друг с другом, и я отправился в свой отель. Там я обнаружил, что все мои вещи уже упакованы и, как и сказал Брайт, на мое имя приобретен билет на космолет, этим вечером отправляющийся на Землю. Джэймтона нигде не было видно.

Пятью часами позже я снова очутился меж звезд, на корабле, направляющемся к Земле.

А пятью неделями позже Голубой фронт на Сент-Мари благодаря помощи оружием и людьми, присланной с Гармонии и Ассоциации, поднял короткое, но кровавое восстание. Законное правительство было свергнуто, и его сменили лидеры Голубого фронта.

Глава 20

На этот раз я не просил Пирса Лифа о встрече. Он послал за мной сам. И когда я проходил через зал Гильдии и затем поднимался вверх по трубе лифта к его офису, многие члены Гильдии провожали меня пристальными взглядами. Ибо за те три года, что прошли с момента захвата лидерами Голубого фронта власти на Сент-Мари, многое для меня изменилось, и я, в свою очередь, изменился тоже.

Поэтому Пирс Лиф и решил встретиться со мной. И именно это заставляло сейчас моих коллег оборачиваться, когда я проходил мимо. Ибо за эти три года мое понимание людей и событий достигло такой глубины, что теперь, вспоминая встречу со старейшим Брайтом два года назад, я понимал, что тогда был просто новорожденным младенцем.

Мне вспомнился мой первый сон о том, как я с мечом в руке направлялся на встречу под проливным дождем. Тогда я в первый раз ощутил притягательность мести, сейчас же это чувство стало гораздо сильнее — сильнее, чем потребность в еде, питье или любви или даже чем желание жить.

Дураки те, кто считает, что максимум удовольствия человеческой душе могут доставить богатство, женщины, крепкие напитки или наркотики. Все это ничто по сравнению с той величайшей силой, которая полностью захватывает человека, все его надежды, страхи, мечты — и тем не менее требует еще большего.

Владение собой — использование себя как орудия в своих же собственных руках — и, таким образом, созидание или разрушение чего-то, чего никто другой не мог ни построить, ни разрушить, — именно это и есть величайшее удовольствие, известное человеку! Тому, кто когда-нибудь держал резец в руке и выпускал на свободу ангела, заточенного в куске мрамора, или тому, кто ощущал тяжесть меча в руке и оставлял неприкаянной душу, которая всего лишь за мгновение до этого обитала в теле смертельного врага, — именно им двоим одинаково предоставлялась возможность отведать той удивительной пищи, что предназначалась лишь для демонов или богов.

И наконец это снизошло и на меня спустя два года и даже чуть более.

Мне снилось, что в руке, простертой над шестнадцатью мирами, я держу молнии и управляю ими так, как мне того хочется. Я отчетливо ощущал, как превосходно справляюсь с этим. Наконец-то я познал свои возможности. Мне стало ясно, что

в перспективе означает неурожай зерна на Фрайлянде для тех, кто хочет, но не может заплатить за профессиональное обучение на Кассиде. Я разобрался в поступках таких людей, как, например, Уильям Сетанский, Проджект Блэйн с Венеры или Сэйона с Экзотских миров. Именно они определяли ход событий меж звезд. А я уже заранее знал их возможные результаты. И оказывался там, где вскоре следовало ждать новостей. Я первым сообщал о них, когда все еще только начиналось. Поэтому мои коллеги по Гильдии решили, что я наполовину дьявол, наполовину провидец.

Но меня это совершенно не интересовало. Меня волновало лишь тайное удовольствие, получаемое от ждущей своего часа мести. Чувство зажатого в руке не видимого никому меча — моего орудия разрушения!

Теперь у меня не оставалось сомнений, почему я никогда не любил Матиаса — он насквозь видел меня, — и с момента его смерти мне словно передалась по наследству его антивера, правда, она обрела такую силу, какую он никогда бы даже представить себе не смог.

Итак, я направился в офис Пирса Лифа. Он стоял у двери, ожидая меня. Наверное, снизу его предупредили, что я поднимаюсь. Он сжал мою руку и, задержав ее в своей, провел меня в кабинет, захлопнув за нами дверь. Мы уселись не около его стола, а на диван, стоящий в стороне, рядом с огромным креслом. Я невольно обратил внимание на его пальцы, когда он наполнял бокалы, — они заметно похудели, да и сам он постарел.

— Ты слышал, Там? — спросил он без всякого предисловия, — Умер Морган Чу Томпсон.

— Да, слышал, — ответил я. — И теперь одно из мест в Совете вакантно.

— Да. — Он отпил глоток из своего бокала и поставил его на ручку кресла. Затем устало провел по лицу ладонью, — Морган был моим давним другом.

— Я знаю, вам, должно быть, весьма тяжело, — произнес я, хотя не испытывал ни малейшего сочувствия.

— Мы были одногодками… — Он замолчал и устало улыбнулся мне. — Наверное, ты ждешь, что я поддержу тебя в твоем стремлении занять освободившееся место?

— Думаю, члены Гильдии сочли бы несколько странным, если бы вы не сделали этого, учитывая то, как за последнее время складывались обстоятельства.

Он кивнул головой, но в то же время, казалось, едва слышал то, что я говорю. Он снова взял бокал и отпил из него без всякого удовольствия.

— Почти три года назад, — заговорил он, — ты пришел сюда, чтобы увидеться со мной, и тогда ты кое-что предсказал. Помнишь?

Я улыбнулся.

— Конечно, едва ли ты забыл об этом, — кивнул он. — Что ж, Там… — Он сделал паузу и тяжело вздохнул. Казалось, ему очень трудно начать этот разговор. Но я уже был достаточно опытен и обладал теперь всем необходимым, в том числе и терпением, — У нас было достаточно времени, чтобы посмотреть, как развернутся события, и, похоже, ты оказался прав, но в то же время и не прав.

— Не прав? — повторил я.

— Ну да, — произнес он. — По твоим словам, именно Экзотские миры собирались уничтожить культуру квакеров на Гармонии и Ассоциации. Но посмотри-ка, что произошло с тех пор.

— О? И что же? — спросил я, — Например?

— Сейчас, — начал он, — уже почти все понимают, что именно фанатизм квакеров — случаи беспричинной жестокости вроде той бойни, в которой погиб твой зять три года назад на Новой Земле, — являлся основной причиной негативного отношения к ним на других мирах. Они могли вообще утратить возможность предоставлять своих солдат в качестве наемников. Но любому, даже слепому, было ясно как день, что они — квакеры — сами виноваты в том, как к ним относятся. И Экзотские миры тут ни при чем.

— Согласен, — кивнул я головой.

— Ну конечно же. — Он снова отпил из своего бокала, на этот раз уже с большим удовольствием, — Думаю, поэтому я и засомневался, когда ты предсказал, что экзоты собираются разделаться с квакерами. Это прозвучало как-то очень уж странно. Но затем оказалось, что именно войска квакеров и поставляемое ими вооружение поддерживали революцию Голубого фронта на Сент-Мари — можно сказать, на заднем дворе экзотов, у солнц Проциона. И должен признать: похоже, между квакерами и экзотами все-таки что-то происходило. — Он смолк и посмотрел на меня.

— Благодарю вас, — произнес я.

— Но Голубой фронт долго не протянул, — заметил он.

— Просто сначала их весьма широко поддерживал народ, — уточнил я.

— О да, да. — Пирс взмахом руки отмел мое возражение. — Но ты сам прекрасно знаешь, как бывает в подобных ситуациях. Всегда имеется повод к драке там, где дело касается более богатого, удачливого соседа — живущего либо в доме напротив,

либо на соседней планете. Все дело в том, что жители Сент-Мари неизбежно должны были вскоре понять, что собой представляет Голубой фронт, и скинуть его, снова сделав нелегальным. Кстати, этих людей из Голубого фронта, в общем, было немного. К тому же большинство из них оказались просто чокнутыми. И кроме того, Сент-Мари фактически не может существовать сама по себе ни в финансовом плане, ни в каком-либо еще, постоянно находясь в тени таких богатейших миров, как Мара и Культис. Всей этой истории с Голубым фронтом заведомо суждено было провалиться. Это было видно любому.

— Я тоже так думаю, — кивнул я.

— Ты это знал! — воскликнул Пирс, — Но я не заметил — и, очевидно, ты тоже — того, что, как только Голубой фронт будет скинут, квакеры тут же направят свои силы на Сент-Мари, чтобы подкрепить свое требование к законному правительству об уплате за военную помощь, которую orfn предоставили Голубому фронту. И по условиям договора о взаимопомощи, который всегда существовал между Экзотскими мирами и законным правительством Сент-Мари, экзотам просто пришлось бы ответить на призыв о помощи Сент-Мари и помочь ей изгнать оккупантов. Сент-Мари просто не смогла бы уплатить ту сумму, которую потребовали бы квакеры.

— Да, — подтвердил я, — Я предвидел и это.

Пирс бросил на меня быстрый взгляд.

— Вот как? Так как же ты тогда мог думать, что…

Он неожиданно замолчал, задумавшись.

— Все дело в том, — спокойно начал я, — что экспедиционные силы, присланные экзотами, без особого труда загнали войска Квакерских миров в угол и окружили их. А сейчас, в зимний период, они просто прекратили наступление. И если только старейший Брайт и его Совет не пришлют подкреплений, те их войска, которые сейчас находятся на Сент-Мари, возможно, будут вынуждены сдаться в плен уже этой весной. Квакерам, конечно, трудно будет выслать подкрепления, но так или иначе им придется это сделать…

— Нет, — произнес Пирс, — они этого не сделают.

Он странно посмотрел на меня.

— Мне кажется, ты намерен убедить меня, что вся эта история явилась просто маневром экзотов для того, чтобы дважды наказать квакеров: они лишатся того, что затратили на помощь Голубому фронту, а потом еще и потратятся на посылку подкреплений.

Внутренне я улыбнулся, ибо сейчас он наконец приблизился к тому моменту, о котором я мечтал еще три года назад. Только я

спланировал так, что ОН должен был сообщить это МНЕ, а не я — ему.

— А разве не так? — удивленно спросил я.

— Нет, — взволнованно проговорил Пирс. — Совсем наоборот. Брайт и его Совет намереваются оставить свои экспедиционные силы без подкреплений, чтобы их либо захватили, либо уничтожили, причем уничтожение предпочтительнее. И результат будет именно тем, который ты собирался представить остальным мирам. Это касается важного принципа выплаты долгов, сделанных обитателями любого мира, — принципа жизненно важного, хотя и не признанного законным, являющегося частью межзвездной экономической системы. Но экзоты, победив квакеров, таким образом нарушили бы этот принцип. Даже то, что Экзотские миры связаны с Сент-Мари соглашением и были просто обязаны прийти на помощь, ничего не меняет. Брайту лишь нужно будет в свою очередь обратиться за помощью к Сете, Ньютону, ко всем мирам, имеющим жесткую контрактную систему, и тогда они сообща поставят экзотов на колени.

Он замолчал и уставился на меня.

— Теперь тебе ясно, к чему я веду? Теперь ты понимаешь, почему я сказал, что ты прав и не прав одновременно — насчет твоего предположения о вендетте между квакерами и экзотами? Теперь-то ты видишь, что ошибался? — спросил он.

Я намеренно, прежде чем ответить, посмотрел на него долгим, пристальным взглядом.

— Да. — Я кивнул головой. — Теперь мне понятно. Вовсе не Экзотские миры хотят разделаться с квакерами. Это квакеры хотят покончить с экзотами.

— Именно! — воскликнул Пирс, — Богатство и знания экзотов являются стержневыми в ассоциации миров со свободной контрактной системой и позволяют им противодействовать торговле опытными, обученными работниками, как мешками с зерном, — тому, за счет чего существуют миры, имеющие жесткую контрактную систему. И если Экзотские миры будут сломлены, баланс сил между двумя группами нарушится. А только этот баланс позволял Земле находиться несколько в стороне от обеих групп. Теперь же она тоже окажется вовлечена в конфликт. И тот, на чьей стороне она выступит, будет контролировать нашу Гильдию.

Он замолчал и откинулся назад, словно совершенно выбился из сил. Через некоторое время снова выпрямился.

— И ты знаешь, к кому примкнет Земля, если победят квакеры, — произнес он, — К группе с жесткой контрактной

системой. Итак, какую позицию занимаем мы — члены Гильдии?

Я бросил на него ответный взгляд, ничего не отвечая — чтобы он сам поверил в силу своих слов. Но в действительности я уже ощущал первый, пока еще слабый привкус начала свершения своей мести. Вот теперь он и пришел к той точке, к которой я намеревался подвести его с самого начала. К положению, когда Гильдия, оказавшись перед перспективой уничтожения ее высшего принципа — объективности, будет либо вынуждена принять сторону противников квакеров, либо неминуемо попадет в лапы миров с жесткой контрактной системой, к которой принадлежат и сами квакеры. Я позволил ему немного помолчать и почувствовать себя несколько беспомощным. Затем я медленно начал:

— Если квакеры могут уничтожить экзотов — тогда возможно и обратное развитие событий. Допустим, если я мог бы отправиться на Сент-Мари в преддверии весеннего наступления и использовать свое умение разбираться в ситуации намного глубже, чем другие, это могло бы помочь ее разрешению в ту или иную сторону без того, чтобы была скомпрометирована Гильдия.

Пирс уставился на меня, лицо его слегка побледнело.

— Что ты хочешь этим сказать? Не можешь же ты так просто встать на сторону экзотов. Надеюсь, ты не это имеешь в виду?

— Конечно же нет, — ответил я, — Но я легко мог бы заметить нечто, чем экзотам удалось бы воспользоваться, чтобы выбраться из сложившейся ситуации, и постарался бы, чтобы и они это заметили. Естественно, никакой гарантии успеха нет. Но в противном случае, как вы сами сказали, что будет с нами? Какова же тогда наша позиция?

Он помолчал. Затем потянулся за своим бокалом. И когда он его взял, рука его слегка дрожала. Нетрудно было понять, о чем он думал. То, что я предлагал, являлось нарушением если и не буквы, то духа закона о непредвзятости Гильдии. В этом случае мы принимали определенную сторону, но Пирс, похоже, считал, что во имя блага Гильдии мы как раз и должны сделать именно это, пока выбор все еще за нами.

— У вас есть реальное доказательство того, что старейший Брайт решил оставить свои оккупационные силы в окружении? — спросил я, пока он молчал. — Можем ли мы с уверенностью утверждать, что он не пошлет подкреплений?

— У меня на Гармонии есть люди, которые как раз сейчас и занимаются поисками подобных доказательств… — Загудел видеофон, стоявший на столе, прерывая его. Он нажал клавишу, и на экране появилось лицо Тома Лэссири, его секретаря.

— Сэр, — сказал Том. — Вызов из Конечной Энциклопедии.

Дело касается журналиста Олина. Это мисс Лиза Кент. Она утверждает, что дело исключительной важности.

— Я отвечу, — произнес я в тот момент, когда Пирс согласно кивнул головой. Ибо сердце мое так и подпрыгнуло в груди — в причине этого у меня не было времени разбираться. Экран на мгновение мигнул, затем на нем появилось лицо Лизы.

— Там! — воскликнула она без всякого приветствия. — Там, скорее приезжай. Марк Торре смертельно ранен террористом! Он умирает, несмотря на все старания врачей. И он хочет поговорить с тобой — с тобой, Там, пока еще не слишком поздно! О Там! Поторопись, прошу тебя!

— Еду, — ответил я.

Мне показалось, что звук ее голоса словно выдернул меня из кресла и понес прочь от офиса Пирса, будто какая-то могучая гигантская рука, обнявшая меня за плечи. На самом же деле я просто вскочил и побежал.

Глава 21

Лиза встретила меня у того же самого входа в Конечную Энциклопедию, где несколько лет назад я впервые столкнулся с ней. Она провела меня в офис Марка Торре через тот же странный лабиринт и движущуюся комнату, как и в прошлый раз. По пути она рассказала мне, как все произошло.

Именно на случай подобной опасности и был создан лабиринт и все остальное, так как по статистике такое все-таки могло случиться. Строительство Конечной Энциклопедии с самого начала разбудило страхи, до тех пор спавшие в умах не совсем психически здоровых людей на всех шестнадцати мирах. Из-за того, что цель Энциклопедии лежала в таинственной области, которую нелегко было ни объяснить, ни определить, она вызывала ужас у психопатов как на Земле, так и на других мирах.

И один из этих психопатов все-таки добрался до Марка Торре — бедный параноик, который хранил свою болезнь в тайне даже от собственной семьи. В его уме появилось и развилось заблуждение, что Энциклопедия — не что иное, как великий Мозг, который поработит человечество. Мы увидели его, точнее его тело, лежавшее на полу офиса. Это был худощавый мужчина, седой, с мягким спокойным лицом, на лбу его запеклась кровь.

Лиза рассказала мне, что он попал сюда по ошибке. Марка Торре должен был осмотреть новый врач, его ждали после полудня. По чьему-то недосмотру вместо него впустили этого пожилого, очень хорошо одетого, представительно выглядевшего человека. Он дважды выстрелил в Марка и один раз — в себя, покончив жизнь самоубийством. Марк, несмотря на две пистолетные иглы в легких, все еще был жив, но быстро слабел.

Лиза привела меня к нему, неподвижно лежащему на спине на залитом кровью покрывале большой постели в спальне, примыкавшей к его кабинету. С него сняли верхнюю одежду, всю его грудь охватывала огромная белая повязка. Глаза были закрыты и запали, так что нос и подбородок, казалось, были упрямо выпячены вперед, словно в яростном неприятии смерти, которая медленно, но верно увлекала его отчаянно борющийся дух в глубину своих темных вод.

Но больше всего мне бросилось в глаза не лицо. Меня поразила необычайная ширина груди и плеч, длина его обнаженных рук. Неожиданно из глубин моего позабытого школьного прошлого всплыл рассказ свидетеля убийства Авраама Линкольна, так же вот лежавшего на кровати и умиравшего. И то, как свидетель был поражен силой мышц и шириной грудной

клетки обнаженного торса президента.

Вот кого мне напомнил Марк Торре. Правда, в его случае большая часть мускулатуры оказалась утраченной в результате продолжительной болезни и малоподвижного образа жизни. Но ширина плеч и длина рук указывали на силу, которой он обладал в молодости. В комнате находилось еще несколько человек, среди них были и врачи. Но все тут же отошли в сторону, как только Лиза подвела меня к постели, наклонилась и тихо позвала его по имени.

— Марк, — произнесла она. — Марк!

В течение нескольких секунд я думал, что он уже не ответит. Я помню, как решил, что, наверное, он уже умер. Но затем его запавшие глаза приоткрылись, он осмотрелся, и наконец взгляд его уперся в Лизу.

— Там пришел, Марк, — сказала она. Затем отодвинулась в сторону, позволяя мне поближе подойти к постели, и, обернувшись, посмотрела на меня.

— Наклонись, Там. Поближе к нему, — приказала она.

Я подошел еще ближе и наклонился. Его глаза застыли на моем лице. Я не понял, узнал он меня или нет. Но затем его губы зашевелились, и я услышал отзвук шепота, шелестевшего где-то в глубине его некогда могучей груди.

— Там…

— Да, — ответил я. Затем заметил, что сжал его руку своей. Я не знал почему. Его рука была холодна и бессильна.

— Сынок… — прошептал он так тихо, что я едва смог расслышать.

И в тот же момент меня будто поразила молния, и, не шевельнув ни единым мускулом, я неподвижно застыл, от неожиданной, ужасной ярости похолодев так, словно меня засунули в лед.

Как он смел? Как он смел назвать меня «сынок»?! Я не давал ему никакого права или повода назвать меня так… меня, которого он едва знал. Меня, не имевшего ничего общего с ним, или с его работой, или всем тем, приверженцем чего он был. Как он осмелился сказать мне «сынок»?

Он шептал что-то еще. Он добавил еще два слова к этому ужасному, неправильному слову, с которым обратился ко мне.

— …прими на себя…

И затем его глаза закрылись, губы замерли, хотя медленное-медленное движение его груди указывало на то, что он еще жив. Я отпустил его руку, повернулся и выбежал из спальни. Оказавшись в кабинете, я наконец остановился, удивленный, так как дверь наружу, конечно же, была замаскирована и скрыта.

И здесь Лиза нагнала меня.

— Там?

Она положила руку мне на плечо и заставила посмотреть ей в глаза. По ее лицу я понял, что она все слышала и теперь спрашивала меня, что я собираюсь делать. Я хотел было, взорвавшись, объяснить ей, что ничего подобного делать не намерен. Ничего из того, что сказал мне старик, которому я ничего не был должен, как не был должен и ей. Ведь это оказалось даже не вопросом! Он не попросил меня. Он приказал мне принять руководство.

Но я не издал ни единого звука. Я раскрыл было рот, но, похоже, не мог произнести ни слова. Наверное, я дышал как загнанный волк. А затем на столе Марка зазвонил видеофон, нарушив наше молчание.

Лиза стояла около стола. Совершенно автоматически ее рука потянулась к видеофону и включила его, хотя она даже не взглянула на лицо, возникшее на экране.

— Алло! — раздался голос с панели прибора. — Алло! Кто-нибудь здесь есть? Я хотел бы поговорить с журналистом Тамом Олином, если он у вас. Это весьма срочно. Алло! Есть тут кто-нибудь?

Это был голос Пирса Лифа. Я оторвал взгляд от Лизы и наклонился к видеофону.

— О, вот и ты, Там, — произнес Лиф с экрана. — Послушай, я не хочу, чтобы ты тратил время на описание покушения на Торре. У нас здесь достаточно хороших парней, которые могут это сделать и без тебя. Я думаю, тебе необходимо немедленно отправиться на Сент-Мари. — Он помолчал, пристально, с намеком глядя на меня с экрана. — Ты понял? Информация, которой я ожидал, только что поступила. Я оказался прав, приказ был отдан.

И неожиданно все встало на свои места, словно смыв то, что навалилось на меня в последние несколько минут. Подобно могучей волне, жажда мести снова охватила меня, смыв все, чего только что требовали от меня Марк Торре и Лиза, желавшие навсегда оставить меня здесь.

— Больше не будет поставок? — отрывисто спросил я. — Что гласит приказ? Больше не будет подкреплений?

Он кивнул головой.

— И я думаю, тебе необходимо отправляться сейчас же, потому что прогноз предвещает там улучшение погоды уже через неделю, — ответил он. — Там, как ты думаешь…

— Уже еду, — прервал я его. — Подготовьте мои документы и аппаратуру, предупредите, чтобы их переправили в космопорт.

Экран погас, и я снова повернулся к Лизе. Она, казалось, готова была убить меня взглядом. Но теперь я был силен и не боялся ничего и никого.

— Как мне отсюда выбраться? Мне нужно ехать. Сейчас же!

— Там! — вскрикнула она.

— Говорят тебе, мне надо ехать! — Я оттолкнул ее. — Где выход? Где…

Она проскользнула мимо меня, пока я ощупывал стены комнаты, и что-то нажала. Справа от меня в стене образовался проход, и я быстро нырнул в него.

— Там!

Ее голос остановил меня в последний раз. Я замер и оглянулся.

— Ты вернешься, — сказала она.

Это был не вопрос. Она не просила меня. Она приказывала мне. И именно это потрясло меня до глубины души.

Но затем темная и растущая сила, волна моей мести, снова швырнула меня вперед, через дверь, в следующую комнату.

— Я вернусь, — заверил я ее.

Это была простая, легкая ложь. Затем дверь, через которую я прошел, закрылась, и комната начала двигаться, унося меня прочь.

Глава 22

Когда я сходил с космолета на Сент-Мари, легкое дуновение корабельного воздуха, имевшего несколько более высокое давление, словно рука тьмы, подтолкнула меня из мрака за спиной в серый дождливый день. Мокрый холод охватил меня, но я его почти не замечал. Я чувствовал себя подобно мечу из моего сна — мечу, готовому к поединку, для которого его хранили целых три года. Поединку под холодным весенним дождем, что шел непрерывно.

Его шум казался барабанной дробью, пока я спускался по трапу. Передо мной расстилалось бетонное поле, словно последняя страница конторской книги в ожидании последней записи. Вдали, на самом краю поля, виднелось здание космопорта, похожее на надгробную плиту. Завеса падавшего между мной и зданием дождя то сгущалась, то редела, подобно дыму сражения, но полностью не могла скрыть его из поля моего зрения.

Я слушал, как дождь звонко барабанит по моему кейсу с верительными грамотами, движущемуся по ленте транспортера следом за мной. Этот кейс для меня сейчас не значил ничего. Как не значили ничего ни мои документы, ни верительные грамоты Гильдии, которые я так старался заполучить и имел уже четыре года. Сейчас я думал о них меньше, чем об имени человека, заведовавшего парком машин, которого я должен был отыскать на краю поля. Если только именно он и был тем человеком, о котором мне сообщили на Земле. А если они солгали?

— Ваш багаж, сэр?

Я очнулся от мыслей. Чиновник, наблюдавший за разгрузкой, улыбнулся мне.

— Пошлите его в расположение квакерских войск, — приказал я. — А кейс с документами я возьму с собой.

Я снял его с ленты транспортера и, повернувшись, пошел прочь. Человек в форме диспетчера, стоявший у первой из вереницы машин, действительно подходил под описание.

— Имя, сэр? — спросил он. — Цель вашего пребывания на Сент-Мари?

Если речь тогда шла о нем, то и я должен быть известен ему. Однако я был готов поддержать игру.

— Журналист Там Олин, — ответил я. — Гражданин Старой Земли и представитель Гильдии Межзвездной службы новостей. Прибыл сюда для репортажа о конфликте между квакерами и экзотами.

Я открыл свой кейс и подал ему документы.

— Отлично, мистер Олин, — Он вернул их мне слегка влажными от дождя. Затем повернулся, открыл дверь машины и настроил автопилот.

— Отсюда прямо по шоссе до Джозефтауна. Включите автоматическое управление на окраине города, и машина сама доставит вас в расположение квакерских войск.

— Хорошо, — кивнул я. — Да, одну минуту.

Он обернулся, посмотрел на меня совершенно спокойно.

— Слушаю, сэр?

— Помогите мне забраться в машину.

— О, прошу прощения, сэр. — Он быстро подошел ко мне. — Я не заметил, что ваша нога…

— Сырость несколько сковывает ее, — пояснил я.

Он отрегулировал сиденье, и я занес левую ногу за колонку управления.

— Подождите минутку, — повторил я. Терпение мое иссякло. — Вы ведь Уолтер Имер, не так ли?

— Да, сэр, — тихо ответил он.

— Взгляните на меня, — потребовал я, — У вас для меня есть какая-то информация, не так ли?

Он посмотрел мне в глаза. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— Нет, сэр.

Я довольно долго ждал, молча глядя на него.

— Хорошо. — Я потянулся к дверце машины, — Я думаю, вы понимаете, что я все равно получу нужную информацию. И они решат, что предоставили ее вы.

— Подождите, — сказал он, — Вы должны меня понять. Информация вроде этой ведь не касается новостей, не так ли? У меня семья…

— А у меня — нет, — Я не испытывал по отношению к нему никаких чувств.

— Но вы не понимаете. Они просто убьют меня. Голубой фронт стал теперь такой организацией… Зачем вам информация о них? Я не понял, что вы имеете в виду…

— Ладно. — Я снова протянул руку к дверце машины.

— Подождите. — Он протянул ко мне руку. — Вы уверены, что сможете заставить их не трогать меня, если я вам ее сообщу?

— Однажды, может быть, они вполне могут снова прийти здесь к власти, — произнес я. — Но никто, даже политические группы, оказавшиеся вне закона, не осмеливаются противопоставлять себя Межзвездной службе новостей.

Я снова стал закрывать дверцу машины.

— Хорошо, — быстро произнес он, — Хорошо. Вы поедете в Новый Сан-Маркос. Там найдете ювелирный магазин на Уоллес-стрит. Городок расположен неподалеку от Джозефтауна, там же, где находится и лагерь квакерских войск, в который вы направляетесь.

Он нервно облизал губы.

— Так вы замолвите за меня словечко?

— Замолвлю.

Я посмотрел на него. Над краем воротника его голубой униформы я смог разглядеть тонкую серебряную цепочку на фоне мертвенно-бледной кожи. Распятие, висящее на ней, должно быть, скрывалось под рубашкой.

— Солдаты-квакеры находятся здесь уже два года. Как к ним относятся люди?

Он слегка усмехнулся.

— О, как и ко всем, — ответил он. — Надо лишь понять их. У них своя манера поведения.

Я почувствовал боль в ноге. Три года назад врачи на Новой Земле вытащили из нее иглу.

— Да, у них свои манеры, — произнес я, — Закройте дверь.

Он захлопнул ее, и я уехал.

На приборной панели машины я увидел медаль Святого Христофора. Солдат-квакер сорвал бы ее и выбросил прочь или отказался бы от машины. Но мне доставило особое удовольствие оставить ее там, хотя для меня она значила гораздо меньше, чем для этого солдата. И не только из-за Дэйва и других пленников, расстрелянных ими на Новой Земле. А просто из-за того, что есть некоторые обязанности, несущие в себе небольшой элемент удовольствия. После ухода иллюзий детства, когда не остается ничего, кроме обязанностей, таким удовольствиям человек всегда рад. Фанатики, когда все наконец сделано и сказано, становятся ничем не хуже бешеных собак.

Но бешеных собак надо уничтожать. Это диктует простой здравый смысл.

И неизбежно спустя какое-то время ты возвращаешься к здравому смыслу. Когда дикие мечты о справедливости и прогрессе мертвы и погребены, когда болезненные всплески чувств внутри тебя наконец утихли, лучше всего стать неподвижным, неживым и стойким — как лезвие меча, заточенного на камне. И дождь, под которым такой меч следует к месту, где должна свершиться месть, вредит ему ничуть не больше, чем кровь, которой он наконец умоется. Дождь ли, кровь — для острой стали все едино.

В течение получаса я ехал мимо холмов, покрытых редким

лесом, и аккуратно скошенных лугов. Распаханные поля чернели под дождем. Мне подумалось, что этот черный цвет куда как приятнее некоторых других его оттенков, которые мне доводилось видеть. Наконец я достиг пригородов Джозефтауна.

Автопилот машины провел меня по улочкам маленького, аккуратного, типичного для Сент-Мари городка с населением примерно в сто тысяч. Я миновал его и выехал с противоположной стороны на открытую местность, где вдали высились массивные бетонные стены военного лагеря.

Сержант-квакер остановил мою машину у ворот, подняв свой карабин, и открыл дверцу машины слева от меня.

— У вас здесь дело?

Голос его бьш резким и гнусавым. На вид ему было лет сорок, а его худое лицо было изборождено морщинами. Лицо и руки, единственные открытые части тела, выглядели неестественно белыми на фоне черной униформы.

Я открыл кейс, лежавший рядом со мной, и передал ему свои документы.

— Мои бумаги, — пояснил я, — Я прибыл сюда, чтобы увидеться с вашим исполняющим обязанности командующего экспедиционными силами, командантом Джэймтоном Блэком.

— Тогда пересядьте, — прогнусавил он. — Вести машину должен я.

Я подвинулся. Он влез в машину, и мы двинулись дальше. Мы проехали сквозь ворота и свернули на подъездную дорожку. В ее конце я уже мог разглядеть внутренний плац. Бетонные стены, высящиеся по обе стороны от машины, эхом возвращали шум ее двигателя. Чем ближе мы подъезжали к плацу, тем громче становились доносившиеся оттуда команды. Когда мы въехали на него, солдаты прямо под дождем уже построились для полуденной службы.

Сержант оставил меня и скрылся за дверью в стене на дальнем конце плаца. Я взглянул на солдат, построенных в каре. Они стояли вооруженные, ожидая начала церковной службы. Пока я наблюдал, офицер, стоявший лицом к ним, а спиной — к стене, запел их боевой гимн.

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет
— шагай вослед ему!
И легионы безбожников
пусть окружают нас —
Не считая ударов, руби и круши

— вот тебе весь приказ!

Я старался не слушать. Гимн не сопровождался музыкой, не было видно и никакой религиозной символики, за исключением тонкого креста, белой краской нарисованного на стене позади офицера. Хор мужских голосов то взмывал вверх, то падал вниз в зловещем, угрюмом гимне, обещавшем им лишь боль и страдания. Наконец прозвучала последняя строка яростной молитвы о смерти в бою, и они опустили оружие.

Сержант скомандовал «вольно», в то время как офицер прошел мимо моей машины, даже не посмотрев на меня, но я узнал его: это был не кто иной, как Джэймтон Блэк. Он также скрылся за дверью.

Мгновением позже появился мой провожатый. Прихрамывая на своей несгибающейся ноге, я проследовал за ним в помещение, где над единственным столом сияли несколько ламп. Джэймтон поднялся нам навстречу из-за стола и кивнул.

Когда я передавал ему свои бумаги через стол, свет лампы слегка ослепил меня. Я отступил и заморгал, стараясь разглядеть его внезапно расплывшееся лицо. Когда зрение пришло в норму, на мгновение мне показалось, что лицо его стало грубее, старше и теперь напоминало лицо квакера, стоявшего над убитыми пленниками там, на Новой Земле.

Но, приглядевшись получше, я наконец разглядел, как он выглядит на самом деле. Худощавое смуглое лицо; но это была худоба скорее молодости, а не изможденности. Глаза — усталые и поблекшие.

Он держал мои документы, даже не глядя на них. Губы его слегка изогнулись в слабой, усталой и угрюмой усмешке.

— И без сомнения, мистер Олин, — произнес он, — у вас имеется и другой пакет, набитый разрешениями для интервьюирования наемников и офицеров, нанятых экзотами на Дорсае и дюжине других миров для противостояния избранным Господа?

Я улыбнулся. Я был несказанно рад, что он такой сильный. С каким удовольствием я его сломаю!

Глава 23

Я посмотрел на него через десять футов разделявшего нас пространства. Тот сержант, убивший пленников на Новой Земле, тоже говорил об избранных Господа.

— Да, внизу под бумагами, предназначенными для вас, — сказал я, — вы найдете и такой пакет. Служба новостей и ее сотрудники соблюдают нейтралитет.

— Правда всегда лишь одна! — возразил мне молодой человек, стоящий напротив.

— Да, командующий, — подтвердил я, — Совершенно верно. Только иногда спорный вопрос, на чьей именно стороне находится правда. Вы и ваши войска здесь — захватчики. А противостоят вам подразделения, нанятые двумя мирами, которые не только принадлежат планетной системе Проциона, но и несут обязательства по защите более слабых миров их системы, одним из которых и является Сент-Мари. В данном случае я не уверен, что правда на вашей стороне.

Он слегка покачал головой.

— Мы и не ждем понимания от тех, кто не избран, — Затем он перевел взгляд на бумаги, которые держал в руке.

— Не возражаете, если я сяду? — спросил я. — У меня больная нога.

— Конечно, — Он кивнул на стул, стоявший у стола, и, когда я сел, уселся сам. Я посмотрел на бумаги, лежащие на столе перед ним, и заметил несколько в стороне солидографию одной из их церквей без окон, весьма характерной для квакеров постройки. Это был подарок на память. Перед церковью стояли трое: пожилые мужчина и женщина и девочка лет четырнадцати. Все трое, без сомнения, состояли с Джэймтоном в родстве. Оторвавшись от просмотра моих бумаг, он заметил, что я смотрю на солидографию. Его взгляд на мгновение переместился туда же, а затем вновь обратился к бумагам.

— Как я понял, от меня требуется, — произнес он, — оказывать вам содействие и обеспечивать всем необходимым. Место для вас найдется. Вам нужны машина и водитель?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Машина у меня есть.

— Как вам угодно. — Он отложил бумаги, предназначенные для него, остальные вернул мне и наклонился к микрофону:

— Сержант.

— Да, сэр.

— Комнату для одного мужчины, гражданского. Место на стоянке для гражданской машины.

— Есть, сэр.

Джэймтон Блэк через стол посмотрел на меня. Я понял, что он ждет, когда я уйду.

— Командующий, — начал я, убирая бумаги в кейс, — два года назад старейшины Объединенных церквей на Гармонии и Ассоциации посчитали, что правительство Сент-Мари задолжало им определенную сумму. И тогда они послали сюда экспедиционные силы для того, чтобы надавить и, таким образом, получить долг. Сколько у вас осталось людей и снаряжения?

— Это, мистер Олин, — ответил он, — секретная информация.

— Тем не менее, — я закрыл кейс, — вы, имея обычное офицерское звание, являетесь исполняющим обязанности командующего остатками ваших экспедиционных сил. Для такой должности требуется человек по крайней мере пятью рангами выше. Ожидаете ли вы замены себе?

— Боюсь, что этот вопрос вы должны были задать в Главном штабе на Гармонии, мистер Олин.

— Рассчитываете ли вы на прибытие дополнительных подкреплений и снаряжения?

— Даже если бы я и знал это, — голос его звучал ровно, — то также счел бы это секретной информацией.

— Вы, наверное, знаете — сейчас довольно широко распространились слухи о том, что ваш Главный штаб на Гармонии решил поставить крест на этой экспедиции на Сент-Мари и считает ее проигранной кампанией? Но они все же предпочли не терять лица и допустить, чтобы вас окружили здесь, вместо того чтобы своевременно эвакуировать вас и ваших людей.

— Понятно.

— А вы не могли бы это как-то прокомментировать?

Его молодое бесстрастное лицо ничуть не изменилось.

— Нет, мистер Олин, я не комментирую слухи.

— Тогда еще один, последний вопрос. Отступать дальше на запад или сдаться, когда начнется весеннее наступление наемных войск экзотов, — что вы планируете?

— Избранные Господа никогда не отступают, — ответил он. — Никогда они не бросают своих братьев, и братья не бросают их.

Он встал:

— Извините, но у меня еще много дел, мистер Олин.

Я тоже встал. Ростом я был выше его, возрастом старше и сложен мощнее. И лишь его противоестественное самообладание позволяло ему поддерживать видимость некоторого превосходства надо мной.

— Возможно, мы с вами побеседуем позже, когда у вас окажется больше времени, — произнес я.

— Обязательно.

Я услышал, как позади меня открылась дверь.

— Сержант, — произнес он, обращаясь к кому-то за моей спиной, — позаботьтесь о мистере Олине.

Сержант, которому он меня препоручил, нашел мне маленькую бетонную каморку с единственным высоким окном, койкой и шкафом для одежды. Затем он на несколько минут покинул меня и вернулся уже с подписанным пропуском.

— Спасибо, — поблагодарил я его, забрав пропуск, — А вы случайно не знаете, где находится полевой штаб экзотских сил?

— По нашим последним данным, сэр, — сказал он, — они в девяноста километрах к востоку отсюда, в Новом Сан-Маркосе, — Он был примерно моего роста, но, как и большинство солдат-квакеров, моложе на полдюжины лет, к тому же к его молодости примешивалась какая-то странная наивность, так контрастировавшая с удивительным самообладанием, свойственным всем без исключения солдатам квакерских миров.

— Сан-Маркос. — Я взглянул на него. — Я думаю, вы все, наверно, знаете, что ваш Главный штаб на Гармонии решил не посылать вам подкреплений, считая это напрасной тратой сил?

— Нет, сэр, — ответил он. Судя по его реакции, я с таким же успехом мог рассказывать ему о непрерывно моросящем дожде. Эти парни были по-прежнему сильны и не сломлены, — Что-нибудь еще?

— Нет, — ответил я, — Спасибо.

Он ушел. Почти сразу за ним вышел и я, чтобы на машине направиться на восток, где в девяноста километрах отсюда находился Новый Сан-Маркос. Я добрался до него примерно за три четверти часа. Но в полевой штаб вооруженных сил экзотов пока не поехал, так как мне еще нужно было выловить кое-какую рыбешку в ювелирном магазинчике на Уоллес-стрит. Спустившись на три ступеньки вниз, я прошел через непрозрачную дверь и очутился в длинном полутемном помещении, заставленном стеклянными витринами. У последней из них стоял пожилой человек невысокого роста, и я увидел, как он уставился на мою корреспондентскую форму и значок.

— Что вам угодно, сэр? — спросил он, как только я остановился у витрины напротив него.

— Я думаю, вы сами знаете, — сказал я, — что обычно нужно службе новостей. Нас не интересует местная политика.

— Так что вам угодно, сэр?

— Рано или поздно вы все равно узнаете, кто дал мне ваш

адрес. — Я продолжал улыбаться, — Мне сообщил его диспетчер автостоянки в космопорте — Уолтер Имер. Мы были бы весьма признательны, если бы он остался в полном здравии и порядке.

— Боюсь… — Он опустил руки на стеклянную крышку витрины. Они были перевиты синеватыми венами — признаком прожитых лет, — Вы хотели бы приобрести что-нибудь?

— Я бы хотел уплатить, и щедро, — пояснил я, — за информацию.

Его руки соскользнули с крышки.

— Сэр! — Он слегка вздохнул. — Боюсь, вы зашли не в тот магазин.

— Уверен, что не в тот, — произнес я. — Но придется довольствоваться вашим магазином. Мы просто представим, что это тот магазин, который нужен мне, и я говорю с кем-то, кто является членом Голубого фронта.

Он медленно покачал головой и отступил назад.

— Голубой фронт — вне закона, — произнес он, — До свидания, сэр.

— Один момент. Все-таки мне необходимо кое-что сказать.

— Тогда мне жаль. — Он отступил к портьерам, прикрывавшим дверной проем, — Я просто не имею права вас слушать. И сюда, в этот зал, никто не войдет, пока вы говорите такие вещи, сэр.

Он прошмыгнул сквозь портьеры и исчез. Я осмотрел длинное пустое помещение.

— Что ж, — проговорил я несколько громче. — Похоже, мне придется общаться со стенами. Я уверен, что уж они-то выслушают меня.

Я помедлил. Не донеслось ни звука.

— Хорошо, — снова заговорил я. — Я — корреспондент. Все, что меня интересует, — это информация. Наша оценка военной ситуации здесь, на Сент-Мари, — тут я сказал правду, — показывает, что экспедиционные силы квакеров оставлены командованием на произвол судьбы и наверняка будут уничтожены силами экзотов, как только почва достаточно подсохнет, чтобы выдержать тяжелую технику.

По-прежнему не последовало ответа, но я чувствовал спиной, что за мной наблюдают и слушают.

— И в результате, — продолжил я и на этот раз солгал, хотя они никоим образом не могли этого узнать, — мы считаем неизбежным, что командованию квакерских войск придется вступить в контакт с Голубым фронтом. Убийство вражеских офицеров, без сомнения, является нарушением кодекса наемников и статей Устава цивилизованных методов ведения

боевых действий. Но гражданские лица вполне могут сделать то, чего не имеют права делать солдаты.

По-прежнему не было заметно никаких признаков движения позади портьер.

— Представитель службы новостей, — произнес я, — всегда имеет при себе верительные грамоты. Вам известно, как высоко ценится наша объективность. Я хочу задать вам всего лишь несколько вопросов. И ответы будут сохранены в тайне.

Я снова подождал, но ответа по-прежнему не было. Я повернулся и вышел на улицу. И лишь когда я оказался снаружи, на свежем воздухе, я ощутил чувство триумфа, которое постепенно охватило меня.

Они заглотнут наживку. Люди их сорта всегда так поступали. Я направился к своей машине, сел в нее и поехал в штаб экзотских сил.

Майор Джэнол Марат препроводил меня в здание их полевого штаба. Здесь чувствовалась атмосфера целенаправленной и осмысленной деятельности. Все, кто попадался нам навстречу, были хорошо вооружены и отлично обучены — это сразу же бросилось мне в глаза. Об этом я не преминул сказать Джэнолу.

— Наш командующий — дорсаец, к тому же мы превосходим их в численности. — Он улыбнулся мне. — Все это создает весьма оптимистичный настрой. Кроме того, наш командующий получит повышение, если победит. Тогда он займется исключительно штабной работой — и больше не будет принимать участия в боевых действиях.

Я рассмеялся, он — вслед за мной.

— И все-таки я хотел бы получить более подробную информацию для своих репортажей, которые я отошлю в службу новостей, — попросил я.

— Что ж, — он размашисто отдал честь в ответ на приветствие взводного, по виду кассиданина, — я думаю, вы могли бы упомянуть прежде всего то, что наши нанимали-экзоты не позволяют себе прибегать к насилию и поэтому всегда весьма щедры во всем, что касается оплаты войск и снаряжения. И посланник экзотов на Сент-Мари, как вы знаете…

— Я знаю.

— Он здесь уже три года. Он специалист по онтогенетическим вычислениям — если это что-то вам говорит. Все это выше моего понимания. А вот и офис нашего командующего, — показал Джэнол, — Его зовут Кенси Грэйм.

— Грэйм? — Я нахмурился. Хотелось услышать мнение Джэнола о нем. — Знакомое имя.

Мы подошли к зданию офиса.

— Грэйм…

— Вы, наверное, подумали о другом члене той же самой семьи.

Джэнол проглотил наживку.

— О Донале Грэйме. Так он его племянник. А Кенси — дядя Донала. Не столь выдающийся военачальник, как молодой Грэйм, но я уверен, что он вам понравится больше. Кенси совместил в себе положительные качества сразу двух человек.

Он снова посмотрел на меня, хитро прищурясь.

— Это должно означать что-то необычное? — спросил я.

— Совершенно верно, — ответил Джэнол. — У него есть брат-близнец. Как-нибудь еще встретитесь с Яном Грэймом, когда будете в Бловене. Там располагается посольство экзотов, это к востоку отсюда. Ян — весьма мрачная личность.

Мы вошли в офис.

— До сих пор я просто не могу привыкнуть, — пояснил я, — мне кажется, что почти все дорсайцы состоят в родстве между собой.

— И я тоже. Думаю, это потому, что их не так уж и много. Дорсай — небольшая планета, и те, кто живет там больше, чем несколько лет…

Джэнол обратился к офицеру, сидевшему за столом:

— Мы можем повидать Старика, Хари? Это журналист из Межзвездной службы новостей.

— Ну конечно. — Офицер посмотрел на пульт перед собой, — У него посланник, но он уже собирается уходить. Можете войти.

Джэнол повел меня между столов. Дверь перед нами распахнулась, и мой взгляд встретился со взглядом странных светло-карих глаз Падмы.

— Сэр, — обратился Джэнол к экзоту, — это…

— Там Олин, я знаю, — мягко произнес посланник. Он улыбнулся мне, и его глаза на мгновение, казалось, ослепили меня. — Очень жаль вашего зятя, Там.

Я похолодел.

— Моего зятя?

— Молодого человека, погибшего около Молона, на Новой Земле.

— А, да, — выдавил я из себя, — Странно, что вы знаете об этом.

— Разве вы забыли — я рассказывал вам однажды об онтогенетике? Она рассматривает, как могут поступить люди в различных ситуациях. А вы уже достаточно долго интересуете нас как объект для изучения.

Он улыбнулся:

— Вот почему я знал, что встречу вас здесь и сейчас. Мы вычислили ваше появление исходя из ситуации на Сент-Мари.

— Вот как? — удивился я, — Это интересно.

— Особенно для вас, — мягко заметил Падма. — Журналисту вроде вас это обязательно должно показаться интересным.

— Точно, — произнес я, — Звучит так, как будто вы знаете больше меня о том, что именно я собираюсь здесь делать.

— Мы сделали вычисления, — мягко пояснил Падма, — Там, приезжайте как-нибудь ко мне в Бловен, и я вам все покажу.

— Обязательно, — заверил я его.

— Я с радостью приму вас, — наклонил голову Падма. Затем повернулся и вышел из комнаты.

— Сюда, пожалуйста, — произнес Джэнол, коснувшись моего локтя. Я очнулся, как после долгого сна, — Командующий здесь.

Я машинально последовал за ним во внутренний офис. Когда мы проходили сквозь дверь, Кенси Грэйм поднялся из-за стола. В первый раз я очутился рядом с этим человеком и смог как следует рассмотреть его открытое улыбчивое лицо с крупными чертами. Он поднялся, чтобы поздороваться со мной, и его рука с длинными сильными пальцами просто поглотила мою.

— Входите, — пригласил он, — Позвольте мне предложить вам выпить. Джэнол, — добавил он, обращаясь к майору, — можете быть свободны. Пойдите-ка подкрепитесь. И скажите там всем, что они свободны.

Джэнол козырнул и вышел. Я сел, а Грэйм повернулся к своему небольшому бару-шкафчику позади стола. И в первый раз за последние три года в присутствии этого необычного человека, расположившегося напротив, моя душа обрела хоть какой-то покой. С таким союзником я не мог проиграть.

Глава 24

— Документы? — спросил Грэйм, как только мы уселись в кресла со стаканчиками, наполненными дорсайским виски, кстати, очень хорошим.

Я передал ему бумаги. Он бегло проглядел их, отобрав письма от Сэйоны, посредника Культиса, адресованные командующему полевыми силами на Сент-Мари. Просмотрев, он также отложил их в сторону. Затем вернул мне мои верительные грамоты.

— Вы сначала посетили Джозефтаун? — спросил он.

Я утвердительно кивнул. Я заметил, как внимательно он взглянул на меня и как лицо его несколько посуровело.

— Вы не любите квакеров, — неожиданно заявил он.

От его слов у меня перехватило дыхание. Я пришел, чтобы заявить ему об этом. Но все произошло слишком неожиданно. Я отвел глаза.

Ответить сразу же я не осмелился. Я просто не мог. Если бы я позволил себе отвечать сразу, не подумав, то пришлось бы либо все объяснить, либо постараться вообще ничего не говорить. Наконец я собрался с мыслями.

— Все отпущенное мне время, — медленно произнес я, — и все мои силы я направлю на изоляцию и в конечном счете изгнание квакеров из общества цивилизованных людей.

Я снова посмотрел на него снизу вверх. Он сидел, облокотившись массивной рукой на стол, и внимательно наблюдал за мной.

— Весьма суровая точка зрения, не так ли?

— Ничуть не суровее, чем их.

— Вы так думаете? — серьезно спросил он. — Я бы так не сказал.

— Я полагал, что вы один из тех, кто сражается с ними.

— Что ж, это верно, — Он слегка улыбнулся, — Но мы солдаты, и они тоже.

— Я не думаю, что они считают так же.

Он едва заметно покачал головой:

— С чего вы это взяли?

— Я знаю их, — ответил я. — Я попал к ним, когда находился между линиями фронта у Молона, на Новой Земле, три года назад. Вы помните ту войну.

Я легонько постучал по своему несгибающемуся колену.

— Меня подстрелили, и я не мог передвигаться. Кассидане, находившиеся рядом со мной, начали отступать. Это были

наемники. А противостояли им квакеры, такие же наемники.

Я замолчал, отпил виски. Затем поставил стаканчик на стол. Грэйм сидел, словно ожидая чего-то.

— Среди них был молодой кассиданин, новобранец, — продолжил я. — Я готовил серию репортажей о той кампании: взгляд на войну отдельной личности. И я выбрал его в качестве личности. Это был естественный выбор. Видите ли, — я снова глотнул виски и опустошил стаканчик, — моя сестра — она младше меня — переехала на Кассиду за два года до того по контракту и вышла за него замуж. Это был мой зять.

Грэйм забрал стаканчик из моей руки и снова наполнил его.

— На самом деле он не был военным, — продолжил я, — Он занимался фазовой механикой, но во время очередной аттестации недобрал баллов как раз в то время, когда Кассида должна была по контракту предоставить войска Новой Земле.

Я вздохнул.

— Одним словом, в конце концов он оказался на Новой Земле во время той самой кампании, о которой я готовил репортажи. Мне удалось добиться, чтобы его прикрепили ко мне в качестве помощника. Мы оба считали, что так будет лучше для его безопасности.

Я снова глотнул виски.

— Но, — произнес я, — вы знаете, всегда ведь можно найти тему поинтереснее где-нибудь в зоне боевых действий. И однажды мы оказались как раз в таком месте, когда отступали войска Новой Земли. Игла пробила мое колено. Надвигалась бронетехника квакеров, и становилось жарковато. Солдаты, находившиеся с нами, отступили в тыл, но Дэйв попытался нести меня, считая, что бронетехника просто поджарит меня прежде, чем они заметят, что я — не военный. Что ж, — я еще раз глубоко вздохнул, — разведподразделение квакеров наткнулось на нас и доставило на какую-то поляну, где уже находилось довольно много пленных. Через некоторое время появился сержант — настоящий фанатик, высокий, изможденный, примерно моего возраста — с приказом подготовиться к новой атаке.

Я остановился и снова отпил, но не почувствовал вкуса виски.

— Это означало, что они не могли оставить людей для охраны пленных. Им пришлось бы отпустить их одних в собственный тыл. Сержант заявил, что этого нельзя допустить.

Грэйм по-прежнему внимательно наблюдал за мной.

— Я не сразу понял. Я не понял даже тогда, когда все остальные солдаты начали возражать ему.

Я поставил стаканчик на стол рядом с собой и уставился на

стену офиса, и перед моими глазами снова встала та же картина — так ярко, словно я видел ее в окно.

— Я помню, как сержант неожиданно выпрямился, и я увидел его глаза. «Разве они избранные Господа? — заорал он на солдат. — Они из избранных?»

Я посмотрел на Кенси Грэйма, сидящего напротив меня, и снова встретил его внимательный взгляд. Маленький стаканчик с виски просто тонул в его огромной ладони.

— Вы понимаете? — спросил я его. — Раз пленники не были квакерами, то он просто не считал их за людей. Как будто они существа низшего порядка, и поэтому их можно убить.

Я неожиданно содрогнулся.

— И он сделал это! Я сидел, прислонившись к дереву, в полной безопасности — на мне была униформа корреспондента — и наблюдал, как он их расстреливает. Всех. Я сидел и смотрел на Дэйва, он смотрел на меня, а тут этот сержант взял и застрелил его!

Неожиданно я смолк. Просто раньше я не мог рассказать никому, кто бы понял, насколько беспомощным я был тогда. Но что-то в Грэйме подсказало мне, что он поймет.

— Да, — тихо произнес он мгновение спустя, снова наполнив мой стаканчик, — Все это очень плохо. А этого сержанта отдали под трибунал за нарушение кодекса наемников?

— Да, но слишком поздно.

Он кивнул:

— Но ведь они не все такие.

— Но подобных ему вполне достаточно, и именно поэтому квакеров так не любят.

— К сожалению, это так. Что ж, — он слегка улыбнулся мне, — мы постараемся и не допустим подобных инцидентов в этой кампании.

— Скажите мне кое-что. — Я опустил свой стаканчик. — Подобные инциденты — как вы это назвали — когда-либо с самими квакерами происходили?

Что-то изменилось в атмосфере офиса. Наступила небольшая пауза, прежде чем он ответил.

— Нет, не происходили.

— Почему же? — снова спросил я.

И тут я понял, что слишком форсировал события. Я сидел и разговаривал с ним как с обычным человеком, позабыв, кто он на самом деле. Он был дорсайцем — с одной стороны, таким же человеком, как и я, с другой — всю жизнь его, как и многие поколения его предков, обучали и тренировали, чтобы он отличался от других.

Грэйм не изменил ни тона своего голоса, ни позы, но почему-то мне показалось, что он отодвинулся от меня туда, на холодную каменистую землю, куда я мог попытаться добраться только на свой страх и риск.

Я вспомнил, что говорили о его народе, населявшем эту маленькую, холодную, покрытую горами планету. Утверждали, что, если дорсайцы решили бы отозвать всех своих воинов, служивших на других мирах, и затем бросили вызов этим мирам, даже объединенное могущество всех остальных планет не могло бы противостоять им. Раньше я никогда этому не верил. Правда, я никогда об этом и не задумывался. Но сейчас, сидя здесь и чувствуя, что происходит в комнате, неожиданно я осознал, что это — правда. Я просто физически ощутил это, словно ветер с ледника вдруг подул мне в лицо. И тут он ответил на мой вопрос.

— Потому, — произнес Кенси Грэйм, — что подобные действия запрещены статьей второй кодекса наемников.

Затем он неожиданно улыбнулся, и напряженность исчезла. Я перевел дух.

— Что ж. — Он поставил свой опустевший стаканчик на стол. — Как насчет того, чтобы отобедать с нами в офицерской столовой?

Я принял его предложение, и трапеза оказалась весьма приятной. Мне предлагали остаться у них на ночь, но я чувствовал, как непреодолимо меня тянет назад, туда, в темный угрюмый лагерь Джозефтауна, к моим врагам.

Я вернулся.

Было примерно около одиннадцати вечера; я проехал сквозь ворота и припарковался как раз в тот момент, когда из штаба Джэймтона кто-то вышел. Плац освещался всего лишь несколькими лампами на стенах, и их свет тонул в мокром асфальте. Я не сразу разглядел, что это Джэймтон.

Он прошел бы мимо, но я двинулся ему навстречу. Ему ничего не оставалось, как остановиться.

— Мистер Олин, — спокойно произнес он. В темноте я не видел выражения его лица.

— У меня есть один вопрос, который мне хотелось бы задать. — Я улыбнулся.

— Уже достаточно поздно для интервью.

— О, это не займет много времени, — Я тщетно вглядывался в темноту, пытаясь разглядеть его лицо, — Я побывал в лагере экзотов. Их командующий — дорсаец. Я думаю, вы это знаете?

— Да.

— Мы побеседовали с ним. У меня возник один вопрос, и я подумал, что должен задать его вам, командующий. Вы когда-

либо приказывали своим людям расстреливать пленных?

Странная, короткая тишина воцарилась между нами. Затем он ответил.

— Убийство или издевательство над военнопленными, — произнес он спокойно, — запрещены статьей второй кодекса наемников.

— Но вы-то здесь не наемники? Вы — армейские подразделения, в данное время служащие своей собственной Истинной церкви и своим старейшинам.

— Мистер Олин. — Тон его голоса оставался таким же спокойным, — Господь поставил меня своим слугой и полководцем. И я ни в чем не подведу Его.

Он кивнул, повернулся и, обогнув меня, пошел дальше.

В одиночестве я вернулся в свои апартаменты, разделся и лег на жесткую и узкую постель, которую мне предоставили.

Я лежал, готовясь ко сну и мысленно планируя предстоящий день. Встреча с Падмой неожиданно выбила меня из колеи. Странно, но почему-то я почти позабыл, что его вычисления относительно человеческих поступков могли относиться и непосредственно ко мне. Следует побольше узнать об этой науке — онтогенетике. Если будет необходимо, то от самого Падмы. Но начать надо с обычных, общедоступных источников.

Я подумал, что никому и в голову не могла бы прийти мысль о том, что один-единственный человек вроде меня может уничтожить культуру, включающую в себя население двух планет. Никому, за исключением, пожалуй, Падмы. Наверняка его вычисления касались того, что миры Гармонии и Ассоциации находились перед выбором, означавшим жизнь или смерть для их образа жизни.

Ибо сейчас меж звезд дул новый ветер.

Четыреста лет назад мы все были людьми Земли — Старой Земли, материнской планеты, которая, кстати, была моей родиной. Мы были единым народом.

Затем, переселяясь на новые миры, человеческая раса «раскололась», если использовать термин экзотов. И в дальнейшем этот процесс продолжался, пока не сформировались отдельные человеческие типы: воин с Дорсая, философ-экзот, ученый с Ньютона, Кассиды или Венеры и так далее.

Изоляция привела к появлению весьма специфических типов культур. Затем рост общения между Молодыми мирами, теперь уже окрепшими, и технический прогресс снова подтолкнули специализацию. И торговля между мирами стала обменом учеными умами. Дорсайских генералов меняли на психиатров-экзотов. Журналистов вроде меня, со Старой Земли, — на

создателей космических кораблей с Кассиды. И так продолжалось всю последнюю сотню лет.

Но теперь миры сближались. И развернулась борьба на каждом из миров, с тем чтобы совместить преимущества от слияния и старый привычный уклад жизни.

Был необходим компромисс, но яростная, непреклонная религия квакеров не допускала компромиссов. И вот уже общественное мнение на многих мирах начало восставать против Гармонии и Ассоциации. Стоит дискредитировать их, раздавить в этой кампании — и они не смогут больше продавать своих солдат. Они потеряют торговый баланс, столь необходимый им для найма специалистов с других миров. И тогда некому будет поддерживать жизнеспособность двух бедных естественными ресурсами миров. И они умрут.

Как умер молодой Дэйв. Медленно. Во тьме.

И с этими мыслями на меня снова нахлынули воспоминания.

Был полдень, когда нас захватили в плен. Когда появился сержант с приказом охранникам убираться, солнце уже почти село.

Я вспомнил, как после их ухода подполз к телам на поляне. Дэйв был еще жив, но я не мог остановить кровотечение.

Потом мне сказали, что и это бы не помогло. Но тогда я пытался. В конце концов я сдался, и к этому моменту стало совсем темно. Я держал его на руках, не зная, что он умер, пока его тело не начало коченеть. И именно тогда я начал превращаться в то, во что мой дядя всегда старался меня превратить. Я почувствовал, что умер внутри. Дэйв и моя сестра были моей семьей, единственным, что я хотел сохранить.

А теперь я лежал в постели в лагере квакеров, и воспоминания не давали мне уснуть. Спустя некоторое время я услышал, как солдаты строятся для полуночной службы на плацу.

Наконец шум марширующих ног стих. Единственное окно моей комнаты находилось высоко над моей постелью, слева от нее. Оно не было зашторено, и ночной воздух с его звуками беспрепятственно проникал внутрь комнаты вместе с туманным светом фонарей над плацем, образовывавшим бледный квадрат на противоположной стене. Я смотрел на этот квадрат и слушал проходящую снаружи службу. После молитвы о ниспослании доблести в бою они запели свой боевой гимн, и на этот раз я прослушал его от начала до конца.

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —

шагай вослед ему!
И легионы безбожников
пусть окружают нас —
Не считая удары, руби и круши —
вот тебе весь приказ!
Хвала и слава, честь, почет —
игрушки, жалкий хлам.
Верши свой труд —
он по плечу, пожалуй, только нам!
Грязи людской, человечьим грехам
место среди отбросов.
Долг исполняй свой.
И помни еще:
Не задавай вопросов!
Кровь и страдания, вечная боль —
от века солдатский удел.
Крепче сжимай верный свой меч,
где бы ты ни был, везде!
Радуйся бою, битве любой,
в яростной сече ликуй —
Много их было, но будут еще
на кратком твоем веку.
А выйдет наш срок —
и где б кто ни лег,
стечемся со всех сторон.
Солдаты-избранники,
все мы тогда
придем пред Господен Трон.
Будет кровь наших ран
знаком тех, кто избран,
кто вправе стоять перед Ним.
Мы, на верность
Ему присягнув одному,
Ему только верность храним![5]

После этого они разошлись и отправились спать. Их постели ничем не отличались от моей.

Я лежал, слушая тишину, воцарившуюся на плацу, и размеренный стук дождевых капель за окном.

Глава 25

На следующий день дождь кончился. День ото дня поля все больше подсыхали. Скоро они станут достаточно сухими, чтобы выдержать вес тяжелой боевой техники. И тогда начнется весеннее наступление войск экзотов. А пока и на той и на другой стороне проходили интенсивные учения.

Все это время я с утра до вечера работал над статьями и небольшими рассказами о солдатах и местных жителях. Не забывал я и о том, что корреспондент хорош в основном благодаря своим контактам. И я заводил подобные контакты везде, где только мог, — за исключением войск квакеров. Беседы с ними не получалось.

Все они были ветеранами, хотя большинству из них не было еще и двадцати. Лишь изредка среди сержантов, а чаще — среди младших офицеров я встречал людей, подобных сержанту, который приказал расстрелять пленников на Новой Земле. Люди этого типа выглядели подобно бешеным волкам на фоне вежливых, отлично вышколенных молодых псов, только-только вышедших из щенячьего возраста. Хотя целью моей жизни стало их уничтожение, сомнения не оставляли меня.

Я упорно напоминал себе, что Александр Македонский возглавлял экспедиции против горных племен, правил в Пелле, столице Македонии, и приказывал казнить людей, когда ему было всего только шестнадцать лет. И все равно солдаты Квакерских миров казались мне слишком молодыми.

Между тем я так и не получал никаких известий от Голубого фронта. К концу второй недели я уже обзавелся собственными связями в Новом Сан-Маркосе и в начале третьей недели узнал, что ювелирный магазин на Уоллес-стрит опустил шторы на витринах, вывез все из помещения и куда-то переехал, а может, и вообще закрылся.

В течение нескольких последующих дней я постоянно находился поблизости от Джэймтона Блэка, и в конце недели наблюдение за ним принесло плоды.

В десять часов вечера пятницы я прогуливался рядом со своими апартаментами и заметил трех гражданских, явно имевших отношение к Голубому фронту. Они подъехали к плацу, вышли из машины и направились к Джэймтону.

Они провели в его офисе немногим более часа. Когда они уехали, я отправился спать. На этот раз я спал крепко.

Следующим утром я поднялся рано. С почтой мне пришло послание от директора службы новостей с поздравлениями по

поводу моих репортажей. Когда-то, три года назад, это значило бы для меня очень много. А теперь меня обеспокоило: не решат ли они, что ситуация здесь достаточно интересная, и не пошлют ли сюда еще нескольких человек мне в помощь. Я не мог допустить, чтобы здесь оказался еще кто-нибудь из службы новостей, так как они могли увидеть, что я предпринимаю.

Я сел в машину и направился по шоссе на восток, в Новый Сан-Маркос, в штаб сил экзотов. Войска квакеров уже находились на боевых позициях. В восемнадцати километрах восточнее Джозефтауна меня остановило отделение из пяти молодых солдат. Среди них не оказалось ни одного сержанта. Они узнали меня.

— Во имя Господа, мистер Олин, — произнес первый из них, стоявший ко мне ближе остальных, наклоняясь и обращаясь ко мне через открытое окно. — Дальше ехать нельзя.

— Не возражаете, если я спрошу — почему?

Он повернулся и указал на небольшую долину между двумя холмами слева от нас.

— Проводится тактическая разведка.

Я взглянул туда, куда он указывал. Небольшая долина или луг между покрытыми лесом склонами имела в ширину примерно ярдов сто. По ней двигались одетые в черные мундиры фигуры с какими-то приборами в руках, измеряя и прикидывая возможности убийства с разных направлений. А в самом центре луга они для чего-то установили пять шестов.

Я обернулся и взглянул на вытянутое молодое лицо солдата.

— Готовитесь к победе?

Он воспринял это как прямой вопрос, словно не заметил в моем голосе иронии.

— Да, сэр, — очень серьезно ответил он.

Я перевел взгляд на решительные лица остальных.

— А не думаете ли вы, что можете проиграть?

— Нет, мистер Олин, — Он грустно покачал головой. — Никто никогда не проигрывает, если идет в битву во имя Господа.

Он заметил, что меня требуется убедить, и поэтому увлеченно продолжил:

— Он простер Свою Десницу над головами Своих солдат. И все, что доступно для них, — это лишь победа и иногда — смерть. А что есть смерть?

Он посмотрел на своих спутников, и все они согласно кивнули.

— Что есть смерть? — эхом отозвались они.

Я взглянул на них. Они стояли передо мной, спрашивая меня и себя, что есть смерть, словно они обсуждали какую-то тяжелую,

но необходимую работу.

У меня имелся ответ для них, но я промолчал. Смертью был сержант, отправивший прочь солдат, таких же, как они, чтобы перебить пленников. Вот что такое смерть.

— Вызовите офицера, — попросил я, — Мой пропуск позволяет мне проехать даже здесь.

— Очень жаль, сэр, — ответил тот, что заговорил со мной первым, — но мы не можем покинуть пост, чтобы вызвать офицера. Правда, один из них скоро появится.

Я уже знал, что значит «скоро», и оказался прав. Было далеко за полдень, когда наконец появился офицер, приказавший им идти обедать и пропустивший меня.

Когда я подъехал к штабу Кенси Грэйма, солнце уже висело низко над горизонтом и по земле протянулись длинные тени деревьев. И все же создавалось впечатление, что лагерь только что проснулся. Мне не требовалось большого опыта, чтобы понять, что войска экзотов наконец выступили против Джэймтона.

Я нашел Джэнола Марата, майора с Новой Земли.

— Мне необходимо увидеться с командующим Грэймом, — заявил я.

Он отрицательно покачал головой, несмотря на то что мы уже достаточно хорошо знали друг друга.

— Не сейчас, Там. Извини.

— Джэнол, это не для интервью. Вопрос жизни и смерти. Мне необходимо увидеть Кенси.

Он пристально посмотрел на меня. Я — на него.

— Подожди здесь, — сказал он. Мы стояли у самого входа в штаб. Он вышел и отсутствовал минут пять. Я стоял, слушая, как настенные часы мерно отстукивают секунды и минуты. Затем он вернулся.

— Сюда, — показал он.

Он вывел меня наружу, провел вокруг куполов пластиковых строений к небольшому зданию, полускрытому листвой деревьев. Когда мы вошли внутрь, я понял, что нахожусь в личных апартаментах Кенси Грэйма. Через небольшую гостиную мы прошли в спальню. Кенси только что принял душ и теперь надевал свою боевую форму. Он с любопытством взглянул сначала на меня, а затем на Джэнола.

— Хорошо, майор, — произнес он, — Вы можете вернуться к своим обязанностям.

— Есть, сэр, — Джэнол отдал честь и вышел.

— Ну, Там, — произнес Кенси. — В чем дело?

Он смотрел на меня немного насмешливо, пока застегивал

ремень брюк. Он еще не успел надеть рубашку и возвышался надо мной подобно скале. Его тело было загорелым, словно темное дерево, на груди и плечах рельефно прорисовывались мышцы. Живот был подтянут, а мускулы так и перекатывались под кожей рук. И снова я почувствовал, что передо мной истинный дорсаец.

Перед моим мысленным взором возникла худощавая темная фигура Джэймтона, собирающегося противостоять этому человеку. Неужели он может победить Грэйма?

Но опасность все-таки существовала.

— Хорошо, я расскажу вам, зачем приехал сюда, — сказал я Кенси, — Я только что узнал, что Блэк связался с Голубым фронтом, местной террористической политической группой. Их руководство находится в Бловене. Я видел, как трое из них посетили его прошлой ночью.

Кенси взял с кресла рубашку и стал надевать ее.

— Я знаю, — ответил он.

Я недоуменно уставился на него.

— Разве вы не понимаете? Это же убийцы! И есть лишь один человек, чья смерть была бы им на руку, — это вы, Кенси.

— Я знаю это, — кивнул он, — Они хотят сбросить существующее правительство Сент-Мари и захватить власть — что невозможно, поскольку деньги экзотов идут на оплату наших подразделений, поддерживающих мир на этой планете.

— В прошлом им не удалось добиться помощи от Джэймтона.

— Думаете, сейчас они ее получат? — поинтересовался он.

— Квакеры в отчаянии, — сказал я, — Даже если подкрепления прибудут завтра, Джэймтон реально оценивает свои шансы в случае начала вашего наступления. Быть может, убийцы и поставлены вне закона военными конвенциями и кодексом наемников, но и вы, и я знаем, на что способны квакеры.

Кенси бросил на меня странный взгляд и взял с кресла куртку.

— Разве? — спросил он.

Я взглянул ему в глаза:

— А разве нет?

Он надел куртку и застегнул ее на все пуговицы.

— Я знаю людей, с которыми должен сражаться. Это мое дело. Но что вас заставляет думать, что вы их знаете?

— Это также и мое дело, — ответил я. — Может быть, вы позабыли. Я ведь журналист. Больше всего меня интересуют люди.

— Но вам не нравятся квакеры.

— А почему они должны мне нравиться? — удивился я. — Я

побывал на всех мирах. Я видел правителя Сеты — он страстно желает получить как можно больше прибыли, но все же он — человек. Я видел ньютонцев и венериан, витающих в облаках, но если их хорошенько растормошить, то их можно вернуть обратно к реальности. Я видел экзотов вроде Падмы. И скажу вам — им всем присуща одна общая черта. Все они — люди.

— А квакеры — нет?

— Фанатизм, — ответил я, — Разве это ценно? Напротив. Что хорошего в слепой, глухой, тупой вере, которая не позволяет человеку думать самостоятельно?

— А откуда вы знаете, что они не думают? — спросил Кенси.

Сейчас он стоял ко мне лицом и пристально наблюдал за мной.

— Быть может, некоторым из них это свойственно, — ответил я, — Быть может, самым молодым из них, пока яд еще не слишком пропитал их души.

В комнате воцарилась неожиданная тишина.

— Так чего же вы хотите? — спросил Кенси.

— Докажите, что Джэймтон Блэк нарушил закон, договорившись с террористами о вашем убийстве. И вы победите на Сент-Мари, не сделав ни единого выстрела.

— И как я это сделаю?

— Используйте меня, — предложил я. — У меня имеются связи в группе, к которой принадлежат террористы. Позвольте мне войти с ними в контакт и перекупить их, предложив большую сумму, чем Джэймтон. Пообещайте им признание Голубого фронта нынешним правительством. Падма и местное руководство только поддержали бы вас, если бы вам удалось столь легко очистить планету от квакерских войск.

Он посмотрел на меня совершенно бесстрастно:

— И что таким образом получил бы я?

— Клятвенные подтверждения, что они были наняты для вашего убийства. Их было бы столько, сколько нужно для доказательства.

— Ни один суд Межпланетного арбитража не поверил бы таким людям, — заметил Кенси.

— О! — Я не смог удержаться от улыбки. — Но они поверили бы мне как представителю службы новостей, когда я поручился бы за каждое произнесенное ими слово.

Снова возникла пауза. Его лицо оставалось спокойным.

— Понятно, — произнес он.

Кенси прошел мимо меня в прихожую. Я последовал за ним. Он подошел к своему видеофону, нажал пальцем на клавишу и проговорил в пустой серый экран:

— Джэнол!

Он отвернулся от экрана, пересек комнату, направляясь к оружейному шкафу, и достал оттуда свое боевое снаряжение. Он действовал размеренно, молчал и больше не смотрел на меня. Спустя несколько тягостных минут открылась дверь и вошел Джэнол.

— Да, сэр?

— Мистер Олин останется здесь до моих дальнейших распоряжений.

— Есть, сэр, — ответил Джэнол.

Грэйм вышел.

Я стоял в оцепенении, уставившись на дверь. Я просто не мог поверить: он нарушил Конвенцию! Кенси не только проигнорировал меня, но и посадил под арест, чтобы я никоим образом не повлиял на ситуацию.

Я повернулся к Джэнолу. Тот смотрел на меня с какой-то грустной симпатией.

— Посланник здесь, в лагере? — спросил я.

— Нет. — Он подошел ко мне, — Он вернулся в посольство экзотов в Бловене. А теперь будь пай-мальчиком и присядь. Думаю, мы могли бы вполне приятно провести пару-другую часов.

Мы стояли лицом к лицу. И я нанес ему неожиданный удар в солнечное сплетение.

Еще студентом я немного занимался боксом. Я упоминаю об этом не потому, что хочу представить себя чем-то вроде мускулистого героя, но объясняю, почему решил не бить его по лицу. Грэйм наверняка без раздумий нашел бы необходимую точку для нокаута, но я не был дорсайцем. А пространство под грудной клеткой человека относительно большое и удобное — словом, весьма привлекательное место для любителя. И еще я немного помнил о том, как надо бить.

Несмотря на все это, Джэнол не потерял сознания. Он упал на пол и, скрючившись, лежал там, однако глаза его остались открыты. Но подняться он какое-то время не мог. Я повернулся и быстро вышел.

Весь лагерь буквально кипел. На меня никто не обратил внимания. Я забрался в свою машину и пятью минутами позже уже направлялся по темнеющему шоссе в Бловен.

Глава 26

От Нового Сан-Маркоса до Бловена и посольства экзотов было около тысячи четырехсот километров. Я должен был добраться до него за шесть часов, но мост оказался смыт, и поэтому у меня ушло четырнадцать.

Лишь после восьми утра на следующий день я ворвался в посольство.

— Падма, — выдохнул я, — он еще…

— Да, мистер Олин, — ответила девушка-секретарь. — Он вас ждет.

Она улыбнулась мне, но я не обратил на это внимания. Я был слишком озабочен, чтобы обрадоваться тому, что Падма еще не отправился к району назревающего столкновения.

Она проводила меня вниз и, свернув за угол, перепоручила молодому экзоту, который представился мне одним из помощников Падмы. Он провел меня коротким путем и передал другому помощнику, чуть постарше. Мы прошли через несколько комнат, и затем экзот указал мне длинный коридор, в конце которого, как он сказал, был вход в другой коридор, а тот уже вел к рабочему кабинету Падмы, где тот и находился в данный момент. Затем он покинул меня.

Я последовал указанным путем и очутился в другом, на этот раз более коротком коридоре. Тут я замер от неожиданности: навстречу мне шел Кенси Грэйм.

Однако человек, выглядевший как Кенси, лишь мельком взглянул на меня. Тогда я понял.

Конечно же, это был не Кенси. Это его брат Ян, командующий гарнизоном экзотов здесь, в Бловене. Он прошел мимо, и я снова смог двинуться дальше, хотя состояние шока еще не совсем прошло.

Думаю, что любой, столкнувшись с ним в подобной ситуации, был бы потрясен так же, как и я. От Джэнола я несколько раз слышал, что Ян был полной противоположностью Кенси. Не в смысле его профессиональных качеств — они оба являлись выдающимися представителями дорсайского офицерства, — но в том, что касалось их индивидуальностей.

С первого же момента нашей встречи с Кенси я ощутил словно бы исходящий от него солнечный свет. Встретившийся же мне Ян выглядел мрачнее грозовой тучи. Без сомнения, это был человек с железным сердцем и мрачной душой, подобный какому-то отшельнику на высокой горе.

Я вспомнил, что, по слухам, эта мрачность практически

никогда не покидала его, разве что в присутствии Кенси. И если когда-либо это светоносное воздействие брата исчезнет, то Ян, вероятно, будет навечно приговорен к заточению в собственной тьме.

Но, пройдя через дверь и оказавшись в месте, которое очень напоминало небольшую оранжерею, я увидел знакомое добродушное лицо Падмы.

— Входите, мистер Олин, — пригласил он, вставая, — и пойдемте со мной.

Он повернулся и прошел сквозь арку из фиолетовых клематисов. Я последовал за ним, и мы очутились в небольшом дворике со стоявшим там роскошным аэрокаром. Падма уже забрался на сиденье перед пультом управления. Он придержал для меня дверцу.

— Куда мы направляемся? — спросил я, когда забрался в машину.

Падма прикоснулся к пульту автопилота. Машина поднялась в воздух. Он предоставил ей возможность самой управлять движением и развернулся в кресле лицом ко мне.

— В полевой штаб командующего Грэйма, — ответил он.

— Ясно, — произнес я, — Конечно, я понимаю, что сообщение из штаба достигло вас гораздо раньше, чем я на своей машине. Но я надеюсь, вы не думаете, что он задержал меня или что-нибудь в этом роде. У меня с собой мои верительные грамоты, защищающие меня как журналиста. И кроме того, соответствующие разрешения как от квакеров, так и от экзотов. И я не намерен один нести ответственность за любые заключения, сделанные Грэймом во время нашей беседы, которая имела место сегодня утром.

Падма неподвижно сидел в кресле, молча разглядывая меня.

— Вы направляетесь туда со мной по моему собственному решению, а не по требованию Кенси Грэйма.

— Хотел бы я знать почему, — медленно произнес я.

— Потому, — таким же тоном ответил он, — что вы очень опасны.

Он сидел по-прежнему неподвижно и смотрел на меня немигающим взглядом.

Я ждал, что он продолжит, но он молчал.

— Опасен? — спросил я. — Опасен для кого?

— Для нашего будущего.

Я уставился на него, затем рассмеялся, а потом внезапно рассердился.

— Бросьте! — воскликнул я.

Он медленно покачал головой, не отводя глаз от моего лица.

Меня поражали эти глаза. Невинные и ясные, как у младенца, но за ними я никак не мог разглядеть самого человека.

— Хорошо, — кивнул я. — Объясните мне, почему я опасен?

— Потому что вы хотите уничтожить одну из частей человеческой расы. И вы знаете, как это сделать.

Последовала короткая пауза. Аэрокар бесшумно скользил в облаках.

— Пожалуй, это весьма странное предположение, — медленно и спокойно произнес я. — Интересно, что привело вас к такому заключению?

— Наши онтогенетические вычисления, — так же холодно ответил Падма. — И это не предположение, Там. Вы сами знаете.

— О да! — воскликнул я. — Онтогенетика! Я собирался разобраться в этом.

— Ну и как, удалось?

— Немного. Я решил, что это как-то связано с эволюцией.

— Онтогенетика, — пояснил Падма, — наука, изучающая влияние эволюции на силы, воздействующие на человеческое общество.

— А я являюсь такой силой?

— В данный момент и последние несколько лет — да, — ответил Падма. — И возможно, будете оставаться еще несколько лет в будущем. Но может быть, и нет.

— Это похоже на угрозу.

— В некотором смысле это так и есть. — Глаза Падмы отразили свет, когда я попытался рассмотреть их. — Вы вполне можете уничтожить и самого себя, так же как и других.

— Мне бы очень не хотелось этого.

— Тогда, — сказал Падма, — будет лучше, если вы внимательно выслушаете меня.

— Ну конечно же, — ответил я. — Это ведь моя профессия — слушать других. Расскажите мне об онтогенетике и обо мне.

Он сделал несколько переключений на пульте и вновь повернулся ко мне.

— Человеческая раса, — начал Падма, — пережила эволюционный взрыв в тот момент своего исторического развития, когда колонизация звезд стала практически осуществимой.

Он сидел неподвижно, наблюдая за мной. Я придал своему лицу выражение заинтересованности.

— Это произошло по причинам, проистекавшим из расового инстинкта, который мы еще не до конца понимаем, но который по сути своей является инстинктом самозащиты.

Я полез в карман своей куртки.

— Пожалуй, лучше будет, если я сделаю кое-какие записи.

— Если хотите, — спокойно кивнул Падма, — Результатом этого взрыва явилось появление культур, каждая из которых воплотила в себе как бы одну из граней человеческой натуры. Желание сражаться породило дорсайцев. Стремление человека отвергнуть все личностное ради приверженности какой-то вере дало квакеров. Философская грань личности привела к возникновению экзотской культуры, к которой принадлежу и я. Мы называем эти культуры осколочными.

— О да, — подтвердил я, — Я знаю об осколочных культурах.

— Вы знаете о них, Там, но не знаете их самих.

— Неужели?

— Нет, — подтвердил Падма, — потому что вы землянин, как и ваши предки. Вы человек полного спектра. И люди осколочных культур эволюционно превосходят вас.

Я почувствовал неожиданный слабый укол застарелой злобы внутри себя. Голос экзота отозвался эхом голоса Матиаса в моей памяти.

— Вот как? Боюсь, я не вижу этого превосходства ни в чем.

— Потому что вы не хотите, — ответил Падма. — А если бы захотели, то вынуждены были бы признать, что они отличаются от вас, и, таким образом, судить о них нужно по другим критериям.

— Отличаются? Как же?

— Отличаются некоторым образом тем, что все люди осколочных культур, включая и меня, инстинктивно понимают то, что обычный человек вынужден либо воображать, либо предполагать.

Падма слегка переменил позу.

— Вы сможете это понять, Там, если представите себе одного из представителей осколочных культур как обычного человека вроде себя, но с мономанией, которая полностью ограничивает его линией поведения существа одного типа. Но с вот каким отличием: умственные и физические аспекты личности, выходящие за рамки мономании, не игнорируются и не атрофируются, как это было бы в вашем случае…

— А почему именно в моем? — прервал его я.

— Ну, в случае любого человека полного спектра, — спокойно продолжал Падма. — Так вот, эти аспекты личности вместо атрофии изменяются, с тем чтобы согласоваться и поддерживать мономанию, так что мы получаем не больного, а здорового человека. Только несколько иного.

— Здорового? — спросил я, и перед моим мысленным взором вновь всплыло лицо сержанта, убившего Дэйва на Новой Земле.

— Здорового, как культура. Не как случайный изуродованный индивид этой культуры. А как культура.

— Извините, — сказал я. — Но я этому не верю.

— Но это так, Там, — мягко произнес Падма. — Подсознательно вы верите. Потому что планируете использовать слабость такой культуры, с тем чтобы ее уничтожить.

— И что же это за слабость?

— Очевидная слабость, являющаяся оборотной стороной любой силы, — ответил Падма. — Осколочные культуры нежизнеспособны.

Должно быть, некоторое время я просто моргал глазами. Я был по-настоящему поражен.

— Нежизнеспособны? Вы имеете в виду, что они не могут существовать сами по себе?

— Конечно же нет, — подтвердил Падма, — Оказавшись перед лицом экспансии в космос, человечество отреагировало на вызов, брошенный ему различными условиями окружающей среды, попытавшись адаптироваться к ним. И оно приспособилось, стараясь использовать отдельно все элементы своей личности, чтобы посмотреть, какой из них устроится лучше. А теперь все эти элементы — осколочные культуры — выжили и адаптировались, и им пришло время снова соединиться в одно целое, чтобы произвести на свет более закаленного, ориентированного уже на всю Вселенную человека.

Аэрокар начал снижаться. Наш перелет подходил к концу.

— И какое все это имеет отношение ко мне? — спросил я.

— Если вы подорвете одну из осколочных культур, она не сможет адаптироваться сама по себе, как это произошло бы с культурой полного спектра. Она погибнет. И когда раса вновь соединится в единое целое, этот ценный элемент будет утрачен для всей расы.

— Быть может, это не будет такой уж тяжелой утратой, — тихо произнес я.

— Нет, как раз жизненно важной, — возразил Падма, — И я могу это доказать. Вы, человек полного спектра, носите в себе все элементы осколочных культур. Если вы признаете это, то сможете идентифицировать себя даже с теми, кого намереваетесь уничтожить. И у меня имеется доказательство, которое я могу вам предложить. Хотите взглянуть на него?

Машина приземлилась. Дверца возле меня открылась. Я выбрался из машины вслед за Падмой и увидел поджидавшего нас Кенси.

Дорсаец, который был на голову выше меня и на две головы выше посланника, посмотрел на меня сверху вниз без какого-либо

особенного выражения. Его глаза не были похожи на глаза его брата-двойника. Но почему я не мог встретиться с ним взглядом?

— Я ведь как-никак журналист, — произнес я. — И мне все интересно.

Мы отправились в штаб, прошли во внутренний офис, где я впервые встретился с Грэймом. На столе командующего лежала папка. Он подошел, взял ее, вытащил из нее фотокопию какого-то документа и протянул мне.

Это было послание от старейшего Брайта, правителя Гармонии и Ассоциации, начальнику Центра обороны X на Гармонии, отправленное два месяца назад.

«Во Имя Господа довожу до вашего сведения…

…Волей Господней, сим повелевается, дабы больше не посылалось ни подкреплений, ни снаряжения. Ибо если Всевышний намерен даровать нам победу, мы одолеем врага и безо всяких дальнейших затрат. Но буде на то Его воля и мы не одержим победы, то, конечно же, не пристало нам разбрасываться имуществом Церквей Господа в попытке противиться Воле Всевышнего.

Далее, повелеваем, дабы Братья наши на Сент-Мари не ведали того, что отказано им нашим разумением в подкреплениях, и по-прежнему несли веру в сердцах, аки всегда, и да не пребудут Церкви Господни во страхе. Повинуйтесь сему повелению, во Имя Господа.

По велению того, чье имя Брайт, старейшего среди избранных».

Я оторвал свой взгляд от послания. Грэйм и Падма внимательно наблюдали за мной.

— Как вам удалось заполучить это? — спросил я, — Хотя, конечно, вы все равно не захотите ответить.

Ладони моих рук неожиданно так вспотели, что гладкий материал листа начал выскальзывать из них. Я судорожно сжал его и стал быстро говорить, чтобы успеть, пока они еще смотрят на меня:

— Ну так и что? Мы все и так знали об этом. Практически все знали, что Брайт их оставит. И это всего лишь письменное подтверждение. К чему было вообще показывать мне эту бумагу?

— Я думал, — произнес Падма, — что, прочтя ее, вы все-таки попытаетесь взглянуть на все с иной точки зрения.

— Я не говорил, что это невозможно, — произнес я, — Конечно, — тут я начал осторожно подбирать слова, — если бы я мог изучить это…

— Я надеялся, что вы возьмете это с собой, — сказал Падма.

— Надеялись?

— Если вы разберетесь в этом послании и действительно поймете, что именно в нем имел в виду Брайт, тогда, быть может,

вы начнете воспринимать квакеров совсем по-иному и сможете изменить свое мнение о них.

— Я так не думаю, — заявил я, — но…

— Позвольте мне попросить вас сделать хотя бы это, — перебил меня Падма. — Возьмите послание с собой.

Какое-то мгновение я стоял в нерешительности, затем пожал плечами и убрал послание в карман.

— Хорошо, — кивнул я, — Заберу его с собой и подумаю над тем, что там написано. Где-то здесь неподалеку я оставлял машину, не так ли?

И посмотрел на Кенси.

— Примерно в десяти километрах отсюда, — ответил он. — Но вы все равно не сможете до нее добраться. Мы начинаем наступление, и квакерские войска уже выдвинулись нам навстречу.

— Возьмите мой аэрокар, — предложил Падма, — Эмблема экзотов на нем поможет вам.

— Хорошо, — согласился я.

Мы вышли из офиса. В дверях я столкнулся с Джэнолом, и он ответил мне холодным взглядом. Я не винил его. Падма проводил меня до аэрокара.

— Можете отослать его назад, когда вам будет удобно, — сказал Падма, когда я залез в кабину. — Посольство предоставляет его в ваше полное распоряжение. Мы в любом случае не будем о нем беспокоиться.

— Хорошо, — ответил я.

Я закрыл дверь и коснулся панели управления.

Это была мечта, а не аэрокар. Он поднялся в воздух бесшумно, как мысль, и буквально через секунду я уже был на высоте двух тысяч футов и довольно далеко от того места, где взлетел. И все же я заставил себя успокоиться, прежде чем залез в карман и вытащил оттуда послание.

Я взглянул на него. Моя рука, державшая послание, слегка дрожала.

Вот оно, наконец-то мое. Подтверждение того, что Пирс Лиф слышал еще там, на Земле, и за чем я охотился с самого начала. И Падма сам настоял на том, чтобы я забрал его с собой.

Это был рычаг, тот самый Архимедов рычаг, которым я мог бы перевернуть не один, а целых два мира. И столкнуть народы Гармонии и Ассоциации в пропасть.

Глава 27

Они меня ждали. И сразу же окружили аэрокар, как только я приземлился на внутреннем плацу лагеря квакеров. Игольные ружья они держали на изготовку.

Очевидно, кроме них, больше никого не осталось. Джэймтон, похоже, увел почти всех своих солдат. А этих я узнал сразу же. Опытные бойцы, ветераны. Ультрафанатики. И все они знали меня.

— Мне необходимо увидеть командующего, — выпалил я, как только выбрался из машины, прежде чем они смогли задать мне хотя бы один вопрос.

— По какому делу? — спросил один из них. — Этот аэрокар не должен здесь находиться, так же как и вы.

— Я должен немедленно увидеть командующего Блэка, — проговорил я, — Я не оказался бы в этом аэрокаре, с эмблемой экзотов, если бы в этом не было крайней необходимости.

Они не могли не понимать, что причина, по которой я хотел увидеть Блэка, — не пустяковая. И я это знал. Пришлось немного поспорить, но я продолжал настаивать на своем.

И вот я оказался с ним лицом к лицу.

Он надевал свое боевое снаряжение почти так же, как это проделывал Грэйм. Только на Кенси это снаряжение выглядело несколько игрушечным. Для худощавой фигуры Джэймтона оружие казалось несколько громоздким.

— А, мистер Олин, — кивнул он.

Я пересек комнату и подошел к нему, одновременно вытаскивая послание из кармана. Он полуобернулся ко мне, одновременно продолжая застегивать снаряжение.

— Вы собираетесь выступать против войск экзотов, — констатировал я.

Он согласно кивнул. Я никогда еще не стоял к нему так близко. И наконец вместо обычного спокойствия смог заметить слабый призрак усталой улыбки, тронувшей на секунду уголки его четкого, прямого рта на смуглом молодом лице.

— Это мой долг, мистер Олин.

— Какой там долг, — усмехнулся я, — Ваши правители на Гармонии уже списали вас со своих счетов.

— Я уже говорил вам, — холодно ответил он. — Избранные Господа не предают друг друга.

— Вы в этом уверены? — спросил я.

И снова я уловил призрак усталой улыбки.

— Это тот предмет, в котором я разбираюсь лучше, чем вы,

мистер Олин.

Я посмотрел ему в глаза. Они были усталыми, но абсолютно спокойными. Я отвел взгляд в сторону и на столе увидел уже знакомую мне солидографию.

— Ваша семья? — поинтересовался я.

— Да, — ответил он.

— Мне кажется, вы должны были бы подумать о них хоть сейчас.

— Я думаю о них довольно часто.

— И тем не менее все равно собираетесь выступить и погибнуть.

— Все равно, — подтвердил он.

— Конечно же! — воскликнул я.

Я пришел сюда совершенно спокойным и полностью контролировал себя. Но сейчас меня начало трясти.

— Потому что все вы, квакеры, лицемеры. Вы настолько лживы, настолько погрязли в своей собственной лжи, что, если кто-нибудь отнимет ее у вас, ничего не останется. Разве не так? Вы лучше умрете, чем признаете, что подобное самоубийство вовсе не самое великое деяние во Вселенной. Вы лучше умрете, чем признаете, что полны сомнений, как и любой другой человек, и что вы тоже боитесь.

Я вплотную подошел к нему. Он не шевельнулся.

— Кого вы пытаетесь одурачить? — спросил я, — Кого? Я же вижу вас насквозь! И я знаю, что за фетиш эти ваши Объединенные церкви. Я знаю, как, впрочем, и вы, что образ жизни, о котором вы гнусаво долдоните, вовсе не так хорош, как вы утверждаете. Я знаю, что ваш старейший Брайт и его свора узколобых стариков — всего лишь банда узурпаторов и тиранов, которым наплевать на религию. И я заставлю вас признать это!

Тут я сунул ему под нос послание.

— Читайте!

Он взял его. Я задержал дыхание на целую минуту, пока он изучал его. Выражение его лица не изменилось. Затем он вернул его мне.

— Хотите встретиться с Грэймом? — предложил я, — Мы могли бы свободно пересечь линию фронта в машине посланника. Вы сможете договориться о капитуляции, прежде чем начнется стрельба.

Он покачал головой и посмотрел на меня как-то странно, с выражением, которое я никак не мог определить.

— Вы хотите сказать — нет?

— Вам лучше всего остаться здесь, — ответил он, — Над боевыми позициями даже эту машину могут обстрелять.

И он повернулся, собираясь уйти.

— Куда вы? — закричал я на него. Я обогнул его и поднес послание к его глазам, — Это — реальность. Вы не можете закрыть на это глаза!

Он остановился и посмотрел на меня. Затем с силой отвел мою руку с зажатым в ней посланием. Его пальцы были тонкими, но гораздо сильнее, чем я думал, ибо моя рука опустилась против моей воли.

— Я знаю, что это реальность. Я должен предупредить вас, мистер Олин, чтобы вы больше не мешали мне. Я должен идти.

Он обошел меня и направился к двери.

— Вы лжец! — закричал я вслед ему.

Он продолжал идти. Я должен был его остановить. Я схватил стоявшую на столе солидографию и с размаху швырнул на пол.

Он повернулся ко мне и посмотрел на валяющиеся у моих ног осколки.

— Вы делаете то же самое! — заорал я, указывая на них.

Он без единого слова вернулся, нагнулся и аккуратно собрал осколки. Положил их в карман и снова выпрямился. Когда я увидел его глаза, у меня перехватило дыхание.

— Если бы не мой долг, — начал он тихим ровным голосом… и замолчал.

Я увидел, как его глаза вдруг расширились. Жажда убийства, явственно читавшаяся в них, сменилась чем-то похожим на удивление.

— Так у тебя, — тихо произнес он, — у тебя нет веры?

Я открыл рот, чтобы хоть что-то сказать. Но произнесенные им слова остановили меня. Я стоял, будто мне нанесли сильнейший удар в живот, и не мог вымолвить ни слова. Он пристально смотрел на меня.

— Почему вы подумали, — спросил он, — что это послание заставит меня изменить решение?

— Вы же сами читали его! — воскликнул я. — Брайт пишет, что, поскольку вы здесь в проигрышной позиции, вам больше не пошлют помощи. И никто не должен говорить вам об этом, потому что тогда вы из страха можете сдаться.

— Значит, так вы и прочли это? — спросил он. — Именно так?

— А как же еще? Как же еще его можно прочесть?

— Так, как там написано. — Он стоял передо мной, и его глаза неотрывно смотрели прямо в мои. — Вы прочли послание без веры, оставив Имя и волю Господа без внимания. Старейший Брайт написал не о том, чтобы нас оставили здесь одних, а о том, что, поскольку наше положение здесь весьма тяжелое, мы должны

быть предоставлены в руки нашего Небесного предводителя и Господа нашего. И еще он написал, что нам не следует сообщать об этом, чтобы никто здесь не был подвержен соблазну намеренно искать венец мученика. Посмотрите, мистер Олин. Все это здесь, черным по белому.

— Но это не то, что он имел в виду! Не то!

Он покачал головой:

— Мистер Олин, я не могу оставить вас в таком заблуждении.

Я уставился на него, ибо прочел на его лице сочувствие и жалость.

— Именно ваша собственная слепота обманывает вас, — произнес он. — Вы не видите ничего и считаете, что остальные тоже не могут разглядеть этого. Господь наш — вовсе не имя, а суть всего. Вот почему в наших церквях вы не увидите никаких украшений, никаких преград между нами и Господом нашим. Послушайте меня, мистер Олин. Сами эти церкви — всего лишь обители земные. Наши старейшины и лидеры, несмотря на то что они избранные и Посвященные, — всего лишь смертные люди. И поэтому в нашей вере ни к кому и ни к чему мы не прислушиваемся, лишь к одному гласу Господню, который внутри нас.

Он помедлил. Но почему-то я не мог произнести ни слова.

— Предположим, что все именно так, как вы думаете, — продолжил он еще более мягко, — Предположим, что все сказанное вами — правда и наши старейшины — просто жадные тираны. И мы сами брошены здесь на произвол судьбы из-за их эгоизма. Хотя нет.

Голос Джэймтона зазвучал громче.

— Позвольте мне свидетельствовать только от своего имени. Предположим, вы могли бы предоставить мне доказательства того, что все наши старейшины лгали, что даже сам наш святой Завет — фальшивка. Предположим, вы могли бы доказать мне, — его глаза заглянули внутрь меня, а голос словно пригибал меня к земле, — что вся суть нашей веры извращена и насквозь фальшива. И что нигде среди избранных, даже в доме моего отца, никогда не существовало ни веры, ни надежды! Если бы вы и смогли доказать мне, что никакое чудо не могло бы спасти меня, что ни одной души нет рядом со мной и что мне противостоят все легионы на свете, все равно я — я один, мистер Олин, — пошел бы вперед, как мне было приказано, до самого края Вселенной. Ибо без своей веры я — всего лишь прах земной. Но с моей верой не существует такой силы, которая могла бы меня остановить!

Он замолчал и отвернулся. Я смотрел, как он пересек комнату и вышел.

А я остался стоять, словно меня пригвоздили к месту, пока не услышал снаружи, на плацу, звук заводимого двигателя военного аэрокара.

Я с трудом преодолел оцепенение и выбежал из здания.

Когда я очутился на плацу, военный аэрокар только-только начал подниматься. Мне удалось разглядеть Джэймтона и его четырех непоколебимых бойцов внутри машины. Я заорал им вслед:

— Допустим, вы так считаете, но как насчет ваших людей?

Они не могли меня услышать. Я знал это. Бессильные слезы потекли по моему лицу, но я все равно продолжал орать ему вслед:

— Вы посылаете на смерть своих же солдат, только чтобы доказать свою правоту! Неужели вы не хотите понять? Вы убиваете беззащитных людей!

Без видимых усилий военная машина быстро поднялась и взяла курс на юго-запад, туда, где должны были начаться боевые действия. Бетонные стены пустого лагеря отозвались гулким, диким и насмешливым эхом.

Глава 28

Мне следовало бы направиться в космопорт. Вместо этого я снова забрался в аэрокар и полетел обратно, через линию фронта, в поисках штаба Грэйма.

Меня мало беспокоила собственная безопасность. Кажется, раза два меня обстреляли, но точно я не помню. В конце концов я нашел штаб и посадил машину рядом с ним.

Как только я вылез, меня окружили солдаты. Я предъявил документы и направился к боевому обзорному экрану, который был установлен на открытом воздухе, в тени деревьев. Грэйм, Падма и все офицеры штаба столпились у экрана, наблюдая за перемещениями своих войск и подразделений квакеров. От расположенного примерно в пятнадцати футах коммуникационного центра также непрерывным потоком шла информация.

Солнце слегка просвечивало сквозь листву деревьев. Время близилось к полудню, и день был светлым и теплым. Долгое время на меня никто не обращал внимания. Наконец Джэнол, случайно отвернувшись от экрана, заметил меня. Должно быть, я выглядел весьма плохо, потому что спустя некоторое время он подошел ко мне с кружкой и поставил ее на компьютер рядом со мной.

— Выпейте это, — коротко сказал он и отошел.

По запаху я определил, что это дорсайское виски, и одним махом проглотил его. Я не почувствовал вкуса, но, очевидно, оно все же оказало на меня благотворное влияние, потому что через несколько минут мир вокруг меня стал ярче и я снова обрел возможность размышлять.

Я подошел к Джэнолу:

— Спасибо.

— Не за что. — Он не взглянул на меня, а продолжал заниматься бумагами, лежащими на столе перед ним.

— Джэнол, — попросил я, — объясните мне, что происходит.

— Посмотрите сами, — ответил он, не отрываясь от своих бумаг.

— Я сам не могу разобраться. Вы это знаете. Послушайте, я сожалею о том, что сделал. Но это моя работа. Может, вы все-таки сначала мне все объясните, а потом уже будете дуться?

— Вы же знаете, что я не имею права конфликтовать с гражданскими лицами. — Затем его лицо смягчилось. — Ну хорошо, — сказал он, вставая. — Идемте.

Он подвел меня к экрану и показал на какой-то маленький

темный треугольник между двумя змееподобными светлыми линиями. Другие точки и фигурки располагались вокруг них.

— Это, — он указал на две линии, — реки Макинток и Сара в месте, где они сливаются, примерно в десяти милях в эту сторону от Джозефтауна. Довольно холмистая местность, холмы покрыты лесом, а меж ними — открытое пространство. Хорошая местность для организации локальной обороны, и плохая — если окажешься в ней зажатым.

— Почему?

Он указал на реки:

— Отступишь в этом направлении — и окажешься прижатым к высоким отвесным берегам реки. Там нет безопасной переправы и никакого прикрытия для отступающих войск. Везде сплошь открытые поля, от реки до самого Джозефтауна.

Он провел пальцем от точки, где реки сливались вместе, мимо маленького темного треугольника и окружавших его точек и фигурок.

— С другой стороны, подступы к этой местности с наших позиций также через открытую местность — узкие полоски полей, разделенные множеством болот и зарослей. Это довольно сложная позиция для обеих группировок, если мы решим принять бой здесь. Первый, кто станет отступать, быстро окажется в ловушке.

— Вы собираетесь вступить в бой?

— Возможно. Блэк послал вперед легкую бронетехнику. А теперь он отступает назад, к высоким холмам между реками. Мы намного превосходим его в живой силе и технике. В общем-то, нет никаких причин не следовать за ними по пятам до тех пор, пока они сами не загонят себя в ловушку…

Джэнол замолчал.

— Нет причин? — переспросил я.

— Нет с тактической точки зрения.

Джэнол, нахмурившись, посмотрел на экран.

— Мы в принципе не должны попасть в трудное положение, если только вдруг нам не придется неожиданно отступать. А отступать мы не будем, если только противник не получит какого-то ошеломляющего тактического преимущества, которое не позволит нам оставаться здесь.

Я искоса посмотрел на него.

— Такого, как, например, гибель Грэйма? — спросил я.

Он хмуро взглянул на меня:

— Такой опасности не существует.

Я ощутил заметную перемену в движениях и голосах людей, окружавших нас.

Мы оба обернулись, чтобы посмотреть, в чем дело.

Все столпились у другого экрана. Мы перешли туда же, заглядывая через плечи двух офицеров из штаба Грэйма. Я рассмотрел изображение небольшой светлой лужайки, окруженной покрытыми лесом холмами. В центре луга, подле длинного стола, стоящего на траве, развевался флаг Квакерских миров: тонкий черный крест на белом фоне. По обе стороны стола стояли складные стулья. Но около стола находился лишь один офицер — словно чего-то ждал. Как много произошло изменений за двадцать четыре часа! Слева, в углу экрана, я смог разглядеть бетон шоссе.

— Я знаю это место… — повернувшись к Джэнолу, заговорил я.

— Тихо! — произнес он, подняв палец. Вокруг нас все также замолчали. Кто-то из стоящих в первом ряду нашей группы говорил:

— …это стол переговоров.

— Они уже вызывали? — раздался голос Кенси.

— Нет, сэр.

— Что ж, пойдем посмотрим.

Впереди стало заметно какое-то движение. Группа начала расходиться, и я увидел, как Кенси и Падма направляются к площадке, где находились аэрокары. Я протолкался сквозь редеющую толпу и бросился вслед за ними.

Позади меня что-то прокричал Джэнол, но я не обратил внимания. И в следующий момент уже был рядом с Кенси и Падмой. Они обернулись ко мне.

— Я хочу отправиться с вами, — выпалил я.

— Все в порядке, Джэнол, — сказал Кенси, взглянув мне за спину. — Можете оставить его с нами.

— Слушаюсь, сэр, — услышал я ответ Джэнола, после чего тот развернулся и ушел.

— Так, значит, вы хотите поехать вместе со мной, мистер Олин? — спросил Кенси.

— Я знаю это место, — ответил я ему. — Несколько ранее, днем, я проезжал там. Квакеры проводили тактические замеры по всему этому лугу и близлежащим холмам с обеих сторон. Они не собираются вести переговоры о перемирии.

Кенси долгое время смотрел на меня, словно тоже производил какие-то тактические замеры.

— Что ж, поехали, — кивнул он. Затем повернулся к Падме. — Вы останетесь здесь?

— Это зона боевых действий. Мне лучше уехать. — Падма повернулся ко мне: — Удачи вам, мистер Олин, — и ушел. Я

секунду смотрел ему вслед, затем обернулся и увидел, что Грэйм уже почти дошел до ближайшего военного аэрокара. Я поспешил вслед за ним.

Эта боевая машина не выглядела так роскошно, как машина посланника. И Кенси не стал набирать высоту в две тысячи футов, а петлял между деревьями всего лишь в нескольких футах над землей. Сидеть было неудобно. Каждый раз, когда Кенси касался пульта управления, я чувствовал, как рукоятка его пистолета упирается мне в бок.

Наконец мы достигли края покрытого лесом холмистого треугольника, занимаемого квакерами, и приземлились на склоне под прикрытием молодой листвы дубов.

Почти на самой верхушке холма подразделение войск экзотов ожидало приказа о наступлении. Кенси выбрался из машины и ответил на приветствие ротного.

— Вы видели стол, что поставили квакеры? — спросил Кенси.

— Да, командующий. Офицер все еще там. Если подняться на вершину этого холма и перейти на ту сторону, то можно его разглядеть.

— Хорошо, — кивнул Кенси. — Пусть ваши люди останутся здесь, ротный. Мы с журналистом подойдем поближе.

Он шел впереди меня, петляя между деревьев. С вершины холма мы посмотрели вниз, примерно сквозь пятьдесят ярдов леса и далее на луг. Он имел ярдов двести в ширину. Стол был установлен точно в центре, и рядом с ним виднелась неподвижная черная фигура офицера-квакера.

— Что вы обо всем этом думаете, мистер Олин? — спросил меня Грэйм, не отрывая взгляда от стола.

— Почему кто-нибудь не подстрелит его? — спросил я.

Он бросил на меня мимолетный взгляд.

— Это всегда успеют сделать, — ответил он, — прежде чем он добежит до укрытия на противоположной стороне. Если нам вообще надо его подстреливать. Я не это хотел знать. Вы недавно видели их командующего. По вашему мнению, он производит впечатление человека, готового сдаться?

— Нет! — воскликнул я.

— Понятно, — произнес Кенси.

— Не думаете же вы в самом деле, что он собирается сдаться? Что заставляет вас думать так?

— Столы переговоров обычно устанавливаются для обсуждения условий, выдвинутых сторонами, — пояснил он.

— Но он же не просил вас о встрече с ним?

— Нет, — Кенси наблюдал за фигуркой офицера Братства, неподвижной в лучах солнца. — Возможно, что приглашение к

обсуждению против его принципов, а само обсуждение — нет. Почему бы нам и не поговорить, если мы вдруг окажемся за столом друг напротив друга?

Он повернулся и махнул рукой. Ротный, ожидавший указаний, подошел к нам.

— Да, сэр? — обратился он к Грэйму.

— На противоположной стороне поляны среди деревьев есть квакеры?

— Четверо, сэр. Мы определили с помощью тепловизоров. Впрочем, они особо и не стараются укрыться.

— Понятно.

Он помедлил.

— Ротный.

— Да, сэр?

— Будьте добры, пожалуйста, спуститесь на луг и спросите у этого офицера, чего он хочет.

— Слушаюсь, сэр.

Мы остались стоять и смотреть, как ротный спускается по склону холма между деревьями. Он вышел на луг — все казалось неестественно замедленным — и подошел к офицеру.

Они стояли лицом к лицу. Они о чем-то говорили, но услышать их голосов мы не могли. Флаг с тонким черным крестом развевался на легком ветерке. Затем ротный повернулся и начал взбираться обратно на холм.

Он остановился перед Кенси и отдал честь.

— Командующий избранными воинами Господа готов встретиться с вами внизу, на лугу, для обсуждения условий капитуляции, — сказал он и остановился, чтобы перевести дыхание. — Если вы окажетесь на краю поляны в одно и то же время, вы одновременно сможете подойти к столу.

— Благодарю вас, ротный, — ответил Кенси. Он посмотрел мимо своего офицера на луг и на стол. — Думаю, я спущусь вниз.

— Ему не нужна капитуляция, — воскликнул я, — Он что-то замышляет.

— Ротный, — продолжил Кенси, — Отдайте приказ вашим людям расположиться прямо здесь, за деревьями, на этой стороне холма. Если он сдастся, я буду настаивать, чтобы он немедленно поднялся со мной сюда.

— Слушаюсь, сэр.

— Отсутствие обычного в таких случаях приглашения на переговоры может быть связано с тем, что он сначала хочет сдаться, а затем уже сообщить об этом своим войскам. Если Блэк намеревается поставить своих офицеров пред свершившимся фактом, мы не должны подвести его.

— Он не собирается сдаваться, — повторил я.

— Мистер Олин, — Кенси обернулся ко мне. — Я предлагаю вам укрыться за склоном холма. Ротный позаботится о вас.

— Нет, — возразил я. — Я тоже спущусь вниз. Если это мирные переговоры об условиях сдачи, значит, боевые действия не намечаются и я имею полное право находиться там, внизу. Если бы дело обстояло иным образом, зачем бы вы тогда сами спускались на луг?

Какое-то мгновение Кенси разглядывал меня со странным выражением.

— Хорошо, — наконец кивнул он. — Идемте со мной.

Мы начали спускаться между деревьями по круто уходящему вниз склону. Подошвы наших сапог соскальзывали, каблуки приходилось с усилием вбивать в землю при каждом шаге.

С противоположной стороны луга, точно на одной линии со столом, навстречу нам вышли вперед четыре фигуры в черном. Я различил среди них и Джэймтона Блэка.

Кенси и Джэймтон отсалютовали друг другу.

— Приветствую вас, командующий Блэк, — произнес Кенси.

— Взаимно, командующий Грэйм. Я признателен вам за согласие на встречу со мной, — произнес Джэймтон.

— Это мой долг, — ответил Кенси.

— Я бы хотел обсудить условия сдачи.

— Я могу предложить вам, — заговорил Кенси, — обычные условия, касающиеся войск, находящихся в вашем положении, в полном соответствии с кодексом наемников.

— Вы меня неправильно поняли, сэр, — сказал Джэймтон. — Я пришел сюда, чтобы обсудить условия вашей сдачи.

Флаг хлопнул на ветру.

Вдруг я вспомнил людей в черных мундирах, днем ранее измерявших эту местность. Они были именно там, где сейчас стояли мы.

— Боюсь, что взаимонепонимание обоюдное, командующий, — проговорил Кенси. — Я нахожусь в более выгодной тактической позиции, и ваше поражение неминуемо. Мне нет необходимости капитулировать.

— Так вы не сдадитесь?

— Нет, — четко ответил Кенси.

Неожиданно я вспомнил, как располагались пять шестов — теперь как раз на их местах стояли квакеры.

— Берегись! — крикнул я Кенси, но опоздал.

Дальше события развивались очень быстро. Квакеры потянулись за оружием. Я снова услышал, как хлопнул флаг, и этот звук, казалось, растянулся на долгое мгновение.

Впервые в жизни я увидел человека с Дорсая в действии. Настолько быстрой была реакция Кенси, словно он прочел в мыслях Джэймтона то, что тот собирался предпринять, на мгновение раньше, чем солдаты-квакеры начали доставать оружие.

Их руки еще лишь только коснулись рукоятей, а Кенси уже перепрыгнул через стол, сжимая пистолет в руке. Казалось, он налетел прямо на одного из квакеров, и оба одновременно рухнули на землю, но только Кенси продолжал двигаться. Он откатился в сторону, затем поднялся на колени, выстрелил, снова прыгнул вперед, перекатился через голову.

Квакер справа от Джэймтона рухнул как подкошенный, а двое оставшихся тут же развернулись и бросились вперед, закрыв своими телами Джэймтона, но их оружие еще не было точно нацелено. Кенси резко остановился, словно наткнувшись на каменную стену, присел и выстрелил еще дважды. Оба солдата упали.

Теперь Джэймтон находился лицом к лицу с Кенси, и пистолет в его руке был нацелен точно на Грэйма. Джэймтон выстрелил — светлая голубая змейка мелькнула в воздухе, но Кенси плашмя бросился на землю. Лежа на боку в траве и оперевшись на локоть, он дважды нажал на спуск своего пистолета.

Рука Джэймтона, державшая оружие, медленно опустилась. Свободной рукой он оперся на стол позади себя, еще раз попытался поднять свой пистолет, но не смог.

Тот выпал из его руки. Не отпуская края стола, он повернулся, и тут его взгляд встретился с моим. Его лицо оставалось столь же спокойным, как и всегда, но в выражении его глаз, когда они встретились с моими и он узнал меня, что-то переменилось — в них можно было прочесть что-то, странно напоминающее взгляд, брошенный человеком своему сопернику, которого он только что победил и который с самого начала не представлял для него серьезной угрозы. Легкая усмешка тронула уголки его губ. Усмешка победителя.

— Мистер Олин, — прошептал он и рухнул наземь.

Раздавшиеся рядом взрывы сотрясли почву под моими ногами. С вершины холма позади нас ротный, которого Кенси оставил наблюдать за нами, начал кидать дымовые гранаты, чтобы поставить завесу между нами и противоположной стороной луга. Серая стена дыма поднялась к небу между нами и дальними холмами, скрывая нас от врага.

На мертвом лице Джэймтона застыла едва заметная улыбка.

Глава 29

В тот же день я как в тумане наблюдал за капитуляцией войск квакеров.

Я не стал ждать подписания договоренностей. Все кончилось. В один момент ситуация на поле боя до предела обострилась и замерла, подобно огромной, непреодолимой волне над нашими головами; взметнувшаяся и бурлящая, она готова была вот-вот обрушиться с такой силой, что грохот этого удара эхом отозвался бы на всех мирах. Но вдруг волна исчезла. Не осталось ничего, кроме заполняющей все тишины.

Если бы Джэймтону удалось застрелить Грэйма и если бы в результате этого он получил практически бескровную сдачу в плен войск экзотов, я бы попытался хоть как-нибудь использовать происшедшее за столом перемирия, чтобы нанести вред репутации квакеров. Но он лишь попытался — и погиб, не сделав этого.

Я вернулся в космолете на Землю, словно находясь во сне и постоянно спрашивая себя: почему все так обернулось?

На Земле я сказал своим редакторам, что чувствую себя не очень хорошо. Одного взгляда на меня было достаточно, чтобы мне поверили. Я взял бессрочный отпуск и засел в библиотеке центра службы новостей в Гааге, слепо рыская среди гор материалов по квакерам, дорсайцам и экзотам. Что я искан? Сам не знаю. Кроме того, я смотрел репортажи об урегулировании ситуации на Сент-Мари и много пил.

Меня не покидало ощущение, что я приговорен к смерти за то, что не справился с заданием. Я узнал, что тело Джэймтона будет отправлено на Гармонию для похорон. Незаслуженные почести, отдаваемые фанатиками фанатику, который с четырьмя подручными пытался застрелить одного-единственного вражеского командира. Ну что же, о таком еще можно было написать.

Я побрился, привел себя в порядок и спустя какое-то время отправился договариваться насчет билета на Гармонию, чтобы написать о похоронах Джэймтона и таким образом подвести итог своим репортажам.

Мое избрание в Совет Гильдии — Пирс прислал мне поздравления, когда я был еще на Сент-Мари, — позволило мне все сделать быстро. Я получил каюту высшего класса на первом же космолете, направлявшемся на Гармонию.

Пятью днями позже я уже был там, в городке, называвшемся Поминовение Господа, куда раньше меня привозил старейший

Брайт. За три года городок ничуть не изменился.

Я подъехал к церкви, как раз когда к ней стали прибывать люди. Под темным, затянутым облаками небом внутри церкви было почти невозможно что-либо разглядеть. Серый свет, холодный дождь и пронизывающий ветер свободно проникали внутрь через открытые двери церкви. Через единственное квадратное отверстие в потолке лился еле пробивающийся сквозь тучи дневной свет, освещая тело Джэймтона, лежащее на возвышении. Прозрачный колпак накрывал тело, чтобы предохранить его от дождя. Но священник, проводящий отпевание, и все подходившие попрощаться с телом оказывались открытыми небу и непогоде.

Я встал в очередь, медленно продвигающуюся по центральному проходу мимо помоста. Справа и слева от меня тянулись теряющиеся во мраке барьеры, за которыми обычно стоят квакеры во время службы. Стропила слегка скругленной крыши скрывались во тьме. Музыки не было, но низкий гул людских голосов, произносящих молитвы, сливался в какой-то грустный речитатив. Как и Джэймтон, все люди, присутствующие здесь, были довольно смуглыми. Их далекими предками являлись выходцы из Северной Африки. В полутьме церкви темные фигуры сливались друг с другом и как бы растворялись в сумерках.

Наконец и я прошел мимо тела Джэймтона. Он выглядел точно таким же, каким я его запомнил. Смерть оказалась бессильна изменить его. Он лежал на спине, руки — вдоль тела; губы, как всегда, крепко сжаты. Только глаза были закрыты.

Непогода разбередила мою рану, поэтому я довольно заметно прихрамывал, а когда отходил от тела, кто-то тронул меня за локоть. Я резко обернулся. Я был одет не в журналистскую униформу, а в обычную гражданскую одежду, чтобы не привлекать внимания.

Опустив глаза, я увидел молодую девушку с солидографии Джэймтона. В сером призрачном свете ее лицо напомнило мне лик в витраже одного древнего собора на Старой Земле.

— Вы были ранены, — тихо сказала она мне, — Вы, должно быть, один из солдат, знавших его еще по Ньютону, до того как ему было приказано вернуться на Гармонию. Его родители, являющиеся также и моими, могли бы найти утешение в Господе, встретившись с вами.

Тут меня окатил дождевыми брызгами резкий порыв ветра, и его ледяное дыхание, казалось, пронзило меня до самых костей.

— Нет! — воскликнул я, — Я не солдат. И я не знал его. — Резко отвернувшись от нее, я начал проталкиваться сквозь толпу к выходу из церкви.

Но через некоторое время я замедлил шаг. Девушка уже затерялась во мраке среди людей. Медленно я пробрался к выходу из церкви и остановился, наблюдая за входящими людьми. Они шли и шли, одетые в свои черные одежды, с опущенными головами, разговаривая или молясь вполголоса.

В голове моей не рождалось ни одной мысли. Была лишь усталость, которую я привез с собой с Земли. Голоса продолжали звучать вокруг меня, и я почти задремал, перестав осознавать, зачем вообще сюда пришел.

Затем из этого гула вдруг выделился голос девушки, и это вывело меня из состояния полудремы.

— …он отрицает это, но я уверена, что он один из тех, кто был с Джэймтоном на Новой Земле. Он хромает, скорее всего его ранили.

Это был голос сестры Джэймтона; сейчас она говорила гораздо громче, чем со мной. Я полностью пришел в себя и увидел ее совсем недалеко, рядом с двумя пожилыми людьми, которых я тоже видел на солидографии Джэймтона. Молния леденящего ужаса пронзила меня.

— Нет! — чуть ли не заорал я, — Я не знал его. Я никогда не знал его. И я не понимаю, о чем вы говорите!

Затем повернулся и выскочил из церкви под спасительный дождь.

Наверное, я пробежал не менее тридцати — сорока шагов. Но, не слыша никаких звуков за своей спиной, я остановился.

Здесь, снаружи, я был в одиночестве. Тучи сгустились еще больше, и дождь хлынул с новой силой. Он почти что скрыл все вокруг меня своим барабанящим, струящимся занавесом. Я даже не мог разглядеть машины на парковке, лицом к которой я сейчас стоял. Я поднял лицо, подставил его ливневым потокам, и капли заколотили по моим щекам и закрытым векам.

— Так, — произнес голос позади меня. — Значит, вы не знали его?

Эти слова, казалось, разрубили меня пополам, и я почувствовал себя как загнанный волк. Я резко обернулся.

— Да, я знал его! — признался я.

Передо мной стоял Падма в своем голубом одеянии, которое, как ни странно, дождь, похоже, не намочил. Его руки, в жизни не державшие оружия, были сложены на животе.

Но та частичка меня, которая сейчас была волком, чувствовала, что он охотник и вооружен.

— Вы? — удивился я, — Что вы здесь делаете?

— Мы вычислили, что вы сюда приедете, — спокойно ответил Падма, — И поэтому я здесь. Но почему вы здесь, Там? Среди этих

людей наверняка найдется по крайней мере несколько фанатиков, которые слышали о той роли, которую вы сыграли в смерти Джэймтона и в капитуляции войск квакеров.

— Слухи! — воскликнул я, — А кто их пустил?

— Вы сами, — ответил Падма. Он пристально посмотрел на меня. — Разве вы не знаете, что рисковали жизнью, приехав сюда?

Я открыл было рот, чтобы возразить ему. Но затем понял, что действительно знал об этом.

— А что, если им кто-нибудь скажет, — наклонился ко мне Падма, — что Там Олин, журналист, готовивший репортажи о кампании на Сент-Мари, находится здесь инкогнито?

Я посмотрел на него с волчьей угрюмостью:

— Неужели ваши принципы позволили бы вам сделать такое?

— Нас неверно понимают, — холодно произнес Падма. — Мы нанимаем солдат сражаться на нашей стороне не из-за какой-то этической заповеди, но просто потому, что, если мы прямо окажемся втянутыми в конфликты, мы лишимся нашей эмоциональной перспективы.

Во мне уже не осталось страха, только тяжелое чувство опустошенности.

— Что ж, давайте, зовите их, — пробормотал я.

Странные светло-карие глаза Падмы внимательно следили за мной сквозь пелену дождя.

— Для этого мне не нужно было бы приезжать сюда самому.

— Так почему вы сюда приехали? — Слова словно наждаком драли мне горло, — Почему я так волную вас, экзотов?

— Нас волнует каждый индивидуум, — произнес Падма. — Но более всего мы заботимся о расе в целом. И вы по-прежнему представляете для нее опасность. Вы непризнанный идеалист, Там, притом нацеленный на разрушение. Существует закон сохранения энергии в общей системе причинно-следственных связей, как, впрочем, и в любой другой науке. Ваша ориентированность на разрушение была несколько ослаблена на Сент-Мари. Что будет, если эта потребность обернется внутрь, на вас, или окажется нацеленной вовне, на всю расу?

Я рассмеялся и сам поразился хриплости своего смеха.

— И что вы собираетесь с этим делать?

— Показать, что нож, который у вас в руке, может порезать как того, на кого он направлен, так и держащую его руку. У меня есть для вас новости, Там. Кенси Грэйм убит.

— Убит? — Дождь, казалось, вдруг загрохотал вокруг меня с ужасной силой, и стоянка покачнулась и поплыла из-под ног.

— Его застрелили трое членов Голубого фронта пять дней

назад в Бловене.

— Убит, — прошептал я. — За что?

— Война закончилась, — объяснил Падма. — А смерть Джэймтона и капитуляция войск квакеров без начала военных действий, которые могли бы нанести урон местным жителям, оставили их весьма положительно настроенными по отношению к нашим войскам. Таким образом Голубой фронт обнаружил, что он оказался еще дальше от власти. Убив Грэйма, они надеялись спровоцировать его войска на жестокости в отношении гражданского населения. Тогда правительство Сент-Мари приказало бы войскам вернуться по домам и оказалось бы беззащитным перед возможным мятежом Голубого фронта.

Я тупо смотрел на него.

— Все вещи взаимосвязаны между собой, — продолжил Падма. — Кенси предстояло последнее повышение в звании с назначением в штаб и возвращение на Мару или Культис. Он и его брат Ян до конца жизни оказались бы вдали от войн. Но из-за смерти Джэймтона, позволившей его войскам капитулировать без военных действий, возникла ситуация, которая привела к тому, что Голубой фронт убил Кенси. Если вы и Джэймтон не оказались бы втянуты в конфликт на Сент-Мари и Джэймтон не победил бы, Кенси был бы сегодня жив. Так показывают наши вычисления.

— Джэймтон и я? — У меня снова пересохло в горле, а дождь неожиданно хлынул еще сильнее.

— Да, — подтвердил Падма. — Вы оказались тем роковым фактором, который помог Джэймтону принять решение.

— Я помог ему? Я?!

— Он видел вас насквозь, — продолжил Падма. — Он смог разглядеть, что под этой мстительной, разрушительной оболочкой, которую вы считали своей истинной натурой, есть созидательное начало, которое столь глубоко запрятано, что даже ваш дядя не смог полностью уничтожить его.

Дождь по-прежнему грохотал вокруг нас. Но каждое слово Падмы ясно доносилось до меня.

— Я вам не верю! — заорал я. — Не верю!

— Я вам уже говорил, — вздохнул Падма. — Вы недооценили эволюционное превосходство наших осколочных культур. Вера Джэймтона не из тех, что может быть поколеблена воздействием извне. Если бы вы действительно были похожи на вашего дядю Матиаса, то он просто не стал бы вас слушать. Он просто отринул бы вас как бездушного человека. В действительности он считал вас человеком одержимым, говорившим, как он сказал бы, голосом сатаны.

— Я этому не верю! — завопил я.

— Верите, — констатировал Падма, — У вас нет иного выбора, кроме как поверить в это. Только поэтому Джэймтон смог найти свое решение.

— Решение?

— Как человек он готов был умереть за свою веру. Но как командиру ему трудно было допустить, чтобы его солдаты погибли только поэтому, не имея другой важной цели. — Падма внимательно наблюдал за мной, и дождь на мгновение, казалось, перестал. — Но вы предложили ему то, в чем он увидел дьявольское искушение — сохранить жизнь, если он откажется от своей веры и своих людей, чтобы избежать конфликта, который может закончиться их общей смертью.

— Что за сумасшедшая мысль? — спросил я.

Внутри церкви молитвы прекратились, и один-единственный сильный, низкий голос начал погребальную службу.

— Не сумасшедшая, — ответил Падма. — Как только он это понял, ответ оказался прост. Все, что ему необходимо было сделать, это начать с отрицания всего, предложенного сатаной. Таким образом он пришел к естественной необходимости своей собственной смерти.

— И это было его решение? — Я попытался рассмеяться, но смех застрял у меня в горле.

— Это было единственное решение, — повторил Падма. — Как только Джэймтон к нему пришел, он немедленно увидел единственную ситуацию, при которой его подчиненные позволят себе сдаться в плен: если он будет мертв, а они окажутся в невыгодной тактической позиции по причинам, известным только ему.

Эти слова словно пронзили меня.

— Но он не собирался умирать! — воскликнул я.

— Он оставил это своему Господу, — произнес Падма. — Он все сделал так, что лишь чудо могло его спасти.

— О чем вы говорите? — спросил я. — Он поставил стол для мирных переговоров под флагом перемирия. Он взял с собой четверых людей…

— Не было никакого флага. А эти люди были всего лишь упрямыми фанатиками, которых прельстил мученический венец.

— Он взял с собой четверых! — заорал я, — Четыре и один — это пятеро. Их было пятеро против Кенси. Я был там, стоял у стола и видел все. Пятеро против…

— Там.

Это одно-единственное слово меня остановило. Неожиданно меня охватил необъяснимый страх. Я не хотел слышать то, что он скажет дальше. Я боялся того, что он собирался мне сказать. И я

не хотел этого слышать, и слышать, как он это скажет. Дождь припустил еще сильнее, беспощадно поливая нас обоих и бетон парковки, но я слышал каждое его слово абсолютно четко сквозь шум дождя.

Голос Падмы грохотал в моих ушах, а я будто проваливался в пустоту.

— Неужели вы думали, что Джэймтон хотя бы на минуту позволил бы себе заняться самообманом подобно вам? Он был продуктом осколочной культуры. И сразу же узнал подобного себе в Кенси. Вы думаете, что он хотя бы на минуту предположил, исключая чудо, что впятером они могут убить вооруженного дорсайца — такого человека, как Кенси Грэйм, — прежде, чем они будут убиты сами?

Сами… сами… сами.

Этим словом меня словно куда-то унесло — далеко-далеко от этого темного дня и проливного дождя.

И я вспомнил.

С самого начала в глубине души я знал, что фанатик, убивший Дэйва и остальных пленников, не был типичным квакером. И Джэймтон вовсе не был хладнокровным убийцей. Я только пытался представить его таким, чтобы иметь причину отводить свой взгляд от одного-единственного человека на шестнадцати мирах, с которым я не мог встретиться взглядом. И этот единственный человек — не сержант, расстрелявший Дэйва и остальных. И даже не Матиас.

Это был я сам.

Джэймтон не был заурядным фанатиком, как Кенси — заурядным солдатом, а Падма — заурядным философом. Все они представляли собой нечто большее, и, не признаваясь себе, я все время знал это. Вот почему они поступали не так, как я планировал, когда пытался манипулировать ими.

Они были за пределами сомнений — и именно это, помимо всех их навыков и знаний, делало их непобедимыми. Ибо такого человека, как Кенси, невозможно было победить. И Джэймтон никогда не предал бы своей веры.

И разве не сказал мне об этом сам Джэймтон, ясно и четко? «Позвольте мне свидетельствовать только от своего имени», — и продолжал объяснять мне, что, даже если вся Вселенная развалится вокруг него и даже если его Бог и вера окажутся фальшивыми, то, что существует в нем самом, останется неприкосновенным.

Точно так же не забыл бы свой долг и не оставил бы свой пост Кенси. Он сражался бы в одиночестве, даже если бы против него были брошены целые армии. Ибо они могли его только

убить, но победить — никогда.

И даже если бы все вычисления и теории Падмы вдруг, в один момент, оказались опрокинутыми, было бы доказано, что они неправильны и беспочвенны, — даже это не смогло бы поколебать его уверенности в эволюции человеческого духа, во имя которой он работал.

Ничего удивительного в том, что я оказался побежден; это мне всегда предсказывал еще Матиас. У меня никогда не было шанса на победу.

И снова я вернулся в этот день, под этот ливень, но чувствовал себя словно подрубленный куст, а не человек.

Колени мои подогнулись, и Падма поддержал меня. Как раньше с Джэймтоном, я почему-то удивился силе его рук.

— Отпустите меня, — пробормотал я.

— И куда же ты отправишься, Там? — спросил он.

— Куда-нибудь, — промямлил я. — Я больше не хочу участвовать во всем этом. Найду какую-нибудь нору и зароюсь в нее. Я сдаюсь.

Наконец мне удалось выпрямить свои ослабевшие колени.

— Все не так просто, — сказал Падма, отпуская меня, — Поступок постоянно отдается эхом. Причина всегда вызывает следствие. Ты не можешь выйти из игры. Ты можешь лишь перейти на другую сторону.

— Сторону? Какую сторону? — Я тупо уставился на него.

— Та сила внутри человека, которая направлена на борьбу против его же собственной эволюции, — это сторона вашего дяди, — пояснил Падма. — Но есть еще сторона эволюции — наша сторона.

Теперь дождь едва моросил. Небольшое бледное солнце проглядывало сквозь тучи, освещая стоянку.

— Обе эти силы — мощные ветры, изгибающие ткань человеческих взаимоотношений даже в то время, когда эта ткань находится в процессе становления. Я давно уже сказал вам, Там, что для вас нет иного выбора, кроме как эффективно воздействовать так или иначе на модель развития человечества. У вас нет свободы, но есть возможность выбора. Поэтому вам нужно лишь решиться и обратить вашу силу на помощь ветру эволюции, а не противодействовать ему.

Я покачал головой.

— Нет, — пробормотал я. — Все это бесполезно. Вы это знаете. Вы видели. Я направил против Джэймтона и небо, и землю, и политику всех шестнадцати миров. И все же он победил. Я ничего не могу сделать. Оставьте меня в покое.

— Там, откройте глаза — и вы увидите вещи такими, какие

они есть на самом деле. Вы уже вовлечены в ход событий. Послушайте меня.

Казалось, его странные глаза на мгновение отразили солнечный свет.

— Некая сила вторглась в ход развития событий на Сент-Мари в виде индивида, потрясенного личной потерей и ориентированного на насилие. Это были вы, Там.

Я покачал головой, хотя понимал, что он прав.

— Ваши сознательные действия оказались заблокированы, — продолжал Падма, — но скрытую энергию нельзя сдерживать долго. Когда вы потерпели поражение от Джэймтона, сила, которую вы приложили ко всей ситуации в целом, не исчезла. Она лишь сохранила свое воздействие на ход событий, передавшись другому индивидууму.

Я облизнул губы.

— И кто же этот индивидуум?

— Ян Грэйм.

Я изумленно уставился на него.

— Ян нашел трех убийц своего брата в номере отеля в Бловене, — продолжил Падма, — Он убил их собственными руками — и таким образом успокоил своих солдат, а также сорвал планы Голубого фронта. Но затем Ян подал в отставку и вернулся домой на Дорсай. Теперь им владеет то же чувство горечи и потери, каким были заряжены вы, когда прибыли на Сент-Мари.

Падма помедлил.

— Сейчас он обладает огромной способностью влиять на события. И как это отразится на модели будущего — пока неизвестно.

Он снова помедлил, наблюдая за мной своими необычными глазами.

— Видите, Там, — продолжил он через мгновение, — как люди вроде вас никак не могут уйти от воздействия на развитие событий? Я уже сказал вам, что вы можете только занять какую-либо сторону.

Его голос смягчился.

— Я должен напомнить вам, что вы по-прежнему заряжены — только теперь уже иной силой. Самопожертвование Джэймтона, пытавшегося спасти своих людей, изменило вас.

Эти слова были подобны удару кулака в живот — и удару сильному, вроде того, что я нанес Джэнолу Марату, когда бежал из штаба Кенси. И, несмотря на лившийся на нас солнечный свет, меня начало трясти.

Все именно так. Я не мог этого отрицать. Я насмехался над

любой верой, составляя планы и раскручивая все так, как мне того хотелось. Джэймтон, отдав свою жизнь во имя веры, расплавил и изменил меня, как молния плавит и изменяет поднятый вверх клинок меча, когда внезапно ударяет в него.

— Это бесполезно, — произнес я, все еще дрожа, — Это ничего не меняет. Я недостаточно силен, чтобы что-то сделать. Все ушло на борьбу против Джэймтона, но он выиграл.

— Вы сражались все время против своей собственной натуры, одновременно сражаясь с ним, — произнес Падма. — Посмотрите на меня, Там.

Я взглянул на него, и его карие глаза притянули меня, как магнитом.

— Цель моего приезда сюда все еще не достигнута, — произнес он, — Помните, Там, как в офисе Марка Торре вы обвинили меня в гипнотическом воздействии?

Я кивнул.

— Это был не гипноз — или не совсем гипноз, — произнес он. — Все, что я сделал, — это просто помог вам открыть канал между вашим сознательным и подсознательным «я». А теперь, после Джэймтона, у вас хватит смелости позволить мне еще раз приоткрыть этот канал?

Его слова повисли в воздухе. И в это мгновение из церкви донесся сильный, гордый голос, читавший молитву. Я увидел солнце, пытающееся пробиться сквозь облака над нашими головами. И в то же время перед моим мысленным взором предстали темные стены долины, описанные мне Падмой тогда, в Энциклопедии. Они по-прежнему высились, нависая надо мной с обеих сторон. Только на этот раз впереди сиял яркий свет.

Я вспомнил о молниях, и сама мысль о попытке вновь оказаться там наполнила меня болезненной безнадежностью. Я уже не был так силен, чтобы лицом к лицу оказаться с молниями. А быть может, и никогда не был.

— Ибо был он воином своего народа, который есть народ Господен, и воином Господа, — доносилась до нас молитва, — и ни в чем он не изменил Господу, который есть Отец наш и Владыка всемогущий и правый. И пусть он покинет нас и придет в ряды тех, кто, скинув с себя оковы жизни, будут благословенны в Господе.

Я услышал это, и неожиданно чувство несомненного возвращения домой, в вечную твердыню непоколебимой веры моих предков, наполнило меня. И ряды тех, кто никогда не испытывал колебаний, сомкнулись вокруг меня. И в это мгновение я вдруг ощутил, что должен был чувствовать Джэймтон, находясь рядом со мной и стоя перед необходимостью

выбора жизни или смерти для себя на Сент-Мари.

— Начинайте, — услышал я свой голос.

И оказался во тьме. Меня швыряло и било, и бросало в окружившем меня яростном и сильном смерче. Я старался выбраться к свету и открытому воздуху поверх этих ураганных туч. Но усилия оказались недостаточны, и я покатился вниз. Вниз, а не вверх — и тогда наконец я понял.

Все эти годы я создавал в себе этот смерч жестокости, мести и разрушения. И как я обращал эту силу против других, так теперь она обратилась против меня самого, унося все ниже и ниже, все дальше во тьму, пока свет не померк в моих глазах.

И я падал вниз, но когда уже затерялся в полной тьме и готов был сдаться, то обнаружил, что не могу. Что-то во мне не желало этого. Оно продолжало и продолжало сражаться.

Именно это так никогда и не смог убить во мне Матиас. В этом были Леонид и его триста спартанцев, защищавших Фермопилы; скитания израильтян по пустыне и переход Красного моря; сияние Парфенона на Акрополе и тьма дома моего дяди.

Все это было во мне — непреклонный дух людей, которые не желали сдаваться.

Я пытался поразить Джэймтона в том, в чем он был сильнее всего, — исключительно из-за моей собственной слабости. Именно это имел в виду Падма, когда говорил мне, что я сражаюсь против себя, хотя сражался я с Джэймтоном. Вот почему я проиграл, противопоставив мое ничем не подкрепленное неверие его несгибаемой вере. И все это было скрыто во мне!

Теперь я это понимал. И словно звон победных колоколов, зазвучал голос Марка Торре, что-то говорящий мне. И голос Лизы — именно она понимала меня гораздо лучше, чем я сам. И когда я подумал о ней, то опять услышал голоса.

Они снова окружили меня, как это было в тот день, в Точке Перехода Индекс-зала Конечной Энциклопедии. Голоса сомкнулись вокруг подобно крыльям, унося меня вверх, неудержимо вверх, сквозь мятущуюся тьму. Я ощутил чувство бесстрашия, родственное бесстрашию Кенси, веру, подобную вере Джэймтона, и жажду познания — не меньшую, чем у Падмы.

И при этом все, взращенное во мне Матиасом — зависть, страх перед людьми молодых миров, — смыло с меня раз и навсегда. Будучи человеком Земли, я являлся исходным базовым материалом и одновременно был частью их всех, там, на Молодых мирах, и нес в себе самом частицу каждого из них.

Наконец я прорвался сквозь тьму на свет — и вдалеке, словно в конце длинного тоннеля, я увидел Падму.

— Теперь вы видите, — говорил он, — почему так нуждается

в вас Энциклопедия. Вы, в самом себе преодолев пропасть между людьми осколочных культур и теми, кто рожден на Земле, сможете внести свое видение этого в Энциклопедию. Так что, когда она будет достроена, она во многом сможет помочь тем, кто этого не видит, и таким образом начнется неизбежный процесс воссоздания, когда люди осколочных культур воссоединятся с человеком Земли — базовым человеческим материалом, — создав человека новой формации.

Мощный взгляд Падмы, казалось, на мгновение смягчился под лучами солнца. И улыбка слегка погрустнела.

— Вы проживете дольше меня и увидите больше. До свидания, Там.

Неожиданно перед моими глазами возникла Энциклопедия — какой она должна быть в моем представлении. Я буду работать иначе, чем Марк Торре. Я сохраню его имя как символ и видимость того, что Энциклопедия продолжает строиться в соответствии с подготовленными им планами. Я стану лишь одним из членов Совета Управляющих, которые теоретически будут иметь равные со мной полномочия.

Но в действительности управление я незаметно возьму в свои руки. Путешествуя по Земле, я буду одновременно следить за строительством, а также подавлять усилия тех, кто попытается противодействовать созданию Энциклопедии.

Но Падма уже повернулся, чтобы покинуть меня. Я не мог просто так отпустить его. С трудом я оторвал свой мысленный взор от будущего и вернулся назад, в день сегодняшний, к ослабевающему дождю и усиливающемуся свету солнца.

— Подождите, — произнес я. Он остановился и повернулся ко мне. Мне было трудно выразить сейчас то, к чему я пришел. — Вы…

Язык отказывался мне повиноваться.

— Вы не сдались. Вы верили в меня все это время.

— Нет, — ответил он.

Я непонимающе смотрел на него. Но он лишь покачал головой.

— Я должен был верить результатам моих вычислений, — Он слегка улыбнулся, словно извиняясь. — А мои вычисления не оставили никакой надежды относительно вас. Помните прием в честь Донала Грэйма на Фрайлянде? У нас уже имелось довольно много информации, полученной из Энциклопедии за пять лет, но все-таки возможность вашего самоспасения казалась слишком незначительной, чтобы планировать что-либо. Даже на Маре, когда мы вас вылечили, вычисления по-прежнему не давали вам почти никакого шанса.

— Но… но вы оставались все время рядом со мной… — запинаясь, выдавил я, уставившись на Падму.

— Не я. Только Лиза, — ответил он. — Она так никогда и не сдавалась в отношении вас, начиная со случая, что произошел в офисе Марка Торре. Она рассказала нам, что нечто… нечто подобное искре проскочило между вами, когда вы с ней разговаривали во время экскурсии, еще до того, как вы прошли в Индекс-зал. Она верила в вас даже тогда, на приеме в честь Грэйма, а вы отшвырнули ее. И когда мы начали лечить вас на Маре, она настояла на том, чтобы включиться в процесс лечения, так что мы эмоционально связали ее с вами.

— Связали. — Это слово не имело для меня никакого смысла.

— Да, теперь, если она вас когда-нибудь потеряет, то будет страдать так же, если не сильнее, как страдал Ян Грэйм из-за потери своего брата-близнеца — Кенси.

Он замолчал и посмотрел на меня. Но я по-прежнему не мог собраться с мыслями.

— Я все еще… не понимаю, — произнес я.

— Никто из нас, насколько показывали наши расчеты тогда, не понимал, да и сейчас не может понять, что произошло. Наверное, если она была к вам привязана, то, естественно, и вы, в свою очередь, были привязаны к ней. Но это походило на попытку привязать стрижа нитью к пальцу гиганта. Правда, Лиза считала, что это все равно может чем-то помочь.

Он повернулся.

— До свидания, Там.

Я смотрел, как он идет в по-прежнему туманном, но светлеющем воздухе к церкви, из которой доносился голос, объявляющий номер последнего псалма.

И я понял, что давно уже моя одинокая душа ответила взаимностью на любовь Лизы, но я просто себе в этом не признавался. Теперь же во имя этой любви я хотел жить.

Стрелка моего жизненного компаса резко развернулась на сто восемьдесят градусов, и я увидел все отчетливо и ясно, в совершенно новом свете. Ничто не переменилось для меня, ничуть не уменьшились ни моя жажда нового, ни мои амбиции или желания, за исключением того, что я развернулся в противоположном направлении. Я рассмеялся вслух, ибо увидел цель, которая просто являлась противоположностью предыдущей.

РАЗРУШАЙ — СОЗИДАЙ!

СОЗИДАЙ — ясный и простой ответ, который я искал все эти годы, чтобы отринуть Матиаса с его пустотой. Именно для этого я и был рожден, именно это было заключено в Парфеноне, в Энциклопедии, во всех сынах человеческих.

Я родился таким же, как и все мы — за исключением сбившихся с пути, — созидателем, а не разрушителем, человеком, назначением которого было творить, а не уничтожать. Как в тумане, ослабевший, я наконец отвернулся от церкви, подошел к своей машине и забрался в нее. Дождь почти полностью прекратился, небо очистилось, воздух был чист и свеж.

Я открыл боковые окна машины, когда выезжал со стоянки на дорогу, ведущую в космопорт. И через открытое окно позади себя услышал, как в церкви снова запели.

Это был боевой гимн квакерских воинов. И пока я ехал по шоссе, голоса громко неслись мне вслед, но они звучали не грустно, словно прощаясь, а подобно маршу, исполняемому людьми, отправляющимися в путь на заре нового дня.

Солдат, не спрашивай себя,
что, как и почему.
Коль знамя в бой тебя ведет —
шагай вослед ему!

И по мере того как я отъезжал все дальше и расстояние между мной и церковью увеличивалось, голоса, казалось, сливались, пока не начали звучать как один мощный голос. Небо в лучах сияющего солнца блистало ослепительной голубизной, словно знамя армии, марширующей вперед, в неизведанные земли.

И еще долгое время я слышал позади себя это пение, пока ехал в космопорт, к кораблю, что умчит меня на Землю, к Лизе, ожидающей меня там в лучах солнечного света.

Дух Дорсая

Воин

(© Перевод П. Киракозова)

Земля, 2269

Посадка космического лайнера, прибывшего с планет Новая Земля и Фрайлянд, обращающихся вокруг Сириуса, из-за перегруженности космопорта Лонг-Айленд-Саунд, задерживалась. Двум полицейским лейтенантам, переминающимся с ноги на ногу на ледяном бетоне поля, пришлось поднять воротники плащей, чтобы хоть как-то защититься от порывов ветра, несущего хлопья мокрого снега. Снежинки, попадая на незащищенные участки кожи, казалось, впивались в них ледяными иглами, будто серое ноябрьское небо специально припасало их для этого случая и теперь непрерывно и безжалостно швыряло вниз; даже бетон взлетного поля как будто колыхался под мириадами белых полчищ.

— Ну, наконец-то, — с облегчением вздохнул Тайберн, лейтенант полиции Манхэттенского комплекса, рискнувший всмотреться в завьюженное небо. — Давай сразу договоримся — говорить с ним буду я.

— Да ради бога, — отозвался Бриган, офицер полиции космопорта, — Мое дело вообще только представить вас друг другу — ну и, само собой, это моя епархия. Даром не нужен мне этот ваш Кенебак со всеми его миллионами и дружками-мафиози. По мне, так пусть бы этот солдат добрался до его глотки.

— Боюсь, все выйдет наоборот, — заметил Тайберн, — скорее он доберется до глотки этого солдата — потому-то я и здесь. Сам же знаешь.

Гигантская туша межзвездного корабля наконец прочно обосновалась на бетонном поле. До него было ярдов двести. Из нижней части корабля на землю опустился трап, похожий на металлическую ногу, и началась высадка пассажиров. Среди них полицейские сразу заметили того, кого поджидали.

— Ну и верзила, — пробормотал Бриган с благоразумием человека, дело которого — сторона, когда они двинулись навстречу.

— Да все эти профессиональные вояки с Дорсая — здоровенные парни, — ответил Тайберн немного раздраженно и поежился под очередным порывом холодного ветра. — Они там специально таких выращивают.

— Знал, что они крупные ребята, — заметил Бриган, — но чтобы настолько…

До первой партии пассажиров, среди которых был и нужный им человек, оставалось совсем немного. Тайберн и Бриган двинулись прямо к нему. Теперь, даже несмотря на мокрый снег, были ясно различимы черты его смуглого, невозмутимого лица, высящегося над головами окружавших его остальных пассажиров. Благодаря превосходной выправке даже цивильное платье казалось на нем военной формой. Тайберну раньше тоже доводилось видеть профессиональных солдат с Дорсая, и их трудно было с кем-либо спутать. Но этот человек был своего рода воплощением дорсайского духа.

Он был одним из двух братьев-близнецов. Только сейчас Тайберн вспомнил, что он читал об этом в досье полицейского управления. Звали их Ян и Кенси, и происходили они из семейства Грэймов, живущего в округе Форали на Дорсае. В материалах досье было особо отмечено, что большая часть привлекательных черт досталась Кенси, в то время как его брат Ян получил в наследство двойную порцию мрачности и необщительности.

Глядя на приближающегося к ним человека, Тайберн уже не сомневался в том, что в досье излагалась чистая правда. Ему, продрогшему до костей и с ног до головы залепленному мокрым снегом, на мгновение вдруг даже вспомнилось услышанное однажды мнение, что если бы все рожденные на Дорсае солдаты вдруг собрались на своем небольшом каменистом шарике и бросили вызов всей человеческой расе, то остальные пятнадцать миров, даже объединив силы, не имели бы ни малейшего шанса выстоять против них. В свое время Тайберну это показалось смешным. Сейчас, глядя на Яна, он уже не находил в этом высказывании ничего смешного. Такие, как Ян, похоже, и жили на свете совсем не для того, для чего жили обычные люди, — и умирали совсем за другое.

Тайберн отогнал от себя эти мысли. Этот человек — строго напомнил он себе — был просто профессиональным военным, и точка.

Ян уже почти поравнялся с ними. Полицейские двинулись через толпу, чтобы перехватить его.

— Командант Ян Грэйм? — спросил Бриган. — Я — Кай Бриган, офицер полиции космопорта. А это лейтенант Уолтер Тайберн из Управления полиции Манхэттенского комплекса. Не могли бы вы уделить нам несколько минут?

Ян Грэйм почти равнодушно кивнул. Он выбрался из толпы и двинулся рядом с полицейскими, для которых неторопливая

поступь его длинных ног задавала темп, больше похожий на спортивную ходьбу. Они направились совсем не в ту сторону, что остальные пассажиры, и прошли через металлическую дверь в торце здания космопорта, украшенную надписью «Посторонним вход воспрещен». Оказавшись внутри здания, они на лифте поднялись на самый верхний этаж и в конце концов устроились в одном из кабинетов с письменным столом и тремя креслами.

По пути Ян не произнес ни слова. И теперь он сидел в кресле, с тем же равнодушным терпением глядя на Тайберна, усевшегося за стол, и на Бригана, расположившегося справа от стола спиной к стене. Тайберн снова поймал себя на том, что с восхищением разглядывает человека, сидящего напротив него. Только на сей раз его восхитили не черты невозмутимого лица, а крупные, сильные руки мужчины, свободно лежавшие на подлокотниках кресла. Сделав над собой усилие, он все же оторвал взгляд от этих рук.

— Итак, командант, — сказал он, наконец заставив себя поднять глаза на смуглое спокойное лицо, — насколько нам известно, вы прибыли на Землю, чтобы нанести визит одному человеку.

— Ближайшему родственнику одного из моих офицеров.

Теперь, когда Ян наконец заговорил, его голос казался чуть ли не мягким. Это был спокойный, глубокий, но какой-то чересчур ровный голос человека, как будто давным-давно забывшего, что такое гнев или угрозы. Вот только есть в нем что-то печальное, подумал Тайберн.

— Уж не Джеймсу ли Кенебаку? — поинтересовался Тайберн.

— Именно, — подтвердил Ян. — Его младший брат, Брайан Кенебак, был моим подчиненным во время последней кампании на Фрайлянде. Три месяца назад его не стало.

— А что, — спросил Тайберн, — вы всегда наносите визиты родственникам своих погибших офицеров?

— По возможности да. Только они, как правило, гибнут в боях.

— Понятно, — сказал Тайберн. Кресло, в котором он сидел, вдруг показалось ему жестким и неудобным. Он попытался усесться поудобнее, — Скажите, командант, а вы, случаем, не вооружены?

Ян даже не улыбнулся.

— Нет, — ответил он.

— Конечно, конечно, — смущенно пробормотал Тайберн. — Да, в сущности, это и не важно, — Его взгляд снова, вопреки его воле, оказался прикован к крупным, расслабленно лежащим на подлокотниках кресла рукам. — Ведь… ваши конечности сами по

себе — смертельное оружие. А вам известно, что здесь у нас все профессиональные каратисты и боксеры обязаны вставать на учет?

Ян кивнул.

— Так, — произнес Тайберн. Он нервно облизнул губы и сам на себя за это рассердился. Черт бы побрал это проклятое начальство, вдруг с яростью подумал он. Почему я должен вот так сейчас сидеть здесь и разыгрывать из себя перед этим человеком полного идиота? Какое мне дело до всех связей и миллионов этого Кенебака?!

— Ладно, комендант, послушайте, — сурово заговорил он, наклонясь вперед. — Насчет вас было получено сообщение от полиции Северного Фрайлянда. Они предполагают, что вы считаете Кенебака — Джеймса Кенебака — виновником гибели его брата, Брайана.

Ян по-прежнему сидел и молча смотрел на него.

— Итак, — продолжал Тайберн, — что вы на это скажете?

— Командир отряда, Брайан Кенебак, — спокойно ответил Ян, — со своим отрядом из тридцати шести человек в нарушение приказа проник в расположение противника глубже, чем следовало. Отряд попал в окружение и был практически полностью уничтожен. Вернуться к своим удалось только Кенебаку и еще четверым его людям. За это в соответствии с кодексом наемников он был отдан под трибунал по обвинению в преднамеренном превышении своих полномочий в условиях боевой обстановки. Те четверо, что вернулись с ним, дали показания против него, и я приказал его расстрелять.

Ян замолчал. Голос его на протяжении всего рассказа оставался совершенно ровным, но в его тоне звучала такая непреклонность, что, после того как он умолк, возникла пауза. Тайберн и Бриган продолжали смотреть на него будто в трансе. И только когда тишина начала эхом отдаваться в ушах Тайберна, он вновь пришел в себя.

— Но тогда непонятно, при чем здесь Джеймс Кенебак, — сказал Тайберн. — Допустим, Брайан совершил военное преступление и был казнен. Вы говорите, что сами отдали приказ о расстреле. Значит, если кто и повинен в смерти Брайана Кенебака, то, с моей точки зрения, только вы. Зачем же взваливать вину за гибель на человека, который все это время провел здесь, на Земле, — на Джеймса Кенебака?

— Брайан, — сказал Ян, — был его братом.

Это бесстрастное заявление в тихом, ярко освещенном кабинете прозвучало очень холодно и спокойно. Тайберн вдруг осознал, что его руки, лежащие на крышке стола, непроизвольно

сжались в кулаки. Чтобы успокоиться, он сделал глубокий вдох и заговорил ровным и официальным тоном.

— Комендант, — сказал он, — Не стану делать вид, что понимаю вас. Вы уроженец Дорсая и таким образом являетесь представителем одной из осколочных культур, разбросанных среди звезд. С другой стороны, я — старомодный обитатель матушки-Земли, но я еще и полицейский Манхэттенского комплекса, а Джеймс Кенебак… ну, скажем, один из живущих в нем налогоплательщиков.

Он вдруг понял, что говорит все это, стараясь не смотреть на Яна. Он заставил себя поднять взгляд и увидел темные, неподвижные глаза собеседника.

— Моя обязанность сообщить вам, — продолжал Тайберн, — что, по имеющейся у нас информации, вы собираетесь неким образом отомстить Джеймсу Кенебаку за гибель Брайана Кенебака. Разумеется, это всего лишь предположения, и до тех пор, пока вы будете соблюдать законы Земли, вы вольны отправляться куда угодно и посещать кого вам заблагорассудится. Но учтите, комендант, — это Земля.

Он сделал паузу, надеясь, что Ян шевельнется или издаст хоть какой-нибудь звук, но тот продолжал сидеть неподвижно и ждать.

— Видите ли, комендант, здесь не действует ваш кодекс наемников, — решительно продолжал Тайберн. — У нас здесь нет ни кровной мести, ни права сильного. Зато у нас есть закон. И закон этот гласит, что человек может быть кровавым убийцей, но до тех пор, пока он не предстанет перед судом и не будет признан виновным, ни один волос не должен упасть с его головы. Я не собираюсь сейчас начинать дискуссию о том, правильный этот принцип или нет, просто дело обстоит именно так, а не иначе. — Тайберн, не отрываясь, смотрел в темные глаза. — Так вот, — откровенно продолжал он, — я уверен, что, если вы твердо решили попытаться любой ценой прикончить Кенебака, я вряд ли смогу помешать вам.

Он снова замолчал и несколько мгновений ждал ответа. Но Ян по-прежнему молчал.

— Я знаю, — продолжал Тайберн, — что вы можете просто подойти к нему, как любой обычный человек, и попытаться убить его голыми руками. Вряд ли кто-нибудь сможет вас остановить. В этом случае и я буду бессилен помешать вам. Зато, если вы все же совершите убийство, я смогу задержать вас и проследить, чтобы вас должным образом судили и затем казнили. И не сомневайтесь, вы будете схвачены и осуждены. Понимаете, комендант, здесь, на Земле, вам не удастся убить Джеймса

Кенебака так, как вы привыкли убивать, и надеяться, что вам сойдет с рук.

— Понимаю, — отозвался Ян.

— Вот и отлично, — глубоко вздохнув, сказал Тайберн. — Значит, понимаете. Вы же здравомыслящий человек и к тому же профессионал, дорсаец. Из того, что мне удалось узнать о ваших обычаях, я сделал вывод, что одним из основных ваших принципов является убежденность в бессмысленности жертвования жизнью в безнадежном деле. А ваши намерения свести с Кенебаком счеты за гибель его брата — дело совершенно безнадежное.

Он остановился. Ян шевельнулся, как будто собираясь встать.

— Не спешите, — остановил его Тайберн.

Он подошел к самой трудной части беседы. То, что он собирался сейчас сказать, было заранее приготовлено, и он даже несколько раз повторил эти слова про себя, но сейчас вдруг уверенность в том, что удастся переубедить Яна, исчезла.

— Позвольте еще пару слов, — начал Тайберн. — Вы человек, привыкший к походной жизни, к сражениям, одним словом — человек сугубо военный, и, должно быть, думаете о себе как об исключительном бойце. Но здесь, на Земле, все то, что вы умеете, в основном является противозаконным. А без использования своих специальных навыков вы становитесь практически беспомощным. Кенебак же, напротив, в данном случае обладает перед вами всеми возможными преимуществами. У него куча денег — миллионы. У него связи, многие из нитей которых тянутся в самые недра преступного мира. К тому же он родился и вырос здесь — в Манхэттенском комплексе, — Тайберн смотрел на высокого темноволосого человека с искренним сочувствием, надеясь, что он все же поймет, — Вы понимаете, что я имею в виду? Ну, скажем, если однажды вас найдут убитым, нам, возможно, просто не удастся привлечь Кенебака к ответственности за вашу гибель. И наоборот, за его гибель мы с легкостью сможем и обязательно заставим вас ответить. Подумайте над этим.

Он сидел и смотрел на Яна. Но тот по-прежнему был невозмутим, и неясно было, дошел до него смысл сказанного Тайберном или нет.

— Спасибо, — сказал Ян, — Если у вас все, то я, пожалуй, пойду.

— Да, это все, — ответил Тайберн, ощутив горечь поражения. Он молча смотрел вслед Яну, выходящему из кабинета. Только после того, как дверь за дорсайцем закрылась, он взглянул на Бригана, и самоуважение хоть немного вернулось к нему, потому

что Бриган был бледен как мел.

Ян прошел через здание космопорта и на улице взял такси. Добравшись до Манхэттенского комплекса, он остановился в отеле «Джон Адамс». Сняв номер на четырнадцатом этаже крыла для приезжих, он сразу же навел справки о том, в каком номере секции для постоянных обитателей проживает Джеймс Кенебак, и отправил ему записку с просьбой назначить встречу. После этого он поднялся к себе, распаковал вещи, которые как раз доставили из космопорта, и достал небольшой запечатанный пакет. Как раз в этот момент раздался мелодичный звон и из доставочного отверстия в стене на поддон выпал листок бумаги. Ян взял его и увидел, что это его записка, на обратной стороне которой было написано:

«Поднимитесь. К.»

Он сунул записку и пакет в карман и вышел из номера. Тайберн, следовавший с ним до самого отеля и наблюдавший с помощью скрытых камер в стенах и на потолках за всеми действиями Яна в отеле с самого момента его прибытия, даже привстал с кресла в пустующем номере, что располагался прямо над апартаментами Кенебака и на время был превращен в полицейский наблюдательный пост. Затем Тайберн в бессильной ярости выругался и, снова усевшись, продолжал следить за тем, как Ян идет по коридору к ближайшему лифту. Пока ничего противозаконного не произошло, и полицейскому оставалось только сидеть, уставившись в экран.

Он видел, как Ян быстро пересек застеленный мягким ковром холл, вошел в лифт и поднялся на восьмидесятый этаж. Там он оказался перед дверью из толстого стекла, ведущей в секцию отеля для постоянных обитателей. Он поднес записку Кенебака к экрану дежурного так, чтобы можно было разобрать написанное, и только после этого дверь с тяжелым вздохом распахнулась, впуская его. Он двинулся дальше, дошел до следующего лифта и поднялся еще на тринадцать этажей. Перед ним распахнулись створки черных дверей, и он шагнул в небольшой холл, где его сразу обступили трое людей.

Все трое были весьма внушительными — один из них с худым длинным лицом выглядел даже крупнее Яна, и выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Тайберн, наблюдая за происходящим с помощью камеры, накануне вмонтированной в потолок холла, сразу узнал эту троицу по фотографиям из полицейских архивов. Это были наемные убийцы, вызванные Кенебаком сразу же, как только он узнал о предстоящем прибытии Яна, — вооруженные, безжалостные и готовые, не задумываясь, спустить курок — одним словом, бешеные псы

преступного мира. Сразу оказавшись в их окружении, Ян застыл в полной неподвижности. После этого в холле все как-то странно замерло.

Громилы явно пребывали в нерешительности. Они собирались обыскать Яна, понял Тайберн, и в ходе обыска, возможно, спровоцировать его. Но что-то их остановило, словно в атмосфере холла произошла какая-то внезапная перемена. Тайберн, даже просто наблюдая за ними издалека, как и они, почувствовал ее, но сначала не понял, в чем дело. Потом его осенило.

Все дело было в Яне — в том, как он стоял. Он, понял Тайберн, просто… ждал. С тем же терпеливым безразличием, которое Тайберн заметил в нем еще тогда, во время беседы в космопорте. За какую-то долю секунды, едва успев шагнуть в холл, он обнаружил присутствие там этих людей, оценил их и остановился. Теперь уже ждал он, чтобы первый ход сделал кто-нибудь из них.

Тайберну и тем троим, что окружали Яна, вдруг стало абсолютно ясно, что первому, кто дотронется до Яна, первым же придется испытать на себе силу рук дорсайского солдата — а это означало верную смерть.

Впервые в жизни Тайберн понял, какое воздействие оказывает на людей воин-дорсаец, причем безмолвно. Может, трое, окружавшие Яна, и были бешеными псами, но Ян в таком случае был волком. Теперь Тайберн понял, в чем разница. Псы — даже бешеные псы — дерутся, но побежденный пес, если может, старается удрать. Волк же никогда не бежит с поля боя. И побеждает во всех схватках, кроме одной — той, в которой он гибнет.

Через мгновение, когда стало ясно, что никто из убийц не собирается двигаться с места, Ян шагнул вперед. Он миновал их, открыл следующую дверь и вошел. В просторной гостиной, дальнюю стену которой почти целиком занимало огромное окно, было множество богато одетых мужчин и женщин. Они стояли, сидели, беседовали, держа в руках стаканы с коктейлями. Казалось, на его появление люди не обратили ни малейшего внимания, однако почти все краем глаза наблюдали, как он пересек комнату.

Ян решительно направился к человеку, стоящему возле окна, — почти такому же высокому, как и он, с горделивой осанкой, атлетического сложения, с симпатичным волевым лицом, обрамленным светлыми, почти белыми волосами. Он с каким-то недоверием наблюдал за приближением дорсайца.

— Грэйм?.. — произнес он тогда, когда Ян наконец оказался

перед ним. Растерявшись на мгновение, он утратил над собой контроль, и в его голосе отчетливо послышались отголоски полублатного взвизга и природной грубости, до этого тщательно скрывавшейся. — А мои ребята… вы им… — он запнулся, — ничего не оставили, входя сюда?

— Нет, — ответил Ян, — А вы, конечно же, Джеймс Кенебак. Вы очень похожи на брата.

Кенебак молча уставился на него.

— Минуточку, — проговорил Кенебак. Он поставил стакан, повернулся и, быстро пройдя сквозь толпу гостей, вышел в холл, хлопнув за собой дверью. Разговоры смолкли, и во внезапно наступившей тишине из холла явственно донеслись звуки краткой яростной перебранки, вскоре стихшей. Кенебак вернулся в гостиную. От гнева на скулах у него горели два ярко-красных пятна. Он снова подошел к Яну.

— Да, — сказал он, останавливаясь перед Яном, — Они должны были… предупредить меня о вашем приходе, — Он замолчал, очевидно ожидая, что Ян что-нибудь скажет в ответ, но тот по-прежнему молча стоял перед ним и изучающе его разглядывал. Так продолжалось до тех пор, пока красные пятна снова не разгорелись на лице у Кенебака.

— Итак? — резко произнес он. — Слушаю вас. Вы ведь пришли ко мне поговорить насчет Брайана, верно? Я готов. — И не дав Яну сказать что-нибудь, он неожиданно грубо добавил: — Я и так знаю, что его расстреляли, так что этой новостью меня не удивишь. Должно быть, вы явились рассказать мне, как перед расстрелом он проявил себя настоящим героем… отказался от повязки на глаза и все такое…

— Нет, — покачал головой Ян. — Ничего героического в его смерти не было.

Высокий мускулистый Кенебак при этих словах слегка вздрогнул, будто от выстрелов невидимой расстрельной команды.

— Вот так… здорово. — Он недовольно рассмеялся, — Значит, вы пролетели столько световых лет, чтобы повидаться со мной, а теперь говорите такое! А я-то думал, вы были дружны с ним — даже любили Брайана.

— Я любил его? Нет, — Ян помотал головой. Кенебак застыл, на его лице мелькнуло выражение крайнего удивления. — Понимаете, — продолжал Ян, — он был очень честолюбив. Поэтому и солдат из него получился никудышный, а уж офицер-то и вовсе никакой. Я бы с радостью избавился от него, если бы военные действия на Фрайлянде не начались так внезапно. Ведь по его вине погибло тридцать два человека.

— Ах вот оно что! — Кенебак наконец взял себя в руки и

теперь с кислой миной смотрел на Яна. — Значит, все дело в этих тридцати двух погибших. Вы считаете, что их гибель на вашей совести… Так, что ли?

— Нет, — ответил Ян.

Он произнес это слово довольно невыразительно, но Тайберну, слушающему наверху, показалось, что в этом коротком отрицательном ответе прозвучало какое-то презрение к человеку, задавшему подобный вопрос. На щеках Кенебака снова заалели яркие пятна.

— Значит, вы не любили Брайана и совесть вас тоже не мучает… для чего же вы тогда вообще явились сюда? — резко бросил он.

— Это мой долг, — сказал Ян.

— Долг? — Лицо Кенебака застыло и напряглось.

Ян полез в карман, будто хотел отдать оружие окружившему его неприятелю. Из кармана он достал пакет.

— Я привез вам личные вещи Брайана. — Он повернулся и положил пакет на столик возле Кенебака. Кенебак молча уставился на него. Все краски вдруг схлынули с его лица, и оно побелело, как его шевелюра. Потом он медленно, неуверенно, словно опасаясь какого-то подвоха, протянул руку и осторожно взял пакет со стола. Уже держа его, он обернулся к Яну и почти искательно взглянул ему в глаза.

— Это здесь? — спросил Кенебак голосом немногим громче шепота, сделав странный упор на первое слово.

— Там вещи Брайана, — повторил Ян, пристально глядя на него.

— Ну да… конечно. Само собой, — сказал Кенебак. Он явно старался взять себя в руки, но голос его все еще был тих, как шепот. — В таком случае… наверное, это все.

— Да, все, — подтвердил Ян. На мгновение их взгляды встретились. — До свидания. — Ян подернулся и направился сквозь притихшую толпу гостей к выходу. На сей раз в холле было пусто. Он вошел в лифт и спустился к себе в номер.

Тайберну, имевшему ключ от служебного лифта, в отличие от Яна не нужно было пересаживаться с лифта на лифт и поэтому, когда тот вернулся, он уже находился в номере. Ян, похоже, ничуть не удивился, увидев у себя в апартаментах Тайберна. Он только мельком взглянул на полицейского и сразу направился к бутылке дорсайского виски, которое по его заказу доставили в номер.

— Ну, кажется, обошлось! — с облегчением воскликнул Тайберн, — Вам удалось встретиться с ним, и он позволил вам уйти. Так что можете спокойно паковать вещи и отправляться

восвояси.

— Нет, — сказал Ян, — вовсе не обошлось. — Он налил себе в стакан на несколько дюймов терпкого темного виски и, держа бутылку над вторым стаканом, спросил: — Будете?

— Я на службе, — резко ответил Тайберн.

— Все равно еще придется подождать, — спокойно произнес Ян.

Он плеснул немного виски во второй стакан и, взяв оба, подошел к Тайберну, протягивая ему напиток. Тайберн машинально взял его. Ян отошел к высокому, до потолка, окну. Уже наступила ночь, но в призрачном свете городских улиц за окном можно было различить мелькание снежинок, тщетно пытавшихся проникнуть сквозь прозрачную преграду.

— Черт возьми, никак не могу понять, чего вы добиваетесь? — взорвался Тайберн, — Неужели вам не ясно, что я пытаюсь уберечь от несчастия не только Кенебака, но и вас самого. Я просто не хочу никаких смертей. Оставаясь здесь, вы просто набиваетесь на неприятности. Я ведь уже объяснял вам, что в Манхэттенском комплексе беспомощны именно вы, а вовсе не Кенебак. Неужели вы думаете, он заранее не побеспокоился о вас?

— Он ничего не предпримет, пока не будет абсолютно уверен, — ответил Ян, отворачиваясь от окна, за которым все так же буйствовали снежинки, пытаясь пробиться сквозь оконное стекло.

— Не уверен в чем? Послушайте, командант, — произнес Тайберн, стараясь говорить спокойно, — не прошло и получаса, как мы получили сообщение от полиции Северного Фрайлянда, а Кенебак уже позвонил в Управление и потребовал защитить его от вас. — Он рассерженно смолк. — И нечего так на меня смотреть! Откуда я знаю, как он узнал о вашем прибытии? Говорю же вам, он чертовски богат и у него обширные связи. Дело-то в том, что защита полиции нужна ему только для отвода глаз — чтобы спокойно сделать с вами то, что он наметил. Вы же видели этих громил у него в холле!

— Да, — без всякого выражения отозвался Ян.

— Вот и прикиньте! — Тайберн раздраженно уставился на него. — Поймите же, я стараюсь вовсе не ради Джеймса Кенебака! Ну хорошо… давайте я вам кое-что расскажу. Мы знаем, что он пытался избавиться от брата с тех пор, как Брайану стукнуло десять… но черт побери, командант, Брайан ведь тоже был не ангел…

— Знаю. — Ян уселся в стоящее напротив Тайберна кресло.

— Хорошо, допустим, знаете! Но я все равно расскажу, —

воскликнул Тайберн, — Их дед был крупной шишкой… ни одно темное дельце на восточном побережье не обходилось без него. Во времена их отца миллионы деда потихоньку стали перекачивать в легальный бизнес. Третье поколение — Джеймс и Брайан — уже не унаследовали ни единого незаконного цента. Черт, да мы, если бы и захотели, ни того, ни другого даже за неправильный переход улицы не смогли бы оштрафовать. Их папаша умер, когда Джеймсу было двадцать, а Брайану только десять, и после его смерти с их фамильного белья исчезли серые пятна. Но семья никогда полностью не порывала с преступным миром, командант.

Ян, сжимая стакан в руке, чуть ли не с любопытством смотрел на Тайберна.

— Неужели вы не понимаете? — наконец взорвался Тайберн. — Говорю вам: официально, с точки зрения закона, Кенебак чист как стеклышко. Но его семейство испокон веку принадлежало к преступному миру, он получил чисто бандитское воспитание, и образ мыслей у него соответствующий! Он вовсе не собирался терпеть возле себя Брайана и делить с ним корону наследного принца — вот он и решил избавиться от дорогого братца. Но не мог же он просто убить его! Поэтому он решил понемногу подрывать его веру в себя, то и дело выставлять его на посмешище, доказывать ему, что он — ни на что не годная тряпка, пока однажды Брайан не перестарался бы, доказывая самому себе, что он ничем не хуже старшего брата, и не свернул бы шею.

Ян медленно кивнул.

— Вот так! — продолжал Тайберн. — В конце концов Кенебак добился своего. Он довел парня до того, что тот сбежал и сделался профессиональным солдатом, — поступок, на который старший Кенебак никак не был способен — ведь это означало, что ему пришлось бы расстаться с выпивкой, бабами и прочими удовольствиями слишком надолго. А ведь он если чего-нибудь действительно захочет, командант, то обычно всегда добивается своего. Несмотря на уголовные замашки и несчетные миллионы, он вовсе не дурак, а свое тело непрерывными упражнениями довел до полного совершенства. И что же у нас получается?! А получается, что и здесь Брайан оказался ни на что не годен, да еще и, пытаясь сделать то, чего только и нужно было Джеймсу — погибнуть, потянул за собой почти всех своих солдат. Допустим! Но вы-то что можете сделать? Да и вообще, можно ли в данном случае что-либо исправить, учитывая старые связи Кенебака, его деньги и закон, который в данном случае на его стороне? И вообще, зачем вам лезть в это дело?

— Это мой долг, — сказал Ян. Он с отсутствующим видом проглотил половину своего виски и теперь задумчиво покачивал стакан в руке, наблюдая за тем, как плещется коричневая жидкость, затем взглянул на Тайберна. — Сами же знаете, лейтенант.

— Долг? Да при чем тут долг?! — воскликнул Тайберн. Ян перевел взгляд на снежную карусель за окном.

— Нет ничего важнее долга, — как бы размышляя, вслух произнес Ян. Голос его звучал задумчиво и глухо, — Наемные солдаты имеют право на заботу и защиту со стороны своих офицеров. И когда они гибнут по вине офицера, у них все равно остается право на восстановление справедливости, чтобы такое затем не случилось с другими. Восстановление справедливости и есть долг.

Тайберн зажмурился, и тут у него в голове будто рухнула какая-то стена.

— Справедливость для тех тридцати двух солдат, которые погибли по вине Брайана! — пробормотал он, наконец поняв, — Вот что вас сюда привело!

— Да, — кивнул Ян и поднял стакан почти к самому окну, как будто предлагая остаток виски снежным призракам, кружащимся в ночи.

— Но ведь, — Тайберн поглядел на него, — вы имеете дело с гражданским лицом. Да еще с таким, который и вооружен, и гораздо лучше вас готов ко всему…

Тут его прервал на полуслове звонок видеокоммуникатора в углу комнаты. Ян поставил пустой стакан, подошел к коммуникатору и нажал кнопку. Его широкая спина и плечи закрывали экран от Тайберна, но разговор был слышен.

— Да?

В номере раздался голос Джеймса Кенебака:

— Грэйм… послушайте!

Последовала пауза.

— Я слушаю, — спокойно ответил Ян.

— Сейчас я один, — продолжал голос Кенебака. Он говорил отрывисто и напряженно. — Гости разошлись. А я начал просматривать то, что было в пакете… — Он смолк, и Тайберну показалось, что неоконченная фраза так и осталась висеть под потолком номера. Ян позволил ей повисеть там довольно долго.

— И что же? — наконец спросил он.

— Может, я немного погорячился… — сказал Кенебак. Но тон его никак не соответствовал произнесенной фразе. Он был откровенно грубым, — Может, подниметесь ко мне сейчас… я как раз один, и мы… могли бы наконец спокойно поговорить о

Брайане.

— Сейчас поднимусь, — ответил Ян.

Он выключил коммуникатор и обернулся.

— Подождите! — Тайберн встал. — Вам нельзя туда идти.

— Как это нельзя? — взглянул на него Ян. — Вы же слышали, лейтенант, меня пригласили.

Эти слова хлестнули Тайберна по лицу, как мокрое полотенце, приводя его в чувство.

— А ведь верно… — Он ошеломленно уставился на Яна. — Но с чего бы ему снова пригласить вас к себе?

— У него появилась возможность побыть одному, — объяснил Ян, — И посмотреть, что в пакете с вещами Брайана.

— Но… — нахмурился Тайберн. — В этом пакете ведь не было ничего такого… часы, бумажник, паспорт, еще несколько каких-то бумажек… Таможня представила нам полный перечень. Там не было ничего необычного.

— Вот именно, — подтвердил Ян. — Поэтому-то он и хочет увидеться со мной еще раз.

— Но что же ему нужно?

— Ему нужен я, — ответил Ян. И, заметив недоумение Тайберна, продолжал: — Он всегда ревниво относился к Брайану. Боялся, что Брайан когда-нибудь превзойдет его. Вот он все время и старался его сломить, даже убить. А Брайан взял да и явился, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

— Брайан?..

— В моем облике, — пояснил Ян. Он повернулся, чтобы уйти.

Тайберн какое-то время смотрел, как он уходит, потом внезапно, будто пробудившись ото сна, в три прыжка нагнал его, когда Ян уже открывал дверь.

— Подождите, — рявкнул Тайберн, — Но ведь он наверняка не один. За вами сквозь стены будут следить его бандиты. И он расставил для вас ловушки…

Ян легко снял руку полицейского со своего плеча.

— Я знаю, — сказал он. И ушел.

Тайберн так и остался стоять в дверях, глядя ему вслед. Но стоило Яну войти в лифт, как полицейский начал действовать. Он бегом бросился к служебному лифту, который должен был доставить его на полицейский наблюдательный пост, оборудованный в номере над апартаментами Кенебака.

Когда Ян во второй раз вошел в холл, там было пусто. Он подошел к двери, ведущей в гостиную квартиры Кенебака, увидел, что она открыта, и вошел. Гости уже разошлись; на столиках остались пустые стаканы и пепельницы, полные окурков. Горел неяркий свет. Из кресла, стоявшего у огромного

окна в конце комнаты, поднялся Кенебак. Ян направился к нему и остановился, когда между ними оставалось не более метра.

Примерно секунду Кенебак стоял и смотрел на него. Чувствовалось, что он напряжен. Затем он сделал короткое, почти сердитое движение рукой. По этому жесту сразу стало ясно, что он прилично пьян.

— Садитесь! — предложил он.

Ян уселся в удобное кресло, а Кенебак опустился обратно в то, из которого встал было при появлении Яна.

— Выпьете? — спросил Кенебак.

На столике рядом с его креслом стоял графин и пара стаканов. Ян отрицательно покачал головой. Тогда Кенебак плеснул себе.

— В том пакете с вещами Брайана, — сразу перешел он к делу, исподлобья сверкнув белками глаз на Яна, — оказались только личные вещи. И ничего больше!

— А вы что думали там обнаружить? — спокойно поинтересовался Ян.

Пальцы Кенебака внезапно стиснули стакан. Он уставился на Яна и вдруг разразился хохотом, который в совершенно пустом помещении прозвучал довольно дико.

— Нет, нет… — громко заявил Кенебак. — Это я хочу вас спросить, Грэйм. И я намерен добиться ответа. Кстати, чего это вас понесло в такую даль ради встречи со мной, а?

— Мой долг, — ответил Ян.

— Долг? Перед кем — Брайаном, что ли? — Создавалось впечатление, что он снова собирался расхохотаться, но сдержался. Снова дико сверкнули белки глаз. — А какое вам, собственно, дело до Брайана? Вы же сами сказали, что он вам никогда не нравился.

— Это к делу не относится, — тихо произнес Ян. — Он был одним из моих офицеров.

— Одним из ваших офицеров! Он был моим братом! А это поважнее, чем быть одним из ваших офицеров!

— Нет. Только не тогда, когда речь идет о восстановлении справедливости.

— Справедливости? — усмехнулся Кенебак. — Для Брайана, что ли? И в этом все дело?

— И еще для тридцати двух человек.

— Ах да… — насмешливо фыркнул Кенебак. Тридцать два… эти тридцать два несчастных! — Он покачал головой, — Но только я никого из них, к сожалению, не знал, Грэйм, так что меня вряд ли можно винить в их гибели. Вина за их гибель целиком лежит на Брайане — на нем и на его идее — как там

было сказано в приговоре? А, да, что он и его тридцать два или тридцать шесть подчиненных могли бы совершить налет на вражеский штаб и взять в плен их командующего. И, конечно, вернуться… овеянными славой! — Кенебак снова усмехнулся, — Да вот только ничего у него не вышло. И я тут ни при чем.

— Брайан пошел на это, только чтобы произвести на вас впечатление. То есть он сделал это исключительно из-за вас.

— Из-за меня? Но разве я виноват, что он так никогда и не смог сравняться со мной? — Кенебак заглянул в стакан и быстро глотнул, после чего продолжил вертеть его в руке. Чуть улыбнувшись, он добавил: — Да, до меня ему было ой как далеко! — Он в упор посмотрел на Яна. — Просто я оказался лучше его, Грэйм. И советую вам тоже помнить об этом.

Ян не ответил. Кенебак продолжал смотреть на него. Мало-помалу он начинал злиться.

— Что, не верите мне, да? — вкрадчиво спросил Кенебак. — И совершенно напрасно. Я ведь не Брайан, и дорсайцы совершенно меня не пугают. Вот вы тут сидите передо мной, и я перед вами — совершенно один.

— Неужели? — спросил Ян.

Впервые за все то время, что Тайберн наблюдал за этими двумя из своего тайного убежища, ему послышался в голосе Яна какой-то оттенок чувства, вроде презрения — или ему просто показалось?

— Ну, конечно… не совсем! — Джеймс Кенебак снова рассмеялся, но как-то осторожно. — Я же цивилизованный человек, а не какая-нибудь деревенщина из приграничья. Но это не значит, что я должен поступать как идиот. Да, за стенами этой комнаты находятся люди, которые меня прикрывают. И глупо было бы их там не иметь. А еще у меня припасено вот это… — Он свистнул, и что-то величиной с небольшую собаку, но сделанное из гладкого темного металла, появилось из-за стоящего неподалеку дивана и по воздуху скользнуло над коврами к их ногам.

Ян пригляделся. Предмет был похож на ранец с небольшим выступом наверху, откуда торчали два металлических щупальца.

Ян слегка кивнул.

— Робомедик, — сказал он.

— Верно, — подтвердил Кенебак, — Причем настроенный реагировать на сердцебиение любого, находящегося с ним в комнате человека. Так что сами видите, вам в любом случае не поможет, даже если вы каким-либо непостижимым образом узнаете, где находятся мои люди и перебьете их. Вы убьете меня? Эта штука все равно займется мной достаточно своевременно,

чтобы моя кончина не затянулась надолго. Так что я неуязвим. Ваша карта бита! — Он рассмеялся и пнул робота ногой. — Свободен, — сказал он.

И металлический ранец скользнул обратно за диван.

— Вы же понимаете… — продолжал он. — Просто разумная предосторожность. Ничего такого во всем этом нет. Вы человек военный — а что это означает? Превосходство в силе. Превосходство в тактике. Больше ничего. Итак, я превосхожу вас в силах, в численности, делаю вашу тактику бесполезной — и что после этого остается от вас? Пшик, — Он аккуратно поставил свой стакан на столик рядом с графином, — И тем не менее я не Брайан. Я вас не боюсь. В принципе я мог бы обойтись и без всего этого.

Ян сидел и молча смотрел на него. Этажом выше Тайберн замер.

— Правда? — спросил Ян.

Кенебак уставился на него. Бледное лицо миллионера вдруг исказилось. Он внезапно побагровел. Глаза его яростно засверкали.

— Что? Хотите попробовать? — выкрикнул он. Вскочив, он оказался перед Яном, яростно размахивая руками. Тайберн сразу понял, что это была намеренно разыгранная и хладнокровно рассчитанная истерика, столь популярная среди преступников. Но откуда же Яну Грэйму об этом знать? Неожиданно Кенебак заорал: — Так что, хочешь попробовать? Думаешь, я тебя испугался?! Думаешь, я, как мой братец, сразу лягу и подниму лапки… — И он разразился многоэтажной тирадой, в которой то и дело проскальзывало имя брата. Потом он вдруг обернулся к стенам гостиной и закричал: — Можете убираться! Поняли? Убирайтесь все! Слышали, что я сказал? Все до одного, выходите!..

Отошли стенные панели, отодвинулись книжные стеллажи, и в комнату вошли четверо. Трое из них были теми, что встречали Яна в холле, когда он приходил сюда в первый раз. Четвертый практически ничем от них не отличался.

— Вон отсюда! — заорал на них Кенебак. — Все вон! Убирайтесь и не забудьте запереть за собой двери. Я сам разберусь с этим дорсайским… — Чуть ли не с пеной у рта он снова разразился бранью.

Вверху над ними Тайберн так сильно стиснул край стола, на котором стоял монитор, что пальцам стало больно.

— Это же просто трюк! — пробормотал он сквозь стиснутые зубы Яну, который никак не мог его услышать. — Он же заранее все это придумал. Неужели ты сам не понимаешь?

— У Грэйма есть оружие? — спросил полицейский-техник, специалист по устройствам слежения, сидевший справа от Тайберна.

Тот на мгновение обернулся к нему и ответил:

— Нет. А что?

— Просто Кенебак вооружен. — Техник протянул руку и постучал пальцем по тому месту на экране, где было видно, что пиджак Кенебака чуть-чуть оттопыривался.

— Пистолет.

Тайберн сжал в кулак многострадальную правую руку и в отчаянии стукнул по столу.

— Ну вот! — тем временем разорялся под ним Кенебак, поворачиваясь спиной ко все еще сидящему в кресле Яну и широко разводя руки. — Давай, попытай счастья. Дверь заперта. Думаешь, здесь еще кто-нибудь остался? Смотри! — Он повернулся и сделал пять шагов по направлению к широкому, начинавшемуся на уровне колен и доходящему до потолка окну, нажал кнопку — и окно раскрылось. Несколько снежинок успели-таки проникнуть в комнату из своего темного царства на высоте девяноста этажей, прежде чем включившееся климатизационное поле перекрыло доступ остальным их собратьям. Теперь они сияли на подоконнике маленькими блестящими капельками влаги.

Он снова приблизился к Яну, который на протяжении всей этой сцены так ни разу и не шевельнулся и не изменил выражения лица. Кенебак медленно опустился обратно в кресло — спиной к ночной тьме, холоду и снегу, царящим за окном.

— Так в чем же дело? — медленно и язвительно спросил он. — Что же вы сидите? Может, просто нервы сдали, командант?

— Мы ведь говорили о Брайане, — напомнил Ян.

— Ах да, Брайан… — как-то медленно произнес Кенебак. — Вот у кого были большие амбиции. Он страшно хотел стать таким, как я, но хотя я и сам даже старался ему помочь, ничего у него не выходило. — Он взглянул на Яна, — В том-то все и дело, у него никогда ничего не выходило то же самое и с его вылазкой в расположение противника, которая ничем, кроме провала, закончиться и не могла бы. Просто такой уж он был человек — вечный неудачник.

— В этом ему помогали, — сказал Ян.

— Что? Что вы такое несете?! — Кенебак так и подскочил в своем кресле.

— Вы помогали ему оставаться неудачником, — Ян просто констатировал факт. — С самого детства вы внушали ему, что он должен страшиться стать таким же, как вы, — всегда рисковать и

выигрывать. Только вы всегда играли наверняка, а его шансы были малы настолько, насколько это было в ваших силах.

Слышно было, как Кенебак с шипением втянул в себя воздух.

— А вам не кажется, Грэйм, что вы слишком много себе позволяете, — медленно и тихо проговорил он.

— Вы хотели, — продолжал Ян, будто его и не прерывали, — чтобы он погиб. А он все никак не погибал. И с каждым разом рисковал все больше и больше, потому что он вбил себе в голову, что должен когда-нибудь произвести на вас впечатление, — хотя, повзрослев, он в конце концов и понял, какие цели вы преследуете. Да, знал и все равно хотел доказать вам, что он вовсе не неудачник. Вы же сами внушили ему это неистребимое желание, вы просто изуродовали его еще в мальчишеском возрасте.

— Давай, давай, — прошипел Кенебак. — Только как бы тебе потом не пришлось пожалеть о своих словах.

— Поэтому он и оставил Землю и стал профессиональным военным, — уверенно и спокойно продолжал Ян, — Не потому, что его призвали в армию, как какого-то парнишку с Ньютона, и не потому, что он был потомственным профессионалом с Дорсая или просто был голоден, как какой-нибудь шахтер с Коби, а исключительно для того, чтобы доказать, как вы в нем ошибались. Он нашел единственную сферу деятельности, в которой вы не в состоянии были с ним тягаться, и писать вам он, должно быть, начал специально, чтобы дать вам это понять, — отчасти гордясь своими успехами, отчасти для того, чтобы вы наконец удостоили его одобрительного хлопка по плечу, которого он так и не дождался…

Кенебак сидел в кресле и тяжело дышал. Глаза его просто-таки метали молнии.

— Но вы просто не отвечали на его письма, — говорил Ян, — Думаю, таким образом вы надеялись подтолкнуть его на какую-нибудь смертельно опасную авантюру, в которой он наконец-таки свернет себе шею. Но ничего такого не случалось. Более того, он стал продвигаться по службе. В конце концов он стал офицером и командиром отряда. Вот тут-то вы и забеспокоились всерьез. Стало ясно, что не за горами то время, когда он, продвигаясь по службе все выше и выше, перестанет принимать непосредственное участие в боевых действиях и жизнь его окажется вне опасности.

Кенебак по-прежнему сидел совершенно неподвижно, только слегка наклонясь вперед. Создавалось впечатление, что он то ли молится, то ли всеми силами души страстно желает, чтобы Ян наконец закончил свой рассказ.

— И вот, — продолжал Ян, — на его тридцать третий день

рождения — то есть за день до того, как он, нарушив приказ, повел своих людей в расположение противника, — вы прислали ему поздравительную открытку. Вот эту…

Из кармана пиджака он извлек сложенную открытку, когда-то, очевидно, яростно скомканную, а теперь тщательно разглаженную. Ян раскрыл ее и положил на столик, стоявший между их креслами, так, чтобы Кенебаку были видны и рисунок, и надпись под ним. Кенебак взглянул на нее.

На открытке был изображен стилизованный заяц, у ног которого валялись ружье и каска и который занимался тем, что рисовал у себя на спине широкую желтую полосу[6]. Под рисунком печатными буквами была выведена надпись: «А на хрена все это надо?»

Кенебак медленно отвел взгляд от открытки и взглянул на Яна. Уголки глаз миллионера как-то странно изогнулись, и рот растянулся в каком-то ужасном подобии улыбки.

— А что еще?.. — прошептал Кенебак.

— И кое-что еще, — ответил Ян. — К открытке было приклеено вот это…

Он как бы невзначай снова полез в карман.

— Не выйдет! — торжествующе взвизгнул Кенебак.

Одним прыжком он оказался за спинкой собственного кресла и начал медленно отступать к темному проему окна за спиной, выхватив пистолет. В полной тишине гостиной выстрел прозвучал оглушительно. Ян сидел все так же неподвижно, только тело его вздрогнуло от мощного удара пули.

И тут Ян ожил. Невероятно, но после попадания крупнокалиберной пули, шок от удара которой наверняка вывел бы из строя обычного человека, Ян мгновенно вскочил и бросился вперед. Кенебак вскрикнул снова — на этот раз явно в ужасе — и продолжал отступать, стреляя на ходу.

— Умри же! Умри, ты… — орал он.

Но огромная фигура дорсайца неотвратимо надвигалась на него. Тяжелые пули еще дважды попадали в него, и от их ударов он поворачивался вокруг своей оси, но каждый раз, как нападающий на футбольном поле, стряхивающий с себя чужих защитников, продолжал рваться вперед, огромными шагами сокращая расстояние между собой и отступающим Кенебаком.

Еще раз вскрикнув, Кенебак почувствовал, что теперь за ним только низкий подоконник открытого окна. На мгновение его лицо исказила гримаса нечеловеческого ужаса. Он быстро огляделся, но бежать было некуда. Все это время он лихорадочно нажимал и нажимал спусковой крючок, но теперь раздавалось только щелканье бойка. Пробормотав что-то бессвязное, он

швырнул бесполезное теперь оружие в Яна, но огромный дорсаец уже почти добрался до него, широко расставив руки.

Кенебак наконец не выдержал этого ужасающего зрелища. Воя, как побитый пес, он повернулся и нырнул в открытое окно за мгновение до того, как эти ужасные руки смогли бы схватить его. Наконец-то он был на свободе. Ему предстояло лететь еще целых девяносто этажей. Вскоре его вой затих где-то далеко внизу и наступила тишина.

Ян остановился. Еще секунду он стоял перед окном, по-прежнему сжимая в правой руке то, что незадолго до этого вытащил из кармана. Потом, как подрубленное дерево, рухнул на пол… как раз в тот момент, когда Тайберн и техник прожгли наконец в потолке дыру и спрыгнули в комнату сквозь дымящееся отверстие. Они чуть не растоптали тот небольшой предмет, который выпал из обессилевшей руки Яна. Предмет, который на деле оказался двумя предметами, соединенными вместе. Это были маленькая кисточка и прозрачный тюбик ярко-желтой краски.

— Надеюсь, вы все-таки понимаете, — сказал Тайберн в один прекрасный ледяной декабрьский день, две недели спустя, когда они с поправившимся Яном стояли в здании космопорта, ожидая начала посадки на лайнер, отправляющийся к Сириусу, — что вы здорово рисковали. Просто счастье, что все так обошлось.

— Нет, — ответил Ян. Похоже, к нему вернулась его обычная флегматичность. После лечения в Манхэттенской больнице он немного осунулся, но поправился с быстротой, являвшейся следствием чисто дорсайского здоровья, — Счастье тут ни при чем. Все произошло именно так, как я и планировал.

Тайберн изумленно уставился на него.

— Но ведь… Если бы Кенебак не отправил из комнаты своих бандюг, чтобы иметь повод пристрелить вас, когда вы сунули руку в карман или если бы прежде всего у вас не оказалось с собой той открытки… — Тут он внезапно задумался, — То есть вы хотите сказать?.. — Он недоуменно взглянул на Яна, — Раз открытка была у вас, вы сознательно хотели остаться наедине с Кенебаком?..

— Это была просто разновидность поединка, — объяснил Ян. — Уж это-то моя стихия. Вы решили, что это Кенебак здорово приготовился ко встрече со мной. Но все как раз наоборот.

— Но ведь вам пришлось явиться к нему…

— Иначе было нельзя, — почти холодно отозвался Ян. — Он ни за что бы не решил, что должен прикончить меня раньше, чем я прикончу его. А решив убить меня, он сразу поставил себя в положение нападающего.

— Но ведь все преимущества были на его стороне, — воскликнул Тайберн, у которого уже голова шла кругом, — Ведь вам пришлось сражаться на его территории — здесь, где он был сильнее всего…

— Нет, — покачал головой Ян, — Вы просто путаете оборону с нападением. Мое появление заставило Кенебака попытаться выяснить, у меня ли его открытка и знаю ли я, почему в ту ночь Брайан нарушил приказ и проник на вражескую территорию. Кенебак рассчитывал, что его ребята еще тогда — в холле — разберутся с этой открыткой. Но они струхнули.

— Да, я помню, — пробормотал Тайберн.

— Потом, когда я отдал ему пакет, он думал, что открытка в нем. Но ее и там не оказалось, — продолжал Ян, — Тогда он решил, что единственный выход — создать у меня ощущение полной безопасности, чтобы я, ничего не боясь, мог признаться в том, что и открытка у меня, и мне известно о мотивах поступка Брайана. Ему просто необходимо было это знать, поскольку именно его выпад заставил Брайана сорваться и совершить то, что он совершил. На последствия Кенебаку было наплевать. Суд и расстрел Брайана относились к сфере закона — области, по бандитским правилам весьма далекой от понятия чести или бесчестья. Пока никто не знал, что Брайан на деле оказался смелее, чем его старший брат, — все было в порядке. Но вот если я знал об этом, то, по его понятиям, свою честь он мог спасти, только убив меня…

— И почти преуспел в этом, — заметил Тайберн, — Любая из этих пуль…

— Там же был этот робомедик, — спокойно ответил Ян, — Такой человек, как Кенебак, обязательно должен был предусмотреть что-нибудь в этом роде на всякий случай… и, конечно, попытаться поймать меня в какую-нибудь любительскую ловушку.

Объявили начало посадки. Ян поднял свою сумку с вещами.

— Всего хорошего, — сказал он, протягивая Тайберну руку.

— Всего хорошего, — пробормотал тот. — Так, значит, вы сознательно полезли в ловушку Кенебака. Во все его ловушки. Просто даже не верится… — Он выпустил наконец руку Яна и смотрел, как этот великан поворачивается и идет к кораблю, сверкающему на поле в лучах зимнего солнца. И тут к Тайберну вдруг вернулась способность ясно мыслить. Он бросился вслед и поймал Яна за руку. Ян остановился и полуобернулся, слегка нахмурившись.

— Но этого же просто не может быть! — воскликнул Тайберн. — Получается, что вы шли туда, зная, что Кенебак

нашпигует вас свинцом и, возможно, убьет — и все это только ради памяти тридцати двух рядовых под командованием человека, который вам даже не был симпатичен? Нет, это невероятно, человек не может быть настолько хладнокровным! Даже такой, до мозга костей военный человек, как вы.

Ян взглянул на него с высоты своего роста. Тайберну вдруг показалось, что лицо дорсайца вдруг стало очень далеким, посуровело и застыло, будто высеченное на вершине какой-нибудь ледяной горы.

— Но я ведь не просто военный, — произнес Ян. — Вы ошибаетесь, так же как и Кенебак. Из-за этого он и решил, что, лишив меня военных преимуществ, легко справится со мной.

Глядя на него, Тайберн почувствовал, что по спине у него пробежал ледяной холодок, как будто ветер подул с горного ледника.

— Так скажите же, во имя всего святого, — закричал Тайберн, — кто же вы?

Из своей далекой выси Ян взглянул Тайберну в глаза, и печаль, прозвучавшая в его голосе, была слышна так же отчетливо, как стук подкованных каблуков по голому камню.

— Я — воин, — мягко ответил Ян.

С этими словами он повернулся и направился к кораблю. На фоне ясного зимнего неба Тайберн еще долго видел его черный силуэт, что возвышался над остальными пассажирами, спешащими на корабль.

Потерянный

(© Перевод М. Стернина)

Сета, 2273

Меня зовут Корунна эль Ман.

Это я привел легкий курьерский корабль на взлетное поле космопорта Нахар-Сити планеты Сета в созвездии Тау Кита. Я стартовал на Дорсай и через шесть фазовых сдвигов доставил в цитадель Гебель-Нахар нашу Аманду Морган — ту, которую все звали Аманда Вторая.

Для пилота простого «курьера» мой воинский чин достаточно высок, но обстоятельства потребовали доставить эксперта по контрактам в Нахар за столь короткое время, что обычный перелет превращался в предприятие весьма опасное. Курьерские звездолеты слишком дорого стоили, чтобы с легким сердцем подвергать их неоправданному риску. Ко мне обратились за помощью, и я выполнил задачу, посадил корабль в Нахар-Сити, для чего потребовалось лишь выше пределов возможного «растянуть» время фазовых сдвигов.

Трудности путешествия, кажется, не слишком волновали Аманду. Но удивило меня не это (ведь моя попутчица была дорсайкой), а то, что почти весь перелет Аманда молчала.

Многое изменилось во мне после Баунпора. Когда орды северных фрайляндцев ворвались в город и по колено в крови добивали его защитников, в животной ярости за столь упорное сопротивление мне рассекли лицо. И еще фрайляндцы убили Элизу — лишь потому, что она была моей женой. Ничего не осталось от любимой, лишь легкое газовое облачко, исчезнувшее в просторах Вселенной. Нет могилы, куда можно прийти и помянуть… Я отказался от помощи хирурга, я носил свои шрамы как воспоминание о ней…

Стоило рубцам изменить мое лицо, как переменилось отношение ко мне окружающих меня людей. Для немногих я словно перестал существовать, а для остальных — и их было большинство — стал человеком, с которым стремятся поделиться самым сокровенным — мыслями, надеждами, сомнениями — и тем облегчить свою душу.

Возможно, им казалось, что испытавший столько боли и живущий со скорбной памятью не станет строго судить о болях и скорби, терзающей других. Прошло время, и я понял, что все

гораздо сложнее.

Словно догорающая свеча, в потемках их душ я не мог рассеять мрак, но вселял уверенность, что сохраню их сокровенные тайны. Сомневаюсь, что Аманда и все те, с кем мы добирались до Гебель-Нахара, были бы так откровенны со мной, если бы судьба свела нас в те дни, когда я еще не потерял Элизу…

Мы благополучно приземлились. Космопорт, способный принимать корабли из дальнего космоса, был построен в Нахар-Сити. Этот город ближе всего расположен к резиденции правительства — Гебель-Нахар, укрепленной крепости в горах.

Покинув звездолет, мы поспешили к выходу со взлетного поля, предполагая, что нас там ждут.

Колония Нахар лежит в тропических широтах Сеты, и таким же веселым и беззаботным, словно соревнуясь с богатством красок природы, показался нам небольшой корпус космопорта с его высокими расписными потолками, яркой мозаикой пола, живыми цветами и развешанными по стенам в обрамлении тяжелых рам картинами.

Мы стояли, окруженные этим разноцветным великолепием, среди движущихся дорожек эскалаторов. Взгляды людей, не останавливаясь, безучастно скользили по нашим лицам, хотя казалось, трудно остаться равнодушным к человеку со шрамами, да еще если рядом с ним такая женщина — женщина, словно сошедшая со страниц исторических книг Дорсая, настолько лицо ее, до мельчайших черт, напоминало лицо той, первой Аманды.

Ждать более не имело смысла, я отправился к экрану объявлений и, не найдя ничего, адресованного нам, вернулся, но уже не застал Аманду на прежнем месте.

— Эль Ман, — неожиданно раздался ее голос за моей спиной. — Смотри!

Восклицание это заставило меня резко повернуться, и в то же мгновение я увидел все сразу — и ее, и привлекшее ее внимание большое полотно. Картина висела высоко, и Аманда, слегка запрокинув голову, замерла прямо под ней.

Солнечный свет, проходя сквозь прозрачную стену, освещал их. Аманда очень походила на Элизу — высокая, тонкая, светловолосая, в жакете небесно-голубого цвета и короткой кремовой юбке. И как контрастировали с ее невероятно живым и юным лицом кричащие золотом и пурпуром краски, а также застывшие в мелодраматически-скорбных позах люди на полотне.

«Leto de muerte» — гласила большая бронзовая табличка под картиной. «Герой на смертном одре» — так, пожалуй, можно было перевести название полотна с того архаичного ломаного

испанского, на котором изъяснялись нахарцы.

Бескрайняя равнина, где еще недавно бушевала яростная битва.

Оставшиеся в живых, окровавленные воины в золоченых доспехах окружили мертвого героя, чье обнаженное до пояса, бугрящееся мускулами, все еще мощное, но со следами страшных ран тело возлежит на кипах бархатных камзолов, на горах украшенного драгоценными камнями оружия, искусно вытканных коврах и россыпи золотых кубков. Его лицо искажено предсмертными муками. Безжизненная, покоящаяся на груди рука продолжает упрямо сжимать рукоять чудовищно огромного меча, узорное лезвие которого потемнело от запекшейся крови. На переднем плане картины распростертый на земле солдат в растерзанном камзоле протягивает руку к герою, отдавая последние почести мертвому.

Лишь на мгновение оторвалась от картины, чтобы взглянуть на меня, Аманда. Она молчала, но не нужны были здесь слова. Мы, дорсайцы, почти две сотни лет торгуем нашей единственной собственностью — жизнями молодых поколений, умирающих в войнах за чужие интересы, чтобы добыть средства к существованию. Мы живем войной настоящей, и для тех, кто выбрал себе такую судьбу, картины, подобные этой, полны цинизма.

— Вот, значит, как здесь думают, — нарушила молчание Аманда.

И тогда я перевел взгляд с картины на нее. Наравне с удивительным сходством, Аманда унаследовала от своей прародительницы невероятную, граничащую с чудом моложавость. Годы, казалось, не властны над ней, хотя Аманда Вторая всего на шесть лет моложе меня, человека, который уже давно перешагнул тридцатилетний рубеж. Но я забыл о ее возрасте, пораженный, что спутница моя мыслит так, как мои ровесники, а не как следовало ожидать от подростка, на которого она была похожа.

— Каждая культура вольна иметь свои образы, — сказал я, — А эта, между прочим, в основе своей — испанская.

— Как я понимаю, сейчас и десять процентов нахарцев не имеют испанских корней, — ответила Аманда. — А картина эта — не более чем карикатура на испанцев.

Она была права. Нахар в первые годы своего существования колонизировали гальеги — выходцы из северо-западной области Испании, мечтавшие о создании больших латифундий на обширных территориях. В действительности же, стиснутый со всех сторон богатыми соседями, Нахар превратился в маленькую

перенаселенную страну, получившую в наследство ущербный испанский да еще смесь из верований и традиций, составлявших культуру предков. Те, кто прибыл сюда вслед за первой волной переселенцев, были кем угодно, но только не испанцами, и тем не менее тоже приняли существовавшие здесь язык и жизненный уклад.

Сета — планета хотя и не очень населенная, всегда страдала от нехватки продовольствия, и ранчеры — первые переселенцы — в скором времени превратились в сказочных богачей. Ну а остальным жителям Нахара досталась теснота городов и право быть бедными — очень бедными.

— Надеюсь, что те, с кем мне предстоит общаться, сохранили несколько больше, чем десять процентов, здравого смысла, — снова заговорила Аманда. — Эта картина заставляет думать, что им совершенно чужда игра воображения. Если это так, то в Гебель-Нахаре…

Она не закончила фразы, встряхнула головой, видно, решительно изгоняя из памяти образы, навеянные картиной, и улыбнулась. Улыбка осветила ее лицо, но получилось это совсем не так, как привыкли мы все представлять, произнося эту фразу. Не выразить словами глубину и силу того внутреннего, излучаемого ее улыбкой света.

— Никаких известий для нас? — спросила она.

— Нет, — начал я и, не закончив, быстро повернул голову, краем глаза увидев, как некто, широко переставляя длинные ноги, движется в нашу сторону.

Она тоже повернулась. Наш незнакомец привлек внимание лишь потому, что оказался дорсайцем. Он был огромен. Не так огромен, как близнецы Грэймы — Ян и Кенси, по контракту служившие в Гебель-Нахаре, но заметно крупнее меня. Однако рост и ширина плеч не всегда являются отличительными чертами дорсайцев — все мы очень разные. Мы узнали его, а он выделил нас в снующей вокруг толпе по множеству мельчайших неуловимых, а потому не поддающихся описанию оттенков. На незнакомце была военная форма нахарской армии с унтер-офицерскими нашивками. Светловолосый, с худощавым подвижным лицом юноша, которому лишь недавно исполнилось двадцать. И тут я узнал его…

К нам приближался третий сын моих соседей по кантону Большой остров, Мигель де Сандовал. О его судьбе мы не слышали вот уже шесть лет.

— Сэр, госпожа, — произнес он, застывая рядом. — Прошу извинить, что заставил вас ждать. Непредвиденные трудности с транспортом.

— Мигель, — сказал я. — Ты знаком с Амандой Морган?

— Нет, мы не встречались, — ответил он, глядя в лицо Аманды. — Сочту за высокую честь быть представленным вам, госпожа. Мне кажется, вы, должно быть, устали от тех, кто считает своим долгом сообщить вам об удивительном сходстве с прабабушкой?

— Вовсе нет, — весело отозвалась Аманда, протягивая ему руку. — А вы, оказывается, уже знакомы с Корунной эль Маном?

— Наши семьи живут рядом. — Он улыбнулся мне быстрой, легкой, но какой-то очень грустной улыбкой. — Я помню капитана с шести лет, именно столько исполнилось мне, когда вы приехали в свой первый отпуск. Пойдемте, ваш багаж уже в аэробусе.

— В аэробусе? — удивленно переспросил я, двигаясь вслед за ним к одному из выходов.

— Транспортное средство оркестра третьего полка. Это все, что мне удалось раздобыть.

Следуя за нашим провожатым, мы вскоре дошли до маленькой, забитой всевозможным транспортом стоянки. Мигель де Сандовал подвел нас к приземистому, с обрубленным носом летательному аппарату, судя по размерам способному принять на борт до тридцати человек. Правда, сейчас в нем находился лишь один пассажир. На переднем сиденье аэробуса, откинувшись на переборку, отделяющую салон от кабины пилота, сидел экзот в темно-голубой одежде. У него были светлые прямые волосы и лицо человека без возраста, которому вполне можно дать и тридцать, и все восемьдесят. Увидев нас, он поднялся.

— Падма, посланник на Сете, — произнес Мигель. — Могу ли я представить господину посланнику наших гостей с Дорсая: Аманду Морган — советника по контрактам и Корунну эль Мана — старшего звездолетчика?

— О, я знаю об их прибытии, — ответил Падма.

Он не подал нам руки и даже не поднял ее в знак приветствия. Но, как и те просвещенные экзоты, с которыми судьба сводила меня на долгих дорогах странствий, Падма скорее не испытывал в этом необходимости. От него веяло миром и теплом, и всех нас захлестнуло это чувство. Как бы ни повел себя теперь экзот, все казалось естественным и единственно возможным.

Мы опустились на сиденья. Мигель, пригибая голову, нырнул в кабину пилота, и уже через минуту, мягко подрагивая всем корпусом, аэробус взлетел в воздух.

— Это большая честь — познакомиться с вами, — первой заговорила Аманда. — Но гораздо большая честь — то, что вы

встретили нас. Что заставило вас проявить внимание?

Падма слегка улыбнулся.

— Боюсь, что не только желание первым увидеть вас привело меня сюда, — произнес он. — Хотя Кенси Грэйм много рассказывал о советнике и, — он повернулся в мою сторону, — даже о Корунне эль Мане.

— Разве существует во Вселенной то, что неизвестно экзотам? — удивился я.

— Многое не подвластно нам, — задумчиво произнес он, покачивая головой.

— Какова тогда та, другая причина, приведшая вас сюда? — поинтересовалась Аманда.

Экзот задумчиво посмотрел на нее.

— Нечто, что не имеет отношения к вашему прибытию… Простой звонок, а аппараты в Гебель-Нахаре не так защищены, как бы мне хотелось. И когда я узнал, что Мигель будет встречать вас, то напросился к нему в попутчики, чтобы позвонить из космопорта.

— Тогда это был звонок не от имени Конде Нахара? — спросил я.

— От его имени, — он улыбнулся, — или только от моего, я не могу вам открыться, не нарушив договора о доверии, но, надо полагать, вам известен Эль Конде — этот номинальный правитель Нахара?

— Из профессионального любопытства я знакомилась с государственным устройством колонии и читала о Гебель-Нахаре еще до того, как возникла необходимость моего появления здесь, — ответила Аманда.

И тут я увидел, что она хочет остаться с Падмой наедине. Аманда дала мне это понять, слегка повернув голову и еле заметно выпрямив спину. Экзоты наблюдательны, но вряд ли ему открылся смысл тайных знаков.

— Прошу извинить, — произнес я, вставая, — Так давно не видел Мигеля, что не терпится поделиться нашими домашними новостями, — После этих слов осталось лишь пройти в кабину пилота и плотно закрыть за собой дверь.

Расслабленно откинув голову на спинку командирского кресла, одной рукой придерживал Мигель штурвал аэробуса; я занял место второго пилота.

— Как дела дома, сэр? — спросил он, не поворачивая головы.

— С тех пор как ты оставил отчий дом, я и сам был на планете всего однажды, — сказал я. — Но с тех пор мало что изменилось. В прошлом году умер мой отец.

— Мне грустно слышать эту печальную весть.

— Твой отец и мать здоровы. И еще только хорошее слышал я о твоих братьях и их делах на далеких звездах. Но думаю, что ты и сам об этом знаешь.

— Нет, — тихо произнес он, так и не оторвав взгляда от неба. — Долгое время я ничего не слышал об их судьбе.

Гнетущая тишина окутала нас.

— Как вышло, что ты оказался здесь? — прервал я затянувшееся молчание. Традиционный вопрос, когда дорсайцы встречаются вдали от дома.

— Случайно услышал о Нахаре. Решил взглянуть на него поближе.

— Ты знал, что эта страна — жалкая карикатура на Испанию?

— Не карикатура, — ответил Мигель, — Вернее… не совсем.

— Да, — согласился я. Пожалуй, мне не следовало употреблять слово «карикатура». Образ жизни здесь — как и везде, — без сомнения, связан с древними корнями народа.

И тут он впервые встретился со мною взглядом. С тех пор как не стало Элизы, я научился понимать эти странные взгляды. Сейчас Мигель намеревался поведать мне такое, что никогда бы не решился открыть другому. Медленно текли секунды, юноша молчал, а потом вновь отвернулся к ветровому стеклу.

— Вы знаете, что здесь происходит? — спросил он.

— Нет. Это в основном забота Аманды. В этой прогулке я всего лишь извозчик. Может быть, ты посвятишь меня?

— Пожалуй, вам действительно будет полезно иметь некоторое представление о наших делах, — согласился Мигель. — А Ян и Кенси доскажут остальное. Но в любом случае… Конде лишь «лицо» страны. Отцу его пожаловали титул первые переселенцы, ставшие все без исключения богатыми землевладельцами — ранчерами. Они мечтали установить здесь институт наследственной аристократии, но сделать этого не удалось, хотя по местным законам Конде — наследственный суверен Нахара, и армия должна подчиняться ему как главнокомандующему. Нахарские солдаты — всегда самая бедная часть населения; они ненавидят ранчеров. Нахар стоит на пороге революции, а армия так и не решила, чью сторону она примет.

— Понятно, — вставил я, когда Мигель замолчал, — Грядет насильственная смена власти, а мы заключили контракты с правительством, которое уже завтра можно свергнуть. Аманде есть о чем подумать.

— Нам всем есть о чем подумать, — поправил Мигель. — В армии нет согласия, и это единственная причина, по которой она еще не встала на сторону революции. Ты человек здесь новый, и первое, что бросится тебе в глаза, — это нелепость здешних

армейских традиций. Но что самое необъяснимое: традиции эти процветают в среде людей вовсе не богатых. Культ знамен, формы… музыка, дуэли за один только косо брошенный взгляд, болезненное чувство превосходства именно твоего полка и готовность по бездумному сигналу вцепиться в горло «чужакам» из другого…

— Постой, — удивленно произнес я. — Армия, о которой ты говоришь, просто не может называться армией.

— Правильно. Вот почему с Кенси и Яном заключен контракт для превращения всего этого разномастного сброда под громким названием «нахарская армия» в некое подобие реальной оборонительной силы. Государства, окружающие Нахар, изнемогают от нетерпения поскорее прибрать к своим рукам эти земли. Будь ситуация нормальной, Грэймы уже давно добились бы успеха. Но все осложняется тем, что простые солдаты видят в братьях не что иное, как «инструмент» упрочения власти ранчеров; революционеры на всех углах призывают немедленно вышвырнуть дорсайцев из страны, а полковые командиры не могут или не хотят найти с Грэймами общий язык. Сомневаюсь, что в подобной ситуации можно сделать для армии что-нибудь полезное. Напротив, с каждым днем положение братьев, а теперь и ваше с Амандой, будет становиться все более непредсказуемым и угрожающим. Реальный выход, по моему убеждению, один: Кенси и Ян поступят мудро, если разорвут контракт, оплатят издержки и покинут страну и планету.

— Если бы все ограничивалось возмещением убытков по расторгнутому контракту, то здесь бы никогда не оказался профессионал, подобный Аманде, — заметил я. — Тут, возможно, все запутаннее и сложнее, чем может показаться на первый взгляд, а прежде всего потому, что конфликт может затронуть честь Дорсая.

Мигель промолчал.

— А как ты? Каково твое положение здесь? Ты ведь тоже дорсаец?

— Я?.. — прошептал он, не отрывая взгляда от ветрового стекла. И, глядя на его потемневшее лицо, я отчетливо понял, что осталось недосказанным между нами.

Для таких людей, как Мигель, на родной планете существует меткое определение: их называют «потерянными». К ним не относятся те, кто не стал профессиональным военным. Так называют тех, кто, выбрав для себя жизненный путь, вдруг бросал все — неожиданно и без объяснений. Насколько я знаю, Мигель, с отличием закончивший академию, после выпуска неожиданно для всех вычеркнул свою фамилию из списка назначений и, ничего не

объяснив даже своим родным, оставил планету.

— Я капельмейстер третьего нахарского полка, — сказал он. — Однополчане меня любят. Наверное, потому, что не видят во мне дорсайца, хотя… — Он снова улыбнулся своей грустной легкой улыбкой: — Хотя на дуэли не вызывают.

— Понятно.

— Да-а. — Мигель коротко взглянул на меня, — Если формально считается, что армия верна Конде, то на самом деле везде царит разброд. Вот почему с таким трудом мне удалось раздобыть это средство передвижения.

— Понятно, — снова повторил я и приготовился задать новый вопрос, как дверь позади нас открылась и в кабину шагнула Аманда.

— Корунна, — обратилась она ко мне, — ничего, если я немного поболтаю с молодым человеком?

Взгляд ее, скользнув по моему лицу, задержался на Мигеле. Аманда улыбалась, и он улыбался ей в ответ. А я, глядя на них, думал, что Мигель в таком душевном состоянии вряд ли сможет увлечься Амандой. Но то, что она была рядом, будило воспоминания о доме, а значит, согревало душу.

— Не возражаю, — сказал я, вставая, — Пойду поговорю с посланником.

— Он стоит того. — Слова Аманды догнали меня в дверях кабины.

Падма смотрел в окно на однообразную в своей бескрайности степную равнину, тянущуюся до горного кряжа, давшего имя Гебель-Нахару. Аэробус, по конструкции своей предназначенный для полетов над землей, хотя и допускал возможность подъема к границам атмосферной зоны, сейчас летел на высоте не более трехсот метров.

Стоило с легким щелчком захлопнуться за мной двери пилотской кабины, как Падма отвернулся от окна и взглянул на меня.

— Ваша Аманда просто восхитительна, — произнес он, стоило мне занять сиденье напротив. — Особенно это должны понимать те, кто молод.

— Аманда то же самое сказала о вас. Да, кстати, она не так молода, как выглядит.

— Я знаю, — Падма улыбнулся, — и говорю так с высоты прожитых мною лет. Для меня даже ты кажешься юношей.

Я рассмеялся. Молодость моя осталась лишь в воспоминаниях о тех счастливых годах, что оборвались страшным именем — Баунпор… Хотя с полным правом можно утверждать, что я не достиг даже зрелого возраста.

— Мигель говорил, что Нахар стоит на пороге социальных потрясений, — начал я.

— Он прав, — Улыбка медленно покинула лицо экзота.

— Не это ли привело такого человека, как вы, в Гебель-Нахар?

Лицо Падмы оставалось серьезным, а в глазах мелькнула усмешка.

— А я думал, только Аманда способна на подобные вопросы…

— Вы удивлены моим вопросом? Извините, но все же кажется странным, что посланник выбрал для своей резиденции такую глухую провинцию, как Гебель-Нахар.

— Ты прав, — Падма покачал головой. — Но причины, приведшие меня сюда, интересны прежде всего экзотам. Боюсь, я не вправе обсуждать их.

— Но вы ведь знаете, что страна неумолимо движется к революционному взрыву?

— О, конечно. — В его осанке, в положении рук, темным загорелым пятном выделявшихся на голубом, чувствовался удивительный внутренний покой. Таким же бесстрастным было и его лицо. — События в Нахаре есть отражение общих законов развития этого мира.

— Только этого мира?

Глядя мне прямо в глаза, Падма улыбался.

— Наука экзотов — онтогенетика — изучает закономерности во взаимодействии всех известных нам сил природы и общества, сталкивающихся в мирах Вселенной. Но ситуация, сложившаяся в Нахаре, и в особенности в Гебель-Нахаре, без сомнения, результат столкновения местных, сетанских интересов.

— Международная планетарная политика…

— Именно так, — подтвердил он кивком головы, — Нахар окружен пятью государствами, не имеющими столь обширных свободных территорий. Соседи вряд ли откажутся от возможности установить над частью или даже над всей колонией свой контроль.

— А кто поддерживает местных революционеров?

Падма резко отвернулся к окну и несколько мгновений молча и сосредоточенно изучал проплывающий под нами ландшафт. Пожалуй, было бы большим нахальством предполагать, что моя своеобразная внешность, невольно подталкивающая людей к откровенности, сможет оказать подобное воздействие на экзота. Но сейчас, правда лишь на мгновение, я снова испытал то знакомое чувство готовности собеседника доверить мне глубоко сокровенное.

— Извини меня, — наконец нарушил молчание Падма. — Наверное, из-за возраста, но в последнее время я ловлю себя на мысли, что часто думаю об окружающих как о маленьких детях.

— Сколько же вам лет?

Он улыбнулся:

— Я стар… и продолжаю стареть.

— В любом случае я недостоин ваших извинений. Согласитесь, было бы нелепо ожидать, что пограничные страны не примут участие в революционных событиях, происходящих вблизи их рубежей.

— Разумеется, — подтвердил Падма. — Но как ни плохо сейчас в Нахаре, страну ждут страшные времена, если революция закончится успешно. Когда победители начнут борьбу за власть, страна превратится в груду дымящихся развалин. Соседи выжидают и готовятся к тому благоприятному моменту, когда можно будет начать вторжение и извлечь для себя максимум выгод. И ты был абсолютно прав, когда упомянул планетарный комитет. Политики работают, но слишком серьезные задачи стоят сейчас перед ними.

— Но тогда кто подогревает эту угрожающую ситуацию?

— Уильям, — Падма смотрел прямо мне в глаза, и, наверное, в первый раз за все время беседы я ощутил истинную силу гипнотизирующего взгляда его карих глаз. Настолько умиротворенно было его лицо, что казалось, именно глаза вместили в себя всю его жизненную силу, и только по ним можно было догадаться, какие страсти бушевали в душе этого старого человека.

— Уильям? — переспросил я.

— Да, Уильям Сетанский.

— Все правильно, — Я вспомнил, что уже слышал это имя, — Если я не ошибаюсь, именно он владеет этой планетой?

— Наверное, не совсем будет правильно сказать — владеет. Он контролирует большую часть этой планеты, а также множество других миров. Но не все находится в его руках — даже здесь, на Сете. Вот тебе один пример: нахарские ранчеры в сделках с Уильямом, забывая внутренние распри, всегда выступают единым фронтом, и все его попытки внести в их ряды раскол и установить полный контроль над Нахаром до сей поры заканчивались неудачей. Его влияние здесь весьма ограниченно и существует лишь благодаря ловкому манипулированию внешними силами, с которыми приходится иметь дело ранчерам.

— Так значит, он — главный идеолог революции?

— Да.

Только теперь я понял, что именно происки Уильяма привели

Падму в эту, некогда «тихую обитель». Экзоты всегда преувеличенно серьезно относились к той части онтогенетики, которая занималась изучением взаимодействия социальных слоев общества и ее отдельных личностей; а Уильям, как один из современных «потрясателей устоев» с его махинациями и интригами, безусловно, попадал в сферу их самого пристального внимания.

— Все это понятно, но интересов Дорсая, если не считать сложностей с контрактом Грэймов, происходящее, по большому счету, не затрагивает.

— Не совсем так, — возразил Падма. — Уильям — личность, безусловно, незаурядная — знает, как одним камнем подбить две, а при удачном стечении обстоятельств — пятьдесят птиц. Непосредственно сам или через своих доверенных лиц он собирает отряды «солдат удачи» — наемников. События в Нахаре могут подорвать репутацию военных с Дорсая.

— Понимаю… — начал я и замер на полуслове, потому что неожиданно корпус аэробуса задрожал, как от сильного удара.

— Вниз, быстро! — крикнул я и потащил Падму на пол, подальше от окна аэробуса. Тут проявилось еще одно замечательное качество экзотов: они безоговорочно доверяют профессионалам — людям, знающим свою работу. Он послушно подчинился мне, не проронив ни единого слова.

— Что это было? — спросил он через некоторое время, все еще продолжая неподвижно лежать на том месте, куда я его пристроил.

— Нас пытались сбить, — коротко бросил я, — Пожалуйста, оставайтесь внизу.

Пригибаясь, я пробежал по проходу, открыл дверь пилотской кабины и переступил ее порог. Как по команде, головы Аманды и Мигеля повернулись в мою сторону, их лица были встревожены.

— Кто это охотится за нами? — спросил я Мигеля.

В ответ он лишь пожал плечами:

— Не знаю. Здесь, в Нахаре, ожидать можно чего угодно, а сделать это мог кто угодно. Революционер или тот, кто терпеть не может дорсайцев, экзотов, а возможно, и меня. Наконец, это мог быть пьяница, наркоман или «герой», показывающий свою молодецкую удаль.

— И при этом имеющий боевое оружие, — добавил я.

— Ну, это не проблема, — усмехнулся Мигель, — Сейчас трудно найти в Нахаре человека невооруженного, и большинство из них, законно или не очень, владеют настоящим оружием.

Кивком головы Мигель показал на ветровое стекло.

— Во всяком случае, мы уже почти прибыли.

Я прижался лицом к стеклу иллюминатора. Гебель-Нахар — правительственная резиденция колонии — сверху выглядел как цепочка соединенных между собой строений, спускающихся до середины склона невысокой горы. В ярком солнечном свете он напоминал бы модный курорт, построенный на сбегающих вниз по крутому склону открытых террасах, если бы каждая терраса не упиралась в глухую стену, представлявшую собой мощное фортификационное сооружение, оснащенное тяжелой артиллерией. Имея хорошо обученный гарнизон, Гебель-Нахар, по крайней мере, был неприступен для атакующих с равнины.

— А что по ту сторону? — поинтересовался я.

— Отвесная скала с вырубленными площадками для тяжелых орудий. К орудиям ведут прорытые в горе туннели, — ответил Мигель. — На их строительство ранчеры не поскупились. Если действительно станет жарко, и они, и вся их родня сбегутся под защиту этих орудий.

Не успел он договорить, как наш аэробус мягко заскользил по взлетной полосе. Оставив пилотскую кабину, мы присоединились к Падме и уже через несколько мгновений один за другим спустились на гладкий бетон.

— Совершенно не могу понять, что происходит, — озадаченно произнес Мигель, удивленный необычной тишиной, царившей вокруг.

Не двигаясь с места, мы настороженно озирались, готовые в случае опасности возвратиться в аэробус и немедля снова подняться в воздух.

Громкий крик заставил всех нас резко повернуться. За криком послышался топот ног, а еще через мгновение на взлетную полосу выбежал солдат в зелено-красной униформе нахарской армии с нашивками музыкантской команды и с болтающимся на боку энергоружьем. Добравшись до аэробуса, он остановился напротив нас, покачиваясь и с трудом переведя дух.

— Сэр… — Воздух со свистом вырывался из его натруженных легких. — Ушли…

Мы молча ждали, когда солдат восстановит дыхание, и действительно, через несколько секунд он предпринял новую попытку на архаичном испанском объяснить, какое чрезвычайное происшествие заставило его так бежать и так запыхаться.

— Они ушли, сэр! — выкрикнул солдат, обращаясь к Мигелю, — Они ушли, все полки, все до одного!

— Когда? — коротко бросил Мигель.

— Два часа назад. Они все решили… решили заранее. В одно и то же время, словно по команде, в каждом взводе появился свой агитатор и начал кричать, что настало время уйти и пробил час

показать этим ricones, кого поддерживает армия. Тогда они схватили свои ружья, развернули знамена и пошли строем… Вот, смотрите!

Солдат махнул рукой в сторону равнины. Транспортная зона находилась между пятым и шестым уровнем вверх по склону Гебель-Нахара. Отсюда, да пожалуй, с любого другого уровня лежащая внизу равнина прекрасно просматривалась на многие мили вперед.

Напряженно вглядываясь вдаль, мы у самого горизонта увидели слабые перемещающиеся блики отраженного солнечного света.

— Это они разбили там лагерь. Ожидают, что к ним придет подкрепление из соседних стран, и тогда они вернутся и закончат революцию.

— Все ушли? — Вопрос, заданный Мигелем по-испански, заставил солдата резко повернуться.

— Все, кроме нас — вашей команды. Теперь мы лейб-гвардия его величества Конде.

— А где дорсайские инструктора?

— Были в своих кабинетах, сэр.

— Я немедленно отправляюсь туда, — обращаясь к нам, быстро проговорил Мигель. — Господин посланник последует в свои апартаменты или присоединится к нам?

— Я пойду с вами, — сказал Падма.

Мы пересекли транспортную зону, вошли в служебный корпус и долго блуждали по бесконечным кабинетам с огромными, во всю наружную стену, окнами. Кенси и Яна мы обнаружили в одном из таких кабинетов. Братья Грэймы стояли у массивного письменного стола, за который при желании можно было усадить не менее полдюжины человек.

Они повернулись, и я ощутил, что снова нахожусь в плену странных иллюзий, испытываемых всякий раз, стоило близнецам оказаться рядом.

Эффект был достаточно силен при знакомстве с одним из братьев, но когда — как сейчас — их оказывалось двое, чувство это возрастало многократно.

Несмотря на их рост — а каждый был, пожалуй, на целую голову выше меня, — Грэймы отличались настолько правильным сложением, что их истинные пропорции не поражали и не казались выдающимися, пока не появлялся некто третий, с которым можно было сравнить. На расстоянии братья выглядели как люди, обладающие ростом чуть повыше среднего.

Далее происходило следующее: считая близнецов людьми обычными, то есть подсознательно недооценив их, вы или некто

третий делали несколько шагов, и тут начиналось самое интересное, потому что с каждым новым шагом вы или он, или она прямо на глазах начинали расти вниз. Может быть, это субъективное восприятие, но согласитесь, уменьшаться в росте по отношению к другому — ощущение довольно необычное.

На этот раз роль этакого эталона выпала на долю Аманды, которая сразу же, как только мы переступили порог кабинета, бросилась к братьям. Ее родной дом — усадьба Фал Морган, совсем рядом с Форали, где жили близнецы, и все трое росли и воспитывались вместе. Я уже говорил, что Аманду никак нельзя назвать маленькой, но стоило ей оказаться рядом с Кенси, сжать его в объятиях, как на глазах она стала превращаться в хрупкую малышку.

Я двинулся за ней и протянул руку Яну.

— Корунна! — воскликнул он.

Ян принадлежал к числу тех немногих, кто продолжал называть меня по имени. Моя ладонь утонула в его крепкой ладони, а лицо его, так похожее и одновременно так разительно отличающееся от лица брата, склонилось надо мной. Да, они были удивительно похожи, эти два брата-близнеца, и одновременно пропасть различий, глубиной во вселенную, лежала между ними. Это относилось не к физической мощи братьев. Образно выражаясь, Ян был лишен внутреннего огня, и потому казалось, что от Кенси исходит в два раза больше тепла и солнечного света, чем от обычного человеческого существа.

Но, несмотря на это, я нигде не встречал двух столь близких, дополняющих друг друга людей.

— Тебе нужно возвращаться, — спросил Ян, — или ты останешься, чтобы отвезти назад Аманду?

— Я могу остаться. Время моего отлета на Дорсай строго не определено. Могу ли я быть в чем-то полезен вам?

— Да, — просто ответил Ян, — Мне с тобой нужно поговорить. А сейчас извини…

Он повернулся, желая поздороваться с Амандой. Затем Ян попросил Мигеля, чтобы он встретился с Конде и узнал, сможет ли тот принять их. Мигель почтительно склонил голову и вместе со встретившим нас на взлетной полосе солдатом поспешил к выходу. Наверное, команда Мигеля, несколько слуг Конде, он сам да еще обитатели этой комнаты — вот все, кто в этот час составлял население Гебель-Нахара. Хотя крепость строилась таким образом, что при необходимости ее могла защищать горстка воинов, но даже этой горстки не осталось здесь, ведь те сорок человек полкового оркестра, если не считать умения маршировать строем, вряд ли были обучены другим видам

военного искусства.

Кенси остался беседовать с Амандой и Падмой, а Ян провел меня в соседний кабинет, жестом указал на кресло и сам сел напротив.

— Извини, но я не знаю условий твоего нынешнего контракта, — начал он.

— Что касается контракта, я не вижу здесь серьезных проблем. Служу я в соединении, которое нанял Уильям Сетанский. Мой командир — Хендрик Галт. Мы сейчас не участвуем в боевых операциях, и более половины старших офицеров находится в отпусках. Но если ситуация потребует моего присутствия, я могу задержаться, и Галт все поймет, как бы понял любой дорсаец. Я не служу Уильяму, я офицер Галта.

— Хорошо, — произнес Ян.

Он отвернулся и стал смотреть через высокую спинку своего кресла на равнину, туда, где, едва различимые, пробегали отблески солнечного света. Руки его расслабленно лежали на подлокотниках, и лишь кончики пальцев слегка подрагивали. От него исходило, как всегда, ощущение бесконечного одиночества и вместе с тем могучей, всепобеждающей силы. Я давно замечал, что в минуты надвигающейся опасности большинство недорсайцев инстинктивно тянутся к нам, ведь любой из нас заранее знает, как вести себя, чтобы опасность эта прошла стороной. Может быть, кое-кому мои слова покажутся капризной причудой, но даже многие из дорсайцев рядом с Яном испытывают подобные чувства.

Но, конечно, не все. Кенси, безусловно, не из их числа. И, насколько я знаю, другие члены семейства Грэймов к таким не относятся. Вовсе не потому, что они чужды друг другу, просто каждый из них обладает обостренным чувством независимости и какой-то болезненной отстраненностью от других. Таковы они, Грэймы.

— Два дня они, пожалуй, еще продержатся. — Ян махнул головой в сторону почти невидимого лагеря. — А потом начнут штурмовать Гебель-Нахар или драться между собой.

— А если не ждать? — спросил я и почувствовал на своем лице его быстрый взгляд. — Всегда есть выход, — добавил я.

— Сейчас достойного выхода, насколько я понимаю, нет, — сказал он. — Наша единственная надежда — на Аманду; возможно, ей удастся раскопать в контракте такое, что мы все проглядели… Выпьешь?

— Спасибо.

И тогда он встал, твердыми шагами прошел к бару, вернулся с двумя стаканами, до половины наполненными темной

жидкостью, и, протянув мне один, снова устроился в своем кресле.

— Дорсайское виски, — удивился я. — Да, вас тут не забывают.

Он молча кивнул, и мы выпили.

— Как ты считаешь, Аманда может за что-нибудь зацепиться? — поинтересовался я.

— Нет, надеяться можно только на чудо, — медленно ответил он. — Затронуты вопросы чести.

— Почему потребовался арбитр такого класса, как Аманда?

— Все дело в Уильяме. Кто он, объяснять, надеюсь, не нужно. А что тебе вообще известно о ситуации в Нахаре?

И я повторил ему все, что узнал от Мигеля и Падмы.

— И больше ничего?

— У меня не было времени заниматься собственными расследованиями. Аманду требовалось доставить крайне срочно, поэтому во время перелета у меня по горло хватало своих дел.

— Уильям! — Ян со стуком поставил свой недопитый стакан на низкий столик у кресла. — В том, что мы оказались в подобном положении, гораздо больше моей вины, чем Кенси. При заключении контракта он решал тактические задачи, а стратегией должен был заниматься я. К сожалению, в данной ситуации я не видел дальше собственного носа.

— Если при обсуждении условий контракта нахарское правительство что-то скрыло от вас, есть полное основание для пересмотра соглашения или даже его разрыва.

— О, контракт спорный, с этим все в порядке. — Ян улыбнулся. (Я знаю, многим нравится верить досужим сплетням, что он никогда не улыбается, — это неправда. Но так мог улыбаться только Ян, и никто другой.) — Здесь затронута не только наша честь, но репутация Дорсая. Мы оказались в ситуации без выбора. В любом случае, останемся мы и погибнем или уйдем и сохраним свои жизни.

— Как вообще такое получилось? Как вы могли попасться в ловушку? — Я откровенно перестал что-либо понимать.

— Отчасти… — Ян поднял свой стакан, отпил глоток и снова поставил его на прежнее место. — Отчасти потому, что сам Уильям — стратег в высшей степени выдающийся… Надеюсь, и это для тебя не новость. Отчасти потому, что ни мне, ни Кенси не пришло в голову, что, подписывая контракт, мы заключаем не двух-, а трехстороннее соглашение.

— Извини, не совсем понимаю тебя.

— Ситуация в Нахаре складывалась таким образом, — медленно начал он, — что изначально предполагала ликвидацию

одного из социальных слоев общества — я имею в виду ранчеров, первых переселенцев. Строй, который они пытались создать, мог существовать лишь на малонаселенных территориях и только на этапе освоения. Государства вокруг их пастбищ были образованы порядка пятидесяти лет назад по сетанскому календарю. За эти годы соседи встали на ноги, в достаточной степени развили промышленность и, следовательно, доказали несостоятельность существующих в Нахаре полуфеодальных отношений и единоличного владения огромными земельными угодьями. Наивно полагать, что гальеги — эти бывшие испанцы — с самого начала не знали, чем все это закончится. Доказательство тому — крепость, в которой мы имеем счастье сейчас находиться.

Он снова улыбнулся своей странной улыбкой и, немного помедлив, продолжил:

— Но это было сравнительно давно, когда ранчеры еще надеялись задержать неотвратимо надвигающийся печальный финал. Сейчас они, кажется, решили пойти на компромиссы.

— Ты говоришь о соглашениях с более развитыми соседними странами? — уточнил я.

— Фактически соглашение с остальной частью Сеты, то есть с Уильямом…

— Тогда мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если у ранчеров уже имелось соглашение с Уильямом, которое от вас скрыли, вы имеете полное право разорвать контракт. Откровенно говоря, я не вижу здесь никаких трудностей.

— Между ними не существует даже устных, не то что письменных соглашений, — усмехнулся Ян. — Ранчеры лишь должны были известить Уильяма, что при соблюдении некоторых условий он может установить контроль над этой частью планеты. Землевладельцам в данном случае все равно — кому это предлагать. Если не Уильям, то в конечном счете появился бы кто-то третий.

— А с чем собирались остаться они?

— С гарантией, что их образ жизни и вся эта доморощенная культура будет защищена и сможет развиваться дальше.

Из-под темных бровей на меня в упор смотрели невеселые глаза Яна.

— Понимаю, — вздохнул я, — И как, по их мнению, Уильям должен действовать?

— Этого они не знают и, кажется, не очень беспокоятся. Уильям должен сам избрать способ оплаты за будущие услуги… Вот и все. У нас нет другого контракта, который мог бы служить оправданием разрыва настоящего.

Я отпил из своего стакана.

— Интриги в духе Уильяма, хотя то, что я о нем знаю, позволяет предполагать, что более естественным для него было бы создание ситуации, в которой Нахар отстал от своих соседей еще лет на пятьдесят. Из твоих слов я понял, что он торопится, замышляя какую-то аферу против Дорсая. Что выиграет Уильям, если братья Грэймы разорвут контракт и оплатят неустойку? По-моему, ваше финансовое положение от этого сильно не пострадает. И если даже придется воспользоваться резервными фондами Дорсая, для этих фондов подобные расходы будут не более булавочного укола. И, кстати, ты мне так и не объяснил, почему сложность проблемы заключается не в контракте как таковом, а в угрозе чести Дорсая.

Ян кивнул.

— Уильям рассчитал и то, и другое. И план его достаточно прост. Нахарцы нанимают военных специалистов — дорсайцев, желая превратить свою армию из сброда во вполне боеспособную силу. Далее на сцене появляются революционеры — провокаторы, которые поднимают в этой армии бунт. И когда страна начинает разваливаться, а ситуация выходит из-под контроля правительства, вот тут и появляются его собственные отряды наемников и восстанавливают в Нахаре твердый порядок.

— Понятно.

— Дальше все идет по заранее разработанному сценарию, — продолжал Ян, — Революционеры под его руководством занимают несколько кресел в правительстве, а ранчеры расстаются со своей абсолютной властью в провинциях, и не более, так как по-прежнему будут владеть своими поместьями, а Уильям со своими отрядами обеспечит землевладельцам защиту уже от истинных революционеров. И все сразу станут ручными и тихими, подобно тем, кто живет на остальной территории планеты, а также на многих других планетах.

— Да-а, — задумчиво протянул я. — Значит, его цель — демонстрация эффективности собственных отрядов там, где дорсайцы терпят поражение?

— Ну вот, ты меня, кажется, начал понимать. Мы можем диктовать свои цены, потому что военных нашего уровня на других планетах нет. Если наниматель желает получить результат, который могут обеспечить только дорсайцы, а именно: разрешение военного конфликта практически без потерь в людях, технике и средствах, — он должен пригласить дорсайца. Сейчас это закон. Но если появятся люди, способные делать подобную работу так же хорошо или даже лучше, естественно, цена на нас упадет, и Дорсаю останется лишь медленно умирать от голода.

— Пройдет не один год, пока Дорсай начнет голодать. И

наверное, за это время ситуация как-то изменится, и надеюсь, к лучшему.

— Дело в том, что Уильям смотрит еще дальше. Он не первый, кто мечтает нанять всех дорсайцев и с их помощью стать мировым диктатором. Ведь не случайно наши люди никогда не собираются в одном лагере все вместе. Но если Уильяму удастся задуманное и цена наша упадет настолько, что мы не сможем далее сохранять свободу и независимость Дорсая… Вот тогда Уильям предложит свой контракт — контракт, который даст нам возможность выжить, и тогда у нас не будет другого выбора, как его принять.

— Тогда ты просто обязан разорвать свой контракт, чего бы он ни стоил.

— Боюсь, что нет, — Ян вздохнул, — Неустойка такова, что мы не сможем ее оплатить. Мы станем прокляты, если уйдем, и будем прокляты, если останемся. Мы между двух жерновов, и если Аманда не найдет выхода, судьба сотрет нас в порошок…

Ян хотел что-то добавить, но в этот момент дверь приоткрылась и на пороге появилась Аманда.

— Спешу сообщить, что к нам изволили пожаловать господа-аборигены, называющие себя губернаторами, — Шутливый тон никак не вязался с ее озабоченным лицом. — По всей видимости, мне придется почтить их своим присутствием. Ты пойдешь, Ян?

— Хватит и одного Кенси, — проворчал Ян. — Мы этим господам уже объяснили, что вдвоем бегать за ними не обучены, а то чуть что — «свистать всех наверх»… И встреча эта — пустые разговоры, не более.

— Хорошо. — Аманда собиралась закрыть двери, но, видно что-то вспомнив, спросила: — Можно пригласить Падму?

— Спроси у Кенси. Но, пожалуй, сейчас лучше не дразнить наших глубокоуважаемых губернаторов.

— Вот и хорошо, — вздохнула Аманда. — Кенси тоже так считает, но просил меня поинтересоваться твоим мнением по этому поводу. — Она вышла.

— Ты действительно не хочешь идти туда? — спросил я.

— Нет необходимости, — Ян поднялся со своего кресла. — Сейчас я кое-что тебе покажу. Тогда мы сможем окончательно разобраться в ситуации. Если меня и Кенси убьют, у Аманды в помощниках будешь только ты — если, конечно, у тебя еще не пропало желание остаться.

— Я от своих слов не отказываюсь. — Кажется, мой ответ прозвучал достаточно твердо.

— Вот и хорошо. Тогда пошли. Я хочу представить тебя Конде Нахара. Я послал Мигеля узнать, принимает ли его

превосходительство, но ждать больше нельзя. Пойдем посмотрим, как поживает наш престарелый господин.

— А что, разве ему — я имею в виду Конде — не полагается быть на губернаторском приеме?

— Если речь идет о серьезных вещах, его не приглашают. По местным законам, Конде управляет всеми, но только не губернаторами. Ведь избирают Конде губернаторы… Законы законами, а по сути управляют всем эти господа.

Мы покинули служебный корпус и отправились в долгое путешествие по бесконечным коридорам Гебель-Нахара. Дважды поднимались на лифтах и наконец оказались на эскалаторе, что двигался вдоль длинной галереи. Когда она закончилась, Ян пинком ноги распахнул какие-то двери, и мы оказались, судя по обстановке, в дежурной комнате казарм гарнизона.

При виде нас, а скорее при виде грозного Яна солдат, в ставшей уже привычной форме полкового оркестра, с грохотом вскочил из-за стола.

— Господа! — выкрикнул он по-испански.

— Я приказывал господину де Сандовалу узнать, сможет ли Конде принять капитана Эль Мана и меня, — заявил Ян. — Где сейчас находится капельмейстер?

— Не могу знать, сэр. Он еще не возвращался. Сэр, наверное, знает, что не всегда можно быстро добиться приема у Конде.

— Это я знаю. Вольно, солдат. Значит, есть надежда, что господин де Сандовал скоро объявится?

— Да, сэр, с минуты на минуту. Может быть, господа захотят пройти в кабинет капельмейстера?

Дежурный неуклюже развернулся на месте и жестом, явно не свойственным военному человеку, указал на дверь в дальнем углу дежурки, за которой оказалась аккуратно прибранная комната, заставленная шкафчиками с бесчисленным множеством выдвижных ящиков и с абсолютно чистым письменным столом. На стенах были развешаны музыкальные инструменты.

В том, что это в основном струнные и духовые инструменты, я разобрался, хотя многие из них видел в первый раз. Один весьма походил на шотландскую волынку. У нее были всего одна басовая труба длиной сантиметров семьдесят и сопелка, вдвое короче. Другой, незнакомый мне инструмент по внешнему виду напоминал обычный горн, с непонятной целью обмотанный красным шнуром с шелковыми кистями. Я внимательно изучил всю настенную коллекцию, а затем снова вернулся к ущербной волынке, возле которой расположился Ян Грэйм.

— Ты умеешь играть на этом? — поинтересовался я.

— Я не дудочник, — ответил он, — Немного могу, но только

на традиционной волынке горцев. Попроси Мигеля: он играет на всем — и играет неплохо.

Потеряв интерес к инструментам, я тоже сел.

— Ну и что ты думаешь? — спросил Ян.

Я еще раз оглядел комнату.

— Странно… все это, — сказал я.

Так мог сказать только дорсаец.

Без сомнения, не найдешь в мире двух людей, совершенно одинаково содержащих свои служебные кабинеты, но если вы по неуловимым чертам безошибочно отличите в толпе дорсайца, так и по характеру кабинета определите, что его хозяин — дорсаец, и почти никогда не ошибетесь. С одного взгляда я, как, впрочем, и Ян, зайдя в комнату незнакомого офицера, могли догадаться, где он родился. И ключом к разгадке служил не тип мебели, а то, как она была расставлена. Только не думайте, что я излишне восхваляю проницательность нашего народа. Любой старый солдат, зайдя в кабинет другого старого солдата, скажет: «Вот кабинет ветерана». И в этом случае, и в нашем гораздо легче ответить, чем объяснять, почему именно такой ответ будет правильным.

Итак, служебный кабинет Мигеля де Сандовала, безусловно, являлся обителью дорсайца и при этом значительно отличался от него.

— Он так развесил свои инструменты, словно это боевое оружие, — заметил я.

Ян молча кивнул. То, что очевидно, не обязательно подтверждать словами.

Если бы Мигель захотел нас убедить в своем решении никогда не брать в руки оружие, он бы клятвой на знамени не добился того, чего достиг простой демонстрацией стен своего кабинета.

— Мне кажется, это у него серьезно, — сказал я, — Не понимаю, что случилось?

— Это его личное дело, — ответил Ян.

— Да, разумеется, — согласился я.

Но открытие это сильно задело меня, так как наконец я понял, что происходит с моим юным другом. Всепоглощающая боль терзала Мигеля, и нельзя было пройти мимо и не разделить эту боль — боль человека, которого ты знал с детства.

Осторожно приоткрылись двери, и в просвете появилась голова дежурного.

— Господа, — объявил он. — Господин капельмейстер будет здесь через минуту.

— Спасибо, — очень вежливо поблагодарил Ян, и

действительно, не прошло и минуты, как на пороге комнаты появился Мигель.

— Извините, что заставил вас ждать, — начал он, но Грэйм не дал ему договорить.

— Не надо извинений. Как нетрудно догадаться, его превосходительство вынудил тебя изрядно поскучать в приемной?

— Да, сэр.

— Ну а сейчас он расположен принять меня и капитана?

— Да, сэр. Он ждет вас с нетерпением и примет с радостью.

— Ну и отлично.

Ян резко встал, я последовал его примеру, и мы оба вслед за Мигелем направились к выходу.

— Аманда Морган сейчас встречается с губернаторами, — обратился Ян к Мигелю. — Возможно, ты ей понадобишься. Где она тебя найдет?

— Я буду все время здесь, — ответил Мигель. — Сэр… я бы хотел извиниться за дежурного, который пытался оправдать мое отсутствие… — Он мельком взглянул на крайне смущенного солдата, — Моим подчиненным много раз…

— Все хорошо, Мигель, — улыбнулся Ян, — Ты был бы плохим дорсайцем, если бы солдаты не пытались защищать тебя.

— Тем не менее…

— Тем не менее, — снова перебил его Ян, — я знаю, что теперь эти музыканты — единственная боевая часть, которая будет защищать Гебель-Нахар… извини, но я не верю в чудеса.

— Спасибо, командор, — улыбнулся Мигель.

— Не стоит благодарностей.

Мы вышли, и снова Ян вел меня по лабиринту из лифтов и глухих коридоров.

— Сколько музыкантов ушли вместе с полком? — спросил я.

— Все здесь, — коротко бросил Ян. — И, кроме них, никто не остался?

Насмешливый взгляд был мне ответом, но, видно сочтя его недостаточно красноречивым, Ян добавил:

— Возможно, ты забыл, но Мигель — все же выпускник нашей академии…

Мы оказались у массивных двустворчатых дверей, к которым нас привел короткий, но достаточно широкий коридор. Ян сильно надавил кнопку звонка и, четко выговаривая по-испански каждое слово, объявил:

— Командор Ян Грэйм и капитан Эль Ман просят разрешения его превосходительства принять их.

Стоило Яну произнести последнее слово, как за дверями что-то мягко защелкало, одна из створок распахнулась, и перед нами

появился еще один музыкант Мигеля де Сандовала.

— Извольте сюда, господа, — почтительно произнес он.

— Спасибо, — кивнул Ян. — А где мажордом Конде?

— Он ушел, сэр. Как и большинство прочих слуг.

— Понятно.

Переступив порог, мы оказались в весьма просторной, но без окон комнате, обставленной старинной, сохранившей былое великолепие, но непривычно громоздкой мебелью.

Музыкант провел нас еще через две, удивительно похожих на первую и тоже без окон, комнаты. Затем мы оказались в третьей, отличавшейся от предыдущих окном во всю стену и открывающимся за ним неизменным степным пейзажем.

У окна, опираясь на трость с серебряным набалдашником, стоял высокий худой старик в черном.

Солдат, не привлекая внимания, закрыл за собой двери, а Ян подвел меня к единственному обитателю этой комнаты.

— Ваше превосходительство, — произнес он все так же по-испански, — Разрешите представить вам капитана Корунну эль Мана. Капитан, вы удостоены высокой чести: перед вами — его превосходительство Конде Нахара — Масиас Франсиско Рамой Мануэль Валентин де Компостелло де Абенте.

— Добро пожаловать в Нахар, капитан, — прозвучал слабый старческий голос — все, что осталось от некогда величавого баса. Говорил Конде правильнее, чем его подданные, с которыми я уже имел возможность познакомиться, но его испанский был, пожалуй, еще архаичнее. — Надеюсь, господа не откажутся присесть? Года мои не идут на пользу здоровью, и стоять становится все более утомительным.

И мы расположились в тяжелых креслах с высокими спинками и массивными подлокотниками — настоящие королевские троны, а не кресла.

— Капитан Эль Ман, — начал Грэйм, — прервал свой короткий отпуск и добровольно вызвался доставить госпожу Аманду Морган, чтобы она смогла встретиться и обсудить с губернаторами сложившуюся в Нахаре обстановку. Сейчас госпожа Морган находится в зале заседаний.

— Я не знаком… — Конде запнулся, довольно долго вспоминая имя, — с Амандой Морган.

— Это наш эксперт.

— Буду рад встрече с ней.

— Она с нетерпением дожидается возможности быть представленной вам.

— Пожалуй, сегодня вечером. Буду рад видеть всех к ужину, но… слуги мои покинули дворец.

— Я только что узнал об этом, — сказал Ян.

— Они могут убираться! — Конде был не на шутку рассержен, — Но никто из них больше не переступит порог этого дома. И дезертирам никогда — слышите, никогда не будет разрешено возвратиться в мою армию.

— Если его превосходительство позволит, — сдержанно заметил Ян, — мы пока не знаем всех причин, побудивших полки выйти из повиновения. Возможно, среди них существуют и такие, которые позволят его превосходительству проявить снисхождение.

— Не хочу даже думать о снисхождении, — Произнесено это было тонким надтреснутым голосом, но с таким пафосом, что при этом спина старика распрямилась, а в темных глазах зажегся яростный огонь, — Но если вы считаете, что такие причины существуют, я готов рассмотреть их немедля.

— Мы высоко ценим ваше решение, — ответил Грэйм.

— Вы слишком мягкий человек, — Конде перевел взгляд на меня, — Капитан! — Неожиданно в голосе старика появились металлические нотки, — Командор, надеюсь, уже успел вам обрисовать ситуацию? Эти дезертиры… — Палец Конде указывал в окно на простирающуюся внизу равнину. — …Эти дезертиры, подстрекаемые людьми, бессовестно называющими себя революционерами, угрожали взять штурмом Гебель-Нахар. Если они посмеют прийти сюда, я и преданные мне слуги — мы будем сражаться. Сражаться до последней капли крови.

— Губернаторы… — начал Ян.

— Губернаторы? Этим людям нечего мне сказать! — яростно отрезал Конде. Однажды они — точнее не они, а их отцы и деды — выбрали моего отца. Я унаследовал его титул, и ни они, и никто другой во всей Вселенной не наделен правом лишить меня того, что принадлежит мне по праву. Пока я жив, я буду El Conde, и только смерть лишит меня права им быть. Я буду драться, даже если останусь один. Драться, пока последние силы не покинут меня. Но я никогда не отступлю — никогда! Никаких компромиссов! Слышите, никаких!

Вот так продолжался яростный монолог Конде. Произносились все новые и новые слова, но смысл их оставался прежним: ни на один дюйм не уступит правитель Нахара тем, кто собирается изменить государственную систему.

Можно было бы не предавать всему этому значения, если бы мы считали: старик выжил из ума, не знает и не понимает того, что происходит в стране. Но хрупким и немощным было лишь его тело, а разум оставался чист; и ситуация в стране представлялась Конде так же ясно, как и нам. То, что он сейчас декларировал,

являлось порождением непоколебимого упрямства. Он решил никому и ни в чем не уступать, несмотря на голос разума и известное ему подавляющее превосходство враждебных сил.

Истекли еще несколько минут яростных обличений — пафос его речи стал понемногу стихать. Тогда он в изысканной придворной манере попросил извинить его за некоторую горячность, но не за твердость убеждений. Затем последовал небольшой экскурс в историю Гебель-Нахара, и после обмена любезностями его превосходительство отпустил нас.

— Теперь ты познакомился с еще одной стороной наших проблем, — по дороге в служебный корпус заметил Ян.

Некоторое время мы шли молча.

— Одна из сторон этих проблем, — прервал я молчание, — на мой взгляд, заключена в различии, как мы понимаем, что такое честь, и как эти же вопросы решаются здесь, в Нахаре.

— И не забудь сказать: «При полном отсутствии этой самой чести у Уильяма», — добавил Ян. — Для нас честь — это прежде всего ответственность личности перед собой, перед обществом и в конечном счете перед всем человечеством. Для нахарцев честь есть лишь обязательство перед собой.

И тут я невольно рассмеялся.

— Извини, — Я встретился с ним взглядом, — Оказывается, ты читал пьесу Кальдерона о саламейском мэре?

— Не думаю. Ты сказал — Кальдерон?

— Педро Кальдерон де ла Барка — испанский поэт семнадцатого века. Автор пьесы «Саламейский алькальд», — И я прочел пришедшие мне на память, после слов Яна о чести, строки:

Al Rey la hacienda y la vida
Se ha de dar; pero el honor
Es patrimonio del alma
Y el alma solo es de Dios.

— «Судьба и жизнь принадлежит королю, — тихо повторил за мной Ян, — И только честь живет в душе, а душа отдана Богу». Я понимаю, что ты хочешь этим сказать.

Я намеревался продолжить разговор, но заметил, что Ян не слушает, а лишь изредка бросает в мою сторону короткие косые взгляды.

— Когда ты в последний раз ел? — спросил он.

— Не помню, — ответил я. — Но, пожалуй, не испытываю никакой потребности в пище.

— Тогда ты испытываешь потребность в отдыхе. Наверное,

нелишне будет вспомнить, как ты летел сюда с Дорсая. Сейчас тебе просто необходимо выспаться. Если Конде еще не раздумал устраивать сегодня прием, я постараюсь ему все объяснить.

— Хорошо. Ценю твою заботу.

Стоило только подумать о предстоящем отдыхе, как усталость сразу же навалилась на меня.

Можно тем, кто никогда не летал к звездам, не знать простое правило старых пилотов: «Риск в полете возрастает прямо пропорционально увеличению расстояния, пройденного в одном сдвиге». А говоря проще — никогда не выходи за пределы безопасной дистанции световых лет. Те шесть фазовых сдвигов, что я преодолел, перекрыли все мыслимые и немыслимые границы дозволенного.

Опасность заключается еще и в том, что во много раз возрастает статистическая ошибка при расчетах координат твоего нового местоположения, и ты рискуешь оказаться в таком районе космоса, где нет известных тебе созвездий, от которых можно взять новый отсчет. Но даже если ты исключишь эту проблему, все равно для подготовки нового сдвига требуется провести огромное количество вычислений и ввести новые поправки. Это жизненно важно, иначе, выйдя из следующего сдвига, ты уже никогда не найдешь дорогу обратно.

За трое суток полета я позволил себе лишь пару раз, в перерывах между вычислениями, вздремнуть, не вставая с командирского кресла.

Когда вызванный Яном солдат довел меня до дверей предназначенных мне апартаментов, единственное, чего я страстно желал, — это, не раздеваясь, рухнуть на огромное ложе спальни. Но годы опасностей и врожденный инстинкт самосохранения заставили сначала проверить все три комнаты и ванную. В одной из комнат находилась дверь, через которую можно было выйти на узкий длинный балкон, протянувшийся по всей длине здания и разделенный на части кадками с тропическими растениями.

Осмотрев принадлежащий мне кусочек балкона, комнаты и заперев двери, я едва добрался до постели.

Проснулся, когда за окнами уже стемнело. Разбудил меня настойчивый звонок во входную дверь, я протянул руку и в темноте нашарил тумблер переговорного устройства.

— Да? — хриплым со сна голосом спросил я. — Кто это?

— Мигель де Сандовал, — раздался в динамике спокойный голос Мигеля. — Могу ли я войти?

Я тронул кнопку, управляющую защелкой дверного замка, и сквозь дверной проем спальни наблюдал, как распахнулась

входная дверь, впуская из коридора в темноту гостиной расходящийся веером кинжально-острый пучок света. Затем я встал и отправился в гостиную.

— Что случилось? — спросил я, когда дверь за Мигелем закрылась.

— Вентиляция на этом этаже не в порядке, — ответил он, и только сейчас я заметил, как неподвижен воздух в моих комнатах. Очевидно, что Гебель-Нахар имел автономную систему вентиляции, не связанную с атмосферным воздухом планеты.

— Я собирался проверить все жилые комнаты на этом этаже, — произнес мой ночной гость. — Наружные двери не герметичны, так что удушье вам не грозит, но дышать будет немного трудно. К утру, надеюсь, все будет в порядке… Стоило разбежаться прислуге, как сразу начались неполадки. Пожалуй, я открою балконную дверь. — Последнюю фразу он произнес на полдороге к окну.

— Спасибо, — поблагодарил я. — А куда исчезли слуги? Они что, тоже все революционеры?

— Вряд ли. — Мигель щелкнул задвижкой замка, впуская в комнату ночную прохладу, — Наверное, просто не захотели, чтобы во время штурма заодно с Конде и им перерезали глотки.

— Уважительная причина, — согласился я.

— Да, понять их можно.

— Сколько сейчас времени? — спросил я, — Так крепко спал, будто наглотался снотворного.

— Скоро полночь.

Я сел в кресло. Слабый свет от расставленных на балконе светильников проникал через окно в гостиную и лишь слегка разгонял темноту.

— Посиди со мной, — попросил я. — Расскажи, как прошел ужин у Конде?

Мигель расположился в кресле напротив.

— К сожалению, мне нужно скоро уходить. Сегодня я единственный, кто может исполнять обязанности дежурного офицера. А вечер у Конде прошел как сладкий сон. Старик так увлекся ухаживанием за Амандой, что на время забыл о необходимости проклинать взбунтовавшуюся армию.

— Ты не знаешь, чем закончилась встреча Аманды с губернаторами? — И я скорее почувствовал, чем увидел, как в сумерках гостиной он неопределенно пожал плечами.

— А что с ними вообще можно было обсуждать? Господа лишь выражали крайнюю озабоченность в связи с уходом армии и требовали заверений, что Кенси и Ян смогут контролировать ситуацию.

— Они уже разъехались?

— Отбыли, на прощание потребовав гарантировать безопасность Конде. И Ян, и Кенси отказали им в этом, но пообещали, что оставшиеся здесь будут защищать Конде, используя все возможные средства.

— Выходит, Аманда зря потратила на них силы и время…

— Пожалуй, нет. Она хотела «почувствовать» их. — Мигель слегка подался вперед. — Ты же знаешь, ей нужно готовить и отправлять домой отчет… Хотя я думаю, что если кто-то и найдет решение, то это будет только Аманда Морган. Она говорит: «Не сомневайтесь, выход есть»… но найдет ли она его за оставшиеся тридцать шесть часов — вот в чем вопрос.

— Ты рассказывал ей о губернаторах? Как я понимаю, ты единственный из ее окружения, кто знает этих господ.

— Да, мы немного поговорили в аэробусе. Потом я ждал, что Аманда позовет меня, но она работала или одна, или с Падмой, или с Яном.

— Ясно, — сказал я, — Могу я помочь? Хочешь, сменю тебя?

— Ян велел тебе передать, чтобы ты хорошенько выспался, потому что завтра понадобишься ему. Я нормально справлюсь с дежурством, — Мигель встал и двинулся к входной двери. — Покойной ночи.

— Покойной ночи, — ответил я.

Острие светового клинка снова скользнуло по ковру, дверь щелкнула, свет исчез, и я остался один в сумраке гостиной.

Я не пошел в спальню, а, подставив лицо свежему ночному ветерку, проникавшему сквозь полуоткрытую балконную дверь, остался сидеть в кресле. Наверное, я задремал, а может, просто задумался и не сразу услышал звуки голосов за балконной дверью. Они доносились не с моей, а с соседней части балкона, левее спальни…

— Да, — произнес мужской голос.

Невольно думая о Яне, я и сейчас решил, что голос принадлежит ему. Нет, это был Кенси. Голоса братьев отличались, пожалуй, лишь интонациями.

— Я не знаю… — ответил встревоженный женский голос — голос Аманды Морган.

— Слишком быстро летит время, — снова заговорил Кенси, — Посмотри на нас. А ведь словно еще вчера мы вместе ходили в школу.

— Ты считаешь — пора обзаводиться семьями? А может быть, я никогда этого не сделаю…

— Ты так уверена?

— Конечно нет. — Голос ее стал глуше, словно она отошла от

Кенси.

Неожиданно для себя я представил, как он стоит, прижимаясь спиной к стеклу балконной двери, и ее… вот она идет к перилам балкона, сжимает теплыми пальцами холодный металл и смотрит на залитую звездным светом равнину.

— Тогда, может быть, стоит подумать об этом сейчас?

— Нет, — ответила она. — Я знаю… я не хочу этого сейчас.

И снова изменился голос — это она повернулась и снова подошла к нему.

— Может быть, во мне живут тени прошлого? Может быть, дух первой Аманды поселился во мне и решает за меня даже самые простые житейские проблемы?

— Она выходила замуж три раза.

— Но мужья никогда не были в ее жизни главным. О, я знаю, она любила их. Я читала ее письма и воспоминания о ней ее детей. Но она принадлежала всем, а не только своим мужьям и детям. Неужели ты не понимаешь? Я знаю, что такое предназначение ждет меня.

Он молчал, и прошла долгая, томительная пауза, прежде чем снова раздался ее голос:

— Кенси, неужели это так важно?

Наверное, он хотел обратить все в шутку, только мне показалось, что слова даются ему с трудом.

— Так мне кажется, — медленнее, чем обычно, произнес он.

— Но ведь это случилось, когда мы были детьми. С тех пор мы выросли. Ты изменился. Изменилась и я.

— Да.

— Я не нужна тебе, Кенси, я не нужна тебе, — звучал мягкий женский голос. — Все и так любят тебя.

— Могу я поменять? — Опять его шутливый тон. — Всех на одну тебя?

— Не надо, Кенси!

— Ты просишь слишком многое, — Теперь голос его не казался шутливым, но не чувствовалось в нем даже тени упрека, — Пожалуй, мне будет легче просто перестать дышать…

И снова долгое молчание разделило их.

— Почему ты не хочешь понять, что у меня нет выбора? — сказала она, — Выбирать можешь ты, а у меня нет выбора. Мы оба — такие, как есть, и другими уже не будем никогда.

— Да, — согласился он.

На этот раз ее молчание длилось дольше. Они оба застыли, так и не сделав последнего шага друг к другу.

— Да, — наконец произнес он. И на этот раз получилось усталое и медленное «да». — Жизнь не стоит на месте, и все мы,

нравится нам это или нет, движемся вместе с этой жизнью.

И только теперь она направилась к нему. Я слышал звуки легких шагов по бетонным плитам балкона.

— Ты переутомился, — сказала она. — Ты и Ян, вы оба переутомились. Пойди отдохни до утра. Все кажется другим при солнечном свете.

— И такое порой бывает, — Снова в его голосе появились шутливые нотки, но я понимал, чего это ему стоит, — Хотя сейчас я не могу поверить в чудодейственную силу этого лекарства…

Они ушли с балкона, а я остался сидеть в кресле, чувствуя, что сон оставил меня. Я сидел и уговаривал себя, что не мог встать, уйти и не слышать их разговора так, чтобы не выдать своего присутствия. Их слух был так же обострен, как и мой, их ведь тоже учили быть бдительными. Я уговаривал себя и не мог избавиться от отвратительного чувства — я вмешался в чужую жизнь, я оказался там, где мне не следовало быть никогда.

А сейчас уже поздно что-либо изменить, и оставалось сидеть в своем кресле, и уговаривать самого себя, что ты не мог поступить иначе. А отвратительное чувство не исчезало, не внимало уговорам…

Я так погрузился в собственные переживания, что ворвавшийся в мое сознание тревожным сигналом легкий шорох шагов услышал лишь возле самой балконной двери. Я поднял голову — темный женский силуэт вырисовывался в проеме приоткрытой двери.

— Ты все слышал, — раздался тихий голос Аманды.

Не было смысла отрицать, да она и не спрашивала, и я сказал — да.

А она не двигалась, не уходила, словно что-то ждала.

— Это случайность! Когда вы вышли на балкон, я уже сидел в этом кресле. Я не мог ни встать, ни закрыть двери.

— Все хорошо. — Она вошла ко мне. — Нет, не надо зажигать свет.

И я опустил руку, уже протянутую к встроенному в ручку кресла пульту управления. Свет с балкона падал на мое лицо, и ей было лучше видно, чем мне. Она села в кресло, которое еще недавно занимал Мигель.

— Я сказала себе: пойду и посмотрю, хорошо ли он спит… Ян рассчитывает на твою помощь завтра… Но про себя думала: лучше бы он не спал.

Я понял, что за этим сейчас последует.

— Я не считаю возможным для себя бесцеремонно вторгаться в чужую жизнь.

— Я врываюсь к тебе среди ночи, хватаю за шиворот, тычу

носом в свои проблемы, и это ты называешь — вторгаться в чужую жизнь? — Я слышал знакомый голос и легкий, беззаботный тон, которым пытаются скрыть внутреннюю боль; так совсем недавно говорил Кенси. — Это обо мне нужно говорить — вторгаюсь. Это я свои беды пытаюсь взвалить на чужие плечи.

— Я готов разделить их, — чуть помедлив, произнес я.

— Я верила, что ты скажешь именно эти слова. — Странно, что этот голос, который я привык слышать совсем в другой обстановке, сейчас исходил от размытого полумраком темного силуэта. — Я бы не посмела тревожить тебя, но мне нужно собраться с мыслями и делать только то, для чего я оказалась здесь, но личное… оно встает на моем пути, оно мешает мне.

Она помолчала.

— И тебе действительно не надоели люди с их бесконечными проблемами?

— Нет.

— Я так и думала. Я знала, ты не оттолкнешь меня. Ты часто вспоминаешь Элизу?

— Когда не думаю о другом.

— Жаль, что я не знала ее.

— Она была хорошим человеком.

— Да. Как правило, это начинаешь понимать, лишь когда сравниваешь с кем-то другим. Страшно то, что часто мы это просто не успеваем понять. Или понимаем, когда уже слишком поздно, — Она помолчала. — После того, что сейчас произошло на балконе, ты наверное, думаешь, я говорю о Кенси?

— А разве не о нем?

— Нет. Кенси и Ян — вся семья Грэймов — они так близки нам, Морганам… мы ведь как родственники. Обычно ты не влюбляешься в родственника или думаешь, что не влюбишься в родственника, по крайней мере когда ты еще молод. Ты мечтаешь о прекрасном далеком незнакомце — о таком, который ждет тебя в конце пути длиной в пятьдесят световых лет.

— Я никогда не мечтал о подобном. Элиза жила рядом, и с каждым прожитым годом росла к ней моя любовь.

— Извини меня. — И я увидел, как качнулись в сумраке расплывчатые очертания ее фигуры, — Я все время думаю и говорю только о себе, но я понимаю тебя. Знаешь, когда я была моложе, то иногда задумывалась о своей судьбе — рано или поздно, но наступит тот день, когда должна будешь сказать «да». У девушки наверняка не все в порядке, если она не хочет, чтобы рядом с ней был такой человек, как Кенси.

— И ты действительно так считаешь?

— Да, — ответила она. — Со мной что-то происходило. Я

росла — и это было моей бедой.

— Все растут.

— Нет, я говорю не об этом. Я не вкладываю в это понятие биологический смысл. Я духовно становилась зрелой личностью. Нам, Морганам, судьба даровала долгую жизнь, и, мне кажется, поэтому мы дольше взрослеем. Знаешь, как это происходит с малышами — все равно, зверь это или человек. У тебя в доме была какая-нибудь зверушка?

— И не одна.

— Тогда ты поймешь, что я хочу сказать. Когда дикий зверек еще мал, помнишь, какой он ласковый, как сворачивается в клубок у твоих ног? Но вот он подрос, и вдруг однажды он кусает и царапает тебя без предупреждения. И тогда люди говорят: «Ничего не поделаешь, таков инстинкт». Но это не так. Ведь и люди порой ведут себя точно так же. Когда живое существо подрастает, оно начинает задумываться о себе, о своих желаниях, стремлениях, о своем настроении, наконец. И настает такой день, когда кто-то хочет поиграть с этим существом… а оно вовсе не хочет шрать, и тогда оно протестует: «Вон от меня! То, что я хочу, так же важно, как и то, что хочешь ты!» И все… Время, когда ты уютно сворачивался у чужих ног, прошло и никогда уже не вернется.

— Ты права. Это происходит со всеми нами.

— Но у нас это происходит слишком поздно! А может быть, мы слишком рано начинаем самостоятельную жизнь? На Дорсае уже в семнадцать лет мы уходим из дома, мы работаем как взрослые — или у себя на планете, или на других. Нас выбрасывают во взрослый мир. У нас нет времени задуматься, что значит быть взрослым и что делает нас взрослыми. Мы еще не понимаем, что уже не щенки, пока без предупреждения не набросимся на кого-нибудь, чтобы покусать и расцарапать. И только тогда нам становится ясно, что мы изменились и другие тоже изменились. Но уже слишком поздно приспособиться и понять перемены, произошедшие в другом человеке, потому что сами бьемся в ловушке своих собственных перемен.

Она остановилась, и я тоже молча сидел и ждал. Опыт подобных откровений подсказывал, что мне не нужно говорить — говорить будет Аманда.

— Нет, не о Кенси думала я, когда села в это кресло и сказала: «Странно то, что единственно нужного человека ты встречаешь, когда уже слишком поздно». Я говорила о Яне.

— О Яне? — переспросил я, потому что Аманда вновь замолчала, и я чувствовал, просто необходимо было что-то сказать, помочь ей продолжить.

— Да, — вздохнула она, — Когда я была молода, то не понимала Яна. А вот сейчас понимаю. Тогда мне казалось, в нем нет души, чувств, что он весь сделан из чего-то твердого, что он… как кусок дерева. Но он не такой. Все, что ты замечаешь в Кенси, — есть и в Яне, только вот слишком мало света вокруг него, чтобы увидеть это. Теперь я знаю, и теперь слишком поздно.

— Поздно? Но ведь он не женат… или женат?

— Женат? Да нет, пока нет. А ты разве ничего не знаешь? Посмотри на фотографию на его столе. Девушку зовут Лия. Она с Земли. Ян встретил ее там четыре года назад. Но не о Лии думаю я, говоря «слишком поздно». Слишком поздно — это я о себе. Мне судьбой предназначено повторить жизненный путь первой Аманды. Я рождена принадлежать сначала людям и только потом одному-единственному человеку. Как бы сильно ни влекло меня к Яну, я всегда думала об этой зависимости; в моей душе ему предназначена лишь вторая роль. Я не могу поступить с ним так, и уже поздно что-либо менять в себе.

— А может быть, Ян примет такие условия?

Она молчала, и только вздох я услышал оттуда, где в полумгле вздрогнула черная тень…

— Ты не должен говорить так, — прошептала Аманда.

Вновь потекли томительные мгновения тишины, пока она не заговорила, страстно и яростно:

— Если бы мы с Яном вдруг поменялись ролями, ты бы и ему предложил подобное?

— Я не предлагал, я лишь сделал предположение.

И снова молчание!

— Ты, как всегда, прав, — сказала она. — Я знаю, чего хочу, и знаю, чего боюсь в себе, и настолько это для меня очевидно, что порой начинает казаться, все вокруг меня тоже знают.

Она встала.

— Прости меня, Корунна. Я не имела права обременять тебя своими заботами.

— Так устроен мир. Люди говорят с людьми.

— А с тобой больше, чем с другими, — Она подошла к балконной двери и задержалась на ее пороге, — Еще раз спасибо.

— Я не сделал ровным счетом ничего.

— Все равно спасибо. Покойной ночи. Постарайся уснуть.

Она вышла на балкон, и, пока стена моей гостиной не скрыла ее из виду, я провожал глазами необычайно прямой, стройный силуэт уходящей от меня женщины.

В кровать я лег с ощущением, что не засну никогда. Но уже через мгновение провалился в глубокий, непробудный сон.

А проснулся, когда наступило утро, и разбудили меня

мелодичные трели видеофона. Всего один щелчок переключателя, и на экране появилось лицо Мигеля.

— Я посылаю к тебе человека с планом Гебель-Нахара, — сообщил он после короткого приветствия, — Теперь ты здесь сможешь ходить без провожатых. Если готов, завтрак ждет тебя в общем зале.

— Спасибо, — успел ответить я, и экран потух.

Явился посыльный с обещанными картами; к этому времени я уже встал и был готов к началу второго дня пребывания в осажденной крепости. Когда я вошел в зал, его единственным обитателем был уже заканчивающий завтракать Ян.

— Садись, — указал он мне на кресло рядом. Я сел и приготовился слушать.

— Исходя из реальной обстановки, — начал он, — я предполагаю, что через двадцать четыре часа, возможно — чуть позже, начнется штурм. Мне хочется, чтобы ты прежде всего тщательно познакомился с системой обороны, в особенности с укреплениями первой линии. Тогда ты сможешь руководить людьми на этих участках или, если возникнет необходимость, возглавить оборону.

— Как ты себе это представляешь? — спросил я.

Ян дождался, когда отправится на кухню получивший мой заказ солдат, и только тогда продолжил:

— Для обороны первой линии будет выведена команда Мигеля, и небольшая горстка останется в резерве. Большинство наших музыкантов в лучшем случае держали когда-либо в руках лишь стрелковое оружие, нам же при отражении атаки пехоты потребуется умение обращаться с тяжелым энерговооружением и артиллерией. Я хочу, чтобы ты научил их этому. Мигель знает, кто из них на что способен, и будет тебе помогать. Завтракай, а я расскажу, как, на мой взгляд, поведут атаку мятежники, что от них можно ожидать и, следовательно, каковы должны быть наши вероятные действия.

Принесли завтрак, и вместе с ним я усваивал соображения Яна, почерпнутые как из его собственного опыта, так и из наблюдений Мигеля, и что в коротком пересказе выглядело приблизительно так.

Наступающая армия, раз за разом, волновыми фронтальными атаками, будет накатываться на укрепленный склон, пока не подавит первую линию обороны. План Яна основывался на идее жесткой обороны первой линии, а при невозможности быстрого отхода на вторую — имел в виду непременное уничтожение оставшегося тяжелого вооружения, чтобы оно не могло быть использовано неприятелем. Все начиналось снова на второй

линии — и так, шаг за шагом, медленный отход вверх по склону. Наверняка именно такая оборонительная тактика подразумевалась проектировщиками при создании крепости Гебель-Нахар.

Что же могло помешать осуществлению этого плана? Если не все защитники смогут быстро и организованно перейти на вторую линию, естественно будет предположить, что для ее обороны просто не хватит людей, не говоря уже о третьей, четвертой и прочих линиях обороны. И может случиться так, что самую мощную крепостную стену на верхней террасе просто некому будет защищать.

Будь у нас достаточное количество «понюхавших пороху» солдат, не говоря уже о ветеранах-дорсайцах, мы могли бы так организовать оборону, что после громадных потерь наступающие поневоле прекратили бы бесплодные атаки.

Никто из нас не высказал этого соображения вслух, но оба мы отчетливо понимали, что поражение наше неизбежно и единственное, на что мы способны, — это нанести как можно больший урон противнику.

И вот еще что было очевидно и не обсуждалось: чем яростнее будет оборона Гебель-Нахара, тем меньше будет оснований у губернаторов и Уильяма обвинить дорсайских военных в непрофессионализме.

Закончился мой завтрак, а вместе с ним и лекция по тактике обороны.

— Где сейчас Аманда? — спросил я, вставая из-за стола.

— Работает вместе с Падмой… или нужно говорить: Падма работает вместе с ней, — ответил Ян.

— Я не знал, что экзоты изменили своим принципам невмешательства в военные конфликты.

— А он и не участвует. Обычная линия поведения экзотов — делиться знаниями с тем, кому они нужны, и ты это прекрасно знаешь. Они пытаются найти политическое решение проблемы, чтобы репутация дорсайцев не пострадала.

— А твое мнение — реально ли им отыскать такое решение?

Ян пожал плечами.

— Дело в том… — Ян замолчал, бесцельно перебирая разложенные на столе бумаги. — Они рассматривают проблему под несколько другим углом, чем мы, военные, и я не силен в оценке их стратегии, но… мы не должны терять надежды.

— Кстати, у тебя не возникало мысли, что Мигель, с его знанием характеров и образа жизни нахарцев, может быть им полезен?

— Да. Я говорил об этом и просил Мигеля оказать помощь,

если таковая потребуется. Насколько я знаю, пока к нему за советами не обращались.

Ян поднялся, и мы пошли; он — в свой рабочий кабинет, а я — в штаб, заниматься вопросами организации обороны.

Мигеля в штабе не оказалось, тогда дежурный отправил меня на первую террасу, где господин капельмейстер уже начал отработку первых навыков обращения с оружием. Мы потратили на это почти все утро, но вскоре пришлось прервать занятия, и не потому, что команду уже нечему было учить (как раз наоборот), а потому, что нетренированные солдаты находились на пределе физических сил и бесконечно совершали одну ошибку за другой уже просто по причине усталости.

Скомандовав отбой и отправив своих музыкантов на отдых, Мигель провел меня в свой кабинет, куда дневальный принес бутерброды и кофе.

Покончив с едой, я встал и подошел к стене, где висела так заинтересовавшая меня в первое посещение «ископаемая» волынка.

— Ну и штучка… Ян скромно признался, что кое-как сможет справиться с шотландской волынкой, ну а если мне хочется послушать вот эту, то следует попросить Мигеля.

Мигель смотрел на меня из-за стола и улыбался. Эти утренние часы учений изменили его до неузнаваемости, о чем он сам не догадывался. Он помолодел, повеселел, и, конечно, ему был приятен мой интерес к этому необычному инструменту.

— Она называется gaita gallega. А если точнее — это один из видов gaita gallega — волынки, которую делали в Галисии на планете Земля и которую, пожалуй, можно и сейчас там встретить. Если умеешь играть на шотландской волынке, то справиться с этим инструментом не составляет особого труда. Ян поскромничал или хотел, чтобы я продемонстрировал свои музыкальные способности.

— Наверное, он считает, что у тебя получится гораздо лучше.

— Хорошо… — Мигель снова улыбнулся. — Ну разве что чуть-чуть, — Он встал из-за стола и подошел ко мне. — Ты действительно хочешь ее послушать?

— Очень хочу.

— Тогда выйдем отсюда, — предложил Мигель, снимая инструмент со стены, — Она не предназначена для столь маленькой комнаты.

Мы вернулись на террасу, туда, где совсем недавно отрабатывали боевые приемы и где до поры застыло в молчании грозное оружие. Рядом с ним постоял Мигель в коротком раздумье, и вот уже ремень, прикрепленный к обоим концам

басовой трубы, перекинут через плечо, сама труба, словно указующий перст, направлена в небо; губы его обхватили мундштук, пальцы пробежали по отверстиям в сопелке, меха набрали воздух, и он начал играть.

Музыка волынки подобна дорсайскому виски. Или вы не выносите ее, или считаете непревзойденной и ни с чем не сравнимой. Я принадлежу к тем, кто находит своеобразную прелесть в этих звуках. Здесь, в Гебель-Нахаре, я понял почему. Мои предки — не только шотландские горцы; течет в моих жилах немалая толика испанской крови, а вот сейчас я узнал, что полюбившийся инструмент по праву принадлежит и моим испанским предкам.

Меряя шагами площадку, Мигель играл незатейливую шотландскую мелодию «Лесные цветы», вдруг он резко остановился, сделал шаг к крепостной стене и, устремив свой взгляд на равнину, заиграл незнакомое.

Пусть найдутся достойные слова для описания охвативших меня чувств. В ритме мелодии не было ничего шотландского. Она была испанская — испанская по духу, испанская «до мозга костей». Заключенная в изысканную музыкальную форму, мелодия превращалась в яростный, гневный вызов, от которого пульсирует в жилах кровь и волосы на голове поднимаются дыбом.

Мигель закончил на протяжной, как стон, затухающей ноте, снял с плеча лишенный воздуха мешок, повернулся, и я увидел его лицо — лицо, с которого исчезло выражение юношеского задора. Передо мной стоял усталый, опустошенный человек.

— Что это было? — спросил я.

— Для приличной компании у нее есть приличное название, — тихо произнес он. — Но его забыли. Пахарцы называют ее просто «Su Madre».

— Вот что ты должен сыграть, если хочешь вызвать на бой врага.

Неожиданно, словно последние силы покинули его, Мигель тяжело опустился на уступ крепостной стены и сложил на коленях волынку.

— И они любят меня. — Он слепо глядел на ровные стены казарм. — Мой оркестр, мой полк — они любят меня.

— Во всяком правиле есть свои исключения, — не отрывая взгляда от его лица, сказал я, — но обычно солдаты, служащие под началом офицера-дорсайца, любят его.

— Я говорю не об этом. — Мигель продолжал упорно разглядывать серую казарменную стену. — Ни для кого здесь не секрет, что я решил никогда не брать в руки оружие, — с того

самого дня, когда я подписал контракт и стал капельмейстером.

— Хорошо, — кивнул я. — Пусть будет так.

Он поднял на меня глаза и снова отвел их в сторону.

— Ты знаешь, как в этой сумасшедшей стране с ее непонятной культурой и извращенными традициями смотрят на трусов — людей, которые могут, но не хотят сражаться. Они делают все, чтобы уничтожить даже память о них на этой земле. Высшая доблесть мужчины — уничтожить труса. Но меня не трогают. Даже на дуэли никто не вызывает.

— Они не верят тебе.

— Не верят… — повторил он, и жестким, яростным стало его лицо, — Почему?

— Потому что они слышат лишь слова, — резко ответил я, — На каком бы языке ты ни говорил — слова есть занавес, за которым скрываются истинные мысли. Ты произносишь: «Никогда не возьму в руки оружие», — и они понимают: ты настолько искусно владеешь этим оружием, что здесь тебе нет равных. По манере речи, даже по твоей походке они видят, что ты можешь, и не верят тебе. Как же иначе?

— Это ложь! — воскликнул в одно мгновение оказавшийся на ногах Мигель. — Я верю, и это свято для меня. С тех пор…

Он замолчал.

— Может быть, нам стоит продолжить учения? — как можно мягче произнес я.

— Нет! — резко бросил он. — Я обязан это сказать. Может, другой возможности не будет… Я хочу, чтобы хоть кто-нибудь…

Мигель замер на полуслове. Он должен был сказать — «чтобы хоть кто-нибудь понял»… но не мог заставить себя произнести эти слова. А я не мог помочь ему. После смерти Элизы я научился выслушивать людей. И есть во мне нечто, безошибочно подсказывающее, когда нужно сказать, а когда промолчать, не помогать твоим собеседникам высказать то, что хотят, но не решаются произнести вслух. И сейчас я тоже молчал.

Несколько долгих секунд на лице Мигеля, как в зеркале, отражались следы яростной внутренней борьбы, но вот оно разгладилось, успокоилось — мир снова установился в его душе.

— Нет, — словно убеждая самого себя, повторил он, — То, что думают люди, ничего не значит. Вряд ли мы переживем завтрашний день, и поэтому я должен знать…

Он внимательно смотрел на меня.

— Я обязан объясниться, и хорошо, что рядом оказался такой человек, как ты. Наши семьи живут одной жизнью, мы из одного кантона, нас окружают одни соседи, у нас одни предки…

— Ты никогда не думал, что не обязан никому ничего

объяснять? — спросил я. — Когда родители поднимают тебя на ноги, они тем самым отдают долг своим родителям, не более. Хорошо, допустим, ты чувствуешь себя обязанным — и это спорный вопрос, потому что с тех пор, как Дорсай стал планетой свободных граждан, наш единственный и главный долг — добывать ей средства к существованию, заключая межпланетные контракты. Ты свой долг выполнил — стал капельмейстером. Все остальное — твои личные дела.

И это было правдой. Важнейшей обменной валютой в межпланетной торговле являлись не природные ресурсы, как вам мог ответить школьник, а рабочая сила. Товаром населенных миров служили знания, умения, навыки — то, чем обладает отдельная человеческая личность. Средства, заработанные дорсайцем на Ньютоне, позволяли Дорсаю заключить контракт с ньютонским геофизиком или пригласить психолога с Культиса. Часть заработка дорсаец отчислял планете. Разумеется, полевой командир получает несравненно выше, но и как капельмейстер Мигель с лихвой окупил затраты на свое образование и подготовку.

— Не об этом я говорю, — начал он.

— Нет, — перебил я, — ты говоришь о долге и чести и понимаешь их так, как принято среди нахарцев.

Он плотно сжал губы, его лицо напряглось.

— Из твоих слов я понял единственное: ты не желаешь слушать меня. Ну что же, я не удивлен…

— Ну вот и сейчас ты говоришь как настоящий нахарец. Не сомневайся, я выслушаю все, что ты захочешь мне сказать.

— Тогда присядем, — Он опустился на каменный выступ в стене, а я занял место напротив.

— Как ты думаешь, я счастлив? — спросил он и сам ответил: — Да, я счастлив. А почему бы нет? Я получил все, что хотел. Я на военной службе, меня окружает все, к чему я привык с рождения, у меня есть чувство, что живу той жизнью, к которой готовила меня семья. Я один из наших. Все, что я делаю, получается лучше, чем у многих, — в этом надежды моих нанимателей оправдались. А основной работой стала музыка — моя вторая любовь. Солдаты уважают меня, а полк гордится мной. Наконец, начальники ценят меня.

Кивая головой, я подтверждал справедливость каждого сказанного им слова.

— Но есть и обратная сторона медали. — Его пальцы сжали волынку, и она издала жалобный звук, похожий на стон.

— Твой отказ воевать?

— Да. — Он вскочил с места и, меряя шагами площадку, заговорил быстро, отрывисто, заметно волнуясь. — Отрицание насилия… Это чувство, оно жило во мне наравне с другими… Я мечтал о подвигах, о войнах и битвах, про которые рассказывали мне старшие. Когда я был молод, чувство это и мечты уживались рядом, не мешая друг другу. Так могло быть, потому что в мечтах на поле брани не проливалась кровь, а битвы выигрывались без единой жертвы. Неестественность уживающихся рядом чувств не питала… все должно с возрастом как-то определиться. Так я считал и верил. Тем более за время обучения в академии ты, конечно, никого не убиваешь.

— Ни один человек с нормальной психикой не скажет, что ему нравится убивать, — сказал я. — Все считают нас на голову выше остальных военных, потому что мы, дорсайцы, можем в большинстве случаев одержать бескровную победу там, где остальные горами трупов завалят поле сражения. Этим мы не только сберегаем деньги своим нанимателям, но, что гораздо важнее, разрушаем непременное условие войны — ее жестокость — и остаемся людьми. Мерило доблести военачальника — не оставленные на поле брани трупы и не изувеченные тела его солдат. Помнишь слова Клетуса? Он ненавидел насилие так же страстно, как и ты ненавидишь его.

— Но он делает это! — Мигель повернулся, и я увидел осунувшееся, со скулами, обтянутыми кожей, лицо. — И ты сейчас будешь. И Ян, и Кенси.

Пожалуй, против этих слов Мигеля мне нечего было возразить.

— Видишь, — снова быстро заговорил он, — какая бездонная пропасть лежит между академией и реальным миром. Ты уходишь в большую жизнь и рано или поздно начинаешь убивать. Если ты

держишь в руках меч, то придет время, и ты будешь убивать этим мечом. Когда я закончил академию и получил право надеть офицерскую форму, пришло время делать выбор — и я его сделал. Я не мог причинять никому боль, если даже моя жизнь зависела от этого. Но в то же время я чувствовал себя солдатом и только солдатом. Меня так воспитывали. Я не хочу другой жизни, я люблю такую жизнь и не понимаю, как можно жить иначе.

Неожиданно Мигель замолчал. Он стоял и смотрел на степь и переливающиеся вдали огни мятежного лагеря.

— Вот и все, — вздохнул он.

— Да, — тихо согласился я.

И тогда Мигель повернулся, и наши взгляды встретились.

— Ты расскажешь моим родным? — спросил он, — Если тебе повезет больше, чем мне, и ты вернешься домой — расскажешь?

— Да, я расскажу… Но нам еще рано думать о смерти.

Он улыбнулся. Его неожиданная улыбка была грустной.

— Я знаю. Все это камнем лежало на душе… сейчас стало легче. Я не утомил тебя?

— Нет, все нормально.

— Спасибо.

Как бы пробуя на вес, он приподнял gaita и посмотрел на нее, словно пытался вспомнить, почему она оказалась в его руках.

— Через пятнадцать минут сюда придут солдаты, — сказал он. — Я постараюсь справиться один, а у тебя освободится время для других дел.

— Не хочешь ли ты сказать… — начал я, подозрительно разглядывая Мигеля, — что без меня твои трубачи и барабанщики начнут быстрее постигать военные науки?

— Ты почти угадал, — ответил Мигель и рассмеялся. — Ко мне они привыкли, а при тебе нервничают, все валится у них из рук, они злятся на самих себя и еще больше ошибаются. Не знаю, как на это посмотрит Ян, но поверь, я понимаю своих солдат и думаю, с одним начальником учеба пойдет быстрее.

— Главное — получить результат. Пойду к Яну, попрошу другой работы.

— Еще раз спасибо, — снова повторил он, и столько искреннего облегчения послышалось в этих простых словах благодарности, и такое неожиданно сильное ответное чувство всколыхнулось в моей душе, что не нашел я ответа, а лишь молча помахал ему рукой.

После долгих блужданий по коридорам кабинет Яна я все-таки нашел, но вот хозяина в нем не оказалось. Не зная, что делать, какое-то время я стоял в раздумье, пока не пришла в голову здравая мысль: Падма, Кенси или Аманда наверняка

работают у себя, и они-то уж точно знают, куда исчез командир.

Снова отправился на поиски, и на этот раз мне повезло: за заваленным топографическими картами столом я нашел Кенси.

— Ян? — рассеянно переспросил он. — Нет, не знаю. Наверное, скоро вернется… Да, сегодня ночью мне потребуется твоя помощь. Нужно заминировать горный склон. Это сделают люди Мигеля, но, чтобы они могли работать спокойно, придется нам с тобой немного прогуляться. Если понадобится, «очистим» склон от возможных наблюдателей. Потом, где-то до рассвета, пойдем к лагерю и на месте, хотя бы приблизительно, определим, сколько их там, чем вооружены и так далее…

— Вот и отлично. Я выспался на сто ночей вперед и теперь готов к любому заданию.

— А что касается Яна, попробуй спросить у экзота или Аманды.

— Спасибо, так и сделаю.

Через две двери от кабинета Кенси, в большом зале, за длинным столом с распечатками каких-то текстов и мерцающим экраном монитора, я нашел тех, кого искал. Стоило мне приоткрыть дверь, как две пары глаз уставились на непрошеного гостя; и если в глазах Падмы застыл вопрос, то Аманда просто скользнула по мне взглядом, в котором читалось явное нежелание отвлекаться от поглотившего ее без остатка, крайне важного, не терпящего отлагательства дела.

— Один вопрос… — нерешительно начал я.

— Я сейчас выйду, — ответил Падма и, уже обращаясь к Аманде, добавил: — Продолжай.

Аманда без лишних слов снова занялась глубокомысленным созерцанием мигающего экрана, а Падма поднялся со своего места, вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Я ищу Яна.

— Совершенно не представляю, где он может быть, — пожал плечами Падма. — Где-то вокруг Гебель-Нахара… следовательно, везде.

— Та-ак, значит, не здесь, — протянул я и, кивком головы показывая на закрытую дверь, спросил: — Не получается у Аманды с решением?

— Совсем не обязательно так думать, — улыбнулся он и обвел взглядом комнату с окном во всю стену и рядом тяжелых кресел — неизменными атрибутами всех кабинетов Гебель-Нахара.

— Почему бы нам не присесть… Если Ян будет возвращаться к себе, он непременно пройдет мимо нас, а если появится на террасе, мы увидим его в окне…

— Пожалуй, будет не совсем правильно говорить, что Аманда занята поиском юридических аспектов решения вставших перед нами проблем, — начал Падма, стоило каждому из нас занять свое кресло. — Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— К сожалению, о ее работе я имею весьма и весьма смутное представление. Знаю лишь, что ее специальность появилась, когда при заключении контрактов дорсайцы все чаще стали сталкиваться с тем, что договаривающаяся сторона в одни и те же слова вкладывает полностью противоположный смысл или, в отличие от нас, имеет совершенно иное представление о долге и чести.

— Я знаю, — улыбнулся Падма.

— Извините, я, кажется, увлекся.

— Как посланнику мне часто приходится сталкиваться с проблемами, над разрешением которых сейчас бьется Аманда. Я живу среди людей, не принадлежащих к мирам экзотов, и моя задача заключается в точном определении, как эти люди понимают нас и как, в свою очередь, мы понимаем их. Вот почему я имею смелость утверждать, что многие из проблем нельзя рассматривать только с точки зрения юридической законности.

— Например? — спросил я, чувствуя неожиданный прилив интереса.

— Пожалуй, ты сможешь яснее представить закономерность причин и следствий, если я скажу, что Аманда ищет ответы в социальной области.

— Юридическая, социальная — это все понятно. Не далее как сегодня утром Ян говорил, что решение, безусловно, есть, но найти его за столь короткое время — вот в чем задача… Значит, если я его правильно понял — даже такой клубок противоречий можно будет распутать и найти правильное решение?

— Всегда можно, и даже не одно, — ответил мне Падма. — Но проблема заключается в том, чтобы найти решение, которое предпочтете или, скажем так, примете вы. Социальные конфликты создаются человеком, а значит, при определенном воздействии человеком же могут быть и предотвращены. Но стоит событию свершиться, тогда, увы, оно становится достоянием истории. — Падма улыбнулся, — А историю, как известно, мы изменить не в силах. Изменение ожидаемого события предполагает выделение основных, вовлеченных в это событие сил и приложение определенных усилий для развития их в нужном тебе направлении. А для того чтобы выявить эти силы, найти способ воздействия и точку его приложения — требуется время.

— А у нас этого времени как раз и нет.

Улыбка медленно сползла с губ Падмы.

— Да, у вас этого времени… действительно нет.

Я внимательно вгляделся в лицо Падмы.

— В таком случае, не пора ли вам самому подумать, что настало время покинуть Гебель-Нахар? Думаю, не ошибусь, если скажу: едва нахарцы ворвутся сюда, они будут убивать, не разбираясь, кто перед ними. Или ваша ценность для Мары настолько мала, что вы предпочтете покончить счеты с жизнью под ножами опьяненной кровью солдатни?

— Хотелось бы думать, что я действительно такая важная персона, — сказал Падма. — Но видишь ли, возникшие здесь проблемы, по нашему мнению, вышли за рамки местного, я бы сказал — планетарного — явления. Онтогенетики в своих разработках выявили ряд личностей, которые в определенных обстоятельствах потенциально могут оказать влияние на ход исторического развития. Конечно, тут возможны ошибки, причем весьма существенные, но мы считаем, что в любом случае ценность информации, полученной при непосредственном общении с такими людьми, достаточно велика, и это заставляет отбросить все прочие соображения.

— Влияющие на ход истории? Вы говорите об Уильяме? Кто может быть еще — ведь не Конде? Или кто-нибудь из лагеря революционеров?

Падма покачал головой.

— Если объявить, что вот такие-то индивидуумы способны влиять на ход исторических процессов, мы добьемся лишь того, что посеем предрассудки в окружающей их социальной среде и внесем полнейшую неразбериху в собственные выводы, так как наша наука далеко не бесспорна и зачастую приводит к ошибочным заключениям.

— Подождите, подождите, так просто я теперь от вас не отстану. То, что вы находитесь здесь, должно означать, что исследуемый вами индивидуум тоже находится в Гебель-Нахаре. Вряд ли это Конде. Как бы ни сложились обстоятельства, дни его уже сочтены. Значит, остаемся мы. Если бы не странное желание поглубже зарыть свои способности, Мигель мог бы стать вполне достойной кандидатурой. Я — не из тех, кто переписывает историю заново. Значит, остается Аманда? Кенси? Ян?

Грустно смотрел на меня Падма.

— Все вы способны влиять на ход событий, но кто больше, а кто меньше — я не скажу, потому что и сам не знаю. Онтогенетика — наука не точная. Ну а на вопрос — за кем наблюдаю, отвечу: за всеми.

Мягким, деликатным тоном произнесены были эти слова, но

чувствовалась в них такая непреклонная твердость, что продолжать далее расспросы не имело смысла. Я выглянул в окно: Ян до сих пор не появился.

— Тогда, может быть, поясните, как Аманда или вы ищете решения? — спросил я.

— Мы уже говорили, что главное — добраться до первооснов вовлеченных и действующих в конфликте сил…

— Это ранчеры и Уильям?

Падма кивнул, соглашаясь.

— Но на первое место как основную движущую силу я бы поставил Уильяма. Чтобы добиться желаемого результата, или он, или кто-то другой, управляя действиями отдельных индивидуумов, должны создать соответствующую их целям причинно-следственную структуру. В нашем случае, чтобы добиться обратного результата и взять под собственный контроль уже приведенные в действие силы, необходимо найти уязвимое звено этой структуры и путем воздействия на тех же индивидуумов приложить в эти точки силы противодействия.

— И Аманда пока не в состоянии найти эти точки?

— Уже нашла, причем не одну. — Падма нахмурился, но в глазах его запрыгали веселые искорки. — Я готов рассказать все добровольно, так что не стоит терзать меня как бы случайными вопросами.

— Извините, — смутился я.

— Ничего, ничего. Итак, я остановился на том, что Аманда нашла несколько уязвимых точек. Но если Гебель-Нахар будет атакован завтра, за оставшееся время воздействие ни на одну из них не даст желаемого результата.

У меня возникло странное ощущение: как будто перед самым носом медленно захлопнулись тяжелые ворота, навсегда лишив возможности проникнуть за них.

— Мне кажется, — заявил я, — что самое простое решение — оказать давление на Конде. Если бы он вступил в переговоры с мятежниками, ситуация могла бы развалиться как карточный домик.

— Очевидные решения зачастую не бывают самыми простыми, — возразил Падма, — А ведь и ты считаешь, что Конде никогда не изменит своего решения… Ответь мне — почему, только не торопись, подумай.

— Он нахарец. Причем в нем очень сильны испанские корни. El honor — честь запрещает ему даже самую малость уступить тем, кто изменил присяге, тем, кто был лоялен по отношению к нему, а теперь готов уничтожить и его самого, и все, что он олицетворяет.

— А скажи мне, — внимательно глядя мне в глаза, спросил Падма, — даже если честь его будет удовлетворена, захочет ли он иметь дело с мятежниками?

— Нет, — твердо сказал я, потому что уже думал над этим и где-то подсознательно чувствовал верный ответ.

И сейчас, в беседе с Падмой, все начало постепенно становиться на свои места, выходить из ночных сумерек неведения на ясный солнечный свет знания. — Это «звездный час» Конде. Единственная возможность избавиться от своего унизительного положения, сделать свой титул настоящим. Только так можно доказать себе и окружающим, что в твоих жилах течет голубая кровь испанского гранда. И ради этого старик готов отдать свою жизнь.

Некоторое время никто из нас не проронил ни слова.

— Значит, это ты понимаешь, — наконец произнес Падма. — Ну что же, продолжай дальше. Какие еще ты видишь пути к решению?

— Ян и Кенси могут расторгнуть контракт и выплатить неустойку. Но не хотят. Причем знают, что ни один из дорсайских военных, прекрасно понимающих безвыходность ситуации, не рискнет оскорбить их. Братья не оставят Конде, пока тот настаивает на продолжении борьбы. Если для Конде естественно играть в игры со своей el honor, то для Грэймов даже мысль о нарушении данного слова кажется кощунственной. Правила их жизни противны нарушению законов чести.

— Есть ли еще пути?

— Не вижу других, — коротко ответил я. — Из меня никудышный аналитик, наверное, потому никто и никогда не предлагал мне заняться тем, чему посвятила свою жизнь Аманда.

— На мой взгляд, существует еще ряд возможных решений, — начал Падма — спокойно и рассудительно, словно школьный учитель в классе. — Можно оказать на Уильяма экономическое давление; ослабить политическую и экономическую власть ранчеров; подорвать авторитет и влияние революционных смутьянов… но, к сожалению, все это требует времени.

— Если я правильно понял, решений, на которые есть время, просто не существует? — наверное, излишне резко спросил я.

— Нет, это неверно. Полностью неверно. Если бы мы могли в эту самую секунду остановить бег времени и в продолжение нескольких гипотетических месяцев спокойно исследовать ситуацию, то, без сомнения, нашли бы не одно, а несколько решений и предотвратили бы штурм мятежных полков за те часы, что нам остались в реальности. Мы лишены не времени, за которое нужно ввести в действие наши контрмеры, хотя, конечно,

и оно накладывает на них определенный отпечаток. У нас нет времени, чтобы найти правильное решение.

— Значит, всем нам и еще сорока музыкантам Мигеля осталось дожидаться штурма почти шести тысяч солдат регулярной армии — хотя это нахарская армия — и успокаиваться мыслью, что где-то там существует замечательное, правильное решение, и если бы у нас хватило интуиции его найти, то никакой атаки никогда бы не случилось?

— Интуиция и время, — произнес Падма. — Да, пожалуй, ты прав. Это грустная проза жизни — реальность, с которой мы все время сталкиваемся в истории с тех пор, как история начала свой отсчет времени.

— Реальность… но, по правде говоря, не хочу я смиряться с такой реальностью.

— Да. — Спокойный, безучастный взгляд Падмы скользнул по моему лицу, — И Аманда не хочет. И Кенси с Яном. Подозреваю, что и Мигель не хочет. На то вы и дорсайцы.

Я промолчал. Немного теряешься, когда твои аргументы бьют твоим же козырным тузом.

— В любом случае, — продолжил Падма, — никто не призывает вас к смирению. Аманда все еще работает. И Ян, и все вы не оставили надежду. Прости, я не собирался насмехаться над вашими чувствами. Я завидую вам — целые миры завидуют вам. Завидуют вашему мужеству и способности не сдаваться в самой безнадежной ситуации. Мы знаем о существовании решения, но это ничего не изменит. Вы ведь все равно будете делать то, что считаете нужным. Ведь правда?

— Истинная правда, — начал я… и в этот момент нашу беседу прервали.

— Падма? — из встроенных в стены динамиков раздался голос Аманды. — Мне очень нужна ваша помощь.

Падма поднялся.

— Нужно идти, — сказал он.

А я остался сидеть, не двигаясь, охваченный легкой грустью — непременной спутницей всех прожитых мною лет. Это чувство, по моему глубокому убеждению, вдали от дома преследует всех дорсайцев. Просто понимаешь порой, что одинок и жизнь не бесконечна, а еще так много нужно успеть сделать.

Из меланхолического состояния вывели меня звуки стремительных шагов Яна.

Я встал.

— Корунна! — воскликнул он, жестом приглашая меня в свой кабинет, — Как идут дела с подготовкой «войск»?

— Как ты и ожидал… Мигель попросил оставить его одного.

Считает, что мое присутствие отвлекает солдат, а у него одного дела пойдут веселее.

— Может быть, наш юный друг прав, — не стал возражать Ян.

Он подошел к окну и стал сосредоточенно разглядывать склон. Моего роста оказалось явно недостаточно, чтобы поверх высокого парапета увидеть происходящее на нижней террасе, и оставалось лишь догадываться, что Ян смотрит именно туда.

— Впрочем, дела у них идут совсем не плохо, — не отрывая взгляда от окна, наконец произнес он.

Чтобы чем-то себя занять, я стал разглядывать его рабочий стол и обнаружил объемную фотографию, о которой говорила Аманда. Женщина была явно не дорсайкой, но стоило вглядеться внимательней, и в ней угадывались черты, так присущие нашим женщинам. Стройное, сильное тело, темные, спускающиеся до плеч волосы — немного длиннее, чем носят дорсайки.

Я снова взглянул на Яна. Он уже отвернулся от окна и стоял ко мне вполоборота, смотря на стену, за которой сейчас должны были работать Аманда и экзот. Нахарское солнце, проводя четкую грань света и тени, освещало половину его лица, и от этого оно казалось немного усталым. Слегка опущенные плечи тоже говорили об усталости — скорее духа, чем тела.

— Я только здесь узнал про Лию, — с одной целью вернуть его из мира мыслей к реальности произнес я.

Медленно, словно просыпаясь после тяжелого сна, он повернулся ко мне.

— Лия? О да. — Взгляд его равнодушно скользнул по фотографии. — Да, она землянка. Когда все это закончится, я заберу ее, а через два месяца мы поженимся.

— Так скоро? — удивился я. — По правде говоря, даже не слышал, что Ян Грэйм влюбился.

— Влюбился? — Он по-прежнему смотрел на меня, но я чувствовал, что мысли его далеко, — Нет, влюбился я много лет тому назад.

И вдруг разительная перемена — он снова здесь, со мной, полон энергии и жажды деятельности.

— Не стой, садись, — бросил Ян, усаживаясь в свое кресло. — После завтрака ты говорил с Кенси?

— Да, мы немного поговорили.

— Когда стемнеет, будут две вылазки. Ему понадобится твоя помощь.

— Я уже знаю. Проверка склона перед минированием и разведка неприятельского лагеря: как готовятся к завтрашнему утру и прочее.

— Все правильно, — подтвердил Ян.

— У тебя есть хотя бы приблизительные данные — сколько их может быть там?

— По штату, включая офицеров, получается где-то немногим более пяти тысяч — точнее пять тысяч двести и еще чуть-чуть. Добавь всякий сброд, искателей приключений и тех, кто примкнул к революции из корыстных побуждений, а также тех, кого манит запах славы… призрачный запах личной славы. Еще найдется семь-восемь сотен пламенных революционеров. Эти цифры я получил от Падмы. Экзоты, оказывается, «вели учет» тех, кто действительно боролся, пытаясь ослабить железную хватку ранчеров. И плюс сотня-другая агентов-провокаторов из-за границы.

— Пожалуй, всех необученных можно не брать в расчет, как ты считаешь?

Я молча кивнул.

— А сколько солдат регулярной армии имеют настоящий боевой опыт?

— Под боевым опытом в этой части Сеты, — усмехнулся он, — подразумевается участие в одной, от силы в двух пограничных стычках с отрядами соседей. В лучшем случае один солдат из десяти имеет такой опыт. С другой стороны, каждый мужчина — а особенно если этот мужчина — нахарец — мечтает стать участником столь драматических событий.

— Значит, первая атака будет самой яростной.

— И я, и Кенси — мы оба тоже так думаем. Рад слышать, что ты разделяешь наше мнение. Все пойдут в первую атаку — не только следуя долгу солдата, а желая превзойти в геройстве своих товарищей. Если удастся справиться с первой, очень вероятно, что во второй отважатся участвовать уже далеко не все. Главная задача — отбиться от первой волны. Когда их много — все они храбрецы. Но с каждой новой захлебнувшейся атакой доблесть начнет покидать их сердца. А мы будем убивать их, и тогда пусть думают — так ли они хотят подохнуть здесь, за этой стеной, когда сойдутся с нами лицом к лицу.

— Хорошо. Как ты думаешь, сколько выступит против нас?

— По меньшей мере одного из пятидесяти остановит только смерть, — спокойно ответил Ян. — Если половину мы выбьем еще на подходе, считай, останется человек шестьдесят. При этом процентов тридцать потеряем сами. Это самая оптимистическая цифра, не надо забывать, что наши воины, может быть, и отличные трубачи, но солдаты из них никакие. Если банда мятежников все-таки доберется до стен, наши музыканты в лучшем случае смогут драться один на один. Падму из нашего списка я, естественно, исключаю, значит, на тебя, Кенси, Мигеля

и Аманду придется порядка тридцати человек. Как у тебя со здоровьем, форму еще не растерял?

Я усмехнулся.

— Вот и прекрасно, — сказал Ян. — Прошу, улыбайся вот так, когда они приблизятся. Пара секунд передышки, пока они будут приходить в себя, нам гарантирована.

Я рассмеялся.

— Если Мигелю ты больше не нужен, зайди к Кенси.

Кенси я застал все в той же позе за столом, на котором, кроме карт, появились фотографии и распечатки.

— Встретил его? — спросил он, поднимая на меня глаза.

— Да, и Ян сказал, что ты горишь желанием занять меня делом.

— Могу, присаживайся.

Мы работали вместе всю вторую половину дня. Так называемые крупномасштабные топографические карты из военной библиотеки, на наш взгляд, могли служить лишь путеводителями для туристов. А Кенси должен был знать, как выглядит каждый участок земли, метр за метром, начиная от крепостной стены и далее вниз по склону, включал пару сотен метров равнины. Имея такую информацию, вполне можно представить, по какому сценарию будет развиваться атака, сколько солдат окажется в первых рядах, какие естественные преграды могут приостановить штурмующих, где возможна свалка, если на бегу, в суматошной давке, кто-нибудь поскользнется, оступится, упадет.

Трудно было ожидать от нахарских карт подобной точности, вот почему все утро Кенси провел за встроенными в крепостные стены видеокамерами, снимая на пленку участки площадью три на три метра. Используя полученные фотографии, мы теперь исправляли и дополняли никчемные карты.

Работали до самого вечера, а когда закончили, то без ложной скромности могли считать, что досконально изучили окрестности Гебель-Нахара, и не только с точки зрения нападающих, но и как защитники, которым сегодня ночью собственными животами придется проверять практическую ценность приобретенных знаний. А пока ночь не наступила, мы, сложив карты, отправились ужинать.

Время ужина уже подходило к концу, а кроме нас и Яна, в зале никого не было. Мигель все еще пытался превратить своих солдат в боевую группу, а наши ученые одиннадцать часов без перерыва продолжали искать ускользающее решение.

— Пойдите поспите немного, — предложил Ян. — Если все сложится удачно, до рассвета можно будет прихватить еще пару

часов, но я бы не советовал сильно на них рассчитывать.

— Хорошо, — кивнул Кенси. — Думаю, и тебе отдых не повредит…

Брат смотрел на брата. Они знали друг друга до последней черточки, понимали с полуслова. Все решили мимолетным обменом взглядами, и теперь их мысли были уже далеко.

Проспал я целых три часа, а в десять по местному времени мы с Кенси уже покидали Гебель-Нахар.

Я думал, что придется спускаться по веревке со стены Гебель-Нахара. А вышло все гораздо проще, но зато таинственней.

В полной экипировке, с лицами и руками, намазанными черной краской, мы шли за Мигелем по мрачным подземным казематам, а потом по туннелю, который, если верить словам нашего провожатого, должен был вывести нас метров на пятьдесят от крепостной стены прямо на равнину.

— Как ты узнал об этом ходе? А если здесь еще есть подобные туннели? Знают об этом ли мятежники? — забросал я его вопросами.

— Других нет, а об этом не узнают, — объяснил мне Мигель, пока, держась за стены, двигаясь друг за другом, мы все ниже и ниже опускались в недра Гебель-Нахара. — О туннеле знает один Конде, еще его отец соорудил этот туннель тридцать восемь местных лет назад. А наш Конде, когда узнал, что армия его предала, открыл семейную тайну мне…

Чувствовалось по всему, что между стариком и Мигелем установились полные взаимной симпатии, доверительные отношения, о причинах возникновения которых все не хватало времени спросить. Может быть, так непохожие на всех остальных в Гебель-Нахаре, они больше других страдали от одиночества?

Наконец туннель закончился у короткой деревянной лестницы, что вела к круглому металлическому люку. Мигель выключил свет, и неожиданная, непроглядная тьма окутала нас. Я ничего не видел, а мог только догадываться, что наш провожатый включил поворотный механизм, по всей видимости хорошо смазанный, так как до наших ушей доносилось только легкое, едва различимое пощелкивание. Крышка медленно отодвинулась, открывая круг ночного неба, усеянного звездами.

— Можно выходить, — прозвучал свистящий шепот Мигеля, — Осторожней головы, наверху кусты с острыми колючками.

И мы с Кенси пошли. Я, как персона менее значительная, впереди, а он чуть сзади. Колючки не поранили меня, хотя не один раз, продираясь ползком сквозь стену густой растительности, слышал я их противный скрежет о плотную

материю моего боевого комбинезона. Позади нас с мягким стуком захлопнулась крышка люка. Мигель снова откроет ее через два часа четырнадцать минут.

Я почувствовал осторожное прикосновение — это Кенси догнал меня и дотронулся до плеча. Повернув голову, увидел я на фоне звездного неба очертания его поднятой руки. Жестом показав, что пора расходиться, он еще раз прикоснулся к моему плечу и растворился в ночном мраке. А я развернулся и, еще теснее прижимаясь к земле, пополз в противоположном направлении.

Признаться откровенно, я уже забыл, что значит ночная вылазка. «Быть всегда в отличной физической форме» — вот девиз, с которым воспитывалось не одно поколение дорсайцев. Это образ жизни, начинающийся с колыбели и становящийся таким же естественным, как мытье рук или чистка зубов.

Может быть, поэтому в нашем мире так много людей доживает до глубокой старости, не говоря о тех, кто, как в семействе Аманды, еще и выглядит гораздо моложе своих лет. Но далее самые интенсивные занятия не дают блестящих результатов, если ты не проверяешь свои возможности практикой.

Ян был прав, когда — нужно отдать ему должное — достаточно мягко подтрунивал над моими физическими возможностями. Самые лучшие спортивные тренажеры на борту самого большого из линейных галактических крейсеров не сравнятся с тем, что может ждать воина в полевых условиях. Моя служба — просторы Вселенной, и все прекрасно понимают, что годы, проведенные в полетах к звездам, сказываются на возможностях человеческого тела, которое, хотел бы ты того или нет, «ржавеет», становится менее гибким и послушным. И сейчас — один в ночи, лежа на земле, я ощущал свой вес, чувствовал, как тяжело дается каждое мускульное усилие.

Кенси досталась левая часть склона, а я полз по правой половине, метр за метром исследуя его, сравнивая участки ландшафта с тем, что запечатлелось в памяти по фотографическим снимкам. Ночной ветер холодил кожу, и потому казалось, что ты плывешь в невидимом океане, под бездонным, без единого облака небом. Наверное, нам не помешал бы свет луны, но, к сожалению, Сета вполне обходилась без нее.

Минут через пятнадцать я достиг первой из девяти предполагаемых позиций, которые могли занять лазутчики-наблюдатели из неприятельского лагеря. Выбирали мы эти позиции исходя из опыта, знания психологии и здравого смысла. Пожалуй, даже самые опытные дозорные, получив задание следить за объектом, подобным Гебель-Нахару, от которого вряд

ли можно ждать активных действий, почувствовали бы, как бесконечно долго тянется время. Особенно если эти долгие часы нужно провести на голой равнине холодной темной ночью. В таких условиях даже у самого бдительного возникает предательская мысль, что ничего не случится, и тогда он инстинктивно ищет самое удобное, закрытое со всех сторон место и с этой позиции продолжает вести свое томительное наблюдение. Но в укрытии, что в памяти моей значилось под номером один, было пусто, и пришлось отправляться еще дальше.

Вот тут я и ощутил первые признаки наступающих перемен. Тело мое, постепенно привыкая к физическим усилиям, темноте и ночной прохладе, перестало быть упрямым. Наоборот, я начал испытывать радость движения. Старые навыки проснулись во мне. Глаза мои привыкли к блеклому мерцанию звезд, и теперь мне казалось, что я вижу так же хорошо, как и при ярком дневном свете.

Со слухом происходило то же самое. То, что раньше казалось невообразимой какофонией непонятных и тайных звуков, распалось на отдельные мелодии, легко различимые, ясные и четкие в главенствующей тишине ночи. Я слышал шорох ветвей кустарника, движение ветра в его листьях и отличал эти звуки от шороха скрывающихся в норках степного суслика или мыши. Более того, я не только все это чувствовал, я как бы стал с ними одним целым — полноправным обитателем сетанской ночи.

Как было восхитительно ощущать близость и единство с природой, в этом тихом блуждании по земле, освещенной спокойным мерцанием звезд. Ветер, ароматы, звуки — все это переполняло меня, и неожиданно в сознании своем перестал я представлять себя как физическое тело. Я забыл Гебель-Нахар, я забыл, что я человек… Кажется, я даже забыл Элизу.

А потом чувство долга вернуло меня к действительности. Ни в одном из укрытий, так же как и на всем правом склоне, лазутчиков не было. Совершенно необъяснимо, но мятежники не потрудились выставить своих дозорных. Может быть, Ян и все остальные, считающие утреннюю атаку неизбежной, ошибаются и у нахарцев нет намерения наступать?

Я вернулся к замаскированному входу в туннель, где меня уже дожидался Кенси. Молча, знаками рук он показал, что и в его части склона не встретилось ни одной живой души. Таким образом, мы спокойно могли вывести в поле наших музыкантов и приступить к минированию.

Вход туннеля открылся в точно условленное время. Мы спускались в кромешной темноте, осторожно нащупывая деревянные ступени, но стоило люку над нашими головами

захлопнуться, как зажегся свет.

— Что нашли? — поинтересовался Мигель, пока мы приводили в порядок свое снаряжение.

— Ничего, — ответил Кенси, — Они нас за людей не считают и ничего от нас не ждут. Мины успели приготовить?

— Так точно, — по-военному четко доложил Мигель. — Если за стенами все спокойно, может быть, выпустим людей через основные ворота? Я обещал Конде никому не рассказывать про туннель.

— Ты прав, — кивнул Кенси, — Чем меньше народа будет знать об этом пути в крепость, тем для нас будет спокойней. Давайте трогаться — слишком много дел впереди.

Мы собрались в рабочем кабинете Кенси; к нам присоединилась Аманда, позволившая себе короткий перерыв в тщетных попытках найти правильное решение в водовороте социальных конфликтов под названием нахарская революция. Все внимательно слушали Кенси и меня о результатах ночной охоты.

И снова странные мысли возникли в моем сознании.

— Что-то произошло в лагере, — решил я вслух высказать мучившие меня сомнения. — Могло что-то случиться, и они отказались от атаки.

Кенси и Ян настолько дружно замотали головами, словно и не думали, а лишь бессознательно подчинились только им одним известному инстинкту. По своему опыту я уже знал, что если эти двое выказывают такую уверенность, значит, всем остальным можно не сомневаться — все будет так, как считают Грэймы.

— Я своих еще не поднимал, — сообщил Мигель и, встретившись глазами со взглядом Яна, быстро добавил: — После напряженных занятий им нужно хорошо отдохнуть. Сейчас дневальный объявит подъем, и через полчаса они будут на склоне. Если работать поочередно с короткими сменами на еду и отдых, то к рассвету все мины окажутся на своих местах.

— Хорошо, — кивнул Ян.

А я сидел и молча переводил взгляд с него на остальных дорсайцев. Ощущение единства с ночью не оставило меня, обнажив каждый нерв моего тела, выше пределов возможного обострив чувственное восприятие. Я был словно дикий зверь, попавший в мир глухих стен. Лампы под потолком неестественно ярким светом слепили и раздражали глаза. Казавшийся некогда таким свежим воздух комнат отравляли чужие, враждебные моему звериному чутью запахи пыли и машинного масла из труб вентиляции… а над всем этим царил запах множества собранных вместе человеческих тел.

И с такой же остротой я понимал, что чувствуют эти люди.

Все они смертельно устали — все и каждый по-своему. Физическая усталость обнажила то, что скрывалось в их истомленных душах… и там тоже почти ничего не осталось, кроме нечеловеческой усталости и напряжения последних дней…

— …тогда, пожалуй, не будем терять дорогого времени, — донеслись до меня слова Яна, — Аманда, нам с тобой пора переодеваться. Из оружия — только нож и пистолет.

Слова Яна вернули меня к восприятию действительности.

— Ты и Аманда? — удивленно переспросил я, — Мне казалось, что к лагерю пойдут Кенси, я, Мигель и Аманда.

— Так было запланировано, — ответил Ян, — Но только что один из губернаторов вылетел к нам на аэролете. Он уже сообщил, что желает говорить с Кенси и более ни с кем.

— У него есть реальные предложения?

— Может быть. — На лице Кенси не дрогнул ни один мускул. — Я не питаю особых иллюзий на этот счет, но, с другой стороны, пренебрегать такими контактами мы не имеем права. Я остаюсь, а с вами пойдет Ян.

— Мы вполне можем отправиться втроем, — сказал я.

— Вы, конечно, справитесь, но поверьте, что хуже, чем вчетвером, — возразил Ян, — Лагерь большой, а делать все придется крайне быстро. Если, кроме нас, найдутся еще такие, кто бы смог незамеченным войти, а также выйти оттуда, я бы взял и полдюжины. Это ведь не обычный лагерь, где существует лишь одна штабная зона. Нам придется проверить штабы всех полков, а их ровно шесть. Пойди лучше что-нибудь поешь, Корунна. Мы можем не вернуться до самого рассвета.

Я не преминул последовать доброму совету, а когда вернулся, все трое разведчиков ждали меня в кабинете Яна, уже полностью экипированные и готовые к походу. С правого бедра Мигеля свисал длинный нож, но для нас это скорее был рабочий инструмент. Другого оружия я у него не заметил. Ян, кажется, и не думал возражать. В тяжелых сапогах, в боевом комбинезоне, с раскрашенным черным лицом и руками и в плотно натянутой на лоб, закрывающей волосы шапочке Аманда показалась мне гораздо выше и мощнее, чем в своей повседневной одежде.

— Все в порядке, — произнес Ян. Перед ним лежала карта, составленная на основании съемки наших видеокамер и рассказов Мигеля о порядках построения нахарской армии.

— Давайте руководствоваться боевым опытом, — обратился к нам Ян, — Я возьму на себя два полка — вот этот и этот, оба в центре. Мигель, поскольку еще не должен был забыть, чему учат в академии, а также потому, что знает этих людей, возьмет тоже два полка, но на левом фланге. Один из них, как я понимаю, его

родной, третий полк.

Ты, Корунна, определишь обстановку во втором полку, а Аманде останется четвертый. Я говорю об этом сейчас — вдруг мы не сможем обсудить детали на месте.

— По-моему, тебе и Мигелю лучше выбрать соседние полки, — предложил я Яну, — Быстро разобраться в обстановке двух полков не так-то просто, а вы могли бы работать в паре.

— Яна интересует пятый полк, — вступил в разговор Мигель, — Пятый гвардейский — у него самое лучшее вооружение. Мой полк и этот традиционно враждуют между собой, вот почему их развели как можно дальше друг от друга. Пятый занял позицию в центре, а третьему достался самый дальний фланг.

— Еще что-нибудь есть? — спросил Ян, — Если нет, тогда тронулись.

Вышли мы все через тот же тайный туннель, но на этот раз люк пришлось оставить полуоткрытым. На равнине разделились и, держа дистанцию метров в десять, бегом начали свой путь к мерцающим в далекой ночи огням лагеря.

Нам потребовалось чуть больше часа, прежде чем мы достигли границ лагеря. С каждым новым пройденным метром все громче становились звуки его жизни, и то, что наконец предстало перед нами, менее всего напоминало военный лагерь накануне сражения, а скорее вечеринку под открытым небом.

Лагерь, расположенный на голой равнине полукругом, был застроен обычными для походных лагерей пластиковыми, похожими на ульи строениями. Изготовленные из легкого надувного материала, они легко и быстро разбирались и собирались. За ними в живописном беспорядке теснились разномастные, всевозможных конструкций и размеров обыкновенные палатки.

Мы стояли всего в сотне метров, а могли подойти еще ближе, говорить в полный голос, кричать, снять защитную форму и все равно чувствовать себя в полной безопасности — так, словно находились не на виду многотысячного лагеря, а за высокой каменной стеной.

— Сбор на этом месте через сорок минут, — объявил Ян, и, сверив часы, мы растаяли во мраке ночи.

Моя цель — второй полк — расположился между полками Яна и Мигеля. Двигаясь в тени пластиковых домиков, я беспрепятственно преодолел их первую линию. Это оказалось до смешного просто. Далее, изучая обстановку, я понял, что, сменив свой черный комбинезон на обычный костюм нахарца, вполне мог бы ходить совершенно открыто где угодно. И все благодаря

мужчинам в штатской одежде, снующим повсюду наравне с военными, причем было очевидно, что лишь малая толика гражданских известна солдатам в лицо и по имени. Если бы на меня обратили внимание — так только из-за боевого маскировочного костюма.

Но как раз этого я боялся в самую последнюю очередь. Снующие повсюду люди не видели того, что происходило чуть дальше их собственного носа. Оставаться невидимым в подобном окружении означало: ты передвигаешься очень спокойно и размеренно, то есть все в тебе, включая дыхание, следует подчинить единому ритму, а если уж остановился, то должен полностью расслабиться и замереть в том же положении, в котором тебя застала вынужденная остановка.

Правильное дыхание, как в положении покоя, так и при движении, играет чуть ли не главную роль. Этому дорсайцы обучаются в детских играх, еще задолго до того, как настает время отправляться в школу. Двигайся плавно, останавливайся внезапно — и останешься незамеченным под самым носом стороннего наблюдателя. А сколько раз вы сами были этим человеком-невидимкой, когда смотрели «сквозь вас», потому что просто не ждали увидеть в данный момент в данном месте что-либо постороннее.

Разведка на склоне пробудила во мне дремавшие до поры инстинкты воина дорсайца, и в том, что мне предстояло сделать в этом лагере, я не видел для себя никаких трудностей. Более того, я снова ощутил себя бесплотным духом, медленно плывущим среди живых картин нахарского лагеря, способным исключительно на чувственное восприятие — посредством зрения, обоняния, слуха.

Беглого осмотра оказалось вполне достаточно, чтобы представить более чем полную картину того, что нам следовало знать об этом полке. Возраст солдат колебался где-то между двадцатью и сорока, и, если судить только по возрасту, можно было сделать ошибочный вывод, что передо мной регулярные войска. На самом деле этих людей привлекла сюда возможность носить красивую, пользующуюся авторитетом форму и при этом не сильно утруждать себя тяжелой работой. Наткнулся я на батарею из нескольких полевых орудий, настолько устарелой конструкции, что не могло быть и речи об их эффективном использовании на открытой местности Гебель-Нахара. Тяжелые орудия на крепостных стенах подавят эту артиллерию после первых выстрелов и задолго до того, как ее разряды смогут вызвать даже незначительные разрушения.

Что касается личного оружия, то тут можно было увидеть все,

что угодно, начиная от лучших и самых современных энергетических и игольных ружей в руках солдат до старых охотничьих и спортивных пулевых ружей у гражданских. Правда, арбалетов и мечей я не заметил, но если бы и увидел, то, пожалуй, не очень удивился. Но все это разномастное и разнокалиберное оружие имело одну общую и весьма удивившую меня на фоне общего беспорядка особенность: оно было тщательно вычищенным, ухоженным, и относились к нему явно с большим уважением.

Решив, что все, представлявшее интерес, уже осмотрено, я двинулся к первому ряду строений и темнеющей за ними равнине, но путь мой преградила неожиданно вывалившаяся из пластикового улья горланящая компания.

Обходя веселящихся приятелей, гомонящей толпой заполнивших проход, я принял вправо и уже через десяток метров почувствовал: кто-то тихо крадется параллельным мне курсом. Здесь и в такое время трудно было предположить, что кто-то другой, а не гость из Гебель-Нахара может передвигаться по территории военного лагеря. А так как зона, где я оказался, граничила с зонами Мигеля, можно было рассчитывать на встречу с ним. Через несколько метров я действительно увидел Мигеля.

— Хочу, чтобы ты кое-что посмотрел, — знаками показал он. — У себя ты уже закончил?

Я молча кивнул.

— Тогда пошли.

Он привел меня к большому пластиковому сооружению, наверное, самому большому на территории. Обойдя его с тыла, мы остановились, и Мигель жестами показал, что нужно забраться на крышу. Имея некоторый опыт и сноровку, это не представляло особого труда. Когда мы оказались на крыше, Мигель указал на небольшое отверстие.

Я увидел шесть мужчин с нашивками полковых командиров, сидящих за столом, с которого еще не успели убрать остатки еды. Рядом в почтительном внимании застыли офицеры чинами пониже, им за столом сидеть, вероятно, не полагалось. Надувной пластик, ко всем прочим своим достоинствам, еще и замечательный звукоизолятор, а так как наблюдательная дыра находилась не прямо над столом, а на достаточно большом расстоянии, долетали до моего слуха лишь отдельные слова, и понять, о чем шел разговор, было просто невозможно.

Оставалось лишь наблюдать за жестами рук, за тем, как говорят и как реагируют друг на друга полковые командиры. Пожалуй, уже через несколько минут стало ясно, что далеко не добрые друзья собрались за общим столом. Нет, офицеры не

спорили, не ругались, не размахивали руками, но в каждом искоса брошенном на соседа взгляде чувствовался открытый вызов, а в звуках их речи электрическими искрами пробегали нотки едва сдерживаемого раздражения.

Легкий толчок в плечо заставил меня оторваться от разыгравшейся внизу сцены и настороженно оглянуться вокруг. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем глаза снова привыкли к темноте, и тогда я увидел руки Мигеля и догадался о смысле его жестов.

— Посмотри на самого молодого — слева, с черными усами. Это командир моего полка.

Взглянув вниз и увидев, о ком он говорит, я знаком показал Мигелю, что все понял.

— А теперь — обрати внимание: напротив — тучный, с седыми бачками и надутыми губами…

Я нашел его взглядом, поднял голову и снова кивнул.

— Это командир гвардейского полка. Мой и этот опять что-то не поделили, иначе сидели бы рядом, демонстрируя всем, что все плохое между ними забыто и они снова добрые друзья. Представляешь, каково сейчас младшим командирам, кому все эти знаки давно известны? Как ты думаешь, из-за чего они сцепились?

— Не знаю. Но думаю, ты догадываешься, иначе бы меня сюда не затащил.

— Я наблюдал за ними. Они разложили карты Гебель-Нахара и долго спорили о завтрашней позиции каждого полка. Потом, кажется, договорились, но, видно, радости от этого никто не испытывает. Как бы они не вцепились завтра друг другу в глотки. Нужно рассказать Аманде, пусть попробует рассчитать ситуацию. Лучше, конечно, привести ее сюда — чтобы сама посмотрела.

Да, пожалуй, здесь не надо быть большим психологом: с первого взгляда понятно, какие страсти раздирают этих господ в офицерских мундирах.

Все интересное на крыше штабного барака мы уже увидели, поэтому ничего другого не оставалось, как, осторожно соскользнув вниз, отправиться к месту назначенной встречи.

Благополучно и без неожиданностей преодолев освещенные границы лагеря и растворясь в темноте ночной степи, в считанные минуты добрались мы до условленного места, где встретились с Яном и Амандой. Чувствуя себя в полной безопасности, изредка поглядывая на огни лагеря, мы коротко делились наблюдениями.

— Я и капитан побывали на встрече полковых командиров… — начал Мигель.

Звук выстрела из какого-то доисторического оружия оборвал его на полуслове; мы обернулись в сторону лагеря и увидели, как прямо на нас несется тощая фигура в белой рубашке. За ней гналась высыпавшая из палатки толпа улюлюкающих мужчин.

Человек бежал, не разбирая дороги, очевидно, с единственной целью: подальше убраться из этого лагеря. Можно было, конечно, предположить, что он увидел нас и рассчитывает на нашу помощь, хотя вряд ли беглец мог искать защиту у разодетых подобным образом чужаков. К тому же он, бегущий из света в темноту ночи, просто не должен был нас видеть.

Не сговариваясь, мы дружно рухнули на поросшую невысокой травой землю; а беглец продолжал целеустремленно нестись прямо на нас. Грохнул еще один выстрел…

Первое, о чем думаешь в ситуациях, подобных этой: «Ну все, попался», — хотя шансы равны как для удачи, так и для неприятности, но почему-то всякий раз думается, что капризная фортуна отвернется от тебя, и потому начинаешь готовиться к худшему. Перед этим, в белой рубашке, лежала вся нахарская степь — беги куда хочешь, а он, словно привязанный веревкой, летел прямо в нашу сторону. Ничего не оставалось, как продолжать прижиматься к земле. Если он ни на кого не наступит, значит, сможет проскочить, так никого и не заметив.

Он не наступил, он зацепился за Мигеля, чуть не потерял равновесие и на мгновение задержал свой бег, видно из любопытства — хотелось узнать, что послужило препятствием на голом и ровном месте. Он увидел Аманду и застыл от удивления, но через секунду уже поворачивался что-то прокричать своим преследователям…

То ли своим неожиданным открытием беглец хотел смягчить их гнев, то ли просто от растерянности забыл, что сейчас происходит, — в данный момент это не имело никакого значения. Со всей очевидностью наше присутствие собирались выдать, и в ту же секунду Аманда поступила так, как, невзирая на результат, нужно было поступить в таких обстоятельствах. Словно вырвавшаяся пружина, взвилось вверх ее тело, и одновременно два удара — один в шею, чтобы захлебнулся собственным криком, а второй в солнечное сплетение — обрушились на нахарца, не убивая, но лишая сознания и возможности двигаться.

Лишь на одно мгновение оказалась Аманда между беглецом и его преследователями. Незаметной черной тенью мелькнул ее комбинезон на фоне белой рубашки, и нахарец уже корчился на земле. Ничто не мешало нам скрыться в темноте, и никто и никогда не узнал бы о нашем здесь присутствии… но, видно, злой рок стал нам уделом.

В тишине ночи прогремел точно выверенный в новую цель выстрел, и как подкошенная Аманда рухнула вниз.

А ровно через секунду она снова была на ногах.

— Все в порядке… в порядке, — выдохнула она. — Бежим!

Сорвавшись с места, мы нырнули во мрак ночи, и только когда угроза погони перестала казаться неизбежной и уже не имело смысла до бесконечности испытывать пределы собственной выносливости, мы перешли на шаг, двигаясь к еще далекому Гебель-Нахару.

А за нашими спинами мелькали огни фонарей — это нашли беглеца, подняли с земли и теперь, без видимой цели, осматривали окрестности. Нас это уже не волновало. Погони не было, и с каждым новым шагом мы, все дальше удаляясь от лагеря, приближались к дому.

— Грязно сработано, — сказал Ян, когда затихли звуки и исчезли за спиной огни, — Хотя могло быть и хуже. Что с тобой случилось, Аманда?

Она не ответила, но вдруг зашаталась, спотыкаясь сделала несколько неуверенных шагов и, раскинув руки, упала навзничь. В одну секунду окружили мы ее плотным кольцом.

Дыхание с тяжелым хрипом вырывалось из ее горла.

— Извините… — прошептала она.

А Ян уже резал ножом плотную материю комбинезона на ее левом плече.

— Крови не много, — заявил он тоном, в котором слышались и злость, и раздражение.

Злился и я. Наверное, и ребенок бы понял, что Аманда, пытаясь бежать с раной, при которой полный покой — один из первых способов лечения, могла просто убить себя. Она скрыла, что ранена последним выстрелом, и дала всем возможность, не теряя ни секунды, беспрепятственно скрыться. Нетрудно понять мотивы ее поступка, но, какие бы благородные цели ни преследовала Аманда, так делать было нельзя.

— Корунна, — Ян уступил мне место. — Это, кажется, больше по твоей части.

Он был прав. Капитаны звездолетов обучены в критические моменты помогать бортовому доктору, а порой и заменять его. Я опустился на колени у распростертого на земле тела Аманды и, насколько мог, тщательно осмотрел рану. При ровном, но слабом свете звезд на бледной коже темным пятном выделялось место, куда вошла пуля. Осторожно ощупав рану, я прижался к ней щекой.

— Пуля небольшого калибра, — начал я и услышал, как нетерпеливо и раздраженно задышал Ян. То, что я сейчас

говорил, видно, он знал уже сам, — Попала под самую ключицу. Рана расположена высоко, и воздуха, наверное, набрать не успела. Пневмоторакс пока не грозит, но в грудной клетке полно крови. Тебе трудно дышать, Аманда? Не говори, просто кивни головой…

Она кивнула.

— Что ты чувствуешь? Слабость, голова кружится?

Она снова качнула головой, а я почувствовал, как липкий пот выступает на ее обнаженной коже.

— У нее шок, — отрывисто бросил я и снова прижался ухом к ее груди, — Шок, — повторил я, — В легкое попала кровь. Ей нельзя двигаться, ей вообще ничего нельзя делать. Нам придется нести ее.

— Я понесу, — заявил Ян. Гнев и боль душили его, он сдерживался, но получалось это у него через силу. — Как думаешь, сколько у нас осталось времени?

— В таком состоянии она сможет продержаться пару часов, — ответил я, — Большие сосуды не задеты, а маленькие затянутся сами. Самое неприятное, что кровь в легком, вот почему ей так трудно дышать. На губах крови нет, значит, будем надеяться, в дыхательные пути она не попала…

Я подсунул руку под ее раненое плечо — сквозного отверстия не было.

— Рана не сквозная. Если за два часа мы донесем ее до Гебель-Нахара и там в госпитале есть соответствующая аппаратура, с ней все будет в порядке. Надо только успеть добраться.

Ян наклонился, обхватил тело Аманды и, держа его на вытянутых руках, поднял.

— Голову вниз, — предупредил я.

— Ты прав, — сказал он. — Только нужно что-то подложить.

Мы с Мигелем быстро стянули свитера, соорудили из них нечто, напоминающее подушку, положили ее на другое плечо Яна и помогли осторожно переложить Аманду.

Жаль мне ее было ужасно. Даже для здорового это было далеко не самым комфортабельным способом передвижения. А с такой раной, да еще задыхаясь…

— Попробуй сначала идти медленно, — попросил я.

— Попробую, но нам нужно спешить. Осталось три километра, никак не меньше.

Да, три километра — путь не близкий, и быстро его не пройдешь, а чем раньше Аманда окажется в госпитале, тем лучше. Постепенно ускоряя шаг, Ян двинулся вперед, а я пристроился сзади, стараясь ни на секунду не спускать глаз с ее лица.

— Как ты? — спросил Ян, слепо поворачивая голову.

Она кивнула, я вслух подтвердил, что все в порядке, и только тогда Ян перешел на легкий бег.

Мы возвращались. Аманда молчала, и ни у кого из нас тоже не было желания разговаривать. Время от времени, приближаясь вплотную к Яну, я проверял ее состояние, и, если не ошибаюсь, на всем протяжении этого бесконечного пути Аманда ни разу не потеряла сознания. А Ян как заведенный, глядя только на огни Гебель-Нахара, не сбавляя темпа, двигался вперед — стальная машина, а не человек из плоти и крови.

Как часто бывает в подобных ситуациях, когда счет идет на секунды, ты забываешь о времени. В конце пути все мы — думаю, и Аманда тоже — перестали его ощущать. Оно казалось нам бесконечным, словно застыло, и лишь у люка, ведущего в секретный туннель, мы очнулись, вышли из окутывающего нас безвременья.

Когда Аманду внесли в госпитальный блок, была она очень плоха, почти без сознания. Хотя что тут говорить, иначе и быть не могло. Попробуйте поносить здорового человека вниз головой минут тридцать, и вы сами убедитесь, что хорошего самочувствия эта процедура никому не добавит. На счастье, госпиталь оказался оснащенным всем необходимым, а главное, системой дренирования с вакуумным насосом. Оставалось лишь ввести дренажную трубку между поврежденным легким и грудной клеткой, но это, вспоминая нашу горькую судьбу и отвернувшуюся удачу, я передоверил механическим манипуляторам — устройству более точному и менее подверженному ошибкам, чем человеческие руки, пусть даже самые умелые. Затем оставалось наладить систему переливания крови, что даже для такого полуобученного специалиста, как я, не представляло особого труда.

Наконец все было закончено, и я, исполненный сознанием выполненного долга, мог оставить ее в покое.

Кенси и Ян ждали меня в служебном корпусе. Не перебивая, они молча выслушали отчет о моих хирургических опытах и соображения о видах на ближайшее будущее.

— Думаю, ей придется пролежать несколько дней, — вынес приговор Ян, стоило мне закончить.

— Не меньше.

— Нужно подумать, как перевезти ее отсюда в нормальный госпиталь, — сказал Кенси.

— Как? — пожал плечами я. — Уже почти рассвело. Нахарцы станут атаковать любой транспорт из Гебель-Нахара — воздушный, наземный… какой угодно. Не думаю, что из этой затеи что-нибудь получится.

Кенси мрачно кивнул головой.

— Если штурм будет на рассвете, — заметил Ян, — им пора начинать.

Он направился к окну, мы с Кенси последовали за ним. Серо-голубое тяжелое небо нависло над темной, безлюдной, словно, выложенной из камня, равниной. На горизонте светились далекие огни лагеря. Даже невооруженным глазом было видно, как он застыл в тяжелой неподвижности. Полки не двигались, не начали даже выстраиваться в походный порядок.

— После ночного загула они могут так простоять до самого полудня, — сказал я.

— Не думаю, что так долго, — рассеянно, видно думая о своем, произнес Ян, — Но отсрочку мы все-таки получим. Ты пойдешь сейчас к Аманде?

— Время от времени ее обязательно нужно навещать, — ответил я, — Сейчас пойду, но между визитами я — в вашем полном распоряжении.

— Вот и ладно. Когда освободишься, загляни к Мигелю; возможно, ему потребуется помощь. Мне кажется, у них в команде не все в порядке, и Мигель нервничает.

Кивнув в ответ, я вышел. Аманда спала. Стараясь не делать резких движений, я попятился к двери, но она проснулась, открыла глаза и узнала меня.

— Корунна, — едва слышно прозвучал слабый голос, — как я?

— Ты молодец. — Я наклонился к ней. — Все, что тебе нужно, это покой и сон, и ты скоро поправишься.

— Как дела? — спросила она. — Уже день?

Госпиталь размещался во внутренних комнатах и не имел окон.

— Рассветает. Но ничего не происходит. Не думай об этом, ты должна отдыхать.

— Но я вам нужна.

— Очень нужна, но без трубки между ребрами. Закрой глаза и спи.

Голова ее беспокойно метнулась на подушке.

— Лучше бы они убили меня.

Я коснулся ее лба.

— Успокойся. Мне все говорили, что ты разумный человек, и кому, как не тебе, знать, что если оказался на больничной койке, то надо гнать от себя дурные мысли.

Она хотела ответить, но зашлась в приступе мучительного кашля, а потом некоторое время молчала, ждала, наверное, когда уляжется боль. Не то что кашель, даже глубокий вздох заставлял

конец дренажной трубки свободно двигаться, а значит, причинять боль. Тут уж ничего не поделаешь, и я видел, как она дышит — часто и осторожно, привыкая.

— Нет, — сказала она. — Я не из тех, кто ищет смерти. Но то, что происходит, — это безнадежно. Нет… нет у нас выхода. Мы хотели спасти Гебель-Нахар, а теперь… а теперь и у нас нет выхода.

— Кенси и Ян найдут выход, они могут.

— Они не могут, потому что его нет.

— Хорошо, тогда чем можешь помочь ты?

— Я должна была помочь.

— Должна, хотела… но можешь ли сейчас?

Она дышала, часто и неглубоко захватывая воздух открытым ртом, а потом бессильно откинула голову на подушку.

— Тогда не думай. Выброси все из головы. Я не оставлю тебя одну. Я буду приходить. Ты просто жди меня, и все будет хорошо.

— Как я могу ждать? — шептала Аманда. — Я боюсь себя. Я боюсь, что покончу со всем, сделаю то, что хочу сделать больше всего, и… и погублю всех.

— Ты не сделаешь этого.

— Я могу.

— Ты измучена. Истерзана болью. Перестань изводить себя. Через час, самое большее через два я вернусь. А сейчас немедленно спать!

Я вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой двери.

Быстрыми шагами мерил я пустынные коридоры, направляясь к казарме музыкантской команды третьего полка. Дневальный занимал свое обычное место в приемной, и Мигель был на месте. Стоя у письменного стола, он что-то внимательно изучал на испещренном цифрами листе бумаги.

— Капитан! — воскликнул он, стоило мне отворить двери.

— Я присматриваю за Амандой, — начал я объяснять причину своего появления, — а Ян попросил, как освобожусь, узнать, не нужна ли тебе помощь.

— Я всегда рад вашей помощи, сэр, — Едва заметная улыбка коснулась губ Мигеля, — Не хочешь составить компанию прогуляться к складам? Мне надо проверить снаряжение, а по дороге можно поговорить.

— Ничего не имею против.

Мы вышли из кабинета и уже по другим коридорам зашагали к складским помещениям крепости.

Как выяснилось, интересовало Мигеля не само снаряжение, а его автоматическая доставка по сигналу с пульта дистанционного управления. Если же из-за повреждения сигнал не поступал, то

доставка производилась через определенные и равные промежутки времени; следовательно, каждый сектор и уровень Гебель-Нахара был обеспечен всем необходимым. С такой тщательно продуманной системой я, пожалуй, столкнулся впервые.

— Видишь, как предусмотрительны были наши ранчеры, когда строили эту крепость, — говорил Мигель, проверяя автоматику и осматривая уже заполненные всем необходимым и готовые по первому сигналу отправиться в заранее определенное место контейнеры.

Яркий свет мощных светильников, отражаясь от бетонных стен, вероятно из практических соображений выкрашенных ровной белой краской, порождал странное, двойственное ощущение ослепительного света и одновременно давящего сверху, обступающего мрака и уныния. И состояние это подчеркивал и усиливал совершенно неподвижный, словно застывший воздух этих коридоров и залов. Вентиляция здесь, как, впрочем, и в остальных секторах Гебель-Нахара, работала исправно, но в огромных залах с их высокими потолками, что представляли собой складские помещения, движения воздуха совершенно не чувствовалось, как будто не было вовсе.

— Впечатляет, — сказал я, оглядываясь.

Мигель кивнул:

— Если и существует крепость, которую может эффективно защищать малая горстка людей, — она перед нами. Только никто не знал, что защитников будет еще меньше… Расчет шел на сотню семей со слугами и приближенными. Но даже мы дорого им обойдемся…

Мигель работал, а я украдкой разглядывал его лицо. Да, исчезли сомнения. С тех пор как он встретил нас с Амандой в космопорте Нахар-Сити, прошло лишь несколько дней, но каким усталым, осунувшимся, даже постаревшим выглядел он. Ему всего лишь двадцать, а значит, это не тяжелая работа и не обрушившиеся на нас испытания так надломили Мигеля. Было здесь еще что-то…

Он закончил проверку последней транспортировочной стойки, закрыл крышку последнего контейнера и повернулся ко мне.

— Ян говорит — у тебя серьезные сомнения в том, что музыканты выдержат первую атаку, — начал я.

Губы его сжались, превратились в тонкую нить, и некоторое время он просто молчал.

— Да, — наконец ответил он. Помолчал и добавил: — Нельзя их ни в чем обвинять. Солдатом нужно родиться. Настоящим

солдатам место в боевых взводах, а не в полковом оркестре. Сюда приходят не за наградами и подвигами, а ради собственной безопасности. — И вдруг он улыбнулся: — Конечно, для таких, как я, — место идеальное.

— Но с другой стороны, — возразил я, — они здесь, с нами. Они остались.

— Остались, — повторил Мигель, тяжело опустился на деревянный ящик и жестом пригласил занять место рядом. — Остались, потому что, кроме нескольких дней непривычной работы, это им ничего не стоило. А платой за все стали острые ощущения. Страсти, чувственный надрыв, драма — вот ради чего живут и готовы жертвовать жизнью нахарцы. Чем больше страстей, тем лучше… Когда мы летели из Нахар-Сити, я говорил тебе об этом.

— Ты думаешь, в решительный момент они нас бросят?

— Не знаю. — Снова потухли краски на его лице, — Знаю только то, что ни в чем не смогу их упрекнуть. Если они уйдут, я буду первый, кто не сможет назвать их трусами.

— В тебе говорят твои собственные убеждения.

— Может быть, и это тоже. Нельзя судить об одном человеке, глядя на другого. Слишком мало мы знаем, чтобы сделать истинное сравнение.

— Это верно, — вздохнул я. — Но если солдаты откажутся сражаться, мотивы их решения — и я в этом убежден — будут отличаться от тех, что руководят тобой, когда ты отказываешься брать в руки оружие.

Он медленно покачал головой.

— Может быть, я не прав, кругом не прав, — Горечь этих слов больно кольнула меня, — Но я не смогу выйти отсюда. Я знаю одно — я боюсь.

— Боишься? Боишься боя?

— Я бы хотел просто бояться боя и смерти. — Он коротко рассмеялся. — Нет, я боюсь, что у меня не хватит воли не сражаться. В самый последний момент могут проснуться старые мечты, вернется то, чему меня учили, и я пойму, что убиваю — хотя это бессмысленно и нахарцы все равно возьмут Гебель-Нахар.

— Думаю, ты сражался бы не ради Гебель-Нахара, — медленно произнес я. — Тобою руководил естественный для человека инстинкт самосохранения и желание помочь… спасти тех, кто рядом.

— Да, — Он судорожно, так что затрепетали ноздри, втянул воздух. — Вас, оставшихся здесь. Против этого я бессилен, слишком глубоко это во мне. Я могу остаться здесь и спокойно

ждать, когда они придут убивать меня. Но не могу, зная… что они убивают других… убивают уже раненую Аманду.

Я молчал, да и что можно было сказать, сознавая злую иронию судьбы. Оба — Мигель и Аманда — боялись, что разум окажется бессилен и они поступят так, как не должны были поступать.

Возвращались мы молча. Дневальный, как только увидел меня, сообщил, что меня разыскивает Ян Грэйм и просит немедленно с ним связаться.

Я набрал номер, и на экране возникло лицо Яна, как всегда бесстрастное.

— Нахарцы все еще не вышли из лагеря, — сказал он. — Они действуют настолько непрофессионально, что я начинаю думать: может быть, стоит рискнуть и хотя бы Падму переправить в безопасное место. Посадить в одноместный флайер и отправить в Нахар-Сити. Если машину перехватят и обнаружат в ней лишь одного экзота, есть надежда, что его благополучно отпустят.

— Здравая мысль, — согласился я.

— Я хочу, чтобы ты попробовал уговорить его. По каким-то, ему одному понятным соображениям, Падма хочет непременно остаться. Если удастся убедить его в том, что, находясь здесь, он несоизмеримо увеличивает и так непомерный груз нашей ответственности, он наверняка согласится с этим. Я бы мог просто приказать ему уехать, но, к сожалению, он понимает: это не в моей власти.

— А почему ты решил, что именно я смогу уговорить его уехать?

— Ты офицер. Старший офицер и должностное лицо, мнением которого он не должен пренебрегать. У нас с Кенси нет ни одной свободной минуты на разговоры с ним, а из тех, кто остался — Аманда прикована к постели, Мигель же в данном случае будет не самым нашим удачным выбором.

— Хорошо, я попробую. Где его можно найти?

— Наверное, у себя, где же еще. Мигель объяснит, как пройти.

Дорогу я нашел без особого труда, да и как оказалось, комнаты экзота располагались недалеко от моих. Постучав и получив разрешение войти, я застал его сидящим за письменным столом, что-то быстро наговаривающим в диктофон, который, стоило мне переступить порог гостиной, он тут же отставил в сторону.

— Вы заняты? Наверное, мне лучше зайти чуть позже?

— Нет, нет. — Падма отодвинулся от стола и распрямился. — Садись. Вот, решил подготовить отчет для того, кто займет мое

место.

— Если вы уедете отсюда, вас не нужно будет никому менять, — сказал я. Далеко не дипломатичное начало, но Падма, вольно или невольно, первый коснулся этой темы, а времени на долгие предисловия оставалось слишком мало.

— Ах, вот в чем дело! Это личная инициатива или идея Грэймов?

— Это просьба Яна. Нахарцы со штурмом не спешат. Или они не понимают, что значит военная операция, или в лагере царит такой беспорядок, что у вас есть все шансы благополучно и в относительной безопасности добраться до Нахар-Сити. Если вас и остановят, то экзоту, конечно…

Ироничная улыбка Падмы оборвала мою речь на полуслове.

— Хорошо, хорошо, — снова начал я после некоторого замешательства, — Чувствую, вы считаете меня излишне наивным, но тогда объясните, почему вас не выпустят? Экзоты не солдаты и оружие в руки не берут.

— Мы не солдаты, — снова улыбнулся Падма, — но, как убежден Уильям, а следовательно, и все те, кому он платит, мы — гнусные интриганы, и если в мире творится зло, то корни этого зла нужно искать среди экзотов. Сейчас для нахарцев мы если не заклятые враги, то, по крайней мере, дьяволы в человечьем обличье. А в революционном порыве они будут даже рады пристрелить меня на месте.

Растерянно смотрел я в улыбающееся лицо Падмы.

— Если вы все это уже знали, то почему не уехали, когда еще можно было уехать?

— У меня, между прочим, тоже есть кое-какие обязанности… И первая из них — передача информации на Мару и Культис. Да и по характеру я немного авантюрист, — Улыбка Падмы сделалась еще шире, — По собственной воле я никуда отсюда не уеду. У нас могут быть разные причины остаться, но объединяет нас одно — слишком много для нас всех значит Гебель-Нахар.

Я покачал головой:

— У вас веские аргументы, но извините, мне трудно в это поверить.

— А почему?

— Простите, но я действительно не могу предположить, что вас могут удерживать здесь те же обстоятельства, что, допустим, и меня.

— Не одинаковые, но равнозначные. Тот факт, что другие люди не могут сравниться с дорсайцами в их специфической сфере деятельности, вовсе не означает, что для людей не существует подобных обязательств. Законы жизни одинаково

руководят всеми. Только вот у каждой личности это проявляется по-разному.

— И с одинаковыми результатами?

— Со сравнимыми результатами. Ты не мог бы присесть? Я все время смотрю снизу вверх, и у меня ужасно затекла шея, — спокойно попросил Падма.

И я сел напротив.

— Вот, пожалуйста, пример, — начал он, — У вас, дорсайцев, свои специфические представления об этике и морали, и здесь ты и твои друзья нашли то, что подогревает ваше врожденное, внутреннее стремление к поступкам, оправданным высокой целью. Нахарцы получили иное воспитание, но у них есть та же потребность в великом, и существуют собственные представления о leto de muerte. Так станете ли вы — дорсайцы — утверждать, что, если ваши моральные принципы различаются, значит, нахарцы не обладают истинным героизмом и истинной верностью?

— Нет, не стану. Но людям моего мира, по крайней мере, можно доверять. Мы предсказуемы в своих словах и поступках. А можно ли подобное утверждать, говоря о нахарцах?

— Нет. Но я бы посоветовал подумать об опасности штампов, бытующих в нашем сознании. На дорсайца всегда можно положиться; экзот не приемлет насилия над человеческой личностью; солдаты Квакерских миров — люди, фанатично преданные своей религии и своей вере. И тогда получается, что преданность и верность слову есть исключительное качество, присущее только дорсайцам, а среди тех, кто носит голубые одежды экзота, не существует личностей, способных причинить зло, зато в Квакерских мирах нет таких, чья вера слаба и ничем не примечательна. Все мы — люди, и ничто человеческое нам не чуждо, даже пороки. Чтобы мыслить непредвзято, нужно прежде всего понять, какие страсти и устремления движут всем человечеством, а потом пытаться найти их отражения в отдельной личности — не исключая и нахарцев.

— Стоит вам заговорить об этом народе, и мне кажется, что я слышу голос Мигеля, — сказал я и, поднимаясь с места, добавил: — Пожалуй, для меня будет лучше сейчас откланяться, не то вы уговорите выйти к нахарцам и сдаться еще до того, как они начнут наступление.

Падма рассмеялся, и мы расстались.

Подошло время навестить Аманду, и я поспешил в госпиталь. Аманда спала крепко, очевидно, ей удалось справиться с мучившими ее сомнениями и включить тот внутренний механизм самовнушения и контроля, которым дорсайцы учатся управлять с

самого рождения. Если это действительно так, то следующие двадцать четыре часа с небольшими перерывами она проведет во сне — что будет лучшим для нее лекарством. Если нахарцам за это время не удастся взять внешние укрепления и прорваться в крепость, ее выздоровление можно будет не ставить под сомнение. Ну а если прорвутся…

Слишком долго пробыл я в закрытых залах и глухих коридорах Гебель-Нахара — а солнце, оказывается, стояло уже так высоко. Выйдя на первую террасу, я увидел его, а также ясное голубое небо, ощутил легкий ветерок и был поражен неумолимым бегом времени. А когда пришел в себя, на дальнем краю террасы заметил Яна и Кенси, сосредоточенно изучающих через окуляры видеокамер лагерь противника.

Мигель тоже был на террасе. Я направился к нему, и, наверное, заслышав шаги, он оторвался от видеоэкрана и выпрямился.

— Они выступили, — произнес он, обращаясь ко мне. Ярким пятном светился прямоугольник экрана в темном обрамлении брони защитного козырька. Мигель не мог ошибиться. Выстроенные в боевой порядок, с мерно покачивающимся в такт размеренного шага оружием, полки двигались в нашу сторону.

Утренний ветер перебирал бархат полковых и батальонных знамен, яркими пятнами расцвечивая людской строй, в центре вышагивал гвардейский полк, а на правом фланге маршировал полк Мигеля — третий полк нахарской армии. На обоих флангах, позади основного строя, я заметил темные бесформенные пятна — это шли добровольцы и революционеры.

— Минут через тридцать — сорок они будут здесь, — заметил Мигель.

Я видел перед собой измученного, на последнем пределе сил человека, словно побывавшего под ножом мясника, который срезал со своей жертвы всю плоть, обнажив комок пульсирующих нервов. Оружия у него я не заметил, вооружены были лишь Ян и Кенси, а за нашими спинами, молчаливо устремив вверх короткие стволы, стояли в пирамидах готовые к бою конусные ружья.

— А где твои люди, Мигель?

Застывшим взглядом он смотрел на меня.

— Они ушли.

— Ушли?

— Да, ушли… сбежали, дезертировали, если тебе больше нравится это слово.

— Они перешли…

— Нет, нет! — Он оборвал меня, не дав договорить, словно недосказанное могло причинить ему невыносимую физическую

боль. — Они не ушли к врагу. Они решили спасти свои жизни. Я говорил — и ты помнишь — такое могло произойти. Ты не можешь обвинять их. Они ведь не дорсайцы, а оставаться здесь — значит приговорить себя к смерти.

— Если Гебель-Нахар падет.

— А ты еще сомневаешься?

— Теперь, когда мы остались одни, будет еще тяжелее. Но я верю, пока руки смогут сжимать оружие, надежда не оставит нас. Когда в Баунпор ворвались фрайляндцы, я видел, как теряющие сознание мужчины и женщины стреляли с госпитальных коек.

Мне не следовало говорить это. Я увидел, как мутной пеленой подернулись его глаза, и понял, что слова о трагедии Баунпора Мигель принял лично на свой счет, словно я укорял его, безоружного, примером тех, кто не сдался, кто до последнего вздоха защищал свой город. Порой в моей жизни случаются такие моменты, когда шрамы становятся проклятием, а не благодарением.

— Извини, что заговорил об этом. Я не хотел обидеть тебя.

— Это не ты — я сам себя обвиняю, — глухо произнес он, не отрывая взгляда от неумолимо надвигающегося, изогнутого полумесяцем строя. — Я знаю, что теперь нас ждет. И еще я понимаю, почему ушел мой оркестр.

Что тут можно было сказать? Без его сорока музыкантов нам не выдержать первой атаки. Когда мятежники как саранча поползут на стены, их будет слишком много, а нас — слишком мало.

— Наверное, прячутся где-нибудь недалеко, под стенами. — Капельмейстер продолжал думать о своем, уже не существующем оркестре. Если мы продержимся день или даже два, есть маленькая надежда, что они вернутся и…

Он не закончил фразы — что-то привлекло его внимание за моей спиной. Я резко повернулся и увидел Аманду.

До сих пор не могу понять, как ей это удалось. Она покинула палату, не забыв прихватить с собой дренажный аппарат. Да, он действительно предназначался для ходячих больных, был переносным, не тяжелым, размером с толстую книгу. Но каково передвигаться с ним, когда конец резиновой трубки, если сделать хотя бы один глубокий вздох, нещадно впивался в ее легкое.

В спускающейся до пят, разорванной посередине, чтобы не путалась при ходьбе, больничной сорочке, с оружием на одном плече и болтающимся на длинном ремне дренажным аппаратом на другом, бледная, как сама смерть, готовая в любую минуту потерять сознание, она все же доползла до террасы.

— Какого… Что ты тут делаешь!? — просто зарычал я, —

Марш отсюда! Марш в постель!

— Корунна, — Она ответила мне таким гневно-уничижительным взглядом, какого я, пожалуй, не удостаивался ни разу в жизни, — Изволь не командовать старшими по званию.

Я вытаращил глаза. Да, меня просили доставить эту важную особу, а значит, в каком-то смысле я должен был исполнять ее приказания, но считать меня — капитана боевой эскадрильи, старшего офицера, да еще в ситуации подобной этой, младшим по званию… это было выше моих сил. Набрав в легкие побольше воздуха, я уже приготовился сказать ей все, что о ней думаю, но вместо этого… разразился громким хохотом. В более нелепой ситуации я давно не находился. Против пятерых, если считать Мигеля, движется шеститысячная армия, а я собираюсь с больной женщиной выяснять, кто из нас старше по званию!

Но если отставить в сторону досужие размышления и взглянуть в лицо фактам, то Аманда продолжала стоять на террасе, и тут я ничего поделать не мог. Хотя мы оба понимали, что сейчас произойдет, все равно не было оправдания ее решению подняться с постели.

— Когда тебя еще раз ранят, молись, чтобы твоим доктором оказался кто-то другой, — грозно пообещал я. — Зачем ты здесь, что ты можешь делать?

— Я могу быть вместе со всеми, — отрезала она.

Что же, против таких аргументов не поспоришь, тем более что краем глаза я уже видел приближающихся к нам Кенси и Яна и решил предоставить им право принимать решение.

А братья молча оглядели ее с головы до ног и отвернулись к равнине. И мне ничего не оставалось, как последовать их примеру.

Строй нахарских полков неумолимо приближался к нам. Еще неразличимы отдельные фигуры — это просто темная линий с отдельными цветными вкраплениями, подсвеченная искрами отраженного света, но с каждой минутой линия эта, превращаясь в полосу, становилась все более различимой.

А пятеро дорсайцев застыли рядом, словно вслушивались в тяжелую поступь надвигающейся судьбы. Как часто в этой жизни — и недавний эпизод с Амандой тому подтверждение — меня захлестывало внезапное, пронзительное чувство нереальности происходящего. Кто решил, что целая армия должна наступать на ничтожную горстку, а ничтожная горстка не просто дожидается, когда ее поглотит эта черная сила, но обязана готовиться к противоборству? Но вот ощущение бессмысленности происходящего отступило. Нахарцы будут продолжать наступать, потому что они ненавидят Гебель-Нахар. А когда они придут

сюда, мы будем защищать Гебель-Нахар, потому что мы призваны защищать даже самое безнадежное дело — так распорядилась нами судьба. В другом месте и при других обстоятельствах и для нас, и для них все могло быть иначе, но здесь и сейчас ни у кого не было другого выбора.

Это было последнее, о чем я думал, мысленно переступая черту, за которой меня ждала битва. И, как всегда, мир и покой воцарился в моей душе. Пусть наступит то, что должно наступить, и я встречу это с гордо поднятой головой, и еще я знал, что рядом стоят Кенси, Ян, Мигель и Аманда и испытывают точно такие же чувства, как и я. Ничем в моей жизни я не дорожил так, как этим чувством единства, и знал, что тот, кто хоть один раз испытает подобное, не забудет уже никогда… до самой смерти. Что бы ни ждало нас, что бы ни случилось — мы вместе. А для тех, кто вместе, не страшно даже самое невероятное превосходство враждебных сил.

Послышался легкий шорох шагов по бетонным плитам террасы. Это ушел Мигель. Я взглянул на товарищей и по выражению их лиц понял, что и они знают, почему он ушел. Он отправился за оружием. А мы — оставшиеся — не могли отвести глаз от приближающегося строя. Уже были различимы отдельные фигуры, а уши наши улавливали размеренную поступь тысяч ног, обутых в тяжелые солдатские сапоги.

Мы подошли к парапету террасы, облокотились на него и молча смотрели на равнину. Настало время насладиться солнцем, ветром, нежарким утром. Еще несколько сотен метров — и наступающие войдут в зону наиболее эффективного радиуса действия наших орудий, а мы, естественно, станем досягаемыми для их полевых…

За спиной послышался шорох и скрип открываемой двери. Я повернулся, ожидая увидеть Мигеля. Но это был Эль Конде, одной рукой опирающийся на Падму, а другой — на трость с серебряным набалдашником. Падма помог ему добраться до парапета, и Конде, не обращая ни на кого внимания, долго смотрел на когда-то свою армию. Наконец он повернулся и на испанском объявил:

— Господа, мадам, я пришел разделить с вами судьбу.

— Это честь для нас, — тоже по-испански ответил Ян. — Может быть, его превосходительство захочет присесть?

— Спасибо, нет. Я буду стоять. Вы можете вернуться к своим обязанностям.

Старик облокотился на трость, устремил свой взор на равнину и уже больше не поворачивался. А когда мы отступили назад, тихо заговорил Падма:

— Он очень хотел спуститься вниз, а рядом никого не было, кто бы мог помочь ему.

— Все хорошо, — сказал Кенси, — А что думаете делать вы?

— Я бы тоже хотел остаться.

Резкое гортанное восклицание вырвалось из горла Эль Конде, и, вскинув головы, все посмотрели в его сторону. Прямой, как древко старинного копья, с перекошенным от ярости и презрения лицом, он все так же неотрывно смотрел на равнину.

— Что это? — спросила Аманда.

В замешательстве я ловил на себе недоумевающие взгляды товарищей. Но вот слабый звук достиг моих ушей. Полки подошли уже так близко, что мы слышали обрывки мелодии, приносимой свежим утренним ветром. Едва различимые звуки, но я, как и Конде, узнал их.

— Они играют «Te guelo». Это значит: «пощады не жди».

«Te guelo» — скромное обещание перерезать горло всем, кто стоит на твоем пути.

Брови Аманды заметно поползли вверх.

— Наверное, думают, что люди Мигеля еще здесь, и хотят лишить их остатков мужества. А может быть, они играют ее, так как ее всегда исполняют перед боем, — попытался объяснить я.

Некоторое время все вслушивались в доносившиеся звуки «Te guelo» — мелодии, от которой пробирает дрожь, но вряд ли она могла смутить душу уже принявшего решение сражаться дорсайца.

— А где Мигель? — спросила Аманда.

Я оглянулся, потому что вопрос действительно имел смысл. Если Мигель ушел за оружием, давно прошло го время, когда он мог возвратиться. Но его не было рядом.

— Не знаю, — ответил я.

— Начали разворачивать полевые орудия, — раздался голос Кенси, — но дистанция все равно слишком велика, чтобы причинить вред этим стенам.

— Пожалуй, пора и нам переходить в укрытия, — заговорил Ян, — и ждать, когда они подойдут поближе, тогда мы откроем ответный огонь, — Обращаясь к Эль Конде, он добавил: — Может быть, его превосходительство спустится вниз?

Эль Конде яростно затряс головой.

— Я останусь здесь, — объявил он.

Ян согласно кивнул и посмотрел на Падму.

— Да, да, разумеется, — отозвался экзот, — Я пойду с вами… Или, может быть, я смогу быть полезен в чем-то ином?

— Нет, — сказал Ян, и в этот момент громкие вопли солдат, перекрывающие пронзительные звуки музыки, заставили всех

резко повернуться.

Ровная линия строя сломалась, и, подбадривая друг друга неистовыми криками, солдаты перешли на бег. Наверное, не более ста метров отделяло их сейчас от подножия склона Гебель-Нахара. Было ли заранее принято решение атаковать именно с этой позиции, или кто-то, не выдержав размеренного шага, увлекся и раньше времени сломал строй — уже не имело никакого значения. Штурм начался.

А уже через мгновение те из нас, кто хоть немного понимал в военном деле, могли слегка перевести дух, так как поспешные действия атакующих, хоть и ненадолго, но все-таки не позволяли начать немедленный обстрел крепости. Стоит артиллеристам открыть огонь — и первыми жертвами станут их собственные товарищи. Маленькая улыбка фортуны, слепой случай, который может изменить весь ход боя, но достаточно было взглянуть на накатывающуюся лавину, и тогда становилось предельно ясно — здесь уже ничего и никогда не изменить. Конец битвы уже предрешен в самом ее начале.

— Смотрите! — достигло наших ушей восклицание Аманды. Мы услышали его, потому что так же внезапно, как и начались, оборвались крики атакующих.

Аманда стояла у парапета и вытянутой рукой указывала на что-то впереди и внизу. Одного шага оказалось достаточно, чтобы увидеть закрытый стеной склон и то, что привлекло внимание Аманды.

Первая линия атакующих замедлила свой наступательный порыв и, пытаясь остановиться, отчаянно боролась с продолжающей движение вперед людской массой второй волны. Строй уже не продвигался вперед, а кое-где просто застыл в немом оцепенении.

Случилось то, что меньше всего могли ожидать участники и свидетели происходящих событий. Медленно поехала вверх ведущая в тайный ход Эль Конде крышка люка. Мощное секретное оружие — вот что это могло означать и, без сомнения, именно столь неожиданный поворот событий, посеяв панику в рядах нахарских вояк, заставил сменить атакующий порыв на беспомощное топтание на месте. До страшной крышки оставалось не более трехсот метров. Сзади, отрезав путь к отступлению, напирала ничего не подозревающая плотная людская масса, и потому не составляло труда понять, о чем думала первая линия: капкан захлопнулся, и сейчас все они станут легкой добычей того неведомого чудовища, которое вытянет из разверзнувшейся земли свой страшный, изрыгающий огонь хобот.

Напрасно покрылись холодным потом нахарские воины. Не

было, конечно, никакого секретного оружия. Вместо страшного чудовища появилась над поверхностью земли сначала каскетка с воткнутой и наклоненной, как копье, наперевес дирижерской палочкой… а потом и сам ее обладатель, Мигель де Сандовал.

Как всегда, безоружный, но в полной парадной форме военного дирижера, с gaita gallega в руках, мундштук зажат в зубах, и басовая труба покоится на плече. Он сделал первый шаг, еще несколько шагов, вот он уже бесстрашно движется вперед.

Мертвая тишина накрыла равнину, и потому тем яростнее оборвали ее, лишь стоило Мигелю начать играть, первые, пронзительные, похожие на рев, звуки волынки. Они достигли стены, за которой стояли защитники Гебель-Нахара, и так же мощно обрушились на строй нападавших. Мигель играл Su Madre.

Ровной, как на параде, поступью, ни на секунду, не отпуская свой инструмент, шел Мигель, и, опережая его, вызовом, брошенным в лицо врагу, летели звуки музыки. Безоружный шел навстречу шести тысячам.

Камера, рядом с которой я оказался в эту минуту, захватывала лишь спину Мигеля, и только изредка мелькал на ее экране профиль моего друга. Умиротворенным, погруженным в музыку было его лицо. Нервное напряжение на грани надлома физических и духовных сил, кажется, перестало терзать его. И он шел вперед, размеренно и спокойно, так, словно только музыка волновала его, только о ней он думал; и трубные звуки Su Madre, отвечая искусству музыканта, злой насмешкой хлестали по лицам нахарцев.

Я прикоснулся к ручкам настройки, и теперь увеличенное и многократно усиленное изображение этих лиц заполнило весь экран. Объектив камеры медленно поплыл вдоль застывшего, словно парализованного строя, одну за другой выхватывая замершие фигуры. Не шевелясь, в полном безмолвии стояли люди и смотрели, как шел к ним навстречу, ничего не замечая, словно намереваясь пройти сквозь строй, капельмейстер третьего полка.

Не могло такое длиться долго — еще мгновение, и они очнутся от мучительного оцепенения, вызванного нереальностью происходящего. Я увидел, как заволновались солдаты. Мигель сейчас находился посередине — между ними и стенами Гебель-Нахара, и звуки его волынки, по-прежнему громко и отчетливо, раздавались в тишине равнины, но к ним стал примешиваться пока тонкий, тягучий, но с каждой секундой набирающий силу, разрастающийся вопль-рев невидимого гигантского зверя.

Я смотрел на экран. Вперед строй еще не двигался, но уже не чувствовалось в нем прежней растерянности, не было застывших в немом оцепенении человеческих фигур. В самом центре

вытянутого полумесяца вздымали кулаки, потрясали оружием, что-то кричали солдаты Пятого гвардейского — того самого, что непримиримо враждовал с полком Мигеля. На таком расстоянии я не слышал, а камера не могла помочь понять, что они кричат, но смысл этих криков был предельно ясен. Вызовом на вызов, оскорблением на оскорбление отвечали они.

С каждой новой минутой все неистовей становилась бурлящая человеческая масса. Но солдаты видели, что бросивший им вызов безумец безоружен, и именно это пока сдерживало их. Они еще только угрожали, но даже с такого расстояния я видел отчетливые признаки подступающей, темной волной захлестывающей их разум ярости. Было ясно, что еще немного — и кто-нибудь в ослеплении вскинет оружие.

Я хотел крикнуть Мигелю, чтобы он уходил, возвращался к выпустившему его туннелю. Своим безрассудно-смелым поступком он сделал больше, чем мог. Он сорвал штурм, он поверг в смятение целую армию. Однажды остановленная, эта армия уже вряд ли снова сможет двинуться вперед. Совершенно очевидно, что людей, испытавших такой вызов, такую эмоциональную встряску, командиры обязаны отвести назад, перестроить и только после этого предпринимать новую попытку штурма. Мы же на несколько часов обретем драгоценную передышку. А может, только утром следующего дня выстроятся полки для новой атаки. Вдруг за это время раздирающие их противоречия или меняющийся, как в калейдоскопе, ход событий изменит к лучшему наше бедственное положение? Сейчас Мигель еще сжимал в своем кулаке волю этих людей, своей отвагой лишая их способности к действию. Если сейчас повернуться к ним спиной, то, пока они опомнятся, он еще сможет целым и невредимым добраться до туннеля.

Но как заставить его вернуться, я не знал, а он сам не выказывал намерений показать оскорбленному, бушующему закипающей яростью врагу свою спину. Напротив, продолжая свою уверенную поступь, раздувая меха волынки, насмехаясь, оскорбляя каждой нотой своей музыки, он бросал вызов этим бесчисленным смельчакам, вышедшим против одного — безоружного.

Они еще по инерции выкрикивали ругательства, трясли в воздухе своим оружием, но то, что происходило сейчас на экране, заставило больно защемить сердце. На фланге третьего полка солдаты криками и жестами показывали Мигелю немедленно возвращаться, а чуть правее одетые в гражданское платье люди, наверное, добровольцы и революционеры, вскидывали свое оружие и, чтобы лучше прицелиться, становились на одно колено.

Солдаты третьего полка пинками заталкивали революционеров обратно, выхватывали из горящих жаждой убийства рук уже нацеленное оружие. То там, то здесь вспыхивали яростные схватки, но пока солдаты одерживали верх. Сейчас третий полк разрывался между необходимостью выполнить приказ и продолжить штурм Гебель-Нахара, а с другой стороны, защитить своего бывшего капельмейстера в его порыве безрассудной отваги. Я видел, как трое солдат с трудом удерживали фанатика с безумным лицом и успокаивали пламенного революционера, крепко прижав к земле.

Лихорадочно вращая ручки настройки, я перевел объектив видеокамеры на противоположный фланг — и здесь происходило нечто подобное. Бурлящие за спинами одетых в военную форму добровольцы пытались силой оружия остановить ровную поступь Мигеля. Солдаты пытались помешать революционерам свести счеты с безоружным, но то ли желающих расправиться с Мигелем было слишком много, то ли солдаты не очень старались, но в действиях их явно недоставало решимости.

Я видел нацеленные в грудь Мигеля древние охотничьи ружья; звуков выстрелов не было слышно, но поднимающиеся кверху легкие и, казалось, такие безобидные дымки означали, что призрак смерти витает над головой Мигеля.

Поспешно, дрожащими пальцами изменив настройку видеокамеры, я вывел на экран его изображение. Несколько коротких мгновений, словно еще продолжая оставаться под защитой невидимого энергетического поля, он продолжал двигаться вперед, но вот споткнулся, зашатался, кренясь к земле, сделал еще несколько неуверенных шагов и… упал.

На короткое время давящая тишина накрыла равнину — словно разом взметнулись вверх тысячи невидимых рук и, не давая вырваться крикам радости или стонам мучительной боли, зажали ладонями рты. Я поднял визир камеры от распростертого на земле тела и увидел военных и одетых в гражданское платье. Не двигаясь, они смотрели на поверженного героя, словно не веря, что все-таки остановили его.

Первыми молчаливое оцепенение сбросили стрелявшие в Мигеля революционеры. Вздымая вверх оружие, широко разевая в криках торжества рты, они пустились в пляс, празднуя великую победу. И вдруг словно порыв могучего урагана накрыл ряды нахарской армии; смешался строй, исчезли фланги. Это солдаты третьего полка ринулись на противоположный фланг с одной целью — вцепиться в глотки, рассчитаться с веселящимися революционерами; а гвардейский полк, разворачиваясь по всему фронту, встал на их защиту. Свалка разрасталась, включая в свой

водоворот все новых и новых действующих лиц. Еще мгновение — и то, что всего пять минут назад было организованным военным строем, превратилось в неистовую бурлящую толпу, охваченную единственным желанием: убивать любого, кто окажется на расстоянии вытянутой руки.

Аманда, закрыв лицо руками, отвернулась, зашаталась, я едва успел подхватить ее, и она безвольно обвисла в моих руках.

— Кажется, я должна лечь, — беззвучно прошептали ее губы.

И я повел ее в госпитальный сектор, где ждала Аманду брошенная больничная койка. Ян, Кенси и Падма последовали за нами, и только Эль Конде, тяжело опираясь на серебряную трость, продолжал неотрывно следить за происходящим на равнине. По застывшему лицу время от времени пробегала судорога победного торжества — ястреб над растерзанным телом своей жертвы.

Битва стала затихать, когда сумерки опустились над равниной. А когда совсем стемнело, зазвучали робкие звонки вызывного устройства главных ворот — это поодиночке, один за другим, проскальзывали в Гебель-Нахар музыканты полкового оркестра Мигеля де Сандовала. С их возвращением я и братья Грэймы могли больше не вести наблюдение за равниной, как поочередно делали до этого. Но только после полуночи, не опасаясь более за судьбу крепости, мы решились покинуть ее стены — забрать тело Мигеля.

Аманда Морган настояла на том, чтобы идти вместе со всеми. Причин отказать ей у нас не нашлось, а вот аргументов в ее пользу оказалось достаточно. Дренаж и восемь часов сна совершили чудо, и здоровью ее более ничего не угрожало. И еще — именно она предложила похоронить Мигеля в земле Дорсая.

Стоимость перелета между мирами была такова, что очень немногие могли позволить себе подобные путешествия, и потому в очень редких случаях тела наших товарищей, погибших на других планетах, хоронили в родной земле. Героический поступок Мигеля решил многое, и Аманда считала, что Дорсай обязан отдать ему последние почести; а в нашем маленьком курьере хватало места и для этого скорбного груза.

Падма и Эль Конде предполагали, что после неудавшейся попытки переворота вряд ли в скором будущем идея революции снова завладеет умами нахарцев. Тщательно продуманная, далеко ищущая комбинация Уильяма сорвалась, и теперь у Яна и Кенси появилось право выбора: или оставаться и продолжать исполнение контракта, или — на законном основании — разорвать его.

Глубокая ночь опустилась на равнины Нахара. Расставив на

внешних террасах музыкантов нести караульную службу, мы спустились в секретный туннель.

— Эль Конде придется строить для себя новый потайной ход, — усмехнулся Кенси, когда над нашими головами вспыхнуло звездами ночное небо. — Этот, пожалуй, стал национальным памятником.

Легкий ночной ветер, обдувая лица, нес с собой запахи степных трав. Слишком мало времени прошло, чтобы запах тлена и смерти воцарился над полем битвы. Покой, тишина и порядок опустились на эту землю.

Мы дошли до места, где упал Мигель, но тела его не нашли. Ян включил карманный фонарь и, присев на корточки, вдвоем с Кенси стал искать следы. Нам с Амандой оставалось лишь ждать. Братья были настоящими полевыми командирами, и я мог потратить часы на то, что они определяли с одного взгляда.

Через несколько минут они поднялись на ноги, и Ян выключил свой фонарь.

— Он лежал здесь, это совершенно точно, — сказал Кенси. — Такое впечатление, что целая толпа побывала здесь. Думаю, будет нетрудно отыскать, куда они отправились.

Взрыхленная подошвами ног земля, сломанный кустарник — вот следы, которые оставили те, кто унес тело Мигеля, и мы медленно шли по этим следам, таким отчетливым и свежим, что даже я мог без труда читать их в блеклом сиянии мерцающих звезд.

Они все дальше уводили нас от Гебель-Нахара, туда, где когда-то стоял центр армии, где началось свирепое побоище. И чем дальше уходили мы, тем чаще стали попадаться трупы.

Следы оборвались, и на месте, где утром стоял гвардейский полк, мы нашли Мигеля. Он лежал на вершине холма, что темной, бесформенной при свете звезд массой возвышался на ровной, без конца и края равнине. И только когда Ян снова включил фонарь, мы поняли его истинный смысл и значение. Холм этот, высотой в метр и метра два в основании создала не природа из земли и камня. Человеческие руки смешали в беспорядочную груду одежду, пояса, позументы… Лежало здесь и оружие, такое древнее, что, наверное, как реликвия передавалось из поколения в поколение. А еще драгоценности: кольца, перстни, цепочки… даже сапоги и туфли.

Но основным материалом рукотворного холма стала одежда: форменные куртки, рубашки, вперемешку с рукавами и воротничками, хранящими знаки отличия, сознательно оторванными их прежними хозяевами от воинских мундиров.

На вершине холма, с лицом, обращенным к звездам, лежал

Мигель. После того что я видел на стене космопорта в Нахар-Сити, мне не требовалось объяснений смысла и предназначения сего скорбного монумента. Мигель не сжимал в руках окровавленного меча — gaita gallega покоилась на его груди, а под ним было leto de muerte — настоящее leto de muerte, ложе героя, созданное из самого дорогого, что принадлежало тем, кто сегодня убивал и защищал его.

В скорбном молчании застыли мы и, склонив головы, долго стояли так, пока не заговорил Кенси:

— Ты все еще хочешь забрать его домой, Аманда?

— Нет, — Слово, как слабый вздох, сорвалось с ее губ. — Нет, здесь теперь его дом.

Мы вернулись в Гебель-Нахар, оставив мертвое тело Мигеля лежать окруженным почетным караулом других мертвых тел.

На рассвете у ворот крепости стали собираться вчерашние мятежники. Они просили вновь принять их на службу и были удивительно покорны и даже угодливы.

А уже на следующий день мы с Амандой попрощались с крепостью — нас ждал Дорсай. Кенси и Ян оставались, чтобы выполнить до конца условия контракта, и, судя по всему, это решение не должно было вызвать какие-либо проблемы.

Падма тоже покидал Гебель-Нахар, и снова мы, вместе с провожающими нас братьями Грэймами, собрались в космопорте — у стены с картиной leto de muerte.

— Теперь я, кажется, понимаю, — сказала Аманда после мгновений тишины. Она слегка коснулась стоящих по обе стороны от нее Кенси и Яна. — Мы скоро вернемся, — предупредила она, уводя их за собой.

Я остался с Падмой.

— Понимает? — немного удивленно повторил я. — Что понимает, идею leto de muerte?

— Думаю, не это, — тихо ответил мне Падма, — Думаю, понимает, ради чего жил и что хотел от этой жизни Мигель… А главное, что эта жизнь значит для нее, значит для всех, включая и нас с тобой.

Я почувствовал, как холод пробежал по моей спине.

— Для меня?

— И для тебя тоже, потому что треснул созданный тобой самим панцирь скорби от горькой утраты, в который ты заковал свою душу. Сейчас в ней поселился Мигель, и теперь душа твоя сможет снова стать открытой людям.

— Неужели вы так думаете? — произнес я и, не желая услышать ответа, поспешно сменил тему: — Мне нужно идти, готовить корабль. Пойдемте со мной.

Падма покачал головой:

— Нет, пожалуй, я должен сказать вам всем до свидания. Много неотложных дел накопилось за это время, пора вспомнить и о них. Поэтому я говорю слова прощания, а ты передай их своим товарищам.

— Тогда до свидания, — кивнул я.

Как и в первый день нашей встречи, он не подал мне руки, но, как и тогда, пьянящая волна тепла и света захлестнула меня, и, наверное, с этого мига я стал понимать, что он действительно был прав и в мыслях, и в словах своих. Мигель тому причина или он сам, или Аманда, или все что произошло, но кажется, действительно треснула та раковина, в которой находился я после гибели Элизы.

— Наверное, где-нибудь снова столкнет нас судьба, — сказал я.

— Для таких непосед, как мы, это вполне возможно, — улыбнулся он.

А потом на прощание еще раз подарил мне улыбку, повернулся и скрылся в толпе.

А я прошел в отдел безопасности, предъявил свои документы и, получив разрешение, зашагал по взлетной полосе к своему «курьеру».

На комплексную предполетную подготовку ушло не более тридцати минут — эти специально спроектированные корабли обладают довольно мощной системой диагностики. Мои товарищи тем временем как в воду канули, и я было собрался отправляться на поиски, как хлопнула крышка входного люка и появилась Аманда.

— А где Кенси и Ян?

— Экстренный вызов. В Гебель-Нахаре, без предупреждения, собрался совет губернаторов. Господа жаждут объяснений. Грэймы передают тебе приветы.

— Спасибо. Прими от меня наилучшие пожелания от Падмы для тебя и всех остальных.

Устраиваясь в кресле второго пилота, Аманда рассмеялась:

— Придется написать Яну и Кенси, чтобы они засвидетельствовали мое почтение Падме… Старт скоро?

— Как только получим добро. Ты люк задраила?

Она кивнула, и тогда я потянулся к кнопкам пульта, связался с диспетчерской и запросил свою очередь на старт, после чего, не отвлекаясь на разговоры, перешел на режим подготовки корабля к взлету.

Через тридцать пять минут мы начали подъем, а еще через десять благополучно вышли на планетарную орбиту. Несколько

обязательных витков вокруг планеты, и пора начинать первый фазовый сдвиг. Теперь, когда руки и голова свободны, можно было поговорить с соседкой.

Погруженная в собственные мысли, застыла Аманда, вглядываясь в мерцающие точки ближайших звезд на экране навигационного радара. Я смотрел на нее и второй раз за этот день думал, что Падма действительно прав. В ту ночь, когда она говорила о Яне, я не понимал ее. А сейчас, наверное, впервые осознал, что рядом со мной сидит обычная женщина со своими горестями, проблемами и радостями.

Наверное, она почувствовала мой взгляд, потому что оборвала свою интимную беседу со звездами и повернулась ко мне:

— Что-то хочешь спросить?

— Нет… а скорее всего, да. Я не совсем понял, что ты имела в виду, у картины в космопорте, когда сказала, что теперь понимаешь.

— Не разобрался? — Лишь на короткое мгновение вскинула она на меня взгляд и тут же снова стала смотреть на звезды, — Я хотела сказать, что теперь понимаю, чем жил и что нес в своем сердце Мигель.

— Падма говорит, теперь тебе понятно, что это значит для тебя и всех нас.

Ответила она не сразу:

— Ты, наверное, опять думаешь о нашем треугольнике — обо мне, Кенси и Яне…

— Это не важно… мои мысли…

— Да, сейчас это не важно. А впрочем, я тебе уже все рассказала в ту ночь. Все будет хорошо. Контракт закончится, и Ян полетит на Землю за Лией. Они поженятся, и Лия станет хозяйкой Форали.

— А что будет с Кенси?

— С Кенси? — Горькая улыбка скользнула по ее губам, — Кенси… Он выберет свой путь.

— А ты?

— А у меня будет своя жизнь, — Она посмотрела на меня так, как совсем недавно у картины смотрел Падма. — Вот это я и имела в виду. В конце концов, что бы ни происходило, нужно оставаться самим собой и делать то, что ты должен делать. И тогда все будет получаться. Мигель понял эту простую истину.

— И это стоило ему жизни.

— Нет, — поспешно возразила она. — Он ничего не потерял и ничего не разрушил. Мигель хотел только лишь оправдать предназначение дорсайца и никогда не брать в руки оружие.

Казалось, что первое исключает второе, а он был верен обеим целям. И он всего добился. Безоружный, но оставаясь дорсайцем, он вышел один против целой армии и остановил ее.

Я не мог отвести от Аманды взгляда.

— Он шел своим путем и всем своим существованием оправдал жизненное предназначение. И потому я тоже пойду своим путем. И Ян, и Кенси…

Не закончив фразы, она замолчала, но я понял недосказанное.

— Дай мне время, — Слова эти вырвались с неожиданной для меня самого поспешностью. — Слишком мало времени прошло с тех пор, как она умерла. Дай мне время, и может быть… может быть, даже я…

Братья

(Перевод К. Плешкова)

Сент-Мари, 2280

Он был высок и очень статен. Профессиональные солдаты в нескольких поколениях — жители этой маленькой суровой планеты, называвшейся Дорсай, — обычно крупнее людей с других планет; но Грэймы выделялись даже среди дорсайцев. Командор Кенси Грэйм был столь пропорционально сложен, несмотря на свои размеры, что лишь в моменты, подобные нынешнему, когда я увидел его стоявшим рядом с другим дорсайцем, его подчиненным Чарли ап Морганом, я мог оценить, насколько он велик на самом деле. У него были черные вьющиеся волосы, широкоскулое лицо и блестящие серо-зеленые глаза — облик, характерный для всех Грэймов. А такие качества, как абсолютная неподвижность в состоянии покоя и удивительная ловкость движений, присущи всем дорсайцам на протяжении вот уже нескольких поколений.

Его брат Ян, находившийся сейчас в Бловене, был его точной копией. Но темпераментами они обладали разными. Все любили Кенси. Он напоминал некоего золотого бога солнечного света. А Ян был мрачным и одиноким, словно черный ледник в краях вечной ночи.

— …Кровь, — сказал Пел Сикьцзинь, когда мы ехали в полевой лагерь экспедиционных сил. — Вы знаете, Том, как говорят: кровь и ледяная вода, смешанные поровну в жилах, — вот что делает человека дорсайцем. Но что-то, видимо, случилось с этими двоими, когда мать вынашивала их в своей утробе. Кенси получил всю кровь. Ян…

Он не договорил. Как и все солдаты Кенси, Пел идеализировал его и соответственно принижал Яна. Я не стал продолжать разговор на эту тему.

И вот Кенси перед нами — улыбающийся, словно речь шла о некоей шутке, в которую мы еще не были посвящены.

— Комитет по встрече? — спросил он. — Это вы?

— Не совсем, — ответил я. — Мы приехали поговорить о том, чтобы отпустить ваших людей в Бловен для отдыха; сейчас, когда все солдаты-захватчики с Квакерских миров разоружены и готовы к отправке домой, — почему бы и нет?

— Мы как раз, — сказал Чарли ап Морган, — собирались в

Бловен, чтобы встретиться с вами. Нам сообщили, что вы и другие официальные лица Сент-Мари дают сегодня вечером обед в Бловене в честь победы для Яна, Кенси и их отрядов.

— Черт побери! — воскликнул я.

— Вам не сказали? — удивился Кенси.

— Ни слова.

Это была вполне обычная путаница для так называемого правительства мэров нашей маленькой планеты Сент-Мари. Я, комиссар полиции Бловена — нашей столицы, и Пел, начальник нашей местной милиции, участвовали в боевых действиях вместе с экспедиционными силами экзотов, которые прибыли, чтобы спасти нас от вторжения пуританских фанатиков с Квакерских миров, и никто не позаботился о том, чтобы передать кому-либо из нас о торжественном обеде в честь двух командующих экспедиционных сил.

— Значит, вы едете? — спросил Пел у Кенси. Кенси кивнул. — Я должен позвонить в свой штаб.

Пел вышел. Кенси рассмеялся.

— Что ж, это дает нам шанс убить сразу двух зайцев. Мы поедем вместе с вами и по дороге поговорим. Есть какие-нибудь проблемы с размещением наших людей на отдых в Бловене?

— Не в этом дело, — сказал я. — Но даже если все фанатики обезврежены, еще действует Голубой фронт в лице достаточного числа политических террористов, и их цель — свалить наше нынешнее правительство. Они проиграли раунд, когда пригласили сюда войска Квакерских миров; но сейчас они постараются извлечь преимущество из любой проблемы, которая может возникнуть, пока ваши солдаты будут предоставлены сами себе в городе.

— Никаких проблем быть не должно. — Кенси взял черную кожаную портупею и начал надевать ее поверх белого кителя. — Но мы можем поговорить об этом, если хотите. Чарли, вы готовы?

— Уже иду, — сказал Чарли ап Морган.

Итак, пятнадцать минут спустя мы с Пелом ехали обратно той же дорогой, но на этот раз с тремя пассажирами. Кенси сидел рядом со мной впереди, и я чувствовал, что выгляжу пятнадцатилетним мальчишкой. Расположившийся сзади Пел казался столь же маленьким между Чарли и главнокомандующим дорсайцев по имени Чжу Ваньмой — коренастым черноволосым монголом.

— …На самом деле никаких проблем, — говорил Кенси, когда мы наконец выехали на дорогу, извивавшуюся среди высоких административных зданий Индустриального парка Западного Бловена, — мы можем отпускать людей небольшими

группами. Но причин для беспокойства быть не должно. Они все наемники, а наемник знает, что его жалованье оплачивают гражданские. Он не будет совершать каких-либо поступков, которые могли бы бросить тень на его профессию.

— Меня не беспокоят ваши люди, — сказал я. — Но террористы Голубого фронта, могут что-нибудь устроить в непосредственной близости от кого-либо из ваших людей, а затем попытаться свалить всю вину на них. Единственный способ предотвратить это — сделать так, чтобы ваших солдат было в городе не слишком много, тогда мои полицейские смогут следить за нами и за теми, кто их будет окружать.

— Достаточно разумно, — улыбнулся Кенси, — Однако я надеюсь, что ваши люди не собираются держать наших за руки в течение всех вечеров в городе…

Тень от дневного солнца упала на машину, и последние слова Кенси отдались приглушенным эхом от окружавших нас высоких стен зданий. Сразу же следом за этими словами — фактически одновременно с ними — послышался негромкий звук, напоминавший посвистывание, и Кенси упал вперед, уже ничего не говоря, ударившись лбом о ветровое стекло.

Следующее, что я помню, — Чарли ап Морган выскочил из машины с правой стороны, словно железными клещами вцепился в мою руку и потащил меня за собой, пока мы не оказались перед фасадом здания, стоявшего справа. Мы присели у стены; Чарли, сжимая в руке пистолет, смотрел на окна дома напротив. На другой стороне узкого проезда я увидел Чжу Ваньмоя и Пела; в руке у Чжу тоже был пистолет. Я потянулся за своим оружием и вспомнил, что не надел кобуру.

Вокруг нас стояла тишина. Только тут я осознал, что улица абсолютно пуста, да и за окнами над нами не было заметно никакого движения.

— Нужно отвезти его в больницу, — послышался сдавленный и хриплый голос Пела. Он не отводил взгляда от неподвижной фигуры Кенси, все еще лежавшего лицом на ветровом стекле.

— В больницу, — повторил он. Лицо его было бледным.

Ни Чарли, ни Чжу не обратили на него никакого внимания. Они продолжали молча следить за окнами здания на противоположной стороне.

— В больницу! — вдруг закричал Пел.

Внезапно Чарли вскочил на ноги и сунул пистолет обратно в кобуру. Его примеру последовал и Чжу.

— Да, — сказал Чарли, — где ближайшая больница?

Но Пел уже был за рулем нашей полицейской машины.

Мы быстро заняли свои места.

Он рванул с места, включив предупредительные огни и сирену. Машина с воем промчалась сквозь транспортный поток и резко затормозила у въезда в приемное отделение Медицинского центра Западного Бловена. Пел выскочил из машины.

— Я вызову реанимацию… врача… — крикнул он и вбежал внутрь.

Я вышел из машины, а следом за мной, несколько медленнее, Чарли и Чжу.

— Найдите подходящую палату, — сказал Чарли.

Чжу кивнул и пошел следом за Пелом.

Чарли осторожно поднял Кенси на руки, словно спящего ребенка, мягко прижав его к груди, так что голова Кенси легла на его левое плечо. Бережно неся своего командира, Чарли вошел в здание приемного отделения. Я последовал за ним.

Внутри был длинный коридор, по которому оживленно взад-вперед сновали медики. Чжу стоял у дверей в нескольких метрах впереди слева, на полголовы возвышаясь над окружающими. К нему подошел Чарли с Кенси на руках.

Когда Чарли приблизился, Чжу ступил в сторону. Дверь автоматически распахнулась, и Чарли прошел в помещение, где вдоль обеих стен стояло хирургическое оборудование в стерильных контейнерах, а в центре находился операционный стол. Чарли осторожно положил Кенси на стол, который был несколько короток для него. Грудь кителя Кенси пересекла линия маленьких красных пятнышек; его лицо, с закрытыми глазами, слепо глядело в белый потолок.

— Вот и все, — сказал Чарли, возвращаясь в холл.

Чжу вышел последним и, вытаскивая пистолет, повернулся, чтобы защелкнуть замок двери.

— Что это? — закричал кто-то у моего локтя, проталкиваясь к Чжу, — Это палата для срочных операций. Вы не имеете права…

Чжу воспользовался лучом пистолета на небольшой мощности, чтобы расплавить замок. Теперь можно открыть дверь только с помощью мощного плазменного резака. Человек, который попытался нам помещать — средних лет, с седыми усами, — был в короткой зеленой куртке старшего хирурга. Я схватил его за руку и оттащил от Чжу.

— Да, он имеет право, — заявил я, когда тот повернулся, яростно глядя в мою сторону. — Вы меня не узнаете? Я Томас Вельт, комиссар полиции.

Он поколебался, потом слегка успокоился — но только слегка.

— И все-таки я говорю… — начал он.

— Пользуясь данными мне полномочиями, — произнес я, —

временно назначаю вас своим помощником. Это обязывает вас подчиняться моим приказам. Вы должны проследить, чтобы никто в этой больнице не пытался открыть эту дверь или проникнуть в это помещение, пока на то не будет дано соответствующее разрешение полиции. Я возлагаю ответственность на вас. Вы поняли?

Он заморгал, глядя на меня. Но прежде чем он успел что-либо сказать, снова послышался шум и появился Пел, буквально таща за собой человека тоже в куртке старшего хирурга.

— Здесь! — кричал Пел. — Прямо здесь. Доставьте сюда систему жизнеобеспечения…

Он замолчал, поймав взгляд Чжу.

— Что? — спросил он. — Что происходит? Кенси там? Мы не хотим, чтобы дверь опечатывали…

— Пел, — сказал я, положив руку ему на плечо. — Пел!

Он наконец почувствовал мое прикосновение и услышал меня. С яростным лицом он повернулся в мою сторону.

— Пел. — Я говорил медленно и отчетливо, — Он мертв. Кенси мертв.

Пел уставился на меня.

— Нет, — раздраженно воскликнул он, пытаясь оттолкнуть меня. Я удержал его. — Нет!

— Мертв, — повторил я, пристально глядя ему в глаза. — Мертв, Пел.

Он тоже, не отрываясь, смотрел на меня, и я отпустил его.

— Мертв? — послышался его шепот.

Пел прислонился к выкрашенной в белый цвет стене коридора. К нему двинулась было медсестра, но я сделал ей знак остановиться.

— Просто оставьте его ненадолго в покое, — сказал я и снова повернулся к двум дорсайским офицерам, которые теперь проверяли, хорошо ли закрыта дверь.

— Если вы поедете в комиссариат полиции, — предложил я, — мы сможем начать охоту за тем, кто это сделал.

Чарли коротко взглянул на меня. Его лицо утратило дружелюбное выражение, однако не было на нем и следа шока или ярости.

— Нет, — спокойно проговорил он, — Мы должны доложить о случившемся.

Он вышел, следом за ним Чжу, двигаясь столь быстро, что мне пришлось бежать, чтобы не отстать от них. Оказавшись на улице, они снова сели в полицейскую машину. Чарли — за руль. Я забрался на заднее сиденье и почувствовал кого-то рядом с собой. Это был Пел.

— Пел, — сказал я. — Лучше останьтесь…

— Нет. Слишком поздно, — ответил он.

И действительно, Чарли уже тронул машину с места. Он, как истинный дорсаец, обладал быстрой реакцией, поразительной смелостью и хладнокровием. Он вел машину так же быстро, как Пел, но не как сумасшедший. Тем не менее большую часть поездки я крепко держался за край сиденья, поскольку благодаря этим качествам Чарли находил такие просветы в движении, где — я мог бы поклясться — проехать было невозможно.

Мы остановились перед зданием штаб-квартиры экспедиционных сил. Чарли прошел мимо охранника, который сразу же замолчал, узнав двоих из нас.

— Нам нужно поговорить с командующим, — сказал Чарли. — Где Грэйм?

— Вместе с мэром Бловена и посланником экзотов, — Охранник, который не был дорсайцем, слегка заикался. Чарли повернулся, собираясь уйти, — Подождите… сэр, я имел в виду, что они здесь, в кабинете командующего.

Чарли снова повернулся.

— Мы пойдем туда. Доложите о нас.

Он пошел вперед, не дожидаясь, пока охранник подчинится его приказу, по коридору и вверх по эскалатору; молодой офицер встал из-за стола, увидев нас.

— Сэр, — сказал офицер Чарли, — командующий будет занят еще несколько минут…

Чарли проследовал мимо него, и офицер развернулся, набирая номер на телефоне. Стуча каблуками по блестящему каменному полу, Чарли направился к следующей двери, открыл ее и вошел в кабинет. Мы двинулись за ним — в большое квадратное помещение с окнами, за которыми открывалась панорама города. За столом сидел Ян Грэйм — брат-близнец, зеркальное отражение Кенси. В кабинете также находились мэр Моро Спенс и человек в голубой одежде — кареглазый, с белыми волосами.

Когда мы вошли, Ян говорил по телефону.

— Все в порядке. — Он закончил разговор, нажал кнопку и посмотрел на Чарли, который прошел вперед вместе с Чжу, к самому краю стола, затем оба отдали честь.

— Что случилось? — спросил Ян.

— Кенси, — сказал Чарли. Голос его стал официальным. — Полевой командир Кенси Грэйм был только что убит, когда мы ехали в город.

Около секунды — не больше — Ян сидел молча. Но его лицо — столь похожее на лицо Кенси и все же столь непохожее —

нисколько не изменилось.

— Как? — наконец спросил он.

— Мы не видели убийц, — ответил Чарли. — По-видимому, штатские. Они скрылись.

Моро Спенс выругался.

— Голубой фронт! — сказал он, — Ян… Ян, послушайте…

Никто не обратил на него внимания. Чарли коротко пересказывал то, что произошло с тех пор, как информация о приглашении достигла лагеря…

— Никакого подобного празднества не планировалось! — запротестовал Моро Спенс, но, казалось, его никто не слышал. Ян сидел молча; его суровое лицо наполовину скрывала тень от солнечного света, проникавшего через высокое окно позади него, и он слушал так, как будто это был очередной, ничем не отличающийся от тысячи других доклад. Обычный человек вряд ли вел бы себя так в подобной ситуации; не зря Яна считали легендарной личностью. И это было не только мое личное впечатление, поскольку я услышал, как стоявший сзади Пел что-то яростно прошипел сквозь зубы. Тут я вспомнил, как он говорил о Яне, что тот, в отличие от Кенси, состоит лишь из льда и воды.

Беловолосый человек в голубых одеждах — экзот Падма — тоже пристально смотрел на Яна. Когда Чарли закончил свой рассказ, он сказал:

— Ян, я думаю, будет лучше, если этим займутся местные власти.

Ян посмотрел на него.

— Нет, — ответил он и повернулся к Чарли: — Кто сейчас дежурный офицер?

— Нгкок.

Ян нажал кнопку телефона на столе.

— Дайте мне полковника Вару Нгкока, штаб лагеря, — сказал он.

— Нет? — переспросил Моро. — Я не понимаю. Мы сможем с этим справиться. Видите ли, это Голубой фронт. Это находящиеся вне закона политические…

Я подошел к нему сзади и положил руку ему на плечо. Он замолчал и обернулся.

— О Том! — с некоторым облегчением воскликнул он. — Я вас сначала не заметил. Рад, что вы здесь…

Я приложил палец к губам. Он был в достаточной степени политиком, чтобы понять, что иногда следует помолчать, и не стал продолжать дальше.

— Вару? Это командующий Ян Грэйм, — между тем говорил по телефону Ян, — Возьмите наши четыре лучших охотничьих

отряда, а три батальона ваших войск пусть окружат Бловен. Перекройте все выходы из города. Никого не впускайте и не выпускайте без нашего разрешения. Объявите войскам, что в ближайшее время будет проведен инструктаж по этой операции.

Как профессиональные солдаты, не связанные ни с какими политическими силами, наемники, по условиям дорсайского контракта, имели право знать цели и задачи военных операций, в которых должны были участвовать. При девяноста шести процентах голосов против среди имевших отношение к операции солдат они имели право отказаться выполнять приказ. Существовало и другое правило: при ста процентах голосов они могли заставить своих офицеров использовать их в операции, которой требовали они сами. Из динамика донеслось что-то неразборчивое.

— Нет, — ответил Ян, — это все.

Он выключил телефон, открыл ящик стола, достал оттуда портупею — полевую, защитного цвета, в отличие от той, которую до этого надел Кенси, — уже с пистолетом в кобуре и, вставая, начал ее застегивать. Стоя он, казалось, заполнял все помещение.

— Том, — обратился он ко мне, — пусть полиция работает, пытаясь выяснить все, что можно. Передайте им, чтобы они были готовы подчиняться приказам любого из наших военных, независимо от его звания.

— Не знаю, есть ли у меня полномочия сообщить им это, — сказал я.

— Я только что дал вам эти полномочия, — спокойно ответил он. — С этого момента Бловен находится на военном положении.

Моро откашлялся; но я сделал ему рукой знак молчать. В этой комнате не было теперь никого, кто обладал полномочиями большими, чем Ян, за исключением приятной наружности человека в голубой одежде. Я вопросительно посмотрел на Падму, и он повернулся к Яну.

— Естественно, солдатам, которые знали Кенси, следует дать возможность проявить себя, — мягко проговорил Падма, — но, возможно, будет лучше, если виновных найдет гражданская полиция без военной помощи.

— Боюсь, что мы не можем целиком положиться на них, — коротко ответил Ян и обратился к обоим дорсайским офицерам: — Чжу, вы берете на себя командование войсками, которым я только что приказал окружить город. Чарли, назначаю вас действующим полевым командиром. Соберите всех офицеров и солдат в лагере и верните всех, кто находится в увольнении. Вы можете воспользоваться соседним кабинетом. Мы обратимся к войскам в лагере сегодня днем. Чжу сможет проинструктировать

своих солдат, когда расставит их на посты вокруг города.

Дорсайцы повернулись и направились к двери.

— Одну минуту, джентльмены!

Падма лишь слегка повысил голос. Но они остановились и обернулись.

— Полковник ап Морган, как официальный представитель правительства экзотов, которое является вашим работодателем, я освобождаю вас от обязанности подчиняться любым последующим приказам командующего Яна Грэйма.

Чарли и Чжу посмотрели мимо экзота на Яна.

— Идите, — сказал Ян. Они вышли. Ян снова повернулся к Падме. — Наши контракты предусматривают, что офицеры и солдаты не подчиняются гражданским властям во время активных военных действий.

— Но война — война с захватчиками с Квакерских миров — закончилась, — заметил Моро.

— Одного из наших офицеров только что убили, — сказал Ян, — Пока личность убийц не будет установлена, я склонен считать, что война продолжается.

Он снова посмотрел на меня.

— Том, вы можете связаться с вашим комиссариатом полиции по этому телефону. Как только вы это сделаете, сообщите мне в соседний кабинет, где я буду вместе с Чарли.

Он вышел, Падма последовал за ним. Я направился к столу и начал звонить в свой офис.

— Ради всего святого, Том! — обратился ко мне Моро. — Что здесь происходит?

Я был слишком занят, чтобы ему отвечать. Однако нашелся кое-кто, пожелавший объяснить.

— Он хочет заставить их заплатить за убийство его брата, — яростно крикнул Пел с другого конца комнаты. — Вот что происходит!

Я почти забыл про Пела. Моро, вероятно, забыл о нем совершенно, поскольку развернулся теперь в его сторону так, словно Пел внезапно появился в облаке огня и отдающего серой дыма.

— Пел? — удивился он. — О Пел, соберите и вооружите вашу милицию, прямо сейчас. Это срочно…

— Идите к черту! — ответил Пел. — Я и пальцем не пошевелю, чтобы удержать Яна от преследования этих убийц. И никто другой в милиции, кто знал Кенси Грэйма, тоже не пошевелит и пальцем.

— Но это может привести к падению правительства! — Моро был готов расплакаться. — Это может снова ввергнуть Сент-Мари

в анархию, и Голубой фронт без труда захватит власть!

— Именно этого и заслуживает такая планета, — заявил Пел, — если здесь людей, подобных Кенси, отстреливают, как собак, — людей, которые прибыли сюда, чтобы, рискуя собственными жизнями, спасти наше правительство!

— Вы еще более сумасшедший, чем эти наемники! — Моро не пытался скрыть свои чувства. Затем лицо его озарил проблеск надежды. — Собственно, Ян выглядит достаточно спокойным. Может быть, он не…

— Он разнесет город в клочья, если потребуется, — яростно сказал Пел. — Не обманывайте себя.

Я закончил звонить и выпрямился, глядя на Пела.

— Кажется, вы говорили, что Ян состоит из льда и воды? — спросил я.

— Да, — ответил Пел, — Но Кенси — его брат-близнец. В такой ситуации он не может остаться в стороне и снять с себя ответственность. Вот увидите.

— Надеюсь и молюсь, чтобы мне не пришлось этого увидеть. — Я вышел из кабинета, направляясь к соседней двери, где ждал меня Ян. Пел и Моро двинулись следом, но когда мы приблизились к двери другого кабинета, солдат, который там стоял, пропустил только меня.

— …Мы хотим, чтобы эта палата была взята под контроль, а саму больницу охраняли войска, — медленно, взвешивая каждое слово, говорил Ян Чарли ап Моргану, когда я вошел. Он возвышался над Чарли, который сидел за столом. Сзади у стены стояла молчаливая фигура в голубых одеждах — Падма. Ян повернулся ко мне:

— Войска в лагере будут построены через час. Чарли отправится сообщить им о том, что произошло. Я бы хотел, чтобы вы поехали с ним и присутствовали при его выступлении.

Я взглянул на него. До сих пор я не разделял мнения Пела о нем. Но теперь меня начали одолевать сомнения. Если когда-либо и существовали двое братьев, казавшихся половинками одного и того же яйца, то это, конечно, Кенси и Ян. Кенси мертв — а ведь для своего брата он, скорее всего, был единственным человеком на шестнадцати населенных людьми планетах, который любил и понимал его. Ян же до сих пор проявлял не больше эмоций, чем если бы обнаружил нарушение устава.

Затем я подумал, что причину его неестественного спокойствия можно объяснить эмоциональным шоком. Но человек, на которого я сейчас смотрел, не давал повода так считать. Возможно ли, чтобы братская любовь была скрыта столь глубоко, что даже насильственная смерть не расколола ледяную

корку вокруг того, кто остался в живых.

Если Ян сдерживает себя, то наверняка вскоре все это вырвется наружу, и тогда над нами нависнет реальная угроза. Моя полиция Бловена и милиция планеты — игрушечные солдатики по сравнению с этими профессионалами. Только экзоты могут их удержать.

— Командор, — сказал я. — Войска вашего брата тесно сотрудничали с планетарной милицией генерала Пела Синьцзиня. Он бы хотел присутствовать на любом инструктаже подобного рода. Кроме того, Моро Спенс, мэр Бловена и временно исполняющий обязанности председателя правительства планеты Сент-Мари, тоже мог бы там быть. Для них обоих, командор, ставка в этой ситуации столь же высока, как и для ваших войск.

Ян посмотрел на меня.

— Генерал Синьцзинь, — помолчав, согласился он. — Конечно. Но мэры нам не нужны.

— Они нужны Сент-Мари, — сказал я, — Собственно говоря, Совет планеты Сент-Мари — это собрание мэров наших самых крупных городов. Если вы покажете, что Моро и остальные ничего не значат, тогда и тот малый авторитет, которым они обладали, исчезнет в течение десяти минут. Заслуживает ли Сент-Мари подобного отношения с вашей стороны?

Он мог бы ответить, что Сент-Мари стала причиной гибели его брата — и она заслуживает всего, что он пожелал бы с ней сделать. Но он этого не сказал. Вместо этого он несколько секунд смотрел на меня словно с очень большого расстояния, затем перевел взгляд на Падму.

— Вы поддерживаете? — спросил он.

— Да, — кивнул Падма. Ян снова взглянул на меня.

— Моро и генерал Синьцзинь могут отправиться с вами. Чарли улетает отсюда минут через сорок. После этого я разрешаю вам вернуться под вашу собственную ответственность. Лучше назначьте кого-нибудь для связи из числа ваших полицейских, чтобы он оставался здесь.

— Спасибо, — сказал я, — Так и сделаю.

Я повернулся и вышел. Уходя, я услышал, как Ян за моей спиной диктует:

— …Все поездки жителей города Бловена ограничиваются случаями крайней необходимости. Для таких поездок необходимо получать военные пропуска. Жители не должны появляться на улицах. Любые участники каких-либо собраний могут подвергаться допросам и аресту. Город Бловен должен осознать тот факт, что он теперь находится на военном положении…

Дверь за мной закрылась. В коридоре меня ждали Пел и

Моро.

— Все в порядке, — успокоил их я, — вас не отлучили от дел — пока.

Мы взлетали с крыши здания сорок минут спустя — Чарли и я заняли пилотские кресла военной восьмиместной патрульной машины, а Пел и Моро сели сзади, на места для пассажиров.

— Чарли, — спросил я, когда мы взлетели, — что должно произойти?

Он смотрел вперед через смотровой экран и какое-то время не отвечал. Потом он заговорил, медленно и тихо, не поворачивая головы:

— Мы с Кенси вместе росли. Большую часть жизни мы провели бок о бок, работая на одних и тех же людей.

Я раньше думал, что знаю Чарли ап Моргана. Благодаря своему дружелюбию он казался в большей степени человеком, чем воинственным полубогом, как другие дорсайцы типа Кенси или Яна — или даже как менее известные дорсайские офицеры вроде Чжу. Но теперь он словно уходил от меня в некий холодный высокий, далекий мир, где обитали только дорсайцы. Это была страна, куда я не мог войти, законы которой были непонятны для меня. Но тем не менее я сделал еще одну попытку.

— Чарли, — сказал я, прервав тишину, — это не ответ на мой вопрос.

Он коротко взглянул на меня.

— Я не знаю, что должно произойти.

Он снова переключил свое внимание на приборы. Остальную часть полета до лагеря мы провели в молчании.

Приземлившись, мы обнаружили, что все дорсайцы уже были построены по батальонам и на их серовато-коричневой полевой форме что-то блестело в лучах вечернего солнца. Лишь когда мы поднялись на стоявшую перед ними трибуну, я понял, откуда этот блеск. Они встали в строй с оружием, все — хотя об этом ничего не говорилось в распоряжениях Яна. Весть о гибели Кенси опередила нас. Я посмотрел на Чарли; он не обращал на оружие никакого внимания.

Войска выстроились спиной к старому заводу, и, когда Чарли заговорил, усилители разнесли его голос над их головами.

— Войска экспедиционных сил экзотов на Сент-Мари. По распоряжению командующего Яна Грэйма этот инструктаж проводится на сто двадцать седьмой день пребывания на земле Сент-Мари.

Кирпичные стены отражали его слова глухим эхом над неподвижными людьми в форме.

— С прискорбием вынужден сообщить вам, — продолжал

Чарли, — что выстрелом снайперов в городе Бловен сегодня, около тринадцати часов, убит командир Кенси Грэйм.

Со стороны строя не донеслось ни звука.

— Снайперы пока не схвачены и не убиты. Поскольку личности их остаются неизвестными, командующий Ян Грэйм распорядился о том, чтобы военное положение, ранее предполагавшееся отменить, продолжало действовать. Все, кто связан контрактом с экспедиционными силами, были вызваны…

Я почувствовал чье-то дыхание возле уха, а затем шепот Пела.

— Посмотрите на них! — сказал он, — Они готовы прямо сейчас выступить на Бловен. Вы думаете, они позволят, чтобы Кенси был убит на какой-то вонючей планетке вроде этой и никто за это не поплатился?

— Заткнитесь, Пел, — пробормотал я уголком рта. Но он продолжал:

— Посмотрите на них! Они ждут приказа к маршу — к маршу на Бловен. А если Чарли не отдаст такого приказа, здесь начнется просто ад. Видите, как они все вооружены?

— Верно, Пел, Бловен не ваш город! — послышался горький шепот Моро, — Если бы они намеревались отправиться в Кастелмейн, вы бы чувствовали себя так же?

— Да! — яростно прошипел Пел. — Если люди пришли сюда, чтобы рисковать своими жизнями ради нас, а мы не в состоянии сделать ничего лучшего, кроме как позволить, чтобы их отстреливали на улицах, чего мы заслуживаем? Чего заслуживает любой из нас?

— Хватит устраивать из этого мировую проблему! — резко прошептал Моро. — Вы просто думаете только о Кенси, вот и все — точно так же, как и они.

Я снова попытался успокоить их, но затем понял, что, собственно, это не имеет никакого значения. Нас троих практически было не видно за спиной Чарли. Внимание выстроившихся перед нами вооруженных людей сосредоточилось исключительно на нем. Как сказал Пел, они ждали вполне определенного приказа, и лишь этот приказ что-то для них значил.

Впечатление было такое, что мы стоим перед каким-то громадным серо-коричневым раненым зверем, готовым броситься на нас в любую секунду лишь потому, что это может облегчить боль. Чарли продолжал говорить лишенным выражения голосом. Он зачитывал длинный список распоряжений, касавшихся перевода лагеря снова на военное положение.

Я чувствовал, как нарастает напряжение по мере того, как он приближался к концу списка приказов, в котором недоставало

одного, разрешавшего акцию экспедиционных сил против города, в котором погиб Кенси. Затем список внезапно закончился.

— Я должен напомнить вам, — сказал Чарли все тем же безразличным тоном, — что на данный момент личность убийц командора Грэйма не установлена. Гражданская полиция прилагает все усилия к расследованию случившегося, и сами же ваши офицеры считают: сейчас ничего нельзя сделать, кроме как оказывать им всяческое содействие. Существует подозрение, что некая местная подпольная организация, известная как Голубой фронт, может нести ответственность за это убийство. Если это действительно так, мы должны быть очень осторожны, отделяя тех, кто действительно виновен в гибели командира Грэйма, от подавляющего большинства остальных.

Он закончил говорить.

Со стороны выстроившихся перед ним тысяч людей не слышалось ни звука.

— Хорошо, бригад-майор, — сказал Чарли, глядя с трибуны на офицера, стоявшего перед строем. — Отпустите ваши войска.

Бригад-майор повернулся кругом.

— Внимание! — рявкнул он, и усилители разнесли его голос над батальоном так же, как до этого голос Чарли. — Разойдись!

Строй не двинулся с места. Тут и там в рядах возникло легкое движение, а затем строй снова замер. Долгие секунды казалось, что больше ничего не произойдет, что Чарли и солдаты перед ним будут стоять лицом друг к другу до Судного дня… а затем где-то посреди строя чей-то одинокий бас запел:

Так правда…

Другие голоса тотчас подхватили:

…Ополчась на ложь,
Повергла в прах и тлен
Тех, кем однажды вздернут был
Полковник Жак Кретьен.

Это была песня о молодом полковнике, который погиб сто лет назад, когда история Дорсая только начиналась. Город Новая Земля взял на службу дорсайцев с тайным намерением использовать их против врага, столь превосходящего их силой, что они наверняка были бы полностью уничтожены — тогда не пришлось бы платить им за службу, и в то же время противнику был бы нанесен существенный ущерб. Но дорсайцы разгромили

врага, и город встал в конце концов перед необходимостью им заплатить. Чтобы этого избежать, городские власти решили обвинить дорсайского командира в сотрудничестве с врагом, в получении взятки за объявление победы в сражении, которого не было вообще. Все было тщательно продумано, и эта ложь могла бы далее сработать, если бы они не совершили ошибку, арестовав командира, чтобы сделать свою историю еще более убедительной.

Это песня в любой другой ситуации не могла бы вызвать никаких возражений. Но сейчас я внезапно понял, что она предназначалась нам. Это для Пела, Моро, для меня самого пели сейчас все солдаты. До этого я чувствовал себя почти невидимым на трибуне позади Чарли ап Моргана. Теперь мы, трое штатских, стояли под прицелом каждой пары глаз — штатские вроде тех, что повесили Жака Кретьена, а вдобавок еще и жители Сент-Мари, среди которых были и те, кто убил Кенси Грэйма. Ощущение было такое, словно перед нами рычащая пасть какого-то громадного зверя, готового нас проглотить.

Чарли ап Морган не вмешивался в происходящее.

Он стоял молча, ожидая, когда они допоют песню до конца.

…И четверть всех наличных сил —
Дорсайский батальон —
В неравный с гельмутцами бой
Послал вперед Рошмон.
Товарищ, только погляди:
Куда ни кинешь взгляд —
Те, кто Рошмону угрожал,
Бегут или лежат.
Как смел Рошмон такой поклеп
На воинов возвесть?!
Да кто ж поверит, что Дорсай
За деньги продал честь?!
И вот, чтоб правда не всплыла
Внутри Рошмона стен,
Изменником объявлен был
И схвачен Жак Кретьен.
Командующий Арп Ван Дин
Вмешался в круговерть:
Дорсаец неподсуден вам.
Верните, или смерть!
Но лорды верили в гранит
Рошмона прочных стен,
И на рассвете вздернут был
Полковник Жак Кретьен.

И вот от стен, что на заре
Вздымались, как всегда,
К закату солнца в тот же день
Не стало и следа.
Взошла луна — стоял Рошмон,
И била жизнь ключом.
Зашла луна — он пеплом стал
И битым кирпичом.
Теперь любой, увидев здесь
Остатки прочных стен,
Узнает, как был отомщен
Полковник Жак Кретьен.
Пока мы живы и сильны,
И жив Дорсай — наш дом,
Никто не вправе нас судить
Неправедным судом.
Так правда, ополчась на ложь,
Повергла в прах и тлен
Тех, кем однажды вздернут был
Полковник Жак Кретьен.

Песня закончилась. Снова наступила тишина — полная тишина. Чарли на трибуне пошевелился. Он сделал полшага вперед и скомандовал:

— Офицеры! С флангов и центра. Встаньте лицом к вашим людям!

Офицеры шагнули вперед, повернулись и промаршировали к месту напротив середины ряда, который они возглавляли, повернулись еще раз и замерли.

— Приготовьтесь стрелять.

Оружие в руках офицеров поднялось на уровень пояса, стволы были направлены на людей, стоявших прямо перед ними. У меня внезапно перехватило дыхание. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, как ни пытался. Я слышал о чем-то подобном, но никогда в это не верил и никогда не думал, что сам могу оказаться тому свидетелем. Краем глаза я мог видеть лицо Чарли ап Моргана, и это было лицо истинного дорсайца. Он снова заговорил.

— Была дана команда разойтись, — голос Чарли отдавался эхом над молчавшими людьми, — но не выполнена. Команда будет дана повторно, в соответствии с третьей статьей контракта профессионального солдата. Офицеры откроют огонь по каждому, кто откажется подчиниться.

По рядам пробежало нечто вроде легкого вздоха, за которым последовали щелчки предохранителей на оружии тех, кто находился в строю. Теперь они стояли лицом к лицу с офицерами — такими же солдатами, как они, и старыми друзьями. Но все они были профессионалами. Вряд ли они станут дожидаться расстрела, если до этого дойдет. Дыхание у меня теперь перехватило настолько, что я ощущал боль, словно что-то тяжелое, с острыми краями, давило мне на ребра. Нас могут расстрелять в течение каких-нибудь десяти секунд.

— Бригад-майор, — раздался ровный голос Чарли. — Распустите ваши войска.

Бригад-майор, который обернулся к Чарли, когда тот с ним заговорил, снова повернулся лицом к строю.

— Разой… — голос бригад-майора изменился по сравнению с тем, когда он отдавал эту команду в первый раз, не больше, чем голос Чарли, — …дись!

Строй распался. Ряды сразу же рассеялись, офицеры опустили оружие. Долго задерживаемое дыхание вырвалось из моих легких столь резко, что чуть не разорвало мне горло. Я повернулся к Чарли, но он уже спускался с трибуны, и лицо его было все так же невозмутимо, как и в течение последних нескольких минут. Мне пришлось почти бежать, чтобы перехватить его.

— Чарли! — Я протянул к нему руку.

Не останавливаясь, он повернулся и посмотрел на меня. Только сейчас я ощутил, насколько у меня был неважный вид. Я попытался рассмеяться.

— Слава богу, все кончилось, — сказал я.

— Кончилось? — Он покачал головой. — Ничего не кончилось, Том. Солдаты теперь будут голосовать. Это их право.

— Голосовать? — Какое-то мгновение это слово не имело для меня никакого смысла. Затем оно внезапно приобрело слишком много смысла, — Вы имеете в виду — они могут голосовать за то, чтобы двинуться на Бловен, или что-то в этом роде?

— Возможно, что-то в этом роде, — ответил он.

Я уставился на него.

— А потом? — спросил я, — Вы не можете… если они проголосуют за то, чтобы идти на Бловен, что вы станете делать?

Он почти хладнокровно посмотрел на меня.

— Возглавлю свои войска.

Я остановился и проводил его взглядом. Чья-то рука коснулась моего локтя; я обернулся и увидел подошедших ко мне Пела и Моро. Это Моро положил ладонь мне на руку.

— Том, — спросил он. — Что теперь будем делать?

— Нужно увидеться с Падмой. Кроме него, никто нам не

сможет помочь.

Чарли пока не собирался в Бловен. Он отправился на совещание в штаб. Нам пришлось одолжить одну из стоявших в лагере машин.

Большую часть обратного пути мы молчали. Я снова был за рулем, а Пел сидел рядом. Когда мы въехали в западную часть города, сидевший сзади Моро наклонился, обращаясь к нам.

— Том, — сказал он. — Вы должны перевести свою полицию на особый режим. Пел, вы должны мобилизовать милицию — прямо сейчас.

— Моро… — Я внезапно почувствовал себя уставшим, как собака, измотанным до полной потери сил. — У меня меньше трехсот человек, девяносто девять процентов которых не умеют ничего, кроме как заполнять отчеты или выполнять свои обязанности на пожаре, при аварии или во время семейной ссоры. Они не смогут противостоять этим наемникам, даже если я им прикажу.

— Пел, — произнес он, отворачиваясь от меня, — ваши люди — солдаты. Они ведь участвовали в боях вместе с ними…

Пел рассмеялся.

— Больше ста лет назад всего один батальон дорсайцев, вооруженный лишь стрелковым оружием, овладел укрепленным городом — Рошмоном. А сейчас нам противостоит бригада — шесть батальонов, — обладающая лучшим оружием, которое только могут приобрести для них экзоты. Бловен, как вам известно, вообще не имеет ни естественной, ни искусственной защиты. И вы хотите, чтобы две тысячи моих ополченцев пытались их остановить? В Сент-Мари нет силы, способной выступить против этих профессиональных солдат.

— В Рошмоне… — начал Моро.

— Ради всего святого! — воскликнул Пел, — Это — лучшие наемники, которых только можно найти. Элитные войска — экзоты не нанимают никого другого, опасаясь, что им придется самим взять в руки оружие и тем самым изменить своим принципам — или что там у них! Поймите, Моро! Если войска Кенси захотят нас уничтожить, они это сделают. И ни вы, ни я ничего не сможем предпринять!

Моро долго молчал. Последние слова Пела были произнесены почти истерическим тоном. Когда мэр Бловена снова заговорил, голос его звучал мягко.

— Интересно знать, почему вы так хотите именно этого, — сказал он.

— Идите к черту! — ответил Пел. — Просто идите…

Я резко затормозил и посмотрел на Пела.

— Это я тоже хотел бы знать. Хорошо, вы любили Кенси. Я тоже. Но сейчас мы можем ожидать чего угодно — от полного уничтожения города до возможной гибели нескольких сотен тысяч людей. Все это за смерть лишь одного человека?

На лице Пела появилось горькое и усталое выражение.

— В нас, жителях Сент-Мари, нет ничего хорошего, — хрипло проговорил он. — Мы — маленькая ленивая фермерская планета, которая ничем не прославилась с тех пор, как была впервые заселена. Мы лишь взывали о помощи к экзотам каждый раз, когда у нас были неприятности. А экзоты каждый раз нас вытаскивали из беды, только потому, что мы с ними в одной солнечной системе. Чего мы стоим? Ничего! По крайней мере, от дорсайцев и экзотов есть хоть какая-то польза!

Он отвернулся от нас, и больше нам не удалось добиться от него ни слова.

Мы въехали в город, где, к моему большому облегчению, я наконец избавился от Пела и Моро и поспешил в комиссариат полиции.

Я планировал потратить два или три часа на то, чтобы взять ситуацию под контроль, а затем найти Падму. Но, как оказалось, мне потребовалось почти семь часов, чтобы подавить панику и замешательство и навести некоторый порядок в действиях моих подчиненных. Собственно, от нас требовалось немногое — просто патрулировать улицы и следить, чтобы жители города оставались в своих домах. Тем не менее я все еще не мог отправиться на поиски Падмы: в моем присутствии срочно нуждалась команда детективов, которая работала вместе с военными, выслеживая убийц.

Я медленно ехал по пустым ночным улицам, с включенными сигнальными огнями, эмблема на борту полицейской машины была ярко освещена. Однако три раза меня останавливали и проверяли неожиданно появлявшиеся вооруженные группы солдат, от трех до пяти человек. Офицер, возглавлявший одну такую группу, сел ко мне в машину. Еще дважды после этого мы встречали военные патрули, тогда он высовывался в окно, и нас пропускали.

Наконец мы подъехали к комплексу складских зданий в северной части города и остановились возле одного из складов. Внутри большого гулкого помещения было пусто, за исключением нескольких сотен квадратных футов, заставленных сельскохозяйственными машинами в ящиках, на первом из трех этажей. Я обнаружил своих людей на втором этаже, в прозрачных кабинах, служивших кабинетами.

— Мы ничего не можем сделать, комиссар, — сказал старший

детектив, лейтенант Ли Холл, которого я знал в течение шестнадцати лет, — Нам за ними не угнаться, даже если бы они нам позволили.

— Не угнаться? — удивился я.

— Да, сэр, — утвердительно кивнул Ли. — Идемте, я вам покажу. Так или иначе, смотреть они нам позволяют.

Он повел меня на верхний этаж склада, большое пустое пространство, где было лишь разбросано несколько пустых ящиков среди куч неиспользованного упаковочного материала. Переносные прожектора освещали территорию безжалостным голубовато-белым светом. Едва мы сделали несколько шагов, как дорогу нам преградил офицер.

— Дальше нельзя, лейтенант, — заявил он Ли и посмотрел на меня.

— Это Томас Вельт, комиссар полиции Бловена.

— Мое почтение, сэр. Но вам с лейтенантом придется стоять здесь, если вы хотите увидеть, что происходит.

— А что происходит? — спросил я.

— Мы воссоздаем ситуацию, — ответил офицер. — Это один из наших охотничьих отрядов.

В белом свете прожектора виднелись фигуры четырех солдат. На первый взгляд казалось, что они разыгрывают какой-то странный балет или пантомиму. Они находились на небольшом расстоянии друг от друга; сначала один из них переместился так, словно встал с несуществующего стула, подошел к такому же несуществующему столу и повернулся лицом к остальным. Затем то же повторил другой. Потом к ним подошел третий и стал что-то делать вместе с ними за этим невидимым столом.

— Люди в наших охотничьих отрядах — по существу, следопыты, комиссар, — тихо сказал офицер мне на ухо. — Эти — из отряда, который хорошо работает в закрытых помещениях.

— И что они делают? — спросил я.

— Определяют, чем занимались убийцы, когда были здесь, — объяснил офицер. — Каждый из троих членов отряда берет след одного из убийц, а четвертый наблюдает за ними в качестве координатора.

Я посмотрел на него. На рукаве у него была эмблема Дорсая, но он выглядел столь же обычно, как я сам или любой из моих детективов. Явно иммигрант в первом поколении; это объясняло, почему у него нашивки младшего офицера, несмотря на эмблему.

— Но какие следы они ищут? — поинтересовался я.

— Большей частью мелочи. — Он улыбнулся. — Такие мелочи, которые мы с вами не сможем увидеть, даже если нам на них покажут. Иногда ничего не удается найти, и тогда им

приходится догадываться — вот где помогает координатор. — Он посерьезнел, — Похоже на черную магию, верно? Даже мне порой так кажется, а я дорсаец уже четырнадцать лет.

— Вы сказали — трое, — сказал я.

— Верно, — ответил офицер. — Снайперов было трое. Мы проследили их путь от помещения в здании, из которого они стреляли, до этого места. Здесь был их штаб — отсюда они отправились туда, где произошло убийство. Есть признаки того, что они провели тут в ожидании по крайней мере несколько дней.

— Почему вы решили, что они ждали? — спросил я.

— Множество повторяющихся признаков. Привычные действия. Следы установки походных кроватей и переносного телефона — вероятно, кто-то позвонил и сообщил им, что командор выехал из лагеря. Следы многочисленных приемов пищи. Остатки металлической смазки, свидетельствующие о том, что здесь разбирали и чистили оружие.

— Но откуда вы знаете, что их было только трое?

— Есть следы только троих, — ответил он. — Все достаточно крупные для вашей планеты, все моложе тридцати лет. У самого высокого были черные волосы и борода. Он в течение недели не менял одежду… — Офицер понюхал воздух. — Чувствуете запах?

Я долго и напряженно принюхивался.

— Ничего не чувствую, — покачал головой я.

— Хм… — В голосе офицера звучало мрачное удовлетворение. — Видимо, эти четырнадцать лет все-таки не прошли для меня зря. Так или иначе, его запах — один из следов, который привел нас сюда.

Я взглянул на Ли Холла, потом снова на офицера.

— Значит, вам вообще не нужны мои детективы, верно? — спросил я.

— Нет, сэр. — Он посмотрел мне прямо в лицо. — Но мы полагаем, вы хотите, чтобы они остались с нами. Никаких проблем.

— Да, — сказал я и ушел. Если мои люди не были здесь нужны, то и я тоже. К тому же я хотел поговорить с Падмой.

Но найти посланника оказалось непросто. Посольство экзотов либо не желало, либо не могло сообщить мне, где он находится; в штаб-квартире экспедиционных сил мне тоже заявили, что не знают. Разумеется, мой собственный департамент следил за всеми перемещениями по городу важных граждан других планет, таких как братья Грэймы и посланник экзотов. Но в данном случае не было никакой информации о том, что Падма покинул помещение, где я в последний раз видел его вместе с Яном Грэймом сегодня утром. Наконец я собрал в кулак всю свою

решительность и, позвонив самому Яну, спросил, у него ли Падма.

В ответ я услышал короткое «нет». Если бы Падма был у него, дорсаец типа Яна скорее отказался бы отвечать, чем прямо солгал. Я сдался. Я падал с ног от усталости и сказал себе, что должен поехать домой, поспать хотя бы несколько часов, а потом снова начать поиски.

Взяв с собой в машину одного из солдат, чтобы тот поручился за меня перед патрулями, я вернулся в свою темную квартиру. Когда я вошел в гостиную и включил свет, то увидел Падму. Он ждал меня, расположившись в одном из кресел.

Потрясение, которое я испытал, оказалось достаточно сильным — словно передо мной возник призрак человека, с чьих похорон я только что вернулся. Я остановился, уставившись на него.

— Извините, что застал вас врасплох, Том, — сказал он, — Я знаю, вы собирались выпить и забыть обо всем на несколько часов. Так или иначе, почему бы вам действительно не выпить?

Падма кивнул в сторону бара, встроенного в угол гостиной. Я никогда им не пользовался, за исключением тех случаев, когда принимал гостей; но он всегда был полон — это входило в договор об аренде. Я подошел к стойке и смешал бренди с водой. Я знал, что нет никакого смысла предлагать Падме алкоголь.

— Как вы сюда попали? — спросил я, не оборачиваясь.

— Сказал вашему привратнику, что вы меня искали, — ответил Падма, — Он меня впустил. Мы, экзоты, не настолько часто встречаемся на вашей планете, чтобы он меня не узнал.

Я одним глотком осушил полстакана и сел в противоположное кресло. Освещение в квартире стало ярче, когда за окнами стемнело. Мягкий свет лился с потолка и из маленьких отверстий и ниш в стеках. В своих голубых одеждах Падма выглядел словно изображение Будды, возвышающегося над всем человеческим и житейским.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовался я, — Целый день вас ищу.

— В сложившейся ситуации вы вполне могли обратиться ко мне за помощью. Поэтому я хотел встретиться с вами там, где вы не могли бы предположить, что причиной моего отказа является давление извне.

— Отказа? — удивился я. Бренди и вода, которые я проглотил, казалось, уже ударили мне в голову. — Вы даже не собираетесь меня выслушать, прежде чем сказать «нет»?

— Надеюсь, — произнес Падма, — что сначала вы выслушаете меня, Том, прежде чем отвергнуть то, что я собираюсь

вам сказать. Вы думаете, что я могу как-то воздействовать на Яна Грэйма, чтобы тот увел своих солдат на расстояние половины окружности планеты от Бловена, или иным образом вывести ситуацию из нынешнего критического состояния. Но правда в том, что я не могу этого сделать, и даже если бы я мог, я бы этого не сделал.

— Не сделал бы, — тупо повторил я.

— Да. Именно так. Но не просто по собственному выбору. В течение четырех веков, Том, мы убеждали всех остальных, что предназначение человечества связано с настоящим и прошлым. У нас, экзотов, есть сейчас достаточно точная наука, называемая онтогенетикой, которая помогает предвидеть исторические последствия того или иного события в настоящем или будущем. Мы не делаем секрета из существования подобной науки. Но это не означает, что мы можем управлять событиями, особенно когда другие все еще стремятся отвергнуть самое существо того, с чем мы имеем дело, — концепцию большой, перемещающейся картины событий, которые включают в себя всех нас и наши жизни.

— Я католик, — сказал я. — Я не верю в предназначение.

— И мы, жители Мары и Культиса, тоже, — продолжал Падма. — Но мы верим в физику человеческих действий и взаимодействий, которые, как мы считаем, работают в определенном направлении, стремясь к определенной цели, которая, как мы сейчас считаем, отстоит менее чем на сто лет — если, собственно, мы уже ее не достигли. Движение к этой цели нарастало, по крайней мере в течение последнего тысячелетия. Ни один индивидуум или группа в настоящее время не в состоянии противостоять этому движению или изменить его направление. Лишь некто более могущественный, чем человек, каким мы его знаем, мог бы это сделать.

— Наверняка, — согласился я. Стакан в моей руке был пуст. Я не помнил, как выпил остаток его содержимого, но алкоголь в некоторой степени снял усталость и напряжение. Я встал, снова подошел к бару и вернулся с полным стаканом, в то время как Падма молча ждал. — Конечно, я понимаю. Вы думаете, что заметили здесь историческую тенденцию, и не хотите вмешиваться, боясь ее нарушить. Изящное оправдание тому, чтобы ничего не делать.

— Это не оправдание, Том, — И на этот раз в его голосе прозвучала некая глубокая нота, которая на мгновение очистила мой разум от паров бренди и заставила меня взглянуть на него. — Я не говорил, что не собираюсь ничего предпринимать в данной ситуации. Я говорю, что ничего не могу сделать. Даже

если бы я попытался — это было бы бесполезно. Не только для вас эта ситуация чересчур тяжела: для всех остальных тоже.

— Как вы это узнаете, если не попытаетесь? — спросил я. — Хотелось бы увидеть вашу попытку и ее результат. Тогда, вероятно, я бы вам поверил.

— Том, вы можете поднять меня с этого кресла?

Я посмотрел на него. Я не дорсаец, но достаточно велик для моей планеты. В данном случае это означало, что я был на голову выше Падмы и, вероятно, на четверть тяжелее. Кроме того, я моложе его и всю жизнь старался поддерживать себя в хорошей физической форме. Я вполне мог бы поднять кого-либо, равного мне по весу, с этого кресла без особого труда, а Падма был еще легче.

— Если только вы не привязаны, — заявил я.

— Я не привязан, — Он на мгновение встал, потом снова сел. — Попробуйте меня поднять, Том.

Я поставил стакан, подошел к креслу. Обхватив Падму под мышками, я попытался его поднять.

Но мне не удалось даже сдвинуть экзота с места. Даже если бы он был каменной статуей в натуральную величину, я и то мог бы рассчитывать на большее.

Наконец я сдался.

— Сколько вы весите? — поинтересовался я, отдышавшись.

— Не больше, чем вы думаете. Сядьте, Том, — (Я сел.) — Пусть это вас не беспокоит. Это, конечно, трюк. Нет, не механический, а физиологический.

— Встаньте, — потребовал я. — Дайте мне еще раз попробовать.

Он встал. Я попытался. Он был все так же неподвижен.

— А теперь, — предложил он, когда я во второй раз сдался, — попробуйте снова, и вы обнаружите, что можете меня поднять.

Я вытер лоб, обхватил его руками и изо всех сил потянул вверх, в результате чего чуть не подбросил его к потолку.

— Видите? — сказал он, снова садясь, — Так же, как я знал, что вы не сможете меня поднять, пока я вам не позволю, я знаю, что не в состоянии изменить ход событий на Сент-Мари. Но это можете сделать вы.

— Я? — Я уставился на него, затем взорвался: — Тогда, ради всего святого, скажите как?

Он медленно покачал головой.

— Мне очень жаль, Том, — сказал он. — Но я лишь знаю, что, выраженная в терминах онтогенетики, здешняя ситуация показывает, что вы являетесь центральной фигурой. С вашей

помощью сосредоточенные здесь силы, подталкиваемые к разрушительным действиям другой столь же центральной фигурой, могут быть возвращены на основной путь исторического развития с минимумом потерь. Я говорю вам это для того, чтобы, зная это, вы могли воспользоваться имеющимися у вас возможностями.

С этими словами он встал и направился к двери.

— Подсадите! — крикнул я, и он остановился, на мгновение обернувшись, — Та, другая центральная фигура — кто это?

Падма снова покачал головой.

— Знание этого не принесет вам пользы, — сказал он. — Я даю вам слово, что сейчас он далеко и сюда не вернется. Его даже нет на планете.

— Один из убийц Кенси! — воскликнул я. — И они улетели с планеты!

— Нет. Люди, которые убили Кенси, — лишь орудия. Если бы никто из них не существовал, на их месте оказались бы трое других. Забудьте о второй центральной фигуре, Том. Он не в большей степени ответствен за ситуацию, которую создал, чем вы — за то, что происходит здесь и сейчас. Он просто, как и вы, оказался в положении, которое давало ему свободу выбора. Спокойной ночи.

С этими словами он внезапно оказался за дверью и исчез. Я до сих пор не могу понять, то ли он двигался настолько быстро, или же по какой-то иной причине я позволил ему уйти. Просто я неожиданно остался один.

Усталость навалилась на меня, словно тяжелые волны океана ртути! Я проковылял в спальню, рухнул на кровать, и это было все, что я помнил, пока — как мне показалось, в следующую секунду — я не проснулся от настойчиво звеневшего в ушах телефонного звонка.

Я протянул руку, нащупал телефон и нажал на кнопку.

— Вельт слушает, — прохрипел я.

— Том, это Моро. Том? Это вы, Том?

Я облизал губы, сглотнул и заговорил более внятно:

— Это я. В чем дело?

— Где вы были?

— Спал, — ответил я, — В чем дело?

— Мне нужно с вами поговорить. Не могли бы вы приехать…

— Приезжайте сюда сами. Мне нужно встать, одеться и выпить кофе, прежде чем я буду в состоянии куда-либо ехать. Вы можете со мной поговорить, пока я буду этим заниматься.

Я отключился. Он все еще что-то говорил на другом конце линии, но меня это уже не интересовало.

С трудом выбравшись из постели, я начал приводить себя в порядок. Когда он приехал, я уже был одет и пил кофе.

— Пейте, — Я пододвинул ему чашку, когда он сел рядом со мной за стол на террасе. Он машинально взял ее.

— Том… — начал он. Чашка дрожала в его руке, когда он поднял ее и поспешно отхлебнул, прежде чем снова поставить. — Том, вы когда-то были членом Голубого фронта, верно?

— Как и все, — сказал я, — Тогда, в годы нашей молодости, это была идеальная компания, мечтавшая о том, чтобы в управлении нашей планетой стало больше порядка и системы!

— Да, да, конечно, — пробормотал Моро, — Но я имел в виду, вероятно, вы знаете, с кем сейчас можно связаться…

Я рассмеялся. Я смеялся столь сильно, что мне пришлось поставить чашку, чтобы не расплескать кофе.

— Моро, о чем вы говорите? Если бы я знал, кто является лидерами Голубого фронта, то они уже сидели бы в тюрьме. Комиссар полиции Бловена — главный представитель закона в нашей столице — последний, с кем Голубой фронт вступил бы сейчас в контакт. Сначала они пришли бы к вам. Вы ведь тоже когда-то были его членом, когда учились в колледже, помните?

— Да, — уныло согласился он. — Но сейчас я никого не знаю. Я думал, что, может быть, у вас есть информаторы, или какие-то подозрения, или…

— Ничего подобного, — возразил я. — Ладно. Зачем вы хотите знать, кто сейчас руководит Голубым фронтом?

— Я думал обратиться к ним с призывом выдать убийц Кенси Грэйма — чтобы спасти жителей Бловена. Том… — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Всего лишь час назад солдаты из числа наемников голосовали за то, чтобы потребовать от своих офицеров повести их на город — более девяноста четырех процентов. А Пел… Пел в конце концов мобилизовал свою милицию, но я не думаю, что он намерен нам помогать. Он весь день пытался поговорить с Яном.

— Весь день? — Я бросил взгляд на часы: 4.25.— Ведь сейчас не 4.25 дня?

— Именно дня, — сказал Моро, глядя на меня. — Я думал, вы знаете.

— Я не собирался столько спать! — Я поднялся с кресла, направляясь к двери. — Пел хочет встретиться с Яном? Чем быстрее мы встретимся с ним сами, тем лучше.

И мы поехали. Но опоздали. Когда мы добрались до штаб-квартиры экспедиционных сил и прошли мимо младших офицеров к кабинету Яна, Пел уже был там. Я отодвинул в сторону преградившего путь офицера и вошел; Моро последовал

за мной. Пел стоял лицом к Яну, тот сидел за столом, окруженный кипами бумаг. Увидев нас с Моро, он встал.

— Все в порядке, капитан, — обратился он к офицеру позади нас. — Том, рад вас видеть. Однако, господин мэр, будьте так любезны подождать снаружи; я встречусь с вами через несколько минут.

Моро ничего не оставалось, как снова выйти. Когда дверь за ним закрылась, Ян показал мне на кресло рядом с Пелом и снова сел.

— Продолжайте, генерал, — сказал он Пелу. — Повторите то, что вы начали мне говорить, для Тома.

Пел бросил на меня яростный взгляд.

— Это не имеет никакого отношения к комиссару полиции Бловена или к кому-либо другому с Сент-Мари.

— Повторите. — Ян даже не повысил голоса. Слово прозвучало, словно железная дверь, захлопнувшаяся перед Пелом и заставившая его повернуть назад. Пел снова мрачно посмотрел на меня.

— Я только что говорил о том, — начал он, — что, если командующий Грэйм поедет в лагерь и обратится к солдатам, вероятно, он сможет убедить их проголосовать единогласно.

— Проголосовать единогласно за что? — спросил я.

— За то, чтобы дом за домом обыскать весь Бловен и окрестности, — ответил Ян.

— Город блокирован, — поспешно заявил Пел. — Подобный поиск позволит обнаружить убийц в течение нескольких часов, если привлечь к этому всех.

— Конечно, — сказал я, — и вместе с настоящими убийцами несколько сотен подозреваемых или те, кто попытается сопротивляться или бежать, будут убиты или ранены. Даже если Голубой фронт не воспользуется возможностью — которой он определенно воспользуется — начать перестрелку с солдатами на улицах города.

— Что из того? — Пел обращался скорее к Яну, чем ко мне. — Ваши войска смогут с ними справиться. И вы принесете Сент-Мари большую пользу, уничтожив их.

— Если все это не закончится уничтожением всего гражданского населения города, — заметил я.

— Вы исходите из того, Том, — возразил Пел, — что войска экзотов неподконтрольны…

Ян оборвал его:

— Ваши рекомендации, генерал, совпадают с теми, которые я получаю от других. Сейчас здесь присутствует некто с подобным предложением. Можете выслушать ответ, который я ему дам, —

Пригласите лейтенанта Уэлло, — приказал он.

Грэйм встал и повернулся к нам спиной, когда дверь кабинета открылась и вошел офицер, которого я не так давно оттолкнул в сторону. И тут я увидел, что это тот самый иммигрант из охотничьего отряда, человек, который был дорсайцем четырнадцать лет.

— Сэр! — сказал он, останавливаясь в нескольких шагах от Яна и отдавая честь. Будучи без головного убора, Ян не отдал честь ему в ответ.

— У вас есть сообщение для меня? — спросил Ян. — Докладывайте. Я хочу, чтобы эти джентльмены услышали его, а также мой ответ.

— Да, сэр. — Я заметил, что Уэлло искоса бросил на меня взгляд и тоже узнал меня, — Я был послан к вам, чтобы сообщить результаты нашего последнего голосования. Солдаты единогласно проголосовали за необходимость одной операции.

— Какой же?

— За то, чтобы проверить дом за домом город Бловен, в поисках убийц полевого командира Грэйма. — Уэлло кивнул в сторону стола Яна, и я впервые увидел там рисунки — несомненно, созданные воображением художника, но очень живо изображавшие трех человек в гражданской одежде. — Наверняка мы узнаем их, когда найдем.

Официальный тон Уэлло ничем не напоминал тот, каким он говорил тогда со мной в зоне действий охотничьего отряда. И вероятно, военный протокол действует даже в подобной ситуации — когда дело касается гибели человека и возможной гибели города. Это было для меня легким потрясением, и я впервые начал понимать, что имел в виду Падма, когда говорил о действующих здесь силах. Какое-то мгновение я почти ощущал эти силы, словно сильное дуновение ветра. Но Ян уже отвечал ему.

— Любой тотальный поиск включает возможные военные ошибки и опасность для гражданского населения. Авторитет моего погибшего брата не должен страдать из-за любого моего необдуманного приказа.

— Да, сэр, — сказал Уэлло. — Прошу прощения, сэр, но солдаты надеялись, что приказ об операции отдадите вы. Мы даем вам на размышление шесть часов, прежде чем наш Солдатский совет примет ответственность за операцию на себя. Тем временем охотничьи отряды будут отозваны — это часть принятого решения.

— Почему? — спросил Ян.

— Мне очень жаль, сэр. Но вы знаете, что они уже несколько

часов как бездействуют. След потерялся в потоке городского движения; и преступники могут быть где угодно в центральной части города.

— Что ж, спасибо за информацию, лейтенант.

— Сэр! — Уэлло снова отдал честь и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Ян снова повернулся к нам.

— Вы слышали, джентльмены, — сказал он. — А теперь у меня еще много дел.

Мы с Пелом вышли. В коридоре уже не было ни Уэлло, ни молодого капитана. Лишь Моро стоял там, ожидая нас. Пел яростно повернулся ко мне.

— Кто просил вас являться сюда? — спросил он.

— Моро, — ответил я, — И добрые намерения тоже. Пел, что с вами происходит? Вы ведете себя так, словно лично заинтересованы в том, чтобы увидеть, как солдаты экзотов ровняют с землей Бловен…

— Прошу прощения! — бросил он. — У меня дела. Мне нужно позвонить в свой штаб.

Озадаченный, я смотрел, как он быстрыми шагами уходит прочь. Внезапно я почувствовал, словно та самая сила, дуновение которой я ощутил в кабинете Яна, странным образом прочистила мои мозги, так что даже самый слабый звук отдавался отчетливым эхом. Одновременно я слышал эхо голоса Пела, произносившего те же слова, когда Кенси готовился покинуть лагерь наемников, отправляясь на несуществующий обед в честь победы, и неосознанное, но долго зарождавшееся подозрение внезапно вспыхнуло у меня в голове со всей определенностью.

Я в три прыжка догнал его и, схватив за плечо, развернул и прижал к стене.

— Это вы! — закричал я. — Вы звонили из лагеря в город незадолго до нашего приезда. Это вы сообщили убийцам, что мы едем и чтобы они заняли соответствующую позицию для обстрела нашей машины. И это вы организовали убийство Кенси!

Мои руки сжимали его горло, и он не мог ответить, даже если бы и хотел. Но в этом не было необходимости. Потом я услышал стук каблуков по полированному каменному полу коридора и отпустил его, сунув руку под китель, где был мой пистолет.

— Только скажите хоть слово, — шепнул я ему, — или сделайте что-нибудь… и я убью вас. Идем с нами!

Вошел капитан. Он с любопытством посмотрел на нас троих.

— Я могу вам чем-либо помочь, джентльмены? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — Нет, мы просто уходим.

Подхватив одной рукой под локоть Пела, а другую пряча под кителем на спуске пистолета, я вышел; Моро держался позади.

Когда дверь закрылась за нами, Моро подошел ко мне с противоположной стороны от Пела.

— Что будем делать? — шепотом поинтересовался Моро. Пел молчал, но глаза его напоминали черные провалы метеоритных кратеров на серой поверхности лишенного атмосферы спутника.

— Отведите его вниз, и пусть его запрут в камере ближайшего полицейского участка, — приказал я. — Он станет ходячей бомбой, если кто-либо из солдат узнает, что он сделал. Человек такого жанра, замешанный в убийстве Кенси, — для них достаточный повод, чтобы по нашим улицам потекла кровь.

Полицейский участок номер 96, куда мы доставили Пела, находился меньше чем в трех минутах езды.

— Но как вы можете быть уверены, что он… — Моро не решался выразить свою мысль словами, хотя никто не мог нас подслушать. Он стоял, глядя на Пела, который сидел сгорбившись на стуле, продолжая молчать.

— Я уверен, — сказал я, — Экзот Падма… — Я оборвал фразу на полуслове, точно так же как до этого Моро. — Не важно. Главное, что он из Голубого фронта и он замешан в убийстве. Но что мы будем теперь делать?

Пел пошевелился и заговорил — впервые с тех пор, как я его чуть не задушил. Он посмотрел на меня и Моро; лицо его было серым, как у покойника.

— Я сделал это ради Сент-Мари! — прохрипел он. — Но я не знал, что они собираются его убить! Я этого не знал. Они сказали, что просто обстреляют машину — чтобы создать инцидент…

— Вы слышали? — Я кивнул в сторону Моро. — Вам нужны еще какие-либо доказательства?

— Что будем делать? — Моро не отрывал взгляда от Пела.

— Это мой вопрос, — напомнил я ему, — Но не похоже, что вы поможете мне на него ответить, — Я рассмеялся, но отнюдь не радостно, — Падма сказал, что выбор остается за мной.

— Кто? О чем вы говорите? Какой выбор? — спросил Моро.

— Пел, — я кивнул в его сторону, — знает, где скрываются убийцы.

— Нет, — ответил тот.

— Что ж, вы знаете достаточно, чтобы мы смогли их найти, — сказал я, — А за пределами этой комнаты на всей Сент-Мари есть лишь два человека, которым мы можем доверять.

— Вы думаете, что я вам что-либо скажу? — Лицо Пела все еще было серым, но теперь взгляд его приобрел твердость. — Вы думаете, что, даже если бы я что-нибудь знал, я бы вам сказал? Сент-Мари нуждается в сильном правительстве, чтобы выжить, и лишь Голубой фронт может дать ей такое правительство. Вчера я

был готов отдать за это свою жизнь. Я все еще готов к этому. Я ничего вам не скажу — и вы не сможете меня заставить.

— Кто эти два человека? — спросил меня Моро.

— Падма, — ответил я, — и Ян.

— Ян! — воскликнул Пел. — Вы думаете, он вам поможет? Он ничего не в состоянии дать Сент-Мари. Вы верите этим его разговорам об авторитете и военных заслугах его брата? У него нет никаких чувств. Его заботят лишь его собственные военные заслуги; и его не будет волновать, если солдаты сровняют Бловен с землей, раз это соответствует его целям. Яна так же, как и любого другого солдата, радуют результаты того голосования. Он просто намерен прождать эти шесть часов и позволить событиям идти своим чередом.

— И надо понимать, Падму это тоже не волнует? — Голос Моро начал звучать угрожающе. — Ведь это экзоты первыми пришли нам на помощь в борьбе с Квакерскими мирами!

— Кто знает, чего хотят экзоты? — возразил Пел, — Они делают вид, что ничем иным не занимаются, кроме как помогают другим, и никогда не пачкают рук насилием, и так далее; и каким-то образом при всем этом они становятся все более богатыми и все более могущественными. Конечно, вы можете поверить Падме, почему бы и нет? Поверьте Падме, и увидите, что произойдет!

Моро неуверенно посмотрел на меня.

— Что, если он прав? — спросил Моро.

— Ах, он прав? — рявкнул я. — Тогда вы тоже один из виновников этих неприятностей, ничем не лучше Пела, который нашептывает вам, что в трубе сидит дьявол, и у вас, как и у всех остальных, начинают трястись поджилки, и вы готовы продать ему дом за любую цену! Оставайтесь здесь, оба, и не пытайтесь покинуть комнату.

Я вышел, заперев за собой дверь. Сегодня дежурил офицер, которого я когда-то знал, — старый полицейский по имени Джейкер Рилз.

— Джейкер, — обратился я к нему, — у меня в этой комнате заперта парочка ценных экземпляров. Я надеюсь вернуться через час или около того, чтобы их забрать; но если меня не будет, сделайте так, чтобы они не сбежали и никто к ним не проник или не узнал, где они находятся — по крайней мере в течение двадцати четырех часов, если я не вернусь.

— Я вас понял, Том. Предоставьте их мне.

— Спасибо, Джейкер.

Я вышел и направился обратно в штаб экспедиционных сил. Там теперь было полно офицеров — в основном дорсайцев.

Никого из солдат я не встретил.

Я уже готовился обосновывать необходимость встречи с Яном; но охранники меня удивили. Мне пришлось ждать лишь четыре или пять минут за дверью кабинета Яна, прежде чем оттуда вышли шесть старших командиров, в том числе Чарли ап Морган.

— Хорошо, — сказал Чарли, кивнув мне; затем пошел дальше без каких-либо дальнейших объяснений, что он имел в виду. У меня не было времени даже посмотреть ему вслед. Ян уже ждал меня.

Я вошел. Ян сидел за столом и жестом указал мне на стоявшее перед ним кресло. Я сел. От него меня отделяло лишь несколько футов, но у меня снова возникло ощущение, что между нами огромная дистанция. Даже здесь и сейчас, в мягком освещении ночного кабинета, чувствовалось, что он не такой, как все — в большей мере, чем любой другой, дорсаец. Его создали поколения людей, рождавшихся, чтобы воевать; и он не вызывал у меня никакого сочувствия, словно от него дул в мою сторону пронизывающий ветер с какой-то холодной и бесплодной горной вершины. Я еще раз мысленно согласился с Пелом, что Ян состоит только изо льда. Но как человек, у которого убили брата, он заслуживал любой помощи.

— Я должен вам кое-что сказать, — начал я. — Насчет генерала Синьцзиня.

Он медленно кивнул:

— Я ждал, что вы ко мне с этим придете.

Я уставился на него:

— Вы знали про Пела?

— Мы знали, что кто-то из властей Сент-Мари был замешан в том, что произошло, — сказал он. — Обычно дорсайский офицер крайне бдителен в любой потенциально опасной ситуации. Но здесь сначала было ложное приглашение на обед; а затем убийцы оказались как раз в нужном месте, в нужное время, с нужным оружием. Кроме того, наши охотничьи отряды обнаружили явные доказательства того, что все это не цепь случайностей. Как я сказал, офицера типа полевого командира Грэйма обычно не так-то просто убить.

Звание и фамилия его брата прозвучали для меня почему-то столь же странно, как если бы кто-то говорил о себе в третьем лице.

— Но Пел? — спросил я.

— Мы не знали, что именно генерал Синьцзинь был в этом замешан, — ответил Ян. — Вы сами сейчас назвали его.

— Он из Голубого фронта, — уточнил я.

— Да, — кивнул Ян.

— Я знал его всю свою жизнь, — осторожно начал я, — Мне кажется, он испытал некоего рода нервное расстройство из-за смерти вашего брата; он всегда восхищался им. Но тем не менее это человек, вместе с которым я вырос, и этого человека нелегко заставить сделать что-либо, чего он делать не хочет. Пел отказывается помочь нам найти убийц; и вряд ли мы сможем заставить его говорить в течение шести часов, оставшихся до того, как ваши солдаты войдут в Бловен.

Я закончил. Ян спокойно сидел, глядя на меня, и ждал.

— Разве вы не понимаете? — воскликнул я. — Пел может нам помочь, но я не знаю, каким образом заставить его это сделать.

Ян продолжал молчать.

— Что вам от меня нужно? — Я с трудом сдерживал себя.

— Все, — ответил Ян, — что вы в состоянии мне дать.

На какое-то мгновение мне показалось, что в гранитной горе, которую он напоминал, возникла трещина. Какое-то мгновение, клянусь, я мог заглянуть ему в душу. Но если это и было так, трещина немедленно закрылась. Он, сидел — далекий и ледяной — за своим столом и ждал.

— Я ничего не могу вам сообщить, — сказал я, — если только вы не знаете какого-либо способа заставить Пела говорить.

— Я не знаю никакого способа, который был бы совместим с репутацией моего брата как дорсайского офицера, — словно издалека донеслись до меня слова Яна.

— Вас беспокоит репутация? — заорал я. — А люди в Бловене, которые могут погибнуть, если ваши солдаты придут сюда обыскивать все дома в поисках убийц. Что важнее, репутация мертвого человека или жизни живых?

— Люди — это ваше дело, комиссар, — холодно объяснил мне Ян, — профессиональная репутация Кенси Грэйма — мое.

— Что случится с этой репутацией, если войска войдут в Бловен меньше чем через шесть часов?

— Ничего хорошего, — ответил Ян. — Но это не снимает с меня ответственности. Я не могу сделать того, чего я не должен делать, и обязан делать то, что я должен делать.

Я встал.

— В таком случае из этой ситуации нет выхода, — подытожил я.

Внезапно на меня снова навалилась страшная усталость. Я устал от фанатиков-квакеров, которые явились из другой солнечной системы, чтобы предъявить чисто теоретические претензии на наши доходы и жизненное пространство в качестве оправдания для нападения на Сент-Мари. Я устал от Голубого

фронта и людей, подобных Пелу. Я устал от всевозможных гостей с других планет, включая экзотов и дорсайцев. Я устал, устал… Потом мне пришла в голову мысль, что я могу выйти из игры. Откажись я от принятия решения, которое, по утверждению Падмы, должен был принять, и все это дело перестало бы меня касаться. Следовало, разумеется, встать и уйти, но мои ноги не двинулись с места. Выбрав меня в качестве точки опоры, судьба ошиблась. Как и Ян, я не мог сделать того, чего я не должен был делать, и вынужден был делать то, что я должен был делать.

— Ладно, — вздохнул я, — Может быть, Падма сумеет помочь.

— Экзоты, — возразил Ян, — никого не принуждают, — Но он встал.

— Я попытаюсь уговорить его, — устало сказал я.

Я снова не имел никакого понятия о том, где искать Падму. Но Ян нашел его в небольшой нише среди стеллажей в библиотеке Бловена, которая, как и многие библиотеки на всех шестнадцати обитаемых планетах, обеспечивалась экзотами. Падма безмятежно сидел перед нами в своих голубых одеждах, с застывшим выражением лица. Я поделился с ним своими соображениями, но он покачал головой.

— Том, — сказал он, — вы должны были бы знать, что мы, экзоты, никогда никого ни к чему не принуждаем. Это было бы изменой нашим морально-этическим принципам. Вот почему мы нанимаем солдат, чтобы они сражались за нас, и сетанских юристов, чтобы они занимались нашими внеплановыми деловыми контрактами. Я — последний человек на этой планете, который заставит Пела говорить.

— Вы не чувствуете никакой ответственности за невинных людей в этом городе? — удивился я. — За жизни, которые будут потеряны, если он не заговорит?

— На эмоциональном уровне — да, — спокойно согласился Падма. — Но есть практические ограничения ответственности за личное невмешательство. Если бы я был озабочен любыми возможными последствиями моих действий, мне бы пришлось провести всю свою жизнь неподвижно, словно статуя. Я не был ответствен за смерть Кенси, и я не отвечаю за поиски его убийц.

— Вы знали Кенси, — сказал я, — Разве вы ничем ему не обязаны? И разве вы не обязаны ничем тому же народу Сент-Мари, на помощь которому послали войска?

— Мы сделали это, — ответил Падма, — лишь для того, чтобы избежать обязательств, которые могли бы заставить нас сделать то, чего мы не должны были делать. Нет, Том. У экзотов и у меня нет обязательств перед вашим народом и даже перед

Кенси.

— А перед дорсайцами? — спросил позади меня Ян.

Я почти забыл о его присутствии — настолько был поглощен разговором с Падмой. Конечно, я не ожидал, что Ян заговорит. Звук его низкого голоса прозвучал словно удар тяжелого колокола в небольшом помещении, и впервые выражение лица Падмы изменилось.

— Дорсайцы… — повторил он. — Да, наступает время, когда не будет ни экзотов, ни дорсайцев, когда будет достигнута окончательная цель. Но мы, экзоты, всегда считали нашу работу шагом к этой цели, и дорсайцы помогли нам сделать этот шаг. Возможно, если бы дела пошли иначе, дорсайцев могло бы вообще никогда не быть, а мы все еще были бы там, где мы сейчас. Но дела пошли так, как они идут, и наша нить жизни сплелась с нитью Дорсая с тех пор, как ваш дальний родственник Клетус Грэйем впервые освободил все Молодые миры от диктата Земли…

Он встал.

— Я никого не стану принуждать. Но я предложу Пелу свою помощь в примирении с самим собой, если он окажется на это способным; и тогда он, может быть, захочет добровольно рассказать вам то, что вы хотите знать.

Падма, Ян и я вернулись в полицейский участок, где я оставил запертых Моро и Пела. Мы выпустили Моро и остались вчетвером, включая Пела. Он сидел на стуле, глядя на нас, бледный, но спокойный и сосредоточенный.

— Значит, вы привели экзота, не так ли, Том? — обратился он ко мне. — Что сейчас будет? Нечто вроде гипноза?

— Нет, Пел, — мягко сказал Падма, направляясь большими шагами к нему, в то время как мы с Яном сели, ожидая дальнейшего развития событий. — Я не буду прибегать к гипнозу, тем более без вашего согласия.

— Что ж, будьте уверены, что вы его не получите! — воскликнул Пел.

Падма уже стоял рядом с ним. Пел взглянул на его спокойное лицо.

— Но, если хотите, попробуйте. Я не слишком легко поддаюсь гипнозу.

— Нет, — отрицательно покачал головой Падма. — Я уже сказал, что никого гипнотизировать не буду; но в любом случае ни вы, ни кто-либо другой не может быть подвергнут гипнозу без его согласия. Заключенный соглашается на неволю в принципе так же, как пациент соглашается на операцию, — разница лишь в степени и форме. Большая слепая масса, которой является

человечество, в сущности, напоминает амебу. Она живет по своим внутренним законам, которые согласуются с ее телом и ее действиями. Эти внутренние законы основаны на сознательном и бессознательном взаимном согласии ее атомов — нас самих — сотрудничать друг с другом. Мир и удовлетворение приходят к каждому из нас соответственно нашему успеху в этом сотрудничестве, в движении вперед человечества-существа как единого целого. Несогласие и отказ от сотрудничества работают против естества. Страдания и ненависть к самому себе являются следствием борьбы против нашего естественного желания сотрудничать…

Он продолжал говорить, мягко и убедительно, и я все понимал, но лишь эти первые несколько фраз четко отпечатались в моей памяти, а больше я не могу ничего вспомнить. Я до сих пор не знаю, что произошло. Возможно, я почти задремал, не отдавая себе в этом отчета. Так или иначе, время шло, и следующее, что я помню, — как он уходил.

— Я могу с вами еще поговорить? — спросил Пел, когда Падма поднялся, собираясь покинуть нас. Голос Пела изменился, он зазвучал ясно и молодо. — Я не имею в виду — сейчас. Я имею в виду — в другой раз?

— Боюсь, что нет, — ответил Падма. — Вскоре я должен буду покинуть Сент-Мари. Моя работа вынуждает меня вернуться на мою планету, а затем отправиться на один из Квакерских миров, чтобы кое с кем встретиться и закончить то, что было начато здесь. Но вам незачем больше говорить со мной. Во время нашей беседы вы обрели дар интуиции, и теперь вы вполне можете воспользоваться им. До свидания, Пел.

— До свидания, — произнес Пел, глядя вслед уходящему Падме. Когда он снова посмотрел на меня, я заметил, что его лицо, как и его голос, тоже стало более ясным и молодым. — Вы все слышали, Том?

— Думаю, да… хотя мои воспоминания начали уже ускользать. — Я чувствовал важность того, что Падма сказал Пелу, но был не в состоянии придать ему определенную форму, словно перехватил сообщение, посланное не мне, и потому мой разум уже начал его стирать из памяти. Я встал и подошел к Пелу. — Теперь вы поможете нам найти убийц?

— Да. Конечно.

Он дал нам перечень из пяти мест, где могли прятаться трое, за которыми мы охотились. Он также указал точное местоположение каждого из них.

— Нам нужны ваши охотничьи отряды, — обратился я к Яну, когда Пел закончил, — но ведь они отозваны.

— У нас есть Охотники, — ответил Ян, — Офицеры-дорсайцы все еще с нами; и среди них есть Охотники.

Он подошел к телефону на столе и позвонил Чарли ап Моргану, в штаб экспедиционных сил. Когда Чарли ответил, Ян сообщил ему пять адресов, которые дал нам Пел.

— А теперь, — сказал он нам, — возвращаемся в штаб.

— Я хочу с вами, — раздался тихий голос Пела. Ян долго смотрел на него, потом кивнул, не меняя выражения лица.

— Можете пойти с нами.

Офицеров в здании штаба, на мой взгляд, стало еще больше. Мы быстро прошли в кабинет Яна и сели, ожидая, когда начнут поступать сообщения. К нам присоединились Чарли ап Морган и еще один дорсайский старший офицер.

Первые три адреса, проверенные охотничьими отрядами, оказались ложными. Обследуя четвертый, обнаружили признаки чьего-то пребывания в течение последних суток, хотя сейчас там было пусто. Последний адрес также оказался ложным.

Я посмотрел на часы. Было около часа дня по местному времени; и шестичасовой срок, установленный солдатами, заканчивался через сорок семь минут. В кабинете повисло напряженное ожидание. Ян, Пел и двое других дорсайцев сидели неподвижно. Лишь я один нервничал и мерил шагами комнату.

На телефоне на столе Яна замигала сигнальная лампочка. Ян протянул руку и нажал кнопку.

— Да? — сказал он.

— Охотничий отряд номер три, — послышался голос из динамика. — Мы нашли четкий след и сейчас идем по нему. Предлагаем вам присоединиться, сэр.

— Спасибо. Мы идем, — отозвался Ян.

Мы отправились в путь — Ян, Чарли, Пел и я — в штабной машине по патрулируемым пустынным улицам к гостинице в северной части города, в самом старом его районе.

Здание было построено из литого цемента, выложенного кастелмейнским гранитом. Внутри — старомодно-узкие коридоры, темные толстые ковры и металлические стены, имитирующие дубовые панели. Однако звукоизоляция была хорошей. Мы поднялись на седьмой этаж и двинулись по коридору, не слыша никаких звуков, кроме тех, которые производили мы сами.

— Здесь, — наконец сказал командир охотничьего отряда, худой, угловатый дорсайский старший офицер лет пятидесяти. Он показал на дверь номера 415,— Все трое.

— Ян, — Чарли ап Морган поглядел на часы. — Солдаты начнут входить в город через шесть минут. Вы можете

отправиться им навстречу и сообщить, что мы нашли убийц. Остальные вместе со мной…

— Нет, — отказался Ян. — Сначала мы должны увидеть их и опознать, — Он подошел сбоку к двери и, протянув руку, коснулся кнопки переговорного устройства.

Ответа не последовало. Полуметровый экран над дверью оставался темным и пустым.

Ян снова нажал кнопку.

Мы снова подождали — результат был тот же.

Ян нажал кнопку и, не отпуская ее, заговорил. Его голос наверняка слышали те, кто находился внутри.

— Говорит командующий Ян Грэйм, — начал он. — Бловен находится сейчас на военном положении, и вы арестованы за соучастие в убийстве полевого командира Кенси Грэйма. Если возникнет необходимость, мы сломаем дверь. Однако мне хотелось бы, чтобы репутация моего брата была вне критики в отношении определения меры ответственности за его гибель. Так что я предлагаю вам выйти и сдаться.

Он отпустил кнопку и замолчал. Последовала долгая пауза. Затем из решетки переговорного устройства под экраном послышался голос — хотя сам экран оставался пустым.

— Идите к черту, Грэйм. Мы прикончили вашего брата, а если вы попытаетесь ворваться сюда, то же ожидает и вас.

— Мой вам совет, — голос Яна звучал холодно и безразлично, словно чем-то подобным он занимался каждый день, — сдаться.

— Вы гарантируете нашу безопасность, если мы это сделаем?

— Нет, — сказал Ян. — Я лишь гарантирую, что прослежу, чтобы репутация полевого командира Грэйма не пострадала бы от того, как с вами будут обращаться.

Ответа сразу не последовало. Позади Яна Чарли снова посмотрел на часы.

— Они тянут время. Но почему? Что это им даст?

— Это фанатики, — спокойно ответил Пел, — Они мало чем отличаются от солдат Квакерских миров. Эти трое не рассчитывают выйти отсюда живыми. Они лишь пытаются назначить более высокую цену за свою собственную смерть — получить что-то еще за то, что умрут.

Прозвучал сигнал часов Чарли ап Моргана.

— Время вышло, — произнес Чарли, — Солдаты сейчас уже в пригороде Бловена, чтобы начать свой поиск.

Ян протянул руку и снова нажал кнопку, обращаясь к находившимся внутри людям:

— Вы выходите?

— Зачем? — ответил тот же голос, что и в первый раз.

— Я войду и поговорю с вами, если вы хотите, — предложил Ян.

— Нет, — громко начал Пел. Я схватил его за руку, и он повернулся ко мне, шепча: — Том, скажите ему, чтобы он не ходил! Именно этого они хотят.

Я двинулся вперед, пока Чарли ап Морган не вытянул руку, останавливая меня.

— Ян, — обратился я к нему достаточно тихо, чтобы меня не было слышно через переговорное устройство, — Пел говорит…

— Может быть, это неплохая идея, — снова послышался голос из-за двери. — И верно, почему бы вам не войти, Грэйм? Оставьте оружие за дверью.

— Том, — приказал Ян, не глядя ни на меня, ни на Чарли ап Моргана, — Оставайтесь здесь. Держите его, Чарли.

— Да, сэр, — ответил Чарли. Он посмотрел мне прямо в глаза, — Оставайтесь здесь. Отойдите назад.

Ян шагнул вперед, остановившись прямо перед дверью. Он снял пистолет и бросил его на пол, в поле зрения экрана.

— Я безоружен.

— Без этой штуки — да, — сказал голос из-за двери, — А как насчет всего остального? Раздевайтесь.

Не колеблясь, Ян расстегнул китель и начал снимать одежду. Мгновение спустя он стоял в коридоре обнаженный; но если люди в номере думали таким образом унизить его, то они явно просчитались.

Обнаженный, он выглядел еще внушительнее, чем одетый. Ян возвышался над всеми нами, даже над другими дорсайцами. Загорелый дотемна, при свете ламп он казался массивной статуей, вырезанной из дуба.

— Я жду, — спокойно проговорил он.

— Хорошо, — сказал голос из-за двери. — Входите.

Ян двинулся вперед. Дверь перед ним отодвинулась в сторону. Он вошел, и дверь за ним закрылась. Какое-то мгновение из номера не доносилось ни звука; затем экран неожиданно осветился. Из-за обнаженных плеч Яна нам было видно помещение, в котором сидели лицом к нему трое вооруженных людей. Интересно, догадывались ли они о том, что он включил экран переговорного устройства, пульт управления которым находился у двери позади него?

Один из троих, сидевший в центре, рассмеялся. Лицо этого рослого чернобородого человека показалось мне знакомым, еще когда я рассматривал изображения предполагаемых убийц в кабинете Яна; и теперь я его окончательно узнал.

Профессиональный борец. Четыре года назад его привлекли к суду за изнасилование, но из-за отсутствия доказательств дело было прекращено. Это его голос мы слышали раньше, поскольку теперь он снова говорил: его губы шевелились на экране.

— Так-так, господин командующий. Это нам и требовалось — ваш визит. Теперь на нашем счету два дорсайских командира, прежде чем ваши солдаты унесут то, что от нас останется, в морг; и Сент-Мари увидит, что Голубой фронт может справиться даже с вами.

Нам не было видно лица Яна; но он ничего не говорил, и, видимо, отсутствие реакции с его стороны раздражало рослого убийцу, поскольку тот оставил дружелюбный тон и наклонился вперед в своем кресле.

— Вы что, не понимаете, Грэйм? Мы жили и умирали ради Голубого фронта, единственной политической партии, которая в силах спасти нашу планету. Мы уже мертвы, что бы мы ни делали. Вы думаете, мы этого не знаем? Вы думаете, мы не догадываемся, что случится с нами, если мы согласимся сдаться, как вы нам предлагаете? Ваши люди растерзают нас на части; и если после этого от нас что-то останется, ваши власти передадут нас суду и затем расстреляют. Мы позволили вам войти сюда лишь для того, чтобы прикончить вас точно так же, как и вашего брата, прежде чем прикончат нас самих. Вы поняли? Неужели вам до сих пор не ясно, что вы в ловушке?

— Я понял, — сказал Ян.

Рослый тип пристально посмотрел на него, и дуло его лучемета, который он держал в толстой руке, поднялось.

— Что вы имеете в виду? — спросил он. — Ничто уже не в состоянии спасти вас. Почему вы вошли сюда, зная, что вас ждет?

— Дорсайцы — профессиональные солдаты, — спокойно произнес голос Яна. — Всем известна наша репутация. Без нее никто из нас не заслуживал бы того, чтобы жить. А репутация Дорсая — это сумма репутаций отдельных мужчин и женщин. Так что репутация полевого командира Кенси Грэйма — ценность, которую следует беречь даже после его смерти. Именно поэтому я и пришел сюда.

Глаза рослого типа сузились. Все это время говорил только он, и два его компаньона, казалось, были удовлетворены подобным положением дел.

— Репутация стоит того, чтобы умереть за нее? — Он не мог скрыть своего удивления.

— Я был готов умереть за свою собственную в течение восемнадцати лет, — невозмутимо ответил Ян. — Сегодняшний день ничем не отличается от вчерашнего.

— И вы пришли сюда… — Рослый тип фыркнул. — Я этому не верю. Следите за ними, вы, двое!

— Можете верить или не верить, — продолжал Ян, — Как я только что сказал, я пришел сюда проследить, чтобы профессиональная репутация полевого командира Грэйма не была никем и ничем опорочена. Как вы могли бы заметить, — он слегка двинул головой, показывая на что-то, находившееся позади него и невидимое для нас, — я включил экран вашего переговорного устройства, так что снаружи видно, что здесь происходит.

Взгляд троих рванулся вверх, к экрану внутри номера, где-то над головой Яна. Последовало какое-то неясное движение, в воздухе мелькнуло загорелое тело Яна, что-то зазвенело, и экран снова погас.

Мы стояли в коридоре, глядя на пустой экран. Вдруг Пел двинулся к двери.

— Стой! — крикнул Чарли.

Пел вздрогнул, но остановился — и в этот момент дверь перед ними разлетелась в клочья от прогремевшего в комнате взрыва.

— Вперед! — Я бросился в открытый теперь проход.

Впечатление было такое, будто я нырнул в центрифугу, заполненную крутящимися в ней телами. У меня остались отрывочные впечатления о взрывах, огненных лучах, плясавших вокруг, и посреди всего этого — коричневый силуэт Яна, двигавшегося с решительностью и смертоносностью пантеры.

Потом все кончилось. Я пришел в себя и увидел троих убийц, неподвижно лежащих на полу. Один — со сломанной шеей. Рядом со стеной валялся второй, определенно мертвый, но без явных признаков каких-либо повреждений. У рослого типа, бывшего борца, правая сторона черепа была проломлена, словно дубиной.

Подняв глаза от трех тел, я обнаружил, что в комнате, кроме меня, никого нет. Я повернулся в сторону коридора и заметил там только Пела и Чарли. Яна и других дорсайцев уже не было.

— Где Ян? — Голос мой звучал хрипло, как у пьяного.

— Оставьте его в покое, — ответил Чарли, — Зачем он вам? Убийцы здесь; солдатам уже сообщили, и они прекратили свои поиски в Бловене. Что еще нужно?

Я собрался с мыслями и вспомнил, что я полицейский.

— Мне нужно точно знать, как все произошло, — заявил я. — Была ли это самооборона или…

Слова замерли у меня на языке. Разве можно обвинять голого человека в смерти троих вооруженных типов, которые угрожали его жизни?

— Нет, — сказал Чарли. — Это было совершено в период военного положения в Бловене. Вы получите рапорт от нашего командования о случившемся.

Напряжение, владевшее им до сих пор, казалось, несколько спало. Он слегка улыбнулся и стал больше напоминать дружелюбного офицера, каким я его знал до гибели Кенси.

— Но военное положение должно быть в ближайшее время отменено, — продолжил он. — Не следует ли вам вызвать сюда по телефону своих людей, чтобы все привести в порядок?

И он отошел в сторону, позволяя мне пройти.

Прошел еще один день, и тело Кенси было выставлено для всеобщего прощания в большом зале здания городского совета Бловена. Начиная с серого рассвета и в течение всего безоблачного дня солдаты в полевой форме, без оружия, шли и шли мимо гроба, и их поток казался бесконечным. Каждый слегка касался гроба кончиками пальцев, или произносил несколько слов, или и то и другое.

Граждане Бловена, несмотря на строгий запрет полиции, выстроились по обеим сторонам улицы, вдоль которой извивалась десятитысячная очередь солдат. Голубому фронту, таким образом, была предоставлена прекрасная возможность: всего одна брошенная граната и… Но ничего не случилось.

К тому времени когда наступил и миновал без каких-либо инцидентов полдень, я начал догадываться почему. В самом настроении толпы горожан было нечто такое, что делало невозможным любой террористический акт.

Казалось, некий трепет и жалость наполняют души жителей Бловена; тех самых людей, которые двадцать часов назад сидели по углам в своих домах, в страхе перед солдатами, что сейчас медленно двигались в сторону здания городского совета. Горожане стали другими. Их изменила смерть Кенси.

Затем произошло кое-что еще. Когда прошли последние солдаты, жители Бловена двинулись следом, продолжая очередь.

Была уже почти полночь, когда ушел последний из штатских, и гроб можно было перенести в помещение в штабе экспедиционных сил, откуда его отправят на Дорсай. Подобная доставка тела на родину случалась редко, даже если это касалось военных высокого ранга. Яна, когда придет его время, несомненно, похоронят в земле любой планеты, где ему доведется умереть. Только если он случайно окажется на родине, когда наступит его час, эта земля будет землей Дорсая. Но Кенси — это был Кенси.

— Вы знаете, что мне предложили? — спросил Моро, когда он, Пел и я, вместе с несколькими старшими офицерами

экспедиционных сил — среди которых был Чарли ап Морган, — стояли, глядя, как гроб с телом Кенси вносят в штаб. — Поставить ему памятник, здесь, в Бловене. Памятник Кенси.

Ни Пел, ни я не ответили. Солдаты поставили гроб, сняли прозрачную крышку и унесли ее. Тело Кенси лежало в одиночестве, ничем не прикрытое; его лицо выглядело спокойным и безмятежным. В комнату начали входить старшие офицеры, которых не было в очереди солдат, проходивших через зал. Один за другим они останавливались на секунду возле гроба, а затем выходили.

— Такого никогда не было у нас на Сент-Мари, — после долгого молчания произнес Пел. Он очень изменился с тех пор, как с ним поговорил Падма, — Лидер. Его любили и за ним следовали.

Он посмотрел на Чарли ап Моргана, который как раз выходил из комнаты.

— Вы, дорсайцы, изменили нас.

— В самом деле? — спросил Чарли, останавливаясь, — Что вы теперь думаете о Яне, Пел?

— Ян? — Пел нахмурился. — Мы говорили о Кенси. Ян просто… такой, каким и был всегда.

— Вы так ничего и не поняли, — произнес Чарли, обращаясь к нам.

— Ян — хороший человек, — ответил Пел. — Я с этим не спорю. Но такого, как Кенси, никогда не будет.

— То же самое можно сказать и о Яне, — обрезал Чарли. — Он и Кенси вдвоем составляли одну личность. Вот чего никто из вас так и не понял. Теперь половина Яна ушла — в могилу.

Пел медленно покачал головой, не соглашаясь.

— Извините, я не могу в это поверить. Я не могу поверить, что Ян когда-либо в ком-то нуждался — даже в Кенси. Да и после смерти Кенси он ничего не делал, кроме как сидел и без конца заявлял, что не станет рисковать репутацией Кенси — пока события не заставили его действовать. Так не ведет себя человек, который потерял свою лучшую половину.

— Я не сказал «лучшую половину», — возразил Чарли, — я только сказал «половину», и этого вполне достаточно. Остановитесь на мгновение и представьте, что это значит, когда у вас ампутировали половину: когда тот, кто был ближе всего к вам всю жизнь, оторван от вас с мясом, застрелен на улице горсткой фанатиков-революционеров, жителей планеты, которую вы пришли спасти. Что бы вы чувствовали в такой ситуации?

Пел слегка побледнел, пока Чарли говорил. Когда он ответил, в голосе его почти не ощущалось того нового оттенка, который он

приобрел после разговора с Падмой.

— Мне кажется… — очень медленно начал он и замолчал.

— Теперь вы начинаете понимать, как чувствует себя сейчас Ян. Предположим, вы чувствуете себя именно так, а прямо за городом стоят шесть батальонов вооруженных солдат, и они могут превратить этот город, где прячутся убийцы вашего брата, во второй Рошмон — по одному вашему слову. Как вы думаете, легко это или трудно — не произнести этого слова, которое даст им свободу действий?

— Это должно быть… — слова, казалось, приходилось вытягивать из Пела, — …трудно…

— Да, — мрачно согласился Чарли, — и для Яна это было трудно.

— Тогда почему он это сделал? — спросил Пел.

— Он сказал вам почему, — ответил Чарли, — Он хотел защитить репутацию своего погибшего брата, чтобы имя Кенси Грэйма так и осталось символом высочайшего военного руководства.

— Но Кенси погиб. Он не смог бы повредить своей собственной репутации!

— Могли его войска. Им было велено, чтобы кто-то заплатил за смерть Кенси. Они хотели поставить памятник Кенси, столь же долговечный, как Рошмон, что стал памятником Жаку Кретьену. Был лишь один способ их удовлетворить: Ян должен действовать сам — в качестве выразителя их воли — в отношении убийц. Поскольку никто не мог сомневаться в праве брата Кенси на это.

— Вы имеете в виду, что Ян сам убил этих людей, — сказал Моро, — Но он никак не мог знать, что окажется лицом к лицу…

Он замолчал, увидев легкую улыбку на лице Чарли.

— Ян был нашим стратегом, так же как Кенси — нашим тактиком. Вы думаете, стратег со способностями Яна не мог разработать план, в результате которого оказался бы один на один с убийцами, как только они были бы обнаружены?

— Что, если бы их не обнаружили? — спросил я. — Что, если бы я не узнал про Пела и Пел не сказал бы нам то, что ему известно?

Чарли покачал головой:

— Не знаю. Вероятно, Ян каким-то образом знал, что это должно сработать, — или он поступил бы иначе. По какой-то причине он рассчитывал на вашу помощь, Том.

— Мою? — удивился я. — Почему вы так думаете?

— Он сам мне сказал. — Чарли странно посмотрел на меня. — Вы знаете, многие считают, что поскольку они не понимают Яна, то он не понимает их. В действительности Ян

очень хорошо разбирается в людях. Думаю, он увидел в вас нечто, Том, на что он мог бы опереться. И он был прав, не так ли?

Я снова ощутил дуновение тех сил, о которых говорил Падма, охладивших и вдохновивших меня. Ян наверняка чувствовал то же самое — и понимал их лучше. Среди множества нитей, вплетенных в ткань событий, значение имела лишь одна, и это была нить, связывавшая меня и Яна.

— Он прошел в тот номер, где прятались убийцы, — продолжал Чарли, — и расправился с ними. В некотором смысле это послужило громоотводом для ярости солдат. Благодаря Яну они удовлетворили свою жажду мести, и с этого момента они были свободны. Свободны для того, чтобы оплакивать Кенси, что они и делают сегодня. Бловен спасен, и спасена репутация Дорсая. Так что удалось избежать противостояния экзотов и дорсайцев, с одной стороны, и Сент-Мари — с другой.

Он замолчал. Последний из старших офицеров прошел мимо нас, и гроб остался в одиночестве. Затем заговорил Пел.

— Мне очень жаль, но даже если то, что вы сказали, — правда, это лишь доказывает то, что я всегда говорил о Яне. У Кенси было чувств на двоих, а Ян вовсе лишен их. Он — лед и вода, без капли крови. У него не пошла бы кровь, даже если бы он и захотел. И не говорите мне, что любой человек, потрясенный гибелью брата-близнеца, может сидеть и составлять столь хладнокровный и действенный план.

— У людей не всегда идет кровь там, где ее можно увидеть, — произнес Чарли, повернув голову.

Мы посмотрели туда же, куда и он, и увидели высокую одинокую фигуру Яна. Он подошел к нам, коротко кивнул, затем направился к гробу.

Он не говорил с Кенси и не прикасался слегка к гробу, как делали солдаты, проходившие через зал. Вместо этого он обхватил своими руками — руками, убившими трех вооруженных людей, край фоба и взглянул в лицо своего мертвого брата.

Два одинаковых лица смотрели друг на друга — живое и мертвое. Ян стоял неподвижно, и при комнатном освещении казалось, что оба живы или оба мертвы, — столь мало они сейчас отличались друг от друга. Только глаза Кенси были закрыты, а Яна — открыты; Кенси спал, а Ян бодрствовал. И единство их обоих стало столь очевидным в этот миг, что у меня перехватило дыхание.

Минуту или две Ян стоял, не шевелясь. Лицо его не менялось. Потом он поднял глаза, отпустил гроб и обернулся. Медленно пройдя мимо нас, он направился к выходу, прижав руки к бокам и сжав кулаки.

— Всего хорошего, джентльмены, — донеслось до нас. Ян пошел дальше по коридору, пока не скрылся за поворотом.

Чарли оставил нас и тихо приблизился к гробу. Он мгновение постоял там, затем повернулся и подозвал нас.

— Как я вам говорил, — сказал Чарли Пелу, — у некоторых не идет кровь там, где ее можно увидеть.

Он отошел в сторону, и мы взглянули на гроб. На его краю было два места, за которые Ян держался руками, пока стоял, глядя на своего мертвого брата. Пустотелая металлическая стенка была смята и продавлена с силой, которую трудно даже себе представить. Ниже вмятин и там, где прижимался каждый палец, ткань была надорвана и запачкана темными пятнами крови.

Гордон

ДИКСОН

Gordon R. Dickson

ISBN 978-5-699-26394-8

ры фантастики шедевры фантастики шедевры фа

notes

Примечания

1

Анклав — территория, окруженная со всех сторон владениями другого государства. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Перевод С. Маршака.

3

Перевод О. Юрьева.

4

Перевод Н. Гнедича.

5

Перевод А. Дмитриева.

6

Желтая полоса (yellow streak) в английском языке является синонимом трусости, предательства, малодушия и т. п.